

3 3433 06989235 8

XIII.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

* 08
Storozhev

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- VIII. А. Бэнь. Психологія. Перев. В. Н. Иванова. 2 выпуска.
XI. Манъ-Мендрий и Снодрасъ. Физиологія органовъ чувствъ. Перев. Н. В. Гермоленко.
XII. Лейсисъ. Экономія торговли. Перев. Е. Е. Боданова, подъ редакціей проф. А. И. Чурова.
XVII. Гисли и Мартинъ. Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Перев. съ рисунками И. А. Петровскаго и П. П. Суржикова.
XVIII. Исторія римской республики по Момсену. Перев. Н. И. Шапошникова. 2 вып.
-

КОМИССІЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ, состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. З. въ Москвѣ.

Программы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса.

Изданіе четвертое, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи по организациі домашняго чтенія и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планъ систематическаго чтенія на четыре года. — Подробныя программы для 1-го года систематическаго чтенія:

I. Математика: 1) курсъ общеобразовательный (аналитическая геометрія), 2) курсъ спеціальный (элементарная математика). II. Науки физико-химическія: 1) физика (механическій отдѣлъ, ученіе о теплотѣ, звукѣ и свѣтѣ), 2) химія (введеніе и неорганическая химія). III. Науки биологическія (введеніе). IV. Науки философскія: Программа первая (психологія и логика). Программа вторая (логика). V. Науки общественно-юридическія: 1) исторія и строеніе общества, 2) политическая экономія. VI. Исторія: 1) первобытная культура, 2) древній Востокъ, 3) Греція, 4) Римъ VII. Исторія литературы: 1) греческой, 2) римской. Программы чтенія по этнографіи. Отдѣльныя темы.

Смысль книжныхъ магазиновъ и библиотекъ, вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами.

Цѣна 30 к., съ пересылкой — 40 к., наложеннымъ платежомъ — 57 к.

Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи по организациі домашняго чтенія и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планъ систематическаго чтенія на четыре года. — Подробныя программы для 2-го года систематическаго чтенія:

I. Математика: 1) курсъ общеобразовательный (дифференціальное и интегральное счисленіе), 2) курсъ спеціальный (аналитическая геометрія). II. Науки физико-химическія: 1) физика (ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ), 2) химія органическая, химія теоретическая и физическая. III. Науки биологиче-

сиа: 1) анатомія растений, 2) споровыя растения, 3) сравнительная анатомія животных, 4) гистологія и эмбриологія животных. IV. Науки философіи: программа первая (исторія философіи); программа вторая (психологія съ педагогкой). V. Науки общественно-юридическія: 1) общее ученіе о правѣ, 2) государственное право (общее западныхъ державъ и русское), 3) экономическая исторія Англии. VI. Исторія: 1) всеобщая (Средніе вѣка), 2) русская (до Смутаго времени). VII. Исторія литературы: 1) всеобщая литература (Средніе вѣка и эпоха Возрожденія), 2) русская литература (до XVII вѣка). Программа чтенія по этнографіи (нородческое населеніе Россіи). Отдѣльныя темы по биологическимъ наукамъ: 1) наблюденія надъ птицами, 2) наблюденія надъ крупными бабочками.

Цѣна 40 к., съ пересылкой — 58 к., наложеннымъ платежомъ — 75 к.

Программы домашняго чтенія на 3-й годъ систематическаго курса.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи по организаціи домашняго чтенія и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Подробныя программы для 3-го года систематическаго чтенія:

I. Математика: специальныя курсы (исчисленіе бесконечно малыхъ). II. Науки физико-химическія: 1) астрономія, 2) метеорологія и климатологія. III. Науки биологическія: 1) общая физиологія, 2) физиологія растений, 3) физиологія животных. IV. Науки философіи: программа первая (теорія познанія и метафизика); программа вторая (исторія древней и средневѣковой философіи). V. Науки общественно-юридическія: 1) экономическая исторія Россіи, 2) экономія сельскаго хозяйства, 3) экономія промышленности, 4) экономія торговли, 5) гражданское право, 6) уголовное право. VI. Исторія: 1) всеобщая исторія XVI, XVII и XVIII вв. Программа А (болѣе сложная); программа В (элементарная). 2) Русская исторія XVII и XVIII вв. VII. Исторія литературы: 1) всеобщая литература (испанская драма XVII и XVIII вв.; англійская литература XVII и XVIII вв.; итальянская литература XVII и XVIII вв.; вѣкъ ложнаго классицизма во Франціи; французская литература XVIII в.; нѣмецкая литература XVII и XVIII вв.); 2) русская литература XVIII в. Программа чтенія по этнографіи. Отдѣльныя темы по общественно-юридическимъ наукамъ.

Списокъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ, вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія читателей Комиссіи книгами.

Цѣна 50 к., съ пересылкой — 68 к., наложеннымъ платежомъ — 85 к.

Отчетъ Комиссіи домашняго чтенія за 1896 г. съ приложеніемъ статистическихъ матеріаловъ объ ея дѣятельности за 1895 и 1896 гг.

Цѣна 30 к., съ пересылкой — 48 к., налож. платежомъ — 53 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ въ конторѣ Комиссіи по организаціи домашняго чтенія: Москва, Никитская, д. Рихтера, кв. № 3.

омир

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

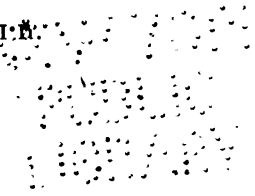
СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

изданный подъ редакціей

В. Ж. Сторожева.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

№ 1

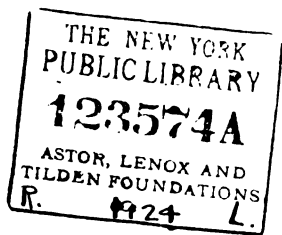

*Harvard Univ exchange
June 23, '25*

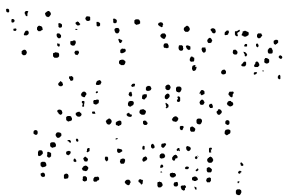
Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина.

МОСКВА. — 1898.

Дозволено цензурою. Москва, 5 мая 1898 г.

ОТЪ РЕДАКЦИИ «БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ САМО- ОБРАЗОВАНІЯ».

Въ послѣдніе годы въ русскомъ обществѣ замѣчается несомнѣнное усиленіе интереса къ самообразованію. Оживленіе издательской дѣятельности, устройство въ провинціи курсовъ и публичныхъ лекцій, появленіе въ Москвѣ и Петербургѣ кружковъ специалистовъ, ставящихъ своею задачей помощь самообразованію, — все это дѣлаетъ очевиднымъ, что потребность въ серьезномъ чтеніи сознается у насъ все болѣе и болѣе широкими общественными кругами. Къ сожалѣнію, популяризація знаній, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка, далеко не идетъ вровень съ этимъ быстрымъ усиленіемъ спроса на чтеніе со стороны жаждущей просвѣщенія публики. Оригинальныхъ популяризаторовъ у насъ еще слишкомъ мало, а выборъ переводныхъ произведеній далеко не всегда дѣлается лицами, которыя бы соединяли въ себѣ пониманіе потребностей современнаго русскаго читателя съ хорошимъ знаніемъ иностранной популярной литературы. Отъ этого на нашемъ книжномъ рынкѣ такъ часто появляются книги, нужныя только тѣмъ, кто могъ бы прочесть ихъ и въ иностранномъ подлинникѣ; и наоборотъ, многихъ книгъ, которыя были бы нужны всякому образованному человѣку, на русскомъ языкѣ не существуетъ. Въ результатѣ, одинаково страдаютъ

VIII

и интересы издателей, и интересы читающей публики. Не находя в современной популярной литературе того, что имъ нужно, тѣ и другіе прибѣгаютъ, наконецъ, къ помощи старыхъ любимцевъ русской интеллигенціи. Перепечатка въ послѣдніе годы многихъ изданій шестидесятыхъ годовъ, безспорно, свидѣтельствуетъ какъ объ увеличеніи запроса на самообразовательное чтеніе со стороны читателей, такъ и о недостаткѣ на русскомъ языкѣ произведеній новѣйшей популярной литературы, которыя могли бы удовлетворить этому запросу.

Въ самое послѣднее время, однако, въ издательское дѣло начинаетъ замѣтно проникать свѣжая струя. Старыя и вновь возникающія фирмы принимаются за изданіе цѣлаго ряда серій популярныхъ книгъ для чтенія и самообразованія. Къ этого рода серіямъ принадлежитъ и «Библіотека для самообразованія». Но среди другихъ подобныхъ изданій она предполагаетъ занять свое особое мѣсто, въ связи съ тою специальною цѣлью, которую она преслѣдуетъ. Эту цѣль, долженствующую сообщить всѣмъ томикамъ «Библіотеки для самообразованія» нѣкоторое внутреннее единство, редакція считаетъ нужнымъ особенно подчеркнуть.

«Библіотека для самообразованія» находится въ самой тѣсной связи съ московскою «Комиссіей по организаціи домашняго чтенія», начавшей свою дѣятельность при «Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній» въ 1895 г. Редакторы «Библіотеки для самообразованія» всѣ состоятъ членами Комиссіи и принимаютъ участіе въ руководствѣ домашнимъ чтеніемъ по различнымъ отдѣламъ издаваемыхъ Комиссіей систематическихъ программъ.

Составляя эти программы, Комиссія, какъ видно изъ ея проспекта, имѣла въ виду соединить общедоступность чтенія съ его серьезностью и основательностью. Съ этой цѣлью въ каждой программѣ указанъ тотъ *необходимый минимумъ* познаній, безъ усвоенія котораго нельзя ознакомиться съ соответствующимъ отдѣломъ науки сколько-нибудь основательно. *Всѣ* книги, необходимыя для приобрѣтенія такого минимума познаній, указаны *на русскомъ языкѣ*, и почти всѣ онѣ доставляются читателямъ Комиссіей на льготныхъ условіяхъ (см. Правила для сношенія съ Комиссіей, перепечатанныя въ концѣ настоящаго тома). Относительно способа усвоенія *необходимыхъ* пособій даны въ программахъ ближайшія указанія; по всѣмъ почти отдѣламъ къ программамъ присоединены провѣрочные вопросы. Всѣ указанія Комиссіи дѣлаются такъ, чтобы ими могли воспользоваться лица трехъ категорій: 1) лица, вовсе не имѣвшія возможности приобрѣсти правильнаго средняго образованія, но болѣе или менѣе привыкшія читать серьезныя книги популярно-научнаго содержания; 2) лица, окончившія курсъ средней школы, но не получившія высшаго образованія, и 3) лица окончившія высшую школу, которыя пожелали бы съ помощью Комиссіи оживить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или приобрѣсти новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ. При составленіи программъ, Комиссія имѣла въ виду нѣкоторый средний уровень читателей; этотъ средний уровень характеризуется въ глазахъ Комиссіи не столько количествомъ приобрѣтенныхъ свѣдѣній, сколько извѣстною привычкой къ серьезному чтенію. Умѣнье читать серьезную книгу есть необходимое условіе успѣш-

ности самообразования. Къ сожалѣнію, это умѣнье принадлежитъ къ числу навыковъ, которые трудно передать съ помощью однихъ письменныхъ сношеній. Комиссіи поневолѣ приходится предполагать, что у ея читателей этотъ навыкъ уже составленъ.

Содержаніе книжекъ, издаваемыхъ въ «Библіотекѣ для самообразования», находится въ прямой зависимости отъ намѣченныхъ Комиссіей цѣлей, какъ онѣ характеризованы въ приведенныхъ выдержкахъ изъ ея проспекта. Редакція «Библіотеки для самообразования» предполагаетъ вводить въ свою серію только такія книги, каждая изъ которыхъ давала бы необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія котораго нельзя ознакомиться съ соответствующимъ отдѣломъ науки сколько-нибудь основательно. Другими словами, «Библіотека для самообразования» будетъ состоять изъ ряда пособій, признанныхъ Комиссіей «необходимыми» для усвоенія ея систематическихъ программъ, но не существовавшихъ до сихъ поръ въ русской популярной литературѣ или же вышедшихъ изъ продажи, а также изданныхъ въ неудовлетворительномъ переводѣ. Съ подобными пробѣлами постоянно принуждена считаться всякая программа для самообразования; и чѣмъ она общѣе и энциклопедичнѣе, тѣмъ пробѣловъ оказывается больше, и тѣмъ необходимѣе становится создать литературу, специально приспособленную для самообразовательныхъ цѣлей, какъ ихъ ставитъ та или другая программа. Англійскія и американскія общества содѣйствія самообразованію уже стали на этотъ путь — созданія специально-приспособленныхъ къ программамъ пособій. Подобную же попытку предполагаютъ сдѣлать и редакторы «Библіотеки для

самообразования». Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ заграничной популярной литературѣ имѣются вполне подходящія сочиненія, редакція будетъ переводить ихъ или переиздавать уже переведенныя книги; если же подходящихъ пособій не имѣется, редакція будетъ издавать сборники, хрестоматіи, компіляціи или оригинальныя произведенія, приспособленныя къ программамъ Комиссіи. Такимъ образомъ, руководители «домашняго чтенія» и ихъ читатели не будутъ зависѣть отъ случайнаго наличнаго состава популярной литературы, имѣющейся на русскомъ языкѣ, а читающая публика вообще получитъ рядъ общедоступныхъ руководствъ по всѣмъ отраслямъ общеобразовательныхъ знаній.

Благодаря содѣйствію издательской фирмы Т-ва И. Д. Сытина, редакція имѣетъ возможность придать книжкамъ «Библіотеки для самообразования» внѣшній видъ, соответствующій европейскимъ изданіямъ этого рода, не поднимая въ то же время цѣны изданія выше обыкновенной. Небольшой форматъ и прочный переплетъ должны отвѣчать назначенію «Библіотеки для самообразования», цѣль которой — дать рядъ основныхъ пособій, предназначенныхъ для постояннаго употребленія.

ОТЪ РЕДАКТОРА СБОРНИКА «РУССКАЯ ИСТОРИЯ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО СМУТНАГО ВРЕМЕНИ».

Предлагаемый вниманію большой публики настоящей сборникъ статей по русской исторіи, подобно всѣмъ выпускамъ «Библіотеки для самообразованія», стоитъ въ извѣстной неразрывной связи съ программами домашняго чтенія на четыре года *) систематическаго курса, издаваемыми московскою Комиссіей по организаціи домашняго чтенія. Но въ общемъ предлагаемый сборникъ имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе, и самое появленіе его въ свѣтъ вызвано столько же потребностью въ матеріалѣ для домашняго самообразовательнаго чтенія по русской исторіи, сколько и необходимостью содѣйствовать болѣе успѣшной и нормальной постановкѣ дѣла преподаванія русской исторіи въ нашей школѣ, противодѣйствуя «одному особенно существенному недостатку современнаго преподаванія — его отрывочности и безсвязности». Если бы не «Очерки по исторіи русской культуры» профессора Софійскаго университета въ Болгаріи, П. Н. Милюкова, появившіеся за послѣднее время и сразу овладѣвшіе вниманіемъ русскаго читателя, для котораго общій ходъ русскаго историческаго процесса и

*) По отдѣлу исторіи систематическій курсъ рассчитанъ на пять лѣтъ.

научная формулировка его закономерности имѣютъ первостепенный интересъ и значеніе, — то русской исторіи совершенно пришлось бы отойти на задній планъ, ибо въ ея области не видно было до самыхъ послѣднихъ дней такихъ предпріятій, какими только что обогатилась научно-популярная и педагогическая литература по всеобщей исторіи: имѣю въ виду учебники по всеобщей исторіи профессора Московскаго университета, П. Г. Виноградова, курсъ по новой исторіи профессора С.-Петербургскаго университета, Н. И. Карѣва, и затѣмъ сборники хрестоматическаго характера, изданные — одинъ кружкомъ преподавателей исторіи подъ редакціей П. Г. Виноградова («Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ») и другой въ той же «Библиотекѣ для самообразованія» подъ редакціей профессора Варшавскаго университета, Д. М. Петрушевскаго, и Н. Н. Шамина («Исторія Греціи со времени Пелопонесской войны»).

Настоящій сборникъ статей по русской исторіи, который критикъ невольно придется сопоставить съ только что упомянутыми хрестоматіями по исторіи Эллады и Средневѣковья, долженъ такимъ образомъ восполнить коренной пробѣлъ въ нашей литературѣ и такъ или иначе положить первое начало для научнаго и систематическаго, болѣе или менѣе детальнаго и самостоятельнаго изученія отечественной исторіи въ нашемъ обществѣ.

Никто не станетъ отрицать, что знакомство съ отечественною исторіей должно быть особенно *серьезно* и *основательно* и менѣе всего основываться на общихъ фразахъ, не имѣющихъ подъ собой никакого реальнаго содержанія, либо исходящихъ къ

тому же изъ того, что можно подвести подъ понятие не-культурной традиціи, или, говоря проще, преднамѣреннаго историческаго невѣжества. Кто не знаетъ, къ какимъ крупнымъ искаженіямъ исторической дѣйствительности вели въ старой литературѣ постоянныя ссылки на такъ называемый «народный духъ» и на элементы случайнаго и сверхъестественнаго, и какъ разъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда писатель затруднялся дать вполне законмѣрное истолкованіе: возможность привлекать къ изслѣдованію все новые и новые первоисточники мало-по-малу вытравила изъ чисто научной литературы старый недостатокъ, но разъ усвоенныя въ массѣ фальшивыя представленія объ отечественномъ прошломъ все еще продолжаютъ жить и вносить въ текущую дѣйствительность не мало печальныхъ недоразумѣній. Реформировать эти представленія, устранить эти недоразумѣнія возможно лишь путемъ привлеченія нашего читателя къ серьезному и основательному ознакомленію съ русскою исторіей, сообщенія ему подходящаго матеріала для систематическаго чтенія. Матеріаль этотъ долженъ быть доступенъ, но отнюдь не поверхностенъ; надо, чтобъ читатель отвыкъ отъ вызубриванія готовыхъ положеній и невольнаго усвоенія навязанныхъ отжившею традиціей представленій. Если старая литература, обращаясь къ простому читателю и держа его на почвѣ внѣшнихъ событій, стремилась только къ тому, чтобы заставить этого безпомощнаго читателя повѣрить ей на слово, то новые научно-популярные опыты отказываются отъ этого элементарнаго навязыванія и хотятъ приучить читателя къ самостоятельной работѣ надъ историческимъ мате-

ріаломъ, къ сознательному усвоенію законмѣрности всякаго историческаго процесса, а въ томъ числѣ и русскаго.

Переворотъ идетъ дальше и глубже: измѣняется не только пріемъ ознакомленія съ извѣстнымъ предметомъ, но и самое содержаніе послѣдняго: прежде на первомъ планѣ являлись внѣшніе факты, событія, войны, полководцы, біографіи — вся, такъ сказать, наружная пѣна историческаго процесса, теперь читателя приглашаютъ войти въ его внутренность и, оставляя за внѣшнею исторіей только вспомогательную роль, центромъ изученія ставятъ быть: учрежденія, общественные классы, право, экономику и т. д., — словомъ, «культурную исторію» — терминъ, подъ которымъ скрывается самое широкое содержаніе, объемлющее *всѣ стороны* быта, начиная экономической и кончая религіозной.

Означенныя соображенія, слегка здѣсь намѣченныя, обусловили собой и все содержаніе настоящаго сборника статей по русской исторіи, составленнаго по опредѣленному плану и представляющаго изъ себя стройное цѣлое. Сборникъ имѣетъ въ виду довольно широкій кругъ читателей, начиная съ учащагося юношества и кончая категоріей лицъ, до нѣкоторой степени привыкшихъ къ самостоятельному чтенію и размышленію; въ его составѣ редація не намѣчаетъ ни трудныхъ, ни легкихъ статей — всѣ одинаково требуютъ изученія, и отъ читателя требуется терпѣніе одолѣть сборникъ съ начала до конца и обдумать прочитанное. Останавливаясь исключительно на основныхъ явленіяхъ внутренней исторической жизни, сборникъ совершенно игнорируетъ внѣшніе факты политической исторіи, которые предполагаются въ

общихъ чертахъ знакомыми; для лицъ же съ ними незнакомыхъ становится обязательнымъ параллельное чтеніе учебника русской исторіи Елпатыевскаго. Что касается непосредственнаго состава сборника, то, представляя изъ себя, какъ уже сказано, одно стройное цѣлое, онъ даетъ подборъ отрывковъ изъ научныхъ сочиненій и нѣкоторыхъ первоисточниковъ. Большинство отрывковъ изъ научныхъ сочиненій такъ или иначе приспособлено для цѣлей сборника, при чемъ въ двухъ случаяхъ пришлось дать въ *первомъ* выпускѣ самостоятельныя статьи: одну о «холопахъ» (стр. 403—420), составленную редакторомъ сборника, и другую объ «отраженіи экономическаго быта въ Русской Правдѣ» (стр. 518—528), написанную М. Н. Покровскимъ. Выдержки *) изъ первоисточниковъ даются въ подлинникѣ, слѣдуя прекрасному замѣчанію профессора В. И. Сергѣевича въ предисловіи къ первому тому его «Русскихъ Юридическихъ Древностей» (СПб. 1890, стр. V): «только чтеніе подлинныхъ памятниковъ можетъ дать живое пониманіе древности». Быть-можетъ, критикѣ придется указать, что по нѣкоторымъ темамъ слѣдовало бы написать для сборника самостоятельныя статьи и нѣсколько усилить количество выдержекъ изъ первоисточниковъ, а частью перераспредѣлить приведенныя выдержки.

Первый выпускъ сборника «Русская Исторія съ древнѣйшихъ временъ» посвященъ весь исторіи *Днипровской Руси*: эпохѣ очереднаго порядка княже-

*) По подлинникамъ же подправлялся текстъ выдержекъ изъ первоисточниковъ въ предложенныхъ сборникомъ отрывкахъ изъ научныхъ сочиненій.

скаго владѣнія, когда еще ничего не слышно объ удѣлѣ и, напротивъ, хорошо знакомо вѣче, когда городовыя волости сильно подчеркиваютъ свое торговое значеніе и русская земля составляетъ одно цѣлое во владѣніи цѣлаго княжескаго рода, представители котораго — подвижные владѣльцы — разсаживаются по волостямъ на основаніи родового и волостного старшинства; старѣйшій представитель рода садится въ старѣйшей по своему положенію и богатству волости, Кіевской. Днѣпровская Русь — древнѣйшій періодъ нашей исторіи, не хронологически только, но и реально очень далекій отъ послѣдующей исторіи собственно Россіи, выросшей изъ удѣльнаго княжества сѣверо-восточной Руси. Русь Днѣпровская и Русь Сѣверо-восточная — двѣ совершенно различныхъ историческихъ дѣйствительности; исторію той и другой создаютъ не одинаково два различныхъ отдѣла русской народности. «Можно сказать, — говоритъ одинъ изъ современныхъ писателей, — что русская народность, достигнувшая значительныхъ успѣховъ на югѣ, на сѣверѣ должна была начать всю историческую работу сначала». Какъ совершенно особый и законченный историческій процессъ, Днѣпровская Русь представляетъ по этому значительный интересъ для историческаго изученія. Въ сборникѣ это послѣднее намѣчено въ такомъ порядкѣ.

Первая часть подъ заголовкомъ *Начальный періодъ Исторіи Россіи* (стр. 1—314) состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: первый посвященъ «древнѣйшему общественному строю Россіи» (стр. 1—110), а второй — «развитію государственнаго строя Россіи» (стр. 111—314). Это особенно серьезные отдѣлы въ сборникѣ, надѣ

которыми читателю предстоит поработать очень много и упорно, но зато плодотворно во всѣхъ отношеніяхъ: придется не только выработать себѣ то или другое представленіе о предметѣ изученія, но и пройти хорошую школу опыта надъ серьезнымъ и основательнымъ чтеніемъ, и плоды этой школы для вдумчиваго и наклоннаго къ самостоятельному мышленію читателя не замедлятъ сказаться очень быстро. Ни по вопросу о древнѣйшемъ *общественномъ* строе, ни по вопросу о развитіи древнѣйшаго *юсударственнаю* строя Россіи въ наукѣ не пришли еще къ общепризнаннымъ выводамъ. Оба указанные сейчасъ отдѣла составлены поэтому изъ отрывковъ разнообразныхъ направленій ученой мысли: главнѣйшія теоріи и гипотезы представлены здѣсь въ характернѣйшихъ изложеніяхъ ихъ авторовъ; читателямъ надо уяснить сущность каждой изъ теорій, въ чемъ ихъ противоположность и сходство, какъ мало-помалу онѣ видоизмѣняются и комбинируются такъ, что для неопытнаго читателя нужна нѣкоторая работа, чтобы отвѣчать на вопросъ, да въ чемъ же остается еще разница между позднѣйшими комбинаціями главнѣйшихъ теорій и въ какихъ пунктахъ онѣ сходятся. Какъ въ самомъ дѣлѣ относится «искусственный родъ» А. Никитскаго къ «задружной общинѣ» Э. Леонтовича, признавали ли политической элементъ С. Соловьевъ въ своемъ «родѣ» и К. Аксаковъ въ своей «общинѣ» и признаютъ ли его въ своихъ новыхъ гипотетическихъ организаціяхъ тѣ же А. Никитскій и Э. Леонтовичъ, — или же по второму отдѣлу, — какъ «городовыя волости» В. Ключевскаго относятся къ «волостямъ» его предшественниковъ, каковъ кругъ явленій объясняемыхъ его

теоріей и теоріями послѣднихъ, какіе, наконецъ, изъ вопросовъ, поднятыхъ ранѣе, вовсе не затрогиваются теоріей В. Ключевскаго и почему: провѣряя себя, въ завершеніе чтенія первыхъ двухъ отдѣловъ сборника, подобными вопросами, читатель долженъ отчетливо уяснить себѣ, какія же представленія о древнѣйшемъ общественномъ и государственномъ строѣ Россіи могутъ считаться въ настоящее время болѣе или менѣе общепризнанными *).

Вторая часть подъ заголовкомъ *Южная Русь XI и XII вѣковъ* (стр. 315—658) состоитъ изъ трехъ отдѣловъ, изъ которыхъ одинъ **) трактуетъ «политическій и соціальный строй кievской Руси» (стр. 317—420), другой — «юридическій строй кievской Руси» (стр. 421—534) и, наконецъ, послѣдній — «культурный строй кievской Руси» (стр. 535—658). Только въ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ въ качествѣ статей подъ особыми нумерами помѣщены выдержки изъ первоисточниковъ. Въ четвертомъ отдѣлѣ со всѣми необходимыми поясненіями и частью съ приведеніемъ вариантовъ читатели найдутъ полный текстъ Русской Правды по троицкому списку (стр. 421—445). Такъ какъ изученіе этого памятника древнѣйшаго русскаго прошлаго является безусловной необходимостью и въ то же время сопряжено съ большими трудностями, то редакторъ сборника счелъ цѣлесообразнымъ включить въ сборникъ переводъ Русской Правды (стр. 446—470) на современный русскій языкъ, —

*) Читая первый отдѣлъ сборника статей по русской исторіи, необходимо ознакомиться съ превосходными статьями П. Милюкова, напечатанными въ «Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ» и процитованными ниже на стр. 96—97 въ примѣчаніи.

**) Здѣсь на стр. 344, стрк. 2 сн. вмѣсто викинга надо читать «визязя» и на стр. 345, стрк. 14 сн. вмѣсто послѣдніе — первые».

переводъ, который хотя и можетъ вызвать много замѣчаній по существу, тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія редактора, представляетъ собою крайне существенное облегченіе для читателя настоящаго сборника. Русская Правда — памятникъ, съ которымъ приходится знакомить учащихся еще въ средней школѣ, а между тѣмъ у насъ едва ли найдется достаточно преподавателей, которые рискнули бы на переводъ въ классѣ очень многихъ статей Правды *). Въ отдѣлѣ пятый полностью по тексту Лаврентьевскаго извода введено поученіе Владимира Мономаха его дѣтямъ вмѣстѣ съ двумя придатками къ нему: письма Владимира Мономаха къ Олегу Святославичу и какого-то молитвеннаго обращенія, приписываемаго первому. Патерикъ печерскій представленъ въ характернѣйшихъ отрывкахъ подлинникомъ и безъ перевода; чтеніе этихъ отрывковъ не представитъ большихъ затрудненій, и редакція не считала возможнымъ въ данномъ случаѣ загромождать еще изданіе переводомъ на современный русскій языкъ этихъ отрывковъ.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за обширнымъ введеніемъ теоретическаго характера, изъ котораго читатели вынесутъ извѣстное представленіе о взглядахъ, развивавшихся въ нашей литературѣ о древнѣйшемъ общественномъ и государственномъ строѣ Руси, предлагается знакомство со всѣми сторонами (политической, социальной, экономической, юридической и культурной) историческаго процесса въ Южной Руси, которому на Сѣверо-Востокѣ не су-

*) О варварскихъ правдахъ на западѣ читатели получаютъ свѣдѣнія изъ статьи М. Богословскаго, напечатанной въ первомъ выпускѣ «Книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ».

ждено было найти продолженія. Тамъ начался совершенно новый историческій процессъ, зародилась совершенно новая жизнь, начавшаяся съ самаго начала, и если мы видимъ, что на Сѣверо-Востокѣ культура гораздо несовершеннѣе, элементарнѣе, чѣмъ на Югѣ, то это отнюдь не есть показаніе какого-то регресса, какъ думали прежде, это не движеніе назадъ, а нѣчто новое; грубое сравненіе этого новаго съ кievскимъ прошлымъ свидѣтельствуетъ только о жестокой методической ошибкѣ, вскрытой окончательно не такъ давно и все еще не вычеркнутой изъ нашихъ учебниковъ, которые носятъ на себѣ всѣ архаическіе слѣды покинутого историческаго міровоззрѣнія. Этой новой жизни на Сѣверо-Востокѣ, эпохѣ удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія будетъ посвященъ второй выпускъ настоящаго сборника, появленіе котораго въ свѣтъ послѣдуетъ почти непосредственно вслѣдъ за первымъ. Не могу, въ заключеніе, не выразить самой глубокой благодарности профессорамъ и редакторамъ «Библиотеки для самообразованія», П. Г. Виноградову и П. Н. Милюкову, поддержкѣ и вниманію которыхъ сборникъ обязанъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ подѣ редакціей пишущаго настоящія строки.

Василій Сторожевъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Начальный периодъ истории Россіи.	1 — 314
ОТДѢЛЪ I. Древнѣйшій общественный строй Россіи.	1 — 110
I. «Государственная» теорія древняго быта (по <i>Ѳ. И. Леонтовичу</i>).	1 — 8
II. Теорія родового быта въ первоначальной формѣ (по <i>С. М. Соловьеву</i>).	9—21, 48—57
III. Теорія общиннаго быта въ первоначальной формѣ (по <i>К. С. Аксакову</i>).	22 — 47
IV. Теорія родового быта въ позднѣйшей переработкѣ (по <i>А. И. Никитскому</i>).	58 — 88
V. Теорія общиннаго быта въ позднѣйшей переработкѣ (по <i>Ѳ. И. Леонтовичу</i>).	89 — 110
ОТДѢЛЪ II. Развитие государственнаго строя Россіи.	111 — 314
VI. Государственная теорія	111 — 118
A. Родовая теорія междукняжескихъ отношеній (по <i>С. М. Соловьеву</i>).	111—118, 119—133, 159—163
B. Вотчинная теорія (по <i>К. Д. Кавелину</i>).	134 — 158
C. Частно-правовая теорія (по <i>Б. Н. Чичерину</i>	163 — 188
VII. Земская теорія (по <i>Н. И. Костомарову</i>)	189 — 215
VIII. Комбинированныя теоріи (по <i>В. И. Сергѣевичу</i> , <i>А. Д. Градовскому</i> и <i>В. О. Ключевскому</i>	216 — 251, 252—288, 289—314
II. Южная Русь XI—XII вв.	315 — 658
ОТДѢЛЪ III. Политическій и социальный строй кievской Руси.	315 — 420
IX. Политическое значеніе древнерусскаго города и князя въ связи съ заграничной торговлей	317 — 328
X. Кіевская городская община и ея вѣче (по <i>М. С. Грушевскому</i>)	329 — 343

	<i>Стр.</i>
XI Князь и дружина	344 — 376
А. Общая характеристика княжеской власти (по <i>В. И. Сертеевичу</i>).	344 — 362
В. Составъ и значеніе дружины: дружинники въ роли совѣтниковъ князя и представителей администраціи (по <i>В. О. Ключевскому</i>)	363 — 376
XII. Зависимое и несвободное населеніе	377 — 420
А. Смерды (по <i>В. И. Сертеевичу</i>)	378 — 385
В. Закупы (по <i>В. И. Сертеевичу</i>)	386 — 402
С. Холопы (по <i>В. И. Сторожеву</i>)	403 — 420
ОТДѢЛЪ IV. Юридическій строй кievской Руси.	421 — 534
XIII. Текстъ «Русской Правды» по Троицкому списку.	421 — 445
XIV. «Русская Правда» въ переводѣ	446 — 470
XV. Русская Правда, какъ юридическій сборникъ древней Руси (по <i>М. Ф. Владимірскому-Буданову</i> и <i>И. Л. Дювернуа</i>)	471 — 479
XVI. Судъ въ эпоху «Русской Правды» (по <i>И. Л. Дювернуа</i>)	480 — 505
XVII. Преступленіе и наказаніе по «Русской Правдѣ» (по <i>М. Ф. Владимірскому — Буданову</i>)	506 — 517
XVIII. Отраженіе экономическаго быта въ «Русской Правдѣ» (по <i>М. И. Покровскому</i>)	518 — 528
XIX. Внутренняя дѣятельность Владимира Мономаха (по <i>М. С. Грушевскому</i>).	529 — 534
ОТДѢЛЪ V. Культурный строй кievской Руси.	535 — 658
XX. Посланіе кievскаго митрополита Іоанна Второго	535 — 539
XXI. Патерикъ Печерскій	540 — 574
XXII. Общая характеристика Патерика Печерскаго (по <i>Е. Е. Голубинскому</i>)	575 — 583
XXIII. Поученіе дѣтямъ великаго князя кievскаго Владимира Всеволодовича Мономаха.	584 — 602
XXVI. Политическія темы древнерусской письменности въ связи съ церковными и политическими отношеніями къ Византіи (по <i>М. А. Дьяконову</i>).	603 — 638
XXV. О пространствѣ и значеніи церковнаго суда въ кievской Руси (по <i>Е. Е. Голубинскому</i>).	639 — 647
XXVI. Просвѣщеніе и грамотность въ кievской Руси (по <i>Е. Е. Голубинскому</i>)	648 — 658

•

I.

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОДЪ ИСТОРИИ РОССИИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ДРЕВНѢЙШІЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ РОССИИ.

I. „ГОСУДАРСТВЕННАЯ“ ТЕОРІЯ ДРЕВНЯГО БЫТА.

(*Ө. Н. Леонтовичъ*. «Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи». Ж. М. Н. Пр. 1874 г., №№ 6—8).

До 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія изслѣдователи наши держались почти одинаковыхъ воззрѣній и идеаловъ по вопросу о началахъ, опредѣлявшихъ сущность политическаго быта древней Россіи. Развѣтная первая нашими историками *государственная теорія* господствовала въ наукѣ до появленія знаменитаго ученія Соловьева о родовомъ бытѣ, начавшаго собою новую эпоху въ развитіи науки русской исторіи; но старая теорія и позднѣе не теряла кредита въ нашей литературѣ.

Татищевъ, *Шлецеръ* и другіе историки прежняго времени видѣли въ древней Руси *государство*, основанное иноплеменниками — варяжскими князьями съ дружиной. Впрочемъ, въ трудахъ этихъ историковъ мы еще не находимъ цѣльныхъ представленій объ общихъ законахъ, лежавшихъ въ основѣ всей общественной жизни русскаго народа. Мнѣнія, высказывавшіяся этими учеными по отдѣльнымъ вопросамъ, не имѣютъ характера строго-научныхъ теорій.

Первая попытка въ этомъ родѣ встрѣчается въ трудѣ *Н. М. Карамзина* (Исторія государства російскаго. С.-П.-Б. 1816). Онъ первый старался формулировать законченную теорію, уяснить если не общія начала, то, по крайней мѣрѣ, главныя явленія древне-русскаго политическаго быта. По мнѣнію нашего исторіографа, русская земля при первыхъ же князьяхъ является государствомъ, даже больше — монархіей. Славяне, побуждаемые внутренними распрями, добровольно уничтожаютъ свое народное правленіе и требуютъ государей отъ варяговъ, основываютъ государство, вводятъ у себя монархическую власть. Въ этой монархіи съ Рюрика же утверждается система феодальная, помѣстная или удѣльная, образовавшаяся въ силу обычая, общаго германскимъ народамъ и занесеннаго къ намъ варягами *). Народъ покорялся монархической власти князей, но сохранилъ нѣкоторыя обыкновенія вольности и въ дѣлахъ важныхъ сходился на общій совѣтъ (вѣче), бывший древнимъ обычаемъ и доказывавшій участіе гражданъ въ управленіи. Правленіе основывалось на двухъ уставахъ — самовласти и вольности. Князья единодержавные (первой эпохи — феодальной монархіи, существовавшей до Ярослава) повелѣвали народомъ, — народъ смиренно и безмолвно исполнялъ ихъ волю. Съ раздѣленіемъ государства (при Ярославѣ, преобразовавшемъ его въ удѣльную монархію) народъ, видя слабость князей, хотѣлъ быть сильнымъ, стѣснялъ предѣлы княжеской власти или противился ей дѣй-

*) Мысль о феодализмѣ на Руси впервые высказана *А. Л. Шлецеромъ* (въ его «Несторѣ» II, 7).

ствію. Но старый порядокъ (самовластія) не отмѣнялся окончательно: князья налагали дань, судили, наказывали и пр., хотя и народъ, пользуясь свободою вѣча, вмѣшивался въ дѣла и распоряженія князей, а иногда, какъ высшій законодатель, рѣшала судьбу государей.

Воззрѣнія Карамзина и Полевого *) находимъ затѣмъ у всѣхъ современныхъ историковъ. Всѣ имѣли передъ глазами монархію Рюрика, верховную неограниченную власть князей, разграниченіе двухъ политическихъ системъ — южнорусскихъ монархическихъ княжествъ и новгородской республики и пр. (стр. 203—205).

Итакъ,... формула государственной теоріи слѣдующая: славяне, сознавшіе необходимость «основанія государства», призвали въ половинѣ IX столѣтія князей, которые затѣмъ приняли надъ ними верховную власть, какъ государи надъ своими подданными, за исключеніемъ сѣверныхъ областей — Новгорода и Пскова, гдѣ развился другой порядокъ — народоправство, съ верховною властью народа или вѣча.

Прежде всего замѣтимъ, что призваніе князей «княжить и володѣть» еще не означало призванія принять верховную власть, управлять въ смыслѣ государственномъ. Путемъ призванія князей, безъ другихъ, болѣе важныхъ и существенныхъ условій, не создается еще государственная власть, не основывается государство. У славянъ, насколько вспомнить исторія, были постоянно въ общинахъ нарядники, постоянно призывались старшины, вла-

*) См. его «Исторію русскаго народа». М. 1830 — 1833. *Ред.*

дыки, жупаны и князья, которые также «володѣли», княжили, вели нарядъ «по праву». Даже больше: княжили и володѣли вожди кочевыхъ родовъ и племень; но едва ли можно сказать, что они княжили во имя высшей государственной идеи. Не нужно забывать, что фактъ призванія нарядниковъ самъ по себѣ, безъ другихъ условій, еще не много значить. Исторія нерѣдко представляетъ примѣры того, что государства создаются иногда безъ всякаго призванія князей, когда есть налицо другія обстоятельства, понуждающія народъ силою вещей къ созданію государственнаго быта. Съ другой стороны, несмотря на постоянные призывы княжить, тѣмъ не менѣе не возникаетъ государство; народъ продолжаетъ жить по-старому, дробясь на автономическіе союзы, безъ всякаго сознанія необходимости въ государственномъ единствѣ. Нельзя считать исторически вѣрнымъ мысль о томъ, что, призывая князей, славяне «отказались отъ всѣхъ притязаній на управленіе, предпочли *безопасное подданство* опасной свободѣ» (*Эверса*: «Предварит. критич. изслѣдованія», 51). Исторія, напротивъ, ясно свидѣтельствуетъ, что славяне вовсе не думали отказываться отъ своего внутренняго наряда и «опасной свободы». Борьба изъ-за вольностей и пошлинъ наполняетъ всю нашу исторію вплоть до московской эпохи, когда эта борьба въ корнѣ ослабила старую «волю» общинъ, и когда поэтому начала дѣйствительно крѣпнуть въ народномъ сознаніи мысль о государственномъ единствѣ, а съ нею — и мысль объ «основаніи» государства. Въ виду этого, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ историковъ о томъ, что славянамъ не было никакой надобности

призывать князей для внутренней управы и наряда, так какъ въ этомъ отношеніи на Руси были собственные посредники, изстари существовалъ прочный и сильный нарядъ, устройство, власть и управа, не нуждавшаяся въ помощи сторонняго посредника (*Лешикова*: «Общинный бытъ древней Россіи» — въ «Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.» т. ХСІ, стр. 148 и слѣд.). Въ князьяхъ, дѣйствительно, нуждались; но эта потребность вовсе не имѣла государственнаго характера, — коренилась вообще въ условіяхъ стараго общиннаго быта.

Историки Карамзинской эпохи видятъ въ первыхъ же Рюриковичахъ «государей-монарховъ», съ верховною властію надъ подданными, — возрѣніе, котораго держались и нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ. Страшная политическая сила и неограниченная власть князей видна, по словамъ одного изъ нихъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ Олега, Игоря и другихъ властелиновъ, дѣйствовавшихъ совершенно независимо отъ народа, какъ полные политическіе самовластцы относительно своего земства: «Обладатель множества народовъ, Олегъ, самовластно распоряжается и внутри своихъ владѣній: назначаетъ въ города своихъ мужей-посадниковъ, устанавливаетъ дани, заключаетъ договоры съ сосѣдними государетвами, надъ однимъ изъ городовъ произноситъ свое повелительное: «се буди мати градомъ русскимъ». Это ли не сильный князь? Возьмите послѣдующихъ князей: Владимира святого и Ярослава I. Одинъ задумалъ переимѣнить государственную религію, другой — формулировать обычные формы права въ положительный законъ — и «бысть тако» (см. «Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.» т. СХLVI,

стр. 100). Дѣло въ томъ, что страшная политическая сила князей сама по себѣ еще не служитъ доказательствомъ дѣйствительнаго значенія князей, какъ государей, представителей «государственной» власти. Политическимъ могуществомъ и силою, съ строгимъ военно-деспотическимъ характеромъ, владѣли и родовые вожди кочевниковъ; дикія орды связывались по преимуществу страшною политическою силою ихъ предводителей. Самая необузданность грубой, матеріальной силы, не умѣряемой никакимъ нравственнымъ началомъ, служить лучшимъ доказательствомъ отсутствія къ ней государственнаго элемента. Нужно знать, что въ условіяхъ стараго общиннаго быта заключались всевозможныя проявленія силы и власти, общиннаго наряда. Еще у древнихъ славянъ князь, который былъ «любъ» землѣ, жилъ съ нею въ «одиночествѣ», дѣйствительно пользовался неограниченною властію (см. *Бестужева-Рюмина*: Русск. Ист. I, 49); но эта власть была проявленіемъ политической силы и могущества не князя лично, а земли, которая его поддерживала и придавала ему, какъ своему вождю, страшную политическую силу и значеніе. Такъ нужно смотрѣть и на дѣйствія такихъ князей-властелиновъ, какъ Олегъ «вѣщій», Владимиръ «красное солнышко» или Мономахъ «добрый страдалецъ за русскую землю». Безъ поддержки и единенія съ землей князь въ старое время ничего не значилъ, — былъ такимъ же «изгоемъ», какъ и всякій членъ общины, лишившійся ея довѣрія, изгнанный ею изъ своей среды. Изгойство князей нисколько не мирится со взглядомъ на нихъ, какъ на представителей верховной власти. Кромѣ политической силы князей, исто-

рики обращаютъ вниманіе также на другую сторону вопроса — на молчаніе лѣтописей о вѣчахъ въ Кіевѣ и другихъ южнорусскихъ земляхъ, — и отсюда заключаютъ о томъ, что здѣсь вовсе не былъ развитъ вѣчевой бытъ. Но, по справедливому замѣчанію Костомарова (Начало единодерж. 21), лѣтописи, говоря по преимуществу о внѣшнихъ событіяхъ, выходящихъ изъ уровня обыденной жизни, не считали нужнымъ замѣчать такихъ незанимательныхъ для нихъ, простыхъ явленій, какъ сходбища людей на совѣщанія о своихъ дѣлахъ. Древнѣйшая Русская Правда такъ же скупа на извѣстія о вѣчахъ, какъ и о другихъ предметахъ, напримѣръ, хотъ о наслѣдованіи; но историкъ-юристъ не считаетъ себя въ правѣ заключать отсюда, что и въ жизни вовсе не было наслѣдственного права, — онъ ищетъ его въ обычномъ правѣ. Тамъ же слѣдуетъ искать и почву вѣчевого быта древнихъ русскихъ земель.

Ни старые князья, ни самыя волости и земли не сознавали государственной идеи, не имѣли мотивированнаго сознанія ни о государственномъ единствѣ народа, ни о верховномъ, правительственномъ назначеніи князя или вѣча, какъ представителей государственнаго порядка. Власть ихъ существовала и сознавалась не въ принципѣ, а въ практикѣ: безъ власти, наряда немислимо вѣдь какое общежитіе людей. Не было сознанія о свойствахъ власти; она принадлежала князю или вѣчу не въ силу сувереннаго права, признаемаго лично (монархія) или коллективно (республика), но просто потому, что кто-нибудь да долженъ вести нарядъ, не выходя только изъ сферы обычаевъ предковъ, установив-

шихся съ незапамятныхъ временъ. Государственное сознание было совершенно немислимо у русскихъ славянъ эпохи Рюриковичей, какъ ихъ рисуютъ лѣтописи и другіе несомнѣнные историческіе источники. Предъ византійскимъ императоромъ, окруженнымъ всѣми атрибутами верховной власти, былъ почти ничто Святославъ, русскій князь, суровый дружинникъ-колонизаторъ, привыкшій проводить ночи подъ открытымъ небомъ, на конскомъ потникѣ, да ходить «въ путь» для сбора дани и добычи. Предъ этимъ княземъ греки могли смиряться, но такъ, какъ смирялись предъ всякою необузданною силою природы...

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что политическій бытъ древней Россіи начался не съ государства, какъ полагалъ Карамзинъ и его современники, но, какъ и у другихъ народовъ, — съ родовой или общинной формы жизни. Въ пользу рѣшенія вопроса въ смыслѣ первой проблемы говорить теорія Соловьева; въ пользу второй — теорія славянофиловъ (стр. 194—199).

II. ТЕОРІЯ РОДОВОГО БЫТА ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ФОРМѢ.

(С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ вѣремѣнь».
Т. I. М. 1851).

Что касается быта славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ о немъ слѣдующее извѣстіе: «каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ». Мы теперь почти потеряли значеніе рода, у насъ остались производныя слова — родня, родство, родственникъ; мы имѣемъ ограниченное понятіе семьи, но предки наши не знали семьи *), они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ; родъ означалъ и совокупность родственниковъ и каждого изъ нихъ; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой и потому

*) Семья (отъ со-ймаю) означала первоначально жену, *супругу* (со-прягаю, со-ймаю), потомъ уже стала означать и происшедшихъ отъ супружества, живущихъ вмѣстѣ; жены въ письмахъ къ мужьямъ обыкновенно подписывались: *семьница* твоя такая-то; *семьянитися* значило *соединяться*; въ крестоприводныхъ грамотахъ налагалась обязанность не семьянитися ни съ кѣмъ на государя. — По Аксакову «название жены *семьницею* есть не уменьшительная, а личная форма» (*семьянинъ, семьница*).

употребляли слово родъ также въ смыслѣ соотечественника, въ смыслѣ народа; для означенія родовыхъ линій употреблялось слово *племя*. Единство рода, связь племенъ поддерживались единымъ родоначальникомъ; эти родоначальники носили разные названія—старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей и проч.; послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ употребленіи у славянъ русскихъ, и, по словопроизводству, имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства *). Существуютъ различные взгляды на родовой бытъ: одни представляютъ его въ идиллическомъ видѣ, предполагаютъ въ немъ исключительное господство нѣжныхъ, родственныхъ отношеній; другіе, напротивъ, смотрятъ на него съ противоположной стороны, предполагаютъ суровость отношеній между отцомъ и дѣтьми, между родоначальникомъ и родичами, подавленіе родственниковъ отно-

*) К. Аксаковъ пишетъ по поводу этого мѣста: «Въ словахъ автора есть или противорѣчіе или неясность. Сказавъ, что предки наши *не знали* семьи, что родъ есть совокупность и близкихъ и дальнихъ степеней родства (опредѣленіе довольно ясное), авторъ потомъ ставитъ рядомъ старшаго въ родѣ, родоначальника, *отца семейства*», — какъ будто это одно и то же! Отецъ семейства еще не былъ родоначальникомъ: если же бы каждый отецъ семейства былъ родоначальникомъ, то родъ не могъ бы состоять изъ дальнихъ и близкихъ степеней родства (при чемъ могло бы быть и много отцовъ семействъ) и не переходилъ бы предѣлы обыкновенной семьи. Итакъ, принимая вышеприведенное опредѣленіе Соловьева, мы должны сказать, что родоначальникъ не то, что отецъ семейства, значеніе котораго много ослабѣваетъ при родовомъ бытѣ» (стр. 68). См. далѣе третью рубрику (стр. 22—47). Насколько Соловьевъ согласенъ былъ съ возраженіями Аксакова, видно изъ позднѣйшаго примѣчанія его къ приведенному здѣсь отрывку изъ *Исторіи Россіи*; это примѣчаніе читатель найдетъ далѣе, послѣ изложенія статьи К. Аксакова, на стр. 48 и сл.

шеній правительственными, при чемъ приводять въ примѣръ семью римскую и германскую, гдѣ отецъ имѣлъ право осуждать своихъ дѣтей на рабство и смерть. Мы замѣтимъ, что нельзя представлять себѣ родового быта идиллически; нельзя забывать о первобытномъ младенческомъ состояніи народа, котораго движенія, страсти мало чѣмъ обуздываются; не надобно забывать, что и у просвѣщенныхъ народовъ родственныя отношенія не исключаютъ вражды; что вражда между родичами считается самою сильною, что родовой бытъ, по самому существу своему, условливаетъ неопредѣленность, случайности. Но съ другой стороны, мы не можемъ вполне раздѣлять и противоположнаго взгляда: правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти, но не знаемъ, въ правѣ ли мы будемъ допустить совершенное подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, особенно при отсутствіи всякихъ опредѣленій; не имѣемъ ли мы права предположить, что родственныя отношенія, въ свою очередь, смягчали отношенія правительственныя? Какимъ образомъ осудить ихъ на совершенное бездѣйствіе даже въ быту самомъ грубомъ? Владимиръ имѣетъ право казнить жену, замышлявшую преступленіе, и хочетъ воспользоваться своимъ правомъ; но входитъ малютка-сынъ — и мечъ выпадаетъ изъ рукъ отцовскихъ. Здѣсь главный вопросъ не въ томъ, подавлялись ли родственныя отношенія правительственными, но въ томъ, какъ выражались самыя родственныя отношенія. Мы не должны только по своимъ христіанскимъ понятіямъ судить о поступкахъ языческихъ грубыхъ народовъ. Такъ, на примѣръ,

отецъ въ семьѣ германской и литовской осуждалъ на гибель новорожденныхъ дѣтей своихъ, если семья была уже многочисленна или если новорожденные были слабы, увѣчны; но такое поведеніе отцовъ, приводящее насъ въ ужасъ, проистекало у язычниковъ изъ грубыхъ понятій о родственномъ состраданіи, а не изъ понятій о деспотической власти отца надъ дѣтьми; язычники смотрѣли на жизнь человѣка съ чисто матеріальной стороны; при господствѣ физической силы человѣкъ слабый былъ существомъ самымъ несчастнымъ, и отнять жизнь у такого существа считалось подвигомъ состраданія. Доказательствомъ тому служить обязанность дѣтей у германцевъ и литовцевъ убивать своихъ престарѣлыхъ, лишенныхъ силъ родителей. Эти обычаи велись преимущественно у племенъ воинственныхъ, которыя не терпѣли среди себя людей лишнихъ, слабыхъ и увѣчныхъ, не могшихъ оказывать помощи на войнѣ, защищать родичей, мстить за ихъ обиды; у племенъ, жившихъ въ странѣ скудной, стремленіе предохранить отъ голодной смерти взрослыхъ заставляло жертвовать младенцами. Но у народа, относительно болѣе мирнаго, земледѣльческаго, живущаго въ странѣ обильной, мы не встрѣтимъ подобныхъ обычаевъ; такъ не встрѣчаемъ ихъ у нашихъ восточныхъ славянъ: лѣтописецъ, говоря о черной сторонѣ языческаго быта послѣднихъ, не упоминаетъ объ означенныхъ обычаяхъ. Даже у славянъ померанскихъ, которые по воинственному характеру своему и по сосѣдству съ племенами германскими и литовскими являются болѣе похожими на послѣднихъ, даже и у этихъ славянъ съ престарѣлыми и слабыми родителями и родствен-

никами обходились совершенно иначе, чѣмъ у германцевъ и литовцевъ. Вообще же должно остерегаться дѣлать точныя опредѣленія первоначальному родовому обществу въ томъ или другомъ смыслѣ.

Отношенія родоначальника къ родичамъ понятны, когда родъ состоитъ изъ однихъ нисходящихъ; но когда отецъ, дѣдъ или прадѣдъ умираетъ, то какимъ образомъ поддержится единство рода? Оно поддерживалось возстановленіемъ отеческой власти: одинъ изъ старшихъ родичей занималъ отцовское мѣсто. Старинная чешская пѣсня*) говоритъ: «Когда умретъ глава рода, то всѣ дѣти сообща владѣютъ имѣніемъ, выбравши себѣ изъ рода своего владыку». Такъ теперь у южныхъ славянъ, удержавшихъ черты древняго быта, часто деревня состоитъ изъ одного рода, который управляется самимъ собою и сообщается съ высшими властями страны посредствомъ своего главы, *старшины*. Этотъ старшина не всегда бываетъ физически старшимъ въ родѣ: онъ избирается въ свою должность собраніемъ всѣхъ родичей, которые торжественно сажаютъ его на первое мѣсто подъ иконы, откуда и въ нашей древней исторіи сохранился обрядъ и выраженіе *посадить князя*. Избранный старшина управляетъ всѣми работами, хранитъ общественную казну, вноситъ подати, раздаетъ своимъ дѣтямъ и братьямъ пищу и одежду, наказываетъ ихъ за проступки; въ большіе праздники онъ напоминаетъ о древнемъ значеніи владыки рода, какъ жреца, потому что, окруженный

*) Соловьевъ ссылается здѣсь на Краледворскую рукопись, подложность которой въ настоящее время уже не подлежитъ сомнѣнію. Ред.

всѣми родичами, кадить иконы. Послѣдующая исторія Рюрикова княжескаго рода показываетъ, что и въ бытѣ нашихъ восточныхъ славянъ имѣли мѣсто тѣ же самыя явленія: старшій братъ обыкновенно заступалъ мѣсто отца для младшихъ. Къ старшинству послѣдняго родичи привыкали еще при жизни отца: обыкновенно въ семьѣ старшій сынъ имѣетъ первое мѣсто по отцѣ, пользуется большею довѣренностью послѣдняго, является главнымъ исполнителемъ его воли; въ глубокой старости отца заступаетъ совершенно его мѣсто въ управленіи семейными дѣлами; отецъ при смерти обыкновенно благословляетъ его на старшинство послѣ себя, ему поручаетъ семью.

Такимъ образомъ по смерти отца старшій братъ естественно наследуетъ старшинство, — становится въ отца мѣсто для младшихъ. Младшіе братья ничего не теряли съ этою переменною: старшій имѣлъ обязанность блюсти выгоды рода, думать и гадать объ этомъ, имѣть всѣхъ родичей какъ душу; права его состояли въ уваженіи, которое оказывали ему какъ старшему; къ нему относились во всѣхъ дѣлахъ, касающихся рода; безъ его вѣдома и согласія ничего не дѣлалось: онъ былъ распорядителемъ занятій, раздавателемъ пищи и одежды, онъ судилъ и наказывалъ... Но всѣ эти распоряженія получали силу только при общемъ согласіи, когда всѣ видѣли, что старшій поступаетъ съ ними какъ отецъ, наблюдаетъ строгую справедливость; власть, сила старшаго основывалась на согласіи младшихъ; это согласіе было для старшаго единственнымъ средствомъ къ дѣятельности, къ обнаруженію своей власти, вслѣдствіе чего младшіе были совершенно обез-

печены отъ насилій старшаго, могущаго дѣйствовать только черезъ нихъ. Но легко понять, какія слѣдствія могла имѣть такая неопредѣленность правъ и отношеній. Невозможно, чтобы младшіе постоянно согласно смотрѣли на дѣйствія старшаго; каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣлъ возможность возстать противъ этого рѣшенія. Онъ уважалъ старшаго брата какъ отца; но когда этотъ старшій братъ, по его мнѣнію, поступалъ съ нимъ не какъ братъ, не какъ отецъ, не по-родственному, но какъ чужой, даже какъ врагъ, то этимъ самымъ родственныи союзъ, родственныя отношенія между ними рушились, — рушились вмѣстѣ всѣ права и обязанности, ничѣмъ другимъ не опредѣленныя. Если большинство братьевъ принимало сторону старшаго противъ младшаго, то, разумѣется, послѣдній долженъ былъ или покориться общей волѣ или выйти изъ рода. Но могло очень случиться, что сторону младшаго принимали другіе братья, — отсюда усобицы и распаденіе рода. Если же всѣ младшіе принимали сторону одного изъ своихъ противъ старшаго, то послѣдній долженъ былъ или исполнить общую волю или выйти изъ рода, который избиралъ другого старшаго. Такіе случаи могли быть нерѣдки, какъ видно изъ послѣдующей исторіи Рюрикова княжескаго рода. Изъ этой исторіи мы знаемъ также, какимъ исключеніямъ подвергался обычай давать княженія всегда старшему въ родѣ; знаемъ, какъ терялись права на старшинство вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, когда, напр., личному достоинству младшаго отдавалось преимущество предъ правомъ старшаго. Могло случиться, что

самъ отецъ при жизни своей, будучи недоволенъ поведеніемъ старшаго, отнималъ у него значеніе старшинства, которое передавалъ младшему. Случаи исключенія изъ старшинства, борьба за него должны были происходить чаще, когда родъ дробился все болѣе и болѣе, *племена* (линіи) расходились, и родственная связь ослабѣвала; отсюда необходимо простекала вражда, усобица между членами рода и линиями, отъ нихъ происходившими. Такая внутренняя вражда должна была оканчиваться отторженіемъ нѣкоторыхъ линій отъ общей родовой связи и выселеніемъ ихъ на другія мѣста. Но такъ какъ причиною выселеній была вражда, то ясно, что выселившіяся линіи, образовавшись въ особые роды, не могли жить въ дружественныхъ отношеніяхъ съ прежними родичами.

Обширность и дѣвственность населенной восточными славянами страны давали родичамъ возможность выселяться при первомъ новомъ неудовольствіи, что, разумѣется, должно было ослаблять усобицы: мѣста было много, — за него, по крайней мѣрѣ, не нужно было ссориться. Но могло случаться, что особенныя удобства мѣстности привязывали къ ней родичей и не позволяли имъ такъ легко выселяться; это особенно могло случаться въ городахъ, мѣстахъ выбранныхъ родомъ по особенному удобству и огороженныхъ, укрѣпленныхъ общими усиліями родичей и цѣлыхъ поколѣній, — слѣдовательно, въ городахъ усобицы должны были быть сильнѣе. О городской жизни восточныхъ славянъ изъ словъ лѣтописца можно заключать только то, что эти огороженные мѣста были обиталищемъ одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ. Кіевъ, по лѣтописцу,

былъ жилищемъ рода. При описаніи междоусобій, предшествовавшихъ призванію князей, лѣтописецъ говоритъ, что всталъ родъ на родъ; изъ этого ясно видно, какъ развито было общественное устройство, — видно, что до призванія князей оно не переходило еще родовой грани. Первымъ признакомъ общенія между отдѣльными родами, живущими вмѣстѣ, должны были быть общіе сходки, совѣты, вѣча; но на этихъ сходкахъ мы видимъ и послѣ однихъ старцевъ, у которыхъ все значеніе; что эти вѣча — сходки старшинъ, родоначальниковъ — не могли удовлетворить возникшей общественной потребности — потребности наряда, не могли создать связи между соприкоснувшимися родами, дать имъ единство, ослабить родовую особность, родовой эгоизмъ, — доказательствомъ служатъ усобицы родовыя, кончившіяся призваніемъ князей. Несмотря на то, первоначальный славянскій городъ имѣетъ важное историческое значеніе: городовая жизнь, какъ жизнь вмѣстѣ, была гораздо выше разрозненной жизни родовъ на особыхъ мѣстахъ; въ городахъ болѣе частыя столкновенія, болѣе частыя усобицы должны были скорѣе повести къ сознанію о необходимости наряда, правительственнаго начала. Остается вопросъ: какое отношеніе было между этими городами и народонаселеніемъ, внѣ ихъ живущимъ, — было ли это народонаселеніе независимо отъ города или подчинено ему? Естественно предположить городъ первымъ пребываніемъ поселенцевъ, откуда народонаселеніе распространялось по всей странѣ: родъ являлся въ новой странѣ, селился въ удобномъ мѣстѣ, огораживался для большій безопасности и потомъ уже, вслѣдствіе размноженія своихъ чле-

новъ, наполнялъ и всю окрестную страну. Если предположить выселеніе изъ городовъ младшихъ членовъ рода или родовъ, тамъ живущихъ, то необходимо предположить связь и подчиненіе, разумѣется, родовое, младшихъ старшимъ. Ясные слѣды этого подчиненія мы видимъ позднѣе въ отношеніяхъ новыхъ городовъ или пригородовъ къ городамъ старымъ, откуда они получили народонаселеніе. Но, кромѣ этихъ родовыхъ отношеній, связь и подчиненность сельскаго народонаселенія городскому могли скрѣпляться и по другимъ причинамъ: сельское народонаселеніе было разбросано, городское совокуплено, и потому послѣднее имѣло всегда возможность обнаруживать свое вліяніе надъ первымъ; въ случаѣ опасности сельское народонаселеніе могло находить защиту въ городѣ, необходимо примыкало къ послѣднему и по этому уже самому не могло сохранить равнаго съ нимъ положенія. На такое отношеніе городовъ къ окружному народонаселенію находимъ указанія въ лѣтописи: такъ говорится, что родъ основателей Кіева держалъ княженіе среди полянъ. Но, съ другой стороны, мы не можемъ предполагать большой точности, опредѣленности въ этихъ отношеніяхъ, ибо и послѣ, въ историческое время отношеніе пригородовъ къ старшему городу не отличалось опредѣленностью, и потому, говоря о подчиненіи сельъ городамъ, о связи родовъ между собою, зависимости ихъ отъ одного центра,—мы должны строго различать эту подчиненность, связь, зависимость въ дорюриковское время отъ подчиненности, связи и зависимости, начавшихъ утверждаться мало-по-малу послѣ призванія князей варяжскихъ. Если сельчане считали себя *младшими*

относительно горожанъ, то легко понять, въ какой степени признавали они себя зависимыми отъ послѣднихъ, какое значеніе имѣлъ для нихъ старшина городской. Городовъ, какъ видно, было немного: знаемъ, что славяне любили жить разсѣянно, по родамъ, которымъ лѣса и болота служили вмѣсто городовъ. На всемъ пути изъ Новгорода до Кіева, по теченію большой рѣки, Олегъ нашелъ только два города — Смоленскъ и Любечъ. У древлянъ упоминаются города и кромѣ Коростеня; на югѣ должно было находиться больше городовъ: здѣсь болѣе было нужды въ защитѣ отъ нашествія дикихъ ордъ, да и потому, что мѣсто было открытѣе. У тиверцевъ и угличей были города, сохранившіеся и во времена лѣтописца; въ средней полосѣ — у дреговичей, радимичей и вятичей — не встрѣчается упоминенія о городахъ.

Кромѣ преимуществъ, которыя городъ (т. е. огороженное мѣсто, въ стѣнахъ котораго живетъ одинъ многочисленный или нѣсколько отдѣльныхъ родовъ) могъ имѣть надъ окружнымъ разсѣяннымъ народонаселеніемъ, могло, разумѣется, случаться, что одинъ родъ, сильнѣйшій матеріальными средствами, получалъ преимущество передъ другими родами; что князь, начальникъ одного рода, по своимъ личнымъ качествамъ получалъ верхъ надъ князьями другихъ родовъ. Такъ у южныхъ славянъ, о которыхъ византійцы говорятъ, что у нихъ много князьковъ и нѣтъ единаго государя, иногда являются князья, которые по своимъ личнымъ достоинствамъ выдаются впередъ, какъ, напр., знаменитый Лавритасъ. Такъ и у насъ, въ извѣстномъ разсказѣ объ Ольгиной мести, у древлянъ сначала на пер-

вомъ планѣ является князь Мала; но замѣтимъ, что здѣсь нельзя еще принимать Мала непременно княземъ всей древлянской земли: можно принимать, что онъ былъ князь коростенскій только. Что въ убіеніи Игоря участвовали одни коростенцы подъ преимущественнымъ вліаніемъ Мала, остальные же древяне приняли ихъ сторону послѣ, по ясному единству выгодъ, — на это прямо указываетъ преданіе: «Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростень-городъ, яко тѣ бяху убили мужа ея». Малу, какъ главному зачинщику, присудили и жениться на Ольгѣ. На существованіе другихъ князей, другихъ державцевъ земли, указываетъ преданіе въ словахъ пословъ древлянскихъ: «Наши князи добри суть, иже распасли суть деревьску землю»; объ этомъ свидѣтельствуеетъ и молчаніе, которое хранитъ лѣтопись относительно Мала во все продолженіе борьбы съ Ольгой.

Родовой бытъ условливалъ общую, нераздѣльную собственность, и наоборотъ, общность, нераздѣльность собственности служила самую крѣпкою связью для членовъ рода, — выдѣленіе условливало необходимо и расторженіе родовой связи. Извѣстная уже чешская пѣсня *) говоритъ: «Когда умереть родоначальникъ, то всѣ дѣти сообща владѣютъ оставшимся имѣніемъ, выбравши себѣ владыку изъ рода». Общее владѣніе родоюю собственностью необходимо заставляло родичей возстановлять значеніе отца, выбрать кого-нибудь изъ себя въ отца мѣсто, а выборъ кого-нибудь вмѣсто отца, слѣдовательно, возобновленіе прежнихъ отношеній,

м. выше примѣчаніе на стр. 13.

какъ они были при жизни отца, условливало необходимо и общее, нераздѣльное владѣніе. Должно замѣтить, что родовую связь и общую, нераздѣльную собственность поддерживала простота быта, малочисленность нуждъ, легко удовлетворяемыхъ общими первоначальными занятіями родичей (стр. 49—59 по изд. товарищества «Общественная Польза»).

III. ТЕОРИЯ ОБЩИННАГО БЫТА ВЪ ПЕРВО- НАЧАЛЬНОЙ ФОРМѢ.

(*К. С. Аксаковъ. «О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности. — По поводу мнѣній о родовомъ бытѣ».*
Московскій Сборникъ. Т. I. М. 1852).

Теорія общиннаго быта въ ея первоначальной формѣ развилась въ прямомъ противоположеніи съ вышеизложенной родовой теоріей. Литературный представитель общинной теоріи К. Аксаковъ съ двухъ точекъ зрѣнія напалъ на своихъ противниковъ: 1) онъ находилъ невѣрности и внутреннія противорѣчія въ данномъ ими опредѣленіи родового быта; 2) онъ доказывалъ неуспѣшность ихъ попытокъ вскрыть начала родового быта въ древнерусскихъ историческихъ свидѣтельствахъ.

1) Соловьевъ и Кавелинъ — два главнѣйшіе представителя родовой теоріи — весьма сбивчиво и противорѣчиво рисуютъ намъ взаимныя отношенія членовъ родового союза. Изъ мнѣній Соловьева, — говорятъ Аксаковъ, — «мы извлекаемъ, что родъ былъ совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ, и управлялся однимъ избираемымъ по необходимости родоначальникомъ (семья и отецъ семейства имѣють дру-

гое значеніе); потомъ, что родоначальникъ имѣлъ высшую власть, противъ которой однако могъ быть протестъ каждаго, и вслѣдствіе протеста вмѣшательство и судъ родичей, но что, по крайней мѣрѣ, родоначальникъ былъ главнымъ распорядителемъ» (по изд. М. 1889. Т. I, стр. 70). — «Здѣсь является противорѣчіе, — говоритъ К. Аксаковъ. — Если надъ родоначальникомъ нѣтъ высшей власти, то какъ же одно мнѣніе младшаго, что старшій поступаетъ съ нимъ не по-родственному, разрушало родственныя связи? Правда, авторъ (т. е. Соловьевъ) находитъ здѣсь нужнымъ судъ остальныхъ родичей, но тѣмъ не менѣе старшій могъ каждую минуту подлежать этому суду».

Кавелингъ *) развилъ это противорѣчіе въ еще болѣе рѣзкой и категорической формѣ. Если, по Соловьеву, нарушенія власти родоначальника происходятъ лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, то, по воззрѣнію Кавелина, эти нарушенія не были случайностію и вытекали изъ основныхъ особенностей родового быта, какъ явленіе совершенно равносильное и параллельное неограниченной власти родоначальника: родоначальникъ являлся верховнымъ жрецомъ, воплощенной судьбой для всѣхъ родичей, и въ то же самое время домашній бытъ въ равной мѣрѣ зависѣлъ отъ всѣхъ членовъ родового союза. Такая противорѣчивость явленій, характери-

*) Аксаковъ въ своей статьѣ, полемизируя съ Кавелинымъ, имѣетъ въ виду обширную рецензію послѣдняго на книгу А. Терещенка (Спб. 1848); она перепечатана въ четвертой части «Сочиненій К. Кавелина» (М. 1859): взгляды Кавелина на древнѣйшій общественный и домашній бытъ славянъ изложены здѣсь на стр. 80—96. Ред.

зующая родовой бытъ, объяснялась, по мнѣнію Кавелина, тѣмъ обстоятельствомъ, что общественность того времени вообще не была построена и управляема такъ, какъ теперешнія человѣческія общества: патриархальный бытъ отличался совершенной неопредѣленностью первоначальныхъ родственныхъ отношеній. Родственные начала не были возведены въ юридическія опредѣленные начала: они существовали на фактъ, но не въ сознаніи, и потому произвольно соблюдались, но произвольно и нарушались, когда какія-нибудь причины къ этому побуждали.

К. Аксаковъ совершенно отрицаетъ возможность сомнѣнія такихъ противоположностей: «Что-нибудь одно: или была власть родоначальниковъ или ея не было. Если была, то случаи неповиновенія, не уничтожая основного начала или обычая, являютъ только исключенія и поэтому важнаго значенія не имѣютъ, ибо подобныя нарушенія встрѣчаются въ исторіи и при всѣхъ формахъ государственныхъ. Если же эти противорѣчащія явленія не исключительныя, а параллельныя, равносильныя (какъ видно принимаетъ Кавелинъ), то названіе родового быта здѣсь не у мѣста. Если есть какой-нибудь бытъ, то противорѣчащія явленія сугь только исключенія; какъ скоро же противорѣчія не суть исключенія, слѣдовательно равносильны, какъ скоро всѣ проявленія *случайны, временны*, — то здѣсь нѣтъ вовсе никакого быта: это просто первоначальный хаосъ, о которомъ не помнитъ исторія, о которомъ можно дѣлать предположенія и который родовымъ, да и никакимъ бытомъ назваться не можетъ» (стр. 74—75). Неправильно изобразивъ внутренній строй ро-

дового союза, представители родовой теории допустили, по мнѣнію Аксакова, и другую погрѣшность: они не провели въ своемъ изображеніи рѣзкой разграничительной черты между родомъ и семьей, то противопоставляя понятія рода и семьи, то подставляя эти термины другъ подъ друга, какъ выраженія синонимическія. Взглядъ Кавелина, — утверждаетъ Константинъ Аксаковъ (стр. 78), — сходенъ весьма со взглядомъ Соловьева. Родовой быть и родоначальниковъ признаютъ они оба; оба смѣшиваютъ родъ и семью. Соловьевъ видитъ нарушеніе власти родоначальниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; Кавелинъ признаетъ противорѣчащія этой власти явленія, какъ равносильныя. Но, несмотря на нѣкоторую недосказанность у перваго и на неопредѣленность у втораго, оба, не безъ противорѣчій самимъ себѣ, все-таки признаютъ родовой быть, вмѣстѣ съ родоначальниками, у древнихъ славянъ. Разница главная въ томъ, что Соловьевъ, не считая родовой быть особенностью славянъ, признаетъ, что онъ начинаетъ исчезать уже при Ярославѣ, — а Кавелинъ доводитъ родовой быть въ Россіи до Петра Великаго» (стр. 78).

Въ противовѣсъ разобраннѣмъ воззрѣніямъ Аксаковъ даетъ затѣмъ слѣдующее опредѣленіе родового быта:

«Естественное, и только естественное, состояніе, лишенное всякаго сознанія, — не есть быть; о такомъ первомъ естественномъ состояніи исторія не помнить, и рѣчи объ немъ быть не можетъ. Быть является тогда, когда естественный порядокъ вначалѣ замѣченъ человѣкомъ, когда онъ въ него вѣрять и старается его удержать, когда является обы-

чай и преданіе. Первоначальный видъ общества и первоначальный бытъ — есть, безспорно, родовой (отвергать его существованія мы никогда и не думали). Размножившаяся семья исчезаетъ, и является родъ, поглощающій семью, значеніе семьи: ибо здѣсь владыка рода есть *не отецъ, а родоначальникъ*; отношенія дѣтей къ своему отцу *смущены* вліяніемъ и значеніемъ общаго родоначальника, безусловнаго владыки рода. Любовь дѣтей къ родителямъ не можетъ являться во всей своей чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой, верховный отецъ, патріархъ всего рода. Такое отношеніе, замѣченное человѣкомъ, вначалѣ кажется ему истиннымъ — и онъ старается его поддерживать. Когда жизнь родоначальника оказывается короче жизни рода — родоначальникъ *избирается*, и ему передается все значеніе перваго родоначальника; иногда званіе это наследственно. Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь уже, при подобномъ устройствѣ, извѣстное начало (принципъ), порядокъ жизни, бытъ, именно бытъ родовой. По мѣрѣ размноженія рода, родъ получаетъ болѣе общественное, гражданское значеніе. Родовыя отношенія, оставаясь еще родовыми, получаютъ смыслъ гражданскій, а родоначальникъ становится властителемъ и судьей этого родового общества. Значеніе родоначальника, даже въ самомъ началѣ, какъ скоро онъ признается какъ родоначальникъ, носить ужь въ себѣ зародышъ гражданственности».

«Вотъ родовой бытъ. Что же мы въ немъ видимъ? Мы видимъ, во-первыхъ, что семья въ немъ исчезаетъ, ибо поглощена единствомъ рода и единствомъ родоначальника; во-вторыхъ, что отношенія

родовыя не остаются въ своей чистотѣ, а немедленно получаютъ значеніе гражданское, не переставая быть родовыми. Состояніе напряженное и ложное, стѣсняющее съ одной стороны *семью*, съ другой — *гражданственность*. Гражданственность смущаетъ родовыя отношенія; родовыя отношенія мѣшаютъ гражданственности и семьѣ.

Такимъ образомъ *семья* и *родъ*, семейное и родовое начало, не только не одно и то же, но взаимно исключаютъ или ослабляютъ другъ друга. Гдѣ сильно начало родовое, тамъ нѣтъ начала семейнаго, или оно слабо. Гдѣ сильно начало семейное, тамъ нѣтъ родового или патріархальнаго, или же оно находится на слабой степени. Патріархальное и семейное начала образуютъ двѣ противоположности, хотя, повидимому, истекаютъ изъ одного источника, близки другъ къ другу.

Родовой бытъ былъ первою общественною ступеню, черезъ которую прошли, безспорно, всѣ народы; но одни только прошли черезъ него, не останавливаясь, другіе остановились болѣе или менѣе, утвердили за собою этотъ бытъ, формулировали, опредѣлили его явственно, съ большими или меньшими подробностями, особенностями и отгѣнками» (стр. 80—82).

2. Отъ этихъ общихъ опредѣленій Аксаковъ переходитъ затѣмъ къ разбору прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ. «Былъ ли родовой бытъ у славянъ? Былъ ли онъ для нихъ ступеню, черезъ которую они только прошли, или же онъ у нихъ продолжался нѣкоторое время? Можемъ ли мы только предполагать, что онъ былъ когда-то, единственно

опираясь на убѣжденіе, что всѣмъ народамъ слѣдовало черезъ него пройти, или есть на то какія-нибудь историческія данныя, до насъ дошедшія?»

Древнѣйшія извѣстія византійскихъ писателей о бытѣ славянъ свидѣлствуютъ не о родовомъ, а о семейно-общинномъ стрѣ.

«Прокопій говоритъ, что славяне не повинуются одному мужу, но изначала живутъ при народномъ правленіи (*ἐν δημοκρατίᾳ*). Это свидѣтельство говоритъ ясно противъ родового быта, ибо демократическое устройство такому быту противорѣчитъ.

Маврикій, говоря, что у славянъ много царьковъ, въ то же время утверждаетъ, что они не знаютъ правительства.

Соловьевъ соглашаетъ эти противорѣчія и разумѣетъ подъ царьками — родоначальниковъ, говоря, что грекъ могъ принять родоначальниковъ за царьковъ, а родовыя отношенія младшихъ членовъ не могли быть для него понятны, ибо онъ привыкъ къ отношеніямъ государственнымъ и потому имѣлъ поводъ сказать, что славяне живутъ въ демократіи.

Такое объясненіе есть объясненіе заранѣе принятой мысли. Что выборные начальники или старшины, которые во всякой демократіи бываютъ, могли показаться царьками, — это дѣло возможное; но чтобы отношенія родовыя младшихъ къ старшимъ могли быть названы демократическими, — это болѣе нежели сомнительно» (стр. 82—83).

Другое свидѣтельство Прокопія объ обычаяхъ славянъ совѣщается вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ ярко указываетъ на народное или общинное устройство. Соловьевъ видитъ въ этихъ общихъ совѣщаніяхъ — собранія однихъ родоначальниковъ; даже и при такомъ тол-

кованіи мы должны допустить существованіе общиннаго устройства, хотя бы только среди однихъ родоначальниковъ, которое все-таки отгѣсняло на задній планъ значеніе отдѣльныхъ, обособленныхъ родовъ. Но прямыя свидѣтельства указанныхъ писателей вовсе не подсказываютъ непременно подобнаго толкованія: они прямо говорятъ намъ объ общихъ сходкахъ, объ отсутствіи чьей-либо единоличной власти. Къ этимъ извѣстіямъ примыкаютъ позднѣйшія указанія Дитмара мерзбургскаго, касающіяся вѣча у лутичей, гдѣ всѣ совѣщаются о дѣлахъ своихъ, не повинуюсь одному, и гдѣ дѣла рѣшаются единогласіемъ, которое было необходимо. «Все это, кажется, достаточно говорить въ пользу общественнаго быта у древнихъ славянъ и, сверхъ того — быта вѣчевого. Что же касается до царьковъ, то это были или старшины, бывающіе при демократическомъ правленіи, или князя на всей волѣ народа, каковы потомъ были въ извѣстныя времена князя новгородскіе, но родоначальниками ихъ почитать нѣтъ никакой причины» (стр. 85).

Рядъ другихъ позднѣйшихъ указаній на особенности древняго быта, въ которыхъ отыскивали проявленія родовыхъ началъ, рисуютъ намъ въ сущности не родъ, а семью. Сюда относится чешская пѣсня «Судъ Любуши» *).

«Содержаніе пѣсни есть судъ по вопросу о наследствѣ. Хрудошъ и Стяглавъ Кленовичи враждуютъ объ отцовской дѣдинѣ. Княжна Любуша соби-

*) Современный читатель долженъ имѣть въ виду, что въ настоящее время доказана подложность Краледворской рукописи, въ которой находится разбираемая Аксаковымъ пѣсня. *Ред.*

раетъ снемъ (сеймъ, сонмъ, сходку) изъ кметовъ, леховъ и владыкъ и призываетъ также обоихъ враждующихъ братьевъ. На снемѣ она предлагаетъ всѣмъ на оный созваннымъ рѣшить эту вражду, выражая въ то же время свою мысль, что, *по закону въкожизненныхъ боговъ*, братья или должны владѣть вмѣстѣ или раздѣлиться поровну. «Собери голоса, славная княжна, по своему народу», говорить ей Лютоборъ. Собрали голоса и объявили рѣшеніе въ *народъ, собранный на снемъ къ разсужденію*. Рѣшеніе заключалось въ томъ, чтобы оба брата владѣли вмѣстѣ. Хрудошъ съ яростію говорить, что наслѣдство надо дать первенцу, и грубо отзывается о Любушѣ. Любуша передъ всѣми свидѣтельствуешь о своемъ оскорбленіи. Ратиборъ встаетъ и говорить противъ Хрудоша, объявляя, что «не хвально намъ въ нѣмцахъ искать правды: у насъ правда по закону святому, которую принесли отцы наши». Сюда относится отрывокъ пѣсни, находящійся безъ связи, въ началѣ и, безъ сомнѣнія, долженствующій стоять на концѣ; въ немъ, очевидно, излагается *правда*, о которой говорить Ратиборъ. Вотъ онъ: «Всякой отецъ воеводитъ (предводитъ на войну) свою челядь (челядинъ, домочадецъ). Мужики пахутъ, женщины шьютъ одежды, и какъ скоро умираетъ глава челяди, то дѣти всѣ владѣютъ вмѣстѣ наслѣдствомъ, выбирая себѣ владыку изъ рода, который для пользы ходитъ въ славные снемы, ходитъ съ кметами, лехами, владыками. Встали кметы, лехи и владыки, похвалили правду по закону».

«Соловьевъ подтверждаетъ этою пѣсенію — и именно мѣстомъ объ избраніи владыкъ — догадку свою, что на сходку ходили одни родоначальники. Если

допустимъ пока опять догадку Соловьева, то, однако, и здѣсь можетъ онъ признавать родовой бытъ лишь на второмъ планѣ, а на первомъ (хотя бы и изъ него вытекающій) бытъ общинный. Сверхъ снema, мы видимъ уже общую для всѣхъ княжескую власть, созывающую этотъ снемъ; стало, кромѣ сходки, здѣсь еще при родоначальникахъ (если принимать ихъ съ Соловьевымъ) — власть князя, ставящая въ свою очередь родовое устройство на второмъ планѣ» (стр. 85, 86).

Но пѣсня, сверхъ того, прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что сеймъ составлялся не изъ однихъ родоначальниковъ: рядомъ съ владыками поставлены кметы и лехи.

Что же здѣсь разумѣется подъ родомъ, который выбираетъ себѣ владыку? Сущность разобраннаго на сеймѣ спора убѣждаетъ, что родъ означаетъ здѣсь только семью. Въ спорѣ о наследствѣ тягнутся только два брата. Между тѣмъ при родовомъ бытѣ всѣ родичи должны были бы участвовать въ спорѣ, такъ какъ всѣ они имѣли бы право на общее владѣніе. Трудно предположить такую случайность, чтобы весь этотъ родъ не имѣлъ другихъ представителей, — былъ весь, кромѣ двухъ, уничтоженъ. Остается другой, гораздо болѣе естественный выводъ: это былъ вопросъ не родовой, а чисто семейный. Передъ нами только два брата — семья, выдѣлившаяся изъ рода, а рода уже нѣтъ. Значитъ, и тотъ «древній обычай», по которому сеймъ рѣшаетъ дѣло, есть обычай семейный, предполагающій древнее семейное, а не родовое устройство. Этотъ выводъ, добытый изъ разсмотрѣнія народной пѣсни, подтверждается и народными юри-

дическими обычаями. Имущество у древних славянъ принадлежало всѣмъ вмѣстѣ, всему семейству, но не всему роду: по смерти дѣтей оно считалось уже выморочнымъ и переходило къ князю или вообще къ правителю. Лишь позднѣе и по установленіи правительственной власти, какъ полагаетъ Аксаковъ, оно стало переходить въ этомъ случаѣ къ боковымъ родственникамъ. Юридическіе акты указываютъ намъ далѣе на то, что только тѣ дѣти имѣли общее право на отцовское наслѣдство, которыя не покидали отцовскаго дома, жили съ отцомъ въ семейномъ единствѣ. Отдѣлившіеся сыновья теряли свои права на семейное наслѣдство. Съ другой стороны, если могли отчуждаться отъ семейства, то могли и входить въ составъ семейства лица, породнившіеся съ нимъ: зятья, золовки, какъ скоро они жили въ семьѣ. Такъ, семья могла сжиматься и расширяться, смотря по желанію и произволу членовъ, постоянно оставаясь на своей тѣсной, только семейной основѣ.

«Итакъ, мы видимъ, что рода у древнихъ славянъ не было, а была семья.

Семья эта была семья въ тѣсномъ смыслѣ. Въ устройствѣ ея нѣтъ и признака родоначальническаго патріархальнаго характера. Напротивъ, мы видимъ, что всѣ члены въ ней имѣютъ голосъ въ вопросѣ собственности. Это назвать родовымъ устройствомъ невозможно. Если бы общество было построено на основѣ родового, патріархальнаго быта, такъ, чтобы въ его устройствѣ находилось отраженіе этого быта, — мы могли бы признать родовой бытъ основнымъ элементомъ, существующимъ въ народѣ (напримѣръ, въ Китаѣ). Но когда передъ нами явле-

ніе совершенно противоположное, когда не только общество, а даже семья построена подъ вліяніемъ общиннаго начала, какъ можемъ мы тутъ найти родовой бытъ?

Что же вообще была славянская семья?

Она была семья; но какъ скоро вопросъ становится общественнымъ, какъ, напримѣръ, вопросъ о владѣніи (на землю право имѣла вся община), то она, стороною къ этому вопросу, становилась сама общиною. Какъ скоро встрѣчается другой общественный вопросъ народнаго совѣщанія, вѣча, она опять становилась общиною и отъ нея шелъ представитель: или старшій или избираемый ею (какъ въ «Судѣ Любуши»). Кто изъ дѣтей отдѣлялся отъ семьи и жилъ отдѣльно, тотъ уже отрѣшался отъ семьи и не наследовалъ ей, — семья сжималась въ числѣ. Съ другой стороны, она могла расширяться по произволу, могла принимать въ свой составъ родившихся съ нею и даже постороннихъ, но въ этомъ случаѣ соединеніе дѣлалось относительно *хозяйства*: собственность не принадлежала всѣмъ принятымъ (вспомнимъ выморочное наследство), но общимъ было *пользованіе имуществомъ*, во время котораго, въ распоряженіяхъ по имуществу, естественно имѣли голосъ не только члены самой семьи, но и всѣ тѣ, кого она приняла въ составъ свой. Раздѣлъ же былъ всегда возможенъ, ибо постоянно дѣйствовала живая, свободная воля. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ семья являлась какъ община, имѣли голосъ не только дѣти, не только семья собственно, но и другія лица, принятія въ семью. Но здѣсь является вопросъ: при такомъ общинномъ значеніи семьи, въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ, гдѣ даже

дѣти имѣли голосъ, не подрывается ли ея значеніе семейное, кровное? — Нисколько.

Семейное чувство и семейный бытъ крѣпки были, крѣпки теперъ и крѣпки будутъ у славянскихъ народовъ, пока они не утратятъ своей народности. На это доказательствъ такъ много, и прошедшихъ и современныхъ, что мы не считаемъ нужнымъ на нихъ указывать. Семейное начало, конечно, было твердо и въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ мы говоримъ, — и было твердо оно, какъ начало чисто нравственное; оно жило въ нравственной свободѣ, въ любви, въ духѣ чловѣка; оно было вполнѣ чисто у славянъ, ибо съ нимъ не связывалась выгода, ибо оно не нуждалось въ житейскихъ подпоркахъ. Да и кто мѣшалъ семейной общинѣ свободно и любовно исполнять волю отца? Изъ этого объясненія видимъ мы, какъ свято и нравственно понята была славянская семья, какъ всякій расчетъ былъ удаленъ отъ святого семейнаго чувства. Чисто нравственная, чисто духовная сила семейнаго начала (каково оно у славянъ) всего болѣе ручается за существованіе, глубину и вѣковѣчную прочность онаго. А чувство семейное и семейное начало, повторяемъ, глубоко и неразрывно соединены съ существомъ славянина.

До сихъ поръ изъ изслѣдованій нашихъ видимъ мы, что у славянъ родового быта не было, а выступаютъ опредѣленно — *семья и община*» (стр. 94 — 95).

Къ тому же выводу приводитъ разборъ и нашихъ русскихъ историческихъ свидѣтельствъ. Вездѣ, гдѣ въ нихъ встрѣчается слово «родъ», оно означаетъ не «родовой союзъ», а или «семью», или «рожденіе», или «происхожденіе» въ самомъ общемъ смыслѣ.

Сюда относятся всѣ соответствующія мѣста начального лѣтописнаго свода. Въ извѣстномъ мѣствѣ о полянахъ: *«Полеми же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьи бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ»*, — подѣ «каждый» не слѣдуетъ разумѣть родоначальника, который владѣлъ, т. е. управлялъ своими родичами, — а подѣ «родомъ» здѣсь не слѣдуетъ разумѣть предметъ владѣнія, подобно тому, какъ выраженіе «играли толпами» не означаетъ, что предметомъ игры были толпы (стр. 96—97; см. далѣе возраженіе Соловьева).

Лѣтописное выраженіе означаетъ только, что каждый полянинъ жилъ и владѣлъ вмѣствѣ съ своимъ родомъ, т. е. вмѣствѣ съ своей семьей. Несомнѣнно, «родъ» означаетъ «семью» въ лѣтописномъ сказаніи о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ. Эти три брата расселились особо каждый на своемъ мѣствѣ. Между тѣмъ три брата не могли быть тремя родоначальниками и раздѣлить родъ на-трое, — родовое устройство такого дѣлежа не допускаетъ. Если уже у каждаго изъ нихъ былъ свой собственный родъ, то значитъ только, что подѣ «родомъ» здѣсь разумѣется именно семья. Въ такомъ случаѣ выраженіе лѣтописи: *«Кій княжаше въ родѣ своемъ»*, точно такъ же получаетъ свое объясненіе помимо всякихъ предположеній о родовомъ бытѣ. Это значитъ не то, что Кій былъ старѣйшиной надъ своимъ родомъ, а только то, что Кій первый изъ своего рода сдѣлался княземъ, послѣ же него стала княжить династія его потомковъ. Здѣсь слово «родъ» опять-таки употреблено въ смыслѣ потомковъ или дѣтей

въ обширномъ смыслѣ. Есть и еще важное доказательство такого словоупотребленія рода. Лѣтописецъ приписываетъ образъ жизни отдѣльными родами однимъ полянамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ только у однихъ полянъ, по его словамъ, существовалъ бракъ. Эти два сообщенія очевидно соединены причинной связью: только у нихъ былъ бракъ, потому-то только они и жили «родами», т. е. семьями.

«Соловьевъ въ старцахъ, нѣсколько разъ упоминаемыхъ въ началѣ Несторовой лѣтописи, видитъ родонаачальниковъ или князей. «По всѣмъ вѣроятностямъ, — говоритъ онъ, — сначала совѣщательный голосъ на вѣчахъ принадлежалъ однимъ старцамъ или князьямъ, младшіе же члены рода присутствовали на вѣчахъ только для принятія къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ. У насъ при первыхъ князьяхъ мы не видимъ вѣчей, но старцы, вмѣстѣ съ княжескими боярами, участвуютъ при всѣхъ важныхъ рѣшеніяхъ; потомъ старцы исчезаютъ, и являются вѣча общенародныя, — знакъ ослабленія родового быта въ городахъ, знакъ того, что старцы потеряли свое прежнее представительное значеніе. На участіе однихъ старцевъ въ вѣчахъ указываетъ рассказъ лѣтописца о бѣлгородскомъ вѣчѣ, бывшемъ при кн. Владимирѣ по случаю осады Бѣлгорода печенѣгами. Бѣлгородцы, не получая помощи отъ князя, созвали вѣче и рѣшились сдаться. Но одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ, и когда узналъ о его рѣшеніи, то послалъ за городскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ перемѣнить опредѣленіе вѣча: здѣсь все дѣло идетъ между одними старцами, которые *одни имѣютъ власть перемѣнять рѣшенія вѣча, не созывая новаго*».

«Здѣсь явное противорѣчіе, пишетъ К. Аксаковъ. Если старцы одни участвуютъ на вѣчахъ, то нѣтъ ничего особеннаго и удивительнаго, что они перемѣняютъ свое же собственное рѣшеніе. Какого вѣча имъ созывать, когда они одни на немъ участвуютъ, и они опять собрались? Если принять послѣднія слова Соловьева, то по смыслу ихъ мы должны предположить, что на вѣчѣ участвовали и другіе, слѣдовательно, не одни старцы, что прямо противорѣчитъ первымъ его словамъ. Приходится принять либо то, либо другое. Но оставимъ Соловьеву самому разрѣшить противорѣчіе; обратимся къ примѣру, которымъ онъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе. На вѣчѣ, при описаніи котораго лѣтопись ни слова не говоритъ о старцахъ, рѣшено было сдать-ся. Одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ, спросилъ, чего ради было вѣче (створиша вѣче *людье*, въ спискѣ Ипатьевскомъ), узналъ его рѣшеніе, послалъ за градскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ не *перемѣнить рѣшеніе вѣча*, какъ говоритъ Соловьевъ, а *отложить исполненіе на три дня*. Это совершенно измѣняетъ дѣло: это, такъ сказать, мѣра административная, а не законодательная. Да и почему знаемъ мы, что вѣче рѣшило сдать-ся немедленно? Оно могло и вовсе не опредѣлять срока. Потомъ въ странѣ, какова Русь, гдѣ формальности не было почти вовсе, если бы, послѣ рѣшенія вѣча, кто бы ни было придумалъ полезный совѣтъ, измѣняющій рѣшеніе вѣча, и совѣтъ этотъ сдѣлался бы извѣстенъ, то народъ, нашедши его полезнымъ, согласился бы съ нимъ, не требуя созванія новаго вѣча, соблюденія одной формы. Если народъ, имѣющій голосъ, узнавъ объ измѣненіи, до-

пустить оное, то это значить, что онъ его одобряетъ. Примѣръ бѣлгородскаго вѣча очевидно не подкрѣпляетъ Соловьева, но противорѣчитъ ему, выставляя старцевъ вовсе не тѣмъ, что онъ предполагаетъ: въ Ипатьевскомъ спискѣ (который весьма уважается) именно сказано «людье», что, какъ извѣстно, употребляется въ лѣтописи въ смыслѣ народа. На чемъ же основываетъ Соловьевъ мнѣніе свое, что одни старцы прежде участвовали на вѣчахъ? Неизвѣстно, — по крайней мѣрѣ мы рѣшительно этого не знаемъ. Онъ говоритъ, что старцы призывались на совѣтъ, что они участвовали въ важныхъ рѣшеніяхъ, — это правда. Есть мѣсто въ лѣтописи, гдѣ говорится, что, когда Владимиръ сталь приносить жертвы кумирамъ, старцы и бояре сказали: «мечемъ жребій на отрока и дѣвицу». Владимиръ созываетъ старцевъ и бояръ для совѣта о вѣрѣ, созываетъ ихъ опять, когда возвращаются посланные для испытанія вѣры. Но развѣ это вѣче? Князь созываетъ *своихъ совѣтниковъ*, — похоже ли это на народное совѣщаніе? Мы совершенно согласны, что были старѣйшины въ городѣ или въ народѣ, — это можетъ быть при самомъ демократическомъ устройствѣ; что старцы пользовались уваженіемъ къ своимъ лѣтамъ, — это бываетъ всегда и вездѣ; для этого не нужно родового быта. Но чтобъ старѣйшины или старцы одни участвовали въ рѣшеніяхъ на вѣчѣ, чтобъ они имѣли права или вѣсь, кромѣ простого уваженія, или же не какъ обыкновенные старосты, а какіе-то родоначальники, — откуда это слѣдуетъ, этого мы рѣшительно не видимъ. Напротивъ того, участіе и значеніе старцевъ даже слишкомъ маловажно. Рѣшенія старцевъ не само-

стоятельны, не важны, да и рѣшеній этихъ такъ не-
много. Не старцы призываютъ Рюрика, не старцы
шлютъ пословъ къ Ольгѣ; мы не говоримъ уже о
болѣе позднѣйшихъ проявленіяхъ народной воли,
которыя и Соловьевъ считаетъ народными, начи-
ная съ вѣча, созваннаго Ярославомъ. Для поясне-
нія отношеній старцевъ обратимся къ современно-
му русскому народу — къ крестьянскому быту. У на-
шихъ крестьянъ есть: общая сходка и сходка ста-
риковъ. Общая сходка собирается въ дѣлахъ наи-
болѣе важныхъ, другая — въ дѣлахъ менѣе важныхъ
(преимущественно по разбору жалобъ и т. п.). Эти
старики (такъ они называются) и эта общая сходка
могутъ имѣть соотвѣтствіе со старцами и вѣчемъ.
Старцы *созываются* обыкновенно княземъ. Сходка
стариковъ тоже *созывается* помѣщикомъ *) или къмъ
бы то ни было (даже и самими крестьянами, если
имъ будетъ угодно); общая сходка можетъ быть со-
звана, можетъ и *сама* собраться въ какихъ-нибудь
случаяхъ для рѣшенія; но невозможно, чтобы *сами*
собрались старики и объявили свое рѣшеніе всеѣмъ
остальнымъ» (стр. 102—104).

Въ полномъ согласіи съ лѣтописью о томъ же се-
мейномъ, а не родовомъ бытѣ свидѣтельствуеетъ и
древнѣйшій юридическій сборникъ — Русская Прав-
да. Здѣсь весьма важны статьи о родственной ме-
сти и порядкѣ наслѣдованія. Перечисляя законныхъ
мстителей, Русская Правда ясно очерчиваетъ пре-
дѣлы семьи, а не рода; братъ, отецъ, сынъ, племян-
никъ съ братниной или сестриной стороны — вотъ

*) Здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду время написанія статьи К.
Аксакова (1852 г.). Ред.

всѣ законные мстители. Ни изъ чего не видно, что-бы это были лишь остатки прежняго, болѣе обширнаго круга мстителей, обнимавшаго цѣлый рядъ и затѣмъ уже суженнаго до предѣловъ семьи. Тотъ же чисто семейный союзъ вскрывается и въ статьяхъ о наслѣдствѣ. По Русской Правдѣ, наслѣдство смерда, какъ скоро у него нѣтъ дѣтей, переходитъ къ князю, считается, слѣдовательно, выморочнымъ, если нѣтъ сыновей, а есть дочери, то дочерямъ незамужнимъ выдается часть. Наслѣдство боярина, въ противоположность наслѣдству смерда, не идетъ за князя и тогда, когда нѣтъ сыновей, а есть однѣ дочери. Итакъ, вся разница въ пользу дочерей, и наслѣдство остается въ предѣлахъ только семьи, дѣтей, при отсутствіи которыхъ идетъ за князя, считается выморочнымъ. Свидѣтельство Русской Правды ясно указываетъ на семью и опровергаетъ родовой бытъ. Наконецъ, помимо свидѣтельства историческихъ памятниковъ, къ тѣмъ же выводамъ могутъ привести данныя народнаго обычая и языка.

«Новобрачныхъ называютъ у насъ и до сихъ поръ князь и княгиня. Соловьевъ видитъ въ этомъ доказательство своей мысли, «потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода» (какъ будто домовладыка и родоначальникъ одно и то же). Если есть родовое устройство, то новая семья, являющаяся въ роду, не можетъ быть новымъ родомъ, и молодые супруги — родоначальниками; иначе каждая новая семья отдѣлялась бы отъ рода и составляла особый родъ, а молодымъ пришлось бы быть родоначальниками будущихъ родоначальниковъ, ибо дѣти ихъ также могутъ

вступить въ брачный союзъ, дававшій наименованіе князя и княгини. Если же это такъ, если всякая семья есть новый родъ, то гдѣ же родъ самый, какъ понимаютъ его гг. защитники родового быта? Его нѣтъ: предъ нами отдѣльныя семьи, каждая сама по себѣ. Итакъ, наименованіе новобрачныхъ княземъ и княгиней, что бы оно ни значило, очень явственно противорѣчитъ мнѣнію о родовомъ бытѣ...

Извѣстенъ и доселѣ въ полной силѣ существующій обычай въ Россіи всякаго называть отчествомъ, именемъ отца; это видимъ и въ глубокой древности. Но въ то же время, при необходимости названія по отцу, мы рѣшительно не видимъ въ древности названія по *роду*: родовыхъ прозвищъ нѣтъ. Ихъ нѣтъ и теперь у народа, у крестьянъ, сохранившихъ древній свой бытъ. Исключенія чрезвычайно рѣдки и легко объясняются вліяніемъ такъ называемыхъ образованныхъ классовъ. У крестьянъ есть личные прозвища — ихъ видимъ и въ древности — и только. Необходимость названія по отцу и отсутствіе названія по роду рѣшительно указываютъ, съ одной стороны, на силу начала и быта семейнаго, съ другой — на отсутствіе начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и быта родового.

Русскій народъ, такъ богато обставившій словами всѣ отношенія семейныя (деверь, золовка, невѣстка, шуринъ и пр.), не имѣетъ слова для grand oncle или petit neveu. Здѣсь, какъ видно, для него уже кончались предѣлы родства. Вмѣсто cousin употребляетъ народъ составное слово: *братъ двоюродный*, т. е. двухъ родовъ» (стр. 109). «Что значитъ *двоюродный*? Здѣсь мы легко открываемъ двойное число: *двою роду*, то есть: *двухъ родовъ*; итакъ, двоюродный братъ зна-

читать братъ *двухъ родовъ*, то-есть *двухъ семей*. Братъ родной значить братъ одной семьи, односемейный; братъ двоюродный — братъ двухъ семей, двусемейный, что такъ и есть» (стр. 102). «Чтобы опредѣлить односемейнаго брата, говорить онъ: *братъ родной*, это было бы очень недостаточно, если бы слово родной имѣло общее значеніе рода; очевидно, что это значить: братъ семьи, то-есть одной семьи (одного рода). Это объясняется выраженіемъ: братъ двоюродный, братъ двухъ родовъ, двухъ семей. А *родня?* — скажутъ намъ. Родня означаетъ единство происхожденія; кромѣ того, слово это могло означать родство семейное. Но мы употребляемъ слово родня въ болѣе обширномъ смыслѣ? Да; но это употребляемъ мы, классы преобразованные, — это уже наше дѣло, — и все-таки родня не имѣетъ у насъ значенія, придаваемого роду послѣдователями Эверса *). Родство означаетъ у насъ родственныя связи, которыя всегда и вездѣ имѣютъ мѣсто. О самомъ словѣ родъ надобно сказать, что въ современномъ языкѣ нашего преобразованнаго общества родъ употребляется въ болѣе обширномъ и вмѣстѣ неопредѣленномъ генеалогическомъ смыслѣ; но даже и здѣсь не значить онъ совокупности родичей, не значить *колѣна*: это патріархальное значеніе придано ему нашими учеными. Родовыя понятія, если они есть у насъ (въ нашемъ преобразованномъ обществѣ), — явленіе позднѣйшее.

*) Дерптскаго профессора, перваго провозвѣстника у насъ теоріи родового быта, который въ 1826 г. издалъ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе «Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи», оказавшее огромное влияніе на Соловьева и опредѣлившее его взгляды на древнѣйшій русскій бытъ. *Ред.*

Выраженія: *въ родъ и родъ* и *въ роды и роды*, изъ *рода въ родъ* опять противорѣчатъ взгляду гг. послѣдователей Эверса. Эти выраженія показываютъ рядъ семей, и такъ какъ здѣсь говорится вообще, то *родъ* и принимается въ смыслѣ поколѣвнн (генерацин).

Соловьевъ думаетъ, что слово племя употреблялось для означенія родовыхъ линій. Итакъ, племя есть подраздѣленіе рода, относится къ роду, какъ часть къ цѣлому, какъ нѣчто къ болѣе широкому, ибо Соловьевъ говоритъ: «единство рода, связь *племень* поддерживалась единымъ родоначальникомъ». Слѣдовательно, родоначальникъ былъ начальникъ одного рода и нѣсколькихъ племень. Но мы не можемъ согласиться съ такимъ опредѣленіемъ племени. По крайней мѣрѣ употребленія словъ рода и племени показываютъ, что, напротивъ, родъ имѣлъ значеніе болѣе тѣсное, а племя — болѣе широкое. Самое выраженіе: *родъ-племя*; *ни роду, ни племени* — показываетъ это. Если бы *племя* было частью рода, то, сказавши, что нѣтъ роду, вовсе не было нужды прибавлять, что нѣтъ племени. Слѣдовательно, племя понимается въ обширнѣйшемъ значеніи, и въ выраженіи: *ни роду, ни племени*, это такъ ощутительно, что всякій русскій иначе и не пойметъ; другими словами, выраженіе это значить: не только нѣтъ роду, но и племени. Это еще виднѣе въ постановленіяхъ церковныхъ о бракѣ: «ни въ роду, ни въ племяни», и въ вѣчныхъ памятяхъ также: «и ты бѣ про нихъ обыскаль, чтобъ ни въ роду, ни въ племяни, ни въ кумовствѣ, ни въ сватовствѣ», или же: «чтобъ ни въ роду, ни въ племяни, ни въ крестномъ братствѣ, ни третьимъ бракомъ». Здѣсь ясно видно, что если бы племя имѣло болѣе тѣсное

значеніе, чѣмъ родъ (а оно, по мнѣнію Соловьева, есть отдѣлъ рода), то не нужно было бы его и упоминать, — достаточно было сказать «въ роду»; но здѣсь упомянуть родъ, и, сверхъ того, упомянуто *послѣ* рода племя. Очевидно, что оно имѣло болѣе широкое значеніе: поэтому запрещалось жениться не только въ роду, но и въ племени. Гдѣ же оканчивался родъ? Тамъ, гдѣ начиналось племя; а племя начиналось близко: дѣти брата или сестры уже были *племянниками*. Въ русскихъ пѣсняхъ тетка называетъ племянницу: ты послушай, мое племячко. Итакъ, это слово «племя» опредѣляетъ границы рода, границы семейныя, въ отношеніи ихъ къ другому родственному роду, какъ къ родственной семьѣ. Особеннаго родового какого-нибудь значенія племя у насъ не имѣетъ, и самое слово встрѣчается не часто, такъ что не на немъ основано знаніе родового быта нашими учеными.

Мы полагаемъ (на основаніи вышеприведенныхъ доказательствъ), что *родъ* въ собственномъ, опредѣленномъ значеніи значить *семью*. Какое же значеніе имѣетъ слово *семья*? Мы думаемъ (такъ же какъ и Соловьевъ), что *семья* происходитъ отъ соиматься, но выводимъ изъ этого словопроизводства не значеніе супруга и супруги (какъ вывести онъ), а другое. По мнѣнію нашему, *семья*, происходя отъ соимать, соиматься, согласно и съ другими подобными производствами, означаетъ *союзъ, соймъ, сеймъ, снемъ*. Это слово ясно указываетъ на общинный характеръ, который имѣла у насъ *семья*: оно выражаетъ такъ ощутительно общинную сторону *семьи*. Въ подтвержденіе словъ нашихъ приведемъ изъ Судебника Ивана IV упо-

требленіе слова семья: «и въ обыскахъ многіе люди лжутъ семьями и заговоры, великими»; такъ же: «чтобы семьями и заговоры стакався въ обыскахъ, не по дѣломъ не говорили»; такъ же: «кто семьями и заговоры въ обыскахъ говорятъ неправду»; такъ же: «и не учнутъ къ государю на тѣ семьи и заговоры отписывати». Здѣсь семья поставлена рядомъ съ заговоромъ: очевидно, семья употреблена въ значеніи согласія, стачки, союза. Въ подтвержденіе этому, въ одномъ изъ списковъ Судебника поставлено вмѣсто семьи — *артели*. Археографическая комиссія ставитъ подлѣ этого слова знакъ вопроса; но, по нашему мнѣнію, такое замѣненіе вполне понятно и многое объясняетъ. Примѣры, нами приведенные, кажется, достаточно подтверждаютъ то, что семья означаетъ собраніе, сеймъ или соймъ, выражая такимъ образомъ общинную свою сторону, что такъ согласно со всѣми извѣстіями, приведенными выше» (стр. 110 — 112).

Среди явленій древне-русской жизни есть только два, «гдѣ сколько-нибудь (хотя не въ томъ видѣ, какъ желаютъ гг. послѣдователи Эверса) можно отыскать слѣды родового начала. Это родъ Рюриковъ, съ его спорами о правахъ, и мѣстничество. И оба явленія — не туземныя, по крайней мѣрѣ въ основаніи: родъ Рюриковъ — призванный; мѣстничество было у людей, наслѣдниковъ княжой дружины, пополнявшейся пришлецами. И въ обоихъ явленіяхъ земля или народъ (настоящіе туземцы) не принималъ никакого участія» (стр. 108). «Какимъ же образомъ мѣстничество, замѣчаетъ Аксаковъ, въ которомъ (хотя едва ли справедливо) находятъ слѣды родового начала, но въ которомъ есть хотя начало

родословное, — мѣстничество было только у бояръ, у потомковъ дружины, наслѣдниковъ ея духа и устройства, и наконецъ у людей служилыхъ, *юсударевыхъ*, а земля, народъ, все, что внѣ дружины, его и не знали? — Это обстоятельство также говорить сильно противъ мнѣнія гг. защитниковъ родового быта».

Уже приведенныя выше свидѣтельства древнихъ, гвѣся о судѣ Любуши, наконецъ, устройство самой семьи показали намъ, какъ семейный бытъ соединялся съ бытомъ общиннымъ, съ существованіемъ народной общины, имѣвшей самостоятельный, свободный голосъ. Къ этимъ указаніямъ можно присоединить рядъ другихъ, представляемыхъ лѣтописнымъ повѣствованіемъ. Въ лѣтописи встрѣчаемъ рядъ политическихъ событій, въ которыхъ принимаютъ участіе вся земля, весь народъ. Въ договорахъ съ греками посольство правится отъ великаго князя, князей, бояръ, купцовъ и всей земли. Бытъ вполне общественный, прямо противорѣчащій родовому началу. Въ разсказѣ объ отношеніяхъ Игоря къ древлянской землѣ выступаютъ всѣ древляне, вся древлянская земля: «*Древляне сдумавше* со княземъ своимъ Маломъ...» «посла ны дервьска земля» — говорятъ древлянскіе послы. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ дальнѣйшемъ повѣствованіи выступаетъ кievское вѣче, заявляющее князьямъ свою самостоятельную волю, мы должны видѣть указаніе на народную общину. Здѣсь дѣйствуютъ «всѣ кіяне», собраніе всѣхъ безъ различія свободныхъ людей, которое разумѣлъ и Святополкъ съ Владимиромъ, когда въ 1096 г. послали сказать Олегу: «пойди Киеву, да порядъ

положимъ о русьстѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили русьскую землю отъ поганныхъ». Наконецъ, кромѣ отдѣльныхъ конкретныхъ фактовъ, лѣтопись даетъ намъ и общее наблюденіе о господствѣ въ древней Руси общиннаго быта въ слѣдующихъ въ высшей степени важныхъ и замѣчательныхъ словахъ: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти (т. е. волости, земли), якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть». Эти слова указываютъ прямо на общинное устройство во всей русской землѣ.

«Изъ изслѣдованій нашихъ выводимъ заключеніе: русская земля есть изначала наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно общинная) земля» (стр. 123).

Статья К. Аксакова, изъ которой заимствовано приведенное выше изложеніе, вызвала замѣчанія Соловьева въ одномъ изъ примѣчаній къ первому тому второго изданія его *Истории Россіи*. Не упоминая имени Аксакова, Соловьевъ рѣшительно и рѣзко оспариваетъ доводы своего оппонента, не уступая ему ни одной черты своей теоріи. Соловьевъ начинаетъ это примѣчаніе объясненіемъ значенія слова *князь* и помѣщаетъ въ той части своего текста, которая приведена у насъ на страницѣ 10. Приводимъ названное примѣчаніе цѣликомъ, какъ весьма необходимое для уясненія основныхъ отгѣнковъ въ борьбѣ представителей теорій родового и общиннаго

быта въ первоначальной формѣ (стр. 50 — 53 первого тома по изд. товарищества «Общественная Польза»).

«Слово *князь* или *князь*, пишетъ Соловьевъ, происходитъ отъ корня *конъ* — предѣль, граница, вершина, начало; корень же *кон* есть санскритскій — *джан* — рождать, и *князь* въ санскритскомъ имѣетъ себѣ соотвѣтственные: *джанака*, *джанатри*, откуда латинское *genit.r.* (См. изслѣдованіе Э. И. Буслаева. «О вліяніи христіанства на слав. языкъ», стр. 164). — Отсюда древнее названіе новобрачныхъ *князь* и *княгиня*, потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода. Что старшины родовъ назывались у насъ до прихода варяговъ князьями, о томъ есть ясное свидѣтельство у лѣтописца, напр.: «Се Кій княжаше въ родѣ своемъ... И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княжене въ Поляхъ». «Наши князи добри суть, иже распасли суть деревьску землю». Слово: *князь* — имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца *семейства*. Этимъ *лексиконнымъ* опредѣленіемъ слова нѣкоторые возражатели (*читай: Аксаковъ*) воспользовались для того, чтобы обвинить меня въ смѣшеніи рода и семьи! Но прежде, подъ предлогомъ смѣшенія, возражатели должны были объявить непозволительнымъ всякое объясненіе слова сопоставленіемъ нѣсколькихъ близкихъ другъ къ другу, по значенію, словъ. Если бъ означенное лексиконное объясненіе слова *князь* было единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ бы я высказалъ свои понятія о родѣ, то, конечно, для отстраненія всѣхъ возможныхъ придирокъ, я измѣнилъ бы

это мѣсто; но если сами возражатели признаются, что въ дальнѣйшемъ разсужденіи моемъ «семья и родъ различены ясно» (см. у Аксакова I, стр. 70 и 71 по изд. М. 1889), то я не считаю себя обязаннымъ дѣлать подобныя измѣненія. Далѣе у меня сказано: «Правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти». Возражатель (читай опять: Аксаковъ и т. д.) говоритъ, что «здѣсь, для устраненія противорѣчія, мы должны разумѣть подъ отцомъ семейства родоначальника; иначе, если бъ надъ каждымъ отцомъ семейства не было высшей власти, то родоначальникъ, въ родѣ котораго должно быть не одно семейство, не имѣлъ бы никакого смысла» (Аксаковъ I, 68 — 69). Но зачѣмъ же возражатель не потрудился выписать всей статьи, къ которой относится упомянутое мѣсто? — тогда бы каждый читатель увидѣлъ, что здѣсь нѣтъ ни смѣшенія, ни противорѣчія, что здѣсь именно говорится объ отцѣ семейства, а не о родоначальникѣ, — объ отцѣ семейства, который былъ правителемъ внутри собственной семьи, имѣлъ право надъ жизнью и смертью своихъ дѣтей, право, при пользованіи которымъ надъ нимъ не было высшей власти, — власти родоначальника.

Возражатель имѣетъ свое понятіе о родовомъ бытѣ; онъ говоритъ (I, 81), что «любовь дѣтей къ родителямъ не можетъ являться во всей чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой, верховный отецъ, патріархъ всего рода». Этого мы уже никакъ понять не можемъ, не можемъ понять, почему дѣти Мономаха не могли сохранять любви къ отцу своему во всей чистотѣ, когда старшимъ въ родѣ счи-

тался двоюродный дядя ихъ Святополкъ Изяславичъ. По мнѣнію возражателя выходить, что въ нашихъ семьяхъ дѣти не могутъ какъ должно любить отца при существованіи дѣда! Такъ отрѣшенно отъ всякой дѣйствительности составленныя положенія рушатся при первомъ появленіи живого событія, живыхъ отношеній. Такъ же составилось положеніе возражателя, что «при родовомъ устройствѣ, гдѣ каждый родъ живетъ особо, никакая община не возможна», никакое общее совѣщаніе не возможно (I, 83); изъ этого положенія прямо слѣдуетъ, что между отдѣльными независимыми государствами невозможно никакое общее совѣщаніе, конгрессъ. Такъ же составилось положеніе возражателя, что если предположить сходку «въ отдѣльномъ родѣ, то тогда совершенно уничтожается родовое устройство» (I, 84): мы видимъ сѣзды, совѣщанія князей — родичей, принадлежащихъ къ одному роду, — и родовыя отношенія между ними отъ того не рушатся.

Для объясненія родового устройства я привелъ извѣстную старую чешскую пѣсню о Любушиномъ судѣ. Возражатель (I, 87—88) говоритъ, что здѣсь «судебный вопросъ этотъ былъ не родовой, а чисто семейный... на сценѣ семья, выдѣлившаяся изъ рода, а рода нѣтъ». Умираетъ отецъ, оставляетъ двоихъ сыновей, законъ принуждаетъ обоихъ братьевъ владѣть нераздѣльно отцовскимъ имуществомъ, — и здѣсь возражатель видитъ вопросъ семейный, а не родовой. Что же, по его мнѣнію, будетъ семья, и что родъ? до какихъ поръ будетъ простираться семья, и гдѣ долженъ начинаться родъ? Если братья по смерти отца составляютъ семью, а не родъ, то это все равно, что назвать зеленое желтымъ, и

утверждать, что зеленаго нѣтъ. Возражатель самъ чувствовалъ невыгоду своего положенія, и потому долженъ былъ прибѣгнуть къ натяжкѣ. «Но, скажутъ намъ: тутъ рѣчь идетъ просто о томъ, говорить онъ, что всѣ дѣти наследуютъ отцу и что *въ первую минуту наследованія* они всѣ вмѣстѣ владѣютъ наследствомъ, что потомъ не мѣшало имъ послѣ выдѣляться». Но откуда взялась эта *первая минута*? гдѣ о ней говорится? За натяжкою слѣдуетъ неправильное толкованіе текста пѣсни: возражатель говорить, что братьямъ «Любуша предлагаетъ или общее владѣніе или ровный раздѣлъ» — оба по старому закону, закону вѣкожизненныхъ боговъ; но Любуша говоритъ: рѣшите по закону вѣкожизненныхъ боговъ, владѣть имъ сообща наследствомъ или раздѣляться поровну? Если старый законъ говорилъ и то и другое, то нечего было бы и рѣшать, а просто отдать на выборъ тяжущимся; Любуша должна была бы сказать тогда только: «вотъ что говорить законъ!» Ясно, что снемъ не имѣлъ права одному положенію закона давать преимущество передъ другимъ, когда оба предлагались на выборъ. Кромѣ стараго закона, Любуша придумала еще новое средство рѣшить споръ ровнымъ раздѣленіемъ наследства и предлагаетъ снему рѣшить, что лучше. Но намъ не нужно вдаваться ни въ какія разсужденія, ибо одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ пѣснѣ, Ратиборъ, цитуетъ намъ этотъ старый законъ: по нему дѣти должны сообща владѣть имѣніемъ, — о раздѣлѣ ни слова.

Что же касается явленій, приводимыхъ изъ позднѣйшаго времени, изъ времени послѣ Рюрика въ Россіи, послѣ основанія государствъ вообще у сла-

вянскихъ народовъ, то эти явленія не идутъ къ нашему вопросу, ибо я признаю полное господство родового быта только до половины IX вѣка, а послѣ являются условія, которыя нарушаютъ эту полноту. *Нарушаютъ полноту*, говорю, и только: ибо и послѣ Рюрика явленія изъ родового быта такъ могущественны въ русской исторіи, что должны быть поставлены на первое мѣсто; таково, на примѣръ, господствующее явленіе въ древней нашей исторіи — родовыя княжескія отношенія. Какъ же разсуждаетъ о нихъ возражатель? Вотъ какъ: «замѣчательно, что если гдѣ можно, *хотя отчасти (!)* найти родовое устройство, такъ это въ родѣ Рюриковомъ, призванномъ, не туземномъ». Итакъ, по мнѣнію возражателя, родовыя княжескія отношенія были у насъ явленіемъ не славянскимъ, а варяжскимъ, т. е. скандинаво-германскимъ; но въ такомъ случаѣ возражателю слѣдовало начать вопросъ именно съ этого, показать прежде всего господство родового быта у скандинаво-германскихъ племенъ и отвергнуть его у славянскихъ. Но любопытнѣе всего здѣсь то, что возражатель писалъ свои возраженія тогда, когда статья моя «О родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ славянъ» (въ сборникѣ «Комета» 1851 г.) была давно уже извѣстна; возражатель однако заблагодарасудилъ умолчать о ней, — заблагодарасудилъ умолчать о томъ, что такія же родовыя княжескія отношенія существовали у другихъ славянскихъ народовъ, а у другихъ иноплеменныхъ народовъ не существовали! «Неужели можно сдѣлать такое предположеніе, — говоритъ возражатель (I, 108), — что родовое начало, привившись къ Рюрикову роду, исчезло совершенно изъ русской земли? — Несообраз-

ность такого предположенія очевидна» (стр. 108). Но кто же говоритъ, что оно исчезло? Въ мѣстничествѣ оно очевидно, ибо голословное, въ скобкахъ поставленное выраженіе: «хотя едва ли справедливо» (см. выше на стр. 45) — ни для кого не можетъ имѣть силы. Кто знакомъ съ источниками нашей древней исторіи, съ лѣтописями, тотъ знаетъ, что это — лѣтописи княжескія, говорящія преимущественно, исключительно почти о княжескихъ отношеніяхъ, отъ которыхъ зависѣла судьба страны; даже о вельможескихъ отношеніяхъ изъ лѣтописей мы почти ничего узнать не можемъ; подробности вельможескихъ отношеній, мѣстничества, мы узнаемъ изъ особеннаго позднѣйшаго источника, — изъ книгъ разрядныхъ. Но если о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ мы узнаемъ изъ лѣтописей, ибо отъ этихъ отношеній зависѣла судьба страны; если родовыя отношенія людей служилыхъ записаны въ разрядныхъ книгахъ, ибо эти отношенія имѣли близкую связь съ государственнымъ интересомъ, съ государственною службою: то въ какихъ лѣтописяхъ и въ какихъ разрядахъ мы найдемъ подробности о бытѣ, о родовыхъ отношеніяхъ остального народонаселенія? Изъ отсутствія же источниковъ, въ которыхъ мы могли бы видѣть подробности быта остального народонаселенія, имѣемъ ли право заключать, что здѣсь тѣхъ или другихъ отношеній не было?

О дорюриковскомъ родовомъ бытѣ восточныхъ славянъ самое ясное указаніе находимъ въ извѣстныхъ словахъ лѣтописца: «Живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ». Возражатель, отвергающій родовой бытъ, объясняетъ эти выраженія такъ, что *родомъ*

своимъ будетъ отвѣчать не на вопросъ: *чѣмъ?* а на вопросъ: *какъ?* и приводить два примѣра: они играли толпами, пришли *всѣмъ* народомъ. Но, во-первыхъ, въ приведенныхъ примѣрахъ глаголы *играть* и *притти* имѣютъ среднее значеніе, какого не можетъ имѣть глаголь *владѣть* у лѣтописца: каждый полянинъ *владѣль* (какъ?) родомъ, но *чѣмъ* же онъ *владѣль*? Во-вторыхъ, любопытнѣе всего здѣсь то, что возражатель, желая опровергать родовой бытъ, доказываетъ его: онъ говоритъ, что по словамъ лѣтописца, поляне «*владѣли* (безъ предмета *владѣнія*) *цѣлыми* своими отдѣльными родами, *по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ*», «каждый *владѣль* не одинъ, а *цѣлымъ* родомъ совокупно». Но если поляне *владѣли* по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ, каждый *владѣль* *цѣлымъ* родомъ совокупно, если каждый родъ составлялъ отдѣльное совокупное *владѣніе*, то, спрашивается, какой же можетъ быть здѣсь другой бытъ, кромѣ родового? Да воспользуются этимъ урокомъ тѣ, которые стараются сдѣлать спорнымъ предметъ, не допускающій спора!

Доказательство противъ родового быта возражатель находитъ въ преданіи о трехъ братьяхъ, строителяхъ Кіева, ибо здѣсь говорится, что братья жили на разныхъ мѣстахъ «*всѣ трое жили особо, на своихъ мѣстахъ*» (I, 97). Мы согласились бы еще съ возражателемъ насчетъ раздѣльности братьевъ, если бъ одинъ жилъ на Деснѣ, а другой на Припечи; но никакъ не согласимся потому только, что одинъ жилъ на Щековицѣ, а другой на Хоревницѣ, ибо никакъ не думаемъ, чтобы для поддержанія родового единства всѣ родичи должны были жить рядомъ въ одномъ домѣ, который, при многочислен-

ности членовъ рода, долженствовали быть чѣмъ-нибудь въ родѣ хрустальнаго дворца.

По мнѣнію возражателя, употребляемое въ лѣтописи слово *родъ* означаетъ *семью*; онъ говоритъ: «Въ значеніи современной совокупности живыхъ родителей, въ духѣ родового быта, предполагаемаго послѣдователями Эверса, или, другими словами, въ значеніи *колѣна*, — слово *родъ* не употребляется» (стр. 100—101). Въ отвѣтъ раскроемъ лѣтопись: подъ 1148 годомъ Изяславъ Мстиславичъ говоритъ *двоюродному* брату своему Ростиславу Юрьевичу: «мнѣ дай Богъ васъ, *братью свою*, всю имѣти и весь *родъ* свой въ правду, аки и душу свою». Здѣсь Изяславъ *родомъ* своимъ называетъ современную совокупность всѣхъ живыхъ родичей своихъ, всѣхъ князей — Ярославичей, противопоставляя эту совокупность ближайшимъ Мономаховичамъ, которыхъ называетъ *братшею* своею.

Возражатель не хочетъ согласиться и съ опредѣленіемъ слова *племя*, какъ подраздѣленіемъ рода; по мнѣнію возражателя, *племя* имѣетъ обширнѣйшее значеніе, чѣмъ *родъ*, чему доказательствомъ служить позднѣйшее выраженіе: *ни роду — ни племени*. Но когда дѣло идетъ о древнемъ бытѣ, о древнихъ понятіяхъ, то слова должны быть принимаемы въ томъ значеніи, какое они имѣли въ старину, а не въ томъ, какое имѣютъ теперь, ибо извѣстно, какъ слова перемѣняютъ значеніе. Мы видѣли, что Изяславъ Мстиславичъ *родомъ* своимъ называетъ совокупность всѣхъ родственниковъ, всѣхъ Ярославичей; но когда нужно было изъ этого рода назвать различныя линіи, противопоставляя ихъ одна другой, напримѣръ, Мономаховичей Ольговичамъ, то упо-

треблялось слово *племя*. Напр., подь 1140 годомъ новгородцы говорятъ Всеволоду Ольговичу: «Не хотимъ сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хотимъ племени Володимеря». Возражатель на томъ основаніи, что въ извѣстномъ выраженіи: «ни роду — ни племени», племя стоитъ послѣ рода, заключаетъ, что оно должно имѣть значеніе обширнѣйшее; но мы представимъ ему изъ начала XV вѣка примѣръ, гдѣ племя стоитъ прежде рода: «А кто ли почнетъ вступатися въ таа дѣла въ монастырская, или мѣрскый человекъ почнетъ чего зыскивати умершаго черныца, или племя или родъ общежителева, а тѣмъ того не искати» (Акты Истор. I, № 24). Въ нѣкоторыхъ памятникахъ XV же вѣка *племя* употребляется исключительно въ значеніи рода, родства, отчего является выраженіе: *ближнее племя*; *племянникъ* означаетъ просто родственника (Псковская Судная грам.). Когда два слова, не исчезая изъ языка, теряютъ свое прежнее различіе, начинаютъ употребляться одно вмѣсто другого, то бываетъ, что они складываются другъ съ другомъ, составляютъ двойственные слова съ однимъ значеніемъ, какъ: «родъ — племя», «*травка* — *муравка*». Примѣръ употребленія сложнаго слова *родъ — племя*: «У Ивашки у Жоглова родъ племя» (Крымскія дѣла, № 1, стр. 116). Не должно забывать настоящаго значенія слова *племя*, съ которымъ употребляется теперь оно: это приплодъ. Извѣстное выраженіе: оставить на *племя*; отсюда понятно, почему въ древнихъ памятникахъ *племя* означаетъ въ родѣ линіи рядъ нисходящихъ отъ извѣстнаго члена рода, его приплодъ, такъ сказать; ясно также, почему въ извѣстномъ выраженіи «ни роду — ни племени» племя

поставлено позади рода: чѣмъ больше родъ, тѣмъ больше силы и чести, по старымъ понятіямъ; чѣмъ меньше родъ, тѣмъ человекъ бѣднѣе, безпомощнѣе; человекъ самый бѣдный и несчастный есть тотъ, у котораго нѣтъ не только рода, обширнаго круга родственниковъ разныхъ степеней, но даже нѣтъ близкихъ, нѣтъ племени.

Наконецъ, возражатели хотятъ найти спасеніе въ выраженіи: *двоюродный братъ*, т. е. братъ двухъ родовъ, при чемъ родъ долженъ означать семью. Но пусть возражатели найдутъ это выраженіе въ какомъ-нибудь древнемъ памятникѣ; это слово позднѣйшее, ибо при господствѣ родового быта, въ древнее время, всѣ — и двоюродные, и троюродные, и т. д. — братья называются просто: братья по единству рода; общество, въ языкѣ котораго находимъ такое явленіе, есть общество родовое.

IV. ТЕОРІЯ РОДОВОГО БЫТА ВЪ ПОЗДНѢЙШЕЙ ПЕРЕРАБОТКѢ.

(А. И. Никитскій. «Очеркъ внутренней исторіи Пскова». Спб. 1873).

Представленія о древнемъ бытѣ Россіи *) распадаются, главнымъ образомъ, на два направленія, двѣ школы: объективную и субъективную. Первая изъ нихъ, главою которой является Соловьевъ и которая нашла продолжателя въ Чичеринѣ, утверждаетъ, что въ древнѣйшее время на Руси господствовали естественный, кровный родъ, подобный тому, какой представляется намъ князьями Рюрика дома, и въ этомъ утвержденіи доходить до парадоксальнаго положенія, отрицающаго въ древней Руси даже простое существованіе естественной семьи: семьи патріархальная жизнь не знаетъ, а знаетъ только родъ.

Субъективная школа, обязанная своимъ началомъ критическому уму К. Аксакова и имѣвшая талантливаго, хотя, въ смыслѣ школы, и непослѣдовательнаго представителя въ Костомаровѣ, на ко-

*) Въ предлагаемомъ изложеніи заимствованія сдѣланы изъ введенія къ книгѣ Никитскаго, озаглавленнаго *Взглядъ на родовую бытъ въ древней Руси* и первоначально появившагося въ № 8 «Вѣстника Европы» за 1870 г. Ред.

того поэтому и не могут быть строго распространяемы особенности субъективной школы, ударились въ противоположную сторону и отрицанію всякой собственно общественной (не кровной) связи въ свою очередь противопоставила подобное же рѣшительное отрицаніе связи родовой: рода древнерусская жизнь не знала, ибо родомъ въ древности называлось не что иное, какъ семья. И хотя, вопреки этому утверженію, самага существованія семьи у всѣхъ древнерусскихъ племенъ, за исключеніемъ полянъ, субъективная школа тоже страннымъ образомъ не признала, тѣмъ не менѣе, въ ея дальнѣйшей теоріи, семья, слагаясь въ высшія единицы, образуютъ общины, которыя отъ обыкновеннаго государства отличаются существенно тѣмъ, что представляютъ собою воплощеніе внутренней правды: демократическая община — вотъ характеристическій типъ древнерусскаго общественнаго строя.

Противоположныя утверженія, въ которыя характеристично впали обѣ стороны — и объективная и субъективная, стремилась примирить и сгладить смѣшанная теорія Кавелина *) и Тюрина. Къ сожалѣнію, избранный для этого путь привелъ не къ желанному примиренію и соглашенію, а только къ соединенію заблужденій первыхъ двухъ школъ въ третьей: ибо смѣшанная теорія, воспользовавшись

*) Авторъ здѣсь особенно имѣетъ въ виду извѣстную статью Кавелина *Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи*, появившуюся въ первой книжкѣ *Современника* за 1847 г. и перепечатанную въ I томѣ *Сочиненій К. Кавелина*: см. стр. 321—327. Срв. выше примѣчаніе на стр. 23. Тюрину, котораго затѣмъ упоминаетъ Никитскій, принадлежитъ книга *Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси*. Спб. 1850. Ред.

совершенно внѣшнимъ средствомъ, рядомъ съ естественнымъ, кровнымъ родомъ, признаннымъ ею за низшую единицу общежитія, поставила, какъ высшее цѣлое, чисто политическую общину. Но противорѣчія примиряются и побѣждаются не сопоставленіемъ ихъ рядомъ или другъ надъ другомъ, а отысканіемъ новаго начала, способнаго все примирить, все сгладить. Такимъ всепримиряющимъ началомъ, способнымъ очистить патріархальную теорію отъ ея внутреннихъ противорѣчій и сдѣлать неоспоримымъ господство ея и въ древней Руси, представляется намъ мысль о *фиктивномъ или политическомъ родѣ*, — мысль, говорящая, что съ одной стороны родъ не былъ явленіемъ естественнымъ, кровнымъ, а фиктивнымъ, съ другой же — община была не чисто политическою, т. е. мѣстною, а родою. Въ разницѣ между политическимъ и кровнымъ, естественнымъ родомъ и вытекающими отсюда слѣдствіями и заключается отличіе нашего мнѣнія отъ представленія объективной школы.

Сравнительная исторія показываетъ, что въ предѣлахъ индо-европейской отрасли народовъ родъ обыкновенно заключалъ въ себѣ кромѣ лицъ, связанныхъ между собою узами родства, и постороннихъ членовъ; что даже тѣ примѣры, которыми обыкновенно доказывается существованіе естественнаго рода, какъ, напримѣръ, кельтійскій кланъ или кланъ горной Шотландіи, въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ оказываются не совсѣмъ чуждыми посторонней примѣси, которая характеризуетъ другія подобныя явленія. Такъ индійскіе общественные союзы основываются не на одной только одинаковости происхожденія, но и на допущеніи въ свою

среду людей, совершенно постороннихъ. Относительно греческихъ родовъ уже Аристотель и Дикархъ отрицали существованіе строгой родственной связи; новѣйшіе историки Греціи также не задумываются считать греческіе роды отчасти искусственными. Въ римской жизни какъ семья постоянно наполнялась посторонними лицами (*adoptio*), такъ точно и другія высшія единицы. Въ древней Германіи второй фиктивный элементъ рода характеризовался названіями: *suī*, *vicini* или *gegyldan*. Однако русская наука какъ бы не замѣчала этихъ аналогій и, имѣя постоянно въ виду мысль объ одномъ только естественномъ родѣ, никакъ не могла выпутаться изъ тѣхъ противорѣчій, въ которыя ей приходилось впадать при объясненіи дѣйствительныхъ фактовъ. Какъ бы разнообразны ни были мнѣнія, которыя возникали въ средѣ науки относительно древнѣйшаго быта на Руси, какъ бы значительно ни удалялись они одно отъ другого, къ какимъ бы страннымъ слѣдствіямъ ни приводили эти мнѣнія: для всѣхъ партій представленіе о родѣ, какъ естественномъ, кровномъ явленіи, было несомнѣннымъ; всѣ партіи сходились въ томъ, что подѣ семьей нужно разумѣть отца семьи съ его нисходящими, тогда какъ подѣ родомъ и боковыхъ родственниковъ съ ихъ нисходящими — и такимъ образомъ второстепенный, случайный признакъ возводили на степень характеристическаго, существеннаго. А между тѣмъ исторія славянъ представляетъ такія несомнѣнныя доказательства существованія фиктивныхъ семей еще въ XV столѣтіи, какія въ соотвѣтственной ясности и полнотѣ врядъ ли найдутся въ исторіи другихъ европей-

скихъ народовъ. Полицкій статутъ, состоявшійся въ 1400 году въ далматской общинѣ Полицѣ, въ своихъ постановленіяхъ касательно устройства полицкой верви наглядно раскрываетъ предъ нами какъ характеръ, такъ и всѣ элементы фиктивной семьи у славянъ. Полицкая вервь представляетъ по статуту, относящему ее къ исконнымъ учрежденіямъ, явные слѣды своего чисто родового происхожденія, такъ какъ члены верви называются прямо братьями; отсюда понятно, что у другихъ славянъ (сербовъ) слово «врѣвникъ» получило значеніе родственника. Но этотъ родовой союзъ имѣлъ не естественное, кровное значеніе, а фиктивное; братство основывалось на фикціи, такъ какъ между братьями различались братья ближніе или присные, дальніе или не премприсные и вервные, — въ составъ братства, слѣдовательно, входили не только семья и дальніе родственники, но и братья вервные или сосѣди (сусиди). Точно такъ же и въ древней Руси родовой союзъ, о которомъ неоднократно свидѣтельствуютъ первыя страницы лѣтописи, имѣлъ не кровное, а фиктивное значеніе: въ этомъ всего лучше убѣждаетъ насъ существованіе вымышленныхъ родоначальниковъ, подобныхъ Кію, Радиму и Вятку, отъ которыхъ вели свое происхожденіе древнерусскіе роды и племена.

Но сказать, что родъ былъ явленіемъ фиктивнымъ, — значитъ сдѣлать только половину дѣла. Ибо въ родовомъ бытѣ не только всѣ отношенія регулируются родовымъ началомъ, но послѣднее, если выражаться строго, даже совсѣмъ исключаетъ начало территоріальное, мѣстное и сообщаетъ ему второстепенное значеніе: въ то время всѣ общественныя

дѣла опредѣляются не принадлежностью членовъ общества къ извѣстной мѣстности, къ извѣстному округу, а единственно принадлежностью къ извѣстному роду. Второстепенное значеніе территоріальнаго или мѣстнаго принципа особенно ярко высказывается съ одной стороны въ преобладаніи патронимическихъ именъ, какъ, напр., Кривичи, Дреговичи, Вятчи, Радимичи, Увѣтчи, Хвалимичи, въ названіяхъ племенъ и поселеній и въ отсутствіи именъ топическихъ, мѣстныхъ; съ другой же — въ кочеваніи населенія, положившемъ основаніе тому явленію среднихъ вѣковъ, которое извѣстно каждому подъ именемъ великаго переселенія народовъ. Въ этотъ періодъ цивилизаціи отдѣльные народцы, хотя и знаютъ уже мѣсто жительства и родину, но не прикованы къ ней и легко оставляютъ ее, особенно при скоромъ истощеніи воздѣлываемыхъ полей, что обусловливалось низкимъ состояніемъ земледѣлія.

Замѣчанія, высказанныя выше о характерѣ фиктивной семьи или рода, даютъ право сдѣлать нѣкоторыя общія соображенія о томъ новомъ основаніи, которое вводилось въ жизнь фикціею родства. Намъ уже извѣстно, что родъ образуется не чрезъ умноженіе числа людей, не чрезъ естественное размноженіе семьи, приобрѣтающей все новыхъ и новыхъ членовъ и расширяющей затѣмъ, сообразно съ новыми потребностями, свой бытъ; напротивъ, родъ создается посредствомъ фикціи, распространяющей узы родства и на постороннія лица. Цѣль подобной фикціи заключается не въ томъ, чтобы новому обществу дать благозвучное имя, торжественное богослуженіе и неопредѣленное чувство

общности, а въ томъ, чтобы съ помощью ея получить руководную нить для организаціи всѣхъ новыхъ общественныхъ отношеній. Иначе: если въ родѣ вся жизненная дѣятельность и облекается въ формы семьи, тѣмъ не менѣе такое общество столь же трудно счесть за естественный продуктъ, въ противоположность съ юридической или политической общиной, какъ трудно видѣть естественное явленіе въ мѣстной общинѣ. Семья превращается въ родъ единственно лишь тѣмъ, что она уже перестаетъ довольствоваться физическими и нравственными отношеніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ приобретаетъ сознаніе о юридическомъ или политическомъ принципѣ жизни и сообщаетъ этому принципу обязательное или объективное значеніе. Поэтому получаемая черезъ усиленіе юридическаго сознанія новая общественная единица, родъ, есть не что иное, какъ государство; новое начало, сообщаемое жизни фикціею родства, есть начало государственное: при разсмотрѣніи родового быта историкъ присутствуетъ при зарожденіи государства. Родовое или патріархальное государство такимъ образомъ основывается не на территоріальномъ или мѣстномъ принципѣ, а на кровномъ, при чемъ территоріальный занимаетъ только второстепенное мѣсто; съ другой же стороны, придаетъ кровному принципу не столько дѣйствительное, сколько фиктивное, миѣческое значеніе. Если второй признакъ устраняетъ всякое смѣшеніе естественнаго, кровнаго рода съ родовымъ государствомъ или полагаетъ между ними рѣзкую границу, то первый дѣлаетъ невозможнымъ смѣшеніе фиктивной семьи съ позднѣйшею общиной, представленія о которой въ русской наукѣ от-

личаются еще меньшею определенностью, чѣмъ представленія о родѣ. Если подѣ общиной разумѣть только, какъ оно на самомъ дѣлѣ и слѣдуетъ, второстепенный политическій организмъ, то въ этомъ смыслѣ и роды, когда надъ ними есть высшая политическая единица, могутъ быть названы общинами. Но когда общинный бытъ противопоставляется родовому, тогда подѣ общиной разумѣется нѣчто совершенно иное, чѣмъ второстепенный политическій организмъ: община тогда представляется мѣстною. Въ этомъ случаѣ родъ составляетъ полную противоположность общинѣ и смѣшать ихъ нѣтъ никакой возможности, ибо родовое начало совсѣмъ исключаетъ начало мѣстное.

Къ сожалѣнію, скудость собственно русскихъ источниковъ не допускаетъ дальнѣйшаго разъясненія мысли объ общемъ родовомъ владѣніи въ древней Руси; если и извѣстно, что владѣніе было общее, по родамъ, зато трудно сказать что-либо положительное насчетъ того, какую форму имѣло родовое совладѣніе, дѣлилась ли земля на отдѣльные участки или же обрабатывалась сообща, и затѣмъ уже полученный продуктъ распределялся между всѣми домовладыками. За первое предположеніе говоритъ господствующая до настоящаго времени на Руси общинная система пользованія землею, представляющая разительное сходство съ описаніемъ Германіи у Тацита, но замѣчаемая только въ новѣйшемъ періодѣ русской исторіи и выросшая, по всему вѣроятію, подѣ влияніемъ фискальных соображеній правительства; за второе же мнѣніе, заслуживающее полного предпочтенія, — аналогія славянской жизни. Дѣйствительно, не только въ древ-

нѣйшее время славяне сообща обрабатывали свои земли и сообща пользовались ихъ продуктами, но даже и по настоящее время быть славянѣ, населяющихъ Австрію и Турцію, представляетъ ясные примѣры какъ общаго пользованія сельскими продуктами, такъ даже и совмѣстнаго жительства въ одномъ домѣ.

Съ общимъ владѣніемъ поземельною собственностью тѣсно связано другое явленіе, очень ярко характеризующее родовой бытъ и сообщавшее его учреждениямъ прочное единство: мы разумѣемъ круговую поруку. Такъ какъ землю владѣли союзы, роды, а не отдѣльныя лица, то естественно, что только одни союзы могли и должны были принять на себя отвѣтственность за преступленія своихъ членовъ, ибо только у однихъ союзовъ было въ обладаніи землей достаточное ручательство за исполненіе возложенной на нихъ отвѣтственности. Порука, которою обязывались родовые союзы, характеризуется слѣдующими чертами, которыхъ никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, для того, чтобы не смѣшать родовой поруки съ позднѣйшею. Какъ и вообще родовыя учрежденія, союзная порука обнимала только членовъ, принадлежавшихъ къ роду, то-есть основывалась на кровномъ, дѣйствительномъ или фиктивномъ союзѣ; позднѣйшая же круговая порука исходила изъ территоріальнаго или мѣстнаго начала, которое отличается легко отъ родового тѣмъ, что въ основаніи поруки полагаетъ принадлежность лица не къ извѣстному роду, а къ извѣстной мѣстности, которое принимаетъ за исходный пунктъ существованія въ извѣстной мѣстности слѣдовъ преступления и солидарность обитателей

этой мѣстности въ отвѣтственности за преступленіе, слѣдовъ котораго они не могутъ отклонить отъ себя, то-есть своего округа. Съ другой стороны, родовая порука отличается еще и тѣмъ характеромъ, что обязанность, налагаемая ею, состоитъ не столько въ представленіи преступника на судъ, сколько въ отвѣтственности за самое преступленіе, въ несеніи цѣлымъ союзомъ наказанія на ряду съ преступникомъ или даже вмѣсто него.

Круговая порука, замѣчаемая на Руси въ историческое время и распространявшаяся не только на убійство, но и на нѣкоторыя другія, второстепенныя преступленія, какъ, напр., кражу, соединяетъ въ себѣ отличительныя черты обоихъ періодовъ развитія, какъ принадлежность къ извѣстной мѣстности, такъ и солидарность въ отвѣтственности за самое преступленіе, и такимъ образомъ является совершенно естественнымъ дальнѣйшимъ фазисомъ въ развитіи родовой поруки. Хотя, съ одной стороны, она и основывается на территориальномъ принципѣ, на существованіи слѣдовъ преступленія въ извѣстной мѣстности, верви; зато съ другой — члены верви не ограничиваютъ своей дѣятельности одной выдачей преступника, но отвѣчаютъ и за самое преступленіе. Только со времени Ярослава замѣчается стремленіе къ стѣсненію поруки за самое преступленіе, къ снятію съ верви всякой отвѣтственности тогда, когда преступникъ былъ налицо, къ ограниченію законныхъ штрафовъ только тѣми случаями, когда вервь не хотѣла или не могла исполнить возложенной на нее обязанности, не представляла на судъ человѣка, совершившаго преступленіе.

Уже одно простое существованіе поруки, отвѣча-

ющей за самое преступленіе, можетъ быть удовольствительно объяснено единственно предположеніемъ, что въ жизни раньше господствовала сильная родовая связь, предпочитавшая скорѣе принять на себя слѣдствія преступленія, чѣмъ подвергать своего сочлена всѣмъ шансамъ кровной мести, владычествовавшей въ то время, что позднѣйшая мѣстная порука есть только видоизмѣненіе родовой, — видоизмѣненіе, вызванное къ жизни измѣненіемъ въ характерѣ общества.

Характеръ первоначальной общественной цивилизаціи, раскрывающійся въ несуществованіи въ то время трудно примиримыхъ частныхъ интересовъ, въ простотѣ и незначительности большей части дѣлъ, наконецъ въ ограниченности размѣра политическихъ организацій (родовыхъ союзовъ), не только не требовалъ созданія особенныхъ общественныхъ органовъ, обыкновенно вызываемыхъ развѣтвленностью интересовъ, а напротивъ, позволялъ ограничиться одними только средствами, представляемыми семьею. Поэтому, сообразно съ характеромъ первоначальной культуры, единственнымъ общественнымъ органомъ въ родовомъ союзѣ, какъ и въ дѣйствительной семьѣ, былъ родоначальникъ, извѣстный у славянъ подъ многоразличными именами дѣда, ота, отца, отчика, бати, старѣйшины, владыки, воеводы, князя, леха, кмета и т. д. Большая часть этихъ именъ, очевидно, заимствована отъ естественныхъ, семейныхъ отношеній; да и тѣ изъ нихъ, которыя на первый взглядъ какъ бы отдаляются отъ этого источника, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются вышедшими изъ того же самаго круга понятій. Такъ, напр., названіе

князь, древ.-верхн.-нѣм. *chuninc*, древн.-ф. *kuning*, англ.-сак. *cyning*, древ.-сѣв. *konûngr*, *kôngr*, происходить вмѣстѣ съ *kuni*, родъ, отъ корня *kan*, первон. *gan* — рождать *). Однако, хотя власть родоначальника и создана по образцу власти семейной, тѣмъ не менѣе ея никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ послѣдней. Въ семьѣ вся власть исходитъ отъ отца семейства и не нуждается въ признаніи со стороны подчиненныхъ: отецъ, приобретающій себѣ все новыхъ и новыхъ потомковъ, естественно получаетъ надъ ними власть, какъ творецъ надъ своими произведеніями. Иное дѣло въ родовомъ союзѣ. Тамъ вся власть исходитъ изъ рода, опирается въ своемъ происхожденіи на нѣмомъ или явномъ договорѣ всѣхъ потомковъ, — короче, основывается на выборѣ. Патриархальный характеръ родоначальнической власти сказывается въ той обширной комбинаціи, соединеніи званій, какую представляла особа родоначальника. Такъ какъ въ первоначальный періодъ развитія человѣчества различіе между частнымъ правомъ и правомъ общественнымъ, такъ сказать, только чувствовалось смутно, систематически же проводимо быть не могло, то вслѣдствіе этого обстоятельства въ обязанность родоначальника входили такія занятія, которыя вполнѣ принадлежали къ сферѣ частной жизни и были бы приличны для одного развѣ дѣйствительнаго отца семейства, — напримѣръ, заботы по женитьбѣ и выдачѣ замужъ членовъ рода. Такъ какъ, далѣе, первоначальная культура не достигла еще до абстрактнаго различія между личнымъ и вещественнымъ правами и постоянно смѣшивала

*) Срв. выше на стр. 48.

вещи съ лицами, то родоначальникъ соединялъ въ своей особѣ разные виды общественной дѣятельности, — не только судъ, но и управленіе: онъ былъ жрецомъ, судьей и воеводой — представителемъ рода какъ во внѣшнихъ отношеніяхъ, такъ и предъ богами.

Съ сосредоточіемъ такихъ разнообразныхъ званій въ особѣ одного родоначальника возникаетъ серьезная опасность превращенія отеческой власти перваго въ деспотическую, такъ какъ родовая власть лишена того чувства любви, которое связываетъ отца съ его семьей. Отсутствие этого чувства дѣлаетъ возможнымъ проявленіе со стороны родоначальника самыхъ рѣшительныхъ несправедливостей; поэтому давнишнимъ предметомъ русской науки былъ до сихъ поръ еще нерѣшенный вопросъ о томъ, какимъ характеромъ отличалась родовая власть — была ли она деспотическою или нѣтъ? Форма происхожденія патріархальной власти уже сама по себѣ свидѣтельствуесть о томъ, что явленіе, свойственное по природѣ одной семейной области, отнюдь не распространялось на другую область — родовую. Родъ былъ не простою расширенною семьею, а политическимъ союзомъ; родовая власть не возникла естественно, а основывалась на выборѣ; поэтому, если власть отца семейства является по своей сущности неограниченною, то власть родоначальника, наоборотъ, доступна для всякаго ограниченія, и ни при какихъ обстоятельствахъ, пока родовой принципъ остается въ силѣ, эта характеристическая черта родовой власти не уступаетъ своего мѣста деспотизму. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что, хотя власть родоначальника и была обшир-

ною, тѣмъ не менѣе истинный центръ тяжести власти находился не въ рукахъ родоначальника, а въ рукахъ родовыхъ союзовъ. Если родоначальникъ и былъ жрецомъ, тѣмъ не менѣе между славянами, какъ и въ Германіи, никогда не водворялась теократія; родоначальникъ былъ воеводою, но всѣмъ извѣстно, какую слабую властью пользовался и въ позднѣйшее время на Руси воевода относительно своихъ подчиненныхъ; родоначальникъ, наконецъ, былъ судьей; но на судѣ ему принадлежало только руководство, рѣшительная же власть всегда оставалась за союзами.

Если въ русской наукѣ всѣ партіи, какъ бы различно онѣ ни относились къ вопросу о господствѣ родового быта въ древней Руси, сходились въ положеніи, что родъ былъ явленіемъ естественнымъ, кровнымъ, то еще болѣе всѣ стороны убѣждены были въ томъ, что родовой бытъ и исчерпывается устройствомъ естественнаго рода; что дальше за родомъ не было никакихъ политическихъ учрежденій, а если и были, то происхожденіемъ своимъ обязывались необходимости, какъ думали одни, или же учрежденія отличались совершенно инымъ, общиннымъ, а не родовымъ характеромъ, какъ думали другіе. Въ дѣйствительности же за родомъ патріархальныя учрежденія чуть-чуть ли не начинались. Явленіе круговой поруки очень убѣдительно показываетъ, что родовой бытъ не ограничивался однимъ только устройствомъ простаго рода, но что за предѣлами послѣдняго создавалъ новыя, гораздо обширнѣйшія единицы общежитія. Дѣйствительно, если только родъ ручался въ отвѣтственности за преступленія своихъ сочленовъ, то необходимо пред-

положить, что была какая-либо высшая общественная единица, которая налагала на отдѣльные роды обязанность подобной поруки: ибо, въ противномъ случаѣ, кто бы могъ ручаться, что справедливыя требованія обиженнаго будутъ удовлетворены, и что снова не явится потребность въ кровной мести? Точку опоры новое общежитіе находило въ *городѣ*.

Патріархальная цивилизація была вмѣстѣ съ тѣмъ цивилизаціею догородскою: она совсѣмъ не имѣла понятія о городѣ, не только въ томъ видѣ, въ какомъ городъ представляется нашимъ глазамъ, но даже не знала города какъ мѣста общаго, совокупнаго сожительства многихъ людей, какъ это замѣчается въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за родовымъ бытомъ. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего страннаго. Въ патріархальное время каждый родъ составлялъ особенное цѣлое и жилъ на особомъ мѣстѣ; слѣдовательно, въ принципѣ жизни не было побудительныхъ причинъ къ соединенію людей въ такія значительныя группы, какія представляются городами. Однако, небезопасность жизни, истекавшая изъ сильнаго разъединенія и необузданнаго произвола личности, побуждала родовые союзы къ совокупному созданію такихъ мѣстоприбѣжищъ, которыя бы своими удобствами превосходили естественныя мѣста защиты, доставляемыя окрестною природой, именно — лѣса, воды и горы. Такія мѣстоприбѣжища, сооруженіе которыхъ было однимъ изъ первыхъ проявленій возникавшей между отдѣльными родами связи, состояли не въ чемъ иномъ, какъ въ огороженномъ стѣнами пустомъ пространствѣ, и назывались *городами*. Въ эти-то огороженные мѣста и укрывались, въ случаѣ нападенія какого-либо

врага, соединенные въ одно цѣлое роды вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ скота. Такой характеръ первоначальнаго города доказывается какъ значеніемъ слова «*городъ*», такъ и нѣкоторыми чертами его дѣйствительнаго устройства. Названія города въ разныхъ языкахъ указываютъ или на защиту: городъ, городить, огорода, подобно тому, какъ агх одного корня съ агсеге, Burg съ bergen, или же на возвышенность мѣста, на которомъ городъ естественно воздвигался, какъ укрѣпленіе: акра, capitolium, вышгородъ. Характеръ же города отражалъ главное назначеніе послѣдняго тѣмъ, что въ немъ не было жилого населенія, что города были обыкновенно незначительнаго размѣра, достаточнаго только для того, чтобы дать возможность укрыться соединеннымъ вмѣстѣ родамъ*). Если же съ теченіемъ времени населеніе и примыкало къ городу, то все-таки селилось не внутри стѣнъ, а около послѣднихъ; и это обстоятельство объясняетъ намъ, почему кремль (кремъ, кромъ, городъ кромный), который можетъ быть принять за образецъ древняго города, и въ позднѣйшее время обыкновенно не имѣлъ почти никакого населенія. Такимъ образомъ, древнѣйшія мѣста убѣжища не были городами въ собственномъ смыслѣ, а только основаніями для будущихъ городовъ, образовавшихся впоследствии черезъ присоединеніе зданій къ городскимъ стѣнамъ и въ свою очередь защищавшихся новыми стѣнами, *остроумъ* (стерегу, подобно тому какъ urbs родств. съ curvus, orbis — кругъ, ограда). Въ новѣйшее время остатки такихъ пу-

*) Срв. выше на стр. 19 замѣчанія Соловьева.

стыхъ городовъ, называющихся у славянъ городищами (городище значитъ мѣсто бывшаго города), превратились въ совершенныя загадки. И подобно тому, какъ запустѣлыя городскія стѣны мѣстности Эквикуловъ въ Италиі возбуждали удивленіе въ римскихъ и новѣйшихъ археологахъ и заставляли первыхъ помѣщать тамъ своихъ аборигеновъ, а вторыхъ — своихъ пелазговъ; такъ точно и у славянъ городища вызвали вниманіе со стороны археологовъ, которые, какъ напримѣръ Ходаковскій, считали себя въ правѣ видѣть въ нихъ не что иное, какъ языческія святилища. Но хотя древнѣйшіе города и были обыкновенно мѣстомъ сооруженія жертвенниковъ и храмовъ, и поэтому тамъ легко могутъ быть находимы жертвенные остатки, тѣмъ не менѣе первоначальное значеніе ихъ было оборонительное, а незначительная величина ихъ указываетъ не на святилища, а только на то, что въ нихъ не было жилья.

Возможность образованія изъ отдѣльныхъ родовъ новаго, обширнѣйшаго общезжитія, опиравшагося на городъ, доставляла та же самая фикція, на которой основывался и простой родовой союзъ. Во время миѣическаго періода фикція родства распространялась не только на членовъ каждаго рода, но и на цѣлыя племена, которыя считали себя, подобно радимичамъ и вятичамъ, происшедшими отъ какого-либо общаго родоначальника; даже самые родоначальники отдѣльныхъ союзовъ, какъ напр., Кій, Щекъ и Хоривъ, Радимъ и Вятко были проводимы въ родственную связь и объявляемы братьями, подобно тому, какъ въ Кабулѣ малики ближайше связанныхъ афганскихъ улусовъ смотрѣли на своихъ

родоначальниковъ, какъ на братьевъ и сыновей героя, отъ котораго племя, и въ особенности его ханъ, считали себя происшедшими. Такимъ образомъ, родовой бытъ основывался, собственно, на двойной фикціи или лучше на фикціи двойного родства: во-первыхъ, членовъ родовыхъ и племенныхъ союзовъ между собою, а затѣмъ уже представителей родовъ, родоначальниковъ. На основаніи перваго родства созидался собственно простой родъ, на основаніи втораго — высшія родовыя единицы. Можно даже составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ путемъ и въ какой формѣ созидались новыя патріархальныя цѣлыя. Между ближайше обитавшими родами выдвигался одинъ какой-либо членъ (родовой союзъ) и фактически пріобрѣталъ власть, но фактически пріобрѣтенною властью пользовался не иначе, какъ въ формахъ старѣйшинства; въ ряду другихъ родовъ онъ возводился на степень старѣйшаго, а черезъ это самое и родоначальникъ его естественно становился на мѣсто родоначальника цѣлаго племени или князя. Такимъ образомъ, во время родового быта старшинствомъ считались не только въ предѣлахъ рода, но и родовые союзы между собою, и эти родовые счеты, въ приспособленной къ измѣнившимся обстоятельствамъ формѣ, сохранились до позднѣйшаго времени въ пригородномъ началѣ, въ порядкѣ старшинства городовъ, изъ которыхъ одни считались старѣйшими, другіе же молодшими или пригородами. Порядокъ старшинства между родами и городами составляетъ поэтому не противорѣчіе основному принципу патріархальной теоріи, какъ думалъ Кавелинъ*), а напротивъ, совершенно закон-

*) Срв. «Сочиненія» I, 332.

ное слѣдствіе, дальнѣйшее примѣненіе его къ тогдашней жизни. Мысль о такихъ счетахъ старшинствомъ нисколько не страдаетъ отъ отсутствія въ ней юридической мѣрки, опредѣлявшей старшинство: старшинство не было простымъ юридическимъ титуломъ, на который опирались лица или роды, старавшіеся захватить власть въ свои руки; напротивъ, оно было нормой, по которой устраивались общественныя отношенія, когда власть уже фактически была пріобрѣтена. Въ періодъ развитія челоуѣчества, когда такъ мало было основныхъ зиждительныхъ элементовъ, мысль о старшинствѣ служила единственной путеводной нитью при организаціи общественныхъ отношеній.

Хотя возвышеніе какого-либо родового союза на степень старѣйшаго, сообразно съ чѣмъ и родоначальникъ его получалъ относительно другихъ родовъ соотвѣтственную власть, т. е., дѣлался княземъ, старѣйшиною цѣлаго племени, первоначально и связывалось съ подчиненіемъ остальныхъ родовъ, которое ничѣмъ не отличалось отъ полной зависимости, тѣмъ не менѣе такое положеніе дѣлъ, по характеру времени, долго продолжаться не могло. Съ теченіемъ времени, при ближайшемъ столкновеніи интересовъ, и подчиненные получили вліяніе на дѣла новаго союза, получили право, наравнѣ со старѣйшими, участвовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ избраніи общаго родоначальника, князя, хотя за старѣйшимъ родомъ все-таки оставалось то преимущество, что князь избирался только изъ среды этого союза. Княжескую власть въ высшей родовой единицѣ нужно поэтому представлять съ одной стороны наследственной, такъ какъ право быть избираемымъ

ограничивалось предѣлами одного только рода, съ другой же — выборною, такъ какъ въ самомъ родѣ князь обыкновенно избирался, при чемъ въ случаѣ надобности могли принять участіе и члены всѣхъ остальныхъ родовъ. Такое высшее патріархальное общежитіе, полученное посредствомъ расширения фикціи родства, называлось на Руси *княженъемъ*. Патріархальными княженіями была покрыта вся Русь: княженья встрѣчаются у полянъ, древлянъ, дреговичей, новгородцевъ, полочанъ. Преданіе даже сохранило намъ имена нѣкоторыхъ изъ этихъ князей, какъ напримѣръ, имя Мала, князя древлянскаго, жившаго и дѣйствовавшаго уже въ историческое время.

Между тѣмъ какъ въ однихъ типахъ государственной жизни, напримѣръ въ государствѣ, основанномъ на военномъ владычествѣ, внутренняя сила государства возрастаетъ пропорціонально расширенію его границъ, въ то время въ родовомъ устройствѣ замѣчается совершенно противоположное явленіе: внутренняя сила государства ослабляется сообразно съ увеличеніемъ его объема, сообразно съ расширеніемъ господства родового принципа по болѣе значительной территоріи. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ узы родства, чѣмъ дальше онѣ будутъ удалены отъ своего первоначальнаго источника, семьи, тѣмъ меньше будутъ заключать въ себѣ внутренней силы *). Чувство родства, уваженіе къ власти родоначальника могутъ сохранить полное значеніе только въ незначительныхъ размѣрахъ рода; но если только фикція родства расши-

*) Срв. съ тѣмъ, что говорится далѣе на стр. 87.

ряется, если создается новая, обширнѣйшая политическая единица, то тотчасъ же является потребность въ религіозномъ или политическомъ суррогатѣ, который, однако, больше извращаетъ первоначальный бытъ, чѣмъ сообщаетъ ему новую силу. Поэтому, между тѣмъ какъ въ простомъ родѣ члены связываются между собой подчиненіемъ власти родоначальника, общою поземельной собственностью, обязанностью круговой поруки, въ то время въ высшей родовой единицѣ, княженіи, общественная связь распространяется только на подчиненіе нѣкоторымъ общимъ учрежденіямъ, къ числу которыхъ относятся народное собраніе, вѣче, совѣтъ старѣйшихъ и княжеская власть; послѣдняя, впрочемъ, встрѣчается не всегда, временами дѣло обходилось и безъ личной власти.

Расширеніе родовой власти на болѣе обширную территорію или образованіе новаго цѣлаго посредствомъ соединенія нѣсколькихъ родовъ не могло совершиться безъ соотвѣтственнаго ослабленія самой власти, безъ привлеченія къ участию въ ней самихъ подчиненныхъ. На этомъ-то привлеченіи къ власти и основывалась возможность подчиненія представителю цѣлаго племени, князю, простымъ родоначальниковъ, которые въ предѣлахъ родовыхъ союзовъ пользовались полною самостоятельностью. Ибо въ совѣтѣ, который являлся на ряду съ княземъ во всѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ, родоначальники находили полное вознагражденіе за свое подчиненіе княжеской власти. Уже одно названіе членовъ родового совѣта старѣйшинами указываетъ отчасти на происхожденіе сената; еще болѣе убѣждаетъ въ томъ же самый характеръ старѣйшинъ.

Старѣйшинами были лучшіе люди, которые держали землю или управляли ею, т. е. имѣли въ ней власть; а власть по характеру того времени могла принадлежать въ землѣ, кромѣ князя, только родоначальникамъ. Родовой сенатъ основывался такимъ образомъ не на предположеніяхъ вещественнаго или личнаго права, не на величинѣ землевладѣнія или знатности происхожденія, а на общественномъ положеніи старѣйшинъ, которое они уже раньше занимали въ отдѣльныхъ родовыхъ союзахъ. Если власть князя связывалась необходимымъ содѣйствіемъ совѣта родоначальниковъ, то она еще болѣе, равно какъ и самый сенатъ, ограничивалась народнымъ собраніемъ, *въчемъ*: и это совершенно естественно, такъ какъ родовая власть не была властью семейною, получила начало не отъ расширенія семьи, естественно подчиняющейся авторитету главы семейства, а отъ родовыхъ союзовъ, основывалась на договорѣ, на избраніи родоначальника членами союзовъ. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать свидѣтельства иностранцевъ *), утверждающихъ, что славяне жили въ демократіи. Народное собраніе патриархальнаго періода можетъ быть названо первобытнымъ собраніемъ (*Urversammlung*), *въчемъ*, такъ какъ оно основывалось не на представительствѣ какихъ-либо политическихъ союзовъ, а на непосредственномъ, личномъ участіи всѣхъ членовъ патриархальнаго княженья. Такое собраніе совершенно соотвѣтствовало всѣмъ условіямъ древнѣйшей цивилизаціи. Такъ какъ родовые союзы, княженья, всѣ были

*) Срв. выше на стр. 28. Здѣсь Никитскій имѣетъ въ виду свидѣтельство Прокопія въ его *De bello gothico*.

большею частью незначительнаго размѣра, то понятно, что посѣщеніе вѣча было доступно для всего населенія въ княженъ; что въ извѣстные дни, — у вагровъ, напримѣръ, въ понедѣльникъ, — жители селъ и деревень, входившихъ въ составъ союза, могли утромъ явиться въ городъ, исполнить тамъ свои торговыя дѣла, принять участіе въ народномъ собраніи, если оно было, а затѣмъ къ вечеру разойтись спокойно по своимъ мѣстожительствомъ. Но съ расширеніемъ предѣловъ государства и съ появленіемъ трудно-примиримыхъ интересовъ, первобытное собраніе теряетъ смыслъ и превращается, какъ показываютъ примѣры Рима и Великаго Новгорода, въ господство главнаго города, если не черни послѣдняго. Мѣсто народнаго собранія, совпадавшее обыкновенно съ торгомъ, имѣло посрединѣ деревянный помостъ, иногда распадавшійся на отдѣльныя пирамиды, или трибуну, со ступеней которой говорили къ народу правительственныя лица: такія трибуны, естественно требуемыя собраніемъ, происходящимъ подъ открытымъ небомъ, встрѣчаются какъ у поморянъ, такъ и въ позднѣйшее время на Руси, напримѣръ во Псковѣ, гдѣ трибуна называлась *степенью*.

Пренія, возникшія въ русской наукѣ относительно характера древнѣйшаго быта славянъ, распространялись не на одни только принципы, но повторялись на каждомъ частномъ вопросѣ, между прочимъ и на вопросѣ о народномъ собраніи. Одни, какъ напримѣръ, Соловьевъ, въ народномъ собраніи видѣли не что иное, какъ сходку старѣйшинъ, родоначальниковъ, собственно же народное участіе въ вѣчѣ ограничивалось пассивною ролью «принятія

къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ». Другіе же, какъ на примѣръ, К. Аксаковъ, старались низвести самыхъ старѣйшинъ, владыкъ, до уровня простыхъ отцовъ семей, чтобы только имѣть возможность счесть народное собраніе за непосредственную сходку, вѣче, противорѣчащее яко бы основнымъ началамъ родового быта *). Для патріархальной теоріи эти пренія не имѣютъ особеннаго интереса, такъ какъ и то и другое явленіе нисколько не противорѣчитъ патріархальному принципу, требующему, чтобы на вѣчѣ являлись одни только члены родовыхъ союзовъ. Положительная исторія показываетъ, что, хотя на вѣчѣ обыкновенно и участвовали всѣ члены родовыхъ союзовъ, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ расширенія предѣловъ княженія, посѣщеніе народнаго собранія естественно должно было ограничиться одними родоначальниками. Такъ, между тѣмъ какъ на Руси и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ земляхъ вѣче было сходкою всего народа, въ то время въ Чехіи народное собраніе составлялось изъ однихъ только родоначальниковъ, служившихъ представителями какъ цѣлыхъ племенъ (леховъ), такъ и отдѣльныхъ родовыхъ союзовъ (владыкъ); но вмѣстѣ съ измѣненіемъ снema естественно измѣнялось и значеніе совѣта, который въ Чехіи изъ рукъ простыхъ родоначальниковъ перешелъ въ руки кметовъ. Характеръ чешскаго снema показываетъ, что перво-бытное собраніе было вмѣстѣ съ тѣмъ и судебнымъ собраніемъ, или, если выразаться языкомъ Гримма,

*) Мнѣніе Соловьева см. въ выдержкѣ на стр. 17 и 36, К. Аксакова — на стр. 37—39.

народное собраніе было большимъ судомъ, судъ же малымъ вѣчемъ. Судебная сторона вѣча всего лучше поясняетъ отношенія между главными элементами общественной жизни — княземъ и народомъ. Какъ показываетъ примѣръ Чехіи, князь въ судебномъ собраніи являлся руководителемъ засѣданія, предлагалъ вопросы на обсужденіе и указывалъ на способы, которыми первые могли быть рѣшены. Рѣшеніе устанавливалось самимъ народнымъ собраніемъ, которому, какъ только что замѣчено, принадлежалъ и авторитетъ суда. Отношенія же между вѣчемъ и совѣтомъ старѣйшинъ состояли въ томъ, что совѣтъ образовалъ при князѣ, какъ показываетъ исторія поморянъ, совѣщательное собраніе, на которомъ предварительно разсматривались дѣла, переходившія затѣмъ на утвержденіе народнаго собранія, гдѣ совѣтъ игралъ также не маловажную роль. Но, подобно тому, какъ совѣтъ не всегда прибѣгалъ за содѣйствіемъ къ народному собранію, точно такъ же и вѣче нерѣдко дѣлало свои постановленія и приводило ихъ въ исполненіе совершенно независимо отъ совѣта старѣйшинъ. Въ этомъ отношеніи характеръ поморской жизни тѣсно граничитъ съ новгородской, гдѣ также каждая толпа, случайно попавшая на Ярославовъ дворъ, тотчасъ же принимала на себя роль самодержавнаго вѣча; однако, въ Великомъ Новгородѣ постановленіе вѣча только тогда получало полную юридическую силу, только тогда Новгородъ принималъ на себя отвѣтственность за рѣшенія, принятые вѣчемъ, когда онъ далъ на эти рѣшенія свое *новгородское слово*, т. е. когда рѣшенія состоялись при участіи новгородскаго совѣта и съ благословенія новгородскаго владыки, — благо-

словенія, служившаго торжественнымъ выраженіемъ новгородскаго *) слова.

Такимъ образомъ, и вторая патріархальная единица, княженъе, отличается тѣми же чертами, какъ и простая первоначальная ячейка, т. е. родовой союзъ. И здѣсь форма государства была монархическою, власть сосредоточивалась въ рукахъ князя, сущность же тѣмъ не менѣе оставалась *демократическою*, такъ какъ *народное собраніе являлось источникомъ всякой власти*. Разница возникала развѣ только въ томъ случаѣ, когда образовавшіеся изъ отдѣльныхъ родовъ союзы не подчинялись личному повелителю, т. е. или еще не успѣли усвоить себѣ княжеской власти или же утратили ее вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ, — когда, слѣдовательно, власть распредѣлялась между народнымъ собраніемъ и совѣтомъ, составленнымъ изъ старѣйшинъ, когда цѣлое представляло не столько государство, сколько союзъ государствъ. Въ этомъ случаѣ, встрѣчаемомъ въ исторіи лютичей, сущность государства оставалась прежнею, демократическою, форма же измѣнялась въ аристократическую, такъ какъ на челѣ правленія становился совѣтъ старѣйшинъ, а совѣтъ вообще есть принадлежность аристократіи. Однако всѣ эти разнообразныя зачатки государственной жизни, какъ монархическій, такъ и демократическій, не могли создать въ княженъи ни прочнаго внутренняго порядка, ни сильнаго внѣшняго единства. И немудрено. Если родовые союзы, входившіе въ составъ княженъя, были не чѣмъ инымъ, какъ госу-

*) См. въ Новгородской лѣтописи по синодальному списку подъ 1366-мъ годомъ: *«издиша из Новаграда люди молодыи на Вому без повородычкого слова»*.

дарствами въ незначительномъ масштабѣ, то естественно ожидать, что государственный характеръ союзовъ будетъ препятствовать имъ входить второстепенными членами въ высшія единицы, княженья. Дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, когда роду приходилось взойти въ составъ новаго цѣлаго, за нимъ все еще оставалась обширная, совершенно независимая сфера дѣйствія, въ которой онъ былъ полнымъ господиномъ; такимъ образомъ, родъ представлялъ въ подобномъ случаѣ какъ бы государство въ государствѣ. Это существованіе лѣстницы государствъ, имѣющихъ опредѣленные, вполне самостоятельные круги дѣйствія, составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ родового быта: между тѣмъ какъ въ современной намъ жизни, на примѣръ въ англійскомъ самоуправленіи, сфера общины строго опредѣляется и внутри ея предѣловъ подчиняется общимъ законамъ, въ то время въ родовомъ строѣ союзы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, весьма немногочисленныхъ отношеній къ высшей единицѣ, тѣхъ именно, которыя касались не одного рода, а цѣлаго союза родовъ, во всемъ остальномъ были предоставлены вполне самимъ себѣ. Отсюда-то возникали тѣ противогосударственные стремленія, которыя заставляли родъ искать самостоятельности не въ активной свободѣ, не въ принятіи ревностнаго участія въ общественной дѣятельности, а въ пассивной, въ возможно большемъ отстраненіи отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ; отсюда-то вытекала вражда родовъ между собою, которая замѣчается при началѣ *) русской исторіи. Еще менѣе

*) См. въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 862-мъ го-

возможно было спльное внѣшнее единство. За пределами двухъ незначительныхъ патріархальныхъ союзовъ, на Руси не существовало дальнѣйшихъ, болѣе обширныхъ и крѣпкихъ политическихъ организацій, даже не существовало простой связи между княженьями, если только исключить нѣкоторыя случайныя явленія и ихъ необходимыя слѣдствія, какъ напримѣръ, подчиненіе сѣверной Руси варягамъ, а южной -- козарамъ. За княженьями замѣчается одна только національная связь, основывавшаяся на общности языка, нравовъ и религіи.

На основаніи свѣдѣній, разсѣянно сообщенныхъ въ предшествующемъ изложеніи, можно составить себѣ окончательное представленіе о патріархальномъ бытѣ. Если съ одной стороны родовой бытъ представляетъ ту отличительную особенность, что при господствѣ его всѣ политическіе порядки облекаются въ формы семьи, — при чемъ все равно, будутъ ли состоять эти порядки въ простыхъ родовыхъ союзахъ или же въ патріархальныхъ княженіяхъ; если, поэтому, при такомъ бытѣ понятія частнаго права и права общественнаго, понятія семьи и государства, строго не различаются, а постоянно смѣшиваются одно съ другимъ; если, съ другой, размѣръ родовыхъ учрежденій является, несмотря на то, все же значительнымъ, — то, въ виду такой противоположности, совершенно естественно возникаетъ вопросъ о значеніи патріархальныхъ организацій: относятся ли послѣднія къ разряду государствъ или

домъ: *«Изымаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и воста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицы, и восвати почаша сами на ся».* См. выше стр. 17—18. *Ред.*

же составляют принадлежность доисторического периода цивилизации человечества?

Нельзя не сознаться, что существование нѣкоторыхъ политическихъ понятій при такомъ бытѣ неоспоримо. Если уже въ основаніи власти родоначальника и частнаго права на пользование или обладаніе поземельною собственностью лежитъ понятіе о высшей власти, служившей этимъ явленіямъ не только простымъ дополненіемъ, а дѣйствительнымъ, необходимымъ предположеніемъ, то еще менѣе можно отрицать присутствіе той же высшей власти въ явленіяхъ общественнаго міра, изгойства (изверженія изъ среды общества), круговой поруки или замѣны кровной мести въ извѣстныхъ случаяхъ денежными пенями, вирами (wergeld): всѣ эти явленія положительно переходятъ предѣлы простой семейной и общинной жизни и ясно свидѣтельствуютъ о государственности родовыхъ учреждений.

Такимъ образомъ, смѣшеніе понятій семьи и государства достаточно опредѣляютъ рангъ патріархальныхъ организацій и ихъ значеніе въ древней жизни. Еще болѣе затрудненій возникаетъ отъ этого смѣшенія понятій относительно дальнѣйшаго развитія цивилизаціи. Если и нельзя сказать, что народъ не могъ сбросить съ себя родовыя формы и собственными средствами создать иное, высшее общежитіе, — примѣръ противнаго замѣчается на Скандинавіи, — тѣмъ не менѣе родовой бытъ, взятый въ его истинномъ характерѣ, не представлялъ, какъ политическая форма, зародышей къ дальнѣйшему развитію политической мысли. Развивающіяся потребности общества требовали расширенія государственныхъ предѣловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образованія сильной

центральной власти: соединеніе же этихъ двухъ явленій при господствѣ родового быта было совершенно невысказано, ибо въ этотъ періодъ исторіи расширеніе въ размѣрѣ государства сопровождалось пропорціональнымъ ослабленіемъ центральной власти. Тяжесть вопроса о причинахъ, вызвавшихъ паденіе родового быта, русская наука нерѣдко пыталась обойти тѣмъ соображеніемъ, что въ родовомъ строѣ лежатъ естественныя зародыши распаденія, состоящія въ дробленія родовъ на вѣтви и въ отдаленіи этихъ вѣтвей *) другъ отъ друга. При этомъ, однако, упускается изъ виду то обстоятельство, что простое существованіе разрушительныхъ элементовъ нисколько не ручается за прогрессъ въ обществѣ, за переходъ его въ иную форму общежитія, напротивъ, оно свидѣтельствуетъ скорѣе о томъ, что общество еще долго проживетъ въ старомъ строѣ: если отъ родовъ и отдѣляются особенныя вѣтви, то врядъ ли прямо можно утверждать, что эти отдѣлившіяся вѣтви съ теченіемъ времени сами не станутъ новыми родами, и на практикѣ онѣ всегда дѣйствительно становятся таковыми. Короче: каждая форма жизни падаетъ не вслѣдствіе какихъ-либо отрицательныхъ элементовъ, а напротивъ, подъ вліяніемъ зиждательныхъ, смѣняется только вышею и

*) «Всякая родовая община, читаемъ у Кавелина, сама въ себѣ носитъ зародышъ своего разрушенія. Это основано на непреодолимомъ законѣ распаденія рода на линіи, отрасли, которыя съ теченіемъ времени утрачиваютъ всякое единство и вступаютъ во вражду между собою». («Сочиненія» II, 36; срв. I, 323—324). Срв. ниже на стр. 94—95 слова Э. И. Леонтовича относительно роли родового сознанія и выше на стр. 77 замѣчаніе самого Никитскаго, а на стр. 16—Соловьева.

Ред.

уступаетъ послѣдней мѣсто только вслѣдствіе ея превосходства, превосходства идеи новой жизни. Поэтому распаденіе родового быта должно обусловливаться какою-либо высшей идеею, совершаться при помощи какихъ-либо новыхъ механическихъ средствъ.

V. ТЕОРІЯ ОБЩИННАГО БЫТА ВЪ ПОЗДНѢЙШЕЙ ПЕРЕРЕБОТКѢ.

(*Н. И. Леонтовичъ*. «Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи». Ж. М. Н. Пр. 1874 г., №№ 6—8).

Соловьеву и его послѣдователямъ принадлежитъ заслуга перваго внесенія въ русскую историческую науку, если не органической теоріи, то органическаго метода. Соловьевъ *) дѣйствительно открылъ первичную общественную клѣточку, изъ которой развилась и окрѣпла еще въ доисторическое время общественность русскаго народа. Онъ и его послѣдователи старались выяснитъ подмѣченное ими начало во всѣхъ его проявленіяхъ, опредѣлитъ общій характеръ и значеніе открытой ими общественной клѣточки, моменты ея развитія и перерожденія въ другой, высшій организмъ. Въ этомъ отношеніи теорія Соловьева имѣетъ видъ довольно логически построенной научной системы, чѣмъ объясняется ея вліяніе и значеніе въ нашей исторической литературѣ. Но школа эта на первыхъ порахъ не подмѣтила, что родовая клѣточка и основанная на ней общественная организація въ жизни русскаго народа вполнѣ завершила свой кругъ, реорганизовалась въ иную клѣточку, съ другою, болѣе слож-

*) Подъ вліяніемъ Эверса; см. примѣчаніе на стр. 42.

ною организаціей, еще въ темную эпоху доисторическихъ временъ. На глазахъ исторіи, и то лишь на первыхъ порахъ, задержались едва замѣтные слѣды и остатки (похищеніе и сожженіе женъ, патристическія имена и проч.) отъ старой родовой организаціи, въ видѣ окаменѣлостей, потерявшихъ всякую органическую связь съ народнымъ бытомъ. Новыя историческія формы быта школа Соловьева безразлично смѣшиваетъ съ такими доисторическими окаменѣлостями, съ дезорганизованными остатками отъ стараго родового порядка и не замѣчаетъ между ними глубокой пропасти, которую не въ силахъ наполнить и сгладить никакія усилія послѣдователей родовой теоріи. Идея кровнаго (племеннаго, родового) единства — основное начало родового быта — исключительно господствуетъ только у племенъ неосѣдлыхъ — у кочевниковъ, ведущихъ стадную, боевую жизнь въ формѣ бродячихъ, военныхъ дружинъ и цѣлыхъ ордь. Такъ ли было у славянъ въ историческое время, то-есть, явились ли они на сцену исторіи въ видѣ военно-кочевыхъ ордь и, слѣдовательно, съ родовымъ типомъ всей ихъ общественной жизни?

Кочеваніе населенія, въ тѣхъ его видахъ и формахъ, въ какихъ оно являлось въ родовую эпоху, вовсе не имѣло мѣста въ историческомъ быту славянъ. По свидѣтельству всѣхъ древнихъ историковъ, славяне стали раньше германцевъ заниматься земледѣліемъ на нынѣшнихъ ихъ осѣдлостяхъ*). Исторія застааетъ славянъ въ пору полнаго развитія коло-

*) Далѣе г. Леонтовичъ повторяетъ возраженія К. Аксакова и другихъ противниковъ родовой теоріи.

низаціоннаго движенія. Общини семейныя и територіальныя — верви, задруги, села, грады, цѣлыя земли, волости и жупы — образовались у славянъ еще въ доисторическую пору. Историческимъ народомъ они являются уже на вторичной, общинной ступени культуры. На глазахъ исторіи они не кочуютъ ради военной добычи, хищничества. Историческій типъ славянина — по преимуществу типъ мирнаго хлѣбопашца-колонизатора, уже освоившаго спокойное мѣсто осѣдности. Колонизаціонное движеніе, начавшееся еще за предѣлами исторіи, является на ея глазахъ фактомъ совершившимся, развивается затѣмъ дальше, сообразно съ мѣстными условіями жизни каждаго отдѣльнаго народца и племени. Последніе пріобрѣли уже територіальную фізіономію, даже чисто мѣстныя имена — полянъ, древлянъ и проч. Колонизація движется быстрѣе или медленнѣе, смотря по мѣстнымъ удобствамъ; отсюда и различія въ самомъ быту народцевъ, напримѣръ, полянъ, колонизовавшихся болѣе прочнымъ образомъ, усвоившихъ*) «кроткіе и тихіе нравы», и древлянъ, радимичей и другихъ лѣсныхъ народцевъ, которые, по выраженію начальнаго лѣтописнаго свода, «живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски, убиваху другъ друга, ядяху все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица... живяху в лѣсѣхъ, якоже и всякій звѣрь, ядуще все

*) «Поляне бо, читаемъ въ начальномъ лѣтописномъ сводѣ, своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыднѣе къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителямъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыднѣе имѣху, брачный обычай имяху: не хожаше зять по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху по ней что владуче .

нечисто». Это уже не стадное кочеваніе родовъ и ордь, но болѣе или менѣе прочныя ступени колонизаціонной дѣятельности народа. Вездѣ являются поселенія сельскія и городскія, стягивающіяся въ обширныя территоріальныя общины — волости, земли и пр. Словомъ, славяне на первыхъ же историческихъ порахъ являются уже съ тѣми общественными формами, съ какими застааетъ ихъ позже, спустя нѣсколько вѣковъ, эпоха перехода въ государственнй бытъ. Во времена Рюриковичей эти формы только окончательно выяснились, пріобрѣли законченнй политическій характеръ. Весь этотъ рядъ крупныхъ фактовъ идетъ положительно въ разрѣзъ съ родою теоріей, которая или вовсе игнорируетъ ихъ, или даетъ имъ произвольныя, натянутыя объясненія, нисколько не оправдываемыя дѣйствительнымъ смысломъ историческихъ явленій.

Въ историческомъ развитіи всѣхъ народовъ, обладавшихъ органическою способностью къ политически самобытной жизни, высказывался всегда и вездѣ одинъ и тотъ же неизмѣнный законъ образованія цѣлаго политическаго тѣла изъ сочлененія и осложненія основныхъ политическихъ клѣточекъ. Каждый народъ, какъ политическій организмъ, проходилъ опредѣленныя стадіи развитія. На каждой изъ нихъ возникалъ и укоренялся въ теченіе долгаго историческаго процесса одинъ изъ основныхъ, неразложимыхъ и неотъемлемыхъ элементовъ политической жизни: элементъ личный, фізіологическій (народъ), элементъ мѣстный, территоріальный (пространство, мѣсто осѣдности народа) и элементъ связующій, правящій, — элементъ общаго порядка (верховная власть). Укорененіе cadaго изъ этихъ

элементовъ вызывало особыя политическія формы народной жизни — особыя политическія клѣточки, въ которыхъ организовался и укоренялся тотъ или другой изъ означенныхъ основныхъ элементовъ, по порядку органической послѣдовательности и постепенности въ развитіи элементовъ личныхъ, территориальныхъ и связующихъ. Отсюда въ исторіи человечества обозначились и установились три основныя политическія формаціи, каждая съ свойственною ей основною клѣточкой: *родъ* съ его организаціей фізіологическаго элемента, *община* съ ея организаціей территориальнаго элемента и *государство* съ его организаціей элемента связующаго.

Родъ, община и государство — три самостоятельныя, можно сказать, исключаютія одна другую основныя политическія клѣточки, каждая съ своими особыми свойствами, отправленіями и организаціей, — клѣточки, лежащія въ основѣ большихъ политическихъ организмовъ — *племенъ, народностей* и всего *человѣчества*.

Родъ, по своему основному органическому характеру и назначенію, представляетъ подвижную племенную клѣточку, органическое начало кочевого племени; *община* — осѣдлую клѣточку территориальной народности; *государство*, въ отличіе отъ рода и общины, является въ органическомъ отношеніи космополитическою клѣточкой, органическою силою всего человечества, разсматриваемаго какъ цѣлостный политическій организмъ.

Первичною формой человѣческаго общежитія является жизнь *племенная, кровная*. Родъ организуется по принципу кровному, фізіологическому. Единство рода, какъ политически самобытнаго, органическаго

тѣла, коренится въ кровномъ происхожденіи его членовъ отъ общаго главы рода; крѣпкихъ связей территоріальныхъ, помимо фізіологическихъ опредѣленій, не существуетъ въ родовомъ быту. Отсюда родовая замкнутость и исключительность первичныхъ союзовъ, недоступныхъ для чужеродцевъ.

Для рода, какъ первичной клѣточки, постоянно движущейся, не осѣдающей на одномъ мѣстѣ, объединяемой исключительно *кровными* связями, не существуетъ *территоріальныхъ* границъ, которыя навсегда опредѣляли бы мѣсто его дѣятельности. Отсюда основная черта родового быта — *кочеванье* родовъ и племень, бродячій *номадный*, *стадный* характеръ всего быта племень и родовъ, отличающихся въ отношеніи къ территоріи, къ мѣсту ихъ кочевокъ, такъ сказать, безличнымъ, космополитическимъ характеромъ. Идея кровнаго единства исключительно преобладаетъ у племень неосѣдлыхъ, у кочевниковъ.

Другая отличительная черта родового быта заключается въ *военно-дружинномъ* характерѣ родовой организаціи. Военная организація необходима и для хищническихъ набѣговъ ради добычи и для самозащиты противъ враждебныхъ нападений другихъ родовъ. Потому родовое устройство проникалось строгой военной дисциплиной, установившей между членами рода аристократически родовую іерархію съ безусловнымъ главенствомъ и полновластіемъ старшаго надъ младшими. Значеніе и сила главы рода зависѣли не столько отъ родового, сколько отъ военнаго характера его власти.

Слѣдуетъ замѣтить *), что родовой бытъ держится

*) Срв. выше примѣчаніе на стр. 87.

болѣе или менѣе долго, смотря по свѣжести и живучести *родового сознанія*, памяти объ общемъ происхожденіи и связи родичей. Организованный родовой бытъ требуетъ, чтобы съ разрастаніемъ поколѣній не угасало въ нихъ живое и ясное сознаніе родовой связи, чтобы въ самомъ быту были обстоятельства, которыя постоянно поддерживали и освѣжали бы родовое сознаніе.

Иными чертами отличается *община* — вторичная политическая формація быта, переживаемая каждымъ историческимъ народомъ. Политическая роль общины выражается въ томъ, что она собственными творческими силами организуетъ второй неразложимый элементъ политической жизни — элементъ *мѣстный, территоріальный*, укореняетъ отношеніе народа къ пространству, мѣсту его осѣлости и этимъ выясняетъ понятіе о народной территоріи, безъ котораго немислимо позднѣйшее образованіе государства. Народъ этой формаціи слагается изъ самобытныхъ частей, общинъ семейныхъ и территоріальныхъ, связанныхъ между собою пространственно, какъ въ силу колонизаціоннаго принципа сожителства на однихъ мѣстахъ осѣлости, такъ и въ силу единства бытовыхъ и территоріальныхъ интересовъ общинъ. Прочнаго связующаго порядка съ общимъ характеромъ не было въ обществѣ общинной эпохи, — въ сферѣ общихъ политическихъ отношеній народа не было союзнаго начала, которое обнимало бы весь народъ, отличалось государственнымъ характеромъ. Но зато была федеративность мѣстная, волостная, имѣвшая силу и значеніе въ сферѣ чисто общинныхъ отношеній. Здѣсь федеративное начало являлось могучею террито-

ріальною силою, стягивавшею отдѣльные союзы въ группы, федераціи, самобытныя извнѣ и цѣлостно-автономическія внутри, каждая съ своимъ мѣстнымъ центромъ, съ своими областными интересами и сознаниемъ своей отдѣльности и политической самобытности.

Общинный порядокъ, подобно родовому, опредѣлялся организаціей, свойствами и характеромъ основной общественной клѣточки, имѣвшей за собою преимущества колонизаціоннаго старѣйшинства, давности происхожденія, выработавшей начало, которое затѣмъ регулировало все внутреннее устройство общинныхъ союзовъ. Такою клѣточкой является въ эту эпоху *семейная община*. Она имѣла огромное историческое значеніе въ средневѣковой жизни всѣхъ европейскихъ народовъ, и, какъ всякое великое, исторически-культурное начало, долго удерживалась въ жизни, даже въ то время, когда ея историческое назначеніе кончилось, и народный бытъ перешелъ на высшую ступень общественнаго развитія.

Община семейная встрѣчается въ одинаковыхъ формахъ у всѣхъ народовъ общинной культуры. Она была общею принадлежностью славянской исторіи; у славянъ южныхъ она доселѣ сохраняется въ первобытныхъ формахъ. Такая же община была извѣстна на всемъ средневѣковомъ Западѣ. Что у славянъ называлось дымомъ, дворомъ, огнищемъ, родомъ, братчиной, вервью или вервною дружиной, задругой *) заединомъ и пр., то у франковъ X-го и

*) *Домашняя община* составляетъ основную ячейку родового устройства. Среди ученыхъ эта община извѣстна болѣе подъ названіемъ *задруги*. Но сами мѣстные славяне чаще всего называютъ домашнюю общину иначе: или *складные* (т. е. сложившіе-

слѣдующихъ вѣковъ извѣстно было подъ именемъ pot, feu, sel, chateau, gentium, communauté familial, société rustique des frères, serfs, roturiers и пр.

Въ славянскихъ общинахъ, въ которыхъ рано утвердились княжескіе роды и династія, устройство послѣднихъ также основывалось на семейно-общинныхъ порядкахъ. Существованіе задружныхъ порядковъ въ средневѣковой жизни европейскихъ народовъ мотивировалось и постоянно поддерживалось общими бытовыми условіями того времени.

Кочевые роды осѣдали по составнымъ своимъ частямъ отдѣльными семьями, въ которыхъ нужно видѣть первые зародыши задругъ. При дальнѣйшемъ нарастаніи семей, члены ихъ продолжали жить сообща, общиной, «заединомъ», какъ въ силу экономическихъ условій — цѣлесообразности и выгоды труда общими силами, такъ и въ силу условій социальныхъ — ради самозащиты, по началу круговой поруки.

Въ задруги могли затѣмъ соединяться путемъ

ся, по нашему древнему выраженію — *складники*) неотдѣленные *братья*, или просто *велика куча* (т. е. большой домъ, большая семья). Какъ видно уже изъ этихъ названій, *домашняя община* есть размножившаяся семья, оставшаяся нераздѣльной послѣ смерти родоначальника — стр. 86 статьи проф. П. Н. Милюкова «*Древнѣйшій бытъ славянъ*» (стр. 83—101), напечатанной въ «*Книжкѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленной кружкомъ преподавателей подъ редакціей профессора П. Г. Виноградова*». (Выпускъ первый. М. 1896). Названная статья, равно какъ двѣ другихъ статьи того же автора «*Разселеніе славянъ*» (стр. 67—82) и «*Религія славянъ*» (стр. 102—117), напечатанныя въ той же «*Книжкѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ*», являются существеннымъ и необходимымъ дополненіемъ къ первому отдѣлу нашего сборника, представляя собой новѣйшее научно-популярное изложеніе вопроса о древнихъ славянахъ.

Ред.

общихъ браковъ или простого уговора и чуждыя между собою семья и отдѣльныя лица, ради тѣхъ же экономическихъ и соціальныхъ цѣлей и интересовъ (отсюда, напримѣръ, чешскія задруги назывались «sstupky, spolky» — отъ «ступаться», вступать въ союзъ, соединяться въ общину, или «заединъ», какъ выражаются теперешніе сербы или хорваты).

Въ задругѣ все ново; нѣтъ ничего общаго съ старымъ родомъ. Семья, поглотившаяся въ кочевую эпоху родомъ, теперь получаетъ самостоятельное значеніе, является «инокоштиной», лицомъ юридическимъ. Въ составѣ задруги семьи и отдѣльныя лица не безправны, какъ въ старомъ родѣ. Возникающія впервые въ задругѣ, болѣе прочныя отношенія къ землѣ, къ вещному міру, приурочиваются къ цѣлой задругѣ: она — первый пахарь и вмѣстѣ съ тѣмъ первый вотчинникъ, землевладѣлецъ; въ ней заново организуется земельное владѣніе и собственность — понятія, н. мыслимыя въ родовомъ быту кочевниковъ. Общій строй задруги вездѣ былъ одинъ и тотъ же. Задруга — союзъ лицъ и семей, живущихъ на одномъ огнищѣ (осѣдлости), однимъ или нѣсколькими домами (дымами), — союзъ, связанный не столько кровнымъ единствомъ, сколько связями территоріальными и экономическими, сожительствомъ на одномъ огнищѣ, семейномъ участкѣ земли, бывшей въ общемъ обладаніи общины. Такія ассоціаціи земледѣльческія управлялись автономически, по общей думѣ, совѣту, уговору и наряду, подъ ближайшимъ завѣдываніемъ отца или выборнаго старшины (славянскій старѣйшина, владыка, домачинъ — domacin, — господарь или хозяинъ соотвѣтствуетъ французскому major, maistre или chef

de communauté, какъ и славянская хозяйка и домашица — domestica — соотвѣтствуетъ французской majorissa, maitresse).

Старѣйшинство опредѣлялось давностью рожденія или принадлежностію къ старшей (по времени возникновенія или приселенія къ союзу) семьѣ въ задругѣ или зависѣло отъ ряда и избранія общины, а иногда просто добывалось захватомъ (при молчаливомъ согласіи на то другихъ членовъ общины).

Равноправіе и солидарность всѣхъ членовъ общины было основнымъ началомъ задружнаго устройства.

Задружные распорядки вліяли на всю дальнѣйшую колонизацію и устройство территоріальныхъ общинъ. Задруга передала имъ развитый ею принципъ общиннаго сожительства и земельного владѣнія, старѣйшинства и колонизаціонной іерархіи общинъ, наряда и управы по общей думѣ и уговору и пр. Всѣ эти основы общиннаго быта получили свое развитіе прежде всего въ задругѣ, явившейся раньше другихъ формъ общинныхъ, и затѣмъ расширялись дальше, вмѣстѣ съ разрастаніемъ задругъ въ общины территоріальныя, которыя, по замѣчанію К. Н. Бестужева-Рюмина (Русская Исторія I, 41), и «могли создаваться только изъ имѣющихся уже семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ».

Задруги, соединенныя пространственно, сводились общими бытовыми интересами въ болѣе обширные союзы — *общины, часто территоріальныя*, представлявшія по своему устройству не больше, какъ разросшіяся задруги. Генезисъ территоріальной общины кроется въ первичной задругѣ, старѣйшей по времени колонизаціи. Первичная задруга, по мѣрѣ

нарастанія членовъ и семей, возникавшихъ въ ней или приселявшихъ къ ней въ силу уговора или общихъ браковъ, разрасталась съ теченіемъ времени въ починокъ, деревню, село, посадъ, городъ (пригородъ принадлежитъ эпохѣ позднѣйшей колонизаціи земель и волостей), удерживая на всѣхъ этихъ ступеняхъ типическія черты первоначальнаго своего устройства и только примѣняясь къ болѣе широкимъ и сложнымъ условіямъ жизни территориальной общины. Подобная же колонизація повторяется и въ другихъ задругахъ. Такъ, путемъ постепенной колонизаціи, разрастанія старыхъ задругъ и выселенія новыхъ, возникалъ рядъ общинъ, пространственно, географически связанныхъ, въ видѣ нашихъ погостовъ, юго- и западно-славянскихъ общинъ (очкинъ, оптинъ, опѣинъ), обес, osad или orol и старогерманскихъ марокъ (mark). Но задруги и погосты не исчерпывали всѣхъ формъ общиннаго быта. Путемъ добровольнаго единенія (главнымъ образомъ ради самозащиты), также путемъ добыванія новыхъ территориальныхъ частей, путемъ колонизаціонныхъ и пр., они расширялись въ новые, еще болѣе широкіе союзы — общины земельныя, волостныя, подъ разными названіями — оптинъ, жупъ, земель, волостей или областей, кнежтвъ или княжествъ, Gau, Hwarf и проч. Не вездѣ общинная колонизація достигала полного своего развитія. Въ однихъ мѣстахъ задруги оставались въ своей первичной формѣ; въ другихъ развитіе не шло далѣе села, — именно тамъ, гдѣ природныя средства защиты (въ мѣстностяхъ горныхъ, лѣсныхъ, болотистыхъ и т. п.) не вызывали необходимости въ устройствѣ укрѣпленныхъ пунктовъ, городовъ (такова горная

хорватская жупа Полица или наши старыя волости, стоявшія рядомъ съ городскими округами и бывшія до XVII вѣка въ управленіи особыхъ правителей — волостелей); наконецъ, въ третьихъ мѣстахъ колонизація достигала образованія широкихъ союзовъ — погостовъ, земель и жупъ. Все здѣсь зависѣло отъ мѣстныхъ условій, отъ накопленія общинами богатства, матеріальной силы и могущества, какъ и отъ другихъ обстоятельствъ, дававшихъ общинамъ большую или меньшую возможность разрастаться, раздвигать территоріальные предѣлы, колонизовать новыя поселенія и достигать полной политической независимости и самобытности.

Какъ въ задругахъ всѣ отношенія и связи построились путемъ колонизаціонной іерархіи, такъ и отношенія между общинами волостными опредѣлялись по началу давности поселенія, старѣйшинства колонизаціи. Между старыми и новыми общинами устанавливались федеративныя отношенія метрополіи къ колоніямъ. Городъ главный, старѣйшій, возникшій изъ первичнаго, старѣйшаго села и задруги, служилъ общимъ выраженіемъ цѣлаго волостного союза, составлялъ средоточіе жупы, волости или земли, стоялъ, въ силу своего старѣйшинства, во главѣ всего общиннаго наряда, въ центрѣ федераціи семейныхъ и территоріальныхъ общинъ одной волости. «На что же старѣйшія сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть» — общая формула *) колонизаціоннаго подчиненія общинъ одна другой. Сила и могущество волостной федераціи общинъ отражались прежде всего въ силѣ и могуществѣ ея центра,

*) Срв. выше на стр. 47 замѣчаніе К. Аксакова,

старѣйшаго города. Принадлежность къ такой федерации, подчиненіе іерархіи и старѣйшинству главнаго города, а съ нимъ и цѣлой федерации, обуславливалась единеніемъ, уговоромъ, согласіемъ между всѣми федеративными частями. Какъ задруга распалась, если нарушался «уговоръ», такъ и община территориальная, при несгодѣ, раздѣлялась на новыя самобытныя части. Какъ въ задругѣ каждый членъ, при несгодѣ съ нею или при желаніи завести свой особый очагъ, огнище, инокоштину (если были у него всѣ нужныя для того условія), всегда могъ отдѣлиться въ особую семью или задругу, такъ и каждый членъ волостной федерации могъ, смотря по силамъ и средствамъ, также обособиться въ самостоятельную общину, волость. Изъ условій задружнаго быта вытекало и начало общиннаго единенія, федеративности и начало волостной обособленности общинъ.

Отсюда объясняется характеръ и направленіе *общиннаго наряда*. Общины преслѣдуютъ иныя цѣли и задачи, чѣмъ старые роды и племена; нарядъ общинный не имѣетъ ничего общаго съ нарядомъ родовымъ. Нарядъ общины носить по преимуществу характеръ территориальный, областной. Здѣсь опять находимъ отраженіе задружныхъ порядковъ. Какъ въ задругѣ все направлено на общее обладаніе *своею* землей, на добываніе и умноженіе своего хозяйства, такъ и въ территориальной общинѣ нарядъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ укорененіи и регулированіи отношеній народа къ *ею* территоріи, въ добываніи имъ для себя территориальной силы и могущества. Другихъ болѣе общихъ, высшихъ интересовъ, выходящихъ изъ узкой мѣстной сферы,

общинный нарядъ не знаетъ; интересы этого рода вполне сознаются народомъ только на высшей государственной ступени развитія.

Нарядъ общинный развивается и движется параллельно съ территоріальнымъ развитіемъ и расширеніемъ самыхъ общинъ. Онъ сопутствуетъ ихъ колонизаціи, идетъ по ея слѣдамъ и путямъ, въ видахъ внутренняго и вѣшняго береженія возникающихъ общинъ и земель, расширенія ихъ территоріальной власти и значенія. Словомъ, политическая цѣль и назначеніе наряда общинной эпохи состоитъ, главнымъ образомъ, въ спокойномъ развитіи общинной колонизаціи, въ политическомъ укорененіи союзовъ на отдѣльныхъ территоріальныхъ частяхъ.

На первыхъ порахъ общины сами являются нарядниками, сами колонизируются своими собственными силами и средствами, своимъ собственнымъ внутреннимъ нарядомъ. Форма общиннаго наряда вездѣ была одна и та же. Начало задружнаго *старѣйшинства* и *общей думы*, единенія, уговора — главное основаніе наряда задруги — перешло и въ волостное устройство, высказалось въ организаціи выборнаго старѣйшинства общинъ и въ устройствѣ вѣтъ — сходокъ всѣхъ членовъ общины или только домохозяевъ, то-есть, главъ старшинъ семейныхъ и территоріальныхъ общинъ. Начало старѣйшинства и начало вѣчевое цѣликомъ коренятся въ устройствѣ первичныхъ задругъ.

Съ усложненіемъ и выясненіемъ территоріальныхъ отношеній и самобытности общинъ, когда онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ сплавиваться въ болѣе широкіе союзы — жупы, земли и волости, нарядъ общинный, дробный, частичный начинается

оказываться болѣе и болѣе несостоятельнымъ. Требовалась болѣе сосредоточенная и организованная сила колонизаціи путемъ призыва и учрежденія особыхъ нарядниковъ-колонизаторовъ, которые вели бы дальше и регулировали бы колонизацію волостную и земельную. Потребность въ такихъ нарядникахъ не вездѣ, впрочемъ, высказывается одинаково, не всегда даже имѣеть всеобщій характеръ. Общины, болѣе сильныя или болѣе удаленныя, обособленныя естественными крѣпкими предѣлами (напримѣръ, горами и пр.) отъ главныхъ центровъ общинной колонизаціи, нерѣдко до самаго перехода въ государственнѣй бытъ остаются при одномъ общинномъ нарядѣ, не нуждаются и не ищутъ особыхъ нарядниковъ (напримѣръ, наша Вятка, хороватская горная община Полица и пр.).

Въ роли общинныхъ нарядниковъ-колонизаторовъ являются особые княжескіе роды, задруги, дружины, династіи (Рюриковичей, Неманичей, Пястовичей и пр.). Они призываются общинами, чтобы болѣе успѣшно вести колонизаціонное движеніе и нарядъ общинъ. Въ князьяхъ общинно-волостныхъ проглядываетъ не типъ стараго главы рода, съ абсолютнымъ военно-родовымъ могуществомъ, и также не типъ позднѣйшаго государя, съ его верховною государственною властью, но типъ первичнаго колонизатора, общиннаго дружинника — старѣйшины, домачина семейной общины. Какъ домачинъ знаетъ только свое хозяйство, только интересы своей задруги и въ рѣдкихъ случаяхъ идетъ на общій рядъ, совѣтъ (вѣче) по дѣламъ своей территориальной общины, такъ и волостной князь ведетъ нарядъ только по интересамъ своей общины и во-

лости. Общимъ дѣломъ князей являлось береженіе общинъ отъ внѣшняго врага, устраненіе препятствій къ упроченію волостной колонизаціи народа; но и этотъ нарядъ слабѣетъ, какъ уже замѣчено, въ эпоху полной обособленности общинъ, когда территориальная колонизація приходитъ къ концу. Княжескіе роды и династіи организуются по тѣмъ же началамъ, какъ и простыя задруги, — по старшинству лѣтъ, принадлежности къ старшей (по времени происхожденія) семьѣ рода, по роду князей и избранію общинъ, по добыванію, захвату и пр. Старшій князь имѣлъ значеніе домачина княжескаго рода, относился къ другимъ его членамъ по началу задружнаго старшинства, вообще дѣйствовалъ какъ простой домачинъ, хозяинъ задруги, по общей думѣ и уговору съ другими князьями, — отсюда и княжескіе ряды и сѣзды получали характеръ простыхъ задружныхъ совѣтовъ. Княжескій родъ былъ задругой, общею для всего народа, для всѣхъ волостей. Пока шло колонизаціонное движеніе общинъ, князья не осѣдаютъ на однихъ мѣстахъ, но постоянно движутся, мѣняютъ точки колонизаціонной дѣятельности, переходятъ изъ одной волости въ другую, вездѣ преслѣдуя одну задачу общиннаго наряда — территориальнаго укорененія народа путемъ земельной организаціи общинъ и волостей.

Колонизаціонное направленіе общинно-волостного наряда объясняетъ важное значеніе въ немъ *воинно-дружиннаго элемента*, какъ могучей колонизирующей силы общинъ и волостей. Если въ родовомъ бытѣ этотъ элементъ является разрушительнымъ началомъ, преслѣдовавшимъ по преимуществу хищническія цѣли, то общинная культура облагоражи-

ваетъ его, снимаетъ съ него строгій разрушительный характеръ, приспособляетъ его къ колонизаціоннымъ стремленіямъ и интересамъ общинъ, дѣлаетъ его однимъ изъ главныхъ орудій общинной колонизаціи. Въ отличіе отъ рода, въ цѣломъ своемъ составѣ организовавшагося по военно-дружинному типу, община принимаетъ характеръ мирнаго союза, безъ спеціально-разрушительныхъ стремленій, — союза, выдѣляющаго изъ себя въ видахъ колонизаціонныхъ особую военную дружину — главный органъ и проводникъ общиннаго наряда, въ особенности въ отношеніи къ береженью общины отъ хищническихъ, враждебныхъ набѣговъ кочевниковъ. Во главѣ такой дружины стоитъ князь, какъ главный дружинникъ - колонизаторъ своей общины. Въ отношеніи къ дружинѣ князь былъ ея домашиномъ, ничего не предпринимавшимъ безъ ея совѣта и думы. Родъ княжескій и дружина представляли, такимъ образомъ, какъ бы одну задругу, стоящую во главѣ колонизаціоннаго наряда общинъ.

Тѣми же задружными началами опредѣляется отношеніе князей къ общинамъ. Задружный принципъ общей думы, единенія, уговора домашина съ задругарями, отца съ дѣтьми, даже хозяина съ слугами, одинаково лежалъ въ основѣ вѣчевыхъ и княжескихъ отношеній. Волостной князь, подобно задружному старшинѣ, распоряжается, хозяйничаетъ, «володѣеть» волостью, но не въ силу собственнаго, личнаго права, а въ силу своего значенія волостного нарядника, по ряду съ общинами, на основаніи единенія съ вѣчемъ, — при довѣрїи народа (когда онъ «любъ» ему) дѣйствуетъ въ своей волости и жупѣ точно такъ же неограниченно, какъ и излюбленный

домачинъ въ своей задругѣ. Съ другой стороны какъ въ задругѣ домачинъ смѣщался, если онъ хозяйничалъ неразумно, не по уговору съ задругарями, такъ и волостной князь удалялся общиной, если онъ становился ей «не любъ», если нарушалось единеніе князя съ волостью. Какъ въ задругѣ отдѣльный членъ, лишавшійся ея довѣрія, изгонялся, выходилъ изъ нея какъ «худой», «изгой», такъ и волостной князь становился изгоемъ, если онъ вслѣдствіе нарушенія единенія съ властью или другими князьями терялъ волость, а съ нею и значеніе волостного нарядника - колонизатора. Изгойство, возникшее первоначально на почвѣ задружныхъ отношеній, распространилось затѣмъ и въ сферу отношеній общинно-волостныхъ.

Такова первоначальная роль и значеніе князя общинной эпохи. Домачинъ въ своей волости, дружинникъ-колонизаторъ внѣ ея, волостной князь, вмѣстѣ съ дружиной и общинами, развиваетъ, организуетъ волостной нарядъ, раздвигаетъ его за предѣлы волости, ведетъ борьбу съ враждебными силами, заводитъ съ народомъ новыя общины и волости и т. д. Въ эпоху общиннаго наряда князья и общины сослужили народу трудную службу: они упрочили территориальную силу и значеніе народа, уничтожили въ населеніи остатки отъ военно-родового порядка — бродячіе, стадные, хищническіе элементы и инстинкты, регулировали ихъ путемъ мѣстной колонизаціи, вообще содѣйствовали своимъ нарядомъ къ выясненію территориальной личности, волостной силы и могущества отдѣльныхъ народныхъ частей.

Такъ было въ эпоху развитія колонизаціоннаго

движенія общинъ. Иной порядокъ зарождается съ тѣхъ поръ, какъ предѣлы колонизаціи опредѣлились, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно обозначились и окрѣпли группы общинъ, освоившихъ народныя территоріи. Съ этого момента начинается осѣданіе князей, раздѣленіе одной, такъ сказать, обще-волостной княжеской задруги на нѣсколько новыхъ, самостоятельно осѣдающихъ по волостямъ, которыя, въ свою очередь, окончательно группируются въ отдѣльныя политически самобытныя области, каждая съ своимъ самостоятельнымъ нарядомъ, обычаями, законами. Князья вступаютъ съ этихъ поръ въ болѣе близкія и постоянныя отношенія къ общинамъ, постепенно сбрасываютъ съ себя типъ колонизаціоннаго нарядника-домачина волости и расширяютъ свой нарядъ на весь внутренній бытъ общинъ. Въ однихъ земляхъ удерживается старое равновѣсіе и единеніе власти княжеской и вѣчевой, являющихся въ это время равносильными, такъ сказать, параллельными органами общиннаго народоправства, — порядокъ, болѣе или менѣе точно и опредѣленно констатируемый путемъ формальныхъ договоровъ и соглашеній князей съ народомъ. Въ другихъ областяхъ княжескій элементъ постепенно усиливается на счетъ вѣчевого, въ силу стремленія князей къ преобладанію, къ добыванію для себя территоріальнаго могущества, являющагося по большей части результатомъ завоевательной силы и гнета (у насъ, между прочимъ, монгольскаго ига). Отсюда, какъ и подъ влияніемъ ученія духовенства о верховности князей и о безусловномъ подчиненіи и подданствѣ имъ, зарождается въ народномъ сознаніи новое воззрѣніе на князя, какъ «господина»,

«государя», съ властью, не зависящею отъ народа, съ назначеніемъ, идущимъ за узкіе предѣлы общиннаго наряда. Съ выясненіемъ такого воззрѣнія, окончательно разрушается прежняя солидарность и единеніе князя съ общиной, и обозначается поворотная точка въ развитіи всего политическаго быта народа. Изъ ряда волостей и княжескихъ задругъ выступаетъ на первый планъ болѣе сильная и могущественная волость и княжеская задруга; онѣ берутъ территоріальный перевѣсъ и господство надъ другими менѣе сильными волостями и развиваютъ первые зародыши новаго порядка — государственнаго. Здѣсь-то заводится новая культурная клѣточка; съ ея организаціей народъ переходитъ на высшую государственную ступень политическаго быта.

Не всѣ народы одинаково прошли всѣ ступени*) политическихъ формаций, да и тѣ, которые проходили ихъ, развивали ихъ не одинаковымъ образомъ. Самое нормальное политическое развитіе оказали народы романо-германскіе и славянскіе. У нихъ правильно и послѣдовательно развились политическія формы быта — родовая, общинноволостная и государственная, хотя и у нихъ историческое значеніе имѣли, главнымъ образомъ, послѣднія двѣ формации. У славянъ и отчасти у германцевъ родовой бытъ развился еще въ доисторическое время и тогда же реорганизовался въ бытъ общинный; на глазахъ исторіи замѣчались лишь одни остатки отъ первичнаго порядка (у германцевъ больше, у славянъ меньше). Нѣкоторыя славянскія племена, юж-

*) Срв. выше на стр. 27.

ныя по преимуществу, доселѣ стоятъ на общинной ступени развитія, но не столько по національной неспособности къ усвоенію высшихъ общественныхъ формъ жизни, сколько въ силу внѣшняго гнета, задержавшаго дальнѣйшее развитіе этихъ племенъ. Другіе народы и племена, повидимому, окончательно остановились на низшихъ степеняхъ развитія, родовыхъ или общинныхъ, и собственными силами не могутъ достигнуть государственной культуры. Таковы въ настоящее время роды и общины дикарей, какъ и родовыя и общинныя «государства» всѣхъ восточныхъ народовъ. Они застыли на одной ступени развитія, представляютъ собой то же, что окаменѣлости въ физической природѣ. Застывшія общественныя формы принадлежатъ къ политической патологіи. Въковыя болѣзненные осложненія и наросты не даютъ возможности ставить эти формы въ параллель съ родами, общинами и государствами, органически возникавшими у народовъ арійскихъ, съ ихъ широкимъ историческимъ развитіемъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.
РАЗВИТІЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ РОССИИ.

VI. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕОРІЯ.

А. РОДОВАЯ ТЕОРІЯ МЕЖДУКНЯЖЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ С. М. СОЛОВЬЕВА.

I.

(С. М. Соловьевъ. «Исторія отношеній между русскими князьями Юрикова дома». М. 1847).

Мы *) привыкли къ выраженіямъ: раздѣленіе Россіи на удѣлы, удѣльные князья, удѣльный періодъ, удѣльная система, исчезновеніе удѣловъ при Иванѣ III, при сынѣ его Василии, при Иванѣ IV. Употребляя эти выраженія, мы необходимо даемъ знать, что Россія, начиная отъ смерти Ярослава I до конца XVI-го вѣка, была раздѣлена, ставимъ *удѣль* на первомъ планѣ, даемъ ему главную роль; за удѣль идутъ всѣ борьбы, около удѣла вращается вся исторія, если періодъ называется удѣльнымъ, если господствуетъ удѣльная система. Но раскроемъ лѣтописи отъ временъ Ярослава I-го до XIII вѣка: идетъ ли въ нихъ рѣчь объ удѣлахъ? встрѣчаемъ ли выраженіе удѣльный князь и великій? происходитъ ли

*) Отрывокъ изъ вступленія къ диссертациі Соловьева на степень доктора русской исторіи.

борьба за удѣлъ, за распространение, усиление одного удѣла на счетъ другого, раздѣлена ли, наконецъ, Россія? Нисколько: всѣ князья суть члены одного рода, вся Русь составляетъ нераздѣльную родовую собственность; идетъ рѣчь о томъ, кто изъ князей старше, кто моложе въ родѣ, — за эго всѣ споры, всѣ междоусобія. Владѣніе, города, области имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство, и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее и бьется изо всѣхъ силъ за одинъ городъ на югѣ, потому что этотъ городъ приближаетъ его къ старшинству: однимъ словомъ, интересъ собственника вполне подчиненъ интересу родича. вмѣсто раздѣленія, которое необходимо связано съ понятіемъ объ удѣлѣ, мы видимъ единство княжескаго рода: развѣ борьба Святославичей съ Мономаховичами есть борьба удѣловъ, борьба Чернигова съ Кіевомъ, Смоленскомъ, Суздалемъ? Эго борьба за единство Ярославова рода, за общность, нераздѣльность владѣнія: «мы внуки одного дѣда», говорятъ Святославичи и потому домогаются Кіева. Начинается вторая борьба въ семьѣ Мономаха — между Мстиславичами и Юріемъ Долгорукимъ, и опять не за удѣлы, но за старшинство. Наконецъ, третья усобица между Ростиславичами и Юрьевичами идетъ также не за удѣлы, но за родовыя отношенія: Ростиславичи требуютъ, чтобы старшій князь поступалъ съ младшими, какъ съ братьями, а не какъ съ подручниками. Гдѣ же удѣлы? Въ лѣтописи вы не находите отношеній вели-

каго князя къ удѣльнымъ, — вы находите только отношенія отца къ сыновьямъ, старшаго брата къ младшимъ, дядей къ племянникамъ; даже самое слово *удѣль* мы не встрѣчаемъ въ лѣтописи; если не было понятія о раздѣлѣ, о выдѣлѣ, объ отдѣльной собственности, то не могло быть и слова для его выраженія; когда же на сѣверѣ явилось понятіе объ отдѣльной собственности, то явился и удѣль; до этого же времени мы встрѣчаемъ только слова: *волость* и *столь*. Такимъ образомъ выраженіе: удѣльный періодъ, удѣльная система, приводятъ къ совершенно ложному, обратному представленію, выставляя господство удѣла, владѣнія, отдѣльной собственности въ то время, когда господствовали родовыя отношенія при нераздѣльной родовой собственности.

Но я уже сказала, что третья борьба между Ростиславичами и Юрьевичами идетъ за то, что первые хотятъ поддержать родовыя отношенія противъ стремленія сѣверныхъ князей, которые хотятъ обходиться съ родичами, какъ съ подручниками, стать самовластцами въ землѣ своей. Это стремленіе служитъ уже яснымъ признакомъ ослабленія родовой связи, родовыхъ отношеній. И точно, скоро мы видимъ, что единство Ярославова рода рушится, и Русь дѣлится впервые на нѣсколько княжествъ, каждое съ своимъ великимъ княземъ, потому что великій князь означаетъ только старшаго въ княжескомъ родѣ, и если родъ Ярослава раздробился на нѣсколько особыхъ родовъ, то каждый родъ долженъ былъ имѣть особаго старшаго: явилось нѣсколько великихъ князей. Начинается борьба между отдѣльными княжествами; цѣль этой борьбы — приобрѣтеніе собственности, усиленіе одного кня-

жества на счетъ другихъ, подчиненіе всѣхъ княжествъ одному сильнѣйшему: борьба оканчивается усиленіемъ княжества московскаго, подчиненіемъ ему всѣхъ остальныхъ. Но во время этой борьбы между отдѣльными великими князьями, или старшими родовъ, внутри каждаго княжества, въ каждомъ родѣ идетъ борьба между старшимъ княземъ и младшими, теперь уже *удѣльными* князьями, борьба также за собственность и за государственныя отношенія противъ родовыхъ: каждый великій князь хочетъ уничтожить удѣлы, привести удѣльныхъ князей въ подданническое къ себѣ отношеніе; послѣдніе ратуютъ во имя старыхъ родовыхъ отношеній, старыхъ правъ. Эта внутренняя борьба въ другихъ княжествахъ оканчивается вмѣстѣ съ подчиненіемъ ихъ московскому; въ послѣднемъ же оканчивается только съ пресѣченіемъ Рюриковой династіи. Такимъ образомъ, исторія княжескихъ отношеній распадается на два главные отдѣла: въ *первомъ* отъ Рюрика до Андрея Боголюбскаго мы видимъ исключительное господство родовыхъ отношеній; во *второмъ*, начиная съ Боголюбскаго, является попытка смѣнить родовыя отношенія государственными, которыя вступаютъ въ борьбу съ родовыми и, наконецъ, торжествуютъ надъ ними. Но что же вызвало государственныя отношенія, и что дало имъ торжество надъ родовыми? Естественное раздробленіе Ярославова рода вслѣдствіе умноженія и расхожденія княжескихъ линій? Родъ Ярослава раздѣлился на семьи, которыя, преслѣдуя каждая свои интересы, вступили другъ съ другомъ въ борьбу, окончившуюся усиленіемъ одной семьи надъ всѣми прочими. Такъ легко, повидимому, объяснить разли-

чіе, обнаружившееся въ явленіяхъ нашей древней исторіи въ XIII вѣкѣ. Но если родъ распадается на семьи, то семьи необходимо стремятся опять развиться въ роды, съ прежними родовыми отношеніями. Такъ, на югѣ, въ старой Руси, являлось стремленіе нарушить единство Ярославова рода, раздѣлиться на семьи: Мономаховичи хотѣли раздѣлиться съ Ольговичами, но между тѣмъ семья Мономаха на югѣ, раздѣлившись съ Ольговичами, сама развила въ родъ со всѣми прежними родовыми отношеніями. Но на сѣверѣ отдѣльныя княжескія семьи не развивались въ роды; какъ скоро одинъ князь, отдѣлившись отъ рода и поработивъ родичей въ пользу семьи своей, раздѣлить при смерти свое владѣніе между сыновьями, то тотчасъ же начинается борьба между ними, при чемъ сильнѣйшій князь подчиняетъ себѣ слабѣйшихъ. Этотъ сильнѣйшій князь снова при смерти дѣлитъ свое владѣніе между сыновьями, и снова имѣетъ мѣсто то же явленіе, та же борьба, съ тѣми же слѣдствіями, т. е., что семья никогда не развивается въ родъ, ибо нѣтъ условія, при которомъ только было возможно такое развитіе, — именно, нѣтъ болѣе понятія объ общности, нераздѣльности владѣнія. Итакъ, для насъ важно здѣсь не то, что родъ раздѣлился на семьи, но то, что семьи не могутъ болѣе развиваться въ роды; для насъ важно здѣсь условіе постоянного раздѣленія и постоянной борьбы между княжествами, которое даетъ сильнѣйшему возможность подчинить себѣ слабѣйшія; эта возможность основывается на понятіи объ отдѣльной собственности, которая исключала родовое единство, исключая понятіе объ общности, нераздѣльности владѣнія; понятіе же объ отдѣльной

собственности явилось на сѣверѣ вслѣдствіе преобладанія тамъ городовъ новыхъ, которые, получивъ свое бытіе отъ князя, были его собственностью *). Несмотря однако на то, что, начиная съ XIII вѣка, Русь точно раздѣляется на нѣсколько особыхъ княжествъ, и, при господствѣ понятія объ отдѣльной собственности, объ удѣлѣ встрѣчаемъ частое упоминовеніе, являются отношенія между удѣльными князьями и великими, возникаетъ борьба между ними, стремленіе великихъ князей уничтожать удѣлы, — несмотря на все это, и здѣсь названіе: удѣльный періодъ, удѣльная система, опредѣленіе дѣятельности Ивана III или сына его Василія уничтоженіемъ удѣловъ, не могутъ имѣть мѣста, ибо Русь раздѣляется не на удѣлы, а на нѣсколько независимыхъ княжествъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ своего великаго князя и своихъ удѣльныхъ князей, и отношенія между великими князьями играютъ столь же важную роль, какъ и отношенія великихъ князей къ ихъ удѣльнымъ; слѣдовательно, названіе удѣльнаго періода и удѣльной системы и здѣсь также не вѣрно, потому что не обнимаетъ всѣхъ сторонъ княжескихъ отношеній. Вотъ причины, которыя заставляютъ исключить названія: удѣльный періодъ и удѣльная система, изъ исторіи княжескихъ отношеній и вмѣсто того принять выраженія опредѣленнѣйшія: отношенія родовыя и отношенія государственныя.

Но если несправедливо названіе: удѣльный періодъ, то еще менѣе справедливо названіе монголь-

*) См. объ этомъ изслѣдованіе: «Объ отношеніяхъ Новгородѣ къ великимъ князьямъ». М. 1845 г., стр. 26 и слѣд. (диссертация Соловьева на степень магистра русской исторіи).

скаго періода. Это названіе можетъ быть допущено только тогда, когда мы беремъ одну внѣшнюю сторону событій; но слѣдя за внутреннимъ государственнымъ развитіемъ Россіи, мы не имѣемъ никакого основанія ставить монгольскія отношенія на первомъ планѣ, приписывать азіатской ордѣ такое сильное вліяніе на развитіе европейско-христіанскаго общества. Мы видѣли, что стремленіе замѣнить родовыя отношенія государственными началось съ Андрея Боголюбскаго, слѣдовательно, гораздо прежде монголовъ; это стремленіе вызвало сильную борьбу между родовыми и государственными отношеніями, условія для которой были приготовлены прежде монголовъ. Правда, когда отдѣльныя княжества, явившіяся вслѣдствіе разрыва родового единства и преобладанія понятія объ отдѣльной собственности, начинаютъ борьбу другъ съ другомъ, то монголы принимаютъ дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, помогаютъ войскомъ то тому, то другому князю или княжеству; но здѣсь они дѣйствуютъ безотчетно, бессознательно, точно такъ, какъ прежде дѣйствовали половцы, помогавшіе одному князю противъ другого въ ихъ родовыхъ спорахъ; однако никто не вноситъ въ русскую исторію половецкаго періода. Возразятъ: половцы не поработали Руси своему игу, не налагали дани, не давали ярлыковъ князьямъ нашимъ, не казнили ихъ въ степяхъ своихъ; но монголы, несмотря на свое видимое владычество, не имѣютъ никакого понятія о княжескихъ отношеніяхъ, поддерживаютъ, даютъ ярлыки тѣмъ изъ князей, которые дадутъ имъ больше денегъ...

Ханы казнили русскихъ князей въ ордѣ. Не ханы казнили ихъ, но русскіе князья посредствомъ хан-

скихъ палачей истребляли другъ друга, — ханы служили здѣсь только орудіемъ для цѣлей чуждыхъ, которыхъ они совершенно не понимали. Для насъ важно не то, какъ, посредствомъ кого князя истребляютъ другъ друга, но по какимъ началамъ дѣйствуютъ, какія цѣли преслѣдуютъ въ своей борьбѣ; а эти начала, эти цѣли явились независимо отъ татаръ и прежде нихъ. Ханъ могущественно способствовалъ усиленію и обогащенію великаго князя, сдѣлавъ его своимъ приказчикомъ, сборщикомъ податей, но какого великаго князя разумѣютъ здѣсь? Московскаго? но кромѣ московскаго были другіе великіе князья, которые въ своихъ областяхъ были также приказчиками хана, собирали дань съ своихъ удѣльныхъ и могли также обогащаться и усиливаться на счетъ послѣднихъ. Узбекъ помогъ Москвѣ восторжествовать надъ Тверью; но развѣ половцы не давали побѣды князьямъ нашимъ? Итакъ, названіе монгольскаго періода должно быть исключено изъ русской исторіи, потому что мы не можемъ приписать монголамъ самаго сильнаго вліянія на произведеніе тѣхъ явленій, которыми отличается наша исторія, начиная съ XIII вѣка: новый порядокъ вещей начался гораздо прежде монголовъ и развивался естественно, вслѣдствіе причинъ внутреннихъ, при пособіи разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ были и монгольскія отношенія, но не подъ исключительнымъ ихъ вліяніемъ...

II.

(С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Т. II. М. 1852).

Ярославъ I, который является общимъ родоначальникомъ почти всѣхъ княжескихъ линій XI-го вѣка, передъ смертью сказалъ, согласно разсказу начальнаго лѣтописнаго свода, своимъ сыновьямъ слѣдующее: «се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои! Имѣйте в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере; да аще будете в любви межю собою, Богъ будетъ в васъ, и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающеса, то погыбнете самі, и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ; но пребывайте мирно, послушающе брать брата. Се же поручаю в себе мѣсто столь старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будетъ в мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимеръ, а Вячеславу Смолинескъ». [И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити, рекъ Изяславу:] «аще кто хочеть обидѣти брата своего, то ты помагай, егоже обидять». [И тако уряди сыны своя пребывати въ любви]».

Вотъ всё наставленія, всё права и обязанности! Князья должны любить другъ друга, слушаться старшаго брата, какъ отца; ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ, относительно старшаго, какъ государя всей страны; выставляются на видъ однѣ связи родственныя, однѣ обязанности родственныя; о государственной связи, государственной подчиненности нѣтъ помину. Любите другъ друга и не ссорьтесь, говоритъ Ярославъ сыновьямъ, потому что вы дѣти одного отца и одной матери; но когда князья не будутъ больше дѣтьми одного отца и одной матери, когда они будутъ двоюродные, троюродные, четвероюродные и т. д. братья, то по какимъ побужденіямъ будутъ они любить другъ друга и не ссориться? Когда связь кровная, родственная ослабѣетъ, исчезнетъ, то чѣмъ замѣнится она? Замѣны нѣтъ, но зато родовая связь крѣпка: не забудемъ, что Ярославичи среди тѣхъ племенъ, которыя такъ долго жили подъ формами родового быта, такъ недавно стали освобождаться отъ этихъ формъ. Пройдетъ вѣкъ, полтора вѣка, князья размножатся, племена (линіи) ихъ разойдутся — и, несмотря на то, всё они будутъ называть себя братьями, безъ различія степеней родства; въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о княжескихъ отношеніяхъ мы не встрѣтимъ названій: двоюродный или троюродный братъ, — русскій языкъ до сихъ поръ не выработалъ особыхъ названій для этихъ степеней родства, какъ выработали языки другихъ народовъ. Князья не теряютъ понятія о единствѣ, нераздѣльности своего рода; это единство, нераздѣльность выражались тѣмъ, что всё князья имѣли одного старшаго князя, которымъ былъ всегда стар-

шій членъ въ цѣломъ родѣ; слѣдовательно, каждый членъ рода въ свою очередь могъ получить старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи. Такимъ образомъ, родъ князей русскихъ, несмотря на все свое развѣтвленіе, продолжалъ представлять одну семью — отца съ дѣтьми, внуками и т. д. Теперь изъ словъ лѣтописнаго свода, изъ словъ самихъ князей, какъ они въ немъ записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу? Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей*), имѣлъ право судить и наказывать младшихъ**), раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ-дочерей княжескихъ замужъ***). Младшіе князья обязаны были оказывать старшему глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцомъ въ правду****) и ходить

*) Такъ Ростиславичи въ 1196 году говорили Всеволоду III: «А ты, брате, въ Володимери племени старѣй еси насъ, а думай, гадай о русской земли и о своей чести и о нашей». Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 145.

**) «А ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди», говоритъ въ 1149 г. Ростиславъ Юрьевичъ Изяславу Мстиславичу. Тамъ же, стр. 41 — Мстиславъ Владимировичъ «поточи полотьскіи князь, съ женами и съ дѣтьми, въ грекы, еже преступиша хрестное цѣлованіе, зане не бжухуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшеть въ рускую землю въ помощь». Тамъ же, стр. 12 и 15. — Святополку, какъ старшему въ родѣ, поручено было отъ родичей наказать Давида Игоревича: «иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и. Святополкъ же емъся по се, и цѣловаша крестъ межю собою, миръ створше». Тамъ же, I, 112.

***) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 20: «Всеволодъ (Ольговичъ) отда двѣ Всеволоджовнѣ, Володимери внуцѣ, одну за Володимера за Давыдовича, а другу за Ярославича, за Дюрдя».

****) Тамъ же, стр. 85: «Оже мя въ правду зовете съ любовію, то

въ его послушаньи, являться къ нему по первому зову ¹⁾, выступать въ походъ, когда велить ²⁾. Для обозначенія отношеній младшихъ князей къ старшему употреблялись слѣдующія выраженія: младшій ѣздилъ подлѣ стремени старшаго ³⁾, имѣлъ его господиномъ, былъ въ его волѣ ⁴⁾, смотрѣлъ на него ⁵⁾.

Но всѣ эти опредѣленія правъ и обязанностей точно такого же рода, какъ и тѣ, какія мы видѣли въ завѣщаніи Ярослава: младшій долженъ былъ

я всяко иду Киеву на свою волю, яко вы имѣти мя отцемъ собѣ въ правду и въ моемъ вы послушаньи ходити».

1) Тамъ же, стр. 8: «И наказавъ его (Ярослава Святополчича) Володимерь о всемъ, веля ему къ собѣ приходити, когда ты позову, и тако въ мирѣ разидошася каждо въ своея».

2) Тамъ же, стр. 94: «Посла Ростиславъ къ братьи своей и къ сыномъ своимъ, веля имъ всемъ съвкупитися у себе съ всеми полкы своими».

3) Тамъ же, стр. 73: «Нынѣ, отце, кланяютися, прими мя яко сына своего Мьстислава такоже и мене, ать ѣздитъ Мьстиславъ подлѣ твой стремени по одной сторонѣ тебе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремени ѣжду, всеми своими полкы». См. тамъ же, стр. 32, 39. Съ этимъ выраженіемъ: *ѣздитъ подлѣ стремени*, должно сравнить древнѣйшее: *ходитъ по комъ*, которое также означало сыновнее отношеніе младшаго къ старшему; такъ объ Игорѣ: «Игореви же възррагшю, и хожаше по Олзѣ и слушаше его».

4) Тамъ же, стр. 75: «Вячеславъ же види въ Ростислава сына своего, и обрадовася радостью великою и рече ему: «сыну! се уже въ старости есмь, а рядовъ всихъ не могу рядити; а, сыну, даю тобѣ, якоже братъ твой держалъ и рядилъ, такоже и тобѣ даю; а ты мя имѣй отцемъ и честь на мнѣ держи, якоже и братъ твой Изяславъ, честь на мнѣ держалъ и отцемъ имѣлъ; а се полкъ мой и дружина моя, ты ряди». Ростиславъ же то слышавъ, и поклонися отцю своему Вячеславу и рече ему: «Велми радъ, господине отце, имѣю тя отцемъ господиномъ, якоже и братъ мой Изяславъ имѣлъ тя и въ твоей воли былъ». Тамъ же, стр. 88, 202.

5) Тамъ же, стр. 79: «Они же вси (рязанскіе князья) зряху на Ростислава, имѣяхуть и отцемъ собѣ». Тамъ же, стр. 149.

имѣть старшаго отцомъ въ правду, слушаться его какъ отца; старшій обязанъ былъ любить младшаго какъ сына; имѣть весь родъ какъ душу свою: «всѣхъ насъ старѣй отецъ твой, говоритъ Изяславъ Ростиславу Юрьевичу, но съ нами не умѣеть жити, а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою, всю имѣти и весь родъ свой въ правду, ако и душу свою»; всѣ права и обязанности условливались родственнымъ чувствомъ, родственной любовью съ обѣихъ сторонъ, родственной любовью между четвероюродными, на примѣръ. Но какъ скоро это условіе исчезло, то вмѣстѣ рушилась всякая связь, всякая подчиненность, потому что никакого другого отношенія, кромѣ родового, не было; младшіе слушались старшаго до тѣхъ поръ, пока имъ казалось, что онъ поступаетъ съ ними какъ отецъ; если же замѣчали противное, то вооружались: «Ты намъ братъ старшій, — говорили они тогда, — но если ты насъ обижаешь, не даешь волостей, то мы сами будемъ искать ихъ» *); или говорили: «Онъ всѣхъ насъ старше, но съ нами не умѣеть жить». Однажды старшій князь, раздраженный непослушаніемъ младшихъ, приказалъ имъ выѣхать изъ волостей, отъ него полученныхъ; тѣ послали сказать ему: «Ты насъ гонишь изъ русской земли безъ нашей вины... Мы до сихъ поръ чтили тебя какъ отца по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, но какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ за всѣми**), — и прибѣгаютъ къ суду Божію, т. е. къ

*) Тамъ же, стр. 18, 19. «Они же рѣша: ты намъ братъ старшій, аже ны не даси, а намъ самѣмъ о собѣ поискати».

**) Тамъ же, стр. 109. «Мы тя, — говорятъ Ростиславичи Андрею

войнѣ, къ открытому сопротивленію. Въ этихъ словахъ выразилось ясно сознание тѣхъ отношеній, какихъ наши древніе князья хотѣли между собою и своимъ старшимъ, потому что здѣсь они противопоставляютъ эти отношенія другимъ, какихъ они не хотятъ: обращайся съ нами какъ отецъ съ дѣтьми, а не какъ верховный владѣтель съ владѣтелями подчиненными себѣ, съ подручниками; здѣсь прямо и ясно родовыя отношенія противопоставляются государственнымъ. Такъ высказывали сами князья сознание своихъ взаимныхъ отношеній. Теперь посмотримъ, какъ выражалось понятіе о княжескихъ отношеніяхъ въ остальномъ народонаселеніи; какъ выражалъ его лѣтописецъ, представитель своихъ грамотныхъ современниковъ. Однажды младшій князь не послушался старшаго, завелъ съ нимъ вражду: лѣтописецъ, осуждая младшаго, говоритъ, что онъ не исполнилъ своихъ обязанностей; но какъ же понимаетъ онъ эти обязанности. «Дурно поступилъ этотъ князь, — говоритъ онъ, — поднявши вражду противъ дяди своего и потомъ противъ тестя своего» *). Въ глазахъ лѣтописца князь дурно поступилъ, потому что нарушилъ родственныя обязанности относительно дяди и тестя, — и только.

Въ случаяхъ, когда выгоды младшихъ не затро-

Суздальскому, — до сихъ мѣсть акы отца имѣли по любви; аже еси съ сякими рѣчьми прислать, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту челоуѣку, — а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за вѣмъ».

*) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, стр. 9. «И бысть велика помощь божіа князю Володимеру съ своими сыньми, за честное его житие и за смирение его, оному бо (т. е. Ярославу) младу сущю и горящуюя противу строеви своему, и паки противу тѣсти своему Мьстиславу .

гивались, то они обходились очень почтительно съ старшимъ; если старшій спрашивалъ совѣта у младшаго, то послѣдній считалъ это для себя большою честью и говорилъ: «Братъ! ты меня старше; какъ рѣшишь, такъ пусть и будетъ, я готовъ исполнять твою волю; если же ты дѣлаешь мнѣ честь, спрашиваешь моего мнѣнія, то я бы такъ думалъ» *), и проч. Но другое дѣло, когда затрогивались выгоды младшихъ князей; если бѣ старшій вздумалъ сказать: вы назвали меня отцомъ, и я, какъ отецъ, имѣю право наказывать васъ, — то, разумѣется, младшій отвѣчалъ бы ему: развѣ хорошій отецъ наказываетъ безъ вины дѣтей своихъ? объяви вину, и тогда накажи. Такъ, узнавши объ ослѣпленіи Василька, Мономахъ и Святославичи послали сказать Святополку, своему старшему: «что се зло створилъ еси в русьстѣй земли, и ввергль еси ножъ въ ны? чему еси ослепилъ братъ свой? аще ты бы вина кая была на нь, обличилъ бы и предъ нами, и упрѣвъ бы и, створилъ ему; а нынѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси». Старшій раздавалъ волости младшимъ; когда онъ былъ дѣйствительно отецъ, то распоряжался этою раздачею по произволу, распоряжался при жизни, завѣщавалъ, чтобъ и по смерти было такъ, а не иначе; но когда старшій былъ только отецъ названный, то онъ не могъ распоряжаться по произволу, потому что при малѣйшей обидѣ младшій считалъ себя въ правѣ вооруженною рукой доставить себѣ должное. Вообще старшій не

*) Тамъ же, стр. 38. «Ростиславъ же отвѣща брату своему Изяславу, рече: «брате! кланяются, ты еси мене старѣй, а како ты угадаеши, а язъ въ томъ готовъ есмь; аже, брате, на мнѣ честь покладываешь, то язъ быхъ, брате, тако рекль».

предпринимать ничего безъ совѣта съ младшими, по крайней мѣрѣ съ ближайшими къ себѣ по старшинству; этимъ объясняются множественныя формы въ лѣтописи: *посадили, вызнали* и проч., которыми означаются распоряженія цѣлаго рода; обыкновенно старшій князь, по занятіи главнаго стола, *дѣлялъ рядъ* съ младшей братьею касательно распредѣленія волостей *). Князья собирались также думать вмѣстѣ о земскихъ уставахъ **), опредѣляли извѣстныя правила, съ которыми должны были сообразоваться въ своемъ поведеніи ***). Послѣ, когда права разныхъ князей на старшинство запутались, то иногда князья условливались: если кто-нибудь изъ нихъ получитъ старшинство, то долженъ отдать другому какую-нибудь волость ****).

*) Тамъ же, II, 74, 122. Вячеславъ же посла по Святослава по Всеволодича, река ему: «Ты еси Ростиславу сынъ любимый, такоже и мнѣ, а поѣди съмо ко мнѣ, перебуди же у мене Кіевъ, доколь же придетъ Ростиславъ, а тогда рядъ вси учинимъ». Или: «Иде Святославъ къ Любчю и призва къ собѣ братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода, ряды ему дѣющю».

**) Русская Правда: «По Ярославѣ же паки совкупившесе сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ Коснячко, Перенггъ, Никифоръ и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати; а ино все якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша». — «Володимѣръ Всеволодичъ, по Святополцѣ, созна дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора, Кіевско тысячьского, Прокопью, Бѣлогородьского тысячьского, Станислава, Перяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, *Омова мужа*, и уставили до третьяго рѣза», и проч.

***) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 119. «Молвяше же Романови Святослави: «брате! я не ищю подъ тобою ничего же, но рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужъ у голову».

****) Тамъ же, стр. 110: «Святославъ же поча слати къ Ярославу съ жалобю, река ему: «на чѣмъ еси цѣловаль крестъ, а помяни первый рядъ; рекъ бо еси, оже я сяду въ Кіевъ, то я тебе надѣлю, паки ли ты сядеши въ Кіевъ, то ты мене надѣли».

Единство княжескаго рода поддерживалось тѣмъ, что каждый членъ этого рода, въ свою очередь, надѣялся достигнуть старшинства и соединеннаго съ старшинствомъ владѣнія главнымъ столомъ кievскимъ. Основаніемъ старшинства было старшинство физическое, при чемъ дядя имѣлъ преимущество передъ племянниками, старшій братъ предъ младшими, тестъ предъ зятемъ, мужъ старшей сестры передъ младшими шурьями, старшій шуринъ предъ младшими зятьями *); и хотя во время господства родовыхъ отношеній между князьями встрѣчаемъ борьбу племянниковъ отъ старшаго брата съ младшими дядьми, однако племянники при этомъ никогда не смѣли выставять своихъ родовыхъ правъ, и притязанія ихъ, основывавшіяся на случайныхъ обстоятельствахъ, должны были, исключая только одного случая, уступать правамъ дядей самыхъ младшихъ. Но мы видимъ иногда, что нѣкоторые князья и цѣ-

*) Тамъ же, стр. 125: «Рюрикъ же... размысливъ, съ мужи своими угадавъ, бѣ бо Святославъ старѣй лѣты, и урядився съ нимъ съступися ему старѣйшинства и Кіева, а собѣ взя всю рускую землю». — Тамъ же, стр. 50: «А се ми есть яко отецъ стрый свой»; тамъ же, стр. 61, 77. — Касательно преимуществъ старшаго брата слова Борися: «не буди мѣ възнати руки на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто», — и слова Ярослава I-го сыновьямъ. — Касательно старшинства тестя предъ зятемъ см. выше на стр. 124 слова лѣтописца о винѣ Ярослава Святополковича передъ тестемъ своимъ Мстиславомъ; Мстиславъ Мстиславичъ Удалой доводился племянникомъ Ярославу Всеволодовичу, и между тѣмъ называетъ его своимъ сыномъ, какъ зятя; Новгород. III, 33. — О правѣ старшаго зятя предъ меньшими шурьями Изяславъ Мстиславичъ говоритъ: «Братье! Всеволода есмь имѣлъ въ правду брата старшаго, занеже ми братъ и зять старѣй мене яко отецъ»; Ипат. лѣт., стр. 23. — Король венгерскій, женатый на младшей сестрѣ Изяслава Мстиславича, не иначе зоветъ послѣдняго, какъ отцомъ; тамъ же, стр. 66.

для племени (линіи) княжескія исключаются изъ родового старшинства, и это исключеніе признается правильнымъ. Какимъ же образомъ могло произойти подобное явленіе? Для рѣшенія этого вопроса должно посмотрѣть, какимъ образомъ князь достигалъ старшинства, приближался къ нему? Первоначально родъ состоялъ изъ отца, сыновей, внуковъ и т. д.; когда отецъ умиралъ, его мѣсто для рода заступалъ старшій братъ, онъ становился отцомъ для младшихъ братьевъ, слѣдовательно, его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьямъ своимъ, переходили во второй, высшій рядъ, изъ внуковъ въ сыновья, потому что надъ ними не было болѣе дѣда, старшина рода былъ для нихъ прямо отецъ; и точно, дядья называютъ ихъ братьями. Но другіе ихъ двоюродные братья оставались попрежнему внуками, малолѣтними (внукъ — унукъ, юнукъ, малолѣтній по преимуществу), потому что надъ ними попрежнему стояли двѣ степени: старшій дядя считался отцомъ ихъ отцамъ, слѣдовательно, для нихъ самихъ имѣлъ значеніе дѣда. Умиралъ этотъ старшій, второй братъ заступалъ его мѣсто, становился отцомъ для остальныхъ младшихъ братьевъ, и его собственные дѣти переходили изъ внуковъ въ сыновья, изъ малолѣтнихъ въ совершеннолѣтніе и, такимъ образомъ, мало-по-малу, всѣ молодые князья черезъ старшинство своихъ отцовъ достигали совершеннолѣтія и приближались сами къ старшинству. Но случись при этомъ, что князь умиралъ, не будучи старшиною рода, отцомъ для своихъ братьевъ, то дѣти его оставались навсегда на степени внуковъ, несовершеннолѣтнихъ: для нихъ прекращался путь къ дальнѣйшему движенію; отсюда понятно

теперь, почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода; такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству; они говорили: «Какъ пра-дѣды наши лѣствицею восходили на великое княженіе кіевское, такъ и намъ должно достигать его лѣстичнымъ восхожденіемъ». Но когда въ этой лѣстницѣ вынималась одна ступень, то дальнѣйшее восхожденіе становилось невозможнымъ; такіе исключенные изъ старшинства князья считались въ числѣ *изюевъ* *).

Каждый членъ рода княжескаго, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ достигать старшинства, получать старшій столъ кіевскій, который такимъ образомъ находился въ общемъ родовомъ владѣніи; но другія волости оставались ли постоянно въ наслѣдственномъ владѣніи извѣстныхъ племенъ княжескихъ или, соотвѣтствуя различнымъ степенямъ старшинства, переходили къ князьямъ различныхъ племенъ, при ихъ движеніи къ старшинству лѣстичнымъ восхожденіемъ? Для рѣшенія этого вопроса посмотримъ, какъ поступали князья вначалѣ, когда различныя случайныя обстоятельства не нарушали еще чистоты ихъ отношеній. Когда умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, кня-

*) Изгойя трои: поповъ сынъ грамотъ не умѣеть, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ, а се четвертое изгойство и къ себе приложимъ, аще князь осиротѣеть» — классическое мѣсто объ изгойяхъ въ *Уставѣ великаго князя Всеволода о церковныхъ судахъ и о людяхъ и мирлахъ торговыхъ*, напечатанномъ въ I-мъ выпускѣ «Христоматіи по исторіи русскаго права» М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Срв. выше на стр. 107 замѣчанія г. Леонтовича объ изгойяхъ.

жившій въ Смоленскѣ, то эта волость не перешла въ наслѣдство къ его сыновьямъ, но отдана была братьями пятому Ярославичу, Игорю, княжившему прежде на Волыни: ясный знакъ отсутствія наслѣдственности волостей и движенія князей изъ одной волости въ другую, по старшинству, лѣтвичнымъ восхожденіемъ; потомъ, когда Святославъ Ярославичъ, по изгнаніи брата, получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ кievскимъ, то слѣдующій по немъ братъ, Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Черниговъ. Извѣстная волость могла сдѣлаться наслѣдственнымъ достояніемъ какой-нибудь одной княжеской линіи только въ томъ случаѣ, когда князь, по вышеизложеннымъ причинамъ, терялъ возможность двигаться къ старшинству лѣтвичнымъ восхожденіемъ: тогда, получивъ отъ родичей какую-нибудь волость, онъ и потомство его принуждены были навсегда ея ограничиться, потому что переходъ изъ одной волости въ другую условливался возможностью движенія къ старшинству, не существовавшею для *изюевъ*. Такъ образовались особыя волости: Полоцкая, Галицкая, Рязанская, послѣ Туровская; линія второго Ярославича, Святослава, извѣстная больше подъ племеннымъ названіемъ Ольговичей, также вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ подверглась было тяжкой для князей участи изгойства, и поэтому самому Черниговская волость принимала было характеръ особнаго, выдѣленнаго княжества; но Ольговичамъ удалось, наконецъ, принудить Мономаховичей признать свои права на старшинство, и необходимымъ слѣдствіемъ этого признанія было возстановленіе родовой общности приднѣпровскихъ

волостей для обѣихъ линій. Ольговичъ сѣлъ въ Кіевѣ, а Мономаховичъ на его мѣсто въ Черниговѣ.

Несмотря на то, однако, мы встрѣчаемъ въ лѣтописи слово — *отчина*; князья, не исключенные изъ старшинства, употребляютъ это слово для означенія отдѣльныхъ волостей; въ какомъ же смыслѣ они употребляютъ его? Въ настоящемъ ли **В**го смыслѣ, какъ наследственнаго владѣнія, или въ другомъ какомъ-либо? Въ 1097 году князья — внуки Ярославовы — собрались вмѣстѣ и рѣшили, чтобъ каждый изъ нихъ держалъ свою отчину: Святополкъ — волость отца своего Изяслава Кіевѣ, Владимиръ Мономахъ — отцовскую волость Переяславль, Святославичи — Черниговъ; но мы никакъ не поймемъ этого распоряженія, если станемъ принимать слово *отчина* въ смыслѣ наследственнаго владѣнія для одной линіи, потому что Кіевъ былъ столько же отчиною Святополка, сколько и отчиною всѣхъ остальныхъ князей: и Всеволодъ и Святославъ княжили въ немъ. Но если здѣсь Кіевъ называется отчиною Святополка не въ смыслѣ наследственнаго владѣнія исключительно для него и для потомства его, то не имѣемъ никакого права и Переяславль и Черниговъ считать отчинами Мономаха и Святославичей — въ другомъ смыслѣ. Еще примѣръ на восточной сторонѣ Днѣпра: въ 1151 году Ольговичи — дядя Святославъ Ольговичъ и племянникъ Святославъ Всеволодовичъ — говорятъ Изяславу Давыдовичу: «Брате! миръ стоитъ до рати, а рать до мира; а нынѣ, брате, братья есмы собѣ, а прими насъ къ собѣ; а се отчинѣ межи нама двѣ: одина моего отца Олга, а другая твоего отца Давыда; а ты, брате, Давыдовичъ, а язъ Олговичъ: ты же, брате прими отца своего Давыдово,

а што Олгово, то нама дай, ать въ ся тѣмъ подливѣ» (подѣлимся) — вслѣдствіе чего Давыдовичъ остался въ Черниговѣ, а Ольговичамъ отдалъ Сѣверскую область. Но для Святослава Всеволодовича Черниговъ былъ точно такъ же отчиною, какъ и для Давыдовича, потому что отецъ его Всеволодъ Ольговичъ княжилъ въ Черниговѣ, и когда Давыдовичъ получилъ Кіевъ, то Черниговъ, отчину свою, уступилъ Святославу Ольговичу. И такъ, что же такое равумѣлось подъ отчиною? Отчиною для князя была та волость, которою владѣлъ отецъ его и владѣть которою онъ имѣетъ право, если на родовой лѣствицѣ занимаетъ ту же степень, какую занималъ отецъ его, владѣя означенной волостью, потому что владѣніе волостями условливалось степенью на родовой лѣствицѣ, родовыми счетами.

Теперь остается вопросъ: въ какомъ отношеніи находились волости младшихъ князей къ старшему? Мы видѣли, что отношенія между старшимъ и младшимъ были родовыя; младшіе князья хотѣли быть названными сыновьями и нисколько не подручниками старшаго, а такое воззрѣніе должно было опредѣлять и отношенія ихъ къ послѣднему по волостямъ: не допуская подручничества, они никакъ не могли допустить дани, какъ самаго явственнаго знака его, не могли допустить никакого государственнаго подчиненія своихъ областей старшему въ родѣ князю; послѣдній поэтому не могъ имѣть значенія главы государства, верховнаго владыки страны, князя всея Руси, который выдѣлялъ участки земли подчиненнымъ владѣльцамъ во временное или наследственное управленіе. Волости находятся въ совершенной независимости одна отъ другой и отъ

Кіева, являются отдѣльными землями и въ то же время составляютъ одно нераздѣльное цѣлое вслѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній, вслѣдствіе того, что князья считаютъ всю землю своею отчиною, нераздѣльнымъ владѣніемъ цѣлаго рода своего.

Б. ВОТЧИННАЯ ТЕОРІЯ К. Д. КАВЕЛИНА.

(Сочиненія К. Кавелина. Часть вторая. М. 1859).

Вся *) русская исторія, какъ древняя такъ и новая, есть по преимуществу *государственная, политическая*, въ особенномъ, намъ однимъ свойственномъ значеніи этого слова. Областная, провинціальная жизнь еще не успѣла сложиться, когда стало зачинаться и расти государство. Его возникновеніе опредѣлилось, какъ и слѣдовало, тогдашнимъ мѣстнымъ развитіемъ. Какъ послѣднее было бѣдно и слабо, видно, съ одной стороны, изъ шаткости внутренняго быта тѣхъ немногихъ общинъ, которыя вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ долго не были вовлечены въ общую жизнь и на просторѣ, безъ помѣхи, продолжали свое особенное существованіе, съ другой — изъ быстрого уничтоженія ихъ «старинны» вслѣдъ за уничтоженіемъ ихъ политической самостоятельности. Тѣмъ полнѣе, шире, безграничнѣе развивалось государство. Конечно, нѣтъ христіанской страны, гдѣ бы оно принесло себѣ столько жертвъ; нѣтъ новой исторіи, которая бы представляла такое цѣлостное поглощеніе провинціализма государственными интересами.

Во всемъ этомъ давно уже согласились знатоки **)

*) Срв. ниже на стр. 164 слова Б. Чичерина.

**) Въ предлагаемомъ изложеніи заимствованія сдѣланы изъ обширной рецензіи Кавелина на докторскую диссертацию Со-

русской исторіи. Еще Карамзинъ, руководимый вѣрнымъ чувствомъ, назвалъ свое сочиненіе «Исторіей Государства Россійскаго». Дѣйствительно, политическій, государственный элементъ представляетъ покуда единственно живую сторону нашей исторіи, и если въ послѣднее двадцатилѣтіе*) и были попытки открыть въ ней другія живыя стороны, то это не столько было вызвано самимъ предметомъ, сколько выражало новыя требованія нашего времени. Не въ русской исторіи, а въ насъ лежали вопросы, которые мы ей задавали. Вотъ почему попытки и кончились ничѣмъ: онѣ принесли большую отрицательную пользу, но не внесли въ науку новаго содержанія.

Теперь важная задача представилась нашему*) времени. Дойдя до отрицательныхъ результатовъ относительно всѣхъ сторонъ древней русской жизни, исключая государственной, политической, мы, естественно, должны были спросить себя: какое же было ея движущее начало, — что въ ней развивалось? Все сказанное объ этомъ доселѣ или было слишкомъ нелѣпо, или слишкомъ обще, прикладывалось ко всѣмъ государствамъ въ мірѣ и именно потому нисколько не поясняло русской исторіи. Сентенціи въ родѣ такихъ: «каждый народъ, развиваясь, образуетъ государство», и подобныя могли ли подвинуть насъ въ уразумѣніи нашего прошедшаго? Онѣ не разрѣшали, какъ же именно это сдѣлалось, какія были при-

ловьева, первоначально напечатанной въ *Современникѣ* за 1847 г.; см. тамъ же перепечатанную изъ *Отечественныхъ Записокъ* рецензію на магистерскую диссертацию того же автора (II, 19—38).
Ред.

*) Писано въ 1847-мъ году.

чины, создавшія такое-то, а не другое государство съ такимъ, а не другимъ характеромъ, и потому никуда не годились. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ требовало и предполагало спеціальныя знанія. Къ нему и стали все склоняться сознательно и безсознательно. Какая-то усталость мысли, возрастающій перевѣсъ фактическаго изученія надъ теоретическимъ, довѣренность къ историческимъ даннымъ, сначала вслѣдствіе нравственнаго утомленія и безсилія, — обозначали переходное время отъ непосредственнаго приближенія общихъ началъ науки къ дѣйствительному, живому пониманію нашей исторіи. Не станемъ теперь разбирать различныя направленія и теоріи, болѣе или менѣе вѣрныя, которыя отсюда вытекали. Скажемъ только, что это исключительное предрасположеніе къ фактамъ, имѣвшее тоже свои дурныя стороны и вредныя послѣдствія, не могло удержаться навсегда. Оно только приготовило матеріалы для новыхъ взглядовъ, которые теперь опять появились, и притомъ многочисленнѣе, разнообразнѣе, чѣмъ когда-либо. Главное ихъ отличіе отъ прежнихъ состоитъ въ томъ, что они, исходя изъ общихъ началъ, наполнены положительнымъ содержаніемъ и, слѣдовательно, гораздо ближе къ дѣйствительности. Они уже не прикладываютъ такъ непосредственно, наивно общихъ началъ къ фактамъ, какъ прежде; начала теперь служатъ основой, путеводной нитью и окончательной повѣркой историческихъ изысканій. Такъ готовится мало-по-малу коренное преобразование нашей исторической литературы. Это уже замѣтно во многомъ. Не только мы обогатились новыми историческими данными, но и самыя вопросы русской исторіи переродились и поставля-

ются теперь совершенно иначе, чѣмъ прежде; а извѣстно, что правильно поставить вопросъ значить уже вполнину рѣшить его *).

Вмѣстѣ съ другими переродился и вопросъ о государственномъ, политическомъ элементѣ въ древней Руси. Отчего онъ больше развивался, а другіе менѣе; какой его характеръ и отношенія къ другимъ сторонамъ жизни; по какимъ законамъ онъ развивался, — словомъ, какая его роль и значеніе въ русской исторіи? За всѣ эти вопросы принялись совершенно иначе. Принявъ въ основаніе мысль, что каждый народъ есть живой, цѣльный, саморазвивающійся организмъ, котораго различныя стороны не распадаются на безсвязныя или только механически между собою соединенныя части, а всѣ вытекаютъ изъ единой народной жизни, — нельзя уже было разсматривать нашу государственную жизнь отдѣльно отъ другихъ сторонъ. Теперь на нее взглянули, какъ на одно изъ выраженій народнаго организма; слѣдовательно, имъ, а не чѣмъ-либо постороннимъ и сверхъестественнымъ, надо было ее объяснить. Событія, извнѣ и случайно вошедшія въ нашу народную жизнь, не внесли въ нее новыхъ элементовъ и, стало-быть, не измѣнили ея, а остались на ея поверхности и были ею переработаны; слѣдовательно, они имѣютъ лишь второстепенный голосъ въ опредѣленіи нашей исторіи.

*) Напоминая еще разъ, что эти общія разсужденія Кавелина писаны были 50 лѣтъ тому назадъ, предлагаемъ сопоставить ихъ съ 1—3 и 19 стр. введенія къ извѣстной книгѣ проф. П. Н. Милюкова «*Очерки по исторіи русской культуры*». (Спб. 1896. Часть первая. Изданіе редакціи журнала *Миръ Божій*).

Этотъ взглядъ, послѣдній результатъ европейской науки, имѣлъ огромное и рѣшительное вліяніе на уразумѣніе нашего древняго быта. Если развивалась только государственная, политическая жизнь, а другія стороны нѣтъ, то, значить, въ ней сосредоточились всѣ силы и соки народной жизни; слѣдовательно, измѣненія первой были измѣненіями послѣдней. Послѣ того оставалось только понять, такъ сказать, почву, элементъ, въ которыхъ совершалась государственная жизнь, и уловить законы ея развитія—и дѣло было сдѣлано, задача рѣшена, взглядъ на русскую исторію созданъ.

Историческіе элементы русской жизни не трудно было отгадать. Давно ужъ, хотя и безсознательно, называли Русь патріархальной, но этому слову не давали того глубокаго, всеобъемлющаго значенія, которое оно дѣйствительно имѣетъ въ приложеніи къ намъ. Сверхъ того всѣ русскіе древніе политики прямо или косвенно тоже указываютъ на патріархальность. А что такое патріархальность? Формулируя это слово ученымъ образомъ, мы найдемъ, что она заключается въ преобладаніи естественныхъ, прирожденныхъ, слѣдовательно на кровномъ родствѣ основанныхъ отношеній надъ юридическими и личными. Общество, въ которомъ начальникъ или господинъ является какъ бы отцомъ, а равные какъ бы братья между собою по крови, — такое общество есть патріархальное. Такъ какъ родственныя отношенія по времени первыя въ исторіи, то во всѣхъ обществахъ, у всѣхъ народовъ, патріархальный бытъ *)

*) Срв. выше на стр. 27 и 109. Гораздо позднѣе поднятъ былъ вопросъ о болѣе древнемъ бытѣ славянъ восточно-европейской равнины — матріархальномъ. См., напр., лекціи проф. М. М. Ко-

предшествуетъ всякому другому. Главная отличительная его черта — совершенная неопредѣленность взаимныхъ отношеній между людьми, и вслѣдствіе этого страшный произволъ, бессознательность и необеспеченность всѣхъ и каждаго. Человѣку невыносимо жить подъ гнетомъ вѣчной, неотвратимой случайности, которая царить въ патріархальномъ обществѣ, худо прикрываясь мнимой наивностью и ничѣмъ не охраняемымъ, слѣдовательно, шаткимъ обычаемъ: по природѣ своей человѣкъ стремится къ опредѣленному, извѣстному постоянному быту, въ которомъ можно ориентироваться и найтись. Вотъ что выводитъ патріархальное общество въ юридическій, гражданскій бытъ. Конечно, въ періодъ исключительнаго и односторонняго развитія, юридическій бытъ является слишкомъ строгимъ, угловатымъ и прозаическимъ; но онъ по крайней мѣрѣ даетъ человѣку хоть какія-нибудь точки опоры, очерчиваетъ хоть грубо кругъ его дѣятельности, не переступая котораго можно дѣйствовать безъ насилія. Патріархальное общество не представляетъ даже и этой скудной выгоды. Отсюда, по мѣрѣ того, какъ народъ живетъ, патріархальныя отношенія смѣняются въ немъ юридическими и гражданскими, кровный союзъ сначала опредѣляется юридически, потомъ уступаетъ мѣсто другому, болѣе широкому гражданскому союзу, въ которомъ человѣкъ, прежде зависѣвшій отъ кровныхъ отношеній, преобразуется мало-по-малу въ самостоятельнаго дѣятеля, котораго мѣсто и значеніе опредѣляется личными качествами,

валевского «Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности». (Спб. 1896. Изд. Ф.л. Павленкова).

Ред.

талантомъ и доблестями, а не одними природными условіями рожденія.

Если государственный элементъ дѣйствительно поглотилъ и сосредоточилъ всю русскую народную жизнь, то его развитіе должно представлять это постепенное перерожденіе патріархальности въ юридическое устройство и гражданственность. Другими словами: въ нашей государственной жизни должны были сначала преобладать кровныя родственныя начала, а потомъ изъ нихъ, постепенно, выработаться юридическія и гражданскія.

Диссертація Соловьева самымъ блистательнымъ образомъ подтвердила этотъ выводъ а priori. И до нея говорили, что съ Ивана III началось у насъ государство, — что въ періодъ удѣловъ князья считались между собою родствомъ, кто кого старше; но на этомъ всё и останавливались. Это были безсвязныя замѣтки — не болѣе; отъ недостатка систематическаго взгляда эти замѣтки не послужили ни къ чему; факты, бросающіеся въ глаза, оставались незамѣченными; въ суммѣ, несмотря на многія изслѣдованія, русская исторія ничего не выиграла. Обладая огромнымъ фактическимъ знаніемъ предмета, — чему убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ служить книга, — Соловьевъ прежде всего обратилъ вниманіе на живую связь между отдѣльными событіями русской исторіи, на начало, дающее имъ органическую цѣлость, единство. Въ короткой, но замѣчательной рѣчи, произнесенной имъ съ кафедръ *) передъ началомъ публичнаго диспута, онъ ясно высказалъ свое отношеніе къ предшественникамъ на

*) Докторскій диспутъ Соловьева происходилъ 6 іюня 1847 г.

томъ же поприщѣ. Мы не упомянемъ самыхъ словъ, но мысль была вотъ какая: до сихъ поръ заботились особенно о томъ, какъ раздѣлить русскую исторію; теперь надо стараться, напротивъ, соединить ея части въ одно цѣлое, связать раздробленное и неправильно противопоставленное *); надо возсоздать наукой живой организмъ русской исторіи, а онъ самъ ужъ укажетъ на раздѣленіе необходимое и естественное.

Результатомъ этого совершенно новаго приѣма, до сихъ поръ не виданнаго въ русской исторической литературѣ, былъ новый взглядъ на древнерусскую государственную жизнь, которая составляетъ главную тему диссертации. На основаніи этого взгляда исчезаютъ всѣ представленія, заслонявшія естественный, органическій ходъ событій и внутреннюю связь между эпохами. Удѣлы и удѣльный періодъ, которые, судя по нашимъ учебникамъ, неизвѣстно какъ и откуда вдругъ являюся въ нашей исторіи, по мнѣнію Соловьева, до XIII вѣка вовсе не существовали, да и послѣ не играли первой роли. Монгольское иго, которому доселѣ приписывали рѣшительный, полный переворотъ въ нашей исторіи, тоже не имѣло такого великаго значенія. Оно сильно на насъ вліяло — это правда, но было одной изъ дѣйствующихъ

*) Срв. слова Соловьева въ предисловіи къ первому тому *«Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»*: «Не дѣлить, не дробить русскую исторію на отдѣльные части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ; не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодействіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію. Вотъ обязанность историка въ настоящее время» (1851 г.).

щихъ причинъ, а не исключительно дѣйствовавшей. Такимъ образомъ, исчезаетъ все внесенное извнѣ въ русскую исторію, поле изслѣдованій очищено отъ всего ему чуждаго, и ничто уже не препятствуетъ событіямъ, эпохамъ предстать въ томъ свѣтѣ, съ тѣмъ значеніемъ, которые имъ дѣйствительно принадлежать и свойственны. Разрѣшивъ эту первую отрицательную половину своей задачи въ предисловіи, авторъ рѣшаетъ и старую, положительную. Изслѣдованіе ея наполняетъ всю остальную часть диссертациі. Государственная исторія Россіи за все время господства Рюриковой династіи, по мнѣнію автора, сначала представляетъ господство родовыхъ отношеній, которыя мало-по-малу смѣняются государственными; послѣднія, наконецъ, берутъ рѣшительный верхъ надъ первыми и совершенно упраздняютъ ихъ въ окончательной кровавой борьбѣ Ивана IV съ вельможествомъ. Съ этимъ торжествомъ государственнаго начала надъ родовымъ совпадаетъ прекращеніе Рюриковой династіи, и Россія вступаетъ въ новый фазисъ историческаго существованія.

Это общія черты новаго взгляда Соловьева на древнюю государственную Русь. Взглянемъ теперь на подробности.

Сначала, до XIII вѣка, всѣ князья суть члены одного княжескаго рода, вся Россія есть его нераздѣльная родовая собственность въ общемъ его владѣніи. При такомъ состояніи невозможно понятіе о частной собственности князей, понятіе объ удѣлѣ; какъ члены одного рода, всѣ князья владѣютъ, но не на основаніи права собственности; слѣдовательно, ихъ отношенія только личныя, опредѣленные родственными, кровными связями; князья считаются

между собою старшинствомъ, которое даетъ имъ высшее или низшее мѣсто въ общей родовой іерархїи, и потому то или другое владѣніе. Эпоха, въ продолженіе которой удерживается этотъ порядокъ вещей, имѣетъ свои подраздѣленія. Съ начала такъ называемаго періода удѣловъ — отъ Ярослава до смерти Мстислава 1-го — столкновенія и распри между князьями происходятъ вслѣдствіе исключенія изъ общаго владѣнія племянниковъ дядями; съ этого времени до Боголюбскаго возникаетъ уже борьба между князьями за старшинство, дающее право на такое или другое владѣніе, и преимущественно Кіевомъ. Андрей открываетъ новое начало порядка вещей. Этотъ князь господствуетъ на сѣверѣ, гдѣ новыхъ городовъ несравненно больше, чѣмъ на югѣ и западѣ; новые города, основанные самими князьями, находятся къ нимъ въ отношеніяхъ вотчинъ, полной собственности, чѣмъ не могли быть древніе вѣчевые города *). Такъ, на сѣверо-востокѣ возникаетъ понятіе объ удѣлѣ, частной княжеской собственности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и взглядъ на между-княжескія отношенія долженъ былъ измѣниться. Андрей, воспитанный на новыхъ началахъ, какъ собственникъ, явно стремится къ единовластію и самодержавію и силится упразднить прежній родовой порядокъ вещей, поддерживаемый южно-русскими князьями. Отсюда борьба между нимъ и послѣдними, продолжавшаяся и при преемникѣ его замысловъ и владѣній, Всеволодѣ III. Въ этомъ князѣ уже предчувствуются московскіе великіе князья, особенно Иванъ III. Послѣ Всеволода мало по-малу утвер-

*) Срв. ниже на стр. 159 и слѣд.

ждаются и развиваются новыя между-княжескія отношенія, которыхъ основаніемъ было уже понятіе о собственности. Князья дѣлили свою вотчину, княженія, между дѣтьми; каждый старался усилить и умножить ее на счетъ другихъ, не уважая или мало уважая родовыя права, служившія прежде главной нормой въ опредѣленіи ихъ взаимныхъ отношеній. При такихъ обстоятельствахъ, одной княжеской линіи, а именно московской, удалось усилиться надъ всѣми прочими. Слѣдствіемъ этого было отнятіе владѣній у прочихъ князей и ихъ подданническое служебное отношеніе къ московскому; наконецъ, независимые князья совершенно исчезли въ Россіи, и она обратилась въ московское государство. Это государство, окончательно основанное Иваномъ III и IV, стало на развалинахъ прежняго удѣльнаго родового порядка вещей; разумѣется, онъ не вдругъ отказался отъ своихъ правъ и непрестанно напоминалъ о своемъ существованіи въ лицѣ бояръ и вельможъ, живыхъ представителей такъ называемаго удѣльнаго періода. Отсюда борьба между ними и московскими государями, особенно ярко и въ послѣдній разъ обнаружившаяся при Иванѣ IV. Она заключила нашу древнюю, до-государственную исторію и открыла новый періодъ — періодъ московскаго царства.

Этотъ взглядъ безспорно гораздо глубже, цѣльнѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе. Онъ набрасываетъ живую, связную картину государственной жизни древней Руси, чего мы до сихъ поръ не имѣли, — точка отправленія поразительно вѣрна. Несмотря на все это, мы думаемъ, однако, что Соловьевъ, постановивъ новое начало, не провелъ его до конца и

какъ будто остановился на полудорогѣ. Развитие новой мысли у него не вполне послѣдовательно; постараемся доказать это.

Родовыя отношенія между русскими князьями поставлены у автора первыми по времени. Это начало — точка отправленія. Ихъ преобладаніе, чтобъ не сказать исключительное господство, въ древнѣйшей русской государственной исторіи несомнѣнно, очевидно, ясно. Подъ конецъ, когда раздробленные части Россіи стали соединяться въ одно цѣлое, родовыя отношенія удерживались уже только какъ форма безъ содержанія, какъ предлогъ, скрывавшій совсѣмъ другіе замыслы. Князь изъ члена рода сталъ вотчинникомъ, землевладѣльцемъ и больше всего думалъ, какъ бы ему нажитья и увеличить свое имѣніе, будущее наслѣдство дѣтей. Этой главной задушевной цѣли онъ жертвовалъ родовыми и кровными связями. Между княземъ, членомъ рода, и княземъ - хозяиномъ разстояніе такъ велико, что ихъ почти нельзя сравнивать; однако послѣдній былъ потомокъ перваго. Какъ же совершилось это перерожденіе? какими ступенями пройденъ путь, начало и конецъ котораго такъ не сходны?

Соловьевъ говоритъ о родовыхъ отношеніяхъ, потомъ о государственныхъ, которыя сначала съ ними боролись и наконецъ ихъ смѣнили. Но въ какомъ отношеніи они находились между собою, откуда взялись государственныя отношенія въ нашемъ быту вслѣдъ за родовыми — этого онъ не объясняетъ или объясняетъ слишкомъ неудовлетворительно. Во-первыхъ, онъ не показываетъ естественной преемственности быта юридическаго послѣ родового; во-вторыхъ, взглядъ его не вполне отрѣшился отъ пре-

увеличеній, которыя такъ изукрасили древнюю Русь, что ее нельзя и узнать. Правда, его взглядъ несравненно простѣе, естественнѣе; но надо было сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобъ довершить полное высвобожденіе древней русской исторіи отъ несвойственныхъ ей представленій; а его-то Соловьевъ и не сдѣлалъ. Этимъ и объясняется, почему авторъ по необходимости долженъ былъ прибѣгнуть къ остроумной, но невѣрной гипотезѣ о различіи новыхъ княжескихъ городовъ отъ древнихъ вѣчевыхъ, для объясненія новаго порядка вещей, народившагося въ сѣверо-восточной Россіи. Представляя себѣ въ нѣсколько неестественныхъ размѣрахъ владимирскую и московскую Русь, Соловьевъ увидѣлъ въ нихъ то, чего онѣ или вовсе не представляли, или представляли, но не въ томъ свѣтѣ, который имъ придаетъ авторъ. Оттого у Соловьева между Русью до и послѣ XIII вѣка цѣлая пропасть, которую наполнить можно было чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, не лежавшимъ въ органическомъ развитіи нашего древнѣйшаго быта. Такимъ вводнымъ обстоятельствомъ является у автора система новыхъ городовъ; вывести эту систему изъ родовыхъ началъ, наполнившихъ своимъ развитіемъ государственную исторію Россіи до Ивана III, нѣтъ никакой возможности.

Объяснимся.

Мы уже сказали, что государственный, политическій элементъ одинъ сосредоточиваетъ въ себѣ весь интересъ и всю жизнь древней Руси. Если этотъ элементъ выразился въ родовыхъ патріархальныхъ формахъ, ясно, что въ то время онѣ были высшей и единственно возможной формой быта для древней Руси. Никакихъ сильныхъ переворотовъ во

внутреннемъ составѣ нашего отечества не происходило; отсюда можно а priori безошибочно заключить, что всѣ измѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самого патріархальнаго, родового быта. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что исторія нашихъ князей представляетъ совершенно естественное перерожденіе кровнаго быта въ юридическій и гражданскій. Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющей сообца всею русскою землею. Такую картину представляетъ до-общественный, до-историческій бытъ всякаго человѣческаго общества. Отношеній по собственности нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ прочной осѣдлости. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного владѣнія въ другое, считаясь между собою, только по родству, старшинствомъ. Впослѣдствіи они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. Какъ только это сдѣлалось, княжескій родъ раздробился на вѣтви, изъ которыхъ каждая стала владѣть особеннымъ участкомъ земли — областью или княжествомъ. Вотъ первый шагъ къ собственности. Правда, въ каждой отдѣльной территоріи продолжается еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей, и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе; стало-быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество не болѣе, не менѣе какъ княжеская вотчина, наследственная собственность, которою владѣлецъ можетъ распоряжаться безусловно. Когда эта мысль, конечно, безсознательно, наконецъ укрѣпилась и созрѣла, территоріальные, владѣльческіе интересы должны были

одержать верхъ надъ личными, то-есть по тогдашнему кровными и родственными. Вотъ какимъ образомъ князья мало-по-малу утратили живое сознаніе, что они члены одного рода, кровные между *) собою. Они стали относиться между собою, какъ владѣльцы, собственники, у которыхъ владѣльческіе интересы на первомъ планѣ. Родъ княжескій чрезъ это превратился въ множество отдѣльных, независимыхъ владѣльцевъ. Здѣсь лежитъ первый, хотя и слабый, зародышъ гражданскаго общества. Оно нестройно и безсвязно, потому что не судъ, не верховная власть опредѣляли ихъ отношенія, а произволь и сила оружія. Одному изъ такихъ князей-собственниковъ удалось, наконецъ, съ помощью разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, усилиться на счетъ другихъ. Онъ и его преемники усердно, правдой и неправдой, прибирали владѣнія послѣднихъ къ своимъ рукамъ. Такъ образовалась огромная вотчина, въ которой исподволь стали появляться первые зачатки государства; но и они — замѣтимъ это хорошенько — условливались не степенью нашего тогдашняго развитія, а, такъ сказать, громадностью факта, физическими средствами владѣльца. Этотъ порядокъ вещей продолжался два съ половиною вѣка, пока, наконецъ, въ началѣ XVIII, московское царство дѣйствительно преобразовалось въ политическое, государственное тѣло и стало державой въ настоящемъ значеніи слова.

Отсюда мы выводимъ вотъ какіе результаты: дѣйствуя на первобытной, дѣвственной почвѣ, на которой никто не оставилъ слѣдовъ другого, болѣе раз-

*) Срв. выше примѣчаніе на стр. 97.

витого быта, предоставленные сами себѣ, мы сначала принуждены были сами собою открывать и выработывать всѣ первичныя — гражданскія и общественныя — начала, составляющія азбуку общежитія, и едва ли есть другая исторія, которая такъ живо, какъ русская, сохранила картину этого незапамятнаго до-историческаго развитія чловѣческаго общества. Даже понятіе о собственности мы должны были изобрѣсти сами, и честь этого открытія у насъ принадлежитъ князьямъ; въ частный бытъ оно проникло спустя еще два вѣка. То же должно сказать и о гражданскомъ бытѣ. Первыми его дѣятелями и представителями были князья; а въ частномъ быту давно ли разрушено родовое начало? Да и разрушено ли оно вполне даже теперь, полтора ста лѣтъ спустя послѣ реформы? Если такъ, спрашивается, могла ли въ XIII вѣкѣ быть хоть тѣнь государственныхъ отношеній между князьями? Зародышъ гражданскихъ, нѣчто на нихъ похожее — да, безспорно, но никакъ не государственныхъ. Послѣднія предполагаютъ высокую степень общественнаго, умственнаго и нравственнаго развитія, о которомъ въ древней Руси не было и помину. Это доказывается и прямыми фактами и косвенно родовымъ, кровнымъ распорядкомъ, непосредственно предшествовавшимъ такъ называемымъ государственнымъ отношеніямъ. Оттого, что Соловьевъ не назвалъ явленія его именемъ, произошли всѣ неправильные и непослѣдовательные выводы, ошибочныя воззрѣнія и натянутыя толкованія.

Читатели теперь сами видятъ, что отдѣльная собственность образовалась весьма просто, сама собою, вслѣдствіе развитія родового быта. Соловьеву была

пужна гипотеза о различіи старыхъ и новыхъ городовъ. Она не нужна и, прибавимъ еще, весьма неправдоподобна. Дѣйствительно ли различались новые города отъ старыхъ? Авторъ изложилъ гипотезу въ своей магистерской диссертациі *) объ отношеніяхъ Новгородѣ къ великимъ князьямъ, но не подтвердилъ ее никакими доказательствами **). Потому онъ на нее ссылался какъ на аксіому. Мы съ своей стороны тщетно перебирали въ памяти историческіе факты, напрасно пересматривали лѣтописи: ни одно данное не приводитъ къ ней. Во-первыхъ, въ устройствѣ старыхъ и новыхъ городовъ мы не находимъ рѣшительно никакой разницы; вольныя общины отличались особенной организаціей — это правда; но если всѣ вольные города древней Руси были старые, то далеко нельзя сказать наоборотъ, что всѣ старые города были вольные. Напротивъ, лѣтописи представляютъ намъ множество старыхъ городовъ, которые безусловно повиновались князьямъ, приходившимъ къ нимъ безъ призванія, и множество новыхъ городовъ, построенныхъ князьями, и въ сѣверо-восточной Россіи, которые не повиновались князьямъ и своевольствовали. Различіе между тѣми и другими невозможно провести, потому что устройство городовъ древней Руси не

*) См. стр. 16—24 по изданію 1846 года. См. ниже на стр. 159—163.

**) Въ рецензіи на эту диссертацию, Кавелинъ (*Сочиненія* II, 34) опариваетъ гипотезу о различіи старыхъ и новыхъ городовъ гораздо менѣе рѣшительно, отзываясь о ней какъ «во многихъ отношеніяхъ вѣрной». Срв. выше на стр. 146 и 158. Сжатый отвѣтъ Соловьева на приведенныя въ текстѣ мѣста изъ рецензіи Кавелина см. въ дополненіи ко 2-му тому «*Исторіи Россіи*» (по изданію товарищества Общественная Польза». Книга первая, стр. 651—656).
Ред.

имѣло никакой опредѣленности, правильности, постоянства, которыя, при возмужалости народа, кладутъ особенную, неизмѣнную печать на всю исторію города и глубокими чертами отличаютъ ее отъ исторіи и быта всѣхъ другихъ городовъ. И теперь внутренніе города Россіи, даже большіе, чрезвычайно между собою сходны. Отчего это? Оттого, что нѣтъ провинціализма, мѣстнаго развитія, а ихъ нѣтъ потому, что гражданственность у насъ еще въ зародышѣ, едва только начинается *). Тѣмъ болѣе такъ было въ древней Россіи, не имѣвшей никакой гражданственности. Исторія нашихъ городовъ въ древности служитъ этому неопровержимымъ доказательствомъ. Тѣ только изъ нихъ сохраняютъ самостоятельность, которые удалены отъ главной сцены дѣйствія русской исторіи; придетъ съ ними въ соприкосновеніе сильный князь — они отдаются ему «на всей его волѣ», конечно, не безъ сопротивленія, но все-таки отдаются: князь налицо — городъ исполняетъ его волю, нѣтъ — тогда городъ начинаетъ дѣйствовать, собираться на вѣче, распоряжается. Ослабляютъ князя — города ихъ не слушаются и заключаютъ съ ними условія, усилились они — города опять замолкли. А когда утвердилось московское единовластіе, достаточно было ста лѣтъ, чтобъ сравнить какой-нибудь Новгородъ со всѣми другими городами, — Новгородъ, который до конца XV вѣка составлялъ цѣлое государство съ огромной территоріей; а тогда еще не было и помина о тѣхъ административныхъ средствахъ совершеннаго угнетенія, которыя изобрѣтены уже въ новѣйшее

*) Писано въ 1847 году.

время. Что можетъ быть краснорѣчивѣе этихъ фактовъ? Не говорятъ ли они, что тогда города сами по себѣ ничего не значили, что ихъ муниципальныя права не были правами, а обычаями, не имѣвшими даже юридическаго характера, потому что эти права не были признаны и усвоены, и только въ отсутствіе или при слабости князей предъявляли свое существованіе. Стало-быть, не изъ характера новыхъ городовъ развилось понятіе объ отдѣльной княжеской собственности. Оно не имѣло никакого историческаго прототипа, а, напротивъ, само родившись впервые въ государственной сферѣ, послужило первообразомъ частной гражданской собственности. Итакъ, объясненіе Соловьева рушится само собою.

Объясненіе происхожденія отдѣльной собственности лежитъ гораздо ближе, въ самыхъ условіяхъ родового быта. Если онъ послѣ XIII вѣка началъ переходить въ гражданскій, а не государственный, какъ думаетъ Соловьевъ, то органическую связь между обоими угадать весьма не трудно. Она скрывается въ *вотчинномъ* семейственномъ началѣ, тоже основанномъ на кровномъ родствѣ, слѣдовательно, тоже патріархальномъ, но которое тѣмъ существенно отличается отъ родового, что гораздо тѣснѣе его и находится къ нему постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ. Семья разлагаетъ родъ на части, и когда она беретъ верхъ, послѣдній необходимо падаетъ. О *вотчинномъ* семейномъ началѣ, игравшемъ такую важную роль въ древней Россіи, Соловьевъ совсѣмъ не говоритъ въ своей диссертаци; онъ его какъ бы обходитъ*). На диспутѣ многіе, отправляясь,

*) Срв. слова Кавелина въ рецензій на магистерскую диссер-

впрочемъ, отъ различныхъ точекъ зрѣнія, сошлись въ возраженіяхъ на эту слабую сторону разсужденія *). Авторъ защищался очень ловко и искусно, но побѣда осталась не на его сторонѣ. Такъ какъ этотъ предметъ весьма важный въ русской исторіи, то мы позволимъ себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Одно изъ главныхъ, коренныхъ отличій родового союза состоитъ въ томъ, что какъ бы ни расширился родъ, какъ бы ни стали многочисленны его вѣтви, онѣ непремѣнно находятъ въ немъ извѣстное мѣсто; каждое лицо, по линіи, старшинству или меньшинству, классифицируется въ родѣ, и никто на основаніи родовыхъ началъ не изъятъ изъ этой классификаціи. Таковъ родъ, по самому своему началу; если оно не всегда строго выдержано въ примѣненіи къ тому или другому лицу, то все же пока родъ существуетъ и силенъ, никто не можетъ высвободиться изъ родового союза, съ удержаніемъ какихъ-нибудь правъ. Это заколдованный кругъ, изъ котораго нельзя выйти, не переставши существовать физически или граждански. Какое же мѣсто занимаетъ каждое лицо въ родѣ и какъ опредѣляются его отношенія къ другимъ? Это

тацію Соловьева: «вообще на это племенное, родовое, семейственное, словомъ, кровное начало Соловьевъ мало обратилъ вниманія, говорить о немъ какъ будто мимоходомъ, тогда какъ оно было главное, почти исключительно игравшее роль».

*) Т. Н. Грановскій замѣтилъ, что въ диссертациі Соловьева начало родовое проведено съ такой исключительностью, которая не допускаетъ вліянія начала семейнаго, и что этотъ средній терминъ какъ бы опускается Соловьевымъ въ прилагаемой имъ борьбѣ начала родового съ началомъ государственнымъ. — Отчина, право собственности занимаетъ первое мѣсто въ княжескихъ междоусобіяхъ: это доказывалъ О. М. Бодянский въ приводе въ Соловьевской крайности.

Ред.

зависеть исключительно отъ рожденія. Кто родился прежде, тотъ и старше, кто позднѣе, тотъ моложе. На этомъ основаніи, совершенно сообразно съ законами естественнаго рожденія, дяди считались въ чисто родовомъ союзѣ старше своихъ племянниковъ. Если юридическая казуистика родового начала и видоизмѣнила это общее положеніе, то это не было отступленіемъ, а напротивъ, ближайшимъ приноравливаніемъ родового старшинства къ естественному. Положеніе младшаго въ родовомъ союзѣ вообще было очень незавидно. Онъ былъ обязанъ уважать, почитать, любить и слушаться старшаго, хотя бы старшій былъ въ десять разъ его ограниченнѣе, чтобы не сказать глупѣе, хотя бы онъ не заслуживалъ ни малѣйшей любви и почтенія. Повиновеніе старшимъ влечетъ за собою множество мелкихъ, тягостныхъ обязанностей и послугъ; еще въ недавнее время, которое быстро уходитъ, считалось непремѣнной обязанностью дѣлать визиты или писать форменныя письма по праздникамъ, наружно уважать, спрашивать совѣта даже въ такихъ дѣлахъ, которыя ни до кого не касаются, о которыхъ не хочешь никому говорить и т. д. Какъ же пусто и, главное, безлично должно было быть общество, когда такое устройство и такія несообразныя съ здравымъ смысломъ отношенія не возбуждали ничего противодѣйствія, когда никто ими не тяготился, а напротивъ, всякій вмѣнялъ себѣ въ особенную заслугу безусловное и буквальное выполненіе родовыхъ обязанностей! Такой порядокъ вещей не могъ продолжаться вѣчно. Но разложеніе его у насъ началось не протестомъ лица во имя своихъ вѣчныхъ, неотъемлемыхъ правъ, ибо о личности въ древнѣйшей

Руси не было и помину; упадокъ родового устройства пришелъ совсѣмъ съ другой стороны, откуда бы его, кажется, всего менѣе можно было ожидать, а именно — отъ семьи, *вотчиннаго* начала. Это сдѣлалось вотъ какимъ образомъ.

Братья между собою считались старшинствомъ, и такимъ образомъ, даже по смерти отца, составляли цѣлое, опредѣляемое постоянными законами, но дѣти cadaго изъ нихъ имѣли ближайшее отношеніе къ отцу, и только второстепенное, посредственное къ роду. Для нихъ ихъ семейные интересы были главное и первое; родъ былъ уже гораздо дальше и не могъ такъ живо, всецѣло поглощать ихъ вниманіе и любовь. Прибавьте къ этому, что и для ихъ отца выгоды своей семьи были близки и во многихъ случаяхъ, приходя въ столкновение съ выгодами рода, могли ихъ перевѣшивать. Но пока родъ былъ немногочисленъ и линія еще недалеко разошлись, родъ еще могъ держаться; а что жъ должно было произойти, когда послѣ родоначальника смѣнились три, четыре поколѣнія, — когда каждая княжеская линія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, а общеродовые интересы ступили на третье, четвертое мѣсто? Естественно, къ роду, обратившемуся теперь въ призракъ, всѣ должны были охладѣть. Вслѣдствие чего же? Вслѣдствие того, что *вотчинное*, семейное начало, нисходящія разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга независящія части или отрасли. Этотъ процессъ повторялся нѣсколько разъ: изъ вѣтвей развивались роды. Эти роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока родовое начало не износилось совершенно. Его поддерживало нѣсколько времени

значеніе княженій, которыя сначала носили на себѣ какую-то тѣнь, призракъ государственныхъ владѣній, составлявшихъ политическое цѣлое; но этотъ призракъ скоро разсѣялся, ибо они все дробились и дробились, такъ что владѣнія князей наконецъ измельчали до крайности и стали просто частною собственностью. Тогда-то семейное начало, въ лицѣ нисходящихъ, открыто стало оспаривать первенство у родового, представляемаго старшими боковыми родственниками. Семья стала главнымъ движущимъ принципомъ, а не родъ; не къ дядямъ умершаго лица стали переходить права и владѣнія, а къ сыновьямъ его. Послѣдніе сдѣлались старшими, а первые младшими, и родъ исчезъ.

Когда нисходящіе получили старшинство передъ боковыми, родъ не могъ уже организоваться и родовое начало быть источникомъ правъ. Отъ него удержалась лишь форма безъ всякаго содержанія. Мало этого: только съ его паденіемъ и полнымъ торжествомъ семейнаго начала могъ появиться типъ землевладѣльца, *вотчинника*, который въ нашей государственной жизни дѣйствительно смѣнилъ типъ дружиноначальника, сначала преобладавшій между князьями и лежавшій въ основаніи ихъ власти. Родъ князей-помѣщиковъ, или «хозяевъ», какъ называетъ ихъ Соловьевъ, не только тянется черезъ всю московскую исторію до Ивана III, но даже всѣ послѣдующіе московскіе цари, до самого Петра Великаго, проникнуты тѣмъ же характеромъ, удерживаютъ еще тѣ же самыя формы, хотя и съ измѣненіями. Но рядомъ съ этимъ типомъ, еще въ концѣ XIV вѣка, возникаетъ, сначала смутно, едва замѣтно, мысль о государствѣ. Развиваясь медленно, она

мало-по-малу вытѣсняетъ типъ владѣльца, *вотчинника*, наконецъ, одерживаетъ надъ нимъ первую блистательную побѣду въ лицѣ и реформѣ Петра Великаго. Это появленіе новой идеи, какъ намъ кажется, не довольно рѣзко отмѣчено въ разсужденіи Соловьева. Правда, онъ особенно останавливается на томъ, что Дмитрій Донской первый отказалъ старшему сыну гораздо большую часть, въ сравненіи съ прочими, и тѣмъ выразилъ, что столько же, и еще больше, заботился о сохраненіи цѣлости московскаго великаго княжества, сколько о семейныхъ интересахъ. Со всѣмъ тѣмъ, объ этомъ въ высокой степени важномъ явленіи въ нашей исторіи не сказано у Соловьева ни слова въ общемъ обзорѣни предмета. Господство семейнаго начала и появленіе начала государственнаго слиты авторомъ въ одно, подъ общимъ названіемъ: государственныхъ отношеній. Мы уже видѣли, какъ это неправильно. Прибавимъ, что именно оттого, что авторъ не отличилъ *семьи* и *вотчины* отъ государства, и выходитъ у него какъ бы скачокъ въ нашемъ развитіи — пустое мѣсто, не наполненное ничѣмъ. Введеніемъ семейнаго начала этотъ пропускъ исчезаетъ, и ходъ исторіи является чрезвычайно естественнымъ и послѣдовательнымъ:

родъ и общее владѣніе,
семья и вотчина, или отдѣльная собственность,
лицо и государство.

Вотъ въ заключеніе общій выводъ изъ всего нами сказаннаго.

Главная заслуга Соловьева состоитъ въ томъ, что онъ открылъ и показалъ какъ основной движущій принципъ нашей древней исторіи — родовое

начало. Ни одинъ изъ его предшественниковъ не успѣлъ въ этомъ такъ блистательно, какъ онъ. Поэтому, несмотря на то, что многие, — Эверсъ, Рейцъ, Погодинъ, отчасти даже Карамзинъ, — вертелись около этой мысли, но не усомнимся приписать Соловьеву честь безспорно величайшаго открытiя *) въ русской исторiи. Въ нашей исторической литературѣ онъ поднялъ новое знамя и является основателемъ новаго воззрѣнiя, богатаго выводами и послѣдствiями. Но онъ не вполне вѣрно и послѣдовательно развилъ свою мысль; это произошло, какъ намъ кажется, оттого, что онъ недовольно глубоко вникъ въ законы естественнаго, органическаго развитiя родового начала. Отсюда:

Во-1-хъ, въ первомъ появленiи гражданственности, да и то только въ политической сферѣ, между князьями, авторъ видитъ уже государственныя отношенiя; во-2-хъ, *семейственное, вотчинное* начало, развившееся изъ родового и подготовившее появленiе государства, вовсе не обратило на себя его вниманiя; въ-3-хъ, оттого и первые зачатки государственности не играютъ въ его сочиненiи той важной роли, которая имъ по всей справедливости принадлежала; они какъ-то сливаются съ предыдущимъ и послѣдующимъ, потому остаются въ тѣни, едва мимоходомъ замѣченные; въ-4-хъ, появленiе отдѣльной собственности объяснено ничѣмъ не доказанной и вдобавокъ вовсе не правдоподобной гипотезой, тогда какъ оно весьма просто объясняется естественнымъ развитiемъ родового быта и устройства.

*) Срв. выше на стр. 89 замѣчанiя г. Леонтовича.

Въ предложенномъ сейчасъ извлеченіи изъ рецензіи Кавелина на докторскую диссертацию Соловьева читатели видятъ, насколько отрицательно относится первый къ столь извѣстной въ русской исторической литературѣ гипотезѣ послѣдняго о различіи между старыми и новыми городами древней Руси. Она ненужна съ точки зрѣнія Кавелина, который промежутокъ между родовымъ и государственнымъ началами заполняетъ началомъ семейнымъ (вотчина); она невѣроятна въ своихъ подробностяхъ и для автора договорной теоріи В. И. Сергѣевича (срв. «Русскія Юридическія Древности» II, 103), который не можетъ признать отсутствія вѣча въ новыхъ городахъ сѣверо-восточной Руси. Для отчетливаго уясненія разногласій знакомство съ сущностью этой чрезвычайно искусственной гипотезы представляется необходимымъ. Вотъ какъ впервые она изложена была Соловьевымъ въ его магистерской диссертациі.

Безпрерывное движеніе, непрерывная смѣна князей вслѣдствіе родовыхъ отношеній воспрепятствовала развитію княжеской власти въ *старыхъ городахъ*, привыкшихъ къ вѣчевому народовластію, и дала даже имъ возможность опредѣлять иногда свои отношенія къ князьямъ въ свою пользу; во все продолженіе такъ называемаго удѣльнаго періода въ *старыхъ городахъ* власть князя и власть вѣча находятся другъ подлѣ друга въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, и вѣче является у лѣтописца принадлежностью *всѣхъ городовъ старыхъ*. Но подлѣ этихъ городовъ, изъ которыхъ многіе существовали еще гораздо прежде прихода князей варяжскихъ и привыкли къ вѣчевому народовластію, основалось впоследствии множе-

ство другихъ, *новыя г.* Семейныя славянскія понятія, отразившіяся на отношеніяхъ князей, отразились также и на отношеніяхъ городовъ, вслѣдствіе чего города новопостроенные вошли къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ. т. е. должны были находиться въ волѣ послѣднихъ; отсюда младшіе города или пригороды не имѣли самостоятельнаго быта и во всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тиуна. Ясно, что въ этихъ *младшихъ юродахъ*, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ приговорамъ старшихъ, княжеская власть могла развиваться гораздо свободнѣе; ясно, что въ этихъ-то городахъ долженъ былъ родиться новый порядокъ вещей, должно было произнчить сомодержавіе. Но этотъ новый порядокъ вещей изъ *городовъ новыхъ* не могъ произойти на югѣ, ибо здѣсь старыхъ городовъ было такъ много, что они могли пересиливать вліяніе младшихъ; въ *старыхъ городахъ* старшіе князья утвердили свои столы и тѣмъ сообщили имъ вѣсь и знаменитость; съ распространеніемъ членовъ княжескаго семейства *новые юрода* начали отдаваться въ младшіе удѣлы младшимъ членамъ; пріобрѣтши чрезъ это независимость отъ старшихъ, они не могли не слѣдовать ихъ близкому примѣру, ибо вступали въ подобныя же отношенія къ своимъ князьямъ; эти князья при своей неосѣдлости ждали только случая покинуть младшій удѣлъ для старшаго и не имѣли ни времени, ни охоты пользоваться выгоднымъ положеніемъ своимъ въ *новыхъ юродахъ*.

Не такъ было на сѣверѣ.

Въ обширной области Ростовской, въ этой суро-

вой и почти дикой странѣ, возвышался только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода варяговъ: то былъ Ростовъ Великій, около котораго стали возникать *города новые*. Такимъ образомъ, Ростовская область наполнилась городами младшими, среди которыхъ возвышался одинокій Ростовъ. Такое преобладаніе младшихъ городовъ не могло оставаться безъ послѣдствія, особенно если обратить вниманіе на то, что всѣ они были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностью. Такимъ образомъ, на сѣверѣ вокругъ старыхъ вѣчниковъ князь создалъ себѣ особый міръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластнымъ. Развитію этого полновластія въ области Ростовской благопріятствовали и другія обстоятельства. Сынъ Юрія Долгорукаго Андрей, охотно принятый ростовцами вмѣсто самыхъ младшихъ сыновей перваго, утвердилъ свое пребываніе не въ Ростовѣ, даже не въ Суздалѣ, но въ *городахъ новыхъ* — Владимирѣ и Боголюбовѣ, предпочитая второй, какъ новѣйшій; онъ сложилъ съ себя характеръ полководца, сталъ правителемъ; его дружина стала дворомъ. Однимъ словомъ, въ областяхъ Андрея все принимаетъ совершенно другой видъ, чѣмъ на югѣ, все принимаетъ характеръ осѣдлости, прочности, постоянства. Этотъ новый характеръ произошелъ изъ природы *новыхъ городовъ*, господствовавшихъ по числу своему на сѣверѣ, изъ природы ихъ отношеній къ князю; эти города, по своему происхожденію, смотрѣли на князя какъ на господина полновластнаго, и князь смотрѣлъ на нихъ какъ на собственность неотъемлемую; отсюда

понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ князя — владѣльца, имѣющаго право располагать имъ, начинается господствовать на сѣверѣ въ противоположность господствующему на югѣ понятію общности, нераздѣльности владѣнія; на сѣверѣ является въ первый разъ завѣщаніе*), знакъ, что князь завѣщающій имѣетъ собственность, которою можетъ располагать произвольно, чего не могло быть на югѣ, гдѣ великій князь не имѣлъ ничего собственно ему принадлежащаго; вся страна была въ общемъ владѣніи рода, и при каждой смѣнѣ великаго князя новый, какъ старшій въ родѣ, дѣлалъ рядъ съ младшею братьею, чѣмъ кому владѣть, или, вѣрнѣе сказать, чѣмъ кому кормиться. На сѣверѣ же членъ княжескаго семейства, получивъ удѣлъ, смотритъ на него, какъ на собственность неотъемлемую; пусть получитъ онъ великое княженіе, онъ не поѣдетъ жить въ столичный городъ, но останется въ своемъ родовомъ, отчинномъ городѣ, въ своемъ наследственномъ удѣлѣ, гдѣ онъ всѣхъ знаетъ, и его всѣ знаютъ и всѣ къ нему привержены; здѣсь собственность господствуетъ надъ родовыми отношеніями. «Андрей Боголюбскій, оставшись во Владимирѣ, и

*) Соловьевъ отвергалъ, какъ извѣстно, подлинность завѣщанія Ярослава I, приведеннаго выше на страницѣ 119; срв. стр. 125; Кавелинъ — *Сочиненія* II, 484, 506—509 — настойчиво выступилъ противъ этой догадки Соловьева, высказанной въ *«Исторіи отношеній между князьями Рюрикова дома»*, — стр. 21, 71 и сл. — и уже не повторенной во второмъ томѣ *«Исторіи Россіи»*: «завѣщанія въ древней Руси существовать не могло, ибо завѣщаніе показываетъ, что завѣщатель имѣетъ право располагать собственностью по произволу».

по признаніи себя старвйшимъ въ родѣ или великимъ княземъ, начинаетъ новый періодъ, — періодъ борьбы между старымъ порядкомъ вещей и новымъ: начало этой борьбы обозначилось борьбою *старыхъ* городовъ съ *новыми*.

В. ЧАСТНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРІЯ Б. Н. ЧИЧЕРИНА.

(Б. Н. Чичеринъ. «Духовныя и договорныя грамоты *) великихъ и удѣльныхъ князей »).

Когда возникло русское государство? Это — вопросъ первостепенной важности въ нашей исторіи, которой существенное значеніе состоитъ въ развитіи государства **). Съ перваго взгляда кажется, что здѣсь и не можетъ встрѣтиться затрудненіе; однако въ нашей литературѣ этотъ вопросъ подвергался противоположнымъ рѣшеніямъ. Причина заключается, можетъ-быть, въ томъ, что подъ словомъ государство одни разумѣютъ одно, другіе другое, можетъ-быть и въ томъ, что при фактической разработкѣ

*) Эта статья Б. Чичерина помѣщена въ книгѣ его *«Опытъ по исторіи русскаго права»* (М. 1858) и впервые появилась въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1857-й годъ. Въ предисловіи къ *Опытамъ* авторъ говоритъ объ этой статьѣ слѣдующее: «я имѣлъ въ виду не только разобрать обстоятельно происхожденіе государства въ древней Россіи, но показать и самую методу, которой я слѣдовалъ въ своихъ изысканіяхъ. Читатель, надѣюсь, убѣдится, что не возрѣніе, принесенное пзвнѣ, а фактическое изученіе предмета по дошедшимъ до насъ источникамъ легло въ основаніе моихъ выводовъ. Для меня *господство частнаго права* въ удѣльный періодъ не подлежитъ сомнѣнію; оно совершенно очевиднымъ образомъ открывается изъ подробнаго разбора нашихъ древнихъ памятниковъ». Авторъ выражаетъ даже твердую надежду, что его взглядъ не можетъ найти документальнаго опроверженія.

Ред.

**) Срв. выше на стр. 134 слова Кавелина.

предмета не разъяснены до очевидности самые простые юридическія понятія.

Извѣстно, что внутреннее право, на которомъ зиждется гражданская жизнь каждаго общества, раздѣляется на государственное, гражданское и уголовное. Изъ нихъ послѣднее не имѣетъ самостоятельнаго значенія; оно служитъ только освященіемъ существующихъ законовъ посредствомъ наказанія ихъ нарушителей. Первые же два имѣютъ цѣлью опредѣлить юридическія отношенія между людьми, принадлежащими къ одному обществу. Каждое изъ нихъ носитъ однако свой характеръ, который зависитъ отъ различія содержанія, отъ различія отношеній, входящихъ въ тотъ или другой разрядъ. Гражданское или частное право разсматриваетъ отдѣльныхъ людей въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ окружающему міру. Здѣсь разсматривается лицо въ его частной сферѣ, съ его отношеніями имущественными, родственными, договорными и наследственными.

Совсѣмъ другое имѣетъ въ виду право государственное. Оно разсматриваетъ не отдѣльныя лица въ ихъ частной сферѣ, съ ихъ взаимными отношеніями, а всю совокупность лицъ, соединенныхъ въ единый, неразрывный союзъ — государство. Общество составляетъ здѣсь единое тѣло, имѣющее единую волю, и представителемъ этого единства является правительство. Послѣднее облечено верховною властью въ обществѣ, ибо все частныя воли должны подчиняться волѣ общественной. Отсюда понятіе о подданствѣ. Подданный подчиняется верховной власти не на основанія договора, какъ онъ подчиняется частному лицу, къ которому онъ вступаетъ въ извѣ-

стныя обязательства, а на основаніи постоянныхъ государственныхъ законовъ, исходящихъ отъ самой верховной власти. Законъ же, а не договоръ, зависящій отъ случайной перемѣны лицъ, опредѣляетъ права и устройство верховной власти и органовъ, черезъ которые она дѣйствуетъ. Такимъ образомъ, общество, организованное какъ государство, представляетъ собою индивидуумъ, который живетъ своею жизнью, несмотря на смѣну поколѣній и на различныя отношенія, которыя устанавливаются между членами. Поэтому верховная власть, какъ представительница общественнаго единства, не можетъ дѣлиться, дробиться и отчуждаться, какъ частное имущество. Поэтому недѣлима и самая государственная территория, какъ принадлежность цѣлаго общества. Она можетъ быть расторгнута насильственнымъ образомъ вслѣдствіе отношеній къ сосѣдямъ или внутреннихъ муждоусобій, но въ нормальномъ положеніи она не дѣлима.

Изъ этого ясно, что государственное право *) и гражданское представляютъ намъ двѣ противоположныя области: исходною точкою одного есть лицо съ его частными отношеніями, исходною точкою другого — общество, какъ единое цѣлое.

Вглядываясь въ историческія явленія, мы видимъ нѣкоторыя общества, въ которыхъ сильно развито сознание общественнаго единства, и вслѣдствіе этого преобладаетъ государственная форма. Въ другихъ, напротивъ, нѣтъ такого сознанія: верховная власть, а равно и земля, на которой живетъ общество, дѣ-

*) При чтеніи этого отрывка читатели, конечно, будутъ имѣть въ виду, что теоретическія воззрѣнія Б. Чичерина въ сферѣ государственнаго права высказаны были 40 лѣтъ тому назадъ.

лятся и дробятся по наслѣдству, какъ частное имущество; отношенія верховной власти къ подчиненнымъ опредѣляются либо частными обязательствами, либо личною зависимостью; сословія или разряды лицъ, существующихъ въ обществѣ, основаны на понятіи о наслѣдственной знатности, о наслѣдственныхъ занятіяхъ; однимъ словомъ, гражданское право опредѣляетъ всѣ отношенія какъ общественныя, такъ и частныя. Очевидно, что мы не можемъ смѣшивать этихъ двухъ совершенно различныхъ формъ общественной жизни. Если первую, въ которой мы видимъ учрежденія, исходяція изъ сознанія объ общественномъ единствѣ, назвали государствомъ, то второй мы должны дать другое названіе. Такъ какъ въ немъ господствуетъ гражданское право, то назовемъ его гражданскимъ обществомъ.

Теперь спрашивается: какая изъ этихъ двухъ формъ общежитія существовала въ древней Руси? Какія въ ней были юридическія понятія? Управлялась ли она на основаніи идеи общества, какъ единого цѣлаго, или на основаніи частнаго права? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ обратимся къ духовнымъ и договорнымъ грамотамъ великихъ и удѣльныхъ князей.

Далѣе (на стр. 237—276) Б. Чичеринъ подробно разбираетъ форму и содержаніе духовныхъ грамотъ великихъ и удѣльныхъ князей сѣверовосточной Руси, отмѣчая попутно появленіе признаковъ новаго порядка вещей. При полномъ господствѣ личной воли завѣщателя, старшій сынъ начинаетъ получать несравненно большее пространство областей, нежели младшіе, такъ что удѣльные князья не въ состояніи уже сопротивляться великому: въ этомъ

нельзя не признать стремленія къ установленію единодержавія, т. е. извѣстнаго государственнаго порядка. Иванъ III завѣщаетъ Москву съ округомъ уже *одному* старшему сыну, выдѣляя младшимъ только отдѣльныя права и преимущества. Постепенно затѣмъ великимъ княженіемъ начинаетъ называться не Владимирская область, а удѣль старшаго сына завѣщателя, т. е. выражается стремленіе перевести территоріальное значеніе великокняжескаго достоинства въ значеніе личное, династическое. Въ результатѣ разбора получаютъ такіе выводы.

Первый выводъ заключается въ томъ, что наследованіе у московскихъ князей происходило по *частному праву*, при чемъ, такъ же какъ и въ наследованіи частныхъ лицъ того времени, преобладающимъ началомъ является личная воля завѣщателя.

Второй выводъ, который непосредственно слѣдуетъ изъ перваго, но который сверхъ того самъ по себѣ открывается изъ источниковъ, состоитъ въ томъ, что тогда не дѣлалось различія между имуществомъ государственнымъ и частнымъ княжескимъ. Все, что принадлежало князю, принадлежало ему, какъ собственность (неограниченная или ограниченная правами другихъ лицъ) по *частному праву*, а не по государственному. Нигдѣ въ грамотахъ мы не видали ни малѣйшаго намека на такое различіе. Всѣ отдѣльные разряды имущества: города, волости, села, доходы, пути, движимое, холопы, стада — стоятъ рядомъ и передаются наследникамъ совершенно на одинакомъ основаніи. Удѣль, которымъ владѣеть князь, называется его вотчиною, такъ же какъ имѣніе частныхъ лицъ. Князь распоряжается имъ какъ

своею собственностью; удѣлы отдаются въ наслѣдство женѣ, дѣтямъ, родственникамъ, дѣлятся, продаются, покупаются совершенно на томъ же основаніи, какъ и отдѣльныя села, какъ всякое частное имущество.

Такъ какъ собственность князя зачастую была ограничена правами другихъ лицъ, то это столкновение множества вотчинныхъ правъ производило необыкновенную неопредѣленность и запутанность, къ которымъ присоединялась крайняя чрезполосность земель, указывающая опять-таки на частный характеръ владѣній. Господство *частнаго права* было причиною и крайняго измельчанія княжескихъ удѣловъ. Рядомъ съ князьями болѣе или менѣе видными существовало множество князей самыхъ ничтожныхъ, которыхъ исторія даже не знаетъ и которыхъ имена сохранились только въ родословныхъ. Вслѣдствіе частнаго порядка въ наслѣдованіи удѣловъ явились наконецъ князья, которые владѣли однимъ только городомъ, волостью или даже селомъ, а между тѣмъ они были такіе же верховные владѣльцы *) своихъ земель, какъ и князья московскіе. Немудрено, что при такомъ ничтожествѣ они совершенно исчезли съ историческаго поприща и скоро поглощены были болѣе могущественными сосѣдями. Такимъ образомъ, частный способъ наслѣдованія разрушилъ самъ себя, уничтожая въ окончательныхъ своихъ результатахъ всякую самостоятельность наслѣдниковъ. Крайнее измельчаніе владѣній дало возможность усилиться тѣмъ изъ князей, которымъ обстоятельства болѣе или менѣе благоприятствовали; оно же показало князьямъ не-

*) Срв. выше на стр. 156.

обходимость, во что бы ни стало, увеличить свое могущество, чтобы оставить дѣтямъ какую нибудь независимость; оно же, наконецъ, повело къ установленію новаго порядка наслѣдованія, когда всѣ другія средства оказались недостаточными для уничтоженія зла.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Мы перебрали всѣ духовныя грамоты древнихъ нашихъ князей; мы видѣли, что князья вездѣ распоряжаются удѣлами, какъ своею собственностью, дѣлятъ ихъ между наслѣдниками по частному праву. О землѣ, какъ объ общественной единицѣ, о народѣ, нигдѣ нѣтъ и помину. Князья получаютъ волости, какъ имѣніе, а не распределяются по нимъ, какъ правители *), исполняющіе извѣстную общественную должность. Изъ этого ясно, что понятіе о землѣ, въ противоположность государству, которое нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей **) приписываютъ древней Руси, составляетъ одно изъ тѣхъ историческихъ представлений, которыя не выдерживаютъ повѣрки съ фактами. Князья собрали воедино разрозненныя славянскія племена, князья *по частному праву* наслѣдованія раздробили это пріобрѣтенное ими состояніе, князья же въ послѣдствіи соединили въ одно тѣло разрозненныя части. Тогда явилось и понятіе о государѣ и землѣ; государь былъ верховный правитель, а земля составляла его государство. Въ первыя же времена самое слово: русская земля, означавшая владѣнія пришлаго племени руссовъ, употреблялось обыкновенно въ весьма ограниченномъ смыслѣ. Сначала, при первомъ призваніи князей, оно означало область

*) Срв. выше на стр. 147, 149.

**) К. Аксаковъ и вообще славянофилы.

Новгородскую, потомъ, съ переходомъ дружины на югъ, этимъ именемъ стала называться земля кievская, такъ что русская земля противопологалась землѣ смоленской, суздальской, новгородской. Общее единство этихъ областей поддерживалось еще сознаниемъ о единствѣ княжескаго рода, безпрестанными переходами князей, которые смотрѣли на землю, какъ на общее свое достояніе, и охотно мѣнялись волостями. Но какъ скоро князья сдѣлались осѣдлыми, какъ скоро линіи разошлись, и разрушилось внутреннее единство рода, такъ уничтожилось и единство земли. Правы, обычаи, вѣрованія могли остаться болѣе или менѣе сходными, но каждая вотчина составляла отдѣльное общественное тѣло, съ отдѣльнымъ своимъ владѣльцемъ, который часто находился съ другими въ отношеніяхъ враждебныхъ, или соединялся съ ними связью родственною, то-есть личною, *частною*, а отнюдь не принадлежностью къ единому отечеству и народу. Однимъ словомъ, государственный перегородки не строились надъ землею, по самая земля соединялась князьями и раздѣлялась между ними, какъ частное имѣніе, при чемъ о народѣ не было и рѣчи.

Скажемъ еще въ заключеніе, что несмотря на имѣніе, выраженное Соловьевымъ *), мы все-таки думаемъ, что вотчинныя права князей коренились въ *завоеваніи*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ первый періодъ, рядомъ съ *вотчиннымъ началомъ*, мы видимъ и начало общинное, договорное, которое иногда стѣсняло и нарушало первое, хотя надобно замѣтить, что въ продолженіе около полутора вѣка послѣ

*) Въ статьѣ «*Споръ о сельской общинѣ*», напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1856-й годъ.

завоеванія общины не играют никакой роли въ южной Россіи, поэтому усиленіе ихъ должно приписать ослабленію власти княжеской, вслѣдствіе безпрерывныхъ междоусобій. Нѣтъ сомнѣнія также, что сначала вотчинныя права, по причинѣ неосѣдлости князей, не могли получить полного развитія, что родственные интересы въ первое время брали верхъ надъ имущественными, что понятіе объ общей родовой собственности преобладало надъ понятіемъ объ отдѣльной собственности каждаго члена княжескаго рода. Но очевидно также, что съ самыхъ первыхъ временъ князья дѣляютъ по наслѣдству приобрѣтенную ими землю, какъ свою собственность, на томъ же основаніи, какъ они дѣлаютъ это впоследствии. Каковъ былъ способъ надѣла, каково было отношеніе отдѣльнаго владѣнія къ владѣнію родовому — это вопросы второстепенные; главное то, что земля дѣлится *по частному праву*, какъ собственность князей. А если это дѣлается съ первыхъ временъ, то мы не можемъ не видѣть основанія такому взгляду на общественный бытъ въ первоначальномъ завоеваніи.

Таковы главные наши выводы относительно наслѣдственныхъ и вотчинныхъ правъ великихъ и удѣльныхъ князей. Теперь обратимся къ отношеніямъ князей-владѣльцевъ между собою.

До позднѣйшаго времени въ духовныхъ грамотахъ устанавливаются между наслѣдниками отношенія чисто семейныя, родственныя. О подданствѣ, о государственномъ подчиненіи нѣтъ и помину; все ограничивается увѣщаніями, чтобы дѣти жили въ любви, въ согласіи, слушались бы матери и старшаго брата, а въ духовной Семена Ивановича, чтобы слушались

митрополита и старыхъ бояръ. Послѣднее находится также въ завѣщаніи Донского, напечатанномъ въ Никоновскомъ сборникѣ. Изъ всѣхъ этихъ постановленій ясно, какого рода юридическія воззрѣнія господствовали въ то время: родственныя отношенія входятъ въ составъ права частнаго или гражданскаго; слѣдственно мы здѣсь находимъ тѣ же самыя начала, которыя видѣли въ наслѣдственныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ князей.

Остановимся на этомъ выводѣ и скажемъ по этому поводу нѣсколько словъ о родовыхъ отношеніяхъ, которыя, какъ извѣстно, по мнѣнію новѣйшихъ *) изслѣдователей, составляютъ главный отличительный признакъ историческаго развитія древней Россіи. Для нашей цѣли эти объясненія необходимы, ибо въ этомъ отношеніи мы нѣсколько уклоняемся отъ мнѣнія ученыхъ, которыхъ мы считаемъ своими учителями по русской исторіи. Намъ кажется, что родовымъ отношеніямъ придано уже слишкомъ много значенія въ средневѣковой Руси. Такъ всегда бываетъ при разработкѣ новыхъ сторонъ жизни: историки устремляютъ на нихъ главное свое вниманіе и вслѣдствіе этого обыкновенно даютъ имъ слишкомъ видное мѣсто. Нельзя не согласиться, что въ древнѣйшую эпоху мы видимъ исключительное господство кровныхъ союзовъ; на это указываютъ всѣ тѣ скудныя извѣстія лѣтописца, которыя относятся къ тому времени, и всякая попытка опровергнуть эти свидѣтельства не можетъ не быть безуспѣшной. Но съ появленіемъ дружины, съ развитіемъ новыхъ жизненныхъ элементовъ, старинная кровная связь

*) Писано въ 1857 году.

разрушается, и въ средніе вѣка родовыя отношенія, по нашему мнѣнію, далеко не имѣютъ того значенія, какое имъ придаютъ наши изслѣдователи.

Прежде всего мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что родовыя отношенія составляютъ особенность историческаго развитія нашего отечества. Первоначально и германцы и славяне жили подъ формами родового быта; въ этомъ состояніи застаютъ ихъ исторія. Впослѣдствіи у тѣхъ и у другихъ эти формы распались подъ вліяніемъ новыхъ началъ; но въ областяхъ, занятыхъ германцами, такъ же какъ у насъ, родъ остался, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ гражданскаго общества*).

Такимъ образомъ, если въ этомъ не трудно убѣдиться изъ нѣкоторыхъ явленій средневѣковой жизни на западѣ, то мы не въ правѣ признавать родовыя отношенія за особенность исторіи славянскихъ племенъ. Можно бы еще сказать, что у насъ родовой союзъ, вслѣдствіе нравственнаго сознанія родственнаго единства, имѣлъ болѣе крѣпости, нежели въ другихъ странахъ; но и этой особенной крѣпости мы не видимъ. Если она первоначально существовала въ большей степени, нежели у другихъ современныхъ народовъ, то съ измѣненіемъ быта, въ средніе вѣка, мы замѣчаемъ здѣсь ту же шаткость, которая господствовала во всѣхъ гражданскихъ отношеніяхъ, ту же шаткость, которая была и на западѣ, прежде нежели утвердились феодальные союзы, основанные на постоянной осѣдлости и на наслѣд-

*) Срв. выше слова К. Аксакова на стр. 25, 27 и г. Леонтовича на стр. 109.

ственности отношеній. Тамъ новыя начала гражданскаго общества и завѣщанный римлянами юридическій тактъ скрѣпили и упрочили прежніе кровные элементы; у насъ же гражданственность была гораздо менѣе развита, и родовыя отношенія, представленныя естественному ходу, сталкиваясь съ другими элементами, представляютъ удивительную неопредѣленность. Только подъ вліяніемъ возникашаго государства, въ мѣстническихъ счетахъ, они получили болѣе правомѣрный *) характеръ; прежде же того, сознание родства и соблюденіе родственныхъ правъ и обязанностей было до крайности шатко. Главный родъ, который у насъ въ продолженіе исторіи всегда остается на виду, есть родъ княжескій. Но какое зрѣлище представляетъ онъ намъ? Замѣчаемъ ли мы въ немъ крѣпость родственнаго союза? Напротивъ, исторія его открывается нѣсколькими братоубійствами, за которыми слѣдуетъ безпрерывный рядъ междоусобій. Если въ родѣ устанавливается иногда что-то похожее на единство, то это дѣлается благодаря сильному князю, который личнымъ своимъ могуществомъ умѣетъ сдержать остальныхъ. Много толкуютъ князья о родственной любви, о родственныхъ отношеніяхъ; но этимъ выражается только желаніе, надежда на братское согласіе, которое въ дѣйствительности не существуетъ. У каждаго князя на первомъ планѣ стоитъ личный его интересъ; достаточно припомнить Олега Святославича, Всеволода Ольговича, Владимирка Галицкаго и другихъ. И чѣмъ далѣе подвигается исторія, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ сознание родственнаго союза.

*) Срв. выше на стр. 45.

Поэтому и отношенія князей опредѣляются не столько правилами родства, сколько добровольнымъ, большею частью временнымъ ихъ согласіемъ, договорами. Договорное начало, то-есть элементъ личности*), едва ли не занимаетъ большаго мѣста даже внутри одного княжескаго рода, нежели отношенія родовыя. Такія соглашенія князей мы видимъ съ самаго начала удѣльнаго періода; отъ позднѣйшаго времени, отъ московскаго періода, до насъ дошли и подлинныя памятники. Къ нимъ-то мы теперь обращаемся.

Прежде всего остановимся на формѣ. Что такое договоръ? Это юридическое отношеніе между двумя лицами, выражающими свою волю относительно какого-нибудь взаимнаго обязательства. Отсюда ясно, что договоромъ могутъ опредѣляться только такія отношенія, въ которыхъ оба лица не находятся въ зависимости другъ отъ друга. Договоры могутъ быть между различными государствами, между гражданами одного и того же государства, между казною и частными лицами, ибо даже въ послѣднемъ случаѣ каждая сторона имѣетъ свое отдѣльное, независимое отъ другого имущество. Но сынъ не можетъ опредѣлить договоромъ своихъ сыновнихъ отношеній къ отцу, ибо въ такомъ случаѣ отношенія его станутъ уже не сыновними, а договорными; они будутъ имѣть корень не въ родственномъ союзѣ, а въ свободной волѣ лица. Точно такъ же и рабъ не можетъ вступать въ обязательства съ своимъ господиномъ; договоръ между ними можетъ существовать или когда рабъ еще свободенъ или

*) Срв. выше слова Кавелина на стр. 154-155.

когда онъ перестаетъ быть рабомъ. Наконецъ п отношенія правительства къ подданному не могутъ опредѣляться договорами. Каждый членъ общества подчиняется верховной общественной волѣ не на основаніи личныхъ условій или частнаго обязательства, а на основаніи общихъ законовъ, которые опредѣляютъ его положеніе, какъ подданнаго или гражданина. Договоръ есть форма не государственнаго права, а гражданскаго или международнаго, ибо въ послѣднемъ государства разсматриваются какъ свободныя, независимыя другъ отъ друга нравственныя лица. Поэтому, если мы видимъ, что отношенія удѣльныхъ князей къ великому опредѣляются договорами, то мы уже изъ этого обстоятельства въ правѣ заключить, что великій князь — не государь, а удѣльные — не подданные. Это свободныя лица, соединенныя довольно шаткою родственною связью и вступающія въ добровольныя взаимныя обязательства.

Изучая существо этихъ обязательствъ, Б. Чичеринъ перечисляетъ прежде всего *общія выраженія* для нихъ: оказывается, что изъ всѣхъ общихъ выраженій, которыми въ договорныхъ грамотахъ обозначаются отношенія князей между собою, нѣтъ ни одного, которое бы указывало на отношенія государственныя. Вездѣ мы видимъ степени родства, большій или меньшій почетъ, личный перевѣсъ одного князя надъ другимъ, но отнюдь не видимъ государственнаго подданства, подчиненія членовъ общества единой верховной власти. Изъ пониженія чести младшихъ князей передъ старшимъ, изъ попытокъ замѣнить служебнымъ подчиненіемъ отношенія чисто родственныя, разовьется впоследствии государство; сильный покорить себѣ всѣхъ слабѣйшихъ, со-

здать единое общественное тѣло и станетъ его главою. Но пока еще тѣло не сложилось, отношенія князей являются личными, гражданскими.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ и разборъ *отдѣльныхъ условій* договорныхъ грамотъ относительно внутренняго управленія удѣловъ и внѣшнихъ сношеній. Что касается внутренняго управленія удѣловъ, то въ главныхъ городахъ мы видимъ странную смѣсь общаго владѣнія и раздѣльнаго съ большимъ или меньшимъ перевѣсомъ одного князя надъ другимъ; въ удѣлахъ же князя являются совершенно независимыми владѣльцами своихъ вотчинъ. Только Иванъ III въ своемъ завѣщаніи постановилъ ограниченія власти удѣльныхъ князей, которыя показываютъ уже государственныя стремленія: онъ запретилъ младшимъ сыновьямъ самимъ чеканить монету и отдавать денежное дѣло на откупъ. Но это позднѣйшее ограниченіе, и ясно, какъ день, что не можетъ быть рѣчи о государственномъ подчиненіи удѣльныхъ князей великому. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли вообразить, чтобы верховная власть отказалась отъ всякаго вліянія на владѣнія подданнаго, чтобы она обязалась ни подъ какимъ видомъ не высылать туда своихъ чиновниковъ, не покупать тамъ земель, не держать закладчиковъ, не судить, не собирать податей? И замѣтите, это даже не льгота, а обоюдное обязательство на совершенно равныхъ правахъ. Наконецъ, въ этихъ ограниченіяхъ права, которыя по существу своему имѣютъ характеръ общественный, и права совершенно частныя находятся въ полномъ безразличіи: рядомъ съ обязательствомъ не всылать данщиковъ и приставовъ находится запрещеніе покупать земли и держать закладчиковъ, при чемъ

условіе о земляхъ распространяется и на бояръ. Послѣдняго рода вторженія въ чужую область считались даже опаснѣе первыхъ; ибо условія насчетъ ихъ повгораются въ большемъ числѣ грамотъ, даже въ договорахъ между князьями, совершенно независимыми другъ отъ друга, каковы были тверскіе и московскіе. Каждый князь старался расширить свою власть не столько государственными притязаніями, сколько частными пріобрѣтеніями, почему первымъ дѣломъ при занятіи чужой области было накупить или набрать земель и закабалить за себя какъ можно больше людей. Противъ такихъ-то частныхъ способовъ пріобрѣтенія старались оградить себя другіе князья, которые хотѣли остаться полными хозяевами своихъ имѣній.

Но если такимъ образомъ князья были совершенно независимы другъ отъ друга въ своихъ владѣніяхъ, то какія же между ними существовали обязательства?

Характеръ всѣхъ этихъ условій внѣшнихъ сношеній князей очень ясенъ. Когда державы заключаютъ между собою союзъ, вниманіе устремляется преимущественно на вопросы, существенные для государства: опредѣляется количество и родъ помощи, случаи, въ которыхъ она должна оказываться и т. п. Здѣсь же все это вопросы второстепенные; на первомъ планѣ стоитъ опредѣленіе личныхъ отношеній между князьями, ихъ мѣстныхъ расчетовъ. Въ какихъ случаяхъ князь долженъ сѣсть на коня самъ, когда онъ долженъ послать брата, сына, племянника, воеводу — все это становится предметомъ заботливаго попеченія, ибо въ этомъ выражается большее или меньшее личное

превосходство одного князя надъ другимъ. Такъ дядя не соглашается итти безъ ослушанія по приказанію племянника; двоюродный же братъ можетъ принять на себя подобное обязательство. И здѣсь, впрочемъ, родственныя отношенія не опредѣляютъ исключительно положенія членовъ въ союзѣ. Такъ же, какъ въ другихъ случаяхъ, мѣсто зависитъ столько же отъ личнаго могущества того или другого князя, сколько отъ степени, которую онъ занимаетъ въ родственной лѣтвицѣ.

Еслибъ мы захотѣли подвести отношенія князей-вотчинниковъ подъ одну изъ категорій, существующихъ въ настоящее время, то мы поставили бы себя въ затруднительное положеніе. Это не государственныя отношенія, ибо мы не видимъ здѣсь верховной власти и подданныхъ; каждый князь дѣйствуетъ какъ полный, самостоятельный хозяинъ своей вотчины, и союзныя отношенія имѣютъ мѣсто только относительно внѣшнихъ друзей и враговъ. Это не союзъ государствъ, ибо въ послѣдней формѣ общественнаго устройства существуютъ постоянныя общія положенія, обязательныя для всѣхъ и опредѣляющія дѣйствія союза, какъ единого цѣлаго; здѣсь же мы видимъ договоры чисто личные, непрерывно измѣняющіеся вслѣдствіе личныхъ отношеній отдѣльныхъ князей между собою. Наконецъ, мы не можемъ приложить здѣсь даже понятія объ отношеніяхъ международныхъ; удѣльный князь относится къ великому не только какъ самостоятельный владѣлецъ къ самостоятельному владѣльцу, но и какъ родственникъ. Будучи сыновьями одного отца или внуками одного дѣда, они черезъ это самое находятся уже въ извѣстныхъ отношеніяхъ, которыя входятъ, какъ опредѣ-

ляющій элементъ, и въ установленіе ихъ союзныхъ обязательствъ. Различныя великія князья точно такъ же входятъ между собою въ извѣстныя отношенія родства. Физическое или родовое старшинство лица опредѣляетъ и его отношенія къ другимъ; съ измѣненіемъ родственныхъ отношеній измѣняются и союзныя обязательства. Наконецъ, международныя отношенія, по нынѣшнимъ понятіямъ, предполагаютъ общія нормы, права, которыя вырабатываются изъ взаимнаго общенія государствъ; между отдѣльными державами устанавливаются отношенія болѣе или менѣе прочныя, и договоръ считается постояннымъ обязательствомъ, которое не имѣетъ нужды въ непрерывномъ возобновленіи. Въ древней же Россіи мы видимъ хаотическій безпорядокъ, въ которомъ всѣ отношенія опредѣляются случайнымъ положеніемъ и столкновеніями князей.

Дѣло въ томъ, что всѣ эти новыя понятія предполагаютъ существованіе государства, а потому неприменимы къ такому быту, въ которомъ сознаніе о государствѣ еще не развилось. Намъ не для чего и прилагать ихъ: мы должны ограничиться выводомъ изъ фактовъ тѣхъ отношеній, которыя господствовали въ то время. Отношенія эти были родственныя, имущественныя, договорныя, наследственныя, то-есть чисто гражданскія, вращающіяся въ области *частнаго* права. Одинъ князь могъ быть старше, сильнѣе другого, и черезъ это получалъ перевѣсъ надъ послѣднимъ; но всѣ эти преимущества входятъ въ разрядъ того же юридическаго воззрѣнія, которое опредѣляло основныя начала жизни и при разнообразіи столкновеній могло проявляться въ весьма различныхъ формахъ.

Развитіе гражданскаго права въ древней Россіи имѣетъ свою исторію. Періодъ, предшествующій той эпохѣ (XIV—XV вв.), которую мы теперь разсматриваемъ, отличался нѣсколько отъ послѣдней. Въ то время, особенно въ юго-западной Россіи, сознаніе родства было сильнѣе между князьями; каждый изъ нихъ, какъ потомокъ общаго прародителя, получалъ долю въ общемъ наслѣдствѣ и становился такимъ образомъ на ряду со всѣми другими. Князья еще не успѣли прочно уѣсться на мѣстѣ, мало дорожили своими владѣніями и обращали главное вниманіе на степень, которую они занимали въ родственномъ союзѣ. Впослѣдствіи сознаніе родства *) стало болѣе и болѣе пропадать: линіи разошлись такъ далеко, что не имѣли уже почти ничего общаго между собою. Даже близкіе родственники стали мало уважать родственныя отношенія. Имущественные интересы выступили на первый планъ; каждый князь сталъ стремиться къ тому, чтобы усилить себя на счетъ другихъ, ибо для всѣхъ сдѣлалось очевиднымъ, что самый почетъ пріобрѣтался не столько положеніемъ на родственной лѣствицѣ, сколько силою, а сила зависѣла отъ количества владѣній.

Такимъ образомъ русская земля, собранная первыми князьями и, несмотря на раздѣльность владѣній, считавшаяся общимъ достояніемъ рода, разбилаcя на множество мелкихъ княжествъ, которыхъ владѣльцы имѣли въ виду каждый только собственный свой интересъ, враждебный другимъ. Это былъ порядокъ вещей, самый противоположный государственному, какой только можно вообразить. Но онъ-то и по-

*) Срв. выше на стр. 87 и 155—156.

вель къ установленію государства. Чтобы остаться цѣлымъ и невредимымъ, чтобы сохранить свое мѣсто, каждый князь долженъ былъ необходимо стремиться къ умноженію своей силы, къ увеличенію своихъ владѣній. Отсюда стараніе подчинить себѣ все окружающее, — стараніе, въ которомъ скрывался зародышъ будущаго государственнаго подданства, но которое находило себѣ значительное препятствіе въ *исподствѣ частнаго права*. Какъ скоро одинъ князь усиливался на счетъ другихъ, онъ, какъ частный владѣлецъ, снова дѣлилъ свое владѣніе между дѣтьми, и снова могущество исчезало, сила раздроблялась, положеніе дѣлалось непрочнымъ. Князья начали понимать, что значеніе и могущество иначе нельзя сохранить, какъ усиливъ одного наслѣдника на счетъ другихъ. Но какъ скоро одинъ получилъ несравненно большую силу, нежели прочіе, онъ естественно сталъ покорять себѣ слабѣйшихъ, чтобы тѣмъ положить предѣлъ всякому сопротивленію. Этимъ путемъ начали собираться раздробленныя массы, и создалось наконецъ единое тѣло, съ единымъ главою, который, сдѣлавшись единодержавцемъ, мало-по-малу снялъ съ себя прежній типъ вотчинника и сталъ сознать себя государемъ. Такимъ образомъ, крайнее развитіе личнаго начала *) повело къ водворенію начала совершенно противоположнаго — начала государственнаго. Это діалектичeskій процессъ историческихъ явленій, который мы здѣсь не выводимъ а priori, а наблюдаемъ на дѣлѣ. Внутреннее противорѣчіе одной жизненной формы ведетъ къ установленію повой, высшей фор-

*) Срв. выше на стр. 154—155 замѣчанія Кавелина.

мы; частности, распадаясь врозь, необходимо вступают между собою въ столкновение, въ борьбу, и эта анархическая ихъ дѣятельность становится причиною возникновенія общаго порядка, который всѣ частности сдерживаетъ въ своемъ единствѣ.

Подробное разсмотрѣніе главныхъ памятниковъ, которые намъ оставила древняя Русь о своей общественной жизни, — разборъ по очереди отдѣльныхъ юридическихъ сферъ, о которыхъ имѣются въ нихъ свидѣтельства, приводятъ Б. Чичерина къ рѣзкому выраженію взгляда о полномъ господствѣ въ древнѣйшей Руси началъ *частнаго права*. Нужно ли послѣ этого, говорить онъ (стр. 365), спрашивать, какая форма общественнаго союза существовала въ то время — гражданское общество или государство? Это до такой степени очевидно, что трудно предположить какое-нибудь сомнѣніе. Форма гражданского общества въ извѣстную эпоху была общимъ достояніемъ всѣхъ новыхъ народовъ; въ средніе вѣка мы видимъ ее на Западѣ точно такъ же, какъ у насъ.

Гражданское общество составляетъ вторую ступень въ историческомъ развитіи нашего отечества. Въ первую эпоху, на зарѣ исторіи, мы видимъ союзъ кровный; затѣмъ является союзъ гражданскій, наконецъ союзъ государственный. Первый составляетъ первоначальное, естественное проявленіе *) чело-вѣческаго общества. Человѣкъ — существо общежительное; внѣ общества онъ никогда не жилъ и не

*) См. на стр. 138.

можетъ жить. Но это стремленіе къ общественности выражается въ немъ сначала безсознательнымъ образомъ; оно лежитъ въ немъ, какъ естественное опредѣленіе его природы, и проявляется въ союзѣ, данномъ самою природою. Это союзъ кровный, происшедшій изъ нарастанія семьи. Люди связаны здѣсь сознаниемъ объ единствѣ происхожденія; личности еще не выдѣлились и составляютъ массу, имѣющую одни нравы, одно нарѣчіе, одни вѣрованія, и расчленяющуюся внутри себя по естественнымъ, физиологическимъ опредѣленіямъ: семья, родъ, колѣно, племя. Этотъ первоначальный союзъ имѣетъ цѣлую исторію, проходитъ черезъ множество видоизмѣненій, отъ блуждающихъ разсѣянныхъ родовъ и семействъ до высокоразвитыхъ государствъ, гдѣ различные кровные союзы представляются, какъ формы общежитія, которыя могутъ допускать въ себѣ разнообразные элементы. Опредѣлить въ точности, какой изъ этихъ видовъ кровнаго союза господствовалъ въ извѣстномъ народѣ, — въ этомъ состоитъ задача изслѣдователей; успѣшное ея разрѣшеніе зависитъ отъ достаточнаго количества сохранившихся источниковъ. При скудости извѣстій, сообщаемыхъ нашимъ лѣтописцемъ, мы должны сказать только, что у насъ, какъ и вездѣ, существовалъ союзъ кровный, и что преобладающею его формой была особенность родового быта.

Этотъ союзъ, основанный на сознаниі естественнаго происхожденія, долженъ однако распасться при болѣе или менѣе частыхъ столкновеніяхъ съ другими народами, при вторженіи чужестранныхъ элементовъ, которые достаточно крѣпки, чтобы не поддаться силѣ кровнаго быта, наконецъ при развитіи

человѣческой личности. Такое разложене совершилось у насъ съ появленіемъ варяжской дружины, основанной на договорѣ лицъ свободныхъ. Принесенные ею элементы, смѣшавшись съ прежними, образовали порядокъ вещей, совершенно отличный отъ предыдущаго. Общественное единство, которое коренилось въ сознаниі кровной связи, рушилось; личности, не сдержанныя болѣе въ своихъ стремленіяхъ тяготѣніемъ общаго, господствующаго обычая, предались частнымъ своимъ интересамъ; отношенія родственныя, договорныя, имущественныя, однимъ словомъ частное право, сдѣлались основаніемъ всего быта, точкою зрѣнія, съ которой люди смотрѣли на всѣ общественныя явленія. Такъ произошелъ союзъ гражданскій, образовавшійся изъ столкновеній и отношеній личностей, вращающихся въ своей частной сферѣ. Общественною связью служило либо имущественное начало — вотчинное право землевладѣльца, либо свободный договоръ, либо личное порабощеніе одного лица другимъ. Общественныя единицы то слагались, то разлагались снова, по обстоятельствамъ совершенно случайнымъ, напри- мѣръ, по большому или меньшему числу княжескихъ дѣтей. Въ обществѣ появились сословные элементы, происшедшіе отъ наслѣдственности занятій и наслѣдственности чести. Вслѣдствіе господства силы, образовалось между людьми безконечное неравенство. Положеніе человѣка опредѣлялось не заслугами, которыя онъ оказалъ обществу, а частными, случайными, даже внѣшними его преимуществами. Война сдѣлалась главною цѣлью владычествующихъ слоевъ общества, а внутреннее управленіе превратилось въ аренду для накормленія знатныхъ вои-

новъ. Однимъ словомъ, личность во всей ея случайности, свобода во всей ея необузданности лежали въ основаніи всего общественнаго быта и должны были вести къ господству силы, къ неравенству, къ междоусобіямъ, къ анархіи, которая подрывала самое существованіе союза и дѣлала необходимымъ установленіе новаго вышшаго союза — государства. Только въ государствѣ можетъ развиваться и разумная свобода и нравственная личность; предоставленныя же самимъ себѣ, безъ высшей, сдерживающей власти, оба эти начала разрушаютъ сами себя. Необузданная свобода ведетъ къ порабощенію слабаго сильнымъ; личность, выражающаяся въ преимуществахъ чисто индивидуальныхъ, ведетъ къ уничтоженію внутренняго достоинства чловѣка. Таковъ діалектическій процессъ различныхъ общественныхъ элементовъ.

Государство есть высшая форма общежитія, высшее проявленіе народности въ общественной сферѣ. Въ немъ неопредѣленная народность, которая выражается преимущественно въ единствѣ языка *), собирается въ единое тѣло, получаетъ единое отечество, становится народомъ. Въ немъ верховная власть служитъ представительницею высшей воли общественной, каковъ бы впрочемъ ни былъ образъ правленія — наслѣдственная ли монархія, народное

*) Народность, съ точки зрѣнія Б. Чичерина (стр. 369), отнюдь не выражается въ единствѣ вѣрованій, ибо это противорѣчило бы всемъ существующимъ фактамъ. Христіанство по самой своей природѣ есть религія общечловѣческая, возвыщавшаяся для всехъ народовъ; народность является принадлежностью лишь языческихъ религій; говорить же о возрѣніи христіанскомъ, какъ о возрѣніи народномъ, нельзя. Срв. выше на стр. 85 замѣчаніе Никитскаго.

ли представительство, или то и другое вмѣстѣ. Эта общественная воля подчиняетъ себѣ воли частныя и устанавливаетъ такимъ образомъ твердый порядокъ въ обществѣ. Ограждая слабого отъ сильнаго, она даетъ возможность развиться разумной свободѣ; уничтожая всѣ преимущества случайныя, не имѣющія для общества никакого вѣса, она производитъ уравненіе между людьми; оцѣняя единственно заслуги, оказанныя обществу, она возвышаетъ внутреннее достоинство человѣка; заставляя всѣхъ поданныхъ удѣлять часть своихъ средствъ для общественной пользы, она содѣйствуетъ осуществленію тѣхъ разнообразныхъ человѣческихъ цѣлей, которыя могутъ быть достигнуты только въ обществѣ, при взаимной помощи, и для которыхъ существуютъ гражданскіе союзы. Человѣкъ перестаетъ быть вольною птицею, которая несется туда и сюда, случайно останавливаясь тамъ, гдѣ находитъ болѣе пищи; онъ перестаетъ смотрѣть на свою личность, какъ на единственную цѣль своихъ стремленій, противоположную и часто враждебную другимъ. Онъ примыкаетъ къ прочному порядку, становится звеномъ общей цѣпи, дѣятелемъ общаго дѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознаетъ, что при такомъ только общеніи, пожертвовавъ необузданною свободою, трудясь на пользу другихъ, онъ можетъ достигнуть и полного развитія личныхъ своихъ интересовъ *).

*) Для болѣе отчетливаго усвоенія и критическаго отношенія къ теоріи Б. Чичерина необходимо знакомство съ современными воззрѣніями на государство, для чего рекомендуемъ ознакомиться съ введеніемъ къ книгѣ проф. Н. М. Коркунова *Русское государственное право*. Т. I. (2-е изданіе. Спб. 1893). *Ред.*

VII. ЗЕМСКАЯ ТЕОРИЯ.

(Н. И. Костомаровъ. Начало единой державы въ древней Руси).*)

Въ наукѣ существовало и частью до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что развитіе монархическаго принципа слѣдуетъ видѣть во всемъ ходѣ русской исторіи, съ водворенія княжескаго варяжскаго рода, или такъ называемаго основанія русскаго государства. Выводили монархію изъ того родового быта, въ которомъ пребывали славяне въ незапамятныя времена, такъ что послѣдующая эпоха царскаго самодержавія представлялась естественнымъ продолженіемъ того, что возрастало послѣдовательно и непрерывно многіе вѣка, и весь смыслъ нашей политической исторіи главнымъ образомъ заключается въ постепенномъ построеніи единой державнаго государства. Такой взглядъ, съ видоизмѣненіями въ подробностяхъ, высказывали многіе дѣятели русской исторической науки и, сообразно такому взгляду, они не признавали за татарскимъ завоеваніемъ **)

*) Предлагаемое изложеніе заимствовано изъ статьи, первоначально появившейся въ *Вѣстникъ Европы* за 1870-й годъ и перепечатанной въ XII томѣ «*Историческихъ монографій и изслѣдованій*» (Спб. 1872) Костомарова.

***) Срв. выше на стр. 108 замѣчаніе г. Леонтовича и на стр. 117 слова Соловьева. Еще Кавелинъ отмѣтилъ односторонность взгляда Соловьева на роль монгольскаго владычества въ древней Россіи («Сочиненія» II, 478 — 479): «начала, развиваемыя древней Русью, не были нисколько измѣнены татарскимъ владычествомъ; но

ничего важнаго, ничего такого, что бы измѣнило нашъ общественный бытъ и наши понятія объ устройствѣ государственнаго тѣла. Татарское завоеваніе, по ихъ мнѣнію, отразилось только разореніями и народными бѣдствіями; но и безъ татарскаго завоеванія на Руси вышло бы то же самое, что вышло путемъ непрерывнаго развитія на непреложномъ основаніи историческихъ законовъ.

Въ древнія доисторическія времена славяно-русскій народъ разбивался на народцы: каждый имѣлъ свое особое названіе, свои обычаи, свою исторію и свою генеалогію; послѣднее показывается лѣтописцемъ о радимичахъ и вятичахъ, производившихъ себя отъ родоначальниковъ Радима и Вятка; мы думаемъ, что и вообще названіе народа на «ичи», вѣроятно, означало происхожденіе *) отъ родоначальника. По словамъ нашего стараго лѣтописца, каждый изъ этихъ народцевъ отличался «своимъ нравомъ и обычаемъ»; несогласно жили они между собой, напротивъ, вели междоусобныя войны, какъ показываетъ вражда, существовавшая между полянами и древлянами. Такая рознь славянскихъ племенъ, жившихъ на русскомъ материкѣ, не изгладила однако между ними сознанія общаго для всѣхъ племеннаго единства, и оттого-то они всѣ легко усвоили названіе русскихъ.

Если нѣсколько народцевъ могли додуматься до взаимнаго избранія единой власти надъ собою, а

нельзя отрицать, что оно очень неблагопріятно подѣйствовало на характеръ и духъ народа. Историческое повѣрье, приписывающее татарамъ столько дурнаго въ насъ, имѣетъ основаніе, которымъ нельзя пренебрегать. Срв. выше на стр. 141.

*) Срв. выше стр. 62, 63 и 74.

другіе болѣе или менѣе легко усвоивали объединяющее начало, то это одно показываетъ, что, при разности обычаевъ и нравовъ, между славяно-русскими народами было сознаніе ихъ связи, склонявшее всѣхъ къ единенію. При такой наклонности къ единству, вмѣстѣ съ существованіемъ собственныхъ нравовъ и обычаевъ въ каждомъ народѣ отдѣльно, зародышъ федераціи лежалъ въ первобытномъ строѣ общественнаго быта. Разумѣется, мы здѣсь говоримъ о тѣхъ первоначальныхъ признакахъ, которые какъ ростки указываютъ на будущее растеніе, а не воображаемъ себѣ существованія какихъ-либо формъ общественной связи, способныхъ быть причисленными къ видамъ федераціи.

Каждый изъ народцевъ составлялъ уже до нѣкоторой степени политическую единицу подъ названіемъ «земли». Слово это, въ полномъ его значеніи, мы встрѣчаемъ при описаніи покоренія древлянъ Ольгою. Послы, прибывшіе въ Кіевъ сватать Ольгу за князя своего Мала, объявляли ей, что ихъ послала вся деревская земля. Такимъ образомъ видно, что понятіе о землѣ, какъ о политической единицѣ, совмѣщавшей въ себѣ самовластіе народа, — понятіе, которое мы встрѣчаемъ развитымъ и укорененнымъ въ болѣе позднія времена, существовало и въ отдаленныя эпохи. Гдѣ была земля, тамъ необходимо должно было быть и собраніе «земли», иначе безъ этого собранія деревская земля не могла бы посылать отъ себя пословъ; слѣдовательно, тогда уже были вѣча, — слово, означающее совѣщательное собраніе земли. Кромѣ вѣча, у земли были и начальники-князья. Впослѣдствіи мы ясно видимъ, что гдѣ была земля, тамъ было и княженіе, а иногда и нѣ-

сколько княженій; то же было и въ болѣе отдаленное время; изъ нашего же стараго лѣтописца мы узнаемъ, что еще до прибытія варяговъ у каждаго изъ народцевъ было, кромѣ своей земли, еще и свое княженіе: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъе в Поляхъ, а в Деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане». Здѣсь княженіе совпадало съ землею. Какого роду были эти князья — мы не знаемъ; были ли то родонаачальники, дѣлавшіеся князьями по рожденію и по праву родового старѣйшинства, или же то были князья, выбранные на совѣщаніи земли, — лѣтописцы объ этомъ молчатъ. Едва ли есть какіе-нибудь положительные признаки, по которымъ можно заключить такъ или иначе. Мы также не знаемъ, куда дѣлись эти князья съ ихъ родами, послѣ прибытія варяговъ съ ихъ родомъ, и какъ они исчезли. Несомнѣнно только то, что съ половины IX-го вѣка, другой родъ, призванный извнѣ (если только на слово вѣрить лѣтописнымъ сказаніямъ), начинаетъ замѣнять прежнихъ князей славяно-русскаго материка. Подробности, съ какими совершалась эта замѣна у русско-славянскихъ племенъ, отъ исторіи ускользнули, кромѣ деревской земли.

Древнія понятія объ автономіи земель и ихъ самоуправленіи продолжали существовать, не вытѣсняемыя новыми элементами варяжскими князьями и византійскимъ христіанствомъ. Случилось только такое измѣненіе: старинныя наименованія этнографическаго свойства — древлянъ, сѣверянъ, радимичей, кривичей и т. п., стали замѣняться названіями по главнымъ городамъ земель. Стали говорить: зе-

мля полоцкая, земля смоленская, земля русская (кіевская), земля черниговская, земля рязанская, земля суздальская, земля новгородская и т. д.

Перемѣна эта произошла, вѣроятно, во-первыхъ, вслѣдствіе усилившейся тяги къ городамъ, гдѣ при власти кіевскихъ князей былъ центръ собиранія дани; во-вторыхъ, оттого, что этнографическія наименованія не сходились въ точности съ понятіями о землѣ, и одна и та же народная вѣтвь могла разбиваться на нѣсколько земель: такъ, еще въ глубокой древности, при Рюрикѣ и Олегѣ, кривичи были и въ Полоцкѣ и въ Смоленскѣ, но составляли два различныхъ центра и, слѣдовательно, двѣ разныя земли.

Подъ главнымъ городомъ состояли другіе города, иначе пригороды, которые, смотря по благопріятнымъ обстоятельствамъ, иногда возвышались болѣе другихъ, и къ нимъ тянула ихъ собственная территория, носившая также названіе земли по имени своего города: такъ, въ землѣ рязанской была земля пронская, въ землѣ полоцкой земля витебская; иногда такія возникшія земли со своими городами продолжали пребывать частями общей земли, иногда стремились къ выдѣленію и обособленію. Гдѣ городъ, тамъ земля; гдѣ земля, тамъ городъ. *Земля* — то была совокупность населенія, связаннаго сознаниемъ своего ближайшаго пункта единенія, что не препятствовало этому населенію сознавать свое единство, болѣе далекое съ другими землями. Земля была община, имѣвшая средоточіе въ городѣ, а, при размноженіи князей, и своего князя въ томъ городѣ. Автономія земли выражалась часто повторяемыми въ нашихъ лѣтописяхъ фразами: «сошлась

вся земля, двинулась вся земля». При понятіи о землѣ существовали понятія о *волости* и *княженіи*. Волость не то, что земля, и не то, что княженіе, хотя эти понятія нерѣдко совпадали одно съ другимъ. Волостью называлась совокупность территорій, состоящихъ подъ единою властью, будь эта власть городъ или князь. Это мы ясно видимъ изъ договоровъ Новгорода съ князьями, гдѣ пересчитываются новгородскія волости, т.-е. территоріи, принадлежащія Великому Новгороду: Вологда, Югра, Терскій берегъ, Пермь, Двина, Волокъ-Ламскій; всѣ онѣ отличаются отъ собственно новгородской земли, которая впослѣдствіи является разбитою на пятинны и въ эпоху независимости Великаго Новгорода въ его договорныхъ грамотахъ никогда не поминается въ числѣ волостей. Точно такъ же Кіевъ владѣлъ дравскою или древлянскою землею, то была его волость, но не земля; у Кіева была своя земля, которой средоточіемъ или выраженіемъ служилъ онъ самъ. Въ томъ же смыслѣ понятіе о волости, прилагаясь къ князьямъ, различалось отъ понятія о землѣ. По раздѣленіи Руси между сыновьями Ярослава, сынъ его Всеволодъ получилъ Переяславль близъ Кіева и суздальскую землю; Переяславль и Суздаль составляли одну волость по отношенію къ князю, но не составляли одной земли. Часто волость и земля совпадали между собою, такъ что одна и та же территорія была въ одномъ объемѣ и волостью и землею. Но волостью она была по принадлежности или подчиненію, а землею по автономіи и по самоуправленію.

Волость иногда совпадала и съ княженіемъ, такъ какъ съ понятіемъ князя соединялось понятіе и о

власти; но не всегда существовало такое совпаде-
ніе; въ одной волости, по ея принадлежности вер-
ховному городу, и въ одной землѣ, по ея автономіи,
могло разомъ существовать нѣсколько княженій.
Такъ въ кievской землѣ, напримѣръ, мы видимъ по
нѣскольку князей разомъ, а, слѣдовательно, и нѣ-
сколько княженій, и всѣ они находились въ одной
землѣ. То же самое мы встрѣчаемъ болѣе или ме-
нѣе во всѣхъ земляхъ. Княженіе не давало права
на образованіе новой земли; не потому была земля,
что тамъ былъ князь, а скорѣе князь являлся именно
тамъ, гдѣ была уже земля.

Гдѣ земля, тамъ должно быть *въче* *) — земское со-
браніе; ни волость, ни княженіе не условливали не-
премѣннаго бытія *въча*, хотя и часто случалось, что
на *въче* сходились люди, составлявшіе одну волость,
одно княженіе; понятіе о *въчѣ* однако принадлежало
исключительно только понятію о землѣ. *Въче* было
выраженіемъ автономіи послѣдней, — а не волости,
не княженія.

Въча существовали въ незапамятныя времена. Ва-
ряжскіе князья не уничтожили этого коренного при-
знака славянорусской жизни, да и не могли и не
старались его уничтожить въ ту эпоху, когда власть
княжеская ограничивалась собираніемъ дани, поня-
тіе о подвластности только и выражалось платежомъ
дани, когда вопросъ, влагаемый лѣтописцемъ одно-
му изъ древнихъ князей: «кому дань даете?» былъ
равносиленъ вопросу: «кому вы подвластны?» По-
этому неудивительно, что по принятіи христіанства
и по раздѣленіи на княжескіе удѣлы краевъ, прежде

*) Срв. выше на стр. 191 и 193.

платившихъ дань Кіеву, мы видимъ полное господство вѣчевого начала во всѣхъ земляхъ *).

Вообще древняя славянщина не любила точныхъ формъ; неопредѣленность, отсутствіе ясныхъ рубежей составляетъ характеръ славянской жизни, а русская отличалась этимъ въ особенности. Поэтому и понятіе о вѣчѣ имѣло ту же неопредѣленность и подъ этимъ именемъ разумѣлось вообще всякое народное сходбище, какъ бы оно ни составилось, если только оно думало изображать собою выраженіе воли **) земли или части земли, сознававшей до извѣстной степени въ данное время за собою автономію. Мы сказали, что средоточіемъ земли былъ городъ; когда понималась земля независимая и состоявшая изъ частей, изъ которыхъ каждая носила въ мѣстномъ смыслѣ названіе земли, то средоточіемъ такой сборной земли былъ старѣйшій городъ, и въ немъ собиралось вѣче, выражавшее собою всю землю; подъ старѣйшимъ городомъ были пригороды, села и волости: въ каждомъ изъ пригородовъ могло быть также свое вѣче, т.е. совѣщаніе той части сборной земли, которой ближайшимъ средоточіемъ былъ пригородъ; наконецъ, вѣче, какъ народное сходбище, могло быть и въ каждомъ селѣ, какъ скоро это село имѣло общіе свои интересы и члены его имѣли причину сходиться на совѣщаніе о дѣлахъ своего села. Но пригороды и всякія поселенія въ землѣ зависѣли отъ старѣйшаго города въ томъ смыслѣ, что части

*) Далѣе Костомаровъ, послѣ нѣкоторыхъ подробностей о древне-русскомъ вѣчѣ, въ доказательство повсемѣстности обычая вѣчевого совѣщанія ссылается на извѣстное мѣсто лѣтописнаго свода, которое приведено у насъ выше на стр. 47.

**) Срв. выше на стр. 82 -83.

земли, взятая каждая отдѣльно, зависѣли отъ цѣлой земли, — иначе, всѣ вмѣстѣ зависѣли отъ себя вполне: потому-то вѣче пригорода не имѣло полновластія и зависѣло отъ вѣча старѣйшаго города.

Отношеніе пригородовъ къ старѣйшимъ городамъ, иначе пригородныхъ или малыхъ вѣчъ къ вѣчу большому въ главномъ городѣ — одна изъ важнѣйшихъ жизненныхъ сторонъ въ древней Руси. Къ сожалѣнію, по скудости матеріаловъ этотъ вопросъ остается мало разъясненнымъ и обработаннымъ. Мы поневолѣ должны допускать предположенія на основаніи немногихъ данныхъ, иногда обоюду толкуемыхъ. Прежде всего надо уяснить себѣ, что такое *городъ* и какъ онъ возникъ въ русской славянщинѣ?

Въ глубокой древности славяне жили дворами. Съ развѣтвленіемъ семей дворы размножились. Ихъ соединяла сначала родовая связь. Дворы, соединенные между собой, составляли села. Частыя опасности отъ иноземцевъ вызывали потребность самозащиты и самосохраненія. Это поневолѣ сближало и соединяло жителей отдѣльныхъ селъ. Необходимы оказались центры такого соединенія. И вотъ жители расположенныхъ близко между собою селъ строили укрѣпленные мѣста, принадлежавшія всѣмъ имъ вмѣстѣ, и для всѣхъ въ равной степени служившія въ случаѣ надобности убѣжищемъ.

Такія укрѣпленные мѣста назывались градами *) или, по русскому нарѣчію, городами. Вообще *городъ* означалъ мѣсто, обведенное оградой, напр., частоколомъ или плетнемъ, и это слово однозначительно со словомъ «огородъ». Построить городъ зна-

*) Срв. выше на стр. 19, 73 и 101.

чило вначалѣ обвести загороду. Простыя загороды были въ древности достаточнымъ мѣстомъ защиты, и туда прятались славяне, когда слышали о нашествіи непріятели. Туда уносили они съ собою все, что было драгоцѣннаго въ ихъ простой жизни, а жилища свои оставляли на произволъ судьбы: въ случаѣ разоренія возобновить ихъ было не трудно при обилии лѣсовъ и несложности постройки. Естественныя условія помогали защитѣ; мѣстоположенія для городовъ выбирали такія, которыя были сами по себѣ недоступны; кромѣ того деревянныя загороды по надобности обводились еще и рвами, называемыми въ древности гроблями *). Обычай убѣгать изъ своихъ жилищъ въ города сохранялся очень долго даже въ такіе вѣка, когда жизнь значительно усложнилась; такъ, на Руси въ XVI и XVII вѣкахъ, жители съ приближеніемъ непріятели убѣгали въ городъ «въ осаду», покидая свои жилища.

Городъ — мѣсто самосохраненія и сбереганія имущества — естественно сдѣлался скоро мѣстомъ сходбищъ и совѣщаній тѣхъ, которые строили этотъ городъ, а также и мѣстомъ управленія, когда внутреннія безладницы заставили ихъ додуматься до необходимости имѣть управленіе надъ собою. Окрестность стала тянуть къ городу. Естественно было желать селиться ближе къ городу, чтобы, въ случаѣ опасности, можно было скорѣе поспѣть въ убѣжище, и потому-то около городовъ стали возникать посе-

*) См. Лаврент. лѣт. подъ 977-мъ годомъ: «побѣгъшу же Ольгу с вои своими въ градъ, рекомый Вручий, баше чересъ *гроблю* мостъ ко вратомъ градинымъ, тѣнячеса другъ друга пихаху въ *гроблю*, и спехнуша Ольга с мосту в дѣбрь».

ленія; они назывались посадами. Посадъ становился многолюднѣе, чѣмъ были прочія села, и дѣлался мѣстомъ всякихъ сношеній, пунктомъ обмѣны произведеній или торговли. Въ самомъ городѣ, т. е. укрѣпленіи, помѣщалось начальное лицо края, признаваемое жителями, тянувшими къ городу, а при немъ собиралась и ратная сила, державшая порядокъ и защиту.

Такъ создавались города жителями кружка селеній, почувствовавшихъ сначала нужду въ самозащитѣ, а потомъ и въ постоянномъ, общемъ для нихъ, управленіи. Эта совокупность селеній по отношенію къ связи между ними носила самое простѣйшее названіе — земля, обозначая не только пространство, на которомъ всѣ жили и которое всѣ считали своимъ, но и тѣхъ, которые на немъ жили. Понятно, что *земля* и *городъ* были равнозначительны, ибо городъ не значилъ ничего, кромѣ той же земли, нашедшей для себя средоточіе. Въ городѣ сходилась земля, и потому словомъ *городъ* стали замѣнять слово *земля*, и, въ силу такой однозначительности, вмѣсто земля сѣверская, стали говорить — земля черниговская или просто Черниговъ, вмѣсто земля — словенъ-ильменскихъ, стали говорить — земля новгородская или просто Новгородъ и т. д. Но земля, какъ собраніе людей, расширялась, захватывались новыя пространства, дѣлались выселки изъ старыхъ поселеній, основывались и возрастали новыя. Жители новыхъ по мѣсту жительства отдалялись отъ своего города; трудно и неудобно имъ было для самозащиты поспѣшать туда, и вотъ явилась необходимость строить другіе центры защиты, и они строили ихъ; но такъ какъ они

были связаны родовой связью съ тѣми, которые строили большой старѣйшій городъ, то они съ своими новыми городами продолжали оставаться въ прежнемъ неразрывномъ единеніи съ городомъ старымъ, служившимъ общимъ выраженіемъ той земли, которой принадлежали ихъ дѣды и отцы и они сами. Такимъ образомъ, построенные ими новые города находились въ зависимости у старѣйшаго города и въ отличіе назывались меньшими или пригородами. Пригороды строились по распоряженію всей земли, т. е. по рѣшенію вѣча въ старѣйшемъ городѣ, въ видахъ защиты земли, обыкновенно тамъ, гдѣ наиболѣе могла угрожать внѣшняя опасность. Иногда пригороды съ ихъ территоріями населялись переселенцами прямо изъ старѣйшаго города; такъ было, между прочимъ, въ двинской землѣ, куда переселялись новгородцы съ промышленными цѣлями; чаще же ихъ ставили жители окрестныхъ поселеній по волѣ всей земли или старѣйшаго города. Но бывали случаи, когда изъ старѣйшаго города жители выходили на новоселье вслѣдствіе недоразумѣній и волненій, и тогда построенные ими новые города стремились не оставаться пригородами стараго, а хотѣли быть независимыми. Такой примѣръ представляетъ намъ Вятка; эта новгородская колонія никогда не хотѣла повиноваться своей метрополіи, сдѣлалась главою особой земли и имѣла свои собственные пригороды. Были еще пригороды иного рода: тѣ, которые основывали князья и населяли разнаго рода пришельцами и переселенцами. Такъ поступалъ Владимиръ, когда строилъ въ кіевской землѣ города и населялъ разнаго рода людомъ— и словенами новгородскими, и кривичами, и

чудью. Такъ возникли нѣкоторые города въ сѣверо-восточной Руси, между прочимъ Владимірѣна-Клязьмѣ; къ тому же разряду слѣдуетъ, вѣроятно, отнести Москву, а на югѣ образчикомъ построения такихъ городовъ можетъ служить Холмъ, основанный Даниломъ Романовичемъ. Такіе города, населенные пришельцами отовсюду, находясь на почвѣ, принадлежавшей извѣстной землѣ, считались на этомъ основаніи пригородами старѣйшаго города; но не связанные со старѣйшимъ городомъ узами происхожденія болѣе другихъ, они показывали стремленіе къ самостоятельности, а при благоприятныхъ условіяхъ покушались стать выше старѣйшихъ городовъ и сдѣлаться главою земли. Такъ-то выбился Владиміръ изъ-подъ зависимости Ростова и сдѣлался старѣйшимъ городомъ *).

Степень зависимости пригородовъ отъ городовъ опредѣляется въ общихъ чертахъ словами Суздальской лѣтописи: «на что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороды стануть». Но здѣсь не разумѣлось такого рабскаго подчиненія, при которомъ жители пригородовъ были бы не болѣе, какъ безгласные исполнители воли своихъ господъ. Пригороды должны были сообразоваться съ постановленіями старѣйшаго города не потому, чтобы старѣйшій городъ былъ ихъ владыка, а потому, что старѣйшій городъ изображалъ средоточіе всей земли, и его вѣче было собраніе не горожанъ, а земляковъ, членовъ земли, которой часть составлялъ пригородъ. Если житель пригорода находился въ послушаніи у старѣйшаго

*) Срв. съ гипотезой Соловьева о различіи старыхъ и новыхъ городовъ древней Руси, выше на стр. 159 163.

города по своей принадлежности къ пригороду, то въ то же время онъ былъ полноправный участникъ вѣча по своей принадлежности къ землѣ, какъ землякъ. Въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать тѣ извѣстія, когда, повѣствуя о вѣчахъ, собиравшихся въ старѣйшемъ городѣ, лѣтописцы говорятъ: «сошлась вся земля».

Не должно думать, чтобъ вѣче само по себѣ, какъ сходбище, знаменовало какую-нибудь верховную власть: оно было только ея выраженіемъ; верховная власть по внутреннему смыслу оставалась не за вѣчемъ, а за землею. Это понятіе о самоуправленіи земли является еще въ глубокой древности, переживаетъ многіе вѣка, противныя обстоятельства и невзгоды, уцѣлеваетъ при иномъ государственномъ строѣ страны. Такъ же какъ въ глубокой древности древлянскіе послы говорили Ольгѣ, что ихъ послала земля, такъ въ смутное время московскаго государства, въ началѣ XVII вѣка, московскіе послы подѣ Смоленскомъ говорили полякамъ, что ихъ послала земля съ своимъ приговоромъ и они сами могутъ быть только слѣпными исполнителями ея воли. Между тѣмъ въ это время земля уже составляла совокупность тѣхъ частей, изъ которыхъ каждая считала себя нѣкогда самостоятельной землей, и притомъ уже въ смыслѣ единодержавнаго тѣла. Дѣло защиты отечества противъ иноземцевъ и возстановленіе престола совершилось именемъ всей земли. Несмотря на самодержавную власть царей, они сами все еще иногда питали уваженіе къ землѣ, собирали земскія думы и желали знать мысль и волю земли, которой управляли. Только съ преобразованиемъ Россіи на иной образецъ забылось значеніе земли

подъ вліяніемъ новой бюрократіи, не имѣвшей съ землей ничего общаго по роду происхожденія.

Въ до-татарскій періодъ Русь только чувствомъ, а не размысленіемъ понимала единство своего бытія и не додумалась до какого-нибудь вѣча вѣчь -- сходбища всѣхъ земель, выраженія ихъ федеративной связи. Земли, повидимому, стремились не къ соединенію, а къ раздробленію: въ земляхъ возвышались города, которые со своими территоріями имѣли если не въ настоящемъ, то въ будущемъ задачу обособленія. Но зато начало духовнаго единенія не только не умирало, а развивалось и укрѣплялось съ распространеніемъ христіанства при отсутствіи вотчиннаго права въ княжескомъ управленіи.

Тѣ заблуждались, которые воображали, что древніе князья были вотчинники или владѣльцы своихъ удѣловъ, точно такъ же какъ невѣрно думаютъ тѣ, которые въ дѣлѣ преемства князей придаютъ большое значеніе родовому старѣйшинству между членами Рюрикова дома *).

Всматриваясь въ дѣло безъ предвзятыхъ заранѣе мнѣній, окажется, что между князьями не существовало никакого юридическаго старѣйшинства, кромѣ того, которое неизбѣжно указывала природа, да и то выражаемо было въ неопредѣленныхъ чертахъ, которымъ можно придавать теперь различный смыслъ. Тотъ князь, который былъ старѣе другихъ по лѣтамъ, назывался старѣйшимъ между князьями и имѣлъ право быть названнымъ такимъ именемъ,

*) Срв. изложенныя выше мнѣнія Соловьева, Кавелина, Чичерина.

а у насъ стали подобныя наименованія принимать за нѣчто юридическое, независимое отъ возраста, за нѣчто такое, что давало бы этому князю право на званіе старѣйшаго даже и тогда, когда бы этотъ князь былъ моложе другихъ. Понятіе о старѣйшинствѣ имѣло и переносное значеніе: кого признавали сильнѣе, умнѣе и вліятельнѣе другихъ князей въ данное время, о томъ выражались, что онъ старѣе другихъ. Наконецъ, было еще естественное семейное старѣйшинство: дяди надъ племянникомъ, какъ брата отца и, слѣдовательно, равнаго отцу, старшаго брата надъ меньшимъ, какъ старѣйшаго по лѣтамъ между равными; такія отношенія внушали извѣстнаго рода уваженіе младшихъ къ старшимъ. Случаямъ такого естественнаго въ семейномъ быту уваженія у насъ пытались придавать юридическое значеніе *). Отецъ, умирая, скажетъ сыновьямъ: «ты, старшій братъ, будь вмѣсто меня отцомъ меньшимъ, а вы, меньшіе, почитайте старшаго, какъ отца». Такія фразы говорились повсемѣстно и теперь еще говорятся въ семейномъ быту, но въ сущности такія

*) Еще Кавелинъ въ рецензіи на докторскую диссертацию Соловьева замѣтилъ (*Сочиненія* II, 494): «Вообще стараніе для каждаго дѣйствія тогдашнихъ князей пріискать правомѣрное основаніе не только кажется намъ безплоднымъ, но даже положительно вреднымъ, потому что искажаетъ настоящій характеръ событій. Отсутствие твердой обозначенности, опредѣленности въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ есть такая же характеристическая черта, какъ и всякая другая. Соловьевъ и грѣшитъ тѣмъ, что «неограничивается изслѣдованіемъ главныхъ движущихъ историческихъ началъ, но еще придаетъ имъ отъ себя юридическій характеръ, котораго они не имѣли; всякое явленіе онъ разсматриваетъ непремѣнно съ точки зрѣнія права. Отсюда ведутъ начало многія насильственные объясненія фактовъ въ его книгѣ». Срв. выше стр. 196.

фразы принадлежать къ разряду тѣхъ нравствен-ныхъ сентенцій, которыя безпрестанно повторяются и рѣдко исполняются; никакъ нельзя выводить изъ нихъ юридическихъ обычаевъ или измѣрять ими смыслъ юридическихъ событій, — такъ точно, какъ на томъ основаніи, что въ разныя времена старики говорили: «не должно лгать, любите другъ друга, не будьте корыстолюбивы», нельзя полагать, чтобъ тѣ, которые слушали подобныя нравоученія исполняли ихъ; даже и тотъ, кто произносилъ ихъ, часто совѣмъ былъ не таковъ въ своихъ поступкахъ, каковъ на словахъ. Прямое, дѣйствительное старшинство князей являлось тогда, когда князь княжилъ въ старѣйшемъ городѣ, и въ такомъ случаѣ насколько городъ, въ которомъ онъ сидѣлъ, считалъ себя старѣйшимъ по отношенію къ другому городу, настолько и князь его былъ старѣйшимъ по отношенію къ князю, сидѣвшему въ меньшемъ городѣ или пригородѣ.

Право земли и ея верховная власть надъ собою высказывается повсюду въ до-татарское время. Земля должна была имѣть князя; безъ этого ея существованіе, какъ земли, было невысказано. Гдѣ земля, тамъ вѣче, а гдѣ вѣче, тамъ непременно будетъ и князь: вѣче непременно изберетъ его. Земля была власть надъ собою; вѣче выраженіе власти, а князь — ея органъ *). По словамъ начальнаго лѣтописнаго свода, въ половинѣ IX вѣка, сѣверные народцы **)

*) Срв. выше на стр. 195.

**) См. выше примѣчаніе на стр. 85. И рѣша сами в себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ *по праву*. И идоша за море къ варягомъ, к Русі, сице бо тѣя звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урма-

говорили призываемымъ варягамъ: «земля наша велика и обильна, а наряда (т. е. порядка) в ней нѣтъ, да пойдѣте княжить и володѣти нами» (по праву); то же фактически повторялось въ каждой землѣ при каждомъ вступленіи князя на княженіе. Если призваніе варяжскихъ князей выдуманно, то оно выдуманно невольно, по естественному свойству человѣческой природы переносить на отдаленныя времена признаки современнаго быта: что дѣлалось въ XII вѣкѣ, то переносилось воображеніемъ на IX-й. На Руси сложилось такое понятіе: безъ князя въ землѣ ни порядка, ни охраненія, ни суда, ни правды; безъ князя начнется беспорядокъ, сильнѣйшіе будутъ обижать слабѣйшихъ; роды и семьи передерутся между собой; не будетъ единодушія ко взаимной защитѣ; набѣгутъ чужіе и разорятъ землю; ратная сила не будетъ повиноваться начальнику, если этимъ начальникомъ не будетъ князь. Князь призванъ володѣть, т. е. держать власть, править, защищать; но онъ не былъ вотчинникомъ земли. Володѣть на древнемъ языкѣ совѣмъ не значило то, что впослѣдствіи. Князь не былъ государемъ, онъ былъ только господиномъ. Оттого Новгородъ, удержавшій долѣе другихъ земель древнія формы быта, не хотѣлъ въ XV вѣкѣ назвать московскаго великаго князя государемъ, а давалъ ему по старинѣ только титулъ господина; для новгород-

не, англѣяне, друзіи гѣте, тако и си. Рѣша Руси чюдъ, и словѣни, и кривичи, и вси... (см. текстъ). И избѣрашася 3 брата съ роды своими, и пояша по собѣ всю Русь». Подобныя легенды извѣстны и западно-европейской хроникѣ; срв., напр., слова бриттовъ, призывавшихъ Генгиста и Горзу: «*terram latam et spaciosam et omnium rerum copia refertam*» и т. д.

Ред.

цевъ государемъ былъ Великій Новгородъ, т. е. сама земля новгородская; князь же былъ только господинъ, т. е. призванный владѣть по праву, иначе — по волѣ земли. Князя выбирала земля потому, что онъ для земли былъ нуженъ.

Съ незапамятныхъ временъ у славянъ были князья, они были и въ славянорусскихъ земляхъ до прихода варяговъ. Кіевскіе князья пріучали народы къ дани посредствомъ дружины, составленной изъ разнаго сброда. Превъжныхъ князей замѣнили въ земляхъ князья Рюрикова рода. Сыновья Ярослава, назначенные отцомъ князьями въ разныя земли, конечно, вначалѣ держались тамъ также посредствомъ дружины, но скоро освоились съ земскою жизнью, а пришедшая дружина слилась съ мѣстными жителями; съ одной стороны, пришельцы дѣлались землевладѣльцами и членами земли, съ другой — въ княжескую дружину входили мѣстные жители. Старое вѣчевое выборное начало вошло въ прежнюю колею тѣмъ легче, что и до того времени земли, платя кіевскимъ князьямъ дань, внутри не покидали старыхъ обычаевъ; теперь князья, не ограничиваясь уже однимъ собираніемъ дани, а сдѣлавшись по христіанскимъ понятіямъ правителями, судьями и защитниками земли, сроднились съ народными правами и обычаями, и при такомъ сродствѣ образовалось понятіе, что во всѣхъ земляхъ, по всей Руси должны быть выборные землею князя, по непремѣнно изъ одинаго Рюрикова рода. Притомъ же князья умножались, и выборъ былъ большой; трудно было отважиться гдѣ-нибудь на избраніе князя изъ другого рода: такой князь не усидѣлъ бы, какъ и случилось разъ въ Галичѣ, гдѣ вокняжился Володиславъ,

но тотчасъ же слетѣлъ съ княжескаго стола. Какъ только гдѣ-нибудь осмѣлилась бы одна партія замѣстить мѣсто, принадлежавшее Рюриковичу, лицомъ не Рюрикова дома, тотчасъ составила бы другая, противная партія и призвала бы князя Рюриковича; чувство оскорбленія цѣлаго рода соединило бы между собою многихъ князей, хотя безъ того они жили между собой несогласно. Всѣ они признавали въ одинаковой степени за своимъ родомъ право княжить на Руси. «Мы не ляхи и не угры», говорили они, «мы одинаго дѣда внуки». Сознывая это право, они однако не иначе могли получать его, какъ черезъ признаніе землею — какъ бы ни добывалось это признаніе: основывалось ли оно на добровольномъ выборѣ, на полномъ согласіи земли, или же князя возводила одна партія, переселившая другую, или же, наконецъ, князь съ постороннею силою овладѣвалъ городомъ и его землею. Въ вѣкъ, когда военная удача внушала уваженіе, часто бывало, что князь силой заставлялъ землю признавать свою власть, и земля признавала князя потому, что не могла сопротивляться. Такимъ образомъ, все-таки дѣло рѣшалось признаніемъ, хотя бы невольнымъ. Впрочемъ, если князь и насиліемъ получалъ въ землѣ княженіе, то все-таки долженъ былъ, ради прочности, ладить съ жителями и заслужить ихъ расположеніе: иначе, при первой возможности призывали другого князя, съ посторонней силой, а его прогоняли.

Родовыя отношенія князей нерѣдко принимались во вниманіе землями при выборѣ князей, но не такъ, какъ юридическое право, а какъ нравственное соображеніе, основанное вообще на понятіяхъ о стар-

шинствѣ въ семейномъ быту; оно было не на столько сильнымъ, чтобы вытѣснить соображенія иного рода *). Такимъ образомъ дядя, споря съ племянникомъ, могъ подобрать себѣ партію, которая поддерживала его, ставила ему въ достоинство то, что онъ былъ дядя — старшій по семейнымъ линіямъ; но такъ же точно и племянникъ находилъ себѣ партію, которая ни во что ставила старшинство дяди и стояла за племянника, когда находила его лучше дяди по личнымъ достоинствамъ. Уваженіе къ старшимъ издавна существовало у славянъ; его поддерживало христіанство, но оно отнюдь не обратилось въ такой законъ, передъ которымъ должны были умолкнуть иного рода выгоды и соображенія.

Изученіе вѣчевого строя древней Руси и порядка преемственности княжескихъ столовъ показываетъ, что въ до-татарскій періодъ не выработалось никакихъ основъ для будущаго единодержавія въ Россіи, а тѣмъ болѣе не могло быть сознательнаго стремленія къ нему. Въ удѣльно-вѣчевомъ строѣ этого періода не видно никакихъ признаковъ, которые приводили бы необходимо къ единодержавному порядку. Русь дробилась болѣе и болѣе, но не теряла только духовнаго единства, и тогдашній общественный складъ могъ скорѣе вести къ федераціи земель, а никакъ не къ единому монархическому государству. Съ татарскимъ завоеваніемъ произошелъ быстрый и крутой переворотъ.

Татарское нашествіе совершилось внезапно. Неволя охватила свободолюбивую Русь вдругъ; никто не предвидѣлъ, никто не предчувствовалъ этого

*) Срв. выше на стр. 204.

удара. Вліяніе, которое это событіе имѣло на послѣдующую жизнь Руси, зависитъ не столько отъ свойствъ и характера завоевателей, сколько отъ способа самаго завоеванія и отъ обстоятельствъ, его сопровождавшихъ. Кто бы ни завоевалъ Русь — для нея важно было именно то, что она была завоевана.

Условія, въ которыя стали завоеватели къ покореннымъ, должны были неизбѣжно сразу парализовать вѣчевую жизнь. Прежде надъ Русью не было единого господина, — теперь онъ явился впервые въ особѣ грознаго завоевателя, хана. Русь, покоренная его оружіемъ, стала его военною добычею, его собственностью; всѣ русскіе отъ князя до холопа стали его рабами безъ исключенія. Въ этомъ-то рабствѣ Русь нашла свое единство, до котораго не додумалась въ періодъ свободы.

Періодъ порабощенія Руси подъ властью монголовъ разбивается на двѣ половины: въ первой — образуются изъ прежнихъ земель княжескія владѣнія, — рядъ князей и государей съ старѣйшимъ княземъ на челѣ ихъ — всѣ въ безусловной зависимости отъ верховнаго государя, татарскаго хана, истиннаго собственника русской земли; во второй половинѣ усиливается власть старѣйшаго князя, а власть хана слабѣетъ, и, наконецъ, старѣйшій князь замѣняетъ собою хана со всѣми его атрибутами верховнаго государя и собственника русской земли.

Въ первой половинѣ Русь начала представлять изъ себя подобіе съ феодальнымъ порядкомъ, чего прежде не было. Вскорѣ послѣ завоеванія, уцѣлѣвшіе отъ бойни князья стали ѣздить къ хану на поклонъ, и ханъ отдавалъ имъ ихъ княженія въ вотчину. Князья сразу поняли, что теперь ихъ кня-

женія зависятъ отъ воли хана, ихъ государя, какъ прежде зависѣли отъ согласія земли или отъ собственной силы и ловкости. И ходили они въ Орду «про свою вотчину». Здѣсь-то начался *великій переворотъ въ русской исторіи*. Прежде князь не считалъ и не могъ считать своего княженія вотчиною, т. е. собственностью; политическій складъ Руси былъ таковъ, что ему и въ голову не могло притти подобнаго стремленія; онъ правилъ землею, какъ правитель: если подчасъ, пользуясь своимъ положеніемъ, онъ позволялъ себѣ и произволь, и насиліе, то это все-таки дѣлалось въ качествѣ правителя земли, а не въ значеніи государя, не собственника. Земля ему не принадлежала, земля была сама себѣ государь, а князь — господинъ, которому она сама себя довѣряла и отдавала на рядъ и управу. Если князь произвольно распоряжался землею, то онъ былъ въ такомъ значеніи, въ какомъ, на примѣръ, можетъ быть въ монархическомъ государствѣ, при слабомъ государѣ, ловкій министръ, безусловно властвующій надъ государствомъ: онъ силенъ, но онъ все-таки не государь. Теперь земля перестала быть самостоятельною единицею; мѣсто ея заступилъ князь; она спустилась до значенія вещественной принадлежности. Такъ было въ порядкѣ вещей. Иначе и быть не могло. Монголы не имѣли задачи истреблять вѣру, обычаи и нравы покоренныхъ народовъ; непокорныхъ они избивали, и тогда вѣра, обычаи и нравы пропадали сами собою вмѣстѣ съ людьми, но пока живы были монголамъ принадлежащіе люди, оставались съ ними живы и ихъ признаки настолько, насколько сами люди покорялись. Монголы застали на Руси земли и князей. Съ землями имъ

нельзя было входить въ непосредственныя сношенія и сдѣлки: нельзя же было вѣчамъ являться къ хану для принятія отъ него милостей и закона. То было физически невозможно. Ханы могли имѣть дѣло только съ отдѣльными личностями, которыя бы отвѣчали за земли, а такими личностями были князья. Для удержанія господства надъ страной, ханамъ не представлялось иного средства, какъ возложить на этихъ князей отвѣтственность за покорность, а это возможно было только при расширеніи власти князей, при отдачѣ имъ въ собственность земель, которыми они управляли. Монгольскіе завоеватели поступали съ побѣжденною страной въ извѣстномъ смыслѣ льготнѣе, чѣмъ, на примѣръ, варвары, завоевавшіе провинціи западной римской имперіи: послѣдніе раздавали земли во владѣніе своимъ людямъ; монголы почти не дѣлали этого и, вмѣсто своихъ, жаловали чужихъ, требуя отъ нихъ того, что другіе возлагали на своихъ. Ханы принимали покорныхъ князей радушно, милостиво, требовали отъ нихъ только безусловной покорности; кто показывалъ духъ неповиновенія, съ тѣмъ расправлялись жестоко; черниговскій князь заплатилъ жизнью, отказавшись исполнить обрядъ, который счелъ за нарушение своей религіи, но который былъ только знакомъ покорности. Князь Данило Романовичъ попытается-было медлить поѣздкою къ хану, и за то его волость потерпѣла разоренія, а князь спасся только тѣмъ, что, скрѣпя сердце, долженъ былъ ѣхать къ своему владыкѣ и подвергнуться у него чести, которая злѣе зла показалась современному русскому лѣтописцу, еще не утратившему свободной души предковъ.

Ханы хорошо понимали, что покорность князей невольная. Надъ князьями нуженъ былъ надзоръ, и монголы въ этомъ случаѣ воспользовались тѣмъ, что нашли въ обычаяхъ страны. Существовало званіе старѣйшаго князя, званіе неопредѣленное, въ послѣднее время не принадлежавшее никому по какому-либо праву и даваемое другими тому, кто былъ сильнѣе другихъ и внушалъ къ себѣ уваженіе. Ханы подняли его, дали ему власть, почетъ и силу. За этимъ званіемъ стали гоняться князья, какъ за цѣлью высшаго честолюбія, а оно получалось однимъ путемъ — поклонами и угодничествомъ владыкъ. Прежде существовало первенство старѣйшихъ городовъ земли надъ пригородами; и въ старѣйшихъ городахъ и въ пригородахъ были князья; теперь и тѣ и другіе князья сдѣлались собственниками, и отношенія городовъ перешли на нихъ: князья низшіе стали находиться въ болѣе опредѣленной зависимости отъ высшихъ. Князь въ старѣйшемъ городѣ былъ выше того, кто сдѣлался собственникомъ бывшаго пригорода. Монголы воспользовались и другимъ понятіемъ о старѣйшинствѣ родовомъ: по умершемъ братѣ старѣйшимъ былъ братъ, слѣдовавшій за умершимъ по времени рожденія, за нимъ другой братъ, третій и т. д., а потомъ уже дѣти, племянники и т. д. Меньшой долженъ былъ почитать старшаго и по нравственному чувству уступать ему, но прежде это было только нравственное семейное понятіе, а не юридическое право, и не всегда такъ дѣлалось и отнюдь не считалось необходимымъ, чтобы такъ было. Монголы уважали этотъ нравственный обычай, когда только это имъ было выгодно, и князь, на основаніи такого старшинства

получившій власть, былъ крѣпче, чѣмъ былъ бы прежде, когда зависѣлъ отъ произвола земли. Но тѣ же монголы не стѣснялись нарушать этотъ нравственный обычай, точно такъ же, какъ въ былое время дѣлали земли, оказывавшія этому нравственному понятію уваженіе до извѣстной степени, но не настолькоъ, чтобы стѣснять имъ свои выгоды; въ этомъ отношеніи то, что принадлежало землямъ, перешло теперь къ ханамъ. Все это были элементы, послужившіе къ неравенству между князьями при одинаковомъ порабощеніи всѣхъ верховному государю-хану.

Князья скоро испытали, что чѣмъ покорнѣе они будутъ вести себя передъ ханомъ, тѣмъ безопаснѣе усидятъ на своемъ княженіи, и ихъ власти будутъ ограждены отъ разоренія. Раболѣпство передъ завоевателемъ служило единственнымъ ручательствомъ за спокойствіе страны. Всѣхъ лучше понялъ это Александръ Невскій — этотъ первообразъ своихъ правнуковъ и праправнуковъ московскихъ князей. Новгородъ не хотѣлъ было допустить ханскихъ численниковъ, и князь, оказавшій передъ тѣмъ услуги Великому Новгороду, выкалывалъ глаза и поролъ носы тѣмъ новгородцамъ, которые подушали народъ не повиноваться завоевателямъ. За это онъ вошелъ въ большую милость у хана и впоследствии могъ быть полезнымъ заступникомъ за Русь. Въ Ростовской области тяжело стало отъ татарскихъ давей: онѣ были на откупѣ, и сами русскіе не считали предосудительнымъ нагрѣвать себѣ руки отъ народной бѣды. Народъ не могъ скоро измѣнить своихъ привычекъ; зазвонили вѣча, стали бить сборщиковъ. По примѣру Ростова то же произошло во

Владимирѣ, Суздалѣ, Ярославлѣ, Переяславлѣ, Угличѣ и отдаленномъ Устюгѣ. Александръ Невскій тотчасъ же поспѣшилъ въ Орду и успѣлъ утишить гнѣвъ хана. Его вся дѣятельность клонилась къ тому, чтобы охранить русскій народъ отъ печальныхъ слѣдствій, которыя могла на него навести татарская месть за вспышки неповиновенія. Онъ умѣлъ подладиться къ завоевателямъ; ему довѣряли, ради его прощали другимъ. Такая ловкость и умѣнье уживаться съ завоевателями не только укрѣпили его власть, но вмѣстѣ съ тѣмъ подняли и возвысили значеніе старѣйшаго князя, которое потомъ продолжило путь къ единодержавію.

Въ татарскій періодъ точно такъ же сложились и установились нравственныя и экономическія условія, подготовившія народную громаду къ тому, чтобы сдѣлаться превосходнымъ матеріаломъ для такого государства, какимъ явилась въ XVI вѣкѣ московская монархія. Татарское завоеваніе дало Руси толчокъ и крутой поворотъ къ такой монархіи.

VIII. КОМБИНИРОВАННЫЯ ТЕОРИИ.

А. ТЕОРИЯ В. И. СЕРГЬЕВИЧА.

(В. И. Сергѣвичъ. «Русскія Юридическія Древности». Т. II. «Власти». Выпускъ I. «Вѣче и Князь». Спб. 1893).

Взглядъ на развитіе государственнаго строя древней Руси впервые развитъ былъ В. Сергѣвичемъ въ его извѣстномъ изслѣдованіи *Вѣче и Князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей*, появившемся въ 1867 году и тогда же нашедшемъ обстоятельную критику въ статьѣ А. Д. Градовскаго *Государственный строй древней Россіи*, по которой и изложенъ далѣе взглядъ этого автора. Договорная теорія, развитая здѣсь В. Сергѣвичемъ, не осталась у него безъ переработки, и ея видоизмѣненіе всего удобнѣе наблюсти при текстѣ перваго выпуска втораго тома его *Русскихъ Юридическихъ Древностей*, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1893 г. съ подзаголовкомъ *Вѣче и Князь*. Такъ какъ со старымъ взглядомъ В. Сергѣвича читатель болѣе или менѣе ознакомится изъ критики А. Д. Градовскаго, то, не давая выдержекъ изъ диссертациі *Вѣче и Князь*, полагаемъ достаточнымъ ознакомить читателю, **во-первыхъ**, съ новѣйшей Сергѣвичевской критикой родовой теоріи Соловьева и, **во-вторыхъ**, съ послѣднимъ его изложеніемъ вопроса о распредѣленіи волостей между князьями.

I.

КНЯЖЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ И ПОРЯДОКЪ ПРЕЕМСТВА
СТОЛОВЪ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ТЕОРИИ РОДОВОГО *)
БЫТА.

Историческая наука давно уже отмѣтила тотъ фактъ, что всѣ культурные народы прошли чрезъ стадію родового или патріархальнаго быта. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что русскіе славяне не представляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Но вопросъ въ томъ, какъ долго сохранился у нихъ этотъ бытъ, какія черты его наблюдаются въ историческое время, и какое вліяніе оказалъ онъ на княжескія отношенія X, XI и XII вѣковъ?

Нѣкоторые изслѣдователи нашей старины отводятъ чрезвычайно видное мѣсто вліянію родового быта на нашу древнюю историческую жизнь. Первое мѣсто среди писателей этого направленія безспорно принадлежитъ Соловьеву, такъ много потрудившемуся въ области изслѣдованія историческихъ судебъ нашего отечества. Господство родового быта въ Россіи продолжается, по его мнѣнію, до XII вѣка; только со «второй половины XII вѣка» замѣчаетъ онъ «начало перемѣны» въ этомъ исконномъ порядкѣ вещей. Господство родового быта не ограничивается частной, семейной сферой, а съ меньшей силой проявляется и въ государственномъ устройствѣ русской земли. Вотъ какъ изображаетъ онъ

*) Это — «глава дополнительная» въ цитованной выше книгѣ В. Сергѣевича (стр. 320.—336).

отраженіе началъ родового быта въ княжескихъ отношеніяхъ: «Князья не теряютъ понятія о единствѣ, нераздѣльности своего рода; это единство, нераздѣльность выражались тѣмъ, что всѣ князья имѣли одного старшаго князя, которымъ былъ всегда старшій членъ въ цѣломъ родѣ; слѣдовательно, каждый членъ рода, въ свою очередь, могъ получить старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи. Такимъ образомъ, родъ князей русскихъ, несмотря на свое развѣтвленіе, продолжалъ представлять одну семью — отца съ дѣтьми, внуками и т. д. Теперь изъ словъ лѣтописнаго свода, изъ словъ самихъ князей, какъ они въ немъ записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу? Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ, раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ-дочерей княжескихъ замужъ. Младшіе князья обязаны были оказывать глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцомъ въ правду и ходить въ его послушаніи, являться къ нему по первому зову, выступать въ походъ, когда велить» *).

Соловьевъ — большой знатокъ источниковъ нашей исторіи и ничего не утверждалъ, чего нельзя было бы подтвердить ссылкой на подлинныя выраженія памятниковъ. Выписанное мнѣніе онъ также подтверждаетъ ссылками на памятники; но въ данномъ

* Срв. выше стр. 120—123, особенно *примѣчанія* въ виду дальнѣйшихъ словъ В. Сергѣевича.

случаѣ пользованіе памятниками нельзя назвать правильнымъ, потому, во-1-хъ, что нѣкоторыя выраженія источниковъ взяты отрывочно, внѣ связи съ другими свидѣтельствами тѣхъ же источниковъ, которыми необходимо было воспользоваться для уясненія ихъ дѣйствительнаго смысла; во-2-хъ, частныя опредѣленія отдѣльныхъ договоровъ приняты авторомъ за обычай родового быта.

Разсмотримъ каждое изъ приведенныхъ выше положеній въ отдѣльности.

Старшій князь, утверждаетъ Соловьевъ, имѣлъ обязанность думать и дѣйствовать за младшихъ князей. Чтобы существовала обязанность думать и дѣйствовать за кого-либо, необходимо, чтобы извѣстное лицо само не имѣло права думать и дѣйствовать за себя, и чтобы другому была предоставлена власть думать и дѣйствовать за него; въ противномъ случаѣ неизбежно столкновеніе двухъ думъ и двухъ дѣйствій. Изъ фактовъ, которыми изобилуютъ лѣтописи, мы знаемъ, что каждый князь думалъ и дѣйствовалъ самъ за себя, кромѣ того случая, когда онъ по договору обязывался быть въ чьей-либо волѣ, что, впрочемъ, относилось къ одной только внѣшней политикѣ. Теорія родового быта разумѣеть не это подчиненіе одного князя волѣ другого, возникающее изъ *договора*, а подчиненіе всѣхъ князей волѣ одного, старшаго, и не въ силу договора, а въ силу -- обычая родового быта. Чѣмъ же доказывается существованіе такихъ обычаевъ? Въ подкрѣпленіе высказанному положенію авторъ «Исторіи Россіи» приводитъ только одно мѣсто источниковъ, слова Ростиславичей въ 1195 г. Всеволоду III: «А ты, брате, въ Володимери племени старѣй

еся насъ, а думай, гадай о русской земли и о своей чести, и о нашей. Дѣйствительно, Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи обратились съ приведенными словами къ Всеволоду Юрьевичу. Но чтобы судить объ ихъ отношеніяхъ къ этому князю и дѣлать заключеніе о характерѣ княжескихъ отношеній вообще, приведеннаго мѣста мало. Для этого надо было взять и другія свидѣтельства, характеризующія взаимныя отношенія тѣхъ же Ростиславичей къ тому же Всеволоду, если таковыя есть. По счастью, мы имѣемъ два такихъ свидѣтельства; они не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно дѣйствительнаго смысла приведенныхъ словъ. За указаннымъ обращеніемъ Ростиславичей ко Всеволоду послѣдовала война этихъ князей съ черниговскими Ольговичами. Въ 1196 г. Всеволодъ вознамѣрился заключить съ ними миръ, но безъ сношенія съ Рюрикомъ Ростиславичемъ. По мнѣнію Соловьева, онъ могъ это сдѣлать, ибо былъ обязанъ думать и дѣйствовать за всѣхъ. Но могъ ли въ дѣйствительности? Давыдъ Ростиславичъ, дѣйствовавшій заодно со Всеволодомъ, пытается удержать его отъ такого односторонняго дѣйствія, напоминая ему рядъ его съ Рюрикомъ. Слова Давыда заключаются слѣдующимъ знаменательнымъ предостереженіемъ: «онъ же нынѣ воюется с ними и волость свою зажегль тебе дѣля, а нынѣ безъ его думы (т. е. безъ думы Рюрика) хотимъ миритися; а, брате, повѣдаю ти, сего ти мира не улюбить братъ мой Рюрикъ» *). Рюрикъ, дѣйствительно, не улюбилъ этого мира и въ наказаніе

*) Надо, впрочемъ, замѣтить, что ранѣе въ лѣтописи говорится такъ: «Давыдъ же не любитъ мира, но поущаетъ и (т. е. Всеволода) пойти к Чернигову . *Ред.*

отнял у Всеволода тѣ города въ русской землѣ, которые былъ вынужденъ дать ему въ 1195 г. Повторяемъ нашъ вопросъ: могъ ли Всеволодъ думать и дѣйствовать за Ростиславичей? Конечно, нѣтъ, ибо Ростиславичи ясно сознаютъ свое право — думать и дѣйствовать самимъ за себя; Всеволода же, наоборотъ, они считаютъ обязаннымъ дѣйствовать, въ извѣстныхъ случаяхъ, не иначе, какъ по думѣ и по соглашенію съ ними. Итакъ, примѣромъ Всеволода нельзя доказать того положенія, что старшій князь былъ обязанъ думать и дѣйствовать за всѣхъ остальныхъ.

Какой же дѣйствительный смыслъ того мѣста лѣтописи, которое дало поводъ къ этому неправильному заключенію? Въ 1195 г. Рюрикъ Ростиславичъ только-что занялъ кіевскій столъ по смерти Святослава черниговскаго. Опасаясь, чтобы братъ Святослава, Ярославъ, не сталъ искать подъ нимъ Кіева, Рюрикъ заключилъ оборонительный союзъ со Всеволодомъ. Вскорѣ затѣмъ зять Рюрика, Романъ, обиженный тестемъ, перешелъ на сторону черниговскихъ князей и сталъ звать Ярослава Всеволодовича на кіевскій столъ. Такимъ образомъ, для Рюрика возникъ поводъ требовать отъ Всеволода условленной помощи. Свое требованіе Рюрикъ облакаетъ въ возможно вѣжливую форму, какъ и подобаетъ между добрыми друзьями. «Ты старѣй насъ всѣхъ во Владимировѣ племени, говоритъ онъ ему (т. е. старѣй лѣтами), а думай, гадай о русской землѣ и о своей чести и о нашей!» Итакъ, это не что иное, какъ вѣжливое обращеніе къ старшему лѣтами и притомъ къ человѣку, который нуженъ и можетъ помочь въ бѣдѣ.

О томъ, чтобы Всеволодъ былъ старшій членъ въ

цѣломъ родѣ Рюриковичей (собственно Ярославичей), здѣсь нѣтъ и рѣчи; здѣсь говорится только о старшинствѣ Всеволода въ Володимировомъ племени. Старшій же въ цѣломъ родѣ былъ, по всей вѣроятности, Ярославъ Всеволодовичъ черниговскій, правнукъ Святослава, второго сына Ярославова, противъ котораго и былъ направленъ союзъ Владимировичей, потомковъ третьяго сына Ярослава, Всеволода, или Юрій Ярославичъ (если только онъ былъ живъ въ это время), старшій правнукъ старшаго сына Ярослава, Изяслава, почти вовсе лишенный участія во владѣннн русскои землей.

Далѣе Соловьѣвъ утверждаетъ, что старшій князь имѣлъ право судить и наказывать младшихъ. Въ доказательство того, что старшему князю принадлежало право суда надъ младшими, онъ приводитъ только одно мѣсто источниковъ, а именно — слова, сказанныя Ростиславомъ Юрьевичемъ Изяславу кievскому: «а ты мене старѣй, а ты мя и суди». Если изъ этого мѣста можно вывести чѣ-либо право суда, то — одного только Изяслава надъ Ростиславомъ, а никакъ не старшаго въ цѣломъ родѣ надъ всѣми остальными. Изяславъ Мстиславичъ, къ которому обращены эти слова, не только не былъ старшимъ въ цѣломъ родѣ, но даже и не считалъ себя за такового: «всихъ насъ старѣй, говоритъ онъ Ростиславу Юрьевичу, отецъ твой, но не умѣть с нами жити». Итакъ, изъ указаннаго авторомъ мѣста ровно ничего нельзя вывести о правахъ старшаго въ цѣломъ родѣ Рюриковичей князя. «Старѣе» — сказано здѣсь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ; Изяславъ былъ только старѣе Ростислава, который говоритъ ему: «ты меня старѣй». Надъ Изя-

славомъ же поднималась еще цѣлая лѣстница князей, изъ которыхъ одинъ былъ старѣе другого. Старѣй Изяслава былъ его дядя Юрій, старѣй Юрія — его старшій братъ Вячеславъ. Еще старѣе этихъ князей, правнуковъ Ярослава отъ третьяго сына Всеволода, были, по всей вѣроятности, его правнуки отъ второго сына, Святослава, Владимиръ и Изяславъ Давыдовичи и Святославъ Ольговичъ, также находившіеся въ живыхъ.

Какой же смыслъ приведеннаго извѣстія? Ростиславъ былъ многимъ обязанъ Изяславу: онъ получилъ отъ него волость, а во время войны Изяслава съ отцомъ Ростислава, Юріемъ, былъ оставленъ имъ на югѣ «стеречь русской земли». По возвращеніи изъ этого похода, Изяславъ узнаетъ, что въ его отсутствіе Ростиславъ замышлялъ на него и хотѣлъ овладѣть Кіевомъ. Пригласивъ его къ себѣ, Изяславъ напомнилъ Ростиславу все добро, которое ему сдѣлалъ, и затѣмъ передалъ взводимое на него обвиненіе. На это обвиненіе Ростиславъ отвѣчалъ: «Брате и отче! ако ни во умѣ своемъ, ни на сердци ми того не было; паки ли на мя кто молвить, князь ли который въ хрестьяныхъ или въ поганныхъ, а ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди». Все, что можно вывести изъ этихъ словъ, заключается въ слѣдующемъ: Ростиславъ признаетъ надъ собой въ данномъ случаѣ судъ Изяслава — и только. Основаніе подсудности въ этомъ случаѣ заключается въ личной волѣ Ростислава, а не въ томъ, что Изяславъ его старѣе; иначе пришлось бы допустить, что право суда принадлежало каждому князю *относительно старшему* лѣтами, надъ всѣми другими, которые *ею* *моложе*.

Но мы имѣемъ и положительное доказательство въ пользу того, что даже старшему въ цѣломъ родѣ князю не принадлежало право суда надъ всѣми остальными. Въ 1097 г. такимъ старшимъ былъ — Святополкъ-Михаиль кievскій. Вмѣстѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ онъ ослѣпилъ Василька. Узнавъ объ этомъ, младшіе князья посылаютъ сказать ему: «чему еси ослѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы и *предъ нами*». Итакъ, младшіе не сознаютъ за старшимъ права суда, а говорятъ, что онъ долженъ былъ явиться въ качествѣ обвинителя предъ ихъ судомъ.

Что касается до права старшаго въ цѣломъ родѣ князя — наказывать остальныхъ, то, поскольку это право есть необходимое слѣдствіе права суда, оно также не принадлежало старшему князю, какъ и это послѣднее. Но такъ какъ въ случаѣ нарушенія договоровъ князь, пострадавшій отъ этого нарушенія, подвергалъ виновниковъ его такимъ неудобствамъ, какимъ только могъ, то если только такіе случаи можно разсматривать какъ проявленіе права наказывать, — право это принадлежало каждому князю: младшему наравнѣ съ самымъ старшимъ. Мы только что привели случай наказанія старшаго князя младшимъ: Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ у Всеволода Юрьевича данную ему волость -- за неисполненіе договора. Соловьевъ, въ подтвержденіе высказаннаго положенія о правѣ старшаго въ цѣломъ родѣ князя наказывать остальныхъ, приводитъ два мѣста источниковъ. Одно изъ нихъ (о Мстиславѣ Владимировичѣ, поточившемъ полоцкихъ князей въ греки) относится къ случаямъ саморасправы за неисполненіе договора и совершенно

уравновѣшивается подобнымъ примѣромъ такой же саморасправы младшаго князя со старшимъ. Впрочемъ, и эта ссылка автора выбрана не совсѣмъ удачно. Въ данномъ случаѣ наказываетъ не старшій въ цѣломъ родѣ князь. Наказываетъ Мстиславъ Владимировичъ, а старѣе его были: правнуки Ярослава отъ второго сына, Ольговичи и Давыдовичи; еще старѣе тѣхъ и другихъ были правнуки старшаго брата Ярослава, Изяслава Полоцкаго, Давыдъ, Ростиславъ и Святославъ Всеславичи. Именно эти-то Всеславичи, самые старшіе изъ Рюриковичей, и потерпѣли въ данномъ случаѣ наказаніе отъ Мстислава. Второе мѣсто, приводимое Соловьевымъ, вовсе не относится къ наказанію старшихъ, а только исполненію *привора* младшихъ князей, возложеннаго ими на старшаго, при чемъ старшій исполняетъ волю младшихъ.

Далѣе Соловьевъ утверждаетъ, что старшій въ цѣломъ родѣ князь раздавалъ волости. Въ подтвержденіе этого положенія авторъ не приводитъ ни одной ссылки. Такъ какъ старшимъ былъ всегда *одинъ* въ цѣломъ родѣ, то выписанное положеніе надо понимать такъ: старшій въ цѣломъ родѣ князь держалъ въ своихъ рукахъ всѣ русскія волости и по своему усмотрѣнію раздавалъ ихъ, кому хотѣлъ. Въ источникахъ, дѣйствительно, нѣтъ ни одного мѣста, которое оправдывало бы такой взглядъ. Но можно утверждать, что князья вообще, какъ старшіе, такъ и младшіе, по требованію обстоятельствъ, уступаютъ другъ другу свои волости. Такъ, напри- мѣръ, младшій князь Рюрикъ Ростиславичъ уступилъ въ 1195 г. старшему князю, Всеволоду Юрьевичу, волость въ русской землѣ, а въ 1196 г. отнялъ ее у него.

За перечисленіемъ правъ старшаго въ цѣломъ родѣ князя, Соловьевъ переходитъ къ перечисленію соответствующихъ имъ обязанностей младшихъ князей. Въ доказательство обязанности младшихъ князей — являться на зовъ старшаго — дѣлается ссылка на требованіе Владимира Мономаха, обращенное къ Ярославу Святополчичу и основанное на только-что заключенномъ этими князьями мирномъ договорѣ; такимъ образомъ, частному случаю, возникшему изъ договора между двумя данными князьями, дается значеніе общаго обычая родового быта. Въ доказательство обязанности младшихъ — ходить въ послушаніи старшаго — приводится *жельаніе* Ростислава, чтобы *известные князья* ходили въ его послушаніи; такимъ образомъ, то, что только желательно и чего еще нѣтъ, но что можетъ возникнуть въ силу соглашенія между известными князьями, принимается за дѣйствующій и общій обычай. Въ доказательство обязанности младшихъ князей — выступать въ походъ по приказу старшаго — приводится слѣдующее мѣсто лѣтописи: «Посла Ростиславъ къ братьи своей *веля* имъ съвѣкупитися у себе съ всеми полкы своими». Лѣтописцы, передавая обращеніе одного князя къ другому, весьма нерѣдко облакаютъ это обращеніе въ повелительную форму. Дѣлать отсюда заключеніе о правѣ, по началу родового старшинства, того князя, который «водитъ», приказывать и объ обязанности того, кому приказываютъ, — подчиняться приказу — это большое заблужденіе. Повелительная форма есть только способъ выраженія, свойственный тому времени, и ничего болѣе. Изъ нея нельзя дѣлать никакихъ заключеній къ праву повелѣвать.

«Но всё эти опредѣленія правъ и обязанностей, такъ продолжаетъ авторъ послѣ сдѣланной выше выписки, точно такого же рода, какъ и тѣ, какія мы видѣли въ завѣщаніи Ярослава.. ..всѣ права и обязанности условливались родственнымъ чувствомъ, родственной любовью съ обѣихъ сторонъ...»

Въ Ярославовомъ завѣщаніи не говорится ни слова о *правахъ* старшаго князя надъ младшими. Тамъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на право Изяслава *судить* своихъ младшихъ братьевъ, *наказывать ихъ, распределять между ними русскія волости по усмотрѣнію, приказывать выступать* въ походъ и пр., а потому его нельзя приводить въ поясненіе высказаннаго авторомъ взгляда. Въ завѣщаніи говорится, правда, о послушаніи младшихъ братьевъ старшему, но тамъ же говорится и о послушаніи ихъ другъ другу и, слѣдовательно, о послушаніи старшаго младшимъ. Вѣдь послѣ изложенія содержанія Ярославова завѣщанія Соловьевъ самъ же восклицаетъ: «ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ, относительно старшаго, какъ государя всей страны...» Дѣйствительно, ни слова, и понятно почему: государя всей страны еще не было.

Неправильное представленіе о старшемъ князѣ богато послѣдствіями: оно повело къ неправильному представленію о порядкѣ перехода столовъ, о князьяхъ-изгояхъ и проч.

Такъ какъ старшій князь является главою всего рода Рюриковичей, и онъ одинъ на всю Россію, то, понятно, преемство столовъ есть вопросъ не отдѣльныхъ волостей, а цѣлой Россіи, а потому долженъ существовать одинъ общій порядокъ, благо-

даря которому князья достигали старшинства. Родовая теорія думаетъ, что она открыла этотъ порядокъ. Передадимъ, въ чемъ состоитъ онъ, собственными словами автора «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»: «...когда семья княжеская, семья Рюриковичей стала многочисленна, то между членами ея начинаютъ господствовать родовыя отношенія, тѣмъ болѣе, что родъ Рюрика, какъ родъ владѣтельный, не подчинялся вліянію никакого другого начала. Князья считаютъ всю русскую землю въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего, при чемъ старшій въ родѣ, великій князь, сидитъ на старшемъ столѣ; другіе родичи, смотря по степени своего старшинства, занимаютъ другіе столы, другія волости, болѣе или менѣе значительныя; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тѣмъ, что когда умретъ старшій, или великій князь, то достоинство его вмѣстѣ съ главнымъ столомъ переходитъ не къ старшему сыну его, но къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ; этотъ старшій перемѣщается на главный столъ, при чемъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства. Такія отношенія въ родѣ правителей, такой порядокъ преемства, такіе переходы князей могущественно дѣйствуютъ на весь общественный бытъ древней Руси, на опредѣленіе отношеній правительственнаго начала къ дружинѣ и къ остальному народонаселенію, однимъ словомъ — находятся на первомъ планѣ, характеризуютъ время». Эта картина, взятая изъ предисловія къ первому тому пополняется во второмъ томѣ еще слѣдующими штрихами:

«Но мы видимъ иногда, что нѣкоторые князья и цѣлыя племена (линіи) княжескія исключаются изъ родового старшинства, и это исключеніе признается правильнымъ. Какимъ же образомъ могло произойти подобное явленіе? Для рѣшенія этого вопроса должно посмотрѣть, какимъ образомъ князь достигалъ старшинства, приближался къ нему. Первоначально родъ состоялъ изъ отца, сыновей, внуковъ и т. д.; когда отецъ умиралъ, его мѣсто для рода заступалъ старшій братъ; онъ становился отцомъ для младшихъ братьевъ, слѣдовательно, его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьямъ своимъ, переходили во второй, высшій рядъ, изъ внуковъ въ сыновья, потому что надъ ними не было болѣе дѣда, — старшина рода былъ для нихъ прямо отецъ, и точно, дядья называютъ ихъ братьями; но другіе ихъ двоюродные братья оставались попрежнему внуками, малолѣтними, потому что надъ ними попрежнему стояли двѣ степени; старшій дядя считался отцомъ ихъ отцамъ, слѣдовательно, для нихъ самихъ имѣлъ значеніе дѣда; умиралъ этотъ старшій, второй братъ заступалъ его мѣсто, становился отцомъ для остальныхъ младшихъ братьевъ, и его собственные дѣти переходили изъ внуковъ въ сыновья, изъ малолѣтнихъ въ совершеннолѣтніе и, такимъ образомъ, мало-по-малу, всѣ молодые князья, чрезъ старшинство своихъ отцовъ, достигали совершеннолѣтія и приближались сами къ старшинству. Но случись при этомъ, что князь умиралъ, не будучи старшиною рода, отцомъ своихъ братьевъ, то дѣти его оставались навсегда на степени внуковъ, несовершеннолѣтнихъ: для нихъ прекращался путь къ дальнѣйшему движенію; отсюда понятно теперь,

почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода: такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству. Они говорили: «Какъ прады наши лѣствицею восходили на великое княженіе кievское, такъ и намъ должно достигать его лѣстичнымъ восхожденіемъ». Но когда въ этой лѣстницѣ вынималась одна ступень, то дальнѣйшее восхожденіе становилось невозможнымъ; такіе исключенные изъ старшинства князья считались въ числѣ изгоевъ».

Это — цѣлая теорія преемства княжескихъ столовъ, чрезвычайно послѣдовательно проведенная. Кіевъ — единый центръ русской земли. Тамъ княжить всегда старшій въ родѣ. Если онъ умираетъ, мѣсто его занимаетъ слѣдующій за нимъ братъ, а при отсутствіи брата, — старшій сынъ умершаго. Передъ тѣмъ этотъ второй старшій въ родѣ занималъ второй по старшинству столъ въ русской землѣ. Съ переходомъ его на первый, на второй столъ перемѣщается третій по старшинству родственникъ, уступая свое мѣсто четвертому и т. д.; такимъ образомъ, всѣ князья дѣлаютъ шагъ впередъ по направленію къ старшинству. Старшій сынъ, занявшій мѣсто отца, становится отцомъ для младшихъ братьевъ и т. д. Считать кого-либо себѣ «въ отца мѣсто» — это не почетное только наименованіе, а дѣйствительное отношеніе, имѣющее силу перемѣстить родственниковъ одной степени, низшей, на высшую, изъ внуковъ, напримѣръ, возвести ихъ въ сыновья, т. е. изъ третьей во вторую степень.

«Начало перемѣны въ означенномъ порядкѣ вещей, говоритъ Соловьевъ въ предисловіи къ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», мы замѣ-

чаемъ во второй половинѣ XII вѣка, когда сѣверная Русь выступаетъ на сцену; замѣчаемъ здѣсь на сѣверѣ, новыя начала, новыя отношенія, имѣющія произвести новый порядокъ вещей, — замѣчаемъ перемѣну въ отношеніяхъ старшаго князя къ младшимъ, ослабленіе родовой связи между княжескими линиями, изъ которыхъ каждая стремится увеличить свои силы на счетъ другихъ линій и подчинить себѣ послѣднія уже въ государственномъ смыслѣ».

Итакъ, ослабленіе родовой связи замѣчается только со второй половины XII вѣка; съ этого времени начинаютъ проявляться эгоистическія стремленія князей къ увеличенію своихъ силъ (т. е. владѣній) на счетъ другихъ, и, слѣдовательно, возникаетъ пертурбація въ порядкѣ преемства, а до тѣхъ поръ все идетъ согласно родовой теоріи.

Любопытно взглянуть на факты: укладываются ли они въ рамки этой стройной теоріи? Если только съ половины XII вѣка начинается ослабленіе родового быта, то, конечно, чѣмъ далѣе въ глубь вѣковъ отъ XII вѣка, тѣмъ безпрепятственнѣе долженъ былъ проявляться въ жизни порядокъ преемства по началу дѣствичнаго восхожденія къ старшинству, тѣмъ большимъ признаніемъ долженъ былъ онъ пользоваться какъ со стороны старшихъ, такъ и со стороны младшихъ князей. Такъ ли это было въ дѣйствительности?

Начнемъ нашу провѣрку съ самаго древняго времени.

По смерти Святослава старшій его сынъ получаетъ Кіевъ; младшіе — одинъ Древлянскую волость, другой — Новгородъ. По теоріи, Ярополкъ дѣлается отцомъ своихъ братьевъ, — младшіе его братья, Олегъ

и Владимиръ, — его сыновьями. Но дѣйствительныя отношенія этихъ князей совершенно не соответствуютъ такому предположенію. Ярополкъ начинаетъ войну съ Олегомъ и присоединяетъ волость брата къ своимъ владѣніямъ. За этимъ Владимиръ начинаетъ войну съ Ярополкомъ, измѣннически призываетъ его убить при входѣ въ свой дворецъ и завладѣваетъ всѣми его владѣніями. Это ли господство родового быта въ средѣ князей, это ли общее нераздѣльное владѣніе русской землей цѣлымъ родомъ Рюриковичей? По смерти Владимира, старшій его сынъ, Святополкъ, дѣлается кievскимъ княземъ и также вступаетъ въ братоубійственную борьбу съ братьями изъ-за владѣній. Гдѣ же тутъ отецъ и дѣти? Побѣдителемъ выходитъ Ярославъ. Онъ переживаетъ всѣхъ своихъ братьевъ, за исключеніемъ Судислава. Но и онъ не можетъ терпѣть подлѣ себя брата, а по родовой теоріи — сына. Онъ заключаетъ его въ тюрьму и раздаетъ всѣ свои обширныя владѣнія сыновьямъ, ничего не оставляя брату, тогда какъ, по теоріи, брату слѣдовало дать первое мѣсто. Отчего же устраненъ Судиславъ отъ общаго, нераздѣльнаго владѣнія русской землей? Можетъ-быть, онъ изгой въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово родовая теорія? Нѣтъ, его отецъ сидѣлъ въ Кіевѣ, и съ точки зрѣнія теоріи онъ имѣлъ несомнѣнное право на старшійшинство послѣ Ярослава. Онъ устраненъ былъ потому, что наши древніе князья и не подозрѣвали о существованіи теоріи родового распредѣленія столовъ.

Свое мнѣніе о князьяхъ-изгояхъ, какъ исключенныхъ изъ старшинства, потому что отцы ихъ умерли, не будучи старшиною рода, теорія подкрѣпляетъ

ссылкой на мѣсто изъ устава, приписываемаго новгородскому князю Всеволоду, и толкуеть совершенно произвольно. Уставъ причисляеть къ изгоямъ всѣхъ князей-сиротъ, и очень понятно почему *). Князья-сироты въ эпоху господства въ междукняжескихъ отношеніяхъ политики эгоизма находились въ жалкомъ положеніи, а потому и могли быть приравнены къ изгоямъ. Родовая же теорія разумѣеть подъ князьями-изгоями только такихъ князей, отцы которыхъ умерли, не княживъ въ Кіевѣ. Къ такому ограничительному толкованію нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Изъ неправильнаго положенія — и слѣдствія выводятся неправильныя: «отсюда понятно, говорить теорія, почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода: такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству». Но Всеволодъ Ольговичъ достигъ же старшинства, хотя отецъ его и никогда не сидѣлъ въ Кіевѣ? Съ согласія князей Владимировичей Всеволодъ княжилъ въ Кіевѣ до своей смерти и даже передалъ свое кіевское княженіе брату, Игорю, отецъ котораго тоже никогда не сидѣлъ въ Кіевѣ. На эту передачу согласились и князья, и граждане Кіева. И это не единственный случай. Въ Кіевѣ сидѣлъ и Изяславъ Давыдовичъ, отецъ котораго никогда не былъ старѣйшиной въ смыслѣ родовой теоріи. Права его были признаны не только черниговскими князьями, но и Мономаховичами,

*) Относящійся сюда текстъ изъ устава новгородскаго князя Всеволода (отъ 1125—1136 г.) см. выше въ примѣчаніи на стр. 129. Для выясненія термина *изгой* необходимо имѣть въ виду стр. 263—267 перваго тома *Русскихъ Юридическихъ Древностей*. В. Сергѣевича (по изд. Спб. 1890).

кіевскими отчичами и дѣдичами. Стало-быть, и этого правила родовой теоріи никто не зналъ въ древности.

Чѣмъ же доказываетъ родовая теорія лѣствичное восхожденіе къ старшинству? Доказательства ея очень немногочисленны и не сильны. Первое доказательство такое: «когда умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, то эта волость не перешла въ наслѣдство къ его сыновьямъ, но отдана была братьями пятому Ярославику, Игорю, княжившему прежде на Волыни: ясный знакъ отсутствія наслѣдственности волостей и движенія князей изъ одной волости въ другую по старшинству, лѣствичнымъ восхожденіемъ». Фактъ перевода Игоря изъ Владимира въ Смоленскъ несомнѣненъ; но почему это сдѣлали старшіе братья, — лѣтописецъ не объясняетъ. Родовая теорія пользуется этимъ фактомъ въ свою пользу. Это было бы еще до нѣкоторой степени возможно въ томъ случаѣ, если бы мы точно знали, кто четвертый, кто пятый сынъ Ярослава, а мы этого не знаемъ. Начальный лѣтописный сводъ записалъ только годъ рожденія Вячеслава; онъ относитъ его къ 1036-му г. Годъ рожденія Игоря сообщаетъ Татищевъ: онъ относитъ его къ 1036-му, а рожденіе Вячеслава къ 1034-му. Это свидѣтельство трудно принять за несомнѣнное, такъ какъ оно противорѣчитъ начальному лѣтописному своду. Другое основаніе для опредѣленія старшинства двухъ младшихъ Ярославичей, это — порядокъ, въ какомъ они перечислены въ завѣщаніи Ярослава. Но въ большинствѣ списковъ имя Игоря опущено; только въ Троицкомъ онъ упомянутъ, но не на пятомъ мѣстѣ, какъ бы нужно было для родовой теоріи, а

на четвертомъ; по этому свидѣтельству онъ старше Вячеслава. Если принять свидѣтельство Троицкой лѣтописи, то будетъ доказано совершенно противное тому, чего желаетъ родовая теорія: старшій братъ окажется переведеннымъ на мѣсто младшаго, и получится движеніе не къ старшинству, а въ обратную сторону. Можно ли что-нибудь основывать на такихъ шаткихъ данныхъ? Но мы поставимъ такой вопросъ: можно ли видѣть въ сыновьяхъ Ярослава вѣрныхъ проводниковъ патріархальныхъ началъ жизни и всякое дѣйствіе ихъ объяснять стремленіемъ къ выполненію правилъ родовой теоріи? Это очень сомнительно. Святославъ и Всеволодъ не затруднились же прогнать изъ Кіева своего старшаго брата и овладѣть его княженіемъ. А этотъ старшій братъ, въ союзѣ со Всеволодомъ, не затруднился обобратить своихъ племянниковъ, сыновей Святослава и Вячеслава. Въ виду этихъ хищническихъ свойствъ сыновей Ярослава, мы склонны думать, что они перевели младшаго брата въ Смоленскъ вовсе не для того, чтобы открыть ему радужныя перспективы кіевскаго княженія, а чтобы подѣлиться его властью, а его самого удовлетворить наслѣдіемъ малолѣтнаго Бориса Вячеславича, который явился въ этомъ случаѣ изгоемъ въ настоящемъ смыслѣ слова, ибо по малолѣтству совершенно былъ обобранъ своими дядями.

«Потомъ, продолжаетъ теорія родового быта свои доказательства, когда Святославъ Ярославичъ, по изгнаніи брата, получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ кіевскимъ, то слѣдующій по немъ братъ, Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Чер-

ниговъ». Въ доказательство господства преемства по родовому старшинству берется фактъ вопіющаго нарушенія этого старшинства. Два младшихъ брата прогоняють изъ Кіева старшаго, т. е. своего отца, и производять новое между собой распредѣленіе и добычи и прежнихъ своихъ владѣній, и это хищничество должно служить намъ примѣромъ патриархальныхъ порядковъ родового быта!

Этимъ ограничиваются доказательства, и Соловьевъ переходитъ къ объясненію условій, при которыхъ возникаютъ наслѣдственные владѣнія въ княжескихъ линіяхъ.

Самое выраженіе «лѣствичное восхожденіе» не выдуманно авторомъ теоріи родового быта, — оно взято имъ изъ Никоновской лѣтописи и принадлежитъ XVI вѣку. Неизвѣстный намъ составитель Никоновской лѣтописи не ограничивается простой передачей того лѣтописнаго матеріала, который онъ нашель въ старыхъ спискахъ лѣтописей. Онъ заинтересованъ смысломъ описываемыхъ событій и иногда не можетъ отказать себѣ въ попыткѣ объяснить эти событія. Но онъ дѣлаеть это не со стороны, не отъ своего имени, — онъ влагаетъ свои объясненія въ уста дѣйствующихъ лицъ. Вотъ именно въ такомъ-то сочиненномъ самимъ составителемъ мѣстѣ и идетъ рѣчь о лѣствичномъ восхожденіи. Составителя Никоновской лѣтописи заинтересоваль и насъ занимающій вопросъ о томъ, на какомъ основаніи происходило въ древности преемство столовъ. Онъ началъ вдумываться въ него и рѣшилъ, что они достигаютъ Кіева лѣствичнымъ восхожденіемъ. Но онъ не написалъ объ этомъ особаго изслѣдованія, какъ сдѣлали бы люди нашего времени. Онъ воспользо-

вался приводимымъ въ старой лѣтописи споромъ князей изъ-за обладанія Кіевомъ и заставилъ черниговскаго князя въ своемъ отвѣтѣ кіевскому высказать свою собственную мысль о древнемъ порядкѣ преемства. Составитель лѣтописи, конечно, былъ совершенно убѣжденъ въ правдивости своего объясненія, а потому и не затруднился замѣнить старый текстъ, по всей вѣроятности, мало ему понятный, своимъ сочиненіемъ. Если Соловьевъ отдаетъ въ этомъ случаѣ предпочтеніе тексту Никоновскаго списка передъ списками болѣе древними,—это прискорбное недоразумѣніе и только.

Корень ошибочнаго толкованія источниковъ родовой теоріей заключается въ томъ, что она отправлялась отъ предположенія наличности строго выработаннаго и притомъ чрезвычайно сложнаго порядка *) преемства для такого времени, когда люди дѣйствовали не столько по правиламъ, сколько въ мѣру своей силы. Родовая теорія заплатила этимъ дань своему времени. Мы понимаемъ пользу правового порядка. Мы говоримъ: всякій законъ лучше произвола. Мы думаемъ, что безъ закона жить нельзя. Родовая теорія перенесла эти воззрѣнія въ отдаленную древность. Она была не въ состояніи представить себѣ жизни безъ точныхъ правилъ, а наша древность не была еще въ силахъ выработать эти правила **).

*) Срв. выше на стр. 196 и 204.

**) При чтеніи приведеннаго отрывка изъ книги В. Сергѣевича читатели припомнятъ выдержку изъ Соловьева на стр. 119.—133 нашего сборника.—Для болѣе подробнаго изученія вопроса необходимо проглядѣть въ диссертациі В. Сергѣевича *Въче и князь* стр. 44—50 — замѣтка о значеніи слова *родъ* и стр. 265—272— замѣтка по поводу мнѣнія о родовомъ бытѣ князей. *Ред.*

II.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ *) ВОЛОСТЕЙ МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ.

Нашей древности былъ совершенно не извѣстенъ какой-либо опредѣленный порядокъ преемства столовъ. Столы распредѣлялись подѣ влияніемъ весьма разнообразныхъ началъ: народнаго избранія, распоряженія правящаго князя, начала отчины и даже старѣйшинства, но ни одно изъ этихъ началъ не было настолько сильно, чтобы могло осуществиться само собой и наперекоръ другимъ. Для проведенія одного изъ этихъ началъ въ дѣйствіе необходимо было, чтобы другіе содѣйствовали ему или, по крайней мѣрѣ, не мѣшали. Въ противномъ случаѣ между разнородными началами возникала борьба, и торжествующимъ выходило то, представители котораго въ данномъ случаѣ были фактически сильнѣе.

Реальная сила этихъ началъ была далеко неодинакова. Народное избраніе и распоряженіе правящаго князя всегда имѣли за собой нѣкоторую дѣйствительную силу. Но и они могли встрѣтиться съ болѣе мощною силою и быть вынужденными уступить ей. Въ 1146 году Изяславъ Мстиславичъ занялъ Кіевъ по народному избранію; но въ 1149 году, когда обстоятельства измѣнились и Юрій началъ одолѣвать Изяслава, тѣ же кіявляне стали просить своего избранника уступить Кіевъ Юрію. Дѣды этого Изяслава, Владимиръ Мономахъ, еще

*) Изъ второго тома «Древностей», стр. 291—301.

при жизни своей сдѣлалъ распоряженіе о преемствѣ своихъ владѣній: старшему сыну его, Мстиславу, въ Кіевѣ долженъ былъ наслѣдовать второй сынъ, Ярополкъ; а сыновья Мстислава должны были получить Переяславль. Владимиръ былъ силенъ и могъ приказывать своимъ дѣтямъ. Но исполнять волю его пришлось послѣ его смерти. Младшій его сынъ, Юрій, не подчинился волѣ умершаго отца и прогналъ племянниковъ изъ Переяславля. Ярополкъ хотѣлъ настоять на исполненіи воли завѣщателя, но это ему тоже не удалось и онъ уступилъ Переяславль Юрію.

Вслѣдствіе этого народу и правящимъ князьямъ мало было выразить свою волю, — имъ надо было скрѣпить ее предварительнымъ согласіемъ наибольшаго числа другихъ факторовъ нашей древней политической жизни. Такъ Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, желая, по смерти своей, передать кіевскій столъ брату своему Игорю, заручается предварительнымъ согласіемъ кіевлянъ и князей, въ числѣ которыхъ были лица, имѣвшія даже болѣе правъ на Кіевъ, чѣмъ Игорь.

Начало отчины и старѣйшинства имѣетъ за собой еще менѣе реальной силы, чѣмъ воля народа и воля правящаго князя. Можно представить себѣ отчина въ пеленкахъ. Какіе же у него шансы осуществить свои отчинныя права? Сами по себѣ права эти не дѣйствуютъ, а суда, передъ которымъ можно было бы искать признанія ихъ, не было. Положеніе такихъ князей-сиротъ было въ древности такъ мало обезпечено, что ихъ приравнивали къ изгоямъ. У старѣйшины также нельзя предполагать непремѣнно наличность необходимой реальной силы для осу-

щественія какихъ-либо наслѣдственныхъ притязаній. У Вячеслава была дружина, но совершенно отсутствовала энергія. Это всѣ знали, и когда Юрію пришла въ голову мысль уступить ему Кіевъ, княжіе мужи возстали, указывая на то, что послѣдствіемъ этого будетъ утрата Кіева и ничего больше. Отчичи и старѣйшины для осуществленія своихъ желаній нуждались еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ народъ и правящіе князья, въ наличности такихъ благопріятныхъ условій, какихъ дѣйствительность могла и не представить.

Такимъ образомъ, тѣ четыре начала, подъ вліяніемъ которыхъ происходило распредѣленіе столовъ, въ дѣйствительности нерѣдко нарушались, и князья занимали столы не въ силу этихъ началъ, а наперекоръ имъ. Такъ Святославъ Ярославичъ, прогнавъ изъ Кіева брата Изяслава, нарушилъ этимъ не только распоряженіе отца, но и начало старѣйшинства; Владимиръ Мономахъ, занявъ Кіевъ по народному избранію, нарушилъ распоряженіе дѣда и постановленіе Любецкаго съѣзда, признавшаго начало отчины; тѣ же начала нарушилъ и Всеволодъ Ольговичъ, изгнавшій изъ Чернигова дядю Ярослава, и пр., и пр., и пр.

Какъ же разсматривались у насъ въ древности такіе случаи?

Случаи эти неодинаковы. Лучшіе изъ нихъ тѣ, когда князь, занимая извѣстный столъ, имѣлъ за себя хотя бы одно изъ четырехъ началъ, опредѣлявшихъ распредѣленіе столовъ; худшіе — когда онъ ничего не могъ привести въ свою пользу, кромѣ насилія и хищенія.

Наша древность легко примирялась даже съ худ-

шими. Вопіющій примѣръ представляетъ Всеволодь Ольговичъ, изгнавшій дядю Ярослава Святославича изъ Чернигова въ Рязань. Ярославъ былъ отчичемъ Чернигова и находился въ спокойномъ обладаніи этимъ городомъ, который онъ наслѣдовалъ по смерти старшаго брата Давыда. Всеволодь, съ точки зрѣнія того времени, не имѣлъ никакихъ законныхъ притязаній на Черниговъ, которыя давали бы ему право искать этотъ городъ подъ дядею. Тѣмъ не менѣе онъ былъ всѣми признанъ черниговскимъ княземъ. Еще менѣе правъ имѣлъ онъ на Кіевъ, но также былъ всѣми признанъ кіевскимъ княземъ, княжилъ тамъ до смерти и получилъ согласіе даже отчичей Кіева на передачу этого княженія своему брату, Игорю. А многимъ ли лучше этого Всеволода былъ Святославъ Ярославичъ, прогнавшій своего старшаго брата изъ Кіева? Если ему дѣйствительно угрожала опасность со стороны Изяслава, тогда онъ находился въ состояніи обороны и, конечно, могъ сдѣлать то, что сдѣлалъ. Но былъ и онъ въ состояніи обороны? Это ничѣмъ не доказано и представляется весьма сомнительнымъ.

Наши старыя лѣтописцы хотя очень робко, но осуждаютъ такіе хищническіе захваты волостей. Осужденіе это проявляется въ томъ, что они иначе и объяснить ихъ не могутъ, какъ дьявольскимъ внушеніемъ. Описанію распри Ярославичей начальный лѣтописецъ предпосылаетъ такое замѣчаніе: «въздвиге дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ». Такъ же точно измѣну союзниковъ Мстислава Изяславича лѣтописецъ объясняетъ тѣмъ, что «искони вселукавый дьяволъ, не хотяй добра всякому христіанину и любви межи братьею» и т. д.

Но политика того времени легко мирилась со всеми этими насиліями и хищеніями. Мирилось съ ними даже и духовенство, которое брало на себя грѣхъ клятвopеступленія. Оно руководствовалось при этомъ самыми лучшими побужденіями, но не могло устранить роковыхъ послѣдствій примиренія съ неправдой. А послѣдствія эти состояли въ томъ, что всякій неправильный захватъ послѣдовавшимъ за тѣмъ примиреніемъ съ заинтересованными въ немъ лицами обращался въ правильно пріобрѣтенное владѣніе; возможность же такого способа расширения своихъ владѣній разжигала хищническіе инстинкты князей и подталкивала ихъ къ насиліямъ. Распредѣленіе князей по столамъ переходило, такимъ образомъ, въ борьбу князей изъ-за волостей *). Эту борьбу должны были вести даже и тѣ князья, которые имѣли на своей сторонѣ одно или даже нѣсколько изъ указанныхъ выше законныхъ притязаній на столъ. Изяславъ Мстиславичъ былъ отчичемъ Кіева и Переяславля и народнымъ избранникомъ, но и ему пришлось воевать изъ-за обладанія этими городами и съ черниговскими князьями, и съ Юріемъ Владимировичемъ. Изяславъ самъ понималъ, что онъ сдѣлался обладателемъ этихъ городовъ не столько въ силу права, сколько въ силу умѣнья, а потому онъ и говоритъ о себѣ: «до-

*) Авторъ Исторіи отношеній между князьями Рюрикова дома (Соловьевъ) отлично знаетъ лѣтописи, тѣмъ не менѣе онъ утверждаетъ, что захватъ волости, благодаря силѣ и удачѣ, есть новое московское явленіе. Этому трудно повѣрить, но такъ у него написано. Разсуждая (на 439 стр.) о захватѣ сыновьями Юрія Москвы, онъ говоритъ: «ихъ право не было старинное право старшинства, но право новое, право силы и удачи».

былъ еси головою своею Кіева и Переяславля». Но добыть Кіевъ можно было и безъ всякихъ законныхъ основаній, однимъ умѣньемъ. Такъ добылъ его Всеволодь Ольговичъ черниговскій. Эта свободная дѣятельность «добыванія» столовъ проходитъ чрезъ всю нашу исторію и выражается въ различныхъ терминахъ. Кромѣ слова «добывать», было еще въ употребленіи выраженіе «искать». Всеволодь Ольговичъ черниговскій, овладѣвъ Кіевомъ, долженъ былъ подѣлиться съ своими родными братьями, но не умѣлъ притти съ ними въ этомъ отношеніи къ соглашенію. Они хотѣли получить прирѣзку къ своимъ владѣніямъ въ Черниговской волости, а онъ предлагалъ имъ кіевскіе города. Они отвѣчали ему такъ: «Ты намъ братъ старшій, аже ны не даси, а намъ самимъ о собѣ поискати».

И затѣмъ между братьями началась война — этотъ обыкновенный способъ исканія волостей.

Въ этомъ же смыслѣ употреблялось и слово «налѣзать». Владимиръ Мономахъ съ такою рѣчью обращается къ Олегу Святославичу: «Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не занималъ...»

И вотъ въ такомъ-то хаотическомъ состояніи и находился вопросъ о распредѣленіи столовъ между князьями во все до-московское время и перешель въ московское. Наше древнее право въ Москвѣ переродилось, но разсматриваемый вопросъ подвергся въ ней сравнительно небольшимъ измѣненіямъ. Самое крупное изъ нихъ состоитъ въ томъ, что съ исчезновеніемъ вѣча избраніе народное отпало. Но затѣмъ московское правительство не регулировало преемства никакимъ общимъ закономъ и осталось

при старыхъ средствахъ, распоряженіяхъ на отдѣльный случай. При возросшей власти московскихъ государей распоряженія эти имѣли, конечно, большую силу, чѣмъ распоряженія кіевскихъ князей; но и московскіе государи еще при жизни своей договаривались съ сосѣдями о будущемъ своемъ преемникѣ. Условіе такого рода находимъ въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ серпуховскимъ княземъ, Владимиромъ Андреевичемъ: «Тебѣ, брату моему младшему и моему сыну, князю Володимеру Ондрѣевичу, держати ти подо мною и подъ моимъ сыномъ, подъ княземъ подъ Василиемъ, и подъ моими дѣтьми княженіе мое великое честно и грозно».

Такое договорное признаніе наслѣдника встрѣчаемъ даже въ правленіе великаго князя московскаго Ивана Васильевича, въ самомъ концѣ XV вѣка.

Благодаря цѣлому ряду счастливыхъ случайностей, начало отчины въ прямой нисходящей линіи получаетъ въ Москвѣ почти безпрепятственное примѣненіе. Но причина этого заключалась не въ выработкѣ новыхъ началъ преемства, неизвѣстныхъ до-московской Россіи, а единственно въ отсутствіи конкурентовъ-отчичей. Какъ только появились такіе конкуренты, московскіе князья оказались совершенно въ томъ же положеніи, въ какомъ нерѣдко бывали и ихъ отдаленные предшественники, князья кіевскіе. Великаго князя московскаго, Василія Дмитріевича, пережили сынъ и родные братья, отчичи великаго княженія. По примѣру предковъ своихъ, онъ хотѣлъ оставить свой столъ сыну. Но какъ обезпечить за нимъ великое княженіе отъ притязаній

братьевъ? Въ его рукахъ были только тѣ же средства, какими пользовались князья кievскіе. Для этого надо было или устранить конкурентовъ или войти съ ними въ соглашеніе.

Василій Димитріевичъ избралъ послѣдній путь, но не могъ склонить на свою сторону всѣхъ братьевъ. Съ нимъ согласились только Андрей и Петръ, которые и заключили договоръ на условіи не искать подъ Васи́лемъ и его дѣтьми того, чѣмъ благословилъ ихъ отецъ. Юрій и Константинъ не присоединились къ такому соглашенію. Въ первой духовной грамотѣ Васи́лія Димитріевича, въ которой онъ передаетъ свою отчину сыну, находимъ такое мѣсто: «А о своемъ сынѣ и о своей княгинѣ покладаю на Бозѣ и на своемъ дядѣ, на князи на Володимерѣ Ондрѣевичѣ, и на своей братьи, на князи на Ондрѣѣ Дмитреевичѣ и на князи на Петрѣ Дмитреевичѣ, по докончанью, какъ ся имуть печаловатися».

Какъ Мстиславъ кievскій около 300 лѣтъ тому назадъ передаетъ заботу о своихъ дѣтяхъ брату Ярополку, такъ и московскій князь поручаетъ сына печалованію братьевъ и дяди. Причина — та же, соглашеніе, къ которому присоединился на этотъ разъ и дядя, Владимиръ Андреевичъ. Во второмъ завѣщаніи, написанномъ, послѣ смерти старшаго сына Ивана, въ пользу слѣдующаго за нимъ Васи́лія, печалованіе возложено и на младшаго брата Константина; старшаго же, Юрія, и здѣсь нѣтъ. Ясно, онъ продолжалъ упорствовать, не желая признать правъ племянника на великое княженіе и считая себя отчичемъ. Онъ занялъ совершенно то же положеніе, какъ и отдаленный его родичъ и соименникъ, Юрій Владимировичъ, не хотѣвшій признать

правъ сыновей Мстислава сперва на Переяславль, а потомъ и на великое княженіе кievское. Послѣ смерти Василя Димитріевича, Юрій Димитріевичъ обнаружилъ свои замыслы, начавъ войну съ племянникомъ изъ-за обладанія великимъ княженіемъ московскимъ. На сторонѣ Василя Васильевича стояли союзники, доставленные ему еще покойнымъ отцомъ, родные дяди, Андрей, Петръ и Константинъ, и дѣдъ по матери, литовскій князь Витовтъ. Силы Юрія были слабѣе силъ его противниковъ; въ 1428 году онъ былъ вынужденъ заключить съ Василиемъ миръ, по которому, наконецъ, обязался не искать подъ нимъ наслѣдія его отца. Но Юрій недолго оставался вѣренъ этому вынужденному соглашенію. Въ концѣ 1430 года онъ возобновилъ споръ о великомъ княженіи, возвратилъ Василю крестную грамоту и поѣхалъ въ Орду, думая привлечь на свою сторону татаръ.

Русскій лѣтописецъ называетъ ордынскаго хана царемъ. Русскіе князья изъ рукъ этого царя получали свои владѣнія и били ему челомъ обо всякихъ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли управиться. Такъ поступилъ теперь и князь Юрій: онъ билъ челомъ царю о великомъ княженіи. Царь нарядилъ судъ изъ своихъ князей и повелѣлъ имъ судить князей русскихъ. Истецъ, князь Юрій, и отвѣтчикъ, великій князь Василій, находились налицо и защищали свои интересы предъ татарскимъ трибуналомъ. «И многа прѣ бысть межъ ими», говоритъ лѣтописецъ. Къ сожалѣнію, онъ передаетъ пренія сторонъ въ слишкомъ краткомъ изложеніи: «князь велики, читаемъ у него, по отчеству и дѣдству искаше стола своего; князь же Юри лѣтописци и

старыми списки и духовною отца своего, великого князя Дмитрея».

Великій князь ссылается въ свою пользу на то же основаніе, на какое ссылались и князя XII вѣка. Юрій, съ своей стороны, тоже ничего не приводитъ новаго: онъ ссылается на старые прецеденты, записанные въ лѣтописцы и старые списки. Мы уже знаемъ, что тамъ были записаны и случаи перехода отчинъ отъ брата къ брату, съ устраненіемъ племянниковъ. Эти случаи, конечно, и приводилъ въ свою пользу Юрій. Итакъ, въ XV вѣкѣ вопросъ о наслѣдованіи въ княжескихъ отчинахъ такъ же былъ споренъ, какъ и въ XII-мъ и разъяснялся прецедентами стараго времени.

Кромѣ ссылки на старину, Юрій приводитъ въ свою пользу и завѣщаніе отца. Распредѣливъ владѣнія свои между дѣтьми, Димитрій Ивановичъ въ своей духовной грамотѣ написалъ: «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ (т. е. удѣломъ второго сына) подѣлитъ ихъ моя княгиня».

Эта статья дѣйствительно говоритъ въ пользу Юрія. Великій князь Василій Димитріевичъ умеръ, за нимъ слѣдовалъ Юрій, онъ и долженъ получить великое княженіе. Такъ написано.

Но въ самомъ ли дѣлѣ Димитрій Ивановичъ хотѣлъ такъ написать? Это очень трудно допустить, ибо результатъ получается совершенно несогласный съ обычаями старины и самъ по себѣ нелѣпный. Юрій переходитъ на великое княженіе, а его удѣлъ дѣлится между братьями, — что же получаютъ сыновья Василя? Ровно ничего, точно такъ же, какъ

и сыновья Юрія, если бы и онъ умеръ на великомъ княженіи, ибо, по аналогіи, слѣдующій за нимъ братъ получилъ бы великое княженіе, а удѣлъ этого слѣдующаго раздѣлился бы между другими братьями и т. д. Въ концѣ концовъ великое княженіе и всѣ остальные владѣнія Димитрія Ивановича, или почти всѣ, сосредоточились бы въ рукахъ того изъ младшихъ его сыновей, который пережилъ бы своихъ старшихъ братьевъ, и его потомства съ полнымъ устраненіемъ потомства старшихъ сыновей, умершихъ ранѣе этого младшаго. Такого порядка вещей не могъ желать Димитрій Ивановичъ. Почему его внуки отъ старшихъ сыновей должны были лишиться всякаго участія въ наслѣдствѣ? Очевидно, въ завѣщаніи описка. Димитрій Ивановичъ, оставляя послѣ себя очень еще молодыхъ сыновей, думалъ о бездѣтной ихъ смерти. Его мысль слѣдовало выразить такъ: «А по грѣху отыметъ Богъ сына моего Василья, а не будетъ у него дѣтей, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой» и т. д.

Надо полагать, однако, что аргументъ Юрія, основанный на буквѣ завѣщанія, показался совѣтникамъ Василія весьма опаснымъ, потому что они перемѣнили тактику и отъ прецедентовъ обратились къ лести ордынскому царю. «И тогда, — продолжаетъ лѣтописецъ, — рече бояринъ вел. князя Василія Дмитреевича царю и княземъ его, сиче глагола: «государь, волный царь, ослободи молвити слово мнѣ, холопу великого князя! Нашъ государь, вел. князь Василій, ищетъ стола своего вел. княженія, а твоего улусу, по твоему цареву жалованью и по твоимъ девтеремъ и арлыкомъ, а се твое жалованье передъ тобою. А господинъ нашъ, князь Юрій Дми-

треевичъ, хочеть взяти великое княженіе по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованью, волного царя. А ты воленъ въ своемъ улусѣ, кого всхощешъ жаловати на твоей воли! А государь нашъ, князь великій Василей Дмитреевичъ, великое княженіе далъ своему сыну, великому князю Василию, по твоему жалованію волнаго царя, а уже, господине, которой годъ сѣдитъ на столѣ своемъ, а на твоемъ жалованіи, тебѣ, своему государю, волному царю, правяся, а самому тебѣ вѣдомо».

Василій Дмитріевичъ выигралъ дѣло и получилъ великое княженіе; но какою цѣной? Цѣной лести и отказа отъ всей старины.

Въ только-что приведенной рѣчи бояринъ его, извѣстный И. Д. Всеволожскій, вовсе не настаиваетъ на наслѣдственныхъ правахъ своего государя и рѣшеніе спора ставитъ въ зависимость исключительно отъ воли царя; даже завѣщаніе дѣда своего государя называетъ онъ мертвой грамотой! Этого не слѣдуетъ, конечно, принимать буквально. Рѣчь боярина есть образчикъ судебнаго краснорѣчія XV вѣка — и только. При спорности вопроса съ точки зрѣнія прецедентовъ и буквы завѣщанія, обращеніе къ безусловной волѣ царя, который какъ бы уже одобрилъ переходъ великаго княженія къ сыну покойнаго князя, представлялось весьма ловкимъ ораторскимъ приемомъ. Въ данномъ случаѣ побѣдила не идея наслѣдственности, дѣйствительно упрочившаяся въ Москвѣ, а признаніе абсолютной власти хана *).

Но въ московское время начало отчины дѣлаетъ

*) Срв. выше на стр. 213--214.

успѣхи не въ одной Москвѣ, а также и въ удѣлахъ московскихъ и въ другихъ великихъ княженіяхъ. Оно торжественно гарантируется самими великими князьями московскими въ многочисленныхъ договорахъ, заключенныхъ ими съ сосѣдними великими и удѣльными князьями. Какъ же случилось, что эти наследственные владѣнія соединились всѣ съ Москвой? Въ силу древняго начала добыванія, для котораго въ московское время возникаетъ новое названіе «примысла». Московскіе государи примышляютъ себѣ и московскіе наследственные удѣлы и сосѣднія наследственные великія княженія. Примышляли и кіевскіе князья, но ихъ примыслы по смерти ихъ всегда распадались на свои составныя части. Дмитрію Ивановичу московскому принадлежитъ великая заслуга: онъ вводитъ начало нераздѣльности великаго княженія. Этому новому началу мы и обязаны образованіемъ не дѣлимаго государства.

Б. ТЕОРІЯ А. Д. ГРАДОВСКАГО.

(А. Д. Градовскій. «Государственный строй древней Россіи») Спб. 1868).

Самое заглавіе книги, «Вѣче и Князь», показываетъ, что В. Сергѣевичъ признаетъ «два одинаково существенныхъ элемента древне-русскаго общественнаго быта»: народъ и князя; дѣятельность княжеской власти и формы народнаго быта одина-

*) Предлагаемое изложеніе взято изъ отчета Градовскаго о книгѣ В. Сергѣевича *Вѣче и Князь* и перепечатаннаго въ сборникѣ: *Политика, исторія и администрація. — Критическія и политическія статьи А. Градовскаго.* Спб. 1871 (на стр. 50.—87). При изученіи приведеннаго здѣсь отрывка читатели должны имѣть въ виду, что книга В. Сергѣевича «Вѣче и Князь» — догматическое изложеніе началъ древне-русскаго государственнаго устройства, въ которомъ историческое движеніе остается совершенно въ сторонѣ. Это изображеніе государственнаго быта княжеской эпохи съ точки зрѣнія *покоя* является, по мнѣнію Градовскаго, основнымъ недостаткомъ книги В. Сергѣевича. Но и самъ Градовскій, подобно многимъ старымъ писателямъ, не дѣлаетъ еще вполне рѣзкаго разграниченія между Русью кievской и сѣверо-восточной. Основная точка зрѣнія на этотъ счетъ выражается въ текущей литературѣ такъ: Древній періодъ нашей исторіи, *кievскій*, отдѣленъ отъ послѣдующей исторіи не только хронологически, но и реально. Сравнительно съ послѣдующимъ временемъ это — совсѣмъ разныя обстановки, различные отдѣлы русской народности и *совсѣмъ различные историческіе процессы.* Можно сказать, что русская народность, достигнувшая значительныхъ успѣховъ исторической жизни на югѣ, на сѣверѣ должна была начать всю историческую работу сначала.

Ред.

ково вліяли на образованіе государства. Это важный шагъ впередъ въ русской юридической наукѣ.

До настоящаго времени большинство представителей науки признавали за народомъ исключительно пассивную роль. Въ ихъ глазахъ это была инертная масса, въ которой лишь постепенно, съ большими усиліями со стороны правительства и при нерѣдко упорномъ сопротивленіи со стороны общества, прививались государственныя формы и другіе продукты «цивилизациі». Варяжская дружина начала это воспитаніе; Иванъ III и Иванъ IV продолжали его; Петръ Первый закрѣпилъ ихъ дѣло. Формы же народнаго быта являлись антигосударственнымъ началомъ; онѣ не укладывались подъ «цивилизацию». Народъ, державшійся за нихъ, уходилъ въ казаки, въ вольницу, въ расколъ. Государственная одежда, сотканная искусными руками западныхъ просвѣтителей, постепенно облекала грубое тѣло русскаго казака. Каждый успѣхъ цивилизациі былъ въ то же время и торжествомъ русскаго государства надъ антигосударственными началами. Успѣхъ русскаго государства обусловливался побѣдою надъ русскимъ народомъ! Таковы чудовищныя результаты, порожденные невинною школою родового быта черезъ примѣненіе ея началъ къ народному быту древней Россіи.

Книга В. Сергѣевича рѣшаетъ этотъ вопросъ просто и ясно: государство русское было произведеніемъ народа (вѣче) и правительства (князя). Въ половинѣ IX-го вѣка народъ не представлялъ инертной примассы населенія, разрозненнаго родовымъ бытомъ; званые князья не были силою, внезапно упавшею съ неба, прекратившею хаосъ и сотворив-

шею русскую землю. Потребность государственного порядка давно уже сознавалась славянскими общинами. Князья и были представителями государственного порядка и именно для этого «порядка» призывались въ каждую волость. Подобно тому, какъ лѣтописное *) призваніе 862 года не было первымъ призваніемъ, оно не было и послѣднимъ. Въ нашей исторіи оно имѣетъ значеніе не фикціи, подобно идеѣ договора въ теоріи Гоббеса и Руссо, но дѣйствительнаго факта, ибо непрерывно повторялось въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Начало призванія исполнѣ опредѣляетъ отношенія, существовавшія между народомъ и княземъ; то, что въ 862 году ильменскіе славяне сдѣлали для цѣлой Россіи, впоследствии каждый городъ дѣлаетъ для себя. Каждая волость призываетъ или принимаетъ князя для правленія ею.

Итакъ, князь и призвавшій или принявшій его народъ — вотъ существенные элементы древняго государственнаго быта. Форма, въ которой проявлялась народная дѣятельность, называлась «вѣчемъ». Присутствіе князя въ каждой волости и обуславливалось волею вѣча. Необходимость вѣча заключалась въ организаціи древне-русскаго общества. Безъ анализа организаціи этого общества нѣтъ возможности понять и вѣче.

У В. Сергѣевича имѣется подобное изслѣдованіе о составѣ древняго общества **). Вотъ выводы В. Сергѣевича относительно этого предмета.

Все населеніе древней «волости» состоитъ изъ

*) Сря. выше на стр. 205—206.

**) См. въ книгѣ *Вѣче и Князь* стр. 31—40 — раздѣлъ подъ заголовкомъ «населеніе волости» .

равноправныхъ домохозяевъ, которые не раздѣлены еще на сословія или «чины» московскаго государства. «Древняя Россія не знала сословій... Въ княжескую эпоху все населеніе представляетъ единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого достоинствомъ, а не правами». «Различій по занятіямъ не существуетъ: отъ князя до послѣдняго свободнаго человѣка всякій можетъ быть воиномъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлей, промыслами. Каждый имѣетъ право на все, но одному удалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣляется, какъ человѣкъ «лучшій»; кто остался позади всѣхъ, характеризуется эпитетомъ «меньшого» человѣка» (стр. 31). Различіе этихъ слоевъ, какъ фактическое, не было наследственно. Закрытыхъ корпорацій, подобно сословіямъ западной Европы, не было. Кто былъ сегодня «меньшимъ» человѣкомъ, завтра могъ попасть въ разрядъ «лучшихъ» людей. Даже служилые люди, какъ земскіе, не выдѣлялись изъ состава населенія волости. Они выдѣлялись изъ него лишь временно, когда поступали на службу. При смѣнѣ князя и появленіи новаго съ своими служилыми людьми, они снова смѣшиваются съ населеніемъ волости. Результатомъ такого состоянія общества, по нашему мнѣнію, были слѣдующіе факты: а) Въ средѣ его не могло образоваться особаго правительственнаго класса, въ силу своихъ особыхъ правъ предназначеннаго для управленія общественными дѣлами; всѣ свободные люди были полноправными членами общества и имѣли равное право участія въ общественныхъ дѣлахъ. в) Не было лицъ или класса лицъ, заслонявшихъ другихъ

отъ верховной власти. Между тѣмъ какъ въ западной Европѣ феодалы первой степени одни были непосредственными подданными короля и заслоняли отъ него вассаловъ второй степени, вассалы второй степени — вассаловъ третьей, а вся масса землевладельцевъ заслоняла собою низшее народонаселеніе, — въ Россіи каждый свободный «человѣкъ» имѣлъ дѣло съ государственною властью, участвовалъ въ призваніи князя и «рядѣ» съ нимъ. Единственное ограниченіе правъ свободныхъ лицъ, приводимое В. Сергѣевичемъ, заключалось въ отеческой *) власти: «при жизни отцовъ дѣти не участвуютъ въ народныхъ собраніяхъ» (стр. 43). Затѣмъ, каждый «домохозяинъ», то-есть самостоятельный глава семьи, былъ членомъ вѣча. Другими словами, въ древнерусскомъ обществѣ была возможна только непосредственная демократія.

«Народъ, говоритъ Сергѣевичъ (стр. 52), участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ не по призванію князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому «мужу» права устраивать свои собственные дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ нѣчто особое, живущее своей самостоятельной жизнью».

Отсюда сами собою вытекаютъ слѣдующіе признаки вѣчевого быта. Во-первыхъ, такъ какъ право участія въ народныхъ собраніяхъ есть *личное* право cadaго, то народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ поголовно, а не черезъ представи-

*) Этотъ выводъ основанъ В. Сергѣевичемъ на двухъ мѣстахъ Ипат. лѣтописи: отъ 1147 и 1159 г. г. Оба приведены на стр. 53 перваго выпуска втораго тома *Русскихъ Юридическихъ Древностей*.

телей. Во-вторыхъ, въ собраніи каждый отдѣльный членъ дѣйствуетъ только отъ своего имени, представляетъ только себя; поэтому рѣшеніе можетъ составиться только при согласіи *всѣхъ*; если этого согласія нѣтъ, собраніе распадается на части. Третьй выводъ, по нашему мнѣнію, только условно связанъ съ предыдущими; онъ состоитъ въ томъ, что народъ въ такомъ собраніи не ограниченъ въ предметахъ своего разсужденія; онъ обсуждаетъ какіе хочетъ вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Этотъ выводъ обуславливается именно смѣшеніемъ общественныхъ дѣлъ съ «собственными дѣлами» каждаго мужа. По мѣрѣ того какъ общественныя дѣла начали выдѣляться изъ другихъ, самое право народнаго собранія должно было ограничиться.

Опредѣливъ такимъ образомъ условія нашего вѣчевого быта, В. Сергѣевичъ приступаетъ къ изслѣдованію его формъ, тѣсно связанныхъ съ вышеозначенными условіями. Остановимся на приведенныхъ фактахъ и сдѣлаемъ для себя нѣкоторые выводы.

Во-первыхъ, вѣче само по себѣ есть форма *собраній* народныхъ, но не есть форма *быта* народнаго. Сказать, что элементы непосредственной демократіи въ древней Россіи выражались въ вѣчевомъ устройствѣ, значитъ сказать половину. Съ такимъ же основаніемъ можно сказать, что сходка есть форма нашего крестьянскаго быта. Сходка, собраніе, есть форма, проявленіе этого быта, но не самый бытъ. Для того чтобы вполне выяснитъ значеніе вѣчевого порядка, нельзя останавливаться на однихъ *личныхъ* правахъ членовъ русскаго общества. Въ отношеніи

своихъ личныхъ правъ древній русскій народъ имѣеть сходство со многими другими древними и современными народами. Непосредственная демократія не есть исключительное произведеніе древней русской жизни. Начала ея въ самыхъ разнообразныхъ формахъ проявлялись у различныхъ народовъ. Условія, дѣлавшія изъ вѣча явленіе *русской* жизни, заключались не въ началахъ личной свободы и не въ слабости княжеской власти, какъ говсрить В. Сергѣевичъ (стр. 52), а въ формѣ общественнаго быта. *Личной* свободѣ, индивидуализму, можетъ соответствовать и централизація, и народное представительство, и муниципія, и корпораціи; слабость правительства можетъ породить и феодализмъ, и рабство, и мало ли еще что. Вѣче соответствуетъ не личной свободѣ, а общинному быту. Поэтому оно было выраженіемъ не личной, а общественной свободы, было правомъ не каждаго лица, а цѣлой *общины*. Между тѣмъ Сергѣевичъ вовсе не останавливается на этомъ крупнѣйшемъ фактѣ нашей исторіи. Отъ этого *вѣче* не имѣеть у него никакой прочной основы. Отъ этого проистекаетъ и неясность его представленія объ отношеніяхъ князя и народа, о правахъ вѣча и предметахъ его дѣятельности и т. д. Вѣчевыя собранія были правомъ не личности, а общины. Поэтому съ общины и слѣдовало автору начать свое изслѣдованіе. Между тѣмъ онъ открываетъ свое разсужденіе объ устройствѣ вѣчевыхъ собраний съ волости, которую отождествляетъ съ княженіемъ (стр. 23 и слѣд.). Волость, говоритъ В. Сергѣевичъ, «въ древнѣйшее время обозначала или цѣлое княженіе, или его подраздѣленіе; въ томъ и другомъ случаѣ волость включаетъ въ себя одинъ или нѣсколько

городовъ». Отказываясь спорить о томъ, соответствовала или нѣтъ волость княженію *), Градовскій спрашиваетъ, чѣмъ опредѣлялся объемъ волости и княженія, которыя по В. Сергѣвичу составляли округъ вѣчевыхъ собраній. Вопросъ этотъ очень существенный и поставленъ въ тѣни у В. Сергѣевича. Волость, читаемъ у Градовскаго далѣе, означала округъ подчиненный той или другой политической власти. Возникаетъ вопросъ: какую властью опредѣлялся объемъ волости, властью ли князя или чѣмъ-нибудь другимъ? Если бы подъ именемъ волости разумѣлась территорія, принадлежащая одному княжескому роду или одной княжеской линіи, то пришлось бы признать осѣдность князей; но ея въ древней Россіи рѣшительно не было. Князья мѣняли столы, волости мѣняли князей; послѣдніе вообще не имѣли постоянной связи съ княжествомъ. Князья призывались волостями, которыя и давали имъ власть надъ территоріей, имъ самимъ принадлежавшею. Объемъ волости зависѣлъ, слѣдовательно, отъ пространства владѣній того города или тѣхъ городовъ, куда князь былъ призванъ. Князь не могъ образовать своей волости ни путемъ наслѣдства, ни путемъ завоеванія; онъ получалъ власть не самъ собою, а черезъ города, и получалъ ее настолько, насколько имѣли ее послѣдніе. Поэтому волость есть прежде всего округъ общины. Это значеніе ея сохраняется во всей русской исторіи.

Если община имѣла политическое значеніе, то и волость означала княженіе, политическій округъ; въ

*) Срв. выше стр. 194: по Градовскому термины *земля* и *волость* совершенно различны .

противномъ случаѣ она означала подраздѣленіе самостоятельнаго княженія, административный округъ, волость московскую. Волость состояла изъ города, изъ пригородовъ и волостей, тянувшихъ къ городу и пригородамъ. Это была цѣпь общинъ, связанныхъ между собою іерархическими отношеніями. Города были старшими общинами, за ними села, слободы, деревни, починки, соединявшіеся въ волости. Они составляли одно цѣлое, призывавшее князя. Если бъ В. Сергѣевичъ остановился на этой общинной основѣ*) волостного дѣленія, онъ могъ бы съ большею ясностью изложить значеніе вѣчевыхъ порядковъ для волости, отношеніе волости къ князю и т. д.

Прежде всего представляется вопросъ, насколько волость составляла одно политическое цѣлое. Если бъ единство волости опредѣлялось тѣмъ, что она была однимъ «княженіемъ», то-есть, принадлежала одному князю, то вопросъ и могъ бы быть разрѣшенъ весьма скоро и удовлетворительно. Но дѣло въ томъ, что волость могла составлять одно цѣлое при строгомъ соблюденіи іерархическихъ отношеній между городомъ, пригородами и волостями. «Волость, — говоритъ В. Сергѣевичъ (стр. 25), — составлявшая народное собраніе, есть не что иное, какъ отдѣльное княженіе, въ составъ котораго входило обыкновенно нѣсколько различныхъ по своему значенію пунктовъ поселенія». Въ силу чего же входили эти различные пункты въ составъ волости? Чѣмъ обуславливалось и въ чемъ выражалось различное ихъ значеніе? Волости не были завоеванною территоріей. Города и пригороды входили въ составъ волости, пока они

*) Срв. выше стр. 193.

не могли составить своей особой волости. Различное значеніе этихъ пунктовъ обусловливалось ихъ фактическимъ преобладаніемъ или зависимостью другъ отъ друга. Единство волости въ принципѣ зависѣло отъ согласія и единодушія всѣхъ ея городовъ, на практикѣ — отъ силы главнаго города. Лѣтописецъ, характеризуя порядокъ вѣчевыхъ собраній, говоритъ: «Новгородци бо изначала, и Смоленяне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть» *). Если пригороды не хотѣли стать на «томъ же», волости угрожало междоусобіе; если они вовсе не хотѣли и *могли* вовсе не думать съ старшимъ городомъ, волость распадалась. Итакъ, положеніе г. Сергѣевича, что волость была округомъ вѣчевыхъ собраній, можно принять только съ большими ограниченіями. Прочитывая четвертую главу его сочиненія — «объясненіе взаимныхъ отношеній городовъ къ пригородамъ на основаніи вѣчевыхъ порядковъ» (стр. 86 и слѣд.), нельзя не убѣдиться, что авторъ располагалъ всѣмъ матеріаломъ для выясненія всей шаткости волостныхъ отношеній. Но увлекаясь своимъ «догматическимъ изложеніемъ съ историческими примѣрами», онъ употребилъ этотъ матеріалъ для выясненія формы вѣчевыхъ собраній больше, чѣмъ для выясненія важнаго вопроса, указаннаго выше **).

Отношенія между городами и пригородами не могли быть особенно прочными, такъ какъ пригороды не были завоеванными волостями городовъ.

*) Срв. выше на стр. 47, 101.

**) См. стр. 196, 204, — 258.

Пригороды обязаны своимъ происхожденіемъ не завоевательнымъ стремленіямъ главной волости, а по большей части ея колонизационному *) движению. Авторъ ищетъ причины возникновенія пригородовъ въ разбросанности поземельной собственности горожанъ главнаго города. «Раскинутость поземельной собственности горожанъ далеко за чертой города дѣлала необходимымъ учрежденіе пригородовъ» (стр. 27). Намъ кажется, что это положеніе можетъ быть нѣсколько расширено. Пригороды строились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было поземельной собственности у горожанъ. Новгородская волость была чрезвычайно обширна, пригороды ея шли далеко на востокъ и на сѣверъ, и трудно предположить, чтобъ они возникали исключительно оттого, что въ тѣхъ мѣстахъ у новгородцевъ была поземельная собственность. В. Сергѣевичъ слишкомъ мало остановился на значеніи русской колонизаціи, которая многое можетъ объяснить въ происхожденіи городовъ и волостей. Вся іерархія нашихъ поселеній какъ бы коренится въ этомъ колонизационномъ началѣ. Починокъ, деревня, село, слобода, пригородъ, городъ — вотъ ступени, по которымъ проходило почти каждое поселеніе **). Естественно, что мѣсто каждаго поселенія въ этой «лѣтвицѣ» не было опредѣлено разъ навсегда. Поселеніе было пригородомъ,

*) Срв. выше на стр. 101, 197, 200—201.

**) Въ другомъ мѣстѣ своей статьи, говоря о случаяхъ отсутствія князей въ нѣкоторыхъ пунктахъ, Градовскій замѣчаетъ, что «княжескій родъ не могъ поспѣть за колонизационнымъ движениемъ народа; вслѣдствіе непрерывнаго движенія русской колонизаціи на востокъ и сѣверъ, часть народа постоянно оставалась внѣ общегосударственной жизни» (стр. 72).

пока само не могло стать городомъ; оно входило въ составъ волости, пока не было достаточно сильно, чтобы самому составить волость. Примѣры этого въ нашей исторіи безчисленны. Псковъ, пригородъ Новгорода, составляетъ особую волость, когда силы позволили ему призвать особаго отъ Новгорода князя; Владимиръ, пригородъ Ростовской волости, получилъ самостоятельное въ ней значеніе. Это факты наиболѣе извѣстные; имъ соотвѣтствуетъ множество другихъ; все они доказываютъ лишь то, что волости не имѣли постояннаго значенія, такъ какъ отношенія между городами и пригородами не могли быть постоянно одни и тѣ же. Какъ только городъ подымался до значенія самостоятельной политической власти, онъ могъ призвать себѣ особаго князя. Этимъ обстоятельствомъ лучше всего, сколько намъ кажется, объясняется, съ одной стороны, порядокъ замѣщенія волостей, съ другой — причина политическаго раздробленія Россіи.

В. Сергѣевичъ (на стр. 273) говоритъ, что «русскія волости не составляли наслѣдственнаго владѣнія Рюриковичей. Согласно этому, княжеская Россія не знаетъ законнаго порядка въ преемствѣ столовъ: столы не наслѣдовались, а добывались». Это положеніе оправдывается почти всеми фактами нашей древней исторіи. Но намъ кажется, что авторъ недостаточно объяснилъ причины этого явленія. Нельзя не признать важной заслуги В. Сергѣевича въ томъ, что онъ отвергъ объясненіе, нѣкогда господствовавшее въ учебникахъ исторіи, что причина раздробленія Россіи заключалась въ правѣ каждаго сына на равную долю въ наслѣдствѣ своего отца, и что затѣмъ заслуга московскихъ государей

состояла въ томъ измѣненіи законовъ о наслѣдствѣ, которое утвердило собою единство Россіи. В. Сергѣевичъ отвергъ идею наслѣдованія столовъ и съ горячностью новатора отрицаетъ ее вездѣ. По нашему мнѣнію, это слишкомъ поспѣшно, да притомъ и бесполезно. Причина того, что столы «не наслѣдовались, а добывались», могла заключаться или въ томъ, что въ самомъ родѣ князей русскіхъ не выработались еще понятія о наслѣдствѣ, или въ томъ, что каждая волость имѣла право призывать себѣ князя, «который ей любъ», или, наконецъ, въ томъ и другомъ обстоятельствѣ одинаково. В. Сергѣевичъ посвятилъ слишкомъ много страницъ своей диссертациі «Вѣче и Князь» для доказательства того, что въ родѣ князей не было никакихъ понятій о правильномъ преемствѣ престола (стр. 156—273 по большей части посвящены этому вопросу, затѣмъ специально трактуется о немъ же на стр. 286—327 — въ главахъ «Взаимныя отношенія князей» и «Порядокъ распредѣленія волостей между князьями»). Приложеніе къ VI главѣ (по поводу мнѣнія о родовомъ бытѣ князей) прямо направлено противъ теоріи Соловьева. Мы не видимъ, почему князья не могли имѣть особыхъ правилъ о наслѣдованіи столовъ, — правилъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ противорѣчили понятіямъ народа и практикѣ самихъ князей. Теорія Соловьева очень проста и мало походитъ на вымышленную теорію. Она заключается въ слѣдующемъ: всѣ волости представляютъ іерархическую «лѣствицу» въ отношеніи старшинства и достоинства ихъ главныхъ городовъ. Былъ старшій столъ — кievскій, затѣмъ слѣдовали черниговскій, переяславскій и т. д. Кievскій

столь долженъ былъ замѣщаться старшимъ братомъ, второй — слѣдующимъ за нимъ. На старшій столъ князя переходили постепенно. Послѣ смерти кievскаго князя, его мѣсто занималъ слѣдующій за нимъ братъ и князь старшей затѣмъ волости, въ эту же волость передвигался князь третьей по достоинству волости и т. д. Такимъ образомъ, каждый братъ постепенно переходилъ въ старшіе князья и достигалъ кievскаго стола «лѣтвичнымъ восхожденіемъ», какъ говоритъ Соловьевъ и Никоновская лѣтопись *). Что этотъ порядокъ существовалъ въ понятіяхъ князей, доказывается распредѣленіемъ столовъ послѣ смерти Ярослава I и тѣмъ, что впоследствии каждый князь, считавшій себя старшимъ братомъ, предъявлялъ свои права на кievскій столъ. «Племянники» могли занимать его только фактически, силою, а не по праву. Изяславъ кievскій, знаменитый «племянникъ» и противникъ Юрія Владимировича Долгорукаго, для того чтобы крѣпче держаться въ Кіевѣ и оградиться отъ притязаній Юрія, призвалъ старшаго брата его Вячеслава и прикрылся его правами. Это нисколько не противорѣчитъ тому, что порядокъ, считавшійся законнымъ, сначала слабо, а потомъ вовсе не примѣнялся къ государственной практикѣ. Слабость и несостоятельность такого порядка Соловьевъ доказалъ лучше, чѣмъ кто-нибудь другой. Законъ былъ несостоятеленъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы его вовсе не было. Мало ли мы видимъ слабыхъ, но существующихъ законовъ? В. Сергѣевичъ говоритъ, что теорія «лѣтвичнаго восхожденія» основана на свидѣтельствѣ Никонов-

*) Срв. выше на стр. 129, 236.

ской лѣтописи, и что все это свидѣтельство есть сочиненіе позднѣйшаго составителя лѣтописи (см. примѣчаніе на стр. 302). Всякій, кто читалъ исторію Соловьева, припомнить, что этотъ историкъ строить свою исторію не на основаніи одного этого мѣста Никоновской лѣтописи. Онъ приводитъ его потому, что въ немъ дѣйствительно хорошо сформулировано правило, которымъ, по мнѣнію Соловьева, опредѣлялось наследованіе столовъ. Онъ видитъ примѣненіе этого закона во многихъ фактахъ нашей исторіи, независимо отъ словъ лѣтописи. Мы не видимъ, далѣе, почему бы составителю Никоновской лѣтописи нужно было «сочинять» подобныя мѣста? Сравненіе свидѣтельства Никоновской лѣтописи съ такимъ же Ипатьевской не доказываетъ ничего особеннаго. Существенный вопросъ заключается въ томъ, считался ли указанный порядокъ преемства столовъ правиломъ въ родѣ русскомъ княжескомъ и соблюдался ли онъ? На основаніи многихъ фактовъ мы полагаемъ, что понятіе о такомъ порядкѣ существовало, и что онъ примѣнялся каждый разъ, когда это было возможно. В. Сергѣевичъ не станеть отрицать, что князья Рюриковичи составляли одинъ родъ, связанный преданіями общаго происхожденія и до нѣкоторой степени единствомъ интересовъ; если существовалъ родъ, то существовали и правила, опредѣлявшія отношенія членовъ этого рода между собою. Соловьевъ выставилъ свою теорію. Ею противники не выставили никакой. Между тѣмъ эта теорія — самая естественная и наиболѣе подходящая къ фактамъ исторіи Рюриковичей *).

*) Писано въ 1868-мъ году

не обратить вниманія В. Сергѣевича на то, что какъ бы ни читать повѣствованія о междоусобіяхъ нашихъ князей, все-таки придется сказать, что въ большинствѣ случаевъ это споръ *старшихъ съ младшими*. Во имя чего же старшіе защищаютъ свои права? Право старшинства для дядей, братьевъ княжескаго рода, всегда было правомъ, противъ котораго племянники могли выступить только во имя одного фактическаго преобладанія. Станетъ ли авторъ отрицать, что самый старшій столь, кievскій, по правилу, долженъ былъ занимать самый старшій князь? Гдѣ объясненія того непреодолимаго стремленія быть старшимъ, кievскимъ княземъ, изъ-за котораго многіе князья сложили свои головы? Мало того: благодаря своему увлеченію, В. Сергѣевичъ какъ бы отрицаетъ существованіе кievскаго великаго князя, что можетъ повести къ весьма страннымъ результатамъ. Если ограничиться общимъ замѣчаніемъ, то придется сказать, что теорія Соловьева утратитъ свое значеніе только тогда, когда его противники выработаютъ свою, болѣе удовлетворительную. В. Сергѣевичъ думаетъ замѣнить ее теоріей *добыванія* волостей. Добываніе волостей было фактомъ болѣе или менѣе всеобщимъ, но все-таки только фактомъ. Лучше сказать, оно было однимъ изъ фактовъ, не давшихъ установиться правильному порядку преемства столовъ.

Начало «лѣтвничнаго восхожденія» оказалось несостоятельнымъ по многимъ причинамъ. Одно изъ нихъ заключалось въ самой организаціи рода русскихъ князей, другія вытекали изъ вѣчевыхъ порядковъ. Причины перваго рода состоятъ въ томъ, что при размноженіи Рюриковичей трудно уже было

установить критерій старшинства, отыскать въ данную минуту старшаго князя было почти невозможно. Отсюда *добываніе* старшинства силою. Далѣе, рядомъ съ лѣтвичнымъ восхожденіемъ, наслѣдованіемъ брата послѣ брата, постепенно развивается понятіе объ *отчинѣ*, о наслѣдованіи сына послѣ отца. Особенно сильное развитіе получило это начало въ сѣверо-восточной Россіи, гдѣ оно подавило всѣ другія. Такъ, главное правило, дѣйствовавшее въ родѣ князей, не могло примѣняться безъ большого затрудненія, и, кромѣ того, встрѣтилось еще съ другимъ началомъ, постепенно выработавшимся среди тѣхъ же князей. Конечно, всего болѣе ограниченій это начало встрѣтило въ вѣчевыхъ порядкахъ, въ началѣ «привзанія», которое проходитъ чрезъ всю нашу древнюю исторію. В. Сергѣевичу принадлежитъ честь точнаго и научнаго выясненія этого факта. Начало привзанія противорѣчитъ началу наслѣдованія. Первое было началомъ народнымъ, второе княжескимъ. Народъ не признавалъ права наслѣдованія столовъ. Каждый князь, съ народной точки зрѣнія, былъ княземъ, привзанымъ или признаннымъ народомъ.

На основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ В. Сергѣевичъ весьма логически строить свою *теорію привзанія князей*, которая главнымъ образомъ служить основою *теоріи добыванія столовъ*. Должно согласиться, что авторъ доводитъ свою мысль до конца. Несмотря, однако, на все множество фактовъ, прослѣженныхъ имъ по лѣтописямъ, нельзя не видѣть другихъ, указанныхъ Соловьевымъ. Самъ авторъ указываетъ на привзаніе, какъ на начало *народное*, дѣйствующее рядомъ и нерѣдко въ противополож-

ность другому, *княжескому*. Напримѣръ, на стр. 70 онъ говоритъ: «Народъ осуществляетъ свое право призванія, несмотря ни на взаимныя соглашенія князей, устанавливающихъ между собою тотъ или другой порядокъ преемства волостей, ни на ихъ частныя распоряженія». Слѣдовательно, замѣщеніе столовъ опредѣлялось двумя началами; но, конечно, ни одно изъ нихъ не могло дойти до полного господства и совершенно уничтожить другое. Народное начало не могло устранить княжескаго и наоборотъ.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на нашу исторію, все же нельзя отрицать того *факта*, что начало наслѣдованія дѣйствовало въ древней Россіи рядомъ съ началомъ призванія. Наслѣдованіе было началомъ родовымъ, княжескимъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи привело къ единству Россіи; начало призванія было началомъ народнымъ, вѣчевымъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи могло бы привести къ полному раздробленію Россіи. Оба эти начала еще должны были сразиться между собою, когда центръ государственной жизни перенесся съ юга на сѣверъ. Фактъ «добыванія» столовъ обусловливался силою вѣчевыхъ началъ и слабостью княжескихъ. Лучше сказать, народныя начала имѣли для него положительное значеніе, княжескія — отрицательное. Между тѣмъ В. Сергѣевичъ въ своей теоріи «добыванія» даетъ одинаковое значеніе тому и другому. По нашему мнѣнію, возможность добыванія столовъ тѣсно связана съ началомъ «призванія» князей; добываніе прекращается тотчасъ, какъ исчезаютъ у насъ призванные князья и являются прирожденные, обеспеченные правомъ наслѣдованія. Ко-

гда отрицательныя условія, препятствовавшія развитію княжескаго начала въ древней Россіи (смутныя понятія о старшинствѣ, борьба вотчинныхъ понятій съ началомъ родового старшинства, многочисленность князей, обусловливавшая возможность постояннаго призванія и изгнанія ихъ), исчезаютъ, — исчезаетъ и призваніе князей, и тѣсно связанное съ нимъ «добываніе», какъ средство замѣщенія столовъ.

«Добываніе» было тѣсно связано съ правомъ каждой волости имѣть своего князя, ею призваннаго или признаннаго. Право это было не волостнымъ вообще, а скорѣе общиннымъ, ибо волостью называлась сумма общинъ, связанныхъ между собою іерархическими отношеніями и находящихся въ общемъ подчиненіи главной общинѣ, старшему городу. Каждая община могла, въ свою очередь, стать волостью и призвать къ себѣ князя, что обусловливалось и многочисленностью князей, между которыми всегда можно было найти охотника на новый столъ.

Община, взятая сама по себѣ, не представляла настоящаго политическаго единства. Оно обусловливается существованіемъ установленія, непрерывно и постоянно представляющаго собою государственную власть и независимаго отъ всѣхъ общественныхъ партій. Такого установленія не было въ составѣ общины. Тѣмъ не менѣе могло осуществиться политическое единство въ цѣлой волости. Волость была федераціей общинъ. Федерация же общинъ, построенная на вѣчовомъ началѣ, никогда не можетъ составить единаго политическаго тѣла. При федеративномъ устройствѣ, съ политическими правами общинъ, возможны два исхода: или общины

будутъ пользоваться равными политическими правами, или права эти будутъ не равны для городовъ и пригородовъ.

Въ первомъ случаѣ единство будетъ держаться на соглашеніи городовъ, и соглашеніи добровольномъ, то-есть условномъ и преходящемъ. Борьба партій, разъединявшая каждую общину, должна была еще сильнѣе выражаться въ борьбѣ городовъ съ пригородами. Во второмъ случаѣ, то-есть при неравенствѣ правъ городовъ и пригородовъ, единство обусловливалось тѣмъ, чтобы права городовъ были достаточно велики для подавленія правъ пригородовъ при обсужденіи общеволокныхъ вопросовъ. Такое единство предполагаетъ добровольное или насильственное, но полное подчиненіе пригородовъ городамъ по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ. Обычай вѣчевой Россіи, очевидно, склонялся къ послѣдней формѣ волостного единства. Это доказывается названіемъ старшихъ и младшихъ городовъ, городовъ и пригородовъ; доказывается и знаменитымъ мѣстомъ лѣтописи: «На что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ» *). Пригороды могли стать «на одномъ» со старѣйшими или по добровольному согласію или по принужденію, слѣдовательно, совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ происходило постановленіе вѣчевыхъ рѣшеній въ каждой отдѣльной общинѣ. В. Сергѣевичъ не безъ основанія говоритъ объ этихъ вѣчевыхъ отношеніяхъ городовъ къ пригородамъ слѣдующее: «Разные пункты населенія одной и той же волости находились между собой въ совершенно такихъ же

*) См. выше на стр. 260.

отношеніяхъ, какъ и разные концы или улицы одного и того же города; если между ними господствовало единеніе, они находились въ состояніи мира; если возникала рознь, -- въ состояніи размирья или войны. Такимъ образомъ, участіе жителей пригородовъ въ вѣчевой жизни волости опредѣлялось тѣми же нормами, какъ и участіе жителей главныхъ городовъ» (стр. 91). Вслѣдствіе удаленія городовъ отъ пригородовъ и разнообразія ихъ интересовъ состояніе мира было рѣже, а результаты войны хуже, чѣмъ въ каждой отдѣльной общинѣ. Состояніе мира обуславливалось пассивнымъ отношеніемъ пригородовъ къ вѣчевымъ постановленіямъ города. Другого заключенія мы не можемъ вывести изъ словъ лѣтописца, что пригороды становились на томъ, что постановляли старшіе города. Но такое пассивное отношеніе могли занять только весьма слабые пригороды. Каждый пригородъ, чувствующій свое значеніе, сознавалъ въ то же время равноправность своего вѣча съ вѣчемъ главнаго города. Если въ отдѣльной общинѣ каждая партія считала свою сходку «вѣчемъ», то тѣмъ болѣе цѣлый пригородъ долженъ былъ придавать своему собранію значеніе вѣча, со всѣми его правами. Все зависѣло отъ силы пригорода.

«Пригороды слабые, въ случаѣ разногласія съ главнымъ городомъ, оставались въ ничтожномъ меньшинствѣ и по необходимости должны были смолкать; пригороды, обладающіе значительной собственной силой, могли выступать съ своимъ отдѣльнымъ мнѣніемъ и стараться провести его, несмотря на разногласіе съ главнымъ городомъ» («Вѣче и Князь», стр. 91.).

При такихъ условіяхъ вѣчевого быта нѣтъ ничего удивительнаго, если общины не успѣли выработать въ своей средѣ никакой политической власти; другими словами, ни одинъ изъ элементовъ, изъ которыхъ слагался нашъ общинный бытъ, не могъ быть возведенъ на степень верховной политической власти. Результатомъ этого было выдѣленіе нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ въ пользу одного лица, стоявшаго внѣ общины и признаннаго главнымъ представителемъ общественнаго порядка. Вѣче не имѣло уже постояннаго значенія для такихъ вопросовъ: они были исключительнымъ дѣломъ князя. Итакъ, призваніе князя и первоначальный рядъ съ нимъ были, въ принципѣ, единственными предметами политической дѣятельности вѣча. Всѣ другіе виды участія вѣча въ политической жизни были исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Но этотъ принципъ не былъ доведенъ до конца въ древней Россіи.

Призваніе князя не было самоубійствомъ вѣча. Общинная жизнь выражалась въ административной и экономической дѣятельности общины. Власть князя не уничтожила нѣкоторой автономіи мелкихъ союзовъ, составлявшихъ его волость. Князь былъ посредникомъ не столько между отдѣльными лицами, сколько между общинами. Въ рѣдкихъ случаяхъ онъ имѣлъ дѣло прямо съ отдѣльными личностями. Появленіе государственной власти не превращало, такимъ образомъ, наше общество въ совокупность индивидовъ, подчиненныхъ прямо государству и только государству. Русскій человѣкъ имѣлъ дѣло съ общиною больше, чѣмъ съ княземъ; община была для него правиломъ, князь — исключеніемъ. Въ этомъ отношеніи власть князя не шла вглубь русскаго

общества; развитіе ея задерживалось существованіемъ общинъ, уступавшихъ ему свои права лишь по нѣкоторымъ вопросамъ. Во всѣхъ дѣлахъ, оставшихся за общиною, она дѣйствовала самостоятельно и отъ нихъ переходила и къ политическимъ вопросамъ. Итакъ, княжеское управленіе было немногосложно не только потому, какъ утверждаетъ В. Сергѣевичъ (стр. 348), что задачи этого управленія «не были развиты», но и потому, что большая часть этихъ задачъ оставалась въ рукахъ общинъ. Слѣдовательно, положеніе В. Сергѣевича, что «само управленіе не было въ средствахъ общины» (или вѣча, какъ онъ ошибочно выразился на стр. 67), можетъ быть принято только съ большими ограниченіями. Оно не было въ его средствахъ лишь по нѣкоторымъ вопросамъ, для которыхъ и былъ призванъ князь. По другимъ же община дѣйствовала съ прежней силою.

При слабости княжескаго начала, каждый князь былъ порожденіемъ вѣча и дѣйствовалъ подъ его вліяніемъ. Всѣ характеристическіе признаки вѣчевыхъ порядковъ, опредѣлявшіе отношеніе партій, примѣнялись и къ отношеніямъ князя и вѣча. Во-первыхъ, князь рѣдко былъ порожденіемъ цѣлой волости, по большей части онъ призывался на столъ извѣстною партіей, и держался ею; слѣдовательно, ему приходилось проводить и защищать интересы этой партіи. Каждая перемѣна князя сопровождалась различными наградами и повышеніями его «пріятелей». Отнимались волости у «мужей» старой дружины и раздавались мужамъ новой. Новая дружина «заѣзжала» старую, которая должна была пытаться счастья въ другихъ мѣстахъ. Все это нисколько не доказыва-

еть независимости княжеской власти. Зависимость его отъ вѣча шла дальше. Подобно тому, какъ сила вѣчевыхъ рѣшеній обуславливалась единеніемъ, «одиначествомъ» всѣхъ его членовъ, такъ и сила князя основывалась на единеніи его съ вѣчемъ. Онъ былъ силенъ, пока вѣче было за него. Война, задуманная имъ, и другія его предпріятія могутъ имѣть успѣхъ только въ такомъ случаѣ, когда вѣче думало одинаково съ нимъ. В. Сергѣевичъ приводитъ много такихъ примѣровъ соглашенія князя съ вѣчемъ. Князья, жившіе въ согласіи съ вѣчемъ, были весьма сильны. Таковы были Владимиръ Мономахъ и не менѣе знаменитый Всеволодъ Юрьевичъ (Большое Гнѣздо). Напротивъ того, «при отсутствіи соглашенія, при нежеланіи уступить, князь и вѣче стояли другъ противъ друга, какъ двѣ самостоятельныя власти, разногласіе которыхъ могло быть устранено только судомъ Божиимъ» (стр. 107). Другими словами, въ случаѣ разномыслія князя съ вѣчемъ, между ними начиналась война.

Въ такомъ видѣ княжеская власть не могла сдѣлаться объединяющимъ началомъ. Отношенія между князьями лучше всего доказываютъ это. Понятіе наследственности столовъ не могло развиваться, какъ слѣдуетъ, въ самомъ княжескомъ родѣ; ни понятіе отчины, ни «слѣствичное восхожденіе» не спасли Россію отъ раздробленія; *договоръ* былъ главною формою междукняжескихъ отношеній; враждебныхъ силъ въ княжескомъ родѣ было столько же, сколько князей; начало «добыванія» столовъ всевозможными средствами превратило политику князей нашихъ въ политику эгонизма, въ самой грубой его формѣ. Какимъ же образомъ изъ этой борьбы про-

тивоположныхъ элементовъ сложилось русское государство?

Ни одно изъ началъ нашего древняго государственнаго быта не могло получить полнаго развитія. Ни одно изъ нихъ не исключало другого, но каждое противодѣйствовало развитію другихъ. Въ этомъ смыслѣ древняя жизнь представляла рядъ противорѣчій, которыя едва могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія современныхъ намъ государственныхъ понятій. Это были противорѣчія, порожденныя противоположными началами, которыя въ далекомъ будущемъ должны были послужить основаніемъ прочной государственной системы. Но они не были *внутренними* противорѣчіями древней государственной системы. Во-первыхъ, самой системы этой еще не было. Затѣмъ, терминъ *противорѣчіе* можетъ быть примѣненъ къ древней русской жизни не въ смыслѣ несостоятельности началъ ея: это удѣлъ отживающихъ государственныхъ системъ. Противорѣчія эти порождались именно тѣмъ, что ни одно начало, ни одинъ элементъ этой жизни не получилъ еще настоящаго развитія. Результатомъ этихъ противорѣчій было не паденіе государства, какъ то бываетъ при несостоятельности началъ. Напротивъ того, борьба этихъ различныхъ элементовъ вызвала къ жизни крѣпкій государственный строй. Это соединеніе разнообразныхъ элементовъ древняго быта въ послѣдующемъ русскомъ государствѣ зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, что всѣ эти элементы еще въ древней Россіи связывались общими представленіями о государственномъ порядкѣ или, лучше сказать, однимъ и тѣми же государственными идеалами. Эти общія представленія препятствовали

князьямъ довести «добываніе» столовъ до грубаго насилія, не сдерживаемаго никакими представленіями о правѣ; они удержали общины отъ полнаго раздробленія государственной территоріи; они дали въ послѣдствіи общую и опредѣленную цѣль и народу, и князьямъ — собирателямъ русской земли.

Въ книгѣ В. Сергѣевича мы не видимъ этихъ представленій и идеаловъ, связующихъ древнюю, раздробленную Россію съ централизованной московской; не видимъ и движенія отъ вѣчевой Россіи къ самодержавной; не видимъ вообще никакихъ признаковъ историческаго движенія и развитія элементовъ древняго общества.

Ни въ народномъ сознаніи, ни въ сознаніи князей не было, по мнѣнію В. Сергѣевича, представленій, а тѣмъ болѣе нормъ, опредѣлявшихъ развитіе государственнаго порядка. Иерархія между князьями и городами была фактическая, а слѣдовательно, и всѣ отношенія между ними были построены или на соглашеніи, или на силѣ. Не было порядка, опредѣляющаго, хотя бы въ идеѣ, отношенія между князьями: отсюда добываніе столовъ съ одной стороны, и княжескіе съѣзды и договоры — съ другой; не было никакихъ прочныхъ отношеній между волостями: отсюда отсутствіе центра государственной жизни и дробленіе Россіи.

Всѣ эти факты были бы общимъ порядкомъ древней государственной жизни, если бы отношенія между княземъ и волостью и князей между собою, въ той формѣ, какъ они выразились первоначально, были доведены до конца и не задерживались представленіями объ идеальномъ устройствѣ русской земли съ одной стороны, и постепенно развивавши-

мися началами новаго порядка вещей съ другой. В. Сергѣевичъ умалчиваетъ о тѣхъ и другихъ; отсюда слабое историческое значеніе его труда.

Избравъ предметомъ своего изслѣдованія государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей, онъ разсматриваетъ это устройство на всемъ пространствѣ нашей исторіи, отъ X до XV вѣка, и на всемъ пространствѣ Россіи такъ, какъ будто нигдѣ и никогда въ нашу государственную жизнь не было внесено новыхъ началъ. На этомъ основаніи онъ подкрѣпляетъ свои положенія о междукняжескихъ договорахъ одинаковыми примѣрами изъ исторіи кіевскаго и московскаго періода. Духовныя грамоты князей имѣютъ для него одинаковое значеніе и въ юго-западной, и въ сѣверо-восточной Россіи. Если безусловно вѣрить автору, между кіевскою и московскою Русью не было никакого переходнаго порядка, никакого посредствующаго звена. Итакъ, никакихъ верховныхъ государственныхъ понятій въ теченіе удѣльно-вѣчевого періода, никакихъ посредствующихъ началъ въ концѣ его.

Не то было на самомъ дѣлѣ. Пока русская государственная жизнь не начала передвигаться на сѣверо-востокъ, центромъ русскаго государства былъ Кіевъ; князья и народъ считали Кіевъ старшимъ городомъ, а его князей — старшинами русской земли не потому только, чтобы князья эти занимали «выдающееся среди другихъ положеніе» (стр. 248). Съ именемъ Кіева и кіевскаго князя было связано нѣчто другое, чего нѣтъ въ книгѣ В. Сергѣевича. Всякій, кто вдумается въ характеристическія особенности удѣльно-вѣчевого періода, невольно оста-

новится предъ слѣдующимъ вопросомъ: почему не раздробилась Россія окончательно, когда и народные обычаи и порядки княжескаго рода способствовали тому, когда, слѣдовательно, ни въ правительственныхъ, ни въ общественныхъ элементахъ не было никакого этому противодѣйствія? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующія соображенія.

1) Несмотря на разъединеніе волостей, какъ самостоятельныхъ центровъ не только административной, но отчасти и политической жизни, въ народѣ и въ князьяхъ жило сознаніе о единой русской землѣ. Въ столкновеніяхъ съ иностранцами и съ погаными, «земля» дѣйствовала какъ одно цѣлое. Въ иностранныхъ сношеніяхъ не было ни переславскаго, ни черниговскаго князя, а только русскіе князья.

2) Представленіе о единомъ стольномъ князѣ всей Россіи было точно такъ же сильно въ народѣ.

3) Волости были независимы другъ отъ друга въ отношеніи внутренняго управленія; это совершенно справедливо. Но могли ли эти самостоятельныя волости составить нѣсколько самостоятельныхъ націй и національныхъ государствъ? На этотъ вопросъ врядъ ли можно отвѣтить утвердительно. Волости не могли сдѣлаться средоточіемъ самостоятельной національной жизни. Во-первыхъ, ни въ одной волости не было постояннаго, органически связаннаго съ нею княжескаго рода. Въ силу ли «дѣвства» или для добыванія столовъ, родъ князей Рюриковичей бродилъ по русской землѣ. Ни одинъ князь не былъ связанъ съ своею волостью; онъ «или высматривалъ лучшаго стола», или до-

жидалъ своей очереди занять старшій столъ, или просто странствовалъ по землѣ, предлагая свои услуги той волости, которая, по его мнѣнію, наиболѣе въ нихъ нуждалась.

Слѣдовательно, раздробленіе Россіи не могло сдѣлаться феодальнымъ, подобно раздробленію западной Европы. Раздробленіе это было скорѣе общиннымъ. Но и самостоятельность общинъ не могла упрочить политической самостоятельности волостей. Для самостоятельности нужно прежде всего политическое единство. Разсматривая отношенія городовъ къ пригородамъ можно убѣдиться, что власть главнаго города не могла удержать волости отъ дальнѣйшаго раздробленія. Каждая община стремилась стать волостью, и стремленіе это было тѣмъ сильнѣе, что власть главнаго города обусловливалась его полнымъ деспотизмомъ надъ пригородами. При стремленіи общинъ къ самостоятельности, при постоянномъ противодѣйствіи ихъ деспотизму городовъ, подчиненіе всѣхъ городовъ одному центру на *равныхъ правахъ* было единственно возможнымъ исходомъ. Словомъ, самостоятельность волостей была такого рода, что она могла привести одинаково и къ безконечному раздробленію Россіи и къ совершенной централизаціи, при чемъ каждая община тянула бы непосредственно къ общегосударственному центру. Этимъ и разрѣшилось впослѣдствіи противорѣчіе древняго государственнаго быта. Новгородскія волости не хотѣли тянуть къ Новгороду, но потянули къ Москвѣ, на равныхъ правахъ съ Новгородомъ. Только въ такой системѣ могло быть осуществлено равенство всѣхъ русскихъ общинъ.

У В. Сергѣевича нѣтъ указаній на это постепенное движеніе нашей политической жизни. Между тѣмъ эти указанія были бы полезны и для его догматическаго изложенія. Начатки новаго порядка могли бы, какъ нельзя лучше, отгвѣнить строй древне-русской жизни, довершить характеристику его началъ. вмѣстѣ съ тѣмъ В. Сергѣевичъ могъ бы указать и на разницу аналогическихъ явленій въ два совершенно различные періода русской исторіи.

Во-первыхъ, онъ не указываетъ разницы между государственными воззрѣніями русскихъ князей до и послѣ Андрея Боголюбскаго. Разница же эта была весьма велика. Въ древнѣйшей Россіи не было князей, тѣсно связанныхъ съ одною волостью; впоследствии они были. Каждая волость въ сѣверо-восточной Россіи постепенно дѣлается достояніемъ одной княжеской линіи. Это обстоятельство имѣло огромное вліяніе на политику князей и на значеніе волости. Въ прежнее время князья ищутъ себѣ хорошей волости и не стараются о расширеніи той, въ которой они сидятъ, ибо они могутъ оставить ее во всякое время; послѣ они не перемѣняютъ волости, а стараются увеличить свою вотчину на счетъ сосѣдей. *Добываніе* въ этомъ періодѣ имѣетъ не тотъ уже характеръ, что въ предыдущемъ. Прежде были столы и города, старшинство которыхъ было установлено народнымъ сознаніемъ и мнѣніемъ князей; кіевскій столъ считался старшимъ, независимо отъ могущества Кіева; великій князь — синонимомъ кіевскому князю; новгородскій, переяславскій и черниговскій князья никогда не назывались великими; напротивъ того, Новгородъ считался вотчиною великихъ князей, и въ принципѣ великій князь да-

валъ князя Новгороду; новгородцы, желая получить князя, выпрашиваютъ его у старшаго князя русской земли. Въ сѣверо-восточной Россіи не было такого народнаго центра; его должна была создать дѣятельность и ловкость князей; поэтому они стремятся доставить своей волости значеніе старшей, а себѣ названіе великихъ. Понятно, что и самый титулъ великаго князя получаетъ здѣсь совершенно другое значеніе; онъ принадлежитъ здѣсь могущественному князю, князю сильной волости, а не старшему князю всей русской земли. Такъ какъ обладаніе этимъ титуломъ стало зависѣть отъ фактическаго значенія князя, которое можно было добыть силою и ловкостью, то названіе великаго князя дается не одному, а нѣсколькимъ; являются великіе князья тверскіе, рязанскіе, московскіе и другіе. Прежде былъ одинъ главный центръ русской земли, изъ-за обладанія которымъ и боролись разные князья; позже каждый князь хочетъ сообщить такое значеніе своей волости, а потому старается умалить значеніе другихъ волостей, чего прежде не было нужно, ибо каждая волость безъ того считала себя младшею въ сравненіи съ старшею, кievскою. Вслѣдствіе этого государственнымъ центромъ является не волость, за которою было бы признано это значеніе всѣми другими, а князь, который долженъ былъ сообщить свое первенствующее значеніе и той волости, которою онъ владѣетъ. Итакъ, князь добываетъ себѣ не волость, а разныя преимущества для своей волости и для себя, какъ князя ея. Такъ, московскій князь добылъ себѣ право собиранія ордынскаго выхода, право исключительнаго сношенія съ Ордой, добылъ для Москвы митрополита и т. д.

Далѣе, нельзя не замѣтить важнаго обстоятельства, также упущеннаго изъ виду В. Сергѣевичемъ. Въ новое время различіе между великими и другими князьями получаетъ значеніе, несходное съ тѣмъ, какое оно имѣло въ предыдущее время, когда былъ одинъ великій князь, а всякій, кто владѣлъ другою волостью, кромѣ старшей, назывался удѣльнымъ княземъ. Всѣ князья, какъ братья, были равны между собою. Различія между линиями не существовало, ибо всѣ были «одного дѣда внуки», то есть, родъ былъ одинъ. Послѣ, когда обозначилось различіе между княжескими линиями, владѣвшими различными волостями, князьями удѣльными стали называться всѣ младшіе князья одной волости. Въ каждой волости былъ свой старшій князь, и всѣ эти старшіе князья въ разныхъ волостяхъ имѣли титулъ великихъ князей. Итакъ, мы видимъ распредѣленіе княжескихъ линий по волостямъ, которыя вслѣдствіе этого, получаютъ постоянное значеніе и нѣкоторое единство. Принимая во вниманіе это единство волости, можно сказать, что самый терминъ «удѣльный» относится къ этому періоду нашей исторіи. Прежде, при равенствѣ всѣхъ волостей, кромѣ старшей, каждый князь былъ *волостнымъ*. Теперь князья получаютъ *удѣль* въ волости, бывшей достояніемъ цѣлой княжеской линіи. Старшему князю давался обширный удѣль сравнительно съ младшими, которые, вслѣдствіе этого, были поставлены въ зависимость отъ него; зависимость эта росла съ каждымъ поколѣніемъ и кончилась уничтоженіемъ удѣловъ. Итакъ, въ это время мы видимъ вмѣсто полнаго юридическаго равенства между волостями, — съ фактическими преимуще-

ствами нѣкоторыхъ, преимуществами, утвержденными за ними всеобщимъ сознаниемъ, — нѣсколько неравныхъ волостей, неравенство коихъ создано искусственно, въ видахъ усиленія старшаго князя.

Однимъ изъ могущественныхъ средствъ провести это новое княжеское начало было завѣщаніе. Мы ожидали, что В. Сергѣевичъ нѣсколько больше отгнѣнить духовныя грамоты московскихъ князей отъ завѣщаній князей древнѣйшаго періода. А разница эта, особенно если взять (какъ это дѣлаетъ авторъ) весь княжеско-московскій періодъ вплоть до Ивана IV, громадна. Въ древній періодъ личная воля завѣщателя часто оставалась въ области желаній. «Призваніе» и «добываніе» легко могли совершенно измѣнить планъ завѣщателя. Напротивъ, московскіе князья не были уже призванными князьями, а князьями наследственными; съ уничтоженіемъ или, лучше сказать, съ ослабленіемъ татарскаго владычества послѣднее средство добыванія столовъ уничтожилось. Слѣдовательно, тогда завѣщанія сдѣлались проводникомъ новыхъ государственныхъ началъ и должны были завершиться торжествомъ единонаслѣдія и единодержавія.

Точно такъ же и договоры междукняжескіе измѣнили свой характеръ. Авторъ разсматриваетъ и это явленіе на всемъ пространствѣ княжескаго періода, не разграничивая двухъ указанныхъ нами эпохъ. Вслѣдствіе того у него попадаются весьма странныя замѣчанія. Такъ, на стр. 136 и 137, В. Сергѣевичъ говоритъ о содержаніи договоровъ слѣдующее:

«Со стороны содержанія договоры могутъ быть раздѣлены на двѣ большія группы: первую соста-

вляють тѣ, условія которыхъ относятся къ распредѣленію волостей между князьями; ко второй должны быть отнесены договоры, устанавливающіе политическіе союзы. Эти послѣдніе, въ свою очередь, мы подраздѣляемъ на два вида: первый составляютъ такіе союзы, въ силу которыхъ не возникаетъ никакого ограниченія политической самостоятельности договаривающихся сторонъ; второй — всѣ тѣ, которыми условливается такое ограниченіе для одной изъ нихъ».

Авторъ прежде всего приступаетъ къ разсмотрѣнію договоровъ, которыми устанавливались политическіе союзы. На чемъ основано это дѣленіе политическихъ союзовъ на два вида? Встрѣчается ли оно во всѣ періоды нашей исторіи одинаково? Конечно, нѣтъ. Договоры, имѣвшіе въ виду ограничить одну изъ договаривающихся сторонъ въ пользу другой, встрѣчаются исключительно въ позднѣйшее время княжескаго періода. Этотъ видъ договоровъ необходимо было разсмотрѣть въ связи съ указаннымъ выше различіемъ, установившимся въ сѣверо-восточной Россіи, между великими и удѣльными князьями и между различными видами великихъ князей. Стремленіе каждаго великаго князя состояло въ томъ, чтобы низвести другихъ князей, носившихъ этотъ титулъ, на степень младшихъ, а князей удѣльныхъ совершенно подчинить своей волѣ, на первый разъ по вопросамъ внѣшней политики. Читая же повѣствованіе объ этихъ договорахъ у В. Сергѣевича, невольно спрашиваешь себя, откуда они взялись и какой цѣли удовлетворяли.

По прочтеніи книги В. Сергѣевича читателю невольно представляется вопросъ: какимъ образомъ

порядокъ, только-что изображенный авторомъ, перешелъ въ государственный бытъ московскаго государства? По мнѣнію автора, изъ двухъ силъ, прежде существенно необходимыхъ въ каждой волости, князя и вѣча, осталась только одна — князь. Итакъ, князь отмѣнилъ вѣче. Въ этомъ ему помогла самая жизнь (стр. 20). Но какая же жизнь? Такія выраженія требуютъ точныхъ поясненій. Выраженія «народный духъ», «жизнь», взятые сами по себѣ, поясняютъ все, что угодно, ибо они ровно ничего не объясняютъ. Въ историко-юридическомъ изслѣдованіи эти смутныя выраженія должны быть переведены на точный языкъ. Изъ причинъ, обусловливавшихъ переходъ вѣчевой Россіи въ единодержавную, авторъ выставляетъ три: вліяніе татарскаго владычества, установленіе помѣстной связи между служилыми людьми и княземъ и объединеніе Россіи.

Намъ кажется, что первая изъ этихъ причинъ чисто внѣшняя, а двѣ остальные не самостоятельныя, а производныя. Вліяніе татарскаго владычества авторъ опредѣляетъ тѣмъ, что оно перенесло центръ русской политической жизни изъ Россіи въ Орду (стр. 21). Врядъ ли это такъ. Центръ древней Россіи, Кіевъ, утратилъ свое значеніе гораздо раньше татарскаго завоеванія; вся сила политической жизни сосредоточилась въ сѣверо-восточной Россіи. Но долг е время неизвѣстно было, какой городъ или какая волость займетъ первенствующее положеніе, принадлежавшее прежде Кіеву. Борьба родовъ съ пригородами и князей между собою длилась долго, и татарское завоеваніе застало Россію за этимъ «нерѣшеннымъ вопросомъ». Центръ политической жизни и не былъ перенесенъ въ Орду, а

постепенно вырабатывался въ самой Россіи. Татарское завоеваніе измѣнило только способъ и средства борьбы. Князья пользовались Ордой такъ, какъ прежде пользовались вѣчевыми партіями, но затѣмъ все зависѣло отъ ихъ ловкости и умѣнья. Московскіе князья взяли верхъ, и Москва стала политическимъ центромъ новой Россіи. Причина паденія вѣча, какъ политической силы, заключается въ самыхъ свойствахъ новаго ея центра. Свойства же эти обусловливались тѣмъ, что въ это время начало призванія совершенно измѣнило свой характеръ. Основная идея призванія уцѣлѣла и въ московскихъ князьяхъ, въ томъ смыслѣ, что князь былъ представителемъ государственной власти, созданной для водворенія порядка и суда. Но власть эта перестала призываться или признаваться народомъ при каждой перемѣнѣ князя. Съ усиленіемъ начала престолонаслѣдія, народное призваніе не дѣйствовало, пока былъ князь, наслѣдовавшій по праву. Оно возобновлялось только въ рѣдкихъ случаяхъ, за прекращеніемъ княжескаго рода. Такъ были «призваны» на престоль Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій, королевичъ Владиславъ, Михаилъ Романовъ. Государственная идея, зародившаяся въ первый моментъ призванія князей, какъ реакція общинному быту, достигла новой, высшей степени развитія. Татарское владычество имѣло для насъ огромное значеніе въ другомъ отношеніи; оно дало новый толчокъ народному самосознанію и повело къ практическому осуществленію государственнаго единства, которое, подъ вліяніемъ вѣчевого раздробленія, начало принимать какой-то отвлеченный характеръ.

Идея государственнаго единства передана была Москвѣ древнею Россіей, но въ древнѣйшій періодъ она имѣла мало практическаго значенія. Раздробленіе волостей ослабляло значеніе государственнаго центра. Волости воспѣвали «святую Русь», но могли тянуть къ нерусскимъ центрамъ. Во-первыхъ, князья призывались не изъ однихъ потомковъ княжескаго рода, но и изъ иноземцевъ. Это было бы еще ничего, но плохо было то, что цѣлыя волости были готовы признать чужеземное владычество и тянули то къ полякамъ, то къ нѣмцамъ. Мы видѣли, что въ древней Россіи единство волости обуславливалось силою главнаго города, вслѣдствіе чего не было положено никакихъ предѣловъ безостановочному ея раздробленію. Политическое единство поддерживалось развѣ тѣмъ, что князья, въ большинствѣ случаевъ, принадлежали къ одному и тому же княжескому роду. Москва сдѣлалась дѣйствительнымъ и обязательнымъ для всѣхъ центромъ, къ которому долженъ былъ тянуть всякій, кто принадлежалъ къ русскому народу. Причина этого заключается въ томъ, что связь между волостями стала поддерживаться не властью старшаго города надъ младшими (Москва была младшимъ изъ всѣхъ родовъ сѣверо-восточной Россіи), а властью московскаго князя. Волости, присоединившіяся къ Москвѣ, подчинялись не ей, а ея князю. Этимъ установилась возможность дѣйствительнаго политическаго единства. Пока князь былъ произведеніемъ вѣча, волости подчинялись не ему, а старшему городу. Но одна община подчинялась другой только до тѣхъ поръ, пока у послѣдней было достаточно силы, чтобы подчинять, а другая была настолько слаба,

что должна была подчиняться. Въ московскій періодъ вопросъ былъ поставленъ иначе; общины не подчинялись болѣе общинамъ, а государственной власти князя. Идея государства, какъ особаго элемента, выдѣленнаго изъ элементовъ общинныхъ, окрѣпла. Прежде «государство» было приурочено къ каждой общинѣ; въ каждой изъ нихъ было свое государство. Теперь русское государство было сосредоточено въ лицѣ московскаго государя. Государя эти весьма рано умѣли поставить вопросъ такъ, что всякая волость, не тянувшая къ нимъ, въ то же время не тянула ни къ русскому государству, ни къ русской землѣ.

В. ТЕОРІЯ В. О. КЛЮЧЕВСКАГО.

(В. О. Ключевскій. «Боярская дума древней Руси». М. 1883).

Что касается взглядовъ г. Ключевскаго на государственнѣйшій строй древнѣйшей Руси, то всего рельефнѣе они изложены въ той части первой главы его *Боярской думы древней Руси* (М. 1883, стр. 18—36), которая, составляя отступленіе отъ основной темы этой главы, даетъ, по словамъ автора, «первоначальную исторію городовъ на Руси». Болѣе подробно и съ изложеніемъ основаній, на которыхъ построенъ читаемый далѣе очеркъ, первоначальная исторія городовъ на Руси изложена г. Ключевскимъ въ №№ 1, 3, 4 и 10 журнала *Русская Мысль* за 1880-й годъ.

Исторія Россіи, говоритъ г. Ключевскій, началась въ VI в. на сѣверо-восточныхъ склонахъ и предгорьяхъ Карпатъ, на томъ обширномъ водораздѣлѣ, гдѣ берутъ свое начало Днѣстръ, оба Буга, правые притоки верхней Вислы, какъ и правые притоки верхней Припяти. Обозначая такъ начало нашей исторіи, мы хотимъ сказать, что тогда и тамъ впервые застаемъ мы восточныхъ славянъ въ общественномъ союзѣ, о происхожденіи и характерѣ котораго можемъ составить себѣ хотя нѣкоторое представле-

ніе, не касаясь труднаго вопроса, когда, какъ и откуда появились въ томъ краю эти славяне. Въ тотъ вѣкъ среди прикарпатскихъ славянъ господствовало воинственное движеніе за Дунай противъ Византіи, въ которомъ принимали участіе и вѣтви славянства, раскинувшіяся по сѣверо-восточнымъ склонамъ этого горнаго славянскаго гнѣзда. Это воинственное движеніе сомкнуло племена восточныхъ славянъ въ большой военный союзъ, политическое средоточіе котораго находилось на верхнемъ теченіи Западнаго Буга и во главѣ котораго стояло съ своимъ княземъ жившее здѣсь племя дубровъ-волынянъ. Остаются неясны причины, разрушившія этотъ союзъ; можно думать только, что это тѣ же причины, которыя повели къ другому еще болѣе важному послѣдствію — къ расселенію восточныхъ славянъ съ карпатскихъ склоновъ далѣе на востокъ и сѣверовостокъ. Нападенія на Византію взволновали, приподняли славянъ съ насиженныхъ мѣстъ. Нашествіе аваровъ (во второй половинѣ VI в.) на карпатскихъ славянъ, которые то воевали противъ нихъ, то вмѣстѣ съ ними громили имперію, еще болѣе усилило броженіе среди восточныхъ славянъ. Византійскіе писатели VI и начала VII в. застаютъ ихъ въ состояніи такого напряженнаго движенія. Славяне живутъ какъ разбойники, всегда готовые подняться съ мѣста, въ неприступныхъ тущобахъ, поселками, разсѣянными по лѣсамъ и берегамъ многочисленныхъ рѣкъ ихъ страны; такъ описываетъ ихъ Маврикій, а Прокопій замѣчаетъ, что они живутъ въ плохихъ избахъ, разбросанныхъ на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, и часто переселяются. Слѣдствіемъ этихъ

переселеній и было занятіе славянами области средняго и верхняго Днѣпра съ его правыми и лѣвыми притоками, какъ и съ воднымъ продолженіемъ этой области, съ бассейномъ Ильменя-озера.

Это передвиженіе совершилось въ VII и VIII вв. Днѣпръ скоро сталъ бойкой торговой дорогой для поселенцевъ. Своимъ теченіемъ, какъ и своими лѣвыми притоками, такъ близко подходящими къ бассейнамъ Дона и Волги, онъ потянулъ население на югъ и востокъ, къ черноморскимъ, азовскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Въ то самое время, съ конца VII в., на пространствѣ между Волгой и Днѣпромъ утвердилось владычество хозарской орды, пришедшей по аварскимъ слѣдамъ. Славяне, только-что начавшіе устроиться на своемъ днѣпровскомъ новосельѣ, подчинились этому владычеству. Съ тѣхъ поръ какъ въ Хозарію проникли торговые евреи и потомъ арабы, хозарская столица на устьяхъ Волги стала сборнымъ торговымъ пунктомъ. Покровительствуемые на Волгѣ и на степныхъ дорогахъ къ ней, какъ послушные данники хозарь, днѣпровскіе славяне рано втянулись въ торговые обороты. Арабъ Хордадбе писалъ о Руси въ 860—870 годахъ, т. е. около того времени, когда по нашей древней *Повѣсти* о началѣ русской земли въ Новгородѣ утверждался Рюрикъ, а въ Кіевѣ Аскольдъ съ Диромъ; но этотъ арабскій географъ знаетъ уже, что русскіе купцы возятъ товары изъ отдаленнѣйшихъ краевъ своей страны къ Черному морю, въ греческіе города, гдѣ византійскій императоръ беретъ десятину съ ихъ товаровъ, что тѣ же купцы ходятъ на судахъ по Волгѣ, спускаются до хозарской столицы, владѣтелю которой также платятъ десятину, выхо-

дять въ Каспійское море и проникають на юго-восточные берега его, даже иногда привозять свои товары въ Багдадъ на верблюдахъ. Нужно было не одно поколѣніе, чтобы съ береговъ Днѣпра или Волхова проложить такіе далекіе и разносторонніе торговые пути. Эта восточная торговля Руси оставила по себѣ выразительный слѣдъ, который свидѣтельствуешь, что она завязалась по крайней мѣрѣ лѣтъ за сто до Хордадбе. Въ монетныхъ кладахъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ древней кievской Руси, самое большое количество восточныхъ монетъ относится къ IX и X в. Попадались клады, въ которыхъ самыя позднія монеты принадлежать къ началу IX вѣка, значительное число относится къ VIII в.; но очень рѣдко встрѣчались монеты VII в., и то лишь самага конца его. Такъ осязательно обозначилась та эпоха нашей исторіи, когда началась усиленная эксплуатація лѣса, который долго питалъ русское народное хозяйство своимъ пушнымъ богатствомъ и бортнымъ пчеловодствомъ, доставляя главныя статьи русскаго вывоза, — мѣха, медь и воскъ.

Къ этому VIII вѣку надобно отнести возникновение древнѣйшихъ большихъ городовъ на Руси. Ихъ географическое размѣщеніе довольно наглядно показываетъ, что они были созданиємъ того торговаго движенія, которое съ VIII в. пошло среди восточныхъ славянъ по рѣчной линіи Днѣпра - Волхова на югъ и по ея вѣтвямъ на востокъ, къ черноморскимъ, азовскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Большинство ихъ (Ладога, Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ) вытянулось цѣпью по этой линіи; но нѣсколько передовыхъ постовъ выдвинулись уже съ

этой линіи далѣе на востокъ; таковы были: Переяславль южный, Черниговъ, Ростовъ. Эти города возникли, какъ сборныя мѣста русской торговли, пункты склада и отправленія русскаго вывоза. Каждый изъ нихъ былъ средоточіемъ извѣстнаго промышленнаго округа, посредникомъ между нимъ и приморскими рынками. Но скоро новыя обстоятельства превратили эти торговые центры въ политическіе, а ихъ промышленные округа въ подвластныя имъ области.

Уже въ первой половинѣ IX в. становятся замѣтны признаки упадка хозарскаго владычества въ южной Россіи. Изъ-за Волги сквозь хозарскія поселенія и кочевья проникаютъ къ Днѣпру печенѣги. Эта хищная орда начала загораживать торговые пути днѣпровской Руси и отрѣзывать ее отъ приморскихъ рынковъ. Лишившись безопасности, какой пользовались днѣпровскіе города подъ покровомъ хозарской власти, они должны были собственными средствами возстановлять и поддерживать свои старыя торговыя дороги. Тогда они начали вооружаться, опоясываться укрѣпленіями, стягивать къ себѣ боевыя силы и выдвигать ихъ на опасныя окраины страны сторожевыми заставами или посылать вооруженными конвоями при своихъ торговыхъ караванахъ. Первое хронологически определенное иноземное извѣстіе о Руси, сохранившееся въ Бертинской лѣтописи, говоритъ о томъ, что въ 839 г. русскіе послы жаловались въ Константинополь на затрудненіе сношеній Руси съ Византіей «варварскими свирѣпыми народамъ». Одно изъ первыхъ хронологически определенныхъ извѣстій о Кіевѣ, сохранившихся въ нашихъ лѣтописяхъ, го-

ворить о томъ, что въ 867 г. Аскольдъ и Дирь, обороняя этотъ городъ, избили множество печенѣговъ *)).

Торговый вооруженный городъ сталъ узломъ первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточныхъ славянъ на новыхъ мѣстахъ жительства. На карпатскихъ склонахъ у нихъ господствовали родовые союзы, которыми руководили родовые и племенные князья, филархи и царьки, какъ ихъ называли византійскіе писатели. Военный волынской союзъ, во главѣ котораго стоялъ князь дулѣбовъ, былъ соединеніемъ такихъ родовъ и племень. Съ разрушеніемъ этого союза восточные славяне остались раздѣленными «на многія племена и многочисленные роды», которые еще существовали

*) Никон. лѣтопись I, 17. Этого извѣстія нѣтъ въ начальномъ лѣтописномъ сводѣ по древнѣйшему Лаврентьевскому списку; здѣсь напротивъ читаемъ, что печенѣги впервые пришли на русскую землю въ 915 г. Но это не значитъ, что тогда впервые печенѣги появились въ степяхъ южной Руси. Въ самой лѣтописи есть указанія, не позволяющія придавать ей словамъ такого значенія. Во-первыхъ, она и о второмъ отмѣченномъ ею нашествіи печенѣговъ въ 968 г. говоритъ, что они тогда впервые пришли на русскую землю. Во-вторыхъ, «Повѣсть временныхъ лѣтъ», которой открывается начальный лѣтописный сводъ, перечисляя народы, нашествію которыхъ подвергались славяне, прямо послѣ обрвы ставитъ печенѣговъ, отчетливо отмѣчая, что послѣдніе пришли раньше угровъ, а угры, по свидѣтельству того же начальнаго лѣтописнаго свода, прошли мимо Кіева въ 898 г. Византійскіе писатели не обозначаютъ точно времени движенія печенѣговъ изъ-за Волги за Донъ; но и по нимъ видно, что оно произошло еще въ IX в., а изъ извѣстнаго разсказа Кедрена о построеніи Саркела можно заключить, что печенѣги еще въ первой половинѣ IX в. прорывались за Донъ и могли здѣсь сталкиваться съ нашими славянами. Извѣстно, наконецъ, что въ Лаврентьевскомъ спискѣ начальнаго лѣтописнаго свода опущено много извѣстій, сохранившихся въ позднѣйшихъ спискахъ, и именно въ Никоновскомъ.

или о которыхъ по крайней мѣрѣ помнили на Руси въ половинѣ X в., сколько можно судить о томъ по разсказамъ арабовъ Ибнъ-Даста и Масуди.

Но передвиженіе восточнаго славянства съ карпатскихъ склоновъ разбивало эти племенные и родовые союзы. Одни родичи уходили, другіе оставались; ушедшіе селились на новыхъ мѣстахъ не рядомъ, сплошными родственными поселками, а въ разброску, одинокими, удаленными другъ отъ друга дворами. Къ этому вынуждало тогдашнее состояніе страны, куда направлялась славянская колонизація: каждый выбиралъ для поселенія мѣсто удобное для лова и пашни, а среди лѣсовъ и болотъ такія мѣста не шли обширными сплошными пространствами. Такое топографическое удаленіе членовъ рода другъ отъ друга затрудняло практику власти родового старшины надъ всей родней, колебало и затрудняло имущественное общеніе между родственными дворами, помрачало въ родичахъ мысль объ общемъ родовомъ владѣніи, людей разныхъ родовъ дѣлало ближайшими сосѣдями другъ другу. Такъ разрушались юридическія связи рода, и приготовлялся переходъ общежитія на новыя основанія: обязательныя родовыя отношенія превращались въ родословныя воспоминанія или въ требованія родственнаго приличія, родство замѣнялось сосѣдствомъ. Съ теченіемъ времени успѣхи промысла и торгова создавали среди разбросанныхъ дворовъ сборные пункты обмѣна, центры *юстьбы* (торговли), *погосты*; нѣкоторые изъ нихъ превращались въ болѣе значительныя торговыя средоточія, въ города, къ которымъ тянули въ промышленныхъ оборотахъ окрестныя погосты, а города, возникшіе на главныхъ торго-

выхъ путяхъ, по большимъ рѣкамъ, выростали въ большія торжища, которыя стягивали къ себѣ обороты окрестныхъ городскихъ рынковъ. Такъ племенные и родовые союзы смѣнялись или поглощались промышленными округами. Когда хозарское владычество поколебалось, малые и большіе города начали укрѣпляться и вооружаться. Тогда погосты стали подчиняться ближайшимъ городамъ, къ которымъ они тянули въ торговыхъ оборотахъ, а малые города подчинялись большимъ, которые служили имъ центральными рынками. Подчиненіе вызывалось или тѣмъ, что вооруженный и укрѣпленный городъ завоевывалъ тянувшій къ нему промышленный округъ, или тѣмъ, что населеніе округа находило въ своемъ городѣ убѣжище и защиту въ случаѣ опасности, иногда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Такъ экономическія связи становились основаніемъ политическихъ, торговые районы городовъ превращались въ городовыя *волости*. Въ историческихъ памятникахъ XI и XII вв. можно еще замѣтить слѣды всѣхъ этихъ процессовъ; но можно замѣтить и то, что не во всѣхъ мѣстахъ они развивались съ одинаковымъ успѣхомъ и не вездѣ достигли послѣдняго момента къ тому времени, когда преемникъ Рюрика утвердился въ Кіевѣ. Иныя племена, на примѣръ, древяне, даже въ X в., при преемникѣ Олега, оставались раздѣленными на мелкіе округа, средоточіями которыхъ были города, «дѣлавшіе ны своя и земли своя», и во главѣ которыхъ стояли какіе-то «добрые князья, пасшіе деревскую землю», независимые одинъ отъ другого, хотя иногда и соединявшіеся другъ съ другомъ. Занесенная въ начальный лѣтописный сводъ кіевская былина объ

Ольгиной мести запомнила даже имя одного из этих князей Мала, так неудачно посватавшагося къ вдовѣ Игоря. Но Малъ правилъ своимъ Искоростенемъ не одинъ, а съ «лучшими мужами», «старѣйшинами града». Эти древлянскія княжества были, повидимому, небольшія сельскія волости*), занимавшіяся земледѣліемъ и лѣсными промыслами; образовала ихъ, можетъ-быть, изъ прежнихъ промышленныхъ округовъ, потребность въ оборонѣ отъ внѣшнихъ опасностей, наступившихъ для Поднѣпровья въ IX в. Оборонительными и правительственными центрами этихъ волостей служили города, въ которыхъ обыватели «затворялись» въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Изъ этихъ городовъ правила волостями старѣйшины, «лучшіе мужи, иже державу деревскую землю», военная аристократія, которая выдѣлилась изъ разрушавшихся древнихъ родовыхъ союзовъ, и тѣ, кого былина величаетъ князьями деревской земли, были, повидимому, только вождями этой мелкой военной старшины.

Слѣды подобнаго политическаго быта замѣтны и у вятичей даже въ концѣ XI в. Эти мелкія волости были первыми политическими союзами, образовавшимися у восточныхъ славянъ въ эпоху разрушенія древнихъ племенныхъ и родовыхъ связей. Оба названныя племени оставались въ состояніи такого политическаго раздробленія до окончательнаго завоеванія ихъ кievскими князьями. Другія племена рано вышли изъ него благодаря большимъ горо-

*) Срв. съ характеристикой общинноволостной формы землевладѣнія въ древней Руси въ книгѣ П. А. Соколовскаго *Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ*. Спб. 1878.

дамъ. Новгородъ, Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ уже въ IX в. успѣли стянуть къ себѣ значительныя области и стать во главѣ ихъ. Но и въ этихъ большихъ городскихъ областяхъ долго еще хранились остатки мелкихъ округовъ, подобныхъ древлянскимъ, которые нѣкогда были самостоятельными мірами и потомъ примкнули къ тому или другому большому городу. Въ половинѣ XII в. въ Смоленской области находимъ городъ Вержавскъ и рядомъ съ нимъ девять погостовъ, сельскихъ волостей, обозначавшихся общимъ названіемъ «Вержавлянъ Великихъ», а названіе *великихъ* носили въ древней Руси старшіе города, бывшіе самостоятельными главами своихъ областей, напримѣръ Ростовъ, Новгородъ. Точно такъ же Любечъ, вошедшій послѣ въ составъ черниговской области, въ IX и въ началѣ X вѣка является еще независимымъ отъ Чернигова, однимъ изъ главныхъ областныхъ городовъ, наравнѣ съ Кіевомъ, Смоленскомъ, Чернигомъ. Эти области старинныхъ большихъ городовъ и легли въ основаніе областного дѣленія, какое видимъ на Руси впослѣдствіи, въ XI и XII вв. Этнографическій составъ этихъ городскихъ областей и показываетъ, что они созидались на развалинахъ древнихъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ. *Повѣсть* о началѣ русской земли пересчитываетъ нѣсколько племенъ, на которыя распадалось восточное славянство до появленія князей въ Кіевѣ, и при этомъ довольно отчетливо указываетъ мѣстожителство cadaго племени. Но въ половинѣ IX в. эти племена были уже только этнографическими или географическими группами населенія, а не политическими союзами, хотя, быть-можетъ, и составляли нѣкогда такіе союзы.

Повѣсть смутно помнитъ, что когда-то у каждаго племени было «свое княженіе», но не запомнила ни одного племенного князя, который въ IX в. руководилъ бы цѣлымъ племенемъ. Областное дѣленіе русской земли при первыхъ кievскихъ князьяхъ, въ основаніе котораго легли городовыя области болѣе ранняго происхожденія, далеко не совпадало съ племеннымъ, какъ его описываетъ *Повѣсть*. Не было ни одной области, которая состояла бы изъ одного цѣльнаго племени: большинство ихъ составилось изъ частей разныхъ племенъ; въ нѣкоторыхъ къ цѣльному племени примкнули части другихъ племенъ *). Племена, части которыхъ, политически разбившись, притянуты были чужеземными большими городами, были именно тѣ, которыя и до этого не имѣли политическаго единства, а послѣднее не завязалось среди нихъ потому, что у нихъ не было большихъ городовъ, которые могли бы торгомъ или оружіемъ стянуть къ себѣ разрозненныя части своихъ племенъ, прежде чѣмъ сдѣлали это большіе города чужихъ племенъ. Около половины IX в. на длинной рѣчной полосѣ Днѣпра-Волхова между Кіевомъ и Ладогой положеніе дѣлѣ, можно думать, было таково: изъ восьми занимавшихъ эту полосу славянскихъ племенъ че-

*) *Полоцкая* составилаь изъ вѣтви кривичей съ частью дреговичей, *Смоленская* изъ другой вѣтви кривичей съ частью радимичей и, кажется, съ нѣсколькими поселками дреговичей и вятичей, *Черниговская* изъ части сѣверянъ съ другой частью радимичей и съ большинствомъ вятичей, *Кіевская* состояла изъ полянъ, почти всѣхъ древлянъ и части дреговичей, *Новгородская* изъ племени ильменскихъ славянъ съ изборской вѣтвью кривичей. Одна *Переяславская* область имѣла одноплеменное славянское населеніе, состоявшее изъ южной половины сѣверянъ.

тыре (древляне, дреговичи, радимичи и вятичи), жившія нѣсколько въ сторонѣ отъ торговаго движенія по главнымъ рѣчнымъ путямъ и слабо имъ захваченныя, оставались разбитыми на мелкіе независимые одинъ отъ другого округа, кажется, промышленные по происхожденію, но по обстоятельствамъ IX в. устроившіеся въ военные союзы, средоточіями которыхъ были земледѣльческіе укрѣпленные пункты, городки, пашущіе свои нивы; у четырехъ другихъ племенъ (славянъ ильменскихъ, кривичей, сѣверянъ и полянъ), жившихъ на главныхъ рѣчныхъ путяхъ и принимавшихъ болѣе дѣятельное участіе въ шедшемъ здѣсь торговомъ движеніи, такіе округа уже соединялись подъ руководствомъ большихъ промышленныхъ и укрѣпленныхъ городовъ, образуя шесть или семь крупныхъ городовыхъ областей, которыя захватывали значительныя части этихъ племенъ или цѣлыя племена и даже начинали втягивать въ себя ближайшія поселенія четырехъ другихъ племенъ*). Процессъ образованія этихъ областей и расхищенія ими сосѣднихъ племенъ, не успѣвшихъ объединиться, начался до кіевскихъ князей, но завершился уже при нихъ и съ ихъ содѣйствіемъ.

Переходъ на военную ногу, вынужденный внѣшними обстоятельствами IX в., сдѣлалъ большіе города политическими центрами областей; такое политическое значеніе, въ свою очередь, создало въ

*) Это были области Новгородская, Полоцкая, Смоленская, Черниговская, Кіевская и Переяславская, вѣроятно уже существовавшая въ то время; къ нимъ можно причислить и область Любеча, если только она по своимъ размѣрамъ соответствовала важному торговому значенію этого города въ X в.

этихъ городахъ новый правительственный классъ. Мы не знаемъ, какъ хозары собирали дань съ подвластныхъ имъ славянскихъ племенъ, какъ правила своими данниками, — посредствомъ ли своихъ или туземныхъ уполномоченныхъ. Во всякомъ случаѣ, вооруженіе города, оборона торговыхъ путей, расширение области и укрѣпленіе власти надъ нею, -- все это создавало большому промышленному городу много новыхъ заботъ. Все это были дѣла правительственныя; но они были тѣсно связаны съ торговыми оборотами, и потому руководителями ихъ прежде всего стали люди, въ чьихъ рукахъ сосредоточивались эти обороты. Такъ въ одно время съ превращеніемъ большихъ городовъ въ политическіе центры промышленныхъ округовъ городской классъ, который держалъ въ рукахъ нити промышленности, приобрѣлъ власть надъ городомъ и его областью. Одно внѣшнее обстоятельство помогло образоваться этому классу, усиливъ его пришлымъ элементомъ. Въ то время, какъ на южный конецъ торговаго пути Днѣпра-Волхова налегла опасность изъ степи отъ новыхъ кочевниковъ, заставивъ прибрежный торговый міръ запасаться ратными людьми, на сѣверномъ концѣ этого рѣчного пути появились или чаще прежняго стали появляться пришельцы другого рода. То были норманны *), начавшіе тогда тревожить берега Западной Европы и извѣстные тамъ подъ именемъ дановъ, а у насъ прозванные варягами. Они появлялись на Волховѣ больше для

*) Сжатую характеристику норманнскихъ движеній въ Европѣ см. въ живо и популярно написанной хроникѣ А. Ф. графа фонъ Шакка: *Исторія норманновъ въ Сициліи*. Переводъ съ нѣм. П. М. Соколова. Спб. 1896. -- *Ред.*

того, чтобы стеюда Днѣпромъ проникнуть въ богатя южныя страны, преимущественно въ Византію, и тамъ поторговать, послужить императору, при случаѣ пограбить. Вооруженный купецъ-варягъ, идущій «въ греки», сталъ тогда обычнымъ явленіемъ на кievскомъ Днѣпрѣ; купца привыкли видѣть въ вооруженномъ варягѣ, шедшемъ изъ Руси, и на балтійскомъ побережьи; когда русскому военному варягу приходилось скрывать свое ремесло подъ наиболѣе вѣроятной маской, онъ и по древнему кievскому преданію и по скандинавской сагѣ (объ Олафѣ) прикидывался купцомъ. Съ тѣхъ поръ рѣчная дорога по Днѣпру-Волхову стала «путемъ изъ варягъ въ греки и изъ грекъ», какъ зоветъ ее древняя *Повѣсть* о началѣ русской земли. Но военноторговяя нужды прибрежныхъ большихъ городовъ доставляли шедшимъ мимо ихъ варягамъ выгодныя занятія и на этомъ пути, заставляя значительную часть ихъ здѣсь осаживаться. Сходство занятій и интересовъ сближало пришельцевъ съ туземными руководителями промышленности по большимъ городамъ: тѣ и другіе были вооруженные торговцы; содѣйствіе первыхъ было полезно вторымъ для расширенія городовыхъ областей и укрѣпленія ихъ за своими городами; тѣ и другіе одинаково нуждались въ безопасныхъ торговыхъ путяхъ къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Присутствіе этихъ иноземцевъ на Руси становится замѣтно уже въ первой половинѣ IX в., въ одно время съ «варварскими свирѣпыми народами», начавшими грозить сношеніямъ Руси съ Византіей, и эти иноземцы являются на Руси не простыми прохожими, а исполнителями порученій туземной власти; люди, кото-

рые въ 839 г., по разсказу Бертинской лѣтописи, въ Константинополѣ объявили себя послами отъ народа Руси, пришедшими «ради дружбы», оказались потомъ шведами. Съ того времени варяги приливали на Русь въ такомъ изобиліи, что кіевское общество XI в., историческія воспоминанія котораго передаетъ *Повѣсть* о началѣ русской земли, склонно было даже преувеличивать численность этихъ пришельцевъ. Въ XI в. ихъ представляли на Руси такимъ густымъ наноснымъ слоемъ въ составѣ славянскаго населенія, который уже въ IX в. распространился по главнымъ городамъ тогдашней Руси и въ нѣкоторыхъ даже закрылъ собою туземцевъ, «первыхъ насельниковъ»: по мнѣнію автора *Повѣсти*, новгородцы, прежде бывшіе славянами, вслѣдствіе прилива варяжскихъ «находниковъ», стали «людьми отъ рода варяжска», а Кіевъ, по одному преданію, будто бы и основанъ варягами, которые были его первыми насельниками.

Такъ правительственный классъ, взявшій въ свои руки военно-торговья дѣла главныхъ областныхъ городовъ, составилъ изъ двухъ элементовъ: изъ вооруженныхъ промышленниковъ туземныхъ и заморскихъ. Этотъ классъ создалъ въ большихъ городахъ то военно-промышленное управленіе, которое много вѣковъ оставалось господствующимъ типомъ городского устройства на Руси. Все вооруженное населеніе города раздѣлилось на десять ротъ, или *сотенъ*, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на *десятки*; такимъ образомъ, весь городъ составлялъ полкъ, или *тысячу*. Этой тысячей командовалъ тысяцкій, какъ военный управитель города; ему подчинены были предводители частей тысячи — сотскіе, десятскіе. За-

мѣчательно, что только главные города старинныхъ областей образовали полныя тысячи; младшіе города, или пригороды не были такими цѣльными полками или тысячами, хотя дѣлились на сотни, подобно старшимъ. Такъ Псковъ долго былъ новгородскимъ пригородомъ и только съ XIV в. сталъ самостоятельнымъ главой особой волости; онъ также дѣлился на сотни, но во все время своей самостоятельной жизни не составлялъ тысячи и не имѣлъ тысяцкаго въ составѣ своей администраціи *). Изъ преданій IX в. не запало въ наши древніе памятники ни одного намека на то, какъ эти тысяцкіе, сотскіе и другія городовыя власти назначались на свои должности. Но въ послѣдствіи на противоположныхъ окраинахъ русской земли, сѣверной и южной, встрѣчаемъ двѣ правительственныя формы, которыя при всѣхъ своихъ мѣстныхъ особенностяхъ были родственны по происхожденію, обѣ отлились по типу древняго городского устройства: одна была въ Новгородѣ, другая — въ казачествѣ. Тамъ и здѣсь управление было выборное. Но казачество было чисто военнымъ товариществомъ, и потому казацкій

*) Съ приобрѣтеніемъ самостоятельности Псковъ сталъ выбирать двухъ посадниковъ вмѣсто одного, какъ было въ Новгородѣ; но должность тысяцкаго не была учреждена, потому что Псковъ, какъ бывшій пригородъ, не имѣлъ тысячнаго устройства. Впрочемъ, гдѣ правительственный порядокъ установился князьями, а не самимъ городскимъ обществомъ, тамъ и пригороды, становясь стольными великокняжескими городами, устроились въ тысячи: такъ, встрѣчаемъ тысяцкихъ въ двухъ бывшихъ ростовскихъ пригородахъ — во Владимірѣ на Клязьмѣ въ XIII в. и въ Москвѣ въ XIV в. Тысяцкаго имѣлъ и Новгородъ Нижній, когда сталъ великокняжескимъ городомъ. Сторожевое укрѣпленіе въ кіевской землѣ, Бѣлгородъ, возникшее при Владимірѣ изъ княжескаго дворцоваго села, при Мономахъ также было *тысячей*.

кругъ отличался демократическими привычками: при избраніи войсковой старшины тамъ всё выбирали и каждый могъ быть выбранъ. На вѣчевой сходкѣ въ Новгородѣ также выбирали всё, но далеко не изъ всѣхъ, а только изъ одного довольно тѣснаго круга лицъ. Это различіе происходило оттого, что военное устройство Новгорода осложнялось дѣйствіемъ торговаго капитала. Собранный на вѣчѣ городъ представлялъ собою верховную власть въ правительственныхъ дѣлахъ; но внѣ вѣча промышленными дѣлами согражданъ руководили крупные капиталисты. Изъ ихъ круга державный городъ обыкновенно и выбиралъ свою правительственную старшину, что сообщало новгородскому управленію аристократическій характеръ.

Правительственный порядокъ въ большихъ русскихъ городахъ IX в., всего вѣроятнѣе, былъ ближе къ позднѣйшему новгородскому, который изъ него прямо и развился. Едва ли тысящіе и другія власти этихъ городовъ назначались гдѣ-либо хозарскимъ правительствомъ: съ того времени какъ печенѣги, проникнувъ въ область нижняго Днѣпра, поколебали хозарское владычество въ южной Руси, хозары не могли дѣятельно вмѣшиваться въ управленіе подвластныхъ имъ славянъ, хотя и продолжали нѣкоторое время брать съ нихъ дань.

Такъ до половины IX в. русскій городъ пережилъ рядъ экономическихъ и политическихъ переворотовъ. Возникнувъ среди разрушавшихся старыхъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ, изъ погоста, изъ незначительнаго, но счастливо помѣщеннаго сельскаго рынка, онъ превращался въ средоточіе нѣсколькихъ такихъ рынковъ, становился сборнымъ

пунктомъ обширнаго промышленнаго округа. Успѣхи торговли создавали въ немъ кругъ торговыхъ домовъ, которые воровали оборотами округа, служа посредниками между туземными производителями и иноземными рынками, а внѣшнія опасности заставили его потомъ вооружиться и укрѣпиться. Тогда его торговый округъ превратился въ подвластную ему область, а изъ его главныхъ торговыхъ домовъ, подкрѣпленныхъ вождями заморскихъ варяжскихъ компаній, составилаея военно-торговая аристократія, которая взяла въ свои руки управленіе городомъ и его областью. Эту торговую аристократію городовъ начальный лѣтописный сводъ въ разсказѣ о временахъ князя Владимира и называетъ «нарочитыми мужами», а выходявшихъ изъ нея десятскихъ, сотскихъ и другихъ городскихъ управителей — «старцами градскими» или «старѣйшинами по всѣмъ градомъ». Таково было значеніе и происхожденіе городскихъ старцевъ: это образовавшаяся изъ купечества военно-правительственная старшина торговаго города, который внѣшнія обстоятельства въ IX в. заставили вооружиться и устроиться по-военному.

Но въ концѣ X в., во времена князя Владимира, политическое положеніе городской старшины было уже не то, какъ въ первой половинѣ IX в. До кievскихъ князей классъ, черезъ эту старшину правившій городомъ и его областью, былъ здѣсь единственной правительственной силой. Въ X в. онъ уже долженъ былъ дѣлиться выгодами власти съ соперникомъ, созданію котораго самъ болѣе всего содѣйствовалъ. Это былъ князь съ своей дружиной, выдѣлившіеся изъ той же военно-торговой аристо-

кратіи большихъ городовъ. Ходъ этого выдѣленія можно представить въ такихъ общихъ чертахъ Оно было тѣсно связано съ образованіемъ кіевскаго княжества. Волостной городъ по его первоначальному устройству можно назвать вольной общиной, республикой, похожей на Новгородъ и Псковъ позднѣйшаго времени. Имъ управляла мѣстная промышленно-военная знать, у которой примѣсь заморскаго элемента не отнимала характера туземной аристократіи. Но тамъ, куда усиленно приливали вооруженныя компаніи изъ-за моря, пришлый элементъ въ составѣ правительственнаго класса получалъ перевѣсъ, а гдѣ притомъ и внѣшняя опасность чувствовалась сильнѣе, тамъ военные интересы брали верхъ надъ интересами мирнаго промысла. Тогда городъ съ своей областью получалъ характеръ варяжскаго владѣнія, военнаго княжества: изъ центрального рынка округа онъ превращался въ постоянный укрѣпленный лагерь, изъ котораго рѣже выходили купеческіе караваны, чѣмъ вооруженныя толпы для набѣговъ; вождь города изъ выборнаго тысяцкаго или добраго князя-пастыря, какъ называли древляне своихъ князей, превращался въ военнаго властителя, варяжскаго конунга, а кормъ, который получалъ онъ съ своей дружиной за военныя услуги съ оберегаемой области, замѣнялся данью или окупомъ, какого потребовали въ 980 г. у Владимира посадившіе его въ Кіевѣ варяги, сказавъ князю: «Вѣдь городъ-то нашъ, мы его *) взяли». Въ IX в.

*) Рѣша варязи Володимеру: «се градъ нашъ, мы прияхомъ и, да хочемъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ челоувка». И рече имъ Володимеръ: «пождѣте, даже вы куны сберуть за мѣсяць». И ждаша за мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша варязи:

встрѣчаемъ четыре такихъ варяжскихъ княжества: Рюриково въ Новгородѣ, Труворово въ Изборскѣ, Синеусово въ Бѣлозерской землѣ, Аскольдово въ Кіевѣ; въ X в. являются еще два: Рогволодово въ Полоцкѣ и Турово въ Туровѣ. Въ *Повѣсти* о началѣ русской земли такимъ же точно фактомъ открывается разсказъ о призваніи князей изъ-за моря. Здѣсь читаемъ, что еще до прихода Рюрика съ братьями варяги изъ заморья брали дань на славянахъ новгородскихъ, чуди и на другихъ сѣверныхъ племенахъ, которыя потомъ выгнали пришлыхъ властителей и перестали платить имъ дань. Преданіе не помнило, когда и какъ основалось это варяжское владѣніе, кто былъ вождемъ варяговъ, долго ли продолжалось ихъ владычество; но оно помнило послѣдствія вторженія, дань, возстаніе данниковъ и изгнаніе пришельцевъ. Стороннимъ наблюдателямъ эти варяжскія владѣнія на Руси казались дѣломъ настоящаго завоеванія: одинъ изъ нихъ писалъ, что «племена сѣвера», т. е. Норманны, завладѣли нѣкоторыми изъ славянъ и по сіе время обитаютъ между ними, даже усвоили себѣ ихъ языкъ, смѣшавшись съ ними.

При содѣйствіи этихъ военныхъ варяжскихъ княжествъ оборонительная борьба, какую вели промышленные русскіе города съ степью, перешла въ наступательную: по замѣчанію одной лѣтописи, Рюрикъ съ братьями, какъ только усѣлись на своихъ княженіяхъ, «начаша воевати всюду». Рядъ воинственныхъ морскихъ набѣговъ Руси на далекіе черноморскіе и каспійскіе берега, начавшійся еще въ

сольстий еси нами, да покажи ны путь въ греки». Онъ же рече имъ: «идѣте».

первой половинѣ IX в., закрылъ собою мирныя торговыя сношенія русскихъ городовъ прежняго времени; но онъ имѣлъ тѣсную связь съ этими сношеніями; то были вооруженныя рекогносцировки русскаго купечества съ цѣлью прочистить засорившіеся пути русской торговли и открыть доступъ къ приморскимъ рынкамъ. Исходнымъ пунктомъ этихъ смѣлыхъ предпріятій, сборнымъ мѣстомъ русскихъ витязей (викинговъ) былъ Кіевъ; у этого города, находившагося, по выраженію араба X в. Ибнъ-Даста, на самой границѣ страны славянъ, сходились главныя рѣчныя дороги Руси; все движеніе русской промышленности прекращалось, какъ скоро перехватывалась врагами ея водная днѣпровская артерія ниже Кіева. Поэтому въ Кіевѣ издавна скоплялось много варяговъ; не даромъ одно попавшее въ лѣтопись преданіе считаетъ ихъ первыми обитателями Кіева, а по словамъ *Повѣсти* о началѣ русской земли Аскольдъ могъ набрать здѣсь столько варяговъ, что отважился напасть на самый Царьградъ. Поэтому же военно-торговая аристократія другихъ промышленныхъ городовъ готова была поддерживать и издавна поддерживала всякаго вождя, направлявшагося къ Кіеву, чтобы отсюда возстановить старыя пути русской торговли. Аскольдъ съ Диромъ, отдѣлившіеся отъ дружины новгородскаго конунга Рюрика, безъ борьбы утвердились въ Кіевѣ, не встрѣтивъ препятствій на своемъ пути; шедшаго по ихъ слѣдамъ преемника Рюрика Олега днѣпровскіе города Смоленскъ, Любечъ и тотъ же Кіевъ также встрѣтили безъ замѣтной борьбы. Конунгъ, сидѣвшій въ Кіевѣ, держалъ въ своихъ рукахъ нити русской промышленности. От-

сюда соперничество между конунгами за этотъ городъ.

Бродячіе искатели торговыхъ барышей, хорошихъ кормовъ за военныя услуги или военной добычи, они перебивали другъ у друга ратныхъ людей, доходные города, выгодные торговые пути. Понятія и привычки, питавшія безконечную усобицу русскихъ князей XI и XII вв. за города, за волости, родились еще въ IX в. Кіевъ по своему значенію для русской промышленности болѣе другихъ городовъ вызывалъ это соперничество. Олегъ новгородскій за него погубилъ Аскольда и Дира кіевскихъ; потомъ другой новгородскій конунгъ, Владимиръ, истребивъ конунга полоцкаго Рогволода съ сыновьями, погубилъ другого конунга кіевского Ярополка, собственнаго брата. Изъ этой кровавой усобицы вышла первая русская династія: сперва восторжествовалъ родъ Рюрика, истребивъ или подчинивъ себѣ своихъ соперниковъ, другихъ такихъ же конунговъ; потомъ въ родѣ Рюрика восторжествовало племя младшаго его правнука Владимира. Эта династія, утвердившись въ Кіевѣ и пользуясь экономическимъ его значеніемъ, постепенно стянула въ свои руки разрозненныя дотолѣ части русской земли. Такъ первый опытъ политическаго объединенія русской земли былъ дѣломъ того же интереса, которымъ прежде созданы были независимыя одна отъ другой городовыя области, *дѣломъ внешней русской торговли.*

Можетъ показаться страннымъ такое торговое происхожденіе русскаго государства. Въ другихъ европейскихъ странахъ государства создавались либо естественнымъ сближеніемъ прежде разрознен-

ныхъ частей одного племени, либо насильственнымъ соединеніемъ разноплеменныхъ элементовъ посредствомъ завоеванія. Тотъ и другой процессъ былъ испытанъ и при образованіи двухъ первыхъ политическихъ формъ, возникшихъ на Руси: въ исторіи той и другой уцѣлѣли слѣды и насильственнаго и добровольнаго соединенія славянскихъ и финскихъ племенъ подъ одною властью. Однако ни ту, ни другую форму нельзя назвать русскимъ государствомъ. Если русское государство прежде всего есть государство русскаго народа, то этого народа въ тѣ вѣка еще не было, а были только элементы, славянскіе и не славянскіе, изъ которыхъ онъ потомъ сложился медленнымъ и труднымъ процессомъ. Необходимо отличать *процессъ* созданія извѣстной политической формы отъ *интереса*, который ее создаетъ. Русское государство, образовавшееся позднѣе, было дѣломъ національнаго интереса; но и въ его созданіи участвовали какъ завоеваніе, такъ и мирное соглашеніе. Государство первыхъ кіевскихъ князей не было дѣломъ такого интереса, какъ не были его дѣломъ и городовыя области, изъ которыхъ это государство составилось. Оно потому и разложилось уже въ XI в. на свои составныя элементы, городовыя волости, что интересъ, его создавшій, не былъ достаточно силенъ, чтобы поддержать и укрѣпить его надолго. Это былъ временный интересъ: благодаря довольно случайному сочетанію условій, подъ дѣйствіе которыхъ попали восточные славяне на новыхъ мѣстахъ жительства, въ ихъ хозяйствѣ внѣшняя торговля сдѣлалась господствующей силой, и потому во главѣ общества стали элементы населенія, ею руководившіе, наиболѣе за-

интересованные въ ея безопасности и успѣхахъ. Кіевское княжество, какъ и городовыя волости, ему предшествовавшія, имѣло не національное, а социальное происхожденіе, создано было не какимъ-либо племенемъ, а классомъ, выдѣлившимся изъ разныхъ племенъ. Руководившая городовыми областями военно-торговая аристократія поддержала самага сильнаго изъ конунговъ, помогла ему укрѣпиться въ Кіевѣ, а потомъ военными походами и торговыми договорами съ Византіей возстановить и обезпечить торговыя сношенія съ приморскими рынками. Это общее дѣло разрозненныхъ дотолѣ волостныхъ торговыхъ городовъ было завершеніемъ давнихъ усилій русскаго промышленнаго міра, которому съ начала IX в. враги начали загораживать торговые пути къ Черноморью и Каспію. Та же аристократія помогла кіевскимъ князьямъ распространить свою власть изъ Кіева. Этимъ содѣйствіемъ объясняется неодинаковый успѣхъ князей въ подчиненіи разныхъ племенъ. Гдѣ этотъ классъ былъ сосредоточенъ въ большихъ торговыхъ центрахъ, какъ у сѣверянъ черниговскихъ или переяславскихъ, тамъ вся область безъ борьбы или послѣ легкой борьбы подчинялась кіевскому князю, увлекаемая своей старшиной, тянувшей къ нему по единству интересовъ и частію даже по племенному родству. Напротивъ, древлянъ или вятичей, у которыхъ при отсутствіи центрального властнаго города, этотъ классъ былъ разбитъ на мелкія мѣстныя общества, кіевскимъ князьямъ пришлось завоевывать по частямъ, долгой и упорной борьбой. Значитъ, военно-торговая аристократія большихъ городовъ была самою дѣятельною силой въ созданіи политическаго

единства Руси, которое гѣмъ и началось, что этотъ классъ сталъ собираться подъ знаменами вышедшаго изъ его среды кievскаго князя. Но это политическое объединеніе класса было началомъ его соціального раздѣленія. Его прошлое сообщило ему двойственный характеръ: руководя торговыми оборотами городовыхъ областей, онъ былъ для нихъ и военно-правительственной силой. Теперь его боевые элементы начали переходить въ дружину кievскаго князя, образуя новый правительственный классъ *княжихъ мужей*, получившій уже не мѣстное, а общерусское значеніе. Другіе болѣе мирные люди того же класса оставались на своихъ мѣстахъ, продолжая руководить городскими обществами.

2.

ЮЖНАЯ РУСЬ XI—XII ВѢКОВЪ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ И СОЦІАЛЬНЫЙ СТРОЙ КІЕВСКОЙ РУСИ.

IX. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ДРЕВНЕРУССКАГО ГОРОДА И КНЯЗЯ ВЪ СВЯЗИ СЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕЙ.

Обширная равнина, на которой образовалось русское государство, въ началѣ нашей исторіи не является на всемъ своемъ протяженіи заселенной однимъ народомъ, который доселѣ дѣлаетъ ея исторію. Русская исторія открывается тѣмъ фактомъ, что населеніе, которое потомъ разрослось въ русскій народъ, вступаетъ на русскую равнину изъ одного ея угла, юго-западнаго, со склоновъ Карпатъ. Во все продолженіе русской исторіи этого населенія было далеко недостаточно, чтобы занять всю равнину; притомъ же распространялось оно по равнинѣ не постепенно путемъ нарожденія, не расселяясь, а переселяясь *). При каждомъ такомъ переселеніи оно становилось подъ дѣйствіе новыхъ условій, вытекавшихъ какъ изъ физическихъ особенностей занятой страны, такъ и новыхъ внѣшнихъ отношеній, которыя завязывались на новыхъ

*) Срв. выше на стр. 261.

мѣстахъ. Эти новыя условія и создавали новыя сочетанія общественныхъ элементовъ, сообщая народной жизни особый складъ и характеръ. Такимъ образомъ переселеніе, *колонизація* *) страны была основнымъ фактомъ русской исторіи, съ которымъ въ близкой или отдаленной связи стоятъ всѣ другіе ея факты.

Но этотъ основной фактъ самъ выходитъ изъ совокупнаго дѣйствія двухъ причинъ: 1) изъ несообразности населенія съ пространствомъ страны и 2) изъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, заставлявшихъ населеніе переноситься изъ края въ край и бывшихъ въ значительной степени дѣломъ той же природы страны. Этимъ сочетаніемъ указанныхъ элементовъ можетъ опредѣляться и самое дѣленіе русской исторіи на періоды: 1) днѣпровскій; 2) верхневолжскій; 3) великорусскій и 4) всероссійскій.

Съ VIII вѣка и приблизительно до конца XII в. масса славяно-русскаго населенія сосредоточивалась на среднемъ и верхнемъ Двѣпрѣ съ его притоками и историческимъ его воднымъ продолженіемъ, областью Ловати-Волхова. Во все это время Русь политически раздроблена на отдѣльныя самостоятельныя волости, въ каждой изъ которыхъ центромъ является большой торговый городъ, первый устроитель и руководитель политическаго быта, потомъ встрѣтившій соперника въ пришломъ князѣ. Господствующимъ фактомъ экономической жизни является внѣшняя торговля съ вызванными и поддерживаемы-

*) Новѣйшее научно-популярное изложеніе вопроса о русской колонизаціи см. въ книгѣ профессора П. Н. Милюкова *Очерки по исторіи русской культуры*. Спб. 1896 (первый очеркъ первой части).

ми ею лѣсными промыслами, звѣроловствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ). Это — Русь *днѣпровская, городова, торговая*.

Мы уже видѣли *), что расселеніе славянъ по восточно-европейской равнинѣ, согласно взгляду г. Ключевского, сопровождалось рядомъ послѣдствій юридическихъ и экономическихъ. Не колебля народныхъ вѣрованій и преданій, связанныхъ съ первобытнымъ родовымъ союзомъ, расселеніе должно было въ то же время разрушать юридическую связь рода, замѣняя родство сосѣдствомъ; къ VIII вѣку, какъ результатъ того же расселенія по Днѣпру съ притоками, относятся два факта: 1) развитіе внѣшней восточной торговли славянъ и вызванныхъ ею лѣсныхъ промысловъ и 2) возникновеніе древнѣйшихъ городовъ на Руси изъ главныхъ складочныхъ пунктовъ этой торговли. Большіе вооруженные города явились какъ разъ среди тѣхъ племенъ, которыя принимали наиболѣе дѣятельное участіе во внѣшней торговлѣ. Города же подчиняли себѣ со-племенные имъ окрестныя населенія, для которыхъ они прежде служили торговыми средоточіями, и образовали изъ нихъ политическіе союзы, области, въ составъ которыхъ втянули частью еще до появленія князей кіевскихъ, а частью при нихъ и сосѣднія поселенія чужихъ племенъ.

Образованіе этой политической формы на Руси сопровождалось въ иныхъ мѣстахъ созданіемъ другой, вторичной формы — *варяжскаго княжества*. Въ тѣхъ промышленныхъ пунктахъ, куда съ особенной силой приливали вооруженные пришельцы, изъ-за

*) См. выше стр. 290 и слѣд.

моря, они легко теряли значеніе торговыхъ товарищей или наемныхъ охранителей торговыхъ путей и превращались во властителей. Изъ соединенія варяжскихъ княжествъ и сохранившихъ самостоятельность городовыхъ областей вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси: то было *княжество кіевское*.

Общій интересъ, создавшій кіевское княжество, — *внѣшняя торговля*, — направили его дальнѣйшее развитіе, руководили какъ внутренней, такъ и внѣшней дѣятельностью первыхъ кіевскихъ князей. Читая начальный лѣтописный сводъ, мы встрѣчаемъ рядъ полуисторическихъ, полусказочныхъ преданій о князьяхъ кіевскихъ Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ. Всматриваясь въ эти преданія, можно уловить однако основныя побужденія, которыя направляли дѣятельность этихъ князей. Утвердившись въ Кіевѣ, князья начали устанавливать въ подвластной странѣ государственный порядокъ, прежде всего, разумѣется, администрацію налоговъ. Въ подчиненныхъ областяхъ они сажали своихъ наместниковъ, «посадниковъ», которыми были либо ихъ дружинники, либо собственные сыновья. Эти наместники имѣли свои дружины, вооруженные отряды, дѣйствовали довольно независимо, стояли въ слабой связи съ государственнымъ центромъ, съ Кіевомъ, были такіе же конунги, какъ и князь кіевскій, который считался только старшимъ между ними и въ этомъ смыслѣ назывался «великимъ княземъ»; въ договорѣ Олега съ греками они прямо такъ и зовутся «свѣтлыми князьями подъ рукою Олега сущими». Нѣкоторые изъ этихъ наместниковъ, покоривъ то или другое племя, получали его

отъ князя въ управленіе съ правомъ собирать съ него дань въ свою пользу: знаменитый Игоревъ воевода Свѣнелдъ, побѣдивъ славянское племя уличей, обитавшее по нижнему Днѣпру, получалъ въ свою пользу дань не только съ этого племени, но и съ древлянъ, такъ что его дружина, «отроки», жила богаче дружины самого Игоря. Главной цѣлью этой администраціи былъ сборъ налоговъ. Олегъ, какъ только утвердился въ Кіевѣ, сталъ хлопотать объ установленіи даней съ подвластныхъ племенъ.

Ольга объѣзжала подвластныя земли и также устанавливала уставы и оброки, дани и погосты, т. е. сельскіе судебноподатные округа. Дань получалась двумя способами: или подвластныя племена привозили ее въ Кіевъ, или князья сами ѣздили за нею по племенамъ. Первый способъ сбора дани назывался *повозомъ*, второй — *полюдемъ*. Полюдье — это административно-финансовая поѣздка князя по подвластнымъ племенамъ. Дань обыкновенно собиралась натурою, преимущественно мѣхами. Впрочемъ, есть извѣстіе, что радимичи въ IX вѣкѣ платили дань хозарамъ «щялягами», т. е. монетою; подъ этимъ нѣмецкимъ названіемъ можно всего вѣроятнѣе разумѣть серебряныя арабскія диргеми, которыя путемъ торговли во множествѣ попадали тогда на Русь. Императоръ византійскій Константинъ Багрянородный, писавшій въ половинѣ X вѣка, въ своемъ сочиненіи «Объ управленіи имперіей» рисуетъ намъ картину княжескаго полюдья. Въ началѣ ноября, когда, слѣдовательно, устанавливался зимній путь, князь со всею Русью, т. е. съ дружиной, выходилъ изъ Кіева *εἰς τὰ πολίδια*, «въ городки», какъ казалось Багрянородному, а въ самомъ

дѣлѣ «на полюдь», о которомъ ему говорили его славяно-русскіе рассказчики. Князь отправлялся для сбора даней къ сѣверянамъ, древлянамъ, кривичамъ и другимъ славянскимъ племенамъ, платившимъ дань Руси, и въ этомъ объѣздѣ проводилъ всю зиму. Это — трудное путешествіе, добавляетъ императоръ. И наша *Повѣсть*, подтверждая это замѣчаніе, рассказываетъ, какъ Игорь былъ даже убитъ древлянами во время одного изъ такихъ полюдій. Между тѣмъ какъ князь съ дружиною блуждалъ по подвластнымъ землямъ, племена, платившія дань Руси, въ продолженіе зимы рубили деревья, дѣлали изъ нихъ лодки и весною въ апрѣлѣ спускали ихъ по рѣкамъ и озерамъ къ Кіеву, вытаскивали ихъ здѣсь на берегъ и дожидались возвращенія Руси. Въ томъ же апрѣлѣ по полой водѣ съ данью, собранною зимою, Русь возвращалась въ Кіевъ, покупала эти лодки, оснащивала, грузила ихъ и сплавила къ Константинополю, прихвативъ съ собою торговыя лодки русскихъ купцовъ изъ Смоленска, Новгорода и другихъ городовъ. Читая этотъ рассказъ, легко понять, какими товарами нагружала Русь свои торговые караваны лодокъ, сплавившихся лѣтомъ къ Царьграду: это была дань натурой, собранная княземъ и его дружиною во время зимняго объѣзда. Къ торговому каравану княжескому и боярскому примыкали лодки и простыхъ русскихъ купцовъ, чтобы подъ защитой княжеской дружины дойти до Царьграда. Въ договорѣ Игоря съ греками читаемъ, между прочимъ, что великій князь русскій и его бояре ежегодно могутъ посылать къ великимъ царямъ греческимъ столько кораблей, сколько захотятъ, съ послами и гостями, т. е. съ своими соб-

ственными приказчиками и съ вольными русскими купцами.

Этотъ разсказъ византійскаго императора наглядно указываетъ намъ на тѣсную связь между ежегоднымъ оборотомъ политической и экономической жизни Руси. Дань, которую собиралъ кievскій князь, какъ властитель, служила ему въ то же время средствомъ и для торговыхъ оборотовъ; ставъ государемъ, онъ, какъ варягъ, не переставалъ еще быть вооруженнымъ купцомъ. Данью онъ дѣлился со своею дружиной, которая составляла его правительственное орудіе. Этотъ классъ дѣйствовалъ, какъ главный рычагъ въ томъ и другомъ оборотѣ, политическомъ и экономическомъ; зимой онъ правилъ, ходилъ по людямъ, а лѣтомъ торговалъ тѣмъ, что собралъ въ продолженіе зимы. Въ томъ же разсказѣ Константина живо обрисовывается и централизующее значеніе Кіева, какъ средоточія политической и хозяйственной жизни Руси. Такъ устроилась внутренняя политическая жизнь въ кievскомъ княжествѣ IX и X вв.

Легко замѣтить основной интересъ, руководившій этой жизнью. Дань, шедшая князю, питала внѣшнюю торговлю Руси. Этотъ же основной общественный интересъ направлялъ и внѣшнюю дѣятельность кievскихъ князей. Дѣятельность эта была направлена къ двумъ цѣлямъ: 1) къ пріобрѣтенію и поддержанію заморскихъ рынковъ; 2) къ расчисткѣ и охранѣ торговыхъ путей, которые вели къ этимъ рынкамъ. Самымъ виднымъ явленіемъ во внѣшней исторіи Руси до половины XI в. были военные походы кievскихъ князей на Царьградъ. До смерти Ярослава ихъ можно насчитать шесть, если не считать похода

Владимира на византійскую колонію Херсонесъ Таврической. Достаточно видѣть причину перваго и послѣдняго изъ этихъ походовъ, чтобы замѣтить одно общее побужденіе, которымъ были вызваны всѣ они. Въ 866 году Аскольдъ и Диръ напали на Царьградъ, раздраженные, по словамъ патріарха Фотія, умерщвленіемъ своихъ соплеменниковъ, очевидно русскихъ купцовъ, послѣ того какъ византійское правительство отказало Руси въ удовлетвореніи за эту обиду. Въ 1043 году князь кievскій Ярославъ послалъ на грековъ сына съ флотомъ, потому что въ Константинополѣ избили русскихъ купцовъ и одного изъ нихъ убили. Итакъ, всѣ эти походы вызваны были стремленіемъ поддержать или возстановить прервавшіяся торговыя сношенія Руси съ Византіей. Вотъ почему эти походы обыкновенно оканчивались торговыми трактатами. Характеръ такихъ трактатовъ имѣютъ всѣ дошедшіе до насъ договоры Руси съ греками X в. Изъ нихъ дошли до насъ два договора Олега, одинъ Игоревъ и одинъ договоръ, или только отрывокъ, договора Святославова. Читая эти договоры, легко замѣтить, какой интересъ связывалъ Русь съ Византіей. Всего подробнѣе и точнѣе опредѣлены въ нихъ порядокъ ежегодныхъ торговыхъ сношеній Руси съ Византіей: съ этой стороны они отличаются замѣчательной выработкой международного права. Ежегодно торговцы Руси являлись въ Константинополь лѣтомъ на торговый сезонъ, продолжавшійся шесть мѣсяцевъ: никто не имѣлъ права оставаться въ Константинополѣ на зиму. Русскіе купцы останавливались въ предмѣстьѣ Константинополя у святого Мамы (давно исчезнувшій мона-

стырь св. Маамонта). Императорскіе чиновники отбирали у прибывшихъ купцовъ княжескую грамоту съ обозначеніемъ числа посланныхъ изъ Кіева кораблей, переписывали имена прибывшихъ княжескихъ пословъ и гостей. Эти послы и гости во время всего своего пребыванія въ Константинополѣ пользовались отъ мѣстнаго правительства даровой баней и даровымъ кормомъ — знакъ, что на эти торговые караваны въ Константинополѣ смотрѣли не какъ на частныя промышленныя предприятия, а какъ на торговыя посольства кіевского правительства. Послы получали свои посольскіе оклады, а простые купцы «мѣсячину», мѣсячный кормъ, который имъ раздавался въ извѣстномъ порядкѣ городовъ, сначала кіевскимъ, потомъ черниговскимъ, переяславскимъ, смоленскимъ. Такой порядокъ торговыхъ сношеній Руси съ Византіей установленъ былъ договорами Олега и Игоря.

Другой заботой кіевскихъ князей была поддержка и охраненіе торговыхъ путей, которые вели къ заморскимъ рынкамъ. Тотъ же императоръ Константинъ ярко рисуетъ опасности, которыя долженъ былъ одолѣвать русскій торговый флотъ на своемъ пути въ Византію. Собранные на Днѣпрѣ подъ Кіевомъ караваны княжескихъ, боярскихъ и купеческихъ лодокъ двигались вмѣстѣ къ порогамъ. Приближаясь къ нимъ, Русь высаживала на берегъ и выдвигала въ степь вооруженные отряды, которые не допускали бы печенѣговъ до рѣки: съ высокаго днѣпровскаго берега легко было перестрѣлять весь экипажъ торговыхъ лодокъ. Выплывши благополучно въ устья Днѣпра, Русь приносила благодарственную жертву своимъ богамъ и, дер-

жась берега, двигалась моремъ. Приближаясь къ устьямъ Дуная, караванъ опять высылалъ на берегъ сторожевой отрядъ, чтобы отбить поджидавшихъ здѣсь печенѣговъ. Тѣмъ же порядкомъ отъ устьевъ Дуная караванъ вдоль береговъ двигался къ Константинополю. Читая подробное описаніе этихъ русскихъ путешествій у императора, живо чувствуешь, для чего нужна была русской торговлѣ вооруженная охрана при движеніи русскихъ купцовъ къ Константинополю.

Но засаривая степныя дороги русской торговли, кочевники беспокоили и самыя границы русской земли. Отсюда третья забота русскихъ князей—ограждать и оборонять предѣлы Руси отъ степныхъ варваровъ; эта забота съ теченіемъ времени становится даже господствующей въ политикѣ кіевскихъ князей, благодаря все усиливавшемуся напору степныхъ кочевниковъ. Олегъ, по разсказу *Повѣсти* о началѣ русской земли, какъ только утвердился въ Кіевѣ, началъ города ставить вокругъ него. Владимиръ, ставъ христіаниномъ, сказалъ: «се не добро, еже мало городовъ около Кіева», и началъ строить города по рѣкамъ Деснѣ, Трубежу, Стугнѣ, Сулѣ и другимъ. Эти укрѣпленные пункты заселялись боевыми людьми, которые вербовались изъ разныхъ племенъ, славянскихъ и финскихъ, населявшихъ русскую равнину. Съ теченіемъ времени эти укрѣпленные мѣста соединялись между собою валами и засѣками. Такъ по южнымъ и юго-восточнымъ границамъ тогдашней Руси, на правой и лѣвой сторонѣ Днѣпра, выведены были въ X и XI вв. ряды земляныхъ окоповъ и сторожевыхъ «заставъ», городковъ, чтобы сдерживать нападенія кочевниковъ.

Все княженіе Владимира прошло въ упорной борьбѣ съ печенѣгами, которые раскинулись по обѣимъ сторонамъ нижняго Днѣпра восемью ордами, дѣлившимися каждая на пять колѣнъ. Около половины X вѣка, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, передовыя кибитки печенѣговъ начинались на разстояніи лишь одного дня пути отъ Кіева, т. е. верстахъ въ 40 отъ него. Въ началѣ XI вѣка мы встрѣчаемъ указаніе на успѣхъ борьбы Руси со степью. Въ 1006—7 году чрезъ Кіевъ проѣзжалъ нѣмецкій миссіонеръ Брунонъ, направляясь къ печенѣгамъ для проповѣди евангелія. Онъ остановился погостить у князя Владимира, котораго въ письмѣ къ императору Генриху II называетъ сеньоромъ руссовъ. Князь Владимиръ уговариваетъ миссіонера не ѣздить къ печенѣгамъ, говоря, что у нихъ онъ не найдетъ душъ для спасенія, а скорѣе самъ погибнетъ позорною смертію. Князь не могъ уговорить Брунона и вызвался проводить его до границъ своей земли, которыя онъ со всѣхъ сторонъ оградилъ крѣпкимъ частоколомъ на весьма большомъ протяженіи, по причинѣ скитающихся около нихъ непріятелей. Въ одномъ мѣстѣ князь Владимиръ провелъ нѣмцевъ воротами чрезъ эту линію укрѣпленій и, остановившись на сторожевомъ степномъ холмѣ, послалъ сказать имъ: «вотъ я довелъ васъ до мѣста, гдѣ кончается моя земля и начинается непріятельская». Весь этотъ путь отъ Кіева до границы пройденъ былъ въ два дня. Мы замѣтили выше, что въ половинѣ X вѣка печенѣжскія кибитки появлялись въ разстояніи одного дня пути отъ Кіева. Значитъ, въ продолженіе полувѣковой упорной борьбы Русь успѣла пробиться въ степь

на одинъ день пути, т. е. отвоевать еще версть 40, а великій князь Ярославъ ставилъ города еще южнѣе по рѣкѣ Роси.

Такъ первые кievскіе князья продолжали начавшуюся еще до нихъ дѣятельность вооруженныхъ и торговыхъ городовъ Руси, поддерживая сношенія съ приморскими рынками, охраняя торговые пути и границы Руси отъ степныхъ ея сосѣдей.

Х. КІЕВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОБЩИНА И ЕЯ ВЪЧЕ.

(*М. С. Грушевскій. «Очеркъ исторіи кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія». Кіевъ. 1891).*

Политическій строй кіевской земли, сообразно двумъ элементамъ его, можно назвать общинно-дружиннымъ или дружинно-вѣчевымъ: земская автономная, суверенная община, обнимающая собою всю землю, и единоличная власть, опирающаяся на дружину, составляютъ два элемента, два фактора, обусловливающіе этотъ строй. Первый изъ этихъ элементовъ — общинный вступаетъ въ разсматриваемый періодъ въ состояніи ослабленія, атрофіи. Хотя подъ влияніемъ внѣшнихъ условій онъ затѣмъ возвращается къ политической дѣятельности, но не создаетъ для себя опредѣленныхъ, постоянныхъ функций, а остается въ своей практикѣ, такъ сказать, органомъ экстраординарнымъ, текущее же управленіе вѣдаетъ элементъ дружинный, при чемъ эти два элемента иногда конкурируютъ и сталкиваются. Такое нѣсколько неопредѣленное положеніе общиннаго элемента подало поводъ нѣкоторымъ ученымъ игнорировать его: считая политическую дѣятельность общины за нѣчто ненормальное, революціонное, они признаютъ строй кіевской земли за строго монархическій *). Несправедливость такого взгляда

*) Срв. выше въ I отдѣлѣ стр. 3 и 5. — *Ред.*

достаточно ясна при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣятельности обоихъ общественныхъ элементовъ и ихъ взаимнаго отношенія.

Начнемъ съ общиннаго, какъ старѣйшаго, исконнаго элемента; оговоримся только, что свѣдѣнія наши о немъ относятся ближайшимъ образомъ лишь къ землѣ полянъ — русской землѣ. Что элементъ этотъ жилъ и дѣйствовалъ въ разсматриваемый періодъ въ кievской землѣ, это утверждаетъ прежде всего классическое свидѣтельство Суздальской лѣтописи, которое относится ко второй половинѣ XII в. и гласитъ такъ: «Новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане, и вся власти, яко же на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшии сдумають, на томъ же пригороди стануть». Центръ тяжести этого извѣстія — въ отношеніяхъ городовъ къ пригородамъ; лѣтописецъ объясняетъ, почему Владимиръ, младшій городъ, отстываетъ отъ общей нормы и не подчиняется рѣшенію старшихъ городовъ; но онъ въ то же время утверждаетъ существованіе въ эту эпоху въ кievской землѣ вѣча, какъ органа всей земли, при томъ органа воли верховной, такъ какъ тутъ, очевидно, идетъ дѣло о вѣчѣ, собираемомъ населеніемъ по собственной инициативѣ, а не по указанію извнѣ; однимъ словомъ, это извѣстіе указываетъ на существованіе въ кievской землѣ суверенной общины и не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи разницы между Киевомъ и такими политически развитыми общинами, какъ Новгородъ и Полоцкъ. Это теоретическое утвержденіе сѣвернаго лѣтописца подтверждается конкретными фактами исторіи кievской земли; факты эти были уже болѣе или менѣе об-

слѣдованы въ литературѣ, теперь сведемъ ихъ, рас-
предѣливъ по отдѣламъ, сообразно тѣмъ вопросамъ,
которые обсуждались и рѣшались общиною.

На первомъ планѣ среди различныхъ функций
вѣча стоитъ избраніе и призваніе князя, принятіе
его или утвержденіе, и низложеніе. Къ этой кате-
горіи относится первое проявленіе политической
дѣятельности вѣча, когда въ 1068 г. недовольные
Изяславомъ кіяне низложили его и посадили на кня-
женіе («поставиша и средѣ двора кнѣжа») Всеслава.
Когда Всеславъ бѣжалъ, «люды створиша вѣче, по-
слашася къ Святославу и къ Всеволоду», призывая
ихъ къ себѣ на столъ, но вслѣдствіе отказа ихъ были
вынуждены принять назадъ Изяслава. Въ 1113 г.
кіяне призвали къ себѣ на столъ Мономаха, и когда
онъ не рѣшался принять предложеніе, настояли на
своемъ. Въ 1132 г. они призвали на столъ Ярополка
Володимерича. Въ 1146 г., по предложенію Всево-
лода Ольговича, признали своимъ княземъ Игоря
Ольговича, по смерти Всеволода подтвердили свое
согласіе («братъ твой князь и ты»), но затѣмъ окон-
чательно разочаровавшись въ Игорѣ, призвали на
столъ Изяслава; послѣдняго встрѣтили на пути де-
путации отъ старшаго города и отъ пригородовъ съ
заявленіемъ признанія («ты нашъ князь, а Ольгови-
чевъ не хотимъ»). Въ 1150 г. Изяславъ, изгнанный
Юріемъ, отправился обратно въ Кіевъ, «хотящимъ
его кыаномъ», между тѣмъ Вячеславъ сѣлъ на кіев-
скій столъ, но кіяне отреклись отъ него и признали
своимъ княземъ Изяслава («а мы его не хотимъ, ты
нашъ князь»). Когда Изяславъ долженъ былъ снова
ретироваться передъ нападеніемъ Юрія и Володи-
мирка, «кіяне же убоявшеся Володимера галичь-

скаго, уведоша князя Дюргя въ Киевѣ», но затѣмъ снова «мужи Вячеславлѣ, и берендѣи, и кияне» «повабиша Изяслава». Въ 1154 г. «посадиша в Киевѣ Ростислава кияне, рекуче ему: яко же и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести, а до твоего живота Киевъ твой». Послѣ пораженія Ростислава Изяславъ Давыдовичъ «посла кияномъ река: хочю к вамъ поѣхати, и послаша кияне епископа Демьяна Канѣвскаго, рекуче: ты еси нашъ князь, а поѣди»; потомъ Изяславъ, оправдываясь предъ Юріемъ, говорилъ: «ци самъ есмь ѣхалъ Киевѣ (взялъ Киевѣ)? посадили мя кияне». Подъ 1157 г. въ новгородской лѣтописи читаемъ: «посадиша Изяслава Давыдовица кияне на столѣ». Въ 1168 г. (1169 г.), по смерти Ростислава, къ Мстиславу Изяславичу были посланы отдѣльныя посольства съ призывомъ на столѣ отъ князей, отъ киянъ и отъ черныхъ клобуковъ. Наконецъ въ 1202 г., когда Романъ пошелъ на Рюрика, «чернии клобуци вси совкупившеся ѣхаша къ Роману, и что городовъ русскихъ и ис тѣхъ людье ѣхаша къ Романови и отвориша ему кияне ворота Подольская».

Весьма важно, что правоспособность общины относительно призванія и утвержденія князей признавалась самими князьями; съ этой стороны любопытно предложеніе Всеволода Ольговича, чтобы вѣче признало своимъ княземъ его брата Игоря, и вышеприведенное оправданіе Изяслава Давыдовича: «ци самъ есмь ѣхалъ Киевѣ? посадили мя кияне»^{*)}. Во-вторыхъ, община «рядилась» съ княземъ, т. е.

^{*)} Существуетъ интересный вопросъ относительно того, призывался ли князь лишь на время или вѣтъ; В. И. Сергѣевичъ «Вѣче и Князь», с. 71 сл.) полагаетъ, что призваніе было временное,

предъявляла ему свои требованія и въ зависимости отъ исполненія ихъ ставила обладаніе столомъ. Намъ извѣстно, и то отчасти, содержаніе только двухъ «рядовъ», именно ряда кіянь съ Игоремъ Ольговичемъ: «а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ, и зъ братомъ (за братомъ) своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави» (или «аще кому до насъ будетъ дѣло какое, да сами насъ судите»), на что Святославъ отвѣчалъ: «язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ вы насилья никоторого же»; послѣ присяги кіяне повторили, что признаютъ Игоря княземъ, и цѣловали ему крестъ — послѣднее, очевидно, было обусловлено исполненіемъ требованій. Другой рядъ, уже упомянутый, — съ Ростиславомъ: «яко же и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести, а до твоего живота Киевъ твой», — опять исполненіемъ этого условія обусловливалось признаніе княземъ. Кромѣ того мы имѣемъ еще два случая заключенія ряда, но безъ объясненія, въ чемъ они состояли, — одинъ подъ 1169, другой подъ 1172 г.; оба были заключены Мстиславомъ Изяславичемъ. Наконецъ, сюда же относится извѣстіе, что послѣ смерти Вячеслава дружина совѣтовала Ростиславу вернуться въ Киевъ и «утвердиться» съ людьми: «да

но на неопредѣленное время до сохраненія единенія народа и князя. Это предположеніе вполне вѣроятно: оно имѣетъ за себя такіа выраженія, какъ напр. слова киевлянъ Ростиславу: «а до твоего живота Киевъ твой». Наоборотъ, М. Владимірскій-Будановъ думаетъ, что «избраніе новаго князя каждый разъ являлось какъ бы избраніемъ новой династїи, съ утвержденіемъ на будущее время наследственнаго преемства стола, и признавалось какъ бы явленіемъ случайнымъ, вызваннымъ временною нуждою». «Обзоръ исторїи рус. права», с. 38—39).

аче стрый придетъ на тя Дюрги, понѣ ты ся съ людьми утвердилъ будеши, годно ти ся с нимъ умириги — умиришися, паки ли а рать зачнеши с нимъ». Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о новомъ рядѣ съ населеніемъ, котораго требовала перемиѣна въ положеніи Ростислава. Нечего и говорить, что правоспособность населенія въ этомъ отношеніи признавалась князьями; заключая рядъ съ населеніемъ, князь тѣмъ самымъ признавалъ ее.

Въ-третьихъ, вѣче обсуждало и рѣшало разные текущіе государственные вопросы; такъ въ сказаніи объ ослѣпленіи Василька разсказывается, что Святополкъ послѣ поимки Василька созвалъ вѣче («боляръ и кыянь») и сообщилъ ему о намѣреніи Василька убить его и захватить Кіевъ; Святополкъ при этомъ, очевидно, желалъ, чтобы община высказала свое рѣшеніе, но вѣче уклонилось отъ опредѣленнаго заявленія, не желая связывать себя дѣломъ Святополка. Въ 1097 г., когда союзныя войска двинулись на Кіевъ, Святополкъ хотѣлъ бѣжать изъ Кіева, но кыяне не пустили его («не даша ему кыяне побѣгнути»), а отправили отъ себя пословъ къ Мономаху, убѣждая не погубить «русьскыѣ земли». Ходатайство общины было уважено, и союзники обѣщали окончить дѣло мирно. Весьма характерна въ этомъ разсказѣ подробность, что князья вели переговоры съ общиною помимо ея князя, котораго община заслоняетъ при этомъ. Фактъ непосредственнаго сношенія князей съ общиною, но въ отсутствіе князя, упоминается и раньше — община сносилась съ Святославомъ и Всеволодомъ въ 1069 г. и князья «утѣшиста кыяне». Въ 1146 г. вѣче обсуждало злоупотребленія княжихъ чиновниковъ и

рѣшило принести на нихъ жалобу князю Игорю и потребовать на будущее время гарантіи отъ подобныхъ злоупотребленій. Призвавъ къ себѣ на вѣче князя, оно заключило съ нимъ упомянутый выше*) рядъ. Здѣсь кстати будетъ вспомнить также о намѣреніи (1096 г.) Мономаха и Святополка «рядъ учинить о русской земльѣ» съ Олегомъ Святославичемъ въ Кіевѣ, «предъ епископы, игумены и предъ мужи отецъ нашихъ, и передъ горожаны (людьми градскими)».

Въ частности община обсуждала вопросы о войнѣ, особенно если съ этимъ связывался вопросъ о созывѣ земскаго ополченія. Такъ, въ 1068 г. вѣче постановляетъ продолжать войну съ половцами и просить у князя коней и оружія. Въ 1093 году, во время похода на половцевъ, когда обсуждался вопросъ, переходить ли за Стугну или нѣтъ, «кіяне», т. е. кіевское ополченіе, рѣшили перейти, и это рѣшеніе было принято остальными. Въ 1147 г. Изяславъ Мстиславичъ созвалъ вѣче («бояры своя и всю дружину свою, кіяне») и, объявивъ ему свое намѣреніе итти на Юрія, предложилъ также снарядить ополченіе («а вы доспѣвайте»). Кіяне рѣшительно отказались («княже! ты ся на нисъ не гнѣвай, не можемъ на Володимире племя руки възнати, она же Олговичъ хотя и с дѣтьми»), и Изяславъ вынужденъ былъ замѣнить народное ополченіе созывомъ охотниковъ. Когда же походъ на Юрія неожиданно перешелъ въ походъ на Ольговичей, Изяславъ пригласилъ кіянъ исполнить обѣщанное: «нынѣ же, братье кіяне, чего есте хотѣли, чимъ ми ся есте обѣчали, поидите по мнѣ к Чернигову на Олговичъ», и со-

*) См. стр. 333.

звъвъ народнаго ополченія состоялся. Въ 1149 г. Изяславъ опять предложилъ кїянамъ собрать земское ополченіе противъ Юрія, кїяне не соглашались, и только обѣщаніемъ, что походъ будетъ имѣть лишь характеръ демонстраціи, Изяславу удалось добиться желаемаго. Онъ не исполнилъ однако своего обѣщанія, кїяне вынуждены были сражаться за него и потерпѣли поражение. Вернувшись въ Кїевъ, Изяславъ освѣдомился, согласна ли община поддержать его впредь; получивъ отказъ, онъ удалился изъ Кїева. Въ 1150 г., во время похода на Владимирка, кїяне, узнавъ о превосходныхъ силахъ послѣдняго, настаивали на отступленіи («повѣди, княже прочь»); Изяславъ не соглашался, тогда «кїяне побѣгоша отъ него прочь, и оттолѣ чернии клобуци побѣгоша къ своимъ вежамъ». Въ 1151 г. вѣче, по собственной иниціативѣ постановило собрать поголовное ополченіе противъ Юрія («ать же пойдуть вси»); ослушникамъ оно при этомъ грозило казнью.

Пересматривая эти извѣстія лѣтописи, нужно признать, что политическая дѣятельность вѣча не имѣетъ характера революціоннаго, нѣкоторыя дѣйствія его имѣютъ строго легальный характеръ, насколько можно прилагать подобные термины къ неопредѣленнымъ вообще отношеніямъ того времени; правоспособность вѣча признается самими князьями. На ряду съ такими дѣйствіями и тѣ, которыя не облечены въ легальную форму, имѣютъ по внѣшности даже характеръ революціонный (какъ напр., изгнаніе Изяслава и посаженіе Всеслава въ 1068 г., призваніе Изяслава Мстиславича), должны быть признаны проявленіями того же права

общины на государственную дѣтельность, которая сознавалась всегда общиною и признавалась князьями. Государственная дѣтельность общины не имѣетъ также характера чего-либо новаго, какой-нибудь узурпаціи княжескихъ правъ, со стороны князей она не встрѣчаетъ какой-нибудь принципиальной вражды или противодѣйствія (избіеніе кievлянъ въ 1069 г. было, конечно, личною местию князя за понесенныя неприятели и убытки, а перенесеніе торговища «възна торгъ на гору» — было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы близость княжескаго двора сдерживала народъ въ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ). Въ сказаніи объ ослѣпленіи Василька князя (Святополкъ, Мономахъ) обращаются къ вѣчу, какъ нормальному институту, хотя послѣ вспышки 1069 г., притомъ такъ плачевно кончившейся, намъ ничего неизвѣстно о правительственной дѣтельности вѣча, и было бы чрезвычайно странно, если бы князья стали сами будить революціонную силу, такъ мимолетно проявившуюся и снова скрывшуюся. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ элементомъ, не возникшимъ вновь, а существовавшимъ всегда, права котораго на государственную дѣтельность всегда молчаливо признавались князьями.

Функции вѣча, насколько извѣстны онѣ изъ лѣтописныхъ сводовъ, довольно широки: въ приведенныхъ извѣстіяхъ мы имѣемъ, кромѣ утверженія и низложенія князей, нѣчто въ родѣ законодательной дѣтельности — заключеніе «рядовъ», въ весьма, конечно, примитивной формѣ, такъ какъ этихъ рядовъ нельзя сравнить съ позднѣйшими новгородскими рядами; далѣе — рѣшеніе вопросовъ внѣшней политики, войны и мира, контроль надъ администраціею и судо-

производствомъ; наконецъ, вѣче вѣдаетъ земское ополченіе. Однако функціи эти вовсе не отличаются опредѣленностью и постоянствомъ; возьмемъ самыя главныя — призваніе и утверженіе князей и рядъ съ ними: въ періодъ до монгольскаго нашествія мы имѣемъ около пятидесяти смѣнъ князей на кievскомъ столѣ и около сорока до 1202 г., къ которому относится послѣднее извѣстіе о дѣятельности кievской общины. За это время, по нашимъ источникамъ, община принимала участіе въ смѣнѣ князей около четырнадцати разъ; при этомъ кандидатъ получилъ столъ исключительно по инициативѣ общины три или четыре раза*); десять или одиннадцать разъ вѣче подтвердило права кандидата, получившаго столъ по завѣщанію или договору князей, или поддержало одного претендента въ борьбѣ противъ другого; только четыре раза вѣче заключило рядъ съ княземъ. Конечно, мы не можемъ положиться на полноту нашихъ извѣстій; на дѣлѣ, быть можетъ, вѣче выступало и чаще, тѣмъ не менѣе съ увѣренностью можно сказать, что случаи, гдѣ оно выступало, составляли все-таки меньшинство. Столъ получали князья на основаніи своихъ, принятыхъ въ ихъ сословіи, правъ — на основаніи старѣйшинства, по завѣщанію, договору, или добывали оружіемъ; княжескія права, договоры ихъ, завѣщанія вѣче считало для себя необязательными, тѣмъ не менѣе оно часто предоставляло князьямъ получать столъ на основаніи этихъ правъ,

*) Въ 1068, 1113, 1146, 1150; колебаніе въ цифрѣ зависитъ отъ того, причислять ли сюда вокняженіе Изяслава въ 1150 г., когда онъ былъ «повабленъ» на столъ кievскимъ населеніемъ, или нѣтъ.

или добывать силою и не принимало активного участія въ замѣщеніи его. Это было въ тѣхъ случаяхъ, когда община ничего не имѣла противъ кандидата или, по крайней мѣрѣ, не такъ много, чтобы выступить открыто противъ него и подвергаться неприятностямъ войны, когда она не имѣла подъ рукою иного, болѣе желательнаго кандидата, или не было у ней достаточно средствъ для борьбы. Если претендентъ или данный князь былъ уже слишкомъ немилъ, если подъ рукою былъ болѣе желательный кандидатъ, особенно если борьба не представляла большого риска, тогда только вѣче дѣятельно вмѣшивалось въ княжескія отношенія и вершило дѣло по-своему, не справляясь, кто кого старше, или кто кому обѣщаль столъ. Еще болѣе благопріятныхъ шансовъ требовалось для ряда; община заключить могла его только съ княземъ, который считалъ нужнымъ справляться съ желаніемъ населенія по внимательности своей къ его голосу, или потому, что, чувствуя недостатокъ въ силахъ, хотѣлъ заручиться поддержкою общины; съ своей стороны община едва ли стала бы заключать рядъ, если бы вовсе не имѣла довѣрія къ князю, считала невозможнымъ устроить съ нимъ какой-нибудь *modus vivendi*; наконецъ, она не стала бы входить въ рядъ безъ особыхъ, чрезвычайныхъ поводовъ и съ княземъ, къ которому чувствовала полное довѣріе, на котораго вполнѣ полагалась. Такимъ образомъ, на практикѣ рядъ былъ явленіемъ скорѣе экстраординарнымъ, чѣмъ обычнымъ, хотя, конечно, вполнѣ легальнымъ.

То же можно сказать и объ остальныхъ проявленіяхъ народной воли. Община не имѣла своихъ

спеціальнихъ, исключительно ей принадлежащихъ функций, она была институтомъ контролирующимъ; текущая административная и государственная дѣятельность находилась въ вѣдѣніи князя; община вмѣшивалась въ нее въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность эта расходилась съ ея желаніями, или когда князь оказывался въ какомъ-либо отношеніи несостоятельнымъ. Вѣче служило какъ бы коррективомъ княжого управленія; община могла вмѣшиваться во всякую сферу вѣдѣнія князя, но удовлетворивъ себя тѣмъ или инымъ путемъ, она возвращала эту сферу первоначальному ея хозяину, не внося никакихъ существенныхъ измѣненій. Гарантія порядка, желаемыхъ отношеній она искала не въ правовыхъ нормахъ, не въ обязательствахъ, а въ личности князя — приобрести князя, который жилъ бы душа въ душу съ общиною, осуществлялъ бы во всемъ ея желанія — вотъ панацея отъ всѣхъ неурядицъ; поэтому чаще всего практикуемое средство отъ всякихъ золъ — это замѣна одного князя другимъ. Если же князя нельзя было перемѣнить — оставалось покоряться и ожидать лучшихъ обстоятельствъ. Такой образъ дѣйствій, кромѣ недостатка политическаго развитія, объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что кіяне были нѣсколько избалованы относительно князей - народолюбцевъ и впоследствии, вмѣсто длинной и трудной выработки правовыхъ гарантій, предпочитали обзавестись какъ-нибудь такимъ княземъ - народолюбцемъ; съ другой стороны, кіевскій столъ дѣлался часто добычею сильныхъ князей, опиравшихся на военную силу, съ которыми общинѣ трудно было входить въ компромиссы или добиваться исполненій своихъ требованій.

По отношенію къ князю вѣче является въ приведенныхъ извѣстіяхъ источникъ то какъ высшая инстанція, контролирующая его или устраняющая, то какъ равносильный общественный элементъ. Въ нашихъ извѣстіяхъ нѣтъ случая, чтобы князь пользовался вѣчемъ, какъ орудіемъ, созывалъ его для выслушанія своихъ распоряженій, или какъ свою думу. Князь не предлагаетъ ему своихъ плановъ, а доводитъ ихъ до свѣдѣнія общины, которая вольна отнестись къ нимъ такъ или иначе, принять свое рѣшеніе. Въ этомъ есть существенная разница между вѣчемъ и, на примѣръ, земскими соборами московскаго государства, съ которыми неудачно сравнивали его нѣкоторые изслѣдователи.

Пересмотримъ теперь извѣстія, относящіяся до устройства и порядка вѣча. Относительно участниковъ его мы имѣемъ только одно извѣстіе лѣтописи: кіяне заявляли Изяславу, что готовы итти на Ольговичей «хотя и с дѣтми»; отсюда выводятъ, что рѣшающій голосъ на вѣчѣ принадлежалъ главамъ семействъ *); собиралось же на вѣче все свободное населеніе «отъ мала и до велика»: «кияномъ же всимъ съшедшимся отъ мала и до велика къ святыи Софьи на дворъ, въставшемъ же имъ въ вѣчи...» (подъ 1146 г.). На участіе пригорожанъ въ вѣчѣ нѣтъ указаній, но, конечно, пригорожанинъ, слу-

*) Такъ думаютъ В. Сергѣевичъ («Вѣче и Князь» с. 43), Бестужевъ-Рюминъ (Русская ист., I, с. 206—7), М. Грушевскій (стр. 311); Соловьевъ, хотя не сомнѣвается въ томъ, что «на вѣчахъ отцы семействъ рѣшали за сыновей, и даже старшіе братья за младшихъ и дядя за племянниковъ», считаетъ однако выраженіе лѣтописи фигуральнымъ и потому не придаетъ ему значенія (Исторія Россіи, по изд. товарищ. Обществ. польза книга I, стр. 694). Срв. выше на 255 стр. нашего сборника.

чившійся въ городѣ, имѣлъ право также участвовать въ вѣчѣ. Впрочемъ, по смыслу приведеннаго выше*) свидѣтельства Суздальской лѣтописи о городахъ и пригородахъ, участіе пригорожанъ въ вѣчѣ не было необходимо, даже въ теоріи, для того, чтобы вѣчевое постановленіе имѣло силу и для пригородовъ: «на что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди стануть», безусловно**). Представительство не допускалось, или точнѣе о немъ совсѣмъ не имѣли понятія въ данномъ случаѣ: всякъ участвовалъ только самъ за себя. Созываетъ вѣче князь; въ единственномъ подробномъ описаніи, которое мы имѣемъ, Изяславъ поручаетъ въ свое отсутствіе созвать вѣче брату своему съ вѣдома митрополита и тысяцкаго***). Но вѣче можетъ собираться и по собственной инициативѣ, и тогда, вѣроятно, оно собиралось само собою, безъ участія какихъ-либо официальныхъ посредниковъ. Въ одномъ случаѣ сказано, что вѣче было созвано звукомъ трубъ; созывалось оно, вѣроятно, и колокольнымъ звономъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. Мѣстами вѣча являются: площадь у св. Софьи, Ярославль дворъ, Угорское (подъ

*) См. стр. 47 и 330.

**) М. Владимірскій - Будановъ (Обзоръ исторіи р. права, с. 50) справедливо выражается такъ: «участіе пригорожанъ на вѣчѣ старшаго города возможно, но лишь случайно и не необходимо».

***) См. Лаврентьев. сводъ подъ 1147 г., по изд. Спб. 1872, с. 299—300: «Изяславъ же... передъ собою посла к брату Киеву к Володимеру и к Лазареви к тысяцкому два мужа, Добрынку и Радила, рекъ: «брате! ѣди к митрополиту и съзови кыяны всѣ, ать молвита си мужа леств черниговскихъ князей». И ѣха Володимеръ к митрополиту, повабя (и созове) кыяны, и придоша кыянъ много множество народа, и съдоша у святое Софьи слышати».

Кіевомъ), торговище и площадь у Туровой божницы; въ первыхъ трехъ — у св. Софьи и на княжескихъ дворахъ — собиралось вѣче по зову князя, въ послѣднихъ — на Подольѣ — по собственной инициативѣ; такъ, вѣроятно, оно было и въ другихъ случаяхъ. Любопытно извѣстіе 1146 г.: будучи созвано на Ярославль дворъ, вѣче безпрекословно присягнуло Игорю, но собравшись снова у Туровой божницы, оно рѣшило предъявить свои требованія и призвало князя къ себѣ сюда; очевидно, на Подольѣ оно чувствовало себя болѣе свободнымъ, чѣмъ на княжомъ дворѣ; въ связи съ этимъ обстоятельствомъ стоялъ и переводъ торговища съ Подолья «на гору» Изяславомъ Ярославичемъ: конечно, этимъ путемъ Изяславъ думалъ оказывать вліяніе на народныя собранія*). Относительно вѣча у св. Софьи въ одной лѣтописной версіи стоитъ: «сѣдоша у святое Софьи»; у Туровой божницы вѣчники совѣщались, сидя на коняхъ. Говорить на вѣчѣ могъ, повидимому, всякій. Терминомъ для вѣча служили: «сотворити вѣче», «совѣтъ сотворити», «совѣтъ совѣщати», «сдумати». Рѣшеніе принималось, вѣроятно, громаднымъ большинствомъ; вѣче признавало свое рѣшеніе обязательнымъ и для отдѣльныхъ несогласныхъ и считало себя въ правѣ принуждать силою къ исполненію его.

*) См. выше на стр. 337.

ХІ. КНЯЗЬ И ДРУЖИНА.

А. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ.

(В. И. Сергеевичъ. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Сиб. 1883., или «Лекціи по исторіи русскаго права». Спб. 1890).

Во всѣхъ русскихъ волостяхъ замѣтна потребность въ единомъ представителѣ власти. Такимъ представителемъ власти является князь. Нѣкоторые изслѣдователи говорятъ, что слово князь не русскаго происхожденія, а заимствовано нами у скандинавовъ.

И. И. Срезневскій въ сочиненіи «Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій» (стр. 131—135) раскрываетъ это заблужденіе. Слово князь чисто славянское и встрѣчается въ различныхъ значеніяхъ. Князь означаетъ господина, владѣтеля, старосту, священника и пр., и теперь еще въ народѣ новобрачныхъ называютъ князь и княгиня. Древнѣйшее значеніе князя — родичъ, отъ слова родъ, происходящій отъ рода и начальникъ рода *). Въ вопросѣ о правахъ князя наши изслѣ-

*) Срв. выше на стр. 40—41, 48. Норманскіе вожди въ скандинавскихъ сагахъ называются *конунгами* или *викунгами*. Оба эти термина, по мнѣнію другихъ, перешли въ нашъ языкъ, получивъ славяно-русскія формы *князи* и *внкниа*. См. также въ Русской исторіи. Бестужева-Рюмина I, 46. *Ред.*

дователи также расходятся. Нѣкоторые изъ нихъ переносятъ современные представленія въ старыя времена и говорятъ, что наши князья съ самыхъ первыхъ временъ являются неограниченными государями. Такого мнѣнія держится, напримѣръ, Соловьевъ и др. Въ подтвержденіе ссылаются на выраженія источниковъ, въ которыхъ встрѣчается такое мѣсто: «и бысть (такой-то князь) самовластецъ въ русьстѣй земли». Но многія выраженія древнихъ источниковъ нельзя понять, не разобравъ, при какихъ обстоятельствахъ они были употреблены. Это выраженіе встрѣчается два раза, а именно: одинъ разъ лѣтописный сводъ употребляетъ его относительно Ярослава Мудраго, а другой разъ относительно Андрея Боголюбскаго. Дѣло въ томъ, что слово «самовластецъ» было употреблено лѣтописцами не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется теперь «самодержецъ». Въ первый разъ самовластцемъ былъ названъ Ярославъ Мудрый, сынъ Владимира, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Ярославъ не одинъ княжилъ въ русской землѣ, а вмѣстѣ съ братомъ своимъ Мстиславомъ. Мстиславъ прежде былъ въ Тмутаракани, но ему не нравилась эта волость и потому, во время отсутствія Ярослава изъ Кіева (онъ ѣздилъ въ Новгородъ), Мстиславъ подступилъ къ Кіеву и потребовалъ, чтобы кіевляне признали его княземъ. Кіевляне, однако, отказались его принять, и Мстиславъ, не захотѣвши брать Кіевъ силою, отправился въ Черниговъ, гдѣ его охотно приняли, «отворили ворота» и посадили на столъ: «Ярославу сущю Новгородѣ, приде Мстиславъ не Тмутараканя Кіеву, и не прияша его кыяне; онъ же шедъ, сѣде на

столя Черниговѣ, Ярославу сущю Новгородѣ тогда (1024 г.). Такимъ образомъ, Мстиславъ сдѣлался черниговскимъ княземъ и весьма близкимъ сосѣдомъ Ярослава. Узнавши объ этомъ по возвращеніи своемъ изъ Новгорода, Ярославъ вступилъ въ борьбу съ Мстиславомъ, которая кончилась въ пользу послѣдняго. Но Мстиславъ не захотѣлъ вполне воспользоваться своею побѣдою и оставилъ Ярославу Кіевъ. Такимъ образомъ, Ярославъ сидѣлъ въ Кіевѣ, а Мстиславъ въ Черниговѣ: «и раздѣлиста по Днѣпру русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мстиславъ ону» (1026 г.). Мстиславъ умираетъ, и его Черниговская волость переходитъ въ руки того же Ярослава. Вотъ, передавая это-то извѣстіе, лѣтописецъ (подъ 1036 г.) и говоритъ: «и бысть самовластецъ въ русьстѣй земли». Такимъ образомъ, лѣтописецъ употребляетъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, что Ярославъ остался одинъ княземъ въ Приднѣпровьи. «Самовластецъ» характеризуетъ здѣсь власть князя по отношенію къ власти другихъ князей, а не по отношенію къ правамъ народа.

Совершенно въ такомъ же смыслѣ употреблено слово самовластецъ и въ рассказѣ объ Андрѣѣ Боголюбскомъ. Юрій, умирая, не хотѣлъ, чтобы старшій его сынъ, Андрей, былъ его преемникомъ, и потому просилъ горожанъ, чтобы они признали своими князьями младшихъ его сыновей. Ростовцы и суздальцы обѣщали это сдѣлать, но по смерти Юрія отступили отъ даннаго обѣщанія и признали княземъ старшаго сына его, Андрея. Описывая это событіе подъ 1162 г., лѣтописецъ говоритъ, что «выгна Андрѣй епископа Леона изъ Суждаля, и братью свою погна Мстислава и Василка, и два

Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передни: «се же створи хотя самовластець быти всѣи суждальской земли». Въ этомъ мѣстѣ слово самовластець употреблено въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно было употреблено по отношенію къ Ярославу. Андрея избираютъ княземъ, и онъ изгоняетъ своихъ противниковъ, братьевъ и племянниковъ, епископа и мужей отца своего, которые, по всей вѣроятности, раздѣляли мнѣніе Юрія и не любили Андрея; изгоняетъ ихъ для того, чтобы обезпечить свое положеніе. Онъ, естественно, опасался, чтобы его братья и племянники не надѣлали ему хлопотъ, не прогнали его изъ Суздаля, а потому и предупредилъ ихъ. Въ этомъ смыслѣ лѣтописецъ и говоритъ, что это сдѣлалъ Андрей «хотя самовластець быти», т. е. желая остаться одинъ*) въ Ростовѣ и Суздаль, а вовсе не въ смыслѣ измѣненія характера его власти по отношенію къ народу. И дѣйствительно, послѣ этого изгнанія свойства власти Андрея нисколько не измѣнились; онъ совѣщался съ народомъ, какъ и прежде.

Въ доказательство той мысли, что князья наши пользовались неограниченною властью, приводятъ еще и другое выраженіе источниковъ, а именно ссылаются на то, что иногда въ источникахъ говорится что князь сѣлъ въ такомъ-то городѣ *на всей его волѣ*; такъ, напримѣръ, новгородцы приняли Ярослава «на всей его волѣ», отсюда выводятъ, что

*) Срв. въ начальномъ лѣтописномъ сводѣ подъ 977 г.: «Слышавъ же се Володимѣръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море; а Ярополкъ (Святославичъ) посадики своя посади въ Новѣгородѣ, и бѣ *володѣя единъ на Руси*». *Ред.*

народъ принялъ князя какъ абсолютнаго, неограниченнаго государя. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ источниковъ видно, что князья принимаются не только на всей ихъ волѣ, но и на всей волѣ народа. Князь Игорь, братъ Всеволода, изъ рода черниговскихъ князей, былъ принятъ въ Кіевѣ «на всей волѣ кievлянъ», какъ говорить лѣтопись. Неужели послѣднее выраженіе нужно понимать въ томъ смыслѣ, что кievлянамъ принадлежитъ неограниченная власть, между тѣмъ какъ князь не имѣетъ никакого значенія? Понятно, что нѣтъ.

Изъ предшествующаго должно быть ясно, что не только князь, но и всякій простой человекъ, всякій «людинъ» имѣлъ свою волю и что въ древности нельзя себя представить свободнаго человека безъ воли — всякій имѣлъ волю и на сколько было возможно осуществлялъ ее. При такомъ порядкѣ вещей нельзя допустить, чтобы князь не имѣлъ своей воли. Слѣдовательно, указанное выраженіе имѣетъ совершенно другой смыслъ. Принять князя «на всей его волѣ» значитъ принять князя на всѣхъ тѣхъ условіяхъ, которыя онъ предложилъ; съ другой стороны сѣсть «на всей волѣ горожанъ» значитъ сдѣлаться княземъ, принявши безъ измѣненія условія, предложенныя городомъ.

Все социальное положеніе, всѣ условія тогдашняго времени рѣшительно не благопріятствовали образованію абсолютной власти. Пока весь народъ былъ вооруженъ, пока войско не специализировалось и не поступило въ завѣдываніе князя, не могла образоваться абсолютная власть. Народъ составлялъ главную силу князей, которые поэтому необходимо должны были вступать съ нимъ въ соглашеніе.

Внѣшняя обстановка жизни древнѣйшихъ князей мало чѣмъ отличалась отъ обстановки окружавшихъ князя людей. Мы имѣемъ любопытное свидѣтельство о Святославѣ, записанное греками. Святославъ велъ войну съ греками и первоначально удачно, но потомъ потерпѣлъ поражение и вынужденъ былъ заключить невыгодный миръ. По заключеніи этого мира онъ имѣлъ свиданіе съ Іоанномъ Цимисхіемъ. Вотъ какъ оно описывается: «Они свидѣлись на берегу Дуная. Цимисхій явился на конѣ, покрытый своимъ позлащеннымъ вооруженіемъ, а за нимъ слѣдоваль отрядъ всадниковъ въ блестящихъ доспѣхахъ; Святославъ же пріѣхаль въ ладѣ, въ простой бѣлой одеждѣ и самъ гребъ весломъ, наравнѣ съ другими гребцами. Греки съ удивленіемъ смотрѣли на русскаго князя. Онъ былъ средняго роста и строенъ, но мраченъ и дикъ видомъ; имѣлъ грудь широкую, шею плотную, голубые глаза, брови густыя, носъ плоскій, длинные усы, бороду рѣдкую и на головѣ одинъ клокъ волосъ въ знакъ его благородства, въ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами съ рубиномъ. Императоръ сошелъ съ коня. Святославъ не выходилъ изъ ладьи; онъ черезъ переводчика переговорилъ съ Цимисхіемъ и затѣмъ отѣхаль». Въ этомъ свидѣствѣ любопытно, что Святославъ гребъ наравнѣ съ своими спутниками и даже одеждою не отличался отъ нихъ. Вся обстановка жизни Святослава указываетъ на бытъ, близкій къ быту народа. Вотъ что говорится объ этомъ князѣ въ лѣтописи: «Походы свои онъ совершалъ налегкѣ, ходилъ быстро, подобно барсу; онъ не имѣлъ ни становъ, ни обозовъ; питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей и самъ жарилъ его на

угляхъ, презираль холодъ и ненастье, не зналь шатра и спалъ подъ сводомъ неба; войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло — изголовьемъ» *). Это не одинъ примѣръ, на который можно сослаться. То же самое видно и изъ «Поученья» Владимира Мономаха, оставленнаго имъ своимъ дѣтямъ. Относительно домашней жизни Владимиръ Мономахъ говорить: «В дому своемъ не лѣннитесь, но все видите; не зрите на тивуна, и на отрока, да не посмѣются приходящии к вамъ и дому вашему, и обѣду вашему». Князя, значить, входили во все мелочи домашняго хозяйства. Относительно путешествій князей по своей волости для сбора дани и т. п. Владимиръ говорить: «Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ». Въ поученіи описывается день князя: «Первое, говорить Владимиръ, къ церкви, да не застанеть васъ солнце на постели; тако бо отецъ мой дѣяшеть блаженный и вси добрии мужи свершеніи, заутреннюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящую, и узрѣвше солнце, и прославити Бога съ радостью». Затѣмъ, говорить онъ, садитесь «думати с дружиною, или люди оправливати» (т. е. производить судъ). Послѣ этого можно отдохнуть «спанье есть

*) - Князю Святославу възрастшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, (и бѣ бо самъ храборъ) и легько ходя, аки пардусъ, (и) войны многи творяше; ходя, возъ по собѣ не возяше, ни котъла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину (грядину) на углехъ испекъ, ядыше, ни шатра имяше, но подъкладъ постлавъ и сѣдло въ говолахъ; такоже и прочии вои его вси бяху; и посылаше къ странамъ, глаголя: хочю на вы ити — подъ 964 г.

отъ Бога присужено полудне, отъ чина бо почи-
вается и звѣрь, и птицы, и человѣци». Далѣе Влади-
миръ Мономахъ говорить о княжеской охотѣ: «Если
у васъ нѣтъ дѣль, то повѣзжайте на ловы». Охота
была однимъ изъ любимѣйшихъ занятій князей. О
своей охотѣ Владимиръ Мономахъ передаетъ, что
онъ «конь дикихъ своимъ руками связалъ есмь въ
пущахъ 10 и 20 живыхъ конь...». «Тура мя два, —
продолжалъ онъ, — метала на розѣхъ и с конемъ,
олень мя одинъ болъ (бодалъ), а два лоси, одинъ
ногами топталъ, а другой рогами болъ, вепрь ми
на бедрѣ мечь отгялъ, медвѣдь ми у колѣна подъ-
клада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на
бедры и конь со мною поверже... И с коня много
падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ
свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда
живота своего, не щадя головы своея. Еже было
творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣ-
ла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и
на зимѣ, не дая себѣ упокоя, на посадники не зря,
ни на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь
нарядъ и в дому своемъ, то я творилъ есмь, и въ
ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и в ко-
нюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ. То же и ху-
даго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сил-
нымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ
есмь призиравъ». Домашній обиходъ князя еще не
имѣлъ царской обстановки.

Въ какомъ же отношеніи находились эти два
элемента власти: князь и народъ? Во взаимныхъ
отношеніяхъ князя и вѣча проявляется то же общее
начало, которое мы наблюдаемъ какъ во взаимныхъ
отношеніяхъ составныхъ частей одного и того же

вѣча, такъ и разныхъ пунктовъ поселенія одной и той же волости, городовъ и пригородовъ: между княземъ и вѣчемъ должно быть единеніе, одиначество.

По отношенію къ этому началу единенія, или соглашенія народа и князя необходимо различать два момента: моментъ призванія князя и его послѣдующую дѣятельность. Въ моментъ призванія народъ и князь заключаютъ между собою рядъ, т. е. соглашеніе объ условіяхъ, которыя кладутся въ основаніе будущему княженію. Въ теченіе самаго княженія могло возникнуть множество вопросовъ, подлежащихъ обыкновенно рѣшенію вѣча и князя. По этимъ вопросамъ были необходимы новыя соглашенія. Наша древняя исторія представляетъ не одинъ примѣръ такихъ соглашеній. Самые могущественные князья нуждались въ нихъ. Мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что степень могущества князя была въ прямомъ отношеніи съ количествомъ «людей», стоявшихъ на его сторонѣ, бывшихъ съ нимъ въ одиначествѣ, соглашавшихся съ его мнѣніями. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ соглашеній народа и князя.

Князь Владимиръ рѣшается на принятіе христіанства не иначе, какъ испросивши совѣта бояръ своихъ и старцевъ градскихъ и получивъ согласіе всѣхъ людей. Лѣтописный сводъ (подъ 987 г.) такъ рассказываетъ объ этомъ: «Созва Володимеръ боляры своя и старци градскіѣ, и рече имъ: «се приходиша ко мнѣ болгаре, ркуще: приими законъ нашъ; по семь же приходиша нѣмци, и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша жидове. Се же послѣ же придоша гръци, хуляще вси законы, свой

же хваляще...» и т. д. Отчетъ свой о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ лицами разныхъ исповѣданій князь Владимиръ заключаетъ такимъ обращеніемъ къ боярамъ и старцамъ: «Да что ума придасте? что отвѣщаете?» — «И рѣша, — продолжаетъ лѣтописный сводъ, — бояре и старци: «вѣси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить; аще хошеши испытати гораздо, то имаша у собе мужи; пославъ, испытай кождо ихъ службу, и кто како служить Богу». И бысть люба рѣчь князю и вѣсмы людемъ». Послы, отправленные согласно этому рѣшенію, дали предпочтеніе греческому исповѣданію, которое и было принято. Та свѣтлая память, которую народныя былины сохранили отдаленнѣйшему потомству о ласковомъ князѣ Владимирѣ, и похвалы, расточаемыя ему лѣтописцемъ, должны быть объясняемы именно тѣмъ уваженіемъ, съ которымъ этотъ князь относился къ народной волѣ, и его желаніемъ дѣйствовать согласно съ ней. Извѣстно, какой любовью пользовались у кіевлянъ правнукъ Владимира I, Владимиръ Мономахъ, и его родъ; объясненіе этой привязанности надо опять искать въ томъ единеніи съ народомъ, которымъ отличались помянутые князья *). О сознаніи необходимости такого единенія самимъ Владимиромъ Мономахомъ мы находимъ указаніе подъ 1096 годомъ. Желая положить конецъ распрѣ съ Олегомъ черниговскимъ и условиться объ оборонѣ русской земли отъ половцевъ, Владимиръ Мономахъ и Святополкъ Изяславичъ посылаютъ къ Олегу такое приглашеніе: «Поди Кіеву, да порядъ положимъ о русьстѣй земли

*) Срв. выше на стр. 340.

предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили русскую землю отъ поганыхъ». Такимъ образомъ, горожане вмѣстѣ съ духовенствомъ призываются къ участию въ радѣ князей. Князь и вѣче стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ необходимо было взаимное соглашеніе.

Для примѣненія этого начала взаимныхъ соглашеній къ ежедневно возникающимъ вопросамъ общественной жизни была необходима значительная доля уступчивости какъ со стороны князя, такъ и со стороны вѣча, умѣренность въ проведеніи собственной воли, готовность отказаться отъ разъ предложенной цѣли, какъ скоро достиженіе ея было невозможно безъ нарушенія существующаго единенія.

Лѣтописи сохранили намъ нѣсколько примѣровъ этой уступчивости. Такъ, про Ярополка Святославича лѣтописецъ рассказываетъ, что онъ любилъ христіанъ, но самъ не крестился «народа ради». Въ 1015 г. Ярославъ обманомъ перебилъ многихъ изъ нарочитыхъ мужей новгородскихъ въ отмщеніе за то, что они участвовали въ осужденіи и казни находившихся у него въ услуженіи варяговъ. Не прошло и дня послѣ этого избіенія, какъ ему понадобилась помощь тѣхъ же новгородцевъ для войны со Святополкомъ кievскимъ. Ярославъ созвалъ вѣче, со слезами на глазахъ высказалъ раскаяніе въ своемъ недавнемъ поступкѣ и просилъ новгородцевъ пойти съ нимъ къ Киеву. На эту рѣчь князя вѣче отвѣчало такъ: «Аще, княже, братья наша исѣчена

суть, можемъ по тобѣ бороти». Такимъ образомъ, новгородцы оказываютъ поддержку Ярославу, несмотря на то, что имѣли противъ него важную причину неудовольствія. Въ 1097 г. владимирскій князь, Давыдъ Игоревичъ, очень не хотѣлъ выдавать своихъ помощниковъ въ ослѣпленіи Василька, Турыка, Лазаря и Василя, но уступилъ волѣ владимирскаго вѣча, когда оно поставило въ зависимость отъ этой выдачи свое рѣшеніе защищать Давыда отъ угрожавшихъ ему князей. Въ 1102 г. Владимиръ Мономахъ и Святополкъ договорились вывести изъ Новгорода Мстислава Владимировича и посадить тамъ сына Святополка. Новгородцы не согласились на эту смѣну, и князья уступили имъ. Подобно этому, Изяславъ Мстиславичъ, не получивъ поддержки кievскаго вѣча въ войнѣ съ Юріемъ въ 1147 г., отправляется на помощь къ черниговскимъ князьямъ съ одними только охотниками. Въ 1216 г. Юрій Всеволодовичъ, прибѣжавъ во Владимиръ послѣ несчастной для него липецкой битвы, созываетъ вѣче и предлагаетъ затвориться въ городѣ. Владимирцы, понесшіе большія потери на Липецкомъ полѣ, не находятъ возможнымъ новое сопротивленіе. Князь уступаетъ имъ и проситъ только, чтобы они не выдали его противникамъ, а дали ему самому выйти изъ города. На это владимирцы согласились. Въ 1266 г. Ярославъ, переяславскій и новгородскій князь, прибылъ въ Новгородъ съ литовскими полками для того, чтобы идти войною на Псковъ, который только-что призналъ своимъ княземъ Довмонта литовскаго. Новгородцы не согласились на этотъ походъ, князь уступилъ и отослалъ назадъ свои полки.

При возможномъ столкновѣніи вѣча и князя, послѣдній не всегда являлся совершенно одинокимъ: на его сторонѣ могла быть болѣе или менѣе значительная часть вѣча, составлявшая его партію. При слабости собственныхъ силъ князя, столь характеристической для древнѣйшаго періода нашей исторіи, эта возможность опереться на одну изъ вѣчевыхъ партій составляетъ для князя главнѣйшее условіе успѣха. Исходъ борьбы, смотря по отношенію силъ, выпадалъ или въ пользу князя и его партіи или въ пользу ихъ противниковъ. Но иногда къ военнымъ приготовленіямъ приступали только, какъ къ средству устрашить противника и узнать, есть ли у него рѣшительное желаніе отстаивать свое мнѣніе съ оружіемъ въ рукахъ. Если такое желаніе дѣйствительно оказывалось, сторона, возбудившая рознь, нерѣдко обращалась къ мирнымъ средствамъ и вступала въ новое единеніе. Чрезвычайно любопытный примѣръ этому находимъ подъ 1220 г. Князь Всеволодъ былъ недоволенъ новгородскимъ посадникомъ Твердиславомъ и хотѣлъ смѣнить его, хотя за нимъ и не было никакой вины. По этому вопросу новгородцы раздѣлились: одни стали на сторонѣ князя, другіе — посадника. Такъ какъ никто не хотѣлъ уступить, то противники сѣхались на Ярославовомъ дворѣ, вооруженные какъ на рать, и выстроились другъ противъ друга въ боевомъ порядкѣ. «Князь же, — продолжаетъ лѣтописецъ, — узрѣвъ рядъ ихъ (сторонниковъ Твердислава), оже хотятъ крѣпко животь свой отдати, и не поежа, нѣ присла владыку Митрофана съ всеми добрыми повѣстьми; и съвѣде и владыка въ любовь, и крестъ цѣлова и князь и Твърдиславъ. Богомъ и св. Софѣю

крестъ възвеличанъ бысть, а дьяволъ попранъ, а братья вся въкупѣ быша». Въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ князя было немало новгородцевъ, но посадника поддерживали два конца, а потому исходъ вооруженной борьбы могъ быть весьма сомнителенъ, что и заставило князя прекратить миромъ только-что возникшую рознь. Если исходъ борьбы былъ въ пользу князя, онъ оставался на занимаемомъ имъ столѣ, а побѣжденная партія должна была подчиниться волѣ побѣдителя, часто очень суровой.

Если перевѣсъ былъ на сторонѣ партіи вѣча, противной князю, послѣдній лишался стола. Такъ, напр., когда Изяславъ не согласился съ рѣшеніемъ кievскаго вѣча, высказавшагося въ пользу продолженія войны съ половцами, кievляне освободили изъ заключенія полоцкаго князя Всеслава и посадили его на столѣ; Изяславъ же принужденъ былъ бѣжать. Въ 1136 году новгородцы, недовольные управленіемъ Всеволода, показываютъ ему путь; то же самое дѣлаютъ они съ Ростиславичами въ 1154 г. и съ Ярославомъ Всеволодовичемъ въ 1270 г. Въ 1175 г. смольняне изгоняютъ Ярополка; въ 1176 г. владимирцы и переяславцы — Мстислава и Ярополка Ростиславичей и пр.

Изгнаніе, впрочемъ, не всегда было послѣднимъ актомъ враждебнаго столкновенія князя съ вѣчемъ. Изгнанные князья нерѣдко находили поддержку въ другихъ волостяхъ и съ ихъ помощью мстили свои обиды. Эта новая, на этотъ разъ внѣшняя, война приводитъ опять къ новымъ комбинаціямъ, смотря по отношенію силъ.

Личность князя, обыкновенно, оставалась неприкосновенною, какъ бы далеко ни заходила рознь

между нимъ и вѣчемъ. Самыя крайнія желанія недовольнаго княземъ вѣча состояли въ томъ, чтобы князь оставилъ волость. Это общее правило подвергалось только одному ограниченію: князь присуждался иногда къ временному заключенію. Но это дѣлалось въ видахъ безопасности, до пріѣзда новаго князя или до управы съ другими князьями, поддерживавшими сторону изгоняемаго; если бы князю была предоставлена свобода до окончательнаго установленія новаго наряда, это могло бы повести къ усилению его партіи.

Нельзя сказать того же объ имуществѣ князя и личности его ближайшихъ приверженцевъ и слугъ. Имущество изгоняемаго князя подвергалось иногда грабежу. Такъ поступили, напр., кіевляне въ 1068 г. съ имуществомъ князя Изяслава: «дворъ жъ княжъ разграбиша, бещисленое множество злата и сребра, кунами и бѣлью». Въ 1158 г. тѣ же кіевляне, въ отмщеніе князю Юрію, съ которымъ они никогда не умѣли ужиться, грабятъ по его смерти дворъ его и избиваютъ приведенныхъ имъ съ собою судальцевъ.

Изгнаніе было весьма обыкновеннымъ исходомъ борьбы, кончавшейся не въ пользу князя, но не необходимымъ. Потерпѣвъ пораженіе, князь могъ войти въ новое единеніе съ вѣчемъ. Образчикъ этому находимъ подъ 1173 г. Извѣстны смуты, которыя происходили въ Галичѣ по поводу особаго покровительства, оказываемаго княземъ Ярославомъ «Настаськѣ» и «Чарговой чади». Несправедливость князя къ своей женѣ и сыну привела къ разрыву съ народомъ и совершенному торжеству послѣдняго: князь былъ взятъ, Чаргова чадь избита, Настаська

сожжена, сынъ ея сосланъ въ заточеніе. Но народъ не пошелъ далѣе того, что было нужно для устраненія причины зла, и снова уладился, по выраженію лѣтописца, съ княземъ Ярославомъ. Новаго единенія съ народомъ хотѣлъ достигнуть и новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ, когда противной ему партіи удалось получить перевѣсъ на вѣчѣ и «исписать на грамоту всю вину его». Въ отвѣтъ на требованіе вѣча выѣхать изъ Новгорода, онъ шлетъ къ нему пословъ съ поклономъ и такими рѣчами: «Того всего лишуся (т. е. того, что взялъ несправедливо), а крестъ цѣлую на всей воли вашей». Новгородцы не согласились, и князь принужденъ былъ выѣхать. Эта готовность князей закончить новымъ единеніемъ раздѣлившее ихъ съ народомъ несогласіе, объясняетъ не рѣдкій въ нашей древней исторіи фактъ вторичнаго призванія разъ уже изгнаннаго князя.

Какъ князья не оставались одинокими въ своей борьбѣ съ вѣчемъ и нерѣдко находили опору въ одной изъ партій, на которыя раздѣлялся народъ, такъ точно и вѣче въ борьбѣ съ княземъ нерѣдко находило помощь въ другихъ князьяхъ. Въ 1068 г. кіевляне, оставленные своимъ княземъ Всеславомъ, при вѣсти о приближеніи только что изгнаннаго изъ Кіева Изяслава Ярославича съ польскою помощью составляютъ вѣче и шлютъ приглашеніе къ братьямъ изгнаннаго, Святославу и Всеволоду. Эти князья, отказываясь отъ предложеннаго имъ стола, даютъ такое обѣщаніе кіевлянамъ: «Въ послѣдъ к брату своему: аще поидеть на вы с ляхы губити васъ, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бо погубити града отца своего; аще ли хочеть с миромъ, то в

малѣ придетъ дружинѣ!» Въ надеждѣ на эту помощь кіевляне успокоились и приняли Изяслава. Въ 1148 г. Изяславъ Мстиславичъ, придя въ Новгородъ, созываетъ вѣче и держитъ такую рѣчь: «Се, братье, сынъ мой и вы прислалися есте ко мнѣ, оже вы обидить стрый мой, Гюрги, на нь есмь пришелъ сѣмо, оставя рускую землю, васъ дѣля и вашихъ дѣля обидѣ. А гадайте на нь, братье, како на нь поити, а любо с нимъ миръ возьмемъ, паки ли с нимъ ратью кончаимы». Новгородцы захотѣли войны, и волость Юрія была опустошена. Подобно этому, Мстиславъ Мстиславичъ приходитъ въ 1210 г. на помощь Новгороду «слышавъ насиле отъ князь». Въ 1211 г. Даниль, призванный галицкими боярами, противъ которыхъ замышляли недоброе галицкіе князья, Игоревичи, такими рѣчами убѣждаетъ передаться на свою сторону гражданъ Перемышля, еще остававшихся за послѣдними: «Почто стоите при томъ князи, иже обидѣ васъ много? Я вашъ князь, на него пріидохъ вамъ въ помощь».

Такимъ образомъ, въ отношеніяхъ князя къ вѣчу проявляются тѣ же начала единенія и розни, которыя проникають всю нашу древнюю жизнь. Для правильнаго пониманія этихъ отношеній необходимо обратить вниманіе на слѣдующее.

Во-первыхъ, война никогда не ведется противъ «князя вообще», какъ формы государственнаго быта; она ведется только противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода. Самый же принципъ княжескаго правленія остается незыблемымъ. Нашей исторіи вовсе не извѣстенъ антагонизмъ князя и народа, стремленіе послѣдняго распространить свои права на счетъ правъ князя. Народъ сознаетъ свою не-

способность устроиться безъ князя и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ необходимость дать ему высокое положеніе въ своей средѣ, безъ чего не было бы возможно достиженіе цѣлей призванія. Князь есть народная власть.

Во-вторыхъ, при нелюбви древней Россіи къ строго выработаннымъ формамъ, при маломъ пониманіи ихъ важности, въ отношеніяхъ народа къ князю преобладаетъ характеръ добраго довѣрія. Соблюденіе вѣчевыхъ порядковъ не представляется настолько необходимымъ, чтобы безъ него не было возможно никакое совокупное дѣйствіе князя и народа. Князь, пользующійся популярностью, можетъ, напр., выступить на войну во главѣ сильнаго народнаго войска и безъ постановленія вѣча. Ему довольно посовѣтоваться съ своими боярами и затѣмъ послать биричей звать народъ; если князь пользуется расположеніемъ народа, народъ пойдетъ, хотя бы война преслѣдовала исключительно личныя цѣли князя; тѣмъ болѣе, когда война задумана въ интересъ самого народа, напр., для отраженія половцевъ и т. под. По существу такая война носить на себѣ характеръ того же единенія народа съ княземъ, которое составляетъ необходимое условіе всякаго совокупнаго дѣйствія ихъ; но со стороны формы народъ является только исполнителемъ чужого рѣшенія. Эта возможность вести войну съ помощью народныхъ силъ, но помимо вѣчевого рѣшенія, давала князю большую свободу дѣйствія и немало способствовала усиленію княжескихъ усобицъ, которыя, такимъ образомъ, ускользали отъ постояннаго контроля болѣе спокойной половины населенія. Призванный для отправленія правосу-

дія, князь не только судилъ, но и устанавливалъ самъ формы своего суда и размѣры продажъ и виръ. Народъ же высказывался по этимъ вопросамъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда постановленія князей противорѣчили его справедливымъ ожиданіямъ. Такъ, напр., чрезмѣрная высота продажъ и виръ возбуждала протесты вѣча, а иногда приводила къ изгнанію князя. Таковы были отношенія князя къ вѣчу.

В. Составъ и значеніе дружины: дружинники въ роли совѣтниковъ князя и представителей администраціи.

(В. О. Ключевскій. «Боярская дума древней Руси». М. 1883).

Въ боярскомъ совѣтѣ кіевскаго князя X вѣка еще сидѣли представители класса, правившаго обществомъ раньше князя съ его боярами. Съ XI вѣка правительственный совѣтъ при князѣ является однословнымъ, боярскимъ: служилый классъ обособляется отъ городского общества. — По памятникамъ X — XII вв. можно видѣть, изъ какихъ элементовъ составлялся и какъ обособлялся этотъ служилый классъ. Въ него переходили люди изъ городской знати и даже изъ городского простонародья: извѣстно лѣтописное сказаніе о скорнякѣ, котораго кн. Владимиръ сдѣлалъ «великимъ мужемъ» вмѣстѣ съ отцомъ его за то, что онъ одолѣлъ печенѣжскаго богатыря въ 992 г. Обособленію класса отъ остальнаго общества содѣйствовалъ прежде всего племенной его составъ. Въ дружину варяжскаго конунга, утвердившагося въ Кіевѣ, въ первое время вступали преимущественно его соотчичи, приливъ которыхъ продолжался почти до половины XI в.; благодаря этому, слово *бояринъ* долго сохраняло у насъ преимущественное значеніе знатнаго служилаго варяга *).

*) Въ перечняхъ русскихъ пословъ, заключавшихъ договоры съ греками въ X в., рѣшительно преобладаютъ скандинавскія

Въ лѣтописи сохранилось извѣстіе о вступленіи одного печенѣжскаго князя на службу къ Владимиру въ 992 г. Въ дружинѣ князей XI и XII вв. встрѣчаемъ людей изъ финновъ, угровъ, половцевъ, хозаръ, поляковъ, торковъ. Среди этихъ пестрыхъ по соціальному и племенному происхожденію элементовъ класса уже въ XI в. замѣтны слѣды іерархическаго дѣленія.

Нося общее неопредѣленное названіе *дружины*, служилый классъ распадался на дружину *старѣйшую* или *большую* и *молодшую*. Первую составляли *княжи мужи*. Если дошедшій до насъ текстъ договоровъ Руси съ греками точно воспроизводитъ соціальную терминологию X в., то старшая дружина уже тогда носила еще названіе *бояръ*; доселѣ не объяснено удовлетворительно этимологическое значеніе этого термина. Въ глазахъ простаго неслужащаго населенія и младшая дружина считалась мужами, боярами; но лѣтопись XI—XIII вв. называетъ ее въ отличіе отъ настоящихъ бояръ *боярцами*, или боярами *молодыми*. Старшая дружина отличалась отъ

имена. Въ словѣ о смиреніи, одномъ изъ древнихъ словъ на Четырдесятницу, сохранившихъ признаки принадлежности первымъ временамъ христіанства на Руси, проповѣдникъ представляетъ современнаго ему русскаго боярина непремѣнно человекомъ одного племени съ кievскими мучениками-варягами. «Не хвались родомъ, благородный, поучаетъ онъ, не говори: отецъ у меня бояринъ, а мученики Христовы братья мнѣ». Это намекъ на варяговъ-христіанъ, отца съ сыномъ, пострадавшихъ отъ кievскихъ язычникомъ при кн. Владимирѣ въ 983 г. и ничего другого значить не можетъ: въ XI в. на Руси было распространено преданіе о мученикахъ-варягахъ, и русская служилая знать любила хвалиться племеннымъ родствомъ съ ними, т. е. была въ большинствѣ скандинавскаго происхожденія или по крайней мѣрѣ сама такъ думала. Срв. выше на стр. 344 и прим.

младшей не только правительственнымъ и придворнымъ своимъ значеніемъ, но и нѣкоторыми юридическими преимуществами, сообщавшими ей характеръ привилегированнаго сословія. Главное изъ этихъ преимуществъ состояло въ болѣе заботливомъ огражденіи личной безопасности закономъ: за убійство княжа мужа законъ грозилъ вдвое болѣе тяжкой вирой, чѣмъ за убійство младшаго дружинника и простолюдина. Съ другой стороны, всякій дружинникъ, старшій и младшій, пользовался нѣкоторыми землевладѣльческими привилегіями, если пріобрѣталъ землю въ собственность. Благодаря этимъ разнообразнымъ преимуществамъ, служебнымъ, личнымъ и хозяйственнымъ, принадлежавшимъ не всѣмъ членамъ дружины въ одинаковой мѣрѣ, слово *бояринъ* съ теченіемъ времени перестало быть синонимомъ *княжа мужа* и получило различныя спеціальныя значенія въ разныхъ сферахъ жизни. Около половины XI в. еще не было проведено точной и окончательной юридической межи между старшей и младшей дружиной. Такъ, изъ «Русской Правды» знаемъ, что «конюхъ старый у стада», т. е. староста конюшій князя впервые причисленъ былъ къ привилегированнымъ княжимъ мужамъ однимъ частнымъ приговоромъ кн. Изяслава Ярославича, присудившаго двойную виру за убійство своего конюха: «а конюхъ старыи оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ дорогобудци» (ст. 21 по Академ. списку). Послѣ Ярослава привилегіей двойной виры пользовались и нѣкоторые тиуны князя, приказчики по дворцовому хозяйственному управленію. Какъ видно, князья старались распространить права старшей

дружины на своихъ дворовыхъ слугъ. Такъ расширенъ былъ первоначальный составъ класса княжихъ мужей, къ которому принадлежали собственно старшіе военные сотрудники князя, а не дворовые слуги, завѣдывавшіе его хозяйствомъ и нигдѣ не являющіеся въ званіи бояръ. Это званіе, напротивъ, сузилось, стало тѣснѣе класса княжихъ мужей: оно усвоено было верхнему слою этого класса, сановникамъ, занимавшимъ высшія военныя и правительственныя должности и преимущественно тѣмъ, которые составляли совѣтъ князя *). Но получивъ болѣе тѣсное значеніе при княжомъ дворѣ, званіе боярина расширилось внѣ правительственной сферы: на языкѣ частныхъ гражданскихъ отношеній боярами независимо отъ придворной іерархіи назывались всѣ служилые привилегированные землевладѣльцы и рабовладѣльцы по тѣсной связи тогдашняго землевладѣнія съ рабовладѣніемъ. Такимъ является бояринъ въ «Русской Правдѣ» и съ такимъ же значеніемъ проходитъ это слово по памятникамъ нашего права до самаго XVIII в.

Дума и вѣче представляли с бою не параллельныя государственныя вѣдомства и не разныя правительственныя инстанціи, а два общественные класса, двѣ различныя политическія силы, другъ съ другомъ соперничавшія. Эти учрежденія различались между собою не столько правительственными функциями, сколько соціально-политическими интересами.

*) Въ переводныхъ произведеніяхъ XI—XII вв. терминомъ *бояринъ* передаются греческія или латинскія слова, означающія начальника, правителя, члена государственнаго совѣта (*ἀρχων*, *praefectus*, *senator*): *боярство* — сенатъ и правительственная должность вообще.

Отношенія между обоими классами, интересы которых находили себѣ выраженіе въ думѣ и на вѣчѣ, въ XII в. основывались на взаимномъ соглашеніи, на договорѣ или «рядѣ» *). Въ старыхъ городахъ кievской Руси этотъ договоръ не успѣлъ развиваться въ точно опредѣленные постоянныя условія, которыя вездѣ имѣли бы одинаково обязательное значеніе: они опредѣлялись обстоятельствами, расширялись или стѣснялись, даже иногда совсѣмъ исчезали, смотря по тому, на которую сторону склонялся перевѣсъ силы. Князь, садясь на какой-либо столъ, долженъ былъ прежде всего «утвердиться съ людьми» обоюднымъ крестоцѣлованіемъ: таково было господствующее мнѣніе. По понятіямъ вѣка всѣ отношенія князя должны были держаться на крестномъ цѣлованіи, на договорѣ съ политическими силами времени, среди которыхъ онъ вращался. «Богъ велѣлъ вамъ такъ быть, говорили тогдашнимъ князьямъ: творить правду на семь свѣтѣ, по правдѣ судъ судить и въ крестномъ цѣлованіи стоять». Къ числу этихъ силъ принадлежали и старшіе столные города: князь долженъ былъ «взять рядъ» съ горожанами, чтобы укрѣпить свой столъ подъ собою. Необходимость этого вытекала изъ положенія, какое занимали тогда обѣ стороны, старшіе города и князья съ своими дружинами.

Первый опытъ политическаго объединенія русской земли былъ дѣломъ дружныхъ усилій торговаго населенія большихъ городовъ и военнаго класса, созданнаго въ его средѣ внѣшними опасностями русской торговли IX в. Но это объединеніе разъединило прежнихъ союзниковъ и поставило ихъ другъ противъ друга. Эта перемѣна тотчасъ отразилась на составѣ

*) Срв. выше на стр. 352, 339, 333.

правительственнаго совѣта при князѣ: представителей городской торговой знати, въ X в. сидѣвшихъ въ думѣ рядомъ съ боярами, не видимъ тамъ въ XI и XII вв. Но политическая роль этой знати не пала, а только перемѣстилась на другую сцену: переставъ давать князю совѣтниковъ изъ своей среды, этотъ классъ сталъ заправителемъ городского вѣча. Сами князья помогли этому. Политическое единство Руси, созданное совокупными усилиями обѣихъ общественныхъ силъ, но еще не упроченное, стало разрушаться по смерти Ярослава I. Вѣрные привычкамъ и понятіямъ своихъ предковъ IX в., князья и въ XI в. оставались на русскихъ рѣкахъ морскими наѣздниками, викингими, слабо привязанными къ землѣ. Двухвѣковою дѣятельностью въ русскомъ князѣ выработался типъ, завязавшійся въ самомъ ея началѣ: это военный сторожъ земли, точнѣе — ея торговыхъ путей и оборотовъ. Когда князей появилось много, они стали дѣлиться сторожевыми обязанностями и выгодами, сторожевыми кормами, дѣля между собою и мѣняя области по очереди старшинства. Этотъ «очередной порядокъ княжескаго владѣнія» дѣлалъ князя бродячимъ гостемъ области, подвижнымъ витяземъ*), какимъ онъ былъ два вѣка назадъ. Тогда старшіе города остались одни постоянными и привычными руководи-

*) Инымъ является князь въ эпоху «удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія». Оба порядка — очередной (XI—XIII вв.) и удѣльный (XIII—XV вв.) — должны быть строго различаемы между собой, что, къ сожалѣнію, не всегда замѣчается въ русской исторической литературѣ. Срв. выше слова примѣчанія на стр. 251 и предисловіе (стр. I—III) къ *Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикава дома*. (М. 1847) Соловьева. Ред.

телями своихъ областей. Политическія отношенія начали локализоваться попрежнему: мѣстные міры, стянутые къ Кіеву князьями X в., опять потянули къ своимъ мѣстнымъ центрамъ; пригороды, опять какъ въ старину, стали послушно принимать то, что рѣшали на вѣчѣ «старѣйшіе» города и этими «старѣйшими», «властями», какъ ихъ называетъ сѣверный владимирскій лѣтописецъ XII в., являются въ рассказѣ послѣднаго тѣ же самые города, которые стояли во главѣ областей до объединенія русской земли кіевскими князьями: Новгородъ, Смоленскъ, Кіевъ, Полоцкъ. Но по мѣрѣ того какъ князья превращались въ подвижныхъ земскихъ сторожей, перебивавшихъ другъ у друга волости, т. е. волостные кормы, и волостные города въ свою очередь все рѣшительнѣе выступали хозяевами-наемщиками, перебивавшими этихъ сторожей другъ у друга, какъ они поступали нѣкогда.

Такъ политическія отношенія XI—XII вв. во многомъ были возвратомъ къ порядку, дѣйствовавшему до основанія великаго княжества кіевского; по крайней мѣрѣ въ этомъ порядкѣ надобно искать первоначальнаго источника тѣхъ отношеній. Русская земля первоначально сложилась изъ самостоятельныхъ городовыхъ областей помощью тѣснаго союза двухъ аристократій, военной и торговой. Когда этотъ союзъ земскихъ силъ распался, составныя части земли стали также возвращаться къ прежнему политическому обособленію. Тогда знать торговаго капитала осталась во главѣ мѣстныхъ міровъ, а аристократія оружія съ своими князьями скользила поверхъ этихъ міровъ, едва поддерживая связь между ними. Борьба этихъ двухъ силъ и была основнымъ фактомъ,

изъ котораго развивались политическія явленія при Ярославичахъ: то была борьба двухъ правъ, княжескаго и городского, двухъ земскихъ порядковъ, изъ коихъ одинъ объединялъ землю посредствомъ очереднаго княжескаго владѣнія, другой разбивалъ ее на самостоятельныя городовыя волости. При тогдашнемъ положеніи обѣихъ соперничавшихъ силъ договоръ, «рядъ» оставался единственнымъ выходомъ изъ этой борьбы двухъ порядковъ, единственнымъ средствомъ поддержанія разрушавшихся земскихъ связей.

Князь XII в. часто думаетъ съ своей дружиной. Разсказъ лѣтописи объ этихъ «думахъ» даетъ понять важное политическое значеніе боярскаго совѣта; но его устройство и значеніе правительственное не раскрывается въ этомъ разсказѣ съ достаточной полнотой. Отношеніе боярскаго думы къ князю ясно; но неясно ея отношеніе къ административному механизму, двигателемъ котораго былъ князь съ боярскаго думой. Главная причина этого въ томъ, что мы знаемъ боярскую думу того времени почти исключительно по лѣтописи, а лѣтопись выводитъ бояръ - совѣтниковъ почти только въ походахъ князя на враговъ и въ отношеніяхъ его къ другимъ князьямъ. То были чрезвычайныя, хотя и частныя, случаи, такъ сказать, дѣла внѣшней политики князя. Ходъ внутренняго управленія, теченіе ежедневныхъ административныхъ дѣлъ остаются у лѣтописца въ тѣни, въ глубинѣ сцены, на которой разыгрываются описываемыя имъ событія. Благодаря этому многое въ устройствѣ и дѣятельности боярскаго думы тѣхъ вѣковъ остается необъяснимымъ.

Обозначая составъ думы, лѣтопись XII в. часто говоритъ, что князь думалъ съ своей «дружиной». Но подъ этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ лѣтописецъ разумѣлъ только верхній слой класса, носившаго такое названіе, «старѣйшую» или «большую» дружину, «переднихъ» или «лѣпшихъ мужей», которые были обычными, постоянными совѣтниками князя. Если князь предпринималъ дѣло, «не повѣдавъ мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея», лѣтописецъ отмѣчалъ это какъ необычное и неправильное явленіе. Въ лѣтописномъ разсказѣ о засѣданіяхъ княжескаго совѣта эти обычные и постоянные совѣтники чаще всего зовутся просто «мужами» или «боярами». Въ исключительныхъ случаяхъ, на походѣ, когда князь спрашивалъ мнѣнія своей младшей дружины, лѣтописецъ точно отличаетъ послѣднюю отъ старшихъ дружинниковъ, замѣчая, что была дума не только съ мужами, но и со *всей* дружиной. Повидимому *бояринъ* уже тогда получалъ специальное значеніе совѣтника, постоянного княжого «думцы» или «думника»: одинъ князь XII в., герой *Слова о полку Игоревѣ*, отличалъ «бояръ думающихъ» отъ «мужей храборствующихъ», отъ военной дружины, не имѣвшей мѣста въ думѣ. Изъ лѣтописнаго свода (подъ 1169 г.) мы знаемъ, какъ кн. Владимиръ Мстиславичъ, который, не смотря на данную племяннику клятву и безъ вѣдома своихъ бояръ завелъ сношенія съ Черными Клобуками, поднимая ихъ на Мстислава Изяславича, пригрозилъ своимъ несговорчивымъ боярамъ возвести въ званіе бояръ своихъ *дѣтскихъ*, людей младшей дружины: «переступи крестъ Володимирь... и рекоша ему дружина его: «о собѣ еси, княже замыслилъ

а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали». Володимиръ же рече възрѣвъ на дѣцкы: «а се будутъ мои бояре», и поѣха къ Берендичемъ», но тѣ «начаша въ нь пуцати стрѣлы», такъ какъ пріѣхаль «одинъ и безъ мужий своихъ». Можетъ-быть, князь и не исполнилъ своей угрозы, не возвелъ дѣтскихъ въ бояре; но если онъ грозилъ этимъ, то, значить считалъ пожалованіе боярскаго сана своимъ княжескимъ правомъ (?). Трудно сказать, чѣмъ руководились князья при этомъ пожалованьи, были ли необходимы какія-либо личныя или генеалогическія качества, чтобы получить это званіе. Очень вѣроятно, что къ концу XII в. на Руси образовался уже кругъ служилыхъ фамилій, члены которыхъ, достигнувъ надлежащаго возраста, служили боярами при многочисленныхъ княжескихъ дворахъ того времени. По лѣтописи извѣстны случаи, впрочемъ очень рѣдкіе, когда даже въ важной должности кіевскаго тысяцкаго являлись преемственно отецъ и сынъ, старшій и младшій братъ. Но въ составѣ дружины, даже въ числѣ бояръ, по крайней мѣрѣ галицкихъ, встрѣчаемъ людей и неслужилаго происхожденія, не только изъ духовнаго званія, но и «отъ племени смердя», по выраженію лѣтописца.

Правительственный составъ думы доступенъ изученію не болѣе соціальнаго. Трудно сказать, каково было административное положеніе ея членовъ, занимали ли всѣ они какія-либо должности внѣ думы, или правительственное значеніе нѣкоторыхъ ограничивалось званіемъ княжихъ совѣтниковъ. Въ старыхъ областяхъ кіевской Руси при княжескихъ дворахъ XII и XIII вв. встрѣчаемъ довольно значительный штатъ сановниковъ. То были: *тысяцкій*

съ сотскими, обыкновенно командовавший полкомъ стольнаго города, дворскій или дворецкій, печатникъ, стольникъ, меченоша, мечники, конюшій, спдельничій, покладникъ, или постельничій, ловчій, ключники и тіуны разныхъ родовъ, осменикъ и мытники, биричи, подвойскіе. Нѣкоторые изъ этихъ должностныхъ лицъ были, очевидно, дворцовые слуги невысокаго ранга; другіе, напротивъ, входили въ составъ того, что можно назвать высшимъ центральнымъ правительствомъ въ княжествѣ того времени. Тысяцкій и дворскій принадлежали къ «великимъ боярамъ» и въ разсказѣ лѣтописцевъ иногда являются самыми видными и вліятельными сановниками. Волынскій лѣтописецъ XIII в. причисляетъ къ боярамъ вмѣстѣ съ дворскимъ и стольника, который даже является у него потомъ въ должности дворскаго, а при князѣ Андрѣ Боголюбскомъ въ числѣ бояръ и важнымъ дипломатическимъ агентомъ встрѣчаемъ мечника. Печатникъ и меченоша командовали полками, а первый, кромѣ того, является въ одной провинціи Галицкой земли съ порученіемъ отъ князей устроить мѣстныя дѣла и успокоить общество. Тіуны у князей, какъ и у бояръ, служили по домашнему хозяйству въ городѣ при дворцѣ и въ княжихъ селахъ; принадлежа къ штату простыхъ дворовыхъ слугъ, они отличались отъ «мужей» родомъ службы, не входили въ составъ ратной дружины, хотя по личнымъ правамъ »Русская Правда» ставитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ тіуна конюшаго, («а въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ» — ст. 21), даже наравнѣ съ членами старшей дружины. Но были еще правительственные тіуны, которымъ князь поручалъ судъ и расправу въ городахъ своего княжества,

даже въ столицѣ. Эти городовые судные тиуны были важные сановники съ большою властью: кіевляне въ 1146 г. жаловались на тиуновъ, поставленныхъ великимъ княземъ Всеволодомъ въ Кіевѣ и Вышгородѣ, говоря, что они неправдами своими «погубили» оба города; идя въ Кіевъ на великокняжескій столъ, князь посылалъ туда напередъ своего тиуна. Если В. Н. Татищевъ, историкъ XVIII столѣтія *), въ своемъ повѣствованіи о полоцкихъ событіяхъ въ 1217 г. и о княгинѣ Святохнѣ точно передалъ административную терминологию исчезнувшей лѣтописи, изъ которой заимствованъ этотъ любопытный рассказъ, то въ Полоцкѣ, какъ и въ Новгородѣ, кромѣ тысяцкаго былъ еще *посадникъ*. Мало того: рядомъ съ этими сановниками тамъ въ числѣ знатнѣйшихъ вельможъ и «главныхъ совѣтниковъ князя» является *ключникъ*, называвшійся иначе *казначеемъ*.

Въ думѣ князя XII и XIII вв. имѣли мѣсто важнѣйшія изъ этихъ должностныхъ лицъ, служившихъ органами княжескаго центрального и дворцоваго управленія. Это можно сказать о дворскомъ, печатникѣ, стольникѣ, меченошѣ, главномъ мечникѣ, казначеѣ. Участіе тысяцкаго въ княжескомъ совѣтѣ извѣстно по лѣтописи; въ смоленскихъ актахъ 1284 г. боярами-совѣтниками князя являются *намѣстникъ*, соотвѣтствующій полоцкому посаднику, и *окольничій*, придворный сановникъ, который становится впервые извѣстенъ по одной изъ этихъ грамотъ, а въ другой, излагающей условія торговаго договора съ Ригой, рядомъ съ боярами и другими совѣтниками

*) См. о приемахъ его исторической работы въ книгѣ проф. П. Н. Милюкова *Главные теченія русской исторической мысли*. М. 1897. Ред.

смоленскаго князя поставленъ «таможникъ ветхій», повидимому соотвѣтствовавшій кievскому осменику. Почти всѣхъ этихъ сановниковъ центральной и дворцовой администраціи встрѣчаемъ позднѣе и въ совѣтѣ князей сѣверовосточной удѣльной Руси. Но въ боярской думѣ на югозападѣ XII—XIV вв. была особенность, которая сближала ее съ польско-литовской радой: это — присутствіе въ ней представителей областной администраціи. Изъ одной статьи «Русской Правды» видимъ, что въ думѣ великаго князя Владимира Мономаха, приговорившей ограничить размѣръ роста по долгосрочнымъ займамъ, присутствовали тысяцкіе переяславскій и бѣлгородскій вмѣстѣ съ кievскимъ. Еще значительнѣе этотъ элементъ въ составѣ думы галицко-волинскаго князя. Впрочемъ, составъ галицко-волинскаго совѣта узнаемъ по памятникамъ довольно поздняго времени, составленнымъ наканунѣ паденія политической самостоятельности княжества.

Эту особенность можно объяснить характеромъ княжескаго хозяйства и связаннаго съ нимъ княжескаго управленія въ древней кievской Руси. Тамъ главными средствами княжеской казны были правительственные доходы князя, дани, судебныя и другія пошлины. Въ лѣтописяхъ XII и XIII вв. находимъ указанія на дворцовыя княжескія земли, двory городскіе и загородныя, села, цѣлыя волости и даже города, на то, что князя звали «своею жизнью». Но при тогдашней подвижности князей эти недвижимыя дворцовыя имущества не были значительны, не могли стать главнымъ основаніемъ княжескаго хозяйства. Свой дворъ, свою дружину князь содержалъ преимущественно тѣмъ, что онъ

получалъ какъ правитель и военный сторожъ земли, а не какъ личный собственникъ, хозяинъ. Дворецъ еще не былъ такимъ могущественнымъ центромъ управленія, какимъ онъ сталъ потомъ въ удѣльныхъ княжествахъ на верхневолжскомъ сѣверѣ, гдѣ дворцовая хозяйственная администрація слилась съ центральнымъ управленіемъ, поглотила его и провела рѣзкую административную и хозяйственную грань между дворцовыми и недворцовыми землями, взявъ въ свое непосредственное распоряженіе первыя и отдавъ послѣднія въ руки органовъ областной администраціи, намѣстниковъ и волостелей. Въ бродячей правительственной средѣ старой кievской Руси не могло образоваться такое рѣзкое разграниченіе между дворцовымъ центромъ и намѣстничьей провинціей, уѣздомъ. Сѣвъ на новомъ столѣ, князь спѣшилъ рассажать по городамъ и волостямъ княжества своихъ мужей и дѣтскихъ, оставляя нѣкоторыхъ при себѣ для правительственныхъ и дворцовыхъ надобностей. Но общество всѣхъ этихъ большихъ и малыхъ «посадниковъ» не теряло характера лагеря, разсѣявшагося по княжеству на торопливый и кратковременный «покормъ» до скорого похода или перемѣщенія въ новое княжество. Совѣтуясь съ своими боярами на походѣ, князь не различалъ между ними дворцовыхъ сановниковъ и областныхъ управителей; сидя въ своемъ стольномъ городѣ, отдыхая между двумя походами, онъ для рѣшенія важнаго вопроса вмѣстѣ съ сановниками столичнаго правительства призывалъ къ себѣ посадниковъ или тысяцкихъ и изъ пригородовъ, когда было нужно и можно призвать.

ХП. ЗАВИСИМОЕ И НЕСВОБОДНОЕ НАСЕЛЕНИЕ: СМЕРДЫ, ЗАКУПЫ И ХОЛОПЫ.

(В. Н. Сергѣевичъ. «Русскія Юридическія Древности». Т. I. «Территорія и населеніе». Спб. 1890).

Горожане и княжеская дружина составляли верхи древняго общества кievской Руси, съ извѣстной отчетливостью отразившіеся въ дошедшихъ до насъ памятникахъ. Остальная часть населенія, стоявшая внѣ городскихъ общинъ и дружины, не играла политической роли и выступаетъ по документамъ въ менѣ ясныхъ очертаніяхъ.

Древняя исторія cadaго народа начинается съ неизвѣстнаго нашему времени дѣленія людей на свободныхъ и рабовъ. Это дѣленіе составляетъ принадлежность и нашего древняго права. Все населеніе искони распадалось у насъ на свободныхъ и холоповъ. Сословій въ собственномъ смыслѣ не было. Каждый имѣлъ право на все, но одному удавалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣлялся какъ человекъ «лучшій»; кто оставался позади всѣхъ, тотъ характеризовался эпитетомъ «меньшого» человека. Отличительный признакъ «меньшихъ» людей составляетъ ихъ мѣньшая сравнительно съ «лучшими» людьми *экономическая* обеспеченность. Отдѣльные разряды «меньшихъ» людей носятъ разныя наименованія, смотря по мѣстностямъ: таковы смерды и закупы. Начнемъ съ первыхъ.

I.

С М Е Р Д Ы.

Смерды*) составляют *свободное* население. Это совершенно ясно изъ «Русской Правды». Перечисливъ цѣны разнаго вида домашняго скота, которыя должны уплачиваться похитителемъ скота въ тѣхъ случаяхъ, когда похищенное животное не могло быть возвращено натурою, «Правда» говоритъ, что (ст. 41) смердь наказывается продажею, а это признакъ свободнаго человѣка, такъ какъ рабовъ князь продажею не казнить.

Такъ какъ смерды суть свободные люди, то отсюда, само собой, слѣдуетъ, что они пользуются и всѣми правами свободныхъ людей. Не останавливаясь на перечисленіи этихъ правъ, приведемъ только тѣ изъ нихъ, о которыхъ прямо упоминается въ древнихъ памятникахъ.

Смерда, какъ свободнаго человѣка, никто не можетъ наказывать безъ приказа подлежащей власти:

Или смердь оумочать), а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны.* Акад. 31. Ср. (ст. 71).

*) Терминъ этотъ въ напечатанномъ далѣе текстѣ «Русской Правды» по Троицкому списку встрѣчается въ статьяхъ 13, 41, 71 и 85. Всѣ цифры въ скобкахъ съ знакомъ ст. означаютъ статьи «Правды» по названному списку. *Ред.*

**) «Мука» — наказаніе, казнь (ст. 71, 72, 81 и 82).

У смердовъ можетъ быть и собственность. «Русская Правда» говорить о конѣ смерда (Акад. 25: *за княжь конь, иже той съ пятномъ 3 гривнѣ, а за смердѣ и 2 гривнѣ*), лѣтописи — о его пашнѣ. Дружина Святополка потому возражала противъ войны съ половцами весною 1103 г., что боялась «погубити смерды и *ролюю ихъ*». Пашнею смердовъ можетъ быть конечно, названа и та пашня, которую они имѣли на владѣльческихъ земляхъ, снимаемыхъ въ аренду. Но если бы дѣло шло только о такихъ земляхъ, то, надо думать, дружина жалѣла бы не объ однихъ только нанимателяхъ, смердахъ, но и о собственникахъ, ибо и они несли убытки. Вотъ почему подъ пашнею смердовъ въ данномъ случаѣ надо разумѣть преимущественно пашню на ихъ собственныхъ, а не на владѣльческихъ земляхъ.

Какъ свободныя лица, смерды несутъ повинности въ пользу государства и съ этой цѣлью образуютъ своеобразныя податныя единицы. Въ Новгородѣ эти податныя единицы носятъ наименованіе погостовъ. Въ новгородскихъ договорахъ съ князьями читаемъ:

Кто купецъ, поидеть въ свое сто, и кто смердъ, тотъ потянетъ въ свой поюсть.

Смерды платятъ князю дань:

Приде князь Михаилъ ис Чьрниова въ Новгородъ, по велицѣ дни Фоминѣ недѣли исходяче..., и цѣлова крестъ на всѣй воли новгородстѣй и на всѣхъ грамотахъ ярославлихъ, и вда свободу смьрдомъ на 5 мѣтъ даний не платити, кто сбежалъ на чюжю землю, и симъ повеле, кѣто сде живетъ, како уставили переднии князи, тако платите дань (Новгор. 1229).

Они носятъ оружіе и входятъ въ составъ войска:

И нача Ярославъ вои дѣлти: старостамъ своимъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривенъ, а новгородцемъ по 10 гривенъ, и отпусти я вся домовъ (Воскр. лѣт. подь 1019).

Здѣсь смерды различены отъ новгородцевъ. Надо думать, что и въ Новгородѣ, какъ и въ Псковѣ, смерды означали сельскихъ, а не городскихъ жителей, названныхъ новгородцами.

При описаніи ночного нападенія Данила Романовича на Бѣльзъ, читаемъ:

Вся земля поплена бысть: бояринъ боярина плънише, смердъ смерда, градъ града (Ипат. лѣт. 1221).

Смерды составляютъ низшій слой свободного населенія, они живутъ трудами рукъ своихъ и, по общему правилу, занимаются земледѣліемъ. Это сравнительно приниженное положеніе ихъ въ обществѣ отразилось и въ древнѣйшемъ правѣ въ разной цифрѣ вознагражденія, полагаемаго за муку, причиненную смерду и человѣку высшаго положенія, каковы были тивуны, мечники, огнищане и др. За муку смерда взыскивалось 3 гривны, за муку человѣка высшаго состоянія — 12. Акад. 31—32. Ср. (ст. 71—72).

Что касается штрафа за убійство смерда, то на этотъ вопросъ можно отвѣтить только предположительно. Согласно первой статьѣ «Правды» смерть изгоя оплачивалась 40 гривнами; изгой же занимали въ древнемъ обществѣ положеніе еще болѣе низкое, чѣмъ смерды. Это даетъ основаніе заключить, что и убійство смердовъ оплачивалось тѣми же 40 гривнами.

Смерды составляютъ низшій слой свободного населенія, но это различіе только фактическое; при

искусствѣ и удачѣ они могутъ подняться въ самыя высшіе его слои. Лѣтописецъ гѣворитъ, что «бояре галичести Данила княземъ собѣ называху, а самъ всю землю держаху»; среди этихъ бояръ находимъ: Судыча «попова внука» и Лазоря Домажиреча съ Иворомъ Молибожичемъ «два безаконьника отъ племени *смердья*».

Еще А. Рейцомъ (въ 1829 г.) былъ высказанъ весьма близкій къ правдѣ взглядъ на смердовъ. Онъ называетъ ихъ «простолюдинами», но не входитъ въ разборъ памятниковъ.

Позднѣйшіе изслѣдователи не оцѣнили по достоинству этого вѣрнаго намека и очень затемнили понятіе смерда. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ В. Н. Лешковымъ въ его сочиненіи: «Русскій народъ и государство» (М. 1858). Онъ утверждаетъ, что смерды были *люди князя*, что они принадлежали только ему, подобно тому, какъ холопы и закупы принадлежали другимъ владѣльцамъ.

Это мнѣніе не отличается опредѣленностью. На языкѣ московскихъ памятниковъ выраженіе «чьи-либо люди» означаетъ чьихъ либо рабовъ. Въ какомъ смыслѣ употребилъ это выраженіе авторъ, остается неяснымъ. Уподобляя смердовъ князя рабамъ другихъ владѣльцевъ, онъ, кажется, хочетъ сказать, что смерды суть рабы князя. Но у него же читаемъ: «въ глазахъ общества и предъ закономъ смерды имѣли почти всѣ права свободныхъ». Если у нихъ почти всѣ права свободныхъ, то они, надо думать, не рабы. Отсюда, въ дальнѣйшемъ выводѣ, получается слѣдующій несогласный съ источниками результатъ: князья не имѣютъ рабовъ, такъ

какъ смерды, замѣняющіе для нихъ рабовъ частныхъ владѣльцевъ, не суть рабы.

Это не совсѣмъ ясное мнѣніе доказывается ссылкой на противоположеніе княжого коня коню смерда *) и на статью, опредѣляющую одинаковое вознагражденіе за убійство **) холопа и смерда, и словами Яна Вышатича, воеводы Святослава.

Во время голода въ Ростовской волости, два волхва, пришедшіе изъ Ярославля на Бѣлоозеро, обманули легковѣрный народъ относительно причинъ голода, послѣдствіемъ чего было убійство ни въ чемъ невиновныхъ людей. Въ разгаръ этой замятни прибылъ на Бѣлоозеро Янъ Вышатичъ; обманъ волхвовъ для него не подлежалъ сомнѣнію.

Низъ же испытавъ, чья еста смерда (волхвы), и утѣдъвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ею суть, рече имъ: выдайте волхва та съмо, яко смерда еста моего князя (Лавр. лѣт. подъ 1071 г.).

Вотъ эти-то слова Яна «смерды моего князя» и легли въ основаніе неяснаго положенія «смерды суть люди князя». Выраженіе «смерды моего князя» значитъ подданные моего князя. Дѣло, въ данномъ случаѣ, шло о преступленіи, совершенномъ волхвами, и о судѣ надъ ними. Подсудность же опредѣлялась подданствомъ. Вотъ почему Яну и надо было выяснить, чьи подданные волхвы.

Этому объясненію совершенно соотвѣтствуетъ и отвѣтъ волхвовъ. Они говорятъ Яну: «нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеша створити ничтоже», т. е. мы должны стать на судъ самого

*) См. выше на стр. 379.

**) См. ниже примѣчаніе къ 13-ой статьѣ «Русской Правды».

князя; о возвращеніи же къ князю рабовъ его или вообще зависимыхъ отъ него людей здѣсь рѣчи нѣтъ.

Мнѣнію, высказанному Лешковымъ, весьма посчастливилось въ нашей литературѣ. Къ мысли о томъ, что смердь не низшій слой свободныхъ людей, а особый классъ, состоящій въ нѣкоторомъ ближайшемъ отношеніи къ князю, примыкаетъ цѣлый рядъ нашихъ изслѣдователей.

В. Н. Никольскій въ своемъ изслѣдованіи «О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ» (М. 1859) даетъ этой мысли дальнѣйшее развитіе и новую аргументацію; онъ говоритъ, что источники не даютъ прямого отвѣта на вопросъ о томъ, кто были смерды, что однако не мѣшаетъ ему нарисовать весьма полную картину положенія смердовъ.

Исходя изъ статьи Правды «о смердѣй задницы» (ст. 85), которую онъ беретъ только по одному Карамзинскому списку -- ст. 103 --, а слова «безъ дѣтей» переводитъ словами «безъ сыновей», Никольскій заключаетъ, что смерды были люди, *обязанные* князю и непосредственно отъ него *зависимые*, рисуя цѣлую картину этой зависимости. Смерды его составляютъ рабочій безземельный классъ. Они поселяются на княжескихъ земляхъ и будучи лично свободными, обязаны обрабатывать землю на князя. Они состоятъ на барщинѣ у князя и работаютъ изъ-за хлѣба. Собственности у нихъ никакой нѣтъ, даже подвижности имъ не принадлежатъ, такъ какъ въ то отдаленное время, по увѣренію автора, домъ, дворъ, домашній скотъ и орудія обработки земли считались принадлежностью земли и составляли собственность князя. Авторъ совершенно не хочетъ знать

статей «Русской Правды», которыя говорятъ о конѣ смерда и опредѣляютъ за него иное взысканіе, чѣмъ за коня князя.

П. П. Цитовичу принадлежитъ заслуга правильнаго объясненія начала статьи «о смердѣй задниці», невѣрное чтеніе которой послужило исходнымъ пунктомъ всей аргументаціи Никольскаго. Но и онъ не могъ освободиться отъ вліянія идей Лешкова. Противоположеніе княжого коня коню смерда и для него составляетъ несомнѣнное доказательство особой зависимости смерда отъ князя. Состояніе смерда есть поэтому состояніе зависимости отъ князя и личной ему подчиненности; это отношеніе наймита къ хозяину («Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія». Харьковъ 1870). Но въ «Русской Правдѣ» княжой тивунъ противопоставляется тивуну боярскому; авторы, мнѣнія которыхъ мы разсматриваемъ, кажется, не замѣтили этого противоположенія, иначе они должны были бы говорить о такой же зависимости бояръ отъ князя, въ какой находились отъ него смерды. Отъ одинакой зависимости имъ бы слѣдовало заключить и къ одинаковости соціального положенія смердовъ и бояръ.

Тѣсно къ Никольскому примыкаетъ Никитскій. У него смердъ собственности не имѣетъ и живетъ на княжеской землѣ (См. «Очеркъ внутренней исторіи Пскова» С.-Пб. 1873).

Проф. Ключевскій эти княжескія земли превратилъ уже въ государственныя. Онъ считаетъ смерда государственнымъ крестьяниномъ, жившимъ на землѣ княжеской, въ смыслѣ государственной («Русская Мысль», 1880, № 1, стр. 63).

Слабый отголосокъ идей Лешкова можно найти

даже у М. Ф. Владимірскаго-Буданова. «Земли общинныя, — говоритъ онъ, — считались государственными, и смерды, ихъ населявшіе, были смердами князя». За этимъ, какъ доказательство, приводятся слова Яна (см. «Обзоръ исторіи рус. права», стр. 34 по изд. 1888 г.).

II.

ЗАКУПЫ.

Пространные списки «Русской Правды» служат почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о закупахъ (ст. 52—55, 57, 59).

Недожившее до нашихъ дней и не совсѣмъ понятное намъ слово «закупъ» объяснено въ «Русской Правдѣ» совершенно понятнымъ выраженіемъ «наймитъ».

Продаетъ ли господинъ закоупа обель, то наймиту свобода въ всѣхъ коунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажи.

Закупъ, слѣдовательно, есть наемный человѣкъ, наемный работникъ.

Но почему онъ называется закупомъ и что значить это слово?

Въ старину слово *купить* означало и *наемъ*. А потому, кто хотѣлъ сказать, что онъ не нанялъ, а прибрѣлъ вещь въ собственность, тотъ не ограничивался выраженіемъ «я купилъ», а прибавлялъ «купилъ въ прокъ», «въ дернь», «въ вѣкъ» и пр. Крестьяне Лужскаго уѣзда и теперь нанятые дуга называютъ купленными, а глаголь «покупать, куплять» употребляютъ въ значеніи найма.

Закупъ и закупной человѣкъ (именно такое выраженіе встрѣчаемъ въ Карамзин. сп. ст. 70 «оже зако-

ушныи бѣжить отъ господина, то обель») обозначаетъ, слѣдовательно, наемнаго человѣка въ противоположность собственному обельному холопу *).

Закупъ получаетъ отъ господина за свой трудъ плату. Наемные рабочіе и теперь нерѣдко получаютъ заработную плату впередъ; тоже дѣлалось и въ старину. Въ этомъ смыслѣ и надо понимать выписанное выше мѣсто изъ ст. 73 по Карам. списку. Если господинъ продаетъ наймита въ рабство (выдавъ его обманомъ за своего холопа), то проданный получаетъ «свободу во всѣхъ кунахъ», т. е. освобождается отъ обязанности уплатить или отработать взятую впередъ плату.

Закупа «Русской Правды» нѣтъ основанія прирав-

*) К. А. Неволинъ (III, 339, пр. 124 и V, 147) утверждаетъ, что слово закупъ означаетъ залогъ или закладъ. «Въ древнія времена, говоритъ онъ, заемъ весьма часто былъ обезпечиваемъ лично свободою должника. Занимавшій деньги или другіе предметы становился на время, пока онъ не выплатитъ долга, холопомъ своего займодава и долженъ былъ отправлять на него извѣстныя работы или службы, условленныя при самомъ заключеніи договора займа. Въ Русской Правдѣ заемщики этого рода называются закупамы, — словомъ, означавшимъ прежде вообще залогъ или закладъ. Позднѣе встрѣчается для нихъ заимствованное отсюда наименованіе закладчиковъ или закладней». Въ доказательство онъ ссылается на выраженіе одного документа: «нынѣ вотчина очищена вся отъ (такихъ то) и ни у кого не въ закупѣ и въ закладѣ нѣтъ...» Здѣсь слово «закупъ» противопоставлено «закладу» и, конечно, должно означать что-либо другое, а не тотъ же закладъ. Въ томъ же документѣ, въ мѣстахъ, соответствующихъ приведенному, встрѣчаемъ такое противоположеніе: «не продавати и не закладывати», или «что кому продадимъ или заложимъ». Изъ сопоставленія приведенныхъ мѣстъ слѣдуетъ, что слову «закупъ» соответствуетъ понятіе продажи, а не заклада. Памятникъ, на который ссылается Неволинъ, составленъ во 2-й четверти XVII вѣка. Въ это время слово «закупень» въ московскихъ памятникахъ употреблялось въ значеніи купца, торговаго человѣка.

нивать къ кабальному холопу. Кабальный холопъ служилъ за проценты съ занятаго капитала; закупить же служить за наемную плату и погашаетъ свой долгъ, если берегъ плату впередъ, работой.

Статья 105 Троиц. сп. не упоминаетъ о закупѣ, но конечно говорить о послѣдствіяхъ нарушенія договора найма услугъ со стороны работника:

Вда цѣну (изъ списка Мусина-Пушкина вмѣсто: «а въдачь» Тр.) *не холопъ, ни по хлѣбъ роботять, ни по придатци; но оже не доходятъ года, то вороцати ему милость; отходить ли, то не виновать есть.*

Передъ приведенной статьей въ Правдѣ помѣщены три статьи, въ которыхъ указаны способы установленія рабства. Въ этой, слѣдующей за ними, наоборотъ, указаны случаи, которые не должны вести къ рабству. Эти случаи имѣютъ въ виду рабочихъ, нанимаемыхъ на опредѣленный, годовой срокъ и получающихъ впередъ годовую плату. Плата эта дается или натурой (хлѣбомъ, придаткомъ къ денежной наемной платѣ, надо думать), или деньгами (вда цѣну). Кто получилъ плату (цѣну) впередъ, тотъ не дѣлается рабомъ, а долженъ или отходить свое время, или возратить милость *).

Условіе, въ силу котораго выданная цѣна погашается годовой работой, показываетъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о займѣ вообще, такъ какъ не всякій же заемъ можетъ погашаться годичной рабо-

*) Но и редація Троицкаго списка «а въдачь не холопъ» допускаетъ совершенно удовлетворительное объясненіе. Слово «дача» и теперь употребляется въ великорусскомъ языкѣ въ смыслѣ жалованья, содержанія, пайка. Выраженіе же Троиц. сп. «а въ дачь» имѣетъ варианты: «а въ дачѣ» т. е. за паякъ не рабъ.

той, а о впередъ данной платѣ наймиту, которая натурально соотвѣтствуетъ цѣнности годовой работы, а потому и погашается ею.

Закупъ имѣетъ свою собственность и самъ отвѣчаетъ за убытки, причиненные его дѣйствіями нанимателю, какъ видно изъ (ст. 53).

Общій смыслъ статьи совершенно понятенъ. Она говоритъ объ отвѣтственности закупа за нерадѣніе, причинившее убытки хозяину его. Поэтому, если убытокъ случился въ отсутствіе закупа, происшедшее не по его винѣ, онъ не отвѣчалъ.

Понятная въ общемъ, статья представляетъ непреодолимые трудности въ своемъ первомъ предложеніи. Ролейный (рало — соха, ролья — пашня) закупъ есть наемный земледѣлецъ. Но что значить войскій конь?

Допустимъ, хотя это и трудно, что «войскій» значить «воинскій» (трудность же такого допущенія состоитъ въ малой вѣроятности того, чтобы въ XIII вѣкѣ у насъ обособились уже кавалерійскія лошади отъ упряжныхъ); остается непонятнымъ, почему закупъ, погубивъ своимъ небреженіемъ такого коня, не платилъ убытковъ. Объясненіе Н. И. Ланге (онъ не платилъ потому, что сельскому работнику не слѣдовало поручать наблюденія за кавалерійскою лошадыю, — въ «Исслѣдованіи объ уголовномъ правѣ Русской Правды» Спб. 1859) представляется слишкомъ искусственнымъ.

Остается второе предположеніе, по которому вмѣсто «войскій» надо читать «свойскій», т. е. свой конь, принадлежащій за купу. Хотя та же статья говоритъ, что закупы получали даже бороны отъ нанимателей, но допустимъ, что между ними могли

быть и такіе, которые подряжались на сельскія работы на своихъ лошадяхъ. Что будетъ значить, что закупъ не платилъ, погубивъ лошадь своимъ небреженіемъ? Что онъ не платилъ нанимателю за пагубу своей лошади, это само собой разумѣтся, потому что лошадь не хозяйская, а его, и объ этомъ нечего было и упоминать въ статьѣ, имѣющей предметомъ убытки нанимателя. Но отъ пагубы лошади, на которой наймитъ подрядился работать, могъ возникнуть убытокъ для нанимателя: потерявъ, или (что то же) тайно продавъ свою лошадь, наймитъ не вспахалъ поля во-время и тѣмъ причинилъ нанимателю убытокъ. Освобождался ли онъ отъ вознагражденія за такой убытокъ? Это очень трудно допустить. Такимъ образомъ, и при этомъ второмъ предположеніи рассматриваемое правило остается непонятнымъ.

Слѣдующая статья (ст. 54) говоритъ объ утратѣ хозяйскаго скота небреженіемъ закупа и не представляетъ никакихъ трудностей.

Двѣ указанныя статьи даютъ весьма полную картину экономическаго положенія закупа. Это бѣдные люди, которые ни плуга, ни бороны не имѣютъ. Весь рабочій припасъ получаютъ они отъ нанимателя, живутъ въ его дворѣ, пасутъ его скотъ и исполняютъ всякія его порученія («аже ли господинъ его отслеть на свое орудье»). Такіе наемники, если берутся для пашенныхъ работъ, носятъ наименованіе ролейныхъ закуповъ.

Статья 54 упоминаетъ о «дѣлѣ закупа»: если закупъ погубитъ господскій скотъ, дѣлая свое дѣло («орудья своя дѣя»), то платитъ убытки. Подъ дѣломъ закупа можно разумѣть все то, къ чему онъ

быль обязанъ, какъ работникъ. Онъ портилъ, на-
примѣръ, хозяйскую скотину во время господской
на ней работы и, конечно, платилъ убытки, если
быль виноватъ въ небрежности. Ив. Бѣляевъ (въ
«Крестьянахъ на Руси» М. 1860; по 3-му изд. 1891 г.
стр. 8, 15—23) слишкомъ уже много прибавляетъ сво-
его къ источникамъ, когда утверждаетъ, на основаніи
«орудья своя дѣя», что закупы жили своими семьями,
работали на себя господскимъ скотомъ и платили
убытки, если повреждали скотъ на этой своей работѣ.
Если принять это толкованіе, то окажется, что закупъ
отвѣчалъ за поврежденіе скота на своей только, а
не на господской работѣ, что невозможно.

Какъ свободный человекъ, закупъ заключаетъ дого-
воры и имѣетъ право иска даже противъ нанимателя.

Явный уходъ со двора господина для займа де-
негъ и даже побѣгъ для принесенія на него жало-
бы не ведутъ къ рабству. Изъ (ст. 52) надо заклю-
чить, что наниматели пользовались всякимъ случа-
емъ, чтобы обратить наймита въ обельнаго холопа.
Потребовалось оказать закупамъ защиту. Княжескій
судъ даетъ имъ эту защиту.

Предоставивъ закупу право иска противъ нани-
мателя, Правда опредѣляетъ и размѣръ отвѣтствен-
ности этого послѣдняго за нѣкоторыя незаконныя
его дѣйствія. См. (ст. 55).

Общій смыслъ испорченной переписчиками 55-й
статьи совершенно понятенъ. Она перечисляетъ нѣ-
которыя недозволенные дѣйствія (обиды) нанимате-
ля по отношенію къ закупу и опредѣляетъ наказа-
нія за ихъ совершеніе. Но нѣкоторыя частности
неясны и даютъ поводъ толкователямъ далеко рас-
ходиться въ мнѣніяхъ.

Закупъ получаетъ наемную плату. Она называется то «купой, копой» (ст. 53), то «цѣной» (ст. 105). Господинъ можетъ не доплатить этой купы или цѣны. Это, кажется намъ, и разумѣть статья, говоря: «оувидить (т. е. увередить) купу его». Совершенно понятенъ, поэтому, вариантъ: «оувередить цѣноу».

Но закупъ, самъ отвѣчающій за причиненные имъ нанимателю убытки, можетъ, конечно, имѣть и нѣкоторое свое имущество. Въ одномъ памятникѣ 1382 г. ресцѣиш переведено словомъ «отарица» (πελοῦσιον). Увередить «отарицю», думаемъ, значить — отобрать у закупа собственное его имущество.

«Принять на закупъ кунъ» можетъ значить занять денегъ и въ обезпеченіе долга отдать закупа кредитору.

Закупъ есть тотъ же смердъ, но бѣдный, не имѣющій возможности жить своимъ хозяйствомъ, а потому и поступающій въ качествѣ наемника въ чужой дворъ. Онъ не самостоятельный хозяинъ, а слуга другого человѣка. Это уже переходное состояніе къ обельному холопству. Такихъ свободныхъ слугъ въ старину звали добровольными холопами.

Этимъ надо объяснять, что закупы хотя, несомнѣнно, были свободными людьми, но подлежали нѣкоторому ограниченію своихъ правъ.

Такъ къ свидѣтельству на судѣ они допускались только по нуждѣ и въ малыхъ дѣлахъ (ст. 59).

Наниматель имѣлъ право наказывать ихъ за дурное исполненіе своихъ обязанностей по собственному усмотрѣнію, безъ суда (ст. 55).

Вопросъ объ отношеніи работниковъ къ нанимателямъ весьма занималъ нашихъ предковъ эпохи «Русской Правды». И въ то время, какъ и въ наше,

наниматели не всегда были довольны работниками, а работники нанимателями и иногда принуждены были уходить от них до срока. Древняя практика принимала чрезвычайно рѣшительныя мѣры для огражденія интересовъ нанимателей отъ нарушенія работниками договора найма. Работникъ, ушедшій до срока, терялъ свою свободу (ст. 52).

При этихъ условіяхъ, конечно, и сложилась извѣстная и намъ поговорка: «нанялся — продался».

Можно, однако, думать, что эта практика или не была повсемѣстной, или въ XIII вѣкѣ стала уже выходить изъ употребленія. Приведенная выше (стр. 388) 105 ст. допускаетъ досрочный уходъ годового работника, даже взявшаго впередъ плату, на условіи возвращенія забранныхъ денегъ.

Въ Правдѣ замѣтны два теченія. Наниматели стараются насколько можно стѣснить свободу наемника; они домогаются обратить добровольнаго холопа въ обельнаго за отлучку со двора ихъ для займа денегъ, или для принесенія жалобы на обиду господина. Князья же берутъ наймитовъ подъ свою защиту. На ихъ судѣ, конечно, и возникли вышеприведенныя огражденія свободы закупа (стр. 391).

Начало 52-й статьи, опредѣляющей рабство за бѣгство закупа, и статья 105-я, допускающая досрочный уходъ годового работника, на условіи возвращенія забранныхъ впередъ денегъ, могутъ быть однако и совершенно примирены. Статья 52-я караетъ холопствомъ *тайное* бѣгство закупа съ намѣреніемъ скрыться отъ нанимателя; статья 105-я говоритъ о *явномъ* его уходѣ, при чемъ онъ обязывается уплатить неотработанныя деньги.

Огражденіе правъ нанимателей имѣетъ въ виду и

(ст. 57). Если закупъ дѣлался должникомъ третьяго лица, то онъ не отвѣчалъ лично, ибо это могло повести къ нарушенію интересовъ нанимателя, а предоставлялся въ полную его власть. Это общее начало выражено въ первой строкѣ 57 ст., но въ казуистической формѣ: *«Аже закупъ выведетъ что (если закупъ что украдетъ, ближайшимъ образомъ, если онъ уведетъ «выведетъ» домашнюю скотину), то юсподинъ въ немъ»*, т. е. господинъ можетъ поступить съ нимъ, какъ заблагоразсудитъ: можетъ, уплативъ причиненный убытокъ, сдѣлать его холопомъ своимъ и можетъ продать его обель для возмѣщенія убытка. Послѣдующія слова статьи содержатъ только пространное толкованіе этой мысли. Въ своемъ толкованіи Правда отправляется отъ того же конкретнаго случая: закупъ укралъ коня, или вола, или иной товаръ и бѣжалъ. Закупъ могъ быть долженъ господину за порчу его вещей, за впередъ полученную плату и пр. Если бы онъ отвѣчалъ самъ за убытки третьимъ лицамъ, интересы господина его могли бы быть этимъ нарушены. Въ огражденіе ихъ онъ и предоставляется въ полную его власть.

Литература вопроса о закупахъ отличается, сравнительно, большимъ разнообразіемъ мнѣній. Но и здѣсь едва ли не ближе всѣхъ къ истинѣ Рейцъ *). Онъ считаетъ закупа нанятымъ работникомъ. Но такъ какъ работа по условію была въ древности въ родѣ неволи, то онъ и относитъ закуповъ къ несвободному населенію.

Иначе взглянули на вопросъ историки-цивилисты— Д. И. Мейеръ («Древнее русское право залога» Ка-

*) Срв. выше на стр. 381.

зань. 1855) и Неволинг^{*)}). По ихъ мнѣнію закупа-ничество не есть договоръ личнаго найма, а заемъ, обеспеченный залогомъ личности должника; это древнѣйшая форма залога. Закупъ, обеспечивающій своимъ лицомъ исправность будущей уплаты, находится въ состояніи временнаго рабства; до уплаты онъ въ работѣ.

Сторонники приведеннаго мнѣнія недостаточно оцѣнили встрѣчающуюся въ «Русской Правдѣ» замѣну слова «закупъ» словомъ «наймитъ», и указаніе этого памятника на плату, получаемую закупомъ отъ господина, и на погашеніе этой платы, если она выдавалась впередъ, годовой работой. Долгъ закупа погашается работой, а не обеспечивается ею до уплаты; притомъ онъ погашается непременно годовой работой, не болѣе и не менѣе. Это, конечно, не заемъ, а плата впередъ; поэтому долгъ этотъ и названъ «милостью».

Вполнѣ примыкаетъ ко взгляду цивилистовъ и Б. Чичеринъ («Опыты по исторіи рус. права», 154), по мнѣнію котораго «закупомъ назывался человѣкъ, который за долгъ отдавался въ работу». Но отъ его вниманія не ускользнуло наименованіе закупа наймитомъ. «Дѣйствительно, — говоритъ онъ, — это былъ родъ личнаго найма, но съ присоединеніемъ къ этому заемнаго обязательства (купы)».

«Впослѣдствіи, — продолжаетъ авторъ, — самое это слово (закупъ) исчезаетъ, а вмѣсто его является названіе: закладня, которое, въ свою очередь, превращается, наконецъ, въ названіе кабальнаго холопа». Эта историческая смѣна понятій закупа ка-

*) Срв. выше примѣчаніе на стр. 387.

бальнымъ холопомъ совершенно послѣдовательна съ точки зрѣнія автора; но въ дѣйствительности такой смѣны не могло произойти по той причинѣ, что закупничество и кабальное холопство — два весьма различныхъ института. Слово «закупъ» дѣйствительно выходитъ изъ употребленія, но личный наемъ остается и доживаетъ до нашихъ дней.

О наймитахъ говорить Псковская Судная Грамота и въ выраженіяхъ, которыя даютъ возможность нѣсколько сблизить ихъ съ наймитами «Русской Правды». Грамота называетъ ихъ «дворными» («а который наймитъ *дворной* пойдетъ прочь отъ государя...», ст. 40) и во времена «Русской Правды» они живутъ во дворѣ нанимателя; срокъ найма также годовой. О другихъ вопросахъ, затрогиваемыхъ Правдой, Грамота умалчиваетъ.

Договоръ личнаго найма извѣстенъ и московскимъ памятникамъ XVII вѣка. Объ немъ говоритъ Уложение. Въ его статьяхъ просвѣчиваетъ древность.

Сословность московскаго государства отразилась и на наймѣ личныхъ услугъ. Высшія сословія держатъ слугъ по служилымъ кабаламъ. Попамъ же, дьяконамъ, причетникамъ, монастырскимъ служкамъ, тяглымъ людямъ и холопамъ Уложение запрещаетъ держать слугъ по кабаламъ; они держатъ ихъ по «жилымъ записямъ» (XX, 104, 105, 116). Жилая запись — это и есть договоръ личнаго найма. По московскимъ обычаямъ такія записи пишутся на многіе годы. Этотъ порядокъ оставляетъ въ силѣ и Уложение, но только для вольныхъ людей; для тяглыхъ же оно ограничиваетъ сроки найма: тяглые люди могутъ выдавать на себя житейскія или жи-

лыя записи только на 5 лѣтъ *). По этимъ записямъ наймитъ живеть во дворѣ своего нанимателя (XX, 44). Если онъ уходитъ до срока, наниматель имѣеть право искать бѣжавшаго; а по сыскѣ бѣжавшій хотя и не обращается въ рабство, какъ въ эпоху «Русской Правды», но обязывается дожить свое время. (XX, 45). Въ самую запись вносилось условіе о неуходѣ до срока; но оно, конечно, и само собой разумѣлось въ срочности записи. Наемная плата могла выдаваться тоже впередъ, какъ въ старину; но отъ соглашенія сторонъ зависѣло опредѣлить и другой срокъ платежа. Для обезпеченія нанимателя въ запись вносилось условіе неустойки («зарядъ», XX, 44). Для обезпеченія же неустойки было въ обычаѣ поручительство. Случалось, что наниматели, отыскавъ бѣжавшаго наймита и взявъ его къ себѣ снова во дворъ, предъявляли искъ къ поручителямъ, требуя уплаты неустойки. Уложеніе запрещаетъ такіе иски, предоставляя нанимателямъ довольствоваться возвращеніемъ наймита (XX, 45).

Уложеніе ничего не говоритъ о правѣ нанимателя наказывать работника. Есть, однако, основаніе думать, что это право въ XVII вѣкѣ такъ же мало подлежало сомнѣнію, какъ и въ XIII.

Во II томѣ «Актонъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи» (Спб. 1864) напечатанъ любопытный документъ отъ 1686 г. «Государевъ волной человѣкъ», Ѳедоръ Щепеткинъ, (онъ же зоветъ себя «нижегородецъ работной человѣкъ»), взявъ у посадскаго человѣка, Ѳедота Сырейщикова, 25 руб. и женился у него на его крѣпостной. За это

*) XX, 116. Уложеніе говоритъ о записяхъ тяглыхъ людей не тяглымъ. Нѣтъ ли здѣсь описки или печатки?

онъ обязался служить Сырейщикову съ женою 10 лѣтъ («у него... жить во дворѣ... всякая его домовая работа работать»). По прошествіи же 10 лѣтъ, они договорились взять Щепеткину съ хозяина своего «надѣлку» 4 рубля и жить ему на своей волѣ.

Это не служилая кабала, а своеобразная жилая *) запись (форма жилой записи не была установлена). 25 руб., полученные при заключеніи сдѣлки, не заемъ, ибо они не возвращаются, а погашаются работою. Это плата за службу, данная впередъ. Къ этому задатку надо прибавить: цѣну крѣпостной (около 50 руб., Уложеніе XX, 27) и четыре руб. наградныхъ. За эти 70—80 руб., большая часть которыхъ взята впередъ, Щепеткинъ долженъ былъ служить 10 лѣтъ. Въ записи находимъ еще условіе. Щепеткинъ предоставляетъ Сырейщикову «за непослушаніе смирять его по своему хозяйскому разсмотрѣнію». Надо полагать, что это право «смирять» было весьма обыкновеннымъ правомъ нанимателя по отношенію къ наймиту и стоитъ въ преимственной связи съ допускаемымъ «Русскою Правдою» наказаніемъ закупа «за дѣло».

Къ приведеннымъ взглядамъ на закупа Ив. Бѣляевъ прибавилъ новую черту. Въ его сочиненіи «Крестьяне на Руси» находимъ иногда удивительную смѣсь совершенно вѣрныхъ взглядовъ съ мнѣніями нѣсколько фантастическими. «По Русской Правдѣ, говоритъ онъ, закупы ролейные... не ясно отличены отъ закуповъ неролейныхъ... И, кажется, въ самой жизни русскаго общества въ XII вѣкѣ

*) Самъ документъ называетъ себя «жилой записью», а въ распискѣ на немъ подьячаго «служилой записью». *Ред.*

еще не было строгаго различія между сими двумя разрядами закуповъ».

Это совершенная истина. И тотъ и другой закупъ есть наемный работникъ, который жилъ во дворѣ нанимателя. Можно даже сомнѣваться, чтобы ролейные закупы и неролейные были строго обособлены по занятіямъ. Пашенный работникъ могъ, конечно, въ свободное отъ сельскихъ занятій время быть возницей и исполнять разныя работы по дому.

Но Бѣляевъ приступилъ къ своему труду уже съ готовой мыслью. Эта мысль состояла въ томъ, что ролейные закупы то же, что позднѣ крестьяне, снимавшіе владѣльческія земли; а неролейные то же, что позднѣ кабальные холопы. И вотъ мы находимъ у него такой выводъ: «Такимъ образомъ, мы имѣемъ прямыя и официальные свидѣтельства, что въ XII столѣтіи уже были на Руси ролейные закупы или крестьяне, живущіе на чужихъ земляхъ съ обязанностью платить за земли работою. Это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, фактъ историческій».

Что въ XII вѣкѣ были крестьяне, снимавшіе чужія земли, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться. Но мы отрицаемъ, чтобы такіе крестьяне, сьемщики земли, и ролейные закупы «Русской Правды» были одно и то же.

Какія же это «прямыя и официальные свидѣтельства?»

Это — толкованіе Болтинымъ *) слова «отарица»,

*) См. о немъ въ книгѣ, цитованной выше въ примѣчаніи на стр. 374.

вкладная грамота Варлаама Хутынскому Спасескому монастырю и извѣстіе Новгородской лѣтописи подь 1229 годомъ.

Болтинъ думаетъ, что «отарица» значить участокъ земли, который давался землевладѣльцемъ закупу во временное владѣніе. Мнѣніе Болтина, конечно, не есть «прямое», а еще менѣе «официальное свидѣтельство». Мы напрасно искали ему какого-либо подтвержденія. Слова: «отарица», «отара» сохранились въ народномъ языкѣ и до нашихъ дней, но не въ томъ смыслѣ, какой необходимъ Болтину. Отара значить овечье стадо, отарщикъ — пастухъ, отарица — получаемая имъ мѣсячина (Даль). Теперешній говоръ, слѣдовательно, скорѣе въ пользу принимаемаго нами смысла этого слова. Но онъ не вездѣ одинаковъ. Въ Минской губерніи слово отарица означаетъ оброкъ, получаемый господиномъ. Но это значеніе совсѣмъ не подходитъ къ смыслу статьи (ст. 55). Грамота же вкладная и мѣсто Новгородской лѣтописи подь 1229 годомъ не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ закупамъ. Грамота упоминаетъ о «челяди» («въдале святомуу спасу и съ челядію, и съ скотиною»), т. е. рабахъ, а лѣтопись говоритъ о смердахъ^{*)}. Остается, такимъ образомъ, въ силѣ первое утвержденіе Бѣляева, что между ролейными и неролейными закупамъ не было различія.

Несмотря на малую доказательность мнѣнія, что ролейные закупы были не наемные только сельскіе рабочіе, а сами нанимали чужія земли, оно пустило корни въ нашей ученой литературѣ. Если, го-

^{*)} См. выше на стр. 379.

ворить въ «Хрестоматіи по исторіи рус. права» М. Владимірскаго-Буданова, ролейный закупъ, т. е. получившій участокъ земли и взявшій подмогу, теряетъ коня, то не платитъ за это; а въ «Обзорѣ исторіи русскаго права» (стр. 35) того же автора ролейное закупничество опредѣлено, какъ временное прикрѣпленіе, которое образуется изъ долгового обязательства смерда землевладѣльцу.

Кромѣ пространныхъ списковъ «Русской Правды» слово закупъ въ другихъ памятникахъ не встрѣчается. Въ одной статьѣ Псковской Грамоты упомянуть «закупенъ». Это слово наводитъ нѣкоторыхъ изслѣдователей на мысль, что «закупенъ» есть закупъ «Русской Правды». Это очень сомнительно. Вотъ мѣсто Грамоты:

А кто по волости ходитъ закупенъ, или скотникъ, а иметъ искати такоже сблюденія, или верши, ино юсподъ обыскать правда... 18.

Кромѣ созвучія въ словѣ «закупенъ» эта статья ничѣмъ не напоминаетъ закупа «Русской Правды». Закупенъ «ходитъ по волости», т. е. онъ не живетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ чемъ-либо дворѣ, а переходитъ съ мѣста на мѣсто. При такихъ переходахъ ему случается отдавать свои вещи на сбереженіе, а затѣмъ искать возвращенія ихъ судомъ. На случай предъявленія такихъ исковъ статья и даетъ процессуальныя опредѣленія.

Проф. Энгельманъ, въ своихъ толкованіяхъ къ Псковской Грамотѣ, уже высказалъ предположеніе, что закупенъ можетъ означать здѣсь торговца, въ какомъ смыслѣ слово это и употребляется въ московскихъ памятникахъ XVII вѣка. Это объясненіе кажется намъ наиболее вѣроятнымъ. Закупенъ хо-

дить по волости для торговли, а не въ качествѣ предлагающаго свой трудъ для сельскихъ работъ; какъ нанимающійся, онъ и не могъ бы быть названъ закупомъ. Такъ какъ предметомъ торговли можетъ быть скоть, то онъ и названъ «скотникомъ» *). Но онъ можетъ торговать и другими предметами, на примѣръ, рыбой. Какъ торгующій рыбой, онъ можетъ имѣть свои рыболовныя снасти, которыя, натурально, и отдаетъ кому-либо на сбереженіе, когда нѣтъ лова. Поэтому статья говорить о *верши*.

Со времени выхода въ свѣтъ толкованій **) проф. Энгельмана, слово «верша» принято переводить словами: жито, хлѣбъ. Академическій словарь, на который ссылается проф. Энгельманъ, знаетъ два слова: вершь и верша. Верша означаетъ рыболовную снасть, а вершь — жито, хлѣбъ, но не зерно, а растеніе, именно молодой всходъ, побѣгъ, верхъ, вершье (Даль). Въ этомъ смыслѣ вершь не можетъ быть отдана на сбереженіе; на сбереженіе могла быть отдана только снасть рыболовная. Итакъ, статья несомнѣнно имѣетъ въ виду челоуѣка, занимающагося ловлей и торговлей рыбы, у котораго есть своя рыболовная снасть, а не работника, отыскивающаго мѣсто закупа.

*) Въ Псковской губ. и теперь скотопромышленникъ называется *скотникомъ* (Даль).

**) См. его «Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской Судной Грамотѣ». Спб. 1855.

III.

ХОЛОПЫ.

(В. Н. Сторожевъ. «Опытъ элементарной постановки вопроса объ отношеніи «Русской Правды» къ современной ей судебной практикѣ»).

«Русская Правда» довольно рѣзкими штрихами рисуеъ юридическое положеніе холоповъ. Холопъ или раба по «Русской Правдѣ» есть вещь, частная собственность хозяина. За убійство холопа или рабы нѣтъ платежа виры; за убитаго безъ вины холопа убійца уплачиваетъ хозяину «урокъ», т. е. расплачивается лишь за матеріальный ущербъ, нанесенный послѣднему, и штрафъ въ 12 гривенъ кунъ («продажу») въ пользу князя. Какъ вещь, холопа можно было украсть; хозяинъ украденнаго холопа шелъ на «сводъ», когда открывалъ у кого-либо своего похищеннаго раба. Воръ платилъ за покражу челядина 12 гривенъ кунъ продажи; но самъ челядинъ не отвѣчалъ передъ княземъ продажею за воровство. Княжескихъ, боярскихъ и монастырскихъ холоповъ «князь продажею не казнить, зане суть несвободни». Какъ вещь, холопъ не можетъ быть субъектомъ права, а потому онъ не можетъ совершать преступленій противъ общества и правительства, ни быть какъ юридическое лицо объектомъ преступленія со стороны свободнаго че-

ловка (ст. 13, 14, 33, 34, 42, 52, 56—59, 81, 84, 102—115). Лишенный гражданскихъ правъ, не будучи вовсе членомъ общества, холопъ, разумѣется, не могъ быть послухомъ, показанія котораго вліяли бы на исходъ процесса, не могъ присягнуть. Припомнимъ, что извѣстной части гражданской правоспособности лишился и закупъ, свободный и лишь временно зависимый человекъ; на него, какъ на послуха, можно было сослаться только «въ малѣ тяжѣ», да и то «по нужи»; «господинъ» (тотъ же терминъ «Правда» употребляетъ и для означенія владѣльца холопа) могъ колотить его «про дѣло» безъ всякихъ ограниченій *) со стороны закона, не пытающагося обезпечить жизнь ни закупа, ни холопа. Пространные списки «Правды», оговариваясь, что холопъ не есть «скоть» (срв. 33 ст. Троицкаго списка и 15 ст. Академическаго), отличаетъ нѣкоторыхъ холоповъ отъ прочихъ ихъ собратій. Такъ по нуждѣ «Правда» допускаетъ послушествовать боярскаго тиуна и назначаетъ виру за убійство тиуна княжескаго **) и боярскаго, что объясняется частью тѣмъ, что тиунами могли быть не одни холопы, а также и свободные люди (ст. 104).

Таково было юридическое положеніе холоповъ согласно постановленіямъ «Правды»; вѣрное въ общихъ чертахъ, оно не вполне соответствовало дѣйствительности и являлось отраженіемъ болѣе древнихъ взглядовъ: въ XII и XIII вв. взглядъ на раба, какъ на собственность, вещь уже не проводится въ жизни со всѣми роковыми его послѣдствіями. «Правда» была не болѣе какъ отголоскомъ практики, которую до

*) Срв. выше на стр. 397 и 398.

**) Срв. выше на стр. 365 и 373—374.

извѣстной степени можно уловить, пересмотрѣвъ оставленное древнею Русью писаное наслѣдство.

«Законъ Судный Людемъ» — выборка, сдѣланная для практическихъ цѣлей славянскими книжниками-юристами изъ Эклоги Льва Исаврянина и Константина Копронима (VIII в.), Новелль Юстиніана, Моисеева закона — выборка, которая по отношенію къ практикѣ во многихъ случаяхъ представляетъ *prima desideria* его писателей, два раза сходится съ «Правдой» въ вопросахъ о холопствѣ.

Такъ статья Закона Суднаго Людемъ *а иже аще работаетъ изъ рабы, и същастъ цѣну ею предъ послухи, да отпущается* соотвѣтствуетъ той статьѣ «Правды», которая запрещаетъ «роботать по придатьцѣ»; точно также другая статья Закона: *крадущему рабу у господина, господинъ аще хощетъ имѣти, окраденому да искупится, да безо тцетъ створить; аще ли не хощетъ имѣти раба того, сею да отдасть въ работу окраденому, да тепуть, или продадутъ, ему же крадя* близко подходитъ къ 115-й ст. «Правды».

Въ то же время «Законъ» уже дѣлаетъ оговорку относительно убійства холопа господиномъ, чего не дѣлаетъ «Правда»; оговорка эта чрезвычайно характерна, внося извѣстное ограниченіе въ представленіе о рабѣ, какъ о вещи. Въ статьѣ «о битіи рабъ» читаемъ: «аще кто біеть раба своего или рабу свою жезломъ, ти умереть отъ руки, судомъ да ся мститъ; аще пребудеть день или два, да не мститъся: *свое бо есть имѣніе*». Съ другой стороны «Законъ» не знаетъ положенія «Правды»: «а послушства на холопа не складають», встрѣчаемаго въ Кормчей книгѣ въ главѣ о послухахъ «Володимера князя судъ о послушствѣ» и почти дословно

воспроизводящей текст «Русской Правды» (ст. 59): «*послушество на холопа не вскладаютъ, аще же не будетъ* свободного, то по нужди сложитися на боярскаго тиуна, а на инѣхъ не вскладити, аже въ малѣ тяжи по нужди сложити на закупа».

Въ дѣйствительности положеніе древне-русскаго холопа смягчалось вліяніемъ церкви.

Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ В. Сергѣевичъ, что улучшение быта рабовъ происходитъ подъ вліяніемъ церкви. Такъ это было и въ западной Европѣ. Смотри на бракъ, какъ на таинство, западная церковь начинаетъ примѣнять этотъ взглядъ и къ половымъ отношеніямъ рабовъ и добивается наконецъ признанія ихъ браковъ. Это уже ограниченіе господской власти. Церковь заботится и о смягченіи властныхъ отношеній господъ по отношенію къ ихъ рабамъ и достигаетъ запрещенія *произвольнаго* убіенія рабовъ господами. Христіанскія правительства должны были присоединиться къ этимъ усиліямъ церкви. Благодаря соединенному дѣйствію этихъ двухъ факторовъ, за рабами начинаютъ признавать право на приобрѣтенное ими имущество и право наслѣдованія дѣтей послѣ родителей.

Такая же работа церкви и христіанскихъ князей происходила и у насъ.

Въ древнѣйшихъ поученіяхъ духовенства находимъ уже слѣды заботливости его о рабахъ. Кириллъ Туровскій, знаменитый проповѣдникъ XII в., внушаетъ господамъ не угнетать рабовъ своихъ. Описывая мытарства, которыя должна испытывать душа умершаго, онъ относитъ къ нимъ и «яръсть съ гнѣвомъ или на чада, или на *рабы*, или на всякаго чловѣка».

Въ древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ Кормчихъ конца XIII вѣка находится поученіе епископа новопоставляемому священнику. Въ немъ воспрещается принимать какія бы то ни было приношенія въ церковь отъ жестокихъ господъ.

Въ церкви не дай повѣстити, и не принеси приноса въ божій жертвникъ отъ невѣрныхъ, ни отъ еретикъ, ни отъ блудникъ, ни прелюбодѣй, ни отъ татій, и разбойникъ, и грабитель, и властель немилосердъ, ни отъ кѣрчемника и рѣзоимца, ротника и клеветника, похлепника и лжи послуха, влѣхва и потворника, шурца и злобника, или томя челядь свою мядьмъ и ранами: кто боудеть отъ таковыхъ, а не покаются, не еми оу нихъ приноса.

Жестокіе господа поставлены здѣсь рядомъ съ невѣрными, еретиками и разбойниками.

Въ тѣхъ же Кормчихъ находимъ поученіе духовника исповѣдающимся, которое, по мнѣнію А. С. Павлова, «принадлежитъ къ глубокой древности и носить на себѣ явные слѣды русскаго происхожденія». Въ этомъ поученіи читаемъ:

Челядь же свою такоже милоуй, даждь имъ потребуемая; показай же я на добро не яростию, но яко дѣти своя.

Епископъ новгородскій Лука Жидята въ XI в. училъ: «И своимъ сиротамъ (т. е. рабамъ) милостиви будете». Одно поученіе XII вѣка, принадлежащее неизвѣстному автору, гласитъ такъ:

«Сиротъ домашнихъ не обидьте, но больше милуйте, голодомъ не морите, ни наготою, потому что это домашніе твои нищіе: нищій въ другомъ мѣстѣ себѣ выпроситъ, а рабы только въ твоей рукѣ; милуйте своихъ рабовъ и учите ихъ на спа-

сеніе и покаяніе, а старыхъ на свободу отпускайте... Если холопа своего или рабу не кормишь и не обуваешь, и убьютъ ихъ у воровства (срв. ст. 36), то за кровь ихъ ты отвѣтишь... Ты какъ апостоль въ дому своемъ: научай грозю и ласкою. Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходять, то лозы не жалѣй до шести ранъ и до двѣнадцати; а если велика вина, то до 30 ранъ лозю, а больше 30 ранъ не велимъ... Рабовъ, которыхъ возьмешь съ собою въ походъ, чести и любви, чтобъ они были тебѣ въ обидѣ и въ рати добрыми помощниками».

Проповѣдуя гуманность по отношенію къ рабамъ, церковь въ лицѣ опредѣленій Владимирскаго собора 1274 г. предписывала при поставленіи священниковъ узнавать, не обходился ли поставляемый жестоко съ своими рабами, «или челядь друча голодомъ и наготою, страдою насилье творя».

Лѣтопись, такъ близко стоявшая въ древней Руси къ церковному міровоззрѣнію, скоро успѣла усвоить себѣ это направленіе. Такъ въ Суздальскомъ сводѣ читаемъ слѣдующій возгласъ по поводу извѣстной борьбы князей Юрія и Ярослава Всеволодовичей съ Константиномъ Всеволодовичемъ и Мстиславомъ Удалымъ: «Оле страшно чюдо и дивно, братье! поидоша сынове на отца, а отци на дѣти, братъ на брата, рабы на господину, а господинъ на рабы».

Если церковь запрещала увѣчить раба, морить голодомъ, то она, несомнѣнно, была и противъ убійства его господиномъ. «Правда» молчать объ убійствѣ господиномъ своего холопа, точно такъ же какъ и объ обратномъ случаѣ. При взглядѣ на холопа

какъ на вещь, это вполне понятно: убійство холопа связано было съ экономическимъ урономъ для собственника, такъ что вступаться въ подобные казусы не имѣло смысла для «Правды», которая очень хорошо понимала этотъ экономическій интересъ и довольно ясно въ двухъ статьяхъ намѣтила его. Въ одной она отмѣняетъ убійство холопа-оскорбителя свободнаго человѣка (ст. 58): «Ярославъ былъ оуставилъ убити и, но сынове его по отци оуста-виша на коуны» (очевидно, не текстъ, изданнаго закона, а пересказъ установившагося по смерти Ярослава I обычая; любопытное свидѣтельство того, что сами современники пытались вносить въ текстъ «Правды» поправки, выработанныя практикою), потому что убійство холопа сопряжено было съ значительнымъ экономическимъ вредомъ для господина; въ другой устраняетъ выдачу жены и дѣтей холопа, попавшаго въ кражѣ, если они не были въ соучастіи, опять потому только, что такая выдача была бы тяжелымъ экономическимъ урономъ для господина (ст. 115). Даже въ случаѣ ихъ выдачи за соучастіе, статья предоставляетъ право ихъ выкупить: «паки ли а выкупаеть господинъ», такъ же какъ и холопа-вора «любо выкупати, любо выдати». Эти статьи явно составлены въ интересахъ экономическаго благосостоянія рабовладѣльцевъ, если даже въ первой видѣтъ отчасти вліяніе церкви. Памятники каноническіе, къ сожалѣнію, молчатъ о подобномъ казусѣ, но нѣтъ нужды предполагать, чтобы церковь могла колебаться въ своемъ отношеніи къ нему. Что практика допускала это убійство господиномъ своего холопа, ясно видно изъ текста Закона Суднаго Людемъ («свое бо есть имѣніе»,

см. выше на стр. 405), изъ словъ Аль-Масуди и Двинской грамоты *).

Рабъ, какъ вещь, по «Русской Правдѣ», не могъ быть объектомъ оскорбленія. Иначе было на практикѣ.

Слова кротости и милосердія, раздававшіяся и съ церковной каеедры, и въ поученіяхъ священниковъ, и на исповѣди не могли не оказывать вліянія на отношенія господъ къ рабамъ и не могли не оставить своихъ слѣдовъ въ юридическихъ памятникахъ.

Древнѣйшее постановленіе, ограждающее рабынь отъ насилія со стороны господъ, находимъ въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами конца XII вѣка, гдѣ читаемъ:

«Оже кто робу повержеть насильемъ, а не соромить, то за обиду гривна; пакы ли соромить, собѣ свободна».

*) А. Я. Гаркави. «Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ». Спб. 1870, с. 127. Аль-Масуди, писатель половины X вѣка, пишетъ, что если у русскихъ холопъ въ чемъ-нибудь провинился, то безъ приглашенія ложился предъ господиномъ, который и колотилъ его, сколько хотѣлъ; но если онъ вставалъ раньше, чѣмъ господинъ кончилъ его колотить, то лишался жизни. Въ Двинской Уставной Грамотѣ 1398 г. читаемъ (Акты А. Э. I, № 13): «А кто господарь огрѣшитя, ударить своего холопа или рабу, а случится смерть, въ томъ намѣстници не судятъ, ни вины не емлютъ. Какъ исключительный казусъ нельзя не припомнить такого случая, рассказаннаго въ лѣтописи (Новгор. I, 71): въ 1316 году былъ убитъ нѣкто Даниилъ Писцовъ своимъ холопомъ, который остался не наказаннымъ, ибо объявилъ гражданамъ, что его господинъ держалъ перевѣтъ и благопріятствовалъ враждебному князю. Срв. далѣе на стр. 414. Срв. также слова Ибнъ-Даста, что русскіе съ рабами обращаются хорошо и заботятся объ ихъ одеждѣ, потому что занимаютъ (?) при торговлѣ, у Гаркави, стр. 268.

Буквальный смысл статьи, по словамъ В. Сергѣевича, не возбуждаетъ недоразумѣній: «собѣ свободна» значить, конечно, становится свободной. Но какъ объяснить правило, по которому раба, потерпѣвшая насиліе, приобрѣтала свободу? Если это раба третьяго лица, а не того, кто виновенъ въ насиліи, то статья невозможная. При ея дѣйствии не могло бы удержаться рабство на женщинѣ. Надо думать, что статья имѣетъ въ виду насиліе собственной рабѣ.

Подобную же статью читаемъ въ договорѣ съ гнѣмцами 1229 года:

«Аже насилуетъ робъ, а будутъ на него послуи, дати ему гривна серебра».

Такъ договоры знаютъ извѣстное обезпеченіе женской чести рабы, совершенно незнакомое Правдѣ, которая не заботится объ обезпеченіи чести и свободной женщины. Послѣдній договоръ предусматриваетъ также оскорбленіе холопа дѣйствиемъ, наказывая обидчика пенею въ одну гривну кунъ (см. у Карамзина III, прим. 248 и Погодина II, стр. 760). Если приведенныя свидѣтельства относятся къ XII и XIII вв., то можемъ указать на извѣстіе, идущее изъ глубокой древности и подтверждающее предложенный выводъ. Въ житіи Бориса и Глѣба, писанномъ мнихомъ Іаковомъ *), разсказывается такой случай. Раба, исполнявшая по принужденію госпожи работы въ неурочный день, заболѣла неизлѣчимо сухоткою въ рукѣ; госпожа вмѣсто ставшей неспособной къ труду рабы взяла въ работу ея сына, рожденнаго до холопства. Судъ самъ или по жалобѣ

*) По изданію И. И. Срезневскаго, стр. 78.

рабы вступился въ дѣло и освободилъ обоихъ на волю. Итакъ, челядь, получавшая увѣче по винѣ господы, освобождалась на волю. По точному смыслу «Русской Правды» всѣ указанные здѣсь случаи ненаказуемы.

Есть основаніе предполагать, что у холоповъ княжескихъ (и боярскихъ?) было право собственности на недвижимость, право входить въ обязательства и право наслѣдованія (по закону). На такое предположеніе наталкиваетъ 12-ая статья договора съ нѣмцами 1229 года, хотя строгая критика можетъ подразумѣвать въ этой статьѣ холоповъ, пущенныхъ въ торгъ господиномъ (срав. «Рус. Пр.» ст. 111), а потому входящихъ въ обязательства не отъ своего имени, а отъ имени уполномочившаго ихъ господина. Возраженіе парализуется тѣмъ фактомъ, что въ древнѣйшей Руси возможенъ былъ выкупъ холопа на волю; а разъ могъ выкупиться на волю, значить, у него была признанная господиномъ и дѣйствующимъ правомъ личная собственность. Сама «Русская Правда» нигдѣ не говоритъ объ отсутствіи собственности у рабовъ; оно и понятно, потому что, по ея теоріи, рабъ — вещь; однако въ «Русской Правдѣ» не найдется статьи, которая и исключала бы вышеприведенное мнѣніе. Противъ не говорятъ ни 110-ая, ни 113-ая статьи, ибо въ первой рѣчь идетъ о холопѣ, занимавшемъ деньги подъ видомъ свободного человѣка, а во второй — объ отнятій у холопа его добытка въ случаѣ незаконнаго оставленія имъ своего господина. Итакъ, имѣемъ право говорить о существованіи у холоповъ движимой собственности въ древнѣйшей Руси, пользуясь которой они могли выкупаться на волю и вступать въ разрядъ изгоевъ.

чего тоже не знает*) «Русская Правда». Уставъ князя Всеволода**) въ числѣ изгоевъ помѣщаетъ холопа, выкупившагося изъ холопства.

Можно даже предполагать, что на практикѣ существовалъ выработанный обычаемъ законъ, что холопъ можетъ выкупиться на волю, заплативъ своему господину за себя столько, сколько послѣдній самъ за него заплатилъ. Къ такому заключенію приводитъ вскрываемое по древне-русскимъ памятникамъ злоупотребленіе, извѣстное подъ именемъ *взиманія изюйства*, т. е. случая, когда господинъ бралъ съ выкупающагося на волю холопа больше, чѣмъ самъ за него заплатилъ, и жестоко осуждаемое церковью.

Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ древнѣйшій церковный памятникъ, изданный А. С. Павловымъ подъ заголовкомъ: *Наставленіе духовнику о принятіи кающихся*:

«И се пакы горѣ всего емлющимъ изгойство на искупающихся отъ работы: не имуть бо видѣти милости, не помиловавше равно себѣ създаннаго рукою Божіею человѣка, (н)иже насытившеса цѣною уреченою, и тоже не отъ закона Божія, нъ и еще прилагающе горе на горе своей души, не токмо своѣ душѣ губяще, нъ и послухъ, въставающихъ, по нихъ и помагающихъ злобѣ ихъ, и еще же приволочаще къ своимъ злѣмъ и судьи многими мздами и великими дары. Аще ли кто въ невѣднїи ималъ

*) *Изюя* въ первой статьѣ Правды нѣкоторые толкуютъ именно въ узкомъ смыслѣ холопа, выкупившагося на волю; но она нигдѣ не говоритъ ни объ условіяхъ, ни о возможности такого выкупа.

**) См. выше примѣчаніе на стр. 129.

будеть, ти хочеть избыти вѣчноѣ муки, да воротить опять тѣмь, на нихже ималь, и избудеть вѣчныя муки и жизни вѣчнѣй причастникъ будетъ съ всѣми святыми. Также иже кто продаетъ целядинъ, да елико на немъ давши, толико и взяти; аще ли лише, то обрѣтается наклады емля и прасоля живыми душами, съ ними же и на судищи предъ Богомъ стати. Также иже кто выкупается на свободу, то толико же дасть на собѣ, колико же дано на немъ; потомъ же, будя свободенъ, ти добуде(тъ) дѣтей, то начнутъ имати изгойство на нихъ: то обрящются продающе кровь неповиньну, и възищется предъ Богомъ на страшнемъ судищи отъ рукъ ихъ кровь та; то луче бы имъ не родитися, (н)еже полѣсти въ непрѣбрѣдомыя муки».

Ст. 59 и 81-ая «Русской Правды» безусловно воспрещаютъ придавать послушеству холопа рѣшающее значеніе въ судебномъ процессѣ. Позднѣйшее право, какъ можно предполагать, восприняло этотъ принципъ, неизвѣстный Закону Судному Людямъ. Такъ въ новгородскихъ грамотахъ читаемъ: «а холопъ или роба начнетъ вадити на господу, тому вѣры не яти», хотя здѣсь главнымъ образомъ имѣется въ виду холопскій доносъ, такъ поощрявшійся позднѣе при царѣ Борисѣ. Лѣтопись знаетъ, однако, любопытный случай, когда послушеству (дону?) холопа придано было рѣшающее судебное значеніе. Въ Новгородской II-й лѣтописи подъ 1055 и 1058 гг. рассказываетъ, что новгородскій епископъ Лука былъ осужденъ по клеветѣ своего холопа Дудики. Изъ Новгородской I лѣтописи (с. 71) знаемъ, что въ 1316 году остался безъ наказанія холопъ, убившій своего господина и объявившій гражданамъ,

что послѣдній держалъ перевѣтъ и благопріятствовалъ враждебному князю.

Какъ вещь, рабъ, по «Русской Правдѣ», не отвѣчаетъ предъ княземъ за совершенныя имъ преступленія, а слѣдовательно и за убійство. Иной взглядъ проводила церковь, которая признавала отвѣтственность предъ нею рабовъ, хотя и не вполне. Епископъ на вопросъ нѣкоего Ильи — «аже въ работѣ суть душегоубци? — повелѣлъ «на помы дати, и льжае: не волни бо, рече, суть». Въ этомъ взглядѣ явно стремленіе церкви смотрѣть на холопа, какъ на отвѣтственнаго предъ нею христіанина; этотъ взглядъ еще рѣзче высказывается въ запрещеніи продавать поганымъ холопа-христіанина. Митрополитъ Іоаннъ II, проводящій это запрещеніе, слѣдуетъ принципу византійскаго права; его слова по этому поводу легко отыскиваются и въ Фотіевомъ номоканонѣ, и во многихъ византійскихъ частныхъ юридическихъ сборникахъ, предназначенныхъ для церковной практики.

«Прашалъ еси о нѣкихъ, иже купятъ челядь, створивъшимъ обещныхъ молитвъ, ядше съ ними, послѣди же продавше в поганяя, которую симъ прияти епитемью? И речемъ, якоже речено есть в законѣ: крестьяна челоуѣка ни жидовину, ни еретику продати. Иже продасть жидомъ, есть безаконникъ, а не токмо законодавцю, но и Богу претыкаетсяя.

И се внимай о Самѣфирѣ и о Ананьи образа (и) разумѣй: они бо цѣну своего обѣщаща Петромъ, верховнимъ апостоломъ, принести Богу, дажь малу часть оудержавше, смерти осужени бывше, украдше

часть, иже общаша Богу принести. Купца же, иже знаменавше знаменье Божие и молитву иже отъ нихъ купленные челяди, иже еси псалъ: «знаменавше (и) молитву давшѣ», такоже и поганымъ продавше, не тайное сѣгрѣшенье, но явлено къ Богу отлученье крадше и чюже собѣ створше, и тако ны ся мнить ладно со онѣма сѣгрѣшати, иже гонивъше нашу вѣру и многы отъ вѣры в невьрство приведше. Имже достоятъ отвреци сего злаго начинанія наоученьемъ и наказаньемъ многымъ; аще не послушаетъ, яко иноязычникъ и мытарь имѣти».

Въ ст. 105-ой «Русская Правда» запрещаетъ обращеніе въ рабство за прокормъ. Относительно этого постановленія «Русской Правды» можно рѣшительно утверждать, что оно нерѣдко противорѣчило практикѣ. Въ лѣтописяхъ не разъ читаемъ о томъ, что родители въ голодное время отдавали въ холопство, въ дернь своихъ дѣтей. Такъ, въ Новгородской I-й лѣтописи подъ 1215 годомъ (также подъ 1230 г.) встрѣчаются замѣчанія, что родители «дѣти своѣ даяхуть одьренъ», или «и даяху отци и матери дѣти свое одьренъ, изъ хлѣба, гостымъ». Замѣтимъ, что, согласно съ «Русской Правдой», порабощеніе за прокормъ запрещаетъ и Законъ Судный Людямъ:

«Аще ся дастъ человекъ у тошина веремѣни или жена; дернь ему не надобе, а поидеть прочь, дастъ три гривны, а служилъ даромъ».

Попавшая въ «Русскую Правду» статья (92) о блудѣ съ рабою постановляетъ освобожденіе на волю рабы и ея дѣтей, прижитыхъ съ господиномъ (освобожденіе на волю по смерти послѣдняго). Церковные уставы не предвидятъ подобнаго случая. Этимъ объясняется, почему 92-ая статья попала и удержа-

лась въ «Русской Правдѣ». Въ вопросахъ Кирика есть параллельное статьѣ «Русской Правды» мѣсто, гдѣ рѣчь идетъ также о блудѣ съ рабой. «Рѣхъ: владыко, аже поустити свободна? (т. е. рабу, съ которою жилъ господинъ). — Сдѣ, рече, обычай *нѣсть* таковъ; а лѣпше иного челоувѣка въскоупити, абы ся и другая на томъ казнила». Если принять сейчасъ приведенное чтеніе, то придемъ къ заключенію, что практика противорѣчила «Русской Правдѣ». Однако такое заключеніе будетъ по меньшей мѣрѣ поспѣшнымъ, ибо во всѣхъ другихъ спискахъ вопросовъ Кирика читается *есть* вмѣсто *нѣсть*. Недоумѣніе быть можетъ разрѣшается уставомъ Всеволода, гдѣ встрѣчаемъ такое упоминаніе о робичичѣ.

«И азъ сія самъ вѣдихъ предъ собою и управихъ заповѣдми, по преданію святыихъ отецъ, тязю промежу первую женою длтѣй со третьєю женою и съ дѣтми, и со четвертою женою и съ дѣтми; яже есть изъ велика живота дати урочная часть по оскуду, а изъ мала живота, како робичичю часть по указу: конъ, да доспѣхъ, и покрутъ, — по разсмотренію живота».

Таково соотношеніе, которое въ общихъ чертахъ можно установить между взглядами «Русской Правды» на холоповъ и современныхъ ей церкви и судебной практики.

«Русская Правда» дошла до насъ во множествѣ списковъ, число которыхъ, по увѣреніямъ П. М. Строева, переходитъ за цифру 300 (см. Н. Л. Дювернуа: *Источники права и судъ въ древней Россіи. Опытъ по исторіи русскаю гражданскаю права.* М. 1869, стр. 47). Эти списки далеко не сходны другъ съ другомъ, — они различаются и порядкомъ статей, и ихъ содержаніемъ, и ихъ количествомъ; они носятъ на себѣ

смутные слѣды различныхъ вѣковъ и даже различныхъ мѣстностей, какъ утверждаетъ, напр., Дубенскій въ своемъ *Судъ Ярослава князя* (стр. XIV второй части «Русскихъ Достопамятностей» Общества Исторіи и Древностей. М. 1843). Наличие этихъ списковъ вовсе не изучена, — ихъ анализъ остановился на той точкѣ, на какой оставилъ его Н. В. Калачовъ въ диссертациі *Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды* (М. 1846 и второе изданіе Спб. 1880). Такое значительное количество списковъ «Русской Правды» съ временными и мѣстными особенностями не говоритъ ли о ея широкой распространенности, о ея своеобразной роли въ судебной практикѣ древней Руси? Оно же немало говоритъ въ пользу того мнѣнія, что Правда вовсе не была закономъ, изданнымъ государственною властью, а была частнымъ юридическимъ сборникомъ, составъ котораго слагался постепенно и видоизмѣнялся сообразно потребностямъ древне-русскаго юриста-практика. Правда вбирала въ себя и законъ, изданный государственной властью, и постановленіе обычнаго права, и судебное рѣшеніе, состоявшееся, если можно такъ выразиться, инымъ въ образецъ; она отразила на себѣ слѣды закона русскаго и византійскаго и находилась въ очень тѣсной связи съ современной ей судебной практикой, была въ зависимости отъ послѣдней. «Русская Правда, говоритъ В. И. Сергѣевичъ въ *Лекціяхъ по исторіи русскаго права* (Спб. 1890, стр. 77, 83), не руководила практикой, а сама составлена по ней, она — отголосокъ практики», отголосокъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на полноту и неподвижность своего состава.

Про нее можно сказать, что она никогда не дѣйствовала въ цѣломъ (да и что такое цѣлое «Русской Правды»), что она старѣла прежде, чѣмъ тотъ или иной ея составъ появлялся въ извѣстномъ списокѣ, но зато отдѣльныя черты Правды ведутъ свое начало изъ глубочайшихъ временъ или живутъ до позднѣйшихъ. Едва ли можно отрицать, что для наилучшей оцѣнки Правды, какъ юридическаго источника, всего плодотворнѣе изучить, насколько то позволяетъ оставленное намъ древней Русью писаное наслѣдство, отношеніе ея къ современной ей судебной практикѣ, т. е. сопоставить постановленія, записанныя въ наиболѣе ходячихъ текстахъ «Русской Правды», съ современными ей законодательными или указными актами, отдѣльными казусами и свидѣтельствами церковной письменности. Но что такое современная Правдѣ судебная практика? Это — вопросъ, требующій очень опредѣленнаго отвѣта. Не входя въ подробности, условимся, что XI и XII вѣка — время господства правовыхъ нормъ Правды, ея наибольшаго пракческаго значенія и согласія съ текущей дѣйствительностью; въ свидѣтельствахъ, идущихъ изъ X в., можно черпать наиболѣе архаическія черты Правды, а изъ данныхъ XIII в. создавать себѣ представленіе о степени живучести тѣхъ или другихъ ея нормъ и переворота, успѣвшаго тогда произойти въ судебной практикѣ. Въ нашемъ случаѣ историку пришлось бы то и дѣло возиться съ датами списковъ и съ строгимъ различеніемъ ихъ состава и такъ сказать фізіономіи; юристу простительно, какъ кажется, въ предварительномъ опытѣ разсматривать вопросъ въ нѣкоторой неподвижности. Воздержи-

ваясь отъ попытки изобразить послѣдовательную смѣну явленій въ древне-русской судебной практикѣ, происходившую въ X—XIII вѣкахъ, можно прослѣдить ходячіе тексты «Русской Правды» въ такомъ порядкѣ: 1) что въ нихъ совершенно сходно съ судебной практикой X—XIII вѣковъ, 2) въ чемъ они болѣе или менѣе несогласны съ послѣдней и 3) что имъ осталось изъ несомнѣнно дѣйствовавшего на практикѣ неизвѣстнымъ. Работа эта по отношенію къ институту холопства частью и продѣлана въ предложенномъ отрывкѣ. Послѣдняя категория наблюденій, несомнѣнно, имѣетъ особенную цѣну для полноты нашихъ свѣдѣній въ юридическомъ строѣ древней Руси и характеристики значенія «Русской Правды», какъ юридическаго источника. Не надобно только забывать, что пробѣлы «Русской Правды», какъ юридическаго сборника, хорошо знакомы кодексамъ московскаго періода: Судебники, подобно Правдѣ, знаютъ далеко не всѣ нормы, дѣйствовавшія въ ихъ время на практикѣ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЮРИДИЧЕСКІЙ СТРОЙ КІЕВСКОЙ РУСИ.

ХІІІ. ТЕКСТЪ РУССКОЙ ПРАВДЫ ПО ТРОИЦКОМУ СПИСКУ.

Судъ Ярославъ Володимѣричь.

Правда Русьская.

1. Аже оубиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо *), ли братню **) сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривенъ, аче будеть княжь моужь или тиоуна княжа; аще ли будеть русинъ, или гридь ***), любо купецъ, любо тивунъ боярескъ, любо мечникъ, любо ізгой ****), ли словѣнинъ: то 40 гривенъ положити зань.

2. По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове

*) Читается как одно слово: *браточадо* = сынъ брата.

**) Въ Академич. спискѣ стоитъ: *сестриноу*.

***) *Гридь* = воинъ княжескій (отсюда *гридити* = служить въ войскѣ, *гридница* = комната или зданіе, гдѣ собиралась княжеская дружина). *Русинъ* = житель южной, кіевской Руси; *словѣнинъ* = житель сѣверной, новгородской Руси. *Мечникъ* — низшая полицейская должность.

****) См. выше примѣчаніе на стр. 129 и стр. 412—413. *Изгой* — это человекъ, по доброй волѣ или въ силу обстоятельствъ утратившій свое прежнее общественное положеніе и не нашедшій новаго.

его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ і отложиша оубиеніе за голову, но кунами ся выкупати; а іно все якоже Ярославъ судиль, такоже і сынове его оуста-виша.

О оубииствъ.

3. Аже кто оубиеть княжа мужа въ разбой, а головника *) не ищють: то виревную платити въ чѣи же верви голова лежитъ, то 80 гривенъ; паки ль людинъ, то 40 гривенъ.

4. Которая ли вервь начнетъ платити дикую вѣру, колико лѣтъ заплатитъ ту виру, занеже безъ головника имъ платити; будетъ ли головникъ ихъ въ верви, то зань къ нимъ прикладываетъ, того же дѣля имъ помагати головникоу, любо си дикую вѣру; но сплати имъ вообчи 40 гривенъ, а головничество **) самому головнику; а въ 40 гривенъ ему заплатити исъ дружины свою часть; но оже будетъ оубиль или въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервинынѣ, іже ся прикладываютъ вирую.

Оже станеть безъ вины на разбою.

5. Будеть ли сталь на разбой безъ всякой свады, то за разбоіника люди не платять; но выдадять и всего съ женою і съ дѣтми на потокъ и на разграбление.

*) *Головникъ* = убійца; *вервь* = община. --- Въ Академич. спискѣ начало этой статьи читается такъ: 19. «А иже оубьють *омищанина* въ разбой, или оубица не ишоуть...». *Омищанинъ* стоить здѣсь въ замѣну княжа мужа» Троицкаго списка.

**) *Головничество* = вознагражденіе, которое платиль убійца родственникамъ убитаго; *дружина* — употреблено здѣсь въ смыслѣ община (вервь, миръ); *свада* — въ смыслѣ ссоры.

6. Аже кто не вложиться въ дикую вѣру, тому людье не помагають, но самъ платить.

7. А се покони *) вирнии были при Ярославѣ: вирнику взяти 7 вѣдеръ солоду на недѣлю, же овенъ, любо подоть, любо 2 ногатѣ; а въ середу куна, же сыръ, а въ пятницу такоже; а куръ по двою ему на день; а хлѣбовъ 7 на недѣлю; а пшена 7 оуборковъ; а гороху 7 оуборковъ; а соли 7 голважень: то то вирнику со отрокомъ; а кони 4, конемъ на ротъ сути овесъ; вирнику 8 гривенъ, а 10 кунъ перекладная, а метелнику 12 вѣкши, а съсадная гривна.

8. Аже будетъ вира во 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны.

О княжи мужъ.

9. Аже въ княжи отроци, или въ конюсѣ, или въ поварѣ, то 40 гривенъ.

10. А за тивунъ за огнищныи, і за конюшии, то 80 гривенъ.

11. А въ сельскомъ тивунѣ княжѣ, или въ ратаинѣмъ, то 12 гривенъ; а за рядовича **) 5 гривенъ, такоже и за боярескѣ.

*) *Конъ* == мѣра, граница; *поконъ* == то, что сообразно съ мѣрой или нормой. Срв. по Академ. списку ст. 42:..... «а въ среду рѣзаноу, въ три же сыры..... а вирникоу 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици, а передъ гривна.....тъ всѣхъ коунъ — 15 коунъ на недѣлю.....».

**) По Академ. списку ст. 22: «а въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратаинѣмъ 12 гривенъ; а въ *рядовици* княжѣ 5 гривенъ». *Рядовичъ* — повидимому то же, что дальше закупъ — наемный работникъ, жившій въ имѣннн по ряду, договору съ господиномъ (въ противоположность холопу, который составлялъ собственность хозяина).

О ремесвениць и о ремесвениць.

12. А за ремесвеника и за ремесвеницю, то 12 гривенъ.

13. А за смердии холопъ 5 гривенъ; а за робу 6 гривенъ *).

14. А за кормилця 12, такоже и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си роба.

О поклепны вирь.

15. Аще будетъ на кого поклепная вира, то же будетъ послуховъ 7, то ти выведуть виру; паки ли варягъ или кто инъ, *тогда*; а по костехъ и по мертведи не платитъ верви, аже имене не вѣдають, ни знають его.

Аже свержетъ вироу.

16. А иже свержетъ виру, то гривна кунъ сметная отроку; а кто и клепаль, а тому дати другую гривну, а отъ виры помечнаго 9 **).

17. Искавше ли послуха не налѣзуть, а истьця начнетъ головою клепати: тогда дати имъ правду желѣзо; такоже и во всѣхъ тяжахъ, въ татбѣ и въ поклепѣ, оже не будетъ лица, то тогда дати ему желѣзо изъ неволи до полугривны золота; аже ли

*) Срв. ст. 23 по Акад. списку: «а въ смердѣ и въ хопѣ 5 гривенъ», которую В. И. Сергѣевичъ читаетъ: *а въ смердѣ хопѣ 5 гривенъ* («Древности», I, 172—173), т. е. здѣсь, стало быть, идетъ рѣчь о холопахъ смердыхъ, которыхъ Правда противопоставляетъ холопамъ княжимъ (срв. княжъ конь и смердѣй конь).

**) Въ Карамзинскомъ спискѣ ст. 16 заканчивается такъ: «а отъ виры помочнаго 9 кунъ», а въ ст. 15 вмѣсто «тогда» читается «то 2». Срв. далѣе въ ст. 25 «полная видока» (стр. 426).

мнѣ, то на воду, оли то до дву гривенъ; аже мене, то ротѣ ему ити по своѣ куны.

18. Аже кто оударить мечемъ, не вынезъ его, или рукоятю: то 12 гривенъ *) продажи за обиду.

19. Аже ли вынезъ мечъ, а не оутнеть, то гривна кунъ.

20. Аже кто кого оударить батогомъ, любо чашею, любо рогомъ, любо тылѣснию: то 12 гривенъ; не терпя ли противу тому оударить мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтуть.

21. Ачели оутнеть руку і отпадеть рука, или оухнеть, или нога, или око, или носъ **) оутнеть; то полувирье, 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ.

22. Аже персть оутнеть кии любо, 3 гривны продажѣ, а самому гривна коунъ.

А придетъ кровавъ мужъ.

23. Аже придетъ кровавъ мужъ на дворъ, или синь, то видока ему не іскати, но платити ему продажю 3 гривны; аще ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ: слово противу слова, а кто будетъ почаль, тому платит[и] 60 кунъ; аче же и кровавъ придетъ или будетъ самъ почаль, а выльзуть послуси, то то ему за платежъ, оже и били ***).

*) Въ договорахъ съ греками 912 и 945 гг. пять литръ серебра «по закону рускому».

**) Чтеніе или носъ принято вмѣсто чтенія Троицкаго списка или не, согласно другимъ рукописямъ, указаннымъ Н. В. Калачовымъ въ книгѣ «Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды». Изд. II. Спб. 1880. Выпускъ I, стр. 190.

***) Срв. ст. 28 по Академ. списку: «Аще же придетъ кровавъ

24. Аже оударить мечемъ, а не оутнеть на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану, же лѣчебное; потнеть ли на смерть, а вира.

25. Аче попѣхнеть мужъ мужа, любо къ собѣ, ли отъ себе, любо по лицу оударить, ли жердью оударить, а видока два выведуть, то 3 гривны продажи; аже будетъ варягъ или колбягъ, то полная видока вывести, і идета на ротоу.

О челяди.

26. А челядинъ скрывается, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаеть и третии день: то свои челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи.

Аже кто всядеть на чюжь конь.

27. Аже кто всядеть на чюжь конь не прашавъ, то 3 гривны.

28. Аче кто конь погубить, или оружье, или портъ *), а заповѣсть на *торцу*, а послѣ познаеть въ своемъ *юродѣ*, свое ему лицемъ взяти, а за обиду платити ему 3 гривны.

моужь, любо синь, то не искати ему *послоуха* и ст. 2 того же списка: «Или боудеть кровавъ или синь надѣраженъ, то не искати емоу *видока* человекю томоу; аще не боудеть на немъ знаменіа никотораго же, толи приидеть видокъ; аще ли не можетъ, тоу томоу конецъ. Оже ли себе не можетъ мьстити, то взяти емоу за обиду 3 гривнѣ, а лѣтцю мѣзда».

*) Срв. ст. 17 по Академич. списку: «А иже изломить копье, любо щить, любо *портъ*, а начнеть хотѣти его дерѣжати оу себе, то приати скота оу него; а иже есть изломилъ, аще ли начнеть примѣшати, то скотомъ емоу заплатити, колько даль будетъ на немъ», и также ст. 12: «Аще понметъ кто чюжь конь, любо ороужіе, любо *портъ*, а познаеть въ своемъ *мироу*: то взяти емоу свое, а 3 гривнѣ за обиду». Срв. далѣе на стр. 427 статью 31-ую.

29. Аже кто познаеть свое, что будеть погубиль, или оукрадено оу него что и или конь, или портъ, или скотина, то не рци и: се мое; но поїди на сводъ, кдѣ есть взялъ; сведитесь, кто будеть виновать, на того татба снитеть; тогда онъ свое возьметь, а что погибло боудеть съ нимъ, тоже ему начнетъ платити *).

30. Аще будеть коневыи тать — выдати князю на потокъ; паки ли боудеть клѣтныи тать, то 3 гривны платити емоу.

О сводѣ.

31. Аже будеть во единомъ городѣ: то ити истыцю до конца того свода; будеть ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго свода, а что будеть лице, то тому платити третьему кунами за лице, а съ лицемъ ити до конца своду, а истыцю ждати прока; а кдѣ снитеть на конечняго, то тому все платити и продаю.

О татбѣ.

32. Паки ли будеть что татебно купиль въ торгу, или конь, или портъ, или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника; аже начнетъ не знати оу кого купиль, то іти по немъ тѣмъ видокомъ на роту, а истыцю свое лице взяти, а что съ нимъ погибло, а того ему желѣти, а оному желѣти своихъ кунъ, зане не знаеть оу кого купивъ; познаеть ли на долзѣ оу кого то купиль, то своѣ куны возьметь, і сему платити что оу него будеть погибло, а князю продаю.

*) По Академич. списку ст. 13: «Аще познаеть кто, не емлетъ его, то не рци емоу: мое; нъ рци емоу тако: поиди на *сводъ*, гдѣ еси взялъ; или не поидеть, то *пороучника* за пять дніи».

Аже познаеть кто челядь.

33. Аще познаеть кто челядинъ свои оукраденъ, а поиметь и, то оному вести и по кунамъ до 3-го свода; пояти же челядина въ челядинъ мѣсто, а оному дати лице, ать ідетъ до конечняго свода, а то есть не скотъ, нѣ лзѣ рчи:*) оу кого есмь купилъ; но по языку ити до конца, а кдѣ будетъ конечнии тать, то опять воротятъ челядина, а свои поиметь, и проторъ тому же платити.

34. А князю продажѣ 12 гривень въ челядинѣ или оукрадше.

О сводѣ же.

35. А и — своего города въ чюжю землю свода нѣтуть; но такоже вывести ему послухи, любо мытника, передъ кимъ же купивше; то истыцю лице взяти, а прока ему желѣти, что съ нимъ погигло, а оному своихъ кунъ желѣти.

О татбѣ.

36. Аже оубиють кого оу клѣти іли оу котороѣ татбы, то оубиють во пса мѣсто; аже ли і додержать свѣта, то вести на княжъ дворъ; оже ли оубиють и, а оуже боудуть людие связана видѣли, то платити въ томъ 12 гривень**).

*) Въ подлинникѣ здѣсь пропущены слова: не вѣдѣ или не вѣдаю. Срв. по Карамз. сп. ст. 34 и по Академ. сп. ст. 15.

**) Срв. ст. 38 по Академич. списку: Аще оубьють татя на своемъ дворѣ, лкбо оу клѣти, или оу хлѣва, то тои оубить; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжъ дворъ; а оже ли оубьють, а люди боудуть видѣли связанъ, то платити въ немъ. Въ Ростовскомъ спискѣ прибавлено: «Оже убиенъ тать, а подымуть ноги во дверѣ, ино убитъ; оли подымуть ноги за ворота, толи платити въ немъ .

37. Аже крадеть кто скоть въ хлѣвѣ или клѣтѣ, то же будетъ одинъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ; будетъ ли ихъ много, всѣмъ по 3 гривны і по 30 кунъ платитъ.

О татѣ иже кто скота взищеть.

38. Аже крадеть скоть на поли, іли овцѣ, или козы, ли свиньи, 60 кунъ; будетъ ли ихъ много, то всѣмъ по 60 кунъ.

39. Аже крадеть гумно іли жито въ ямѣ, то колико ихъ будетъ крало, то всѣмъ по 3 гривны і по 30 кунъ; а оу него же погибло, то оже будетъ лице, лице поіметь, а за лѣто возьметь по полу-гривнѣ.

40. Паки ли лица не будетъ, а будетъ былъ княжь конь, то платити зань 3 гривны, а за инѣхъ по 2 гривны.

А се оуроци скоту.

41. Аже за кобылу 7 кунъ, а за волъ гривна, а за корову 40 кунъ, а за третьяку 30 кунъ, за доньщину полгривны, за теля 5 кунъ, а за свинью 5 кунъ, а за порося ногата, за овцю 5 кунъ, за борагъ ногата, а за жеребець, аже не всѣдано нань, гривна кунъ, за жеребя 6 ногатъ, а за коровие молоко 6 ногатъ: то ти оуроци смердомъ, оже платятъ князю продажу.

Аже будутъ холопи татѣ, судъ княжь.

42. Аже будутъ холопи татие, любо княжи, любо боярьстии, любо чернечъ, іхъ же князь продажею не

казнить, зане суть несвободни: то двоиче платити ко істьцю за обиду *).

Оже кто кунъ взищеть.

43. Аже кто взищеть кунъ на друзѣ, а онъ ся начнеть запирати, то оже нанъ выведеть послуси, то ти пойдуть на роту, а онъ возьметъ своѣ куны; занеже не даль ему кунъ за много лѣтъ, то платити ему за обиду 3 гривны.

44. Аже кто купецъ купцю дасть куплю въ куны или въ гостьбу, то купцю предъ послухи кунъ не имати, послуси ему не надобѣ; но іти ему самому ротѣ, аже ся почнеть запирати.

О поклажаи.

45. Аже кто поклажаи кладеть оу кого любо, то ту послуха нѣсть; но оже начнеть болшимъ клепати, тому ити ротѣ, оу кого то лежалъ товаръ: а *только* еси оу мене положишь, занеже ему въ болого дѣль и хоронилъ товаръ того *).

*) Срв. ст. 16 по списку князя М. Оболенскаго: «Аже будетъ холопи тати кто, — кто князь, ихъ же князь обиду платити ищцу».

**) Курсивъ въ этой статьѣ — поправки по другимъ спискамъ вмѣсто пропусковъ оригинала. Любопытный примѣръ употребленія роты въ такомъ случаѣ, въ какомъ она предлагается «Русской Правдой», представляетъ Патерикъ Печерскій. Два мужа, рассказываетъ «О Іоаннѣ и о Сергіи чюдо изрядно», сдѣлались монахами Печерскаго монастыря. Одинъ изъ нихъ Іоаннъ, умирая, поручилъ игумену Никону раздать все имѣніе нищимъ, «а часть сыновню дасть Сергію 1000 гривенъ сребра, а 100 гривенъ злата, предасть же и сына своего Захарью, юна соуца, на съблюденіе друугу своему, яко брату вѣрну, заповѣдавъ тому, яко, егда възмужаетъ сынъ мой, дай же ему злато и сребро». Когда послѣдній пришелъ въ совершенный возрастъ (15 лѣтъ) и потребо-

О рѣзь.

46. Аже кто даетъ куны въ рѣзь, или наставъ въ медь, или жито во присопъ, то послухи ему ставити: како ся будетъ рядиль, такоже ему имати.

О мѣсячнѣ рѣзь.

47. О мѣсячнѣ рѣзь, оже за мало, то имати ему; зайдуть ли ся куны до того же года, то дадутъ ему куны въ треть, а мѣсячнѣ рѣзь *) погренути; послуховъ ли не будетъ, а будетъ кунъ 3 гривны, то ити ему про своѣ куны ротъ; будетъ ли боле кунъ, то речи ему тако: промиловался еси, оже еси не ставиль послуховъ.

Оуставъ Володимѣрь Всеволодича.

48. Володимѣрь Всеволодичъ, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора, киевско тысячьского, Прокопью, бѣлогородьского тысячьского, Станислава, переяславьского тысячьско-

валь отцовскія деньги, то Сергій, принявшій ихъ на храненіе, отвѣчалъ, что у него нѣтъ никакихъ Иоанновыхъ денегъ, что умершій Иоаннъ все свое имѣніе рсздалъ нищимъ. Захарій настаивалъ на отдачѣ, пошелъ наконецъ на сдѣлку, прося отдать сперва половину, потомъ соглашался на треть и даже десятую часть; но Сергій упорно стоялъ на своемъ. Тогда Захарій потребовалъ, чтобы Сергій пошелъ на роту. Тотъ не выдержалъ роты вполнѣ и принужденъ былъ сознаться, что деньги у него въ клѣти. Изъ этого примѣра ясно видно широкое распространеніе роты; ея не избѣгъ даже монастырь. *Ред.*

*) Въ «Вопросахъ Кирика...» читаемъ: «будите милосерди, възмете легко; аще (по) 5 коунъ далъ еси, а 3 коуны възми или 4».

го, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа, и оуставили до третьяго рѣза, оже емлетъ въ треть кунъ; аже кто возметь два рѣза, то то ему взяти исто; паки ли возметь три рѣзы, то иста ему не взяти.

49. Аже кто емлетъ по 10 кунъ отъ лѣта на гривну то того не отмѣтати.

Аже которыи купецъ истопитъся.

50. Аже которыи купецъ, гдѣ любо шедъ съ чюжими кунами, истопитъся, любо рать возметь, ли огонь: то не насилити ему, ни продати его; но како начнетъ отъ лѣта платити, такоже платитъ занеже пагуба отъ Бога есть, а не виновать есть; аже ли пропиетъся или пробиетъся, а въ безумьи чюжь товаръ испортитъ, то како любо тѣмъ, чии то товаръ, ждуть ли ему, а своя имъ воля, продадять ли, а своя имъ воля.

О долзь.

51. Аже кто многимъ долженъ будетъ, а пришедъ господъ изъ инога города или чюжеземець, а не вѣдая запуститъ зань товаръ, а опять начнетъ, не дати гости кунъ, а первии долже бити начнутъ ему запи- нати, не дадуче ему кунъ: то вести и на торгъ, про- дати же и отдати же первое гостины коуны, а домаш- нимъ, что ся останетъ кунъ, тѣмъ же ся подѣлять; паки ли будутъ княжи куны: то княжи куны первое взяти, а прокъ въ дѣль; аже кто много рѣза ималь, не имати тому.

Аже закупъ бѣжитъ.

52. Аже закупъ отъ господы, то обель, идеть ли искать кунъ, а явлено ходитъ, или ко князю; или къ судиямъ бѣжитъ обиды дѣля своего господина: то про то не робяты его, но дати емоу правдоу.

О закупъ же.

53. Аже оу господина ролейныи закупъ, а погубить воинскии *) конь, то не платити ему; но еже даль ему господинъ плугъ и борону, отъ него же купу емлетъ, то то погубивше платити; аже ли господинъ его отселеть на свое орудье, а погибнуть безъ него, то того ему не платити.

О закупъ же.

54. Аже изъ хлѣва выведуть, то закупу того не платити; но же погубить на поли, и въ дворъ не вженеть і не затворить, кдѣ ему господинъ велит или орудья своя дѣя, а того погубить: то то емоу платити.

55. Аже господинъ переобидить закоупа, а оувидеть купу его или **) отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ; паки ли приметъ на немъ кунъ, то опять ему воротити куны, что будетъ принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи; продасть ли господинъ закупа обель, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ, а го-

*) По Карамзин. списку ст. 71 читается: «.....а погубить своихъ конь....». Есть также чтеніе «своискыи конь». Срв. выше на стр. 389—390.

**) Срв. по Карамз. сп. ст. 73: «...приобидить закоупа, оувѣдетъ враждоу и оувередитъ цѣноу, а введеть вкоупоу его или отарицоу».

сподину за биду платити 12 гривенъ продажъ; аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть; биеть ли не смысля пьянъ, а безъ вины, то якоже въ свободнѣмъ платежъ, такоже и въ закупѣ.

56. Аже холоноъ обелный выведеть конь чии любо, то платити зань 2 гривны.

О закупѣ.

57. Аже закупъ выведеть что, то господинъ въ немъ; но оже кдѣ и налѣзуть, то преди заплатитъ господинъ его конь или что будетъ ино взялъ, ему холопъ обелный, и паки ли господинъ не хотѣти начать платити зань, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или за волъ, или за товаръ, что будетъ чюжего взялъ, а прокъ ему самому взяти собѣ.

А се аже холопъ оударитъ.

58. А се аже холопъ оударитъ свободна мужа, а оубѣжитъ въ хоромъ, а господинъ его не выдасть, то платити зань господину 12 гривенъ, а за тѣмъ аче и кдѣ налѣзеть оударенны ть своего истьця, кто его оударилъ, то Ярославъ былъ оуставилъ оубити и; но сынове его по отци оуставиша на куны, любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ.

О послушьствѣ.

59. А послушьства *) на холопа не складають; но оже не будетъ свободнаго, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инѣхъ не складывати. А въ малѣ тяжѣ по нужи възложити на закупа.

*) Срв. выше на стр. 405—406.

О бородѣ.

60. А кто порветь *) бороду, а вьньметъ знамение, а выльзуть людие, то 12 гривенъ продажѣ; аже безъ людини, а въ поклепѣ, то нѣту продажѣ.

О зубѣ.

61. Аже выбьютъ зубъ, а кровь видятъ оу него во ртѣ, а людье выльзуть, то 12 гривенъ продажѣ, а за зубъ гривна.

62. Аже оукрадетъ кто бобръ, то 12 гривенъ.

63. Аже будетъ росѣчена земля или знамение, имъ же ловлено, или сѣтъ: то по верви искати татя, ли платити продажо.

Аже кто борть разнаменаетъ.

64. Аже разнаменаетъ борть, то 12 гривенъ.

65. Аже межю перетнетъ бортьную, или ролеіную разоретъ, или дворную тыномъ перегородитъ межю; то 12 гривенъ продажи.

66. Аже дубъ подотнетъ знаменьныи или межъныи, то 12 гривенъ продажѣ.

А се наклады.

67. А се наклады 12 гривенъ: отроку 2 гривны и 20 кунъ, а самому ѣхати со отрокомъ на дву коню; сути же на ротъ овесъ, а мясо дати овенъ любо полоть, а инѣмъ кормомъ что има черево возметъ; писцю 10 кунъ; перекладнаго 5 кунъ; на мѣхъ двѣ ногатѣ.

*) Срв. Академ. ст. 7-ая: «а во оусѣ 12 гривнѣ; а въ бородѣ 12 гривнѣ».

А се о борти.

68. Аже борть подътнетъ, то 3 гривны продажѣ, а за дерево полгривны.

69. Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продажи, а за медъ, аже будетъ пчелы не лажены, то 10 кунъ; будетъ ли олѣкъ, то 5 кунъ.

70. Не будетъ ли татя, то по слѣду женуть; аже не *) боудеть слѣда, ли къ селу, или къ товару, а не отсочать отъ себе слѣда, ни ѣдутъ на слѣдъ, или отбьются, то тѣмъ платити татбу и продажу, а слѣдъ гнати съ чюжими людьми а съ послухи; аже погубять слѣдъ на гостиньцѣ на велицѣ**), а села не будетъ, или на пустѣ, кдѣ же не будетъ ни села, ни людии, то не платити ни продажи, ни татбы.

О смердѣ.

71. Аже смердъ мучить смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажа, а за муку гривна кунъ.

72. Аже огнищанина мучить***), то 12 гривенъ продажѣ, а за муку гривна.

*) *Здѣсь слово: не, повидимому лишнее.* Срв. по Карамз. сп. ст. 88: «оже боудеть слѣдъ къ селу или къ товару».

**) *Товаръ* — здѣсь въ смыслѣ лагерь, стоянка торговаго каравана, а «на гостиньцѣ на велицѣ» — на большой дорогѣ.

***) Срв. выше примѣчаніе къ 3-ей статьѣ. Академ. списка ст. 32: «А въ гнищанинѣ, и въ тивоуницѣ, и въ мечниці 12 гривнѣ»; срв. по Карамз. списку ст. 90 и 134. Срв. 18, 19 и 20 статьи Академ. списка: а) «Аще оубьютъ огнищанина въ обиду, то платити занъ 80 гривенъ оубици, а людемъ не надобѣ; а въ подѣздномъ княжи 80 гривенъ». б) «Аже оубьютъ огнищанина оу клѣти, или оу коня, или оу говяда, или оу коровѣ татбы, то оубити въ пса мѣсто; а тоже поконъ и тивоуницю». *Огнищанинъ* — рабовладѣлецъ. Въ одной рукописи XI вѣка, содержащей въ себѣ десять словъ Григорія Богослова, черезъ «огнище» передано греческое *ἄνδραπόδα* = челядь, рабы.

73. Аже лодью оукрадетъ, то 60 кунъ продажѣ, а лодию лицемъ воротити, а морьскую лодью 3 гривны, а за набоинную лодью 2 гривны; за челнъ 20 кунъ, а за стругъ гривна.

О перевѣсахъ

74. Аже кто подотнетъ вервь въ перевѣсѣ, то 3 гривны продажи, а господину за вервь гривна купъ.

75. Аже кто оукрадетъ въ чьемъ перевѣсѣ ястребъ *) или соколъ, то продажѣ 3 гривны, а господину гривна.

76. А за голубь 9 кунъ, а за кура 9 кунъ, а за оутовъ 30 кунъ.

77. А за гусь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за жеравлъ 30 кунъ.

78. А въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину колико боудеть возъ оукрадено, то имати ему за возъ по 2 ногатѣ.

О умнѣ.

79. Аже зажгутъ **) гумно, то на потокъ на грабежъ домъ его, переди пагубу исплатившю, а въ процѣ князю поточити і; такоже аже кто дворъ зажъжетъ.

80. А кто пакощами конь порѣжетъ или скотину, продажѣ 12 гривенъ, а пагубу господину оуроку платити.

*) Срв. Академ. сп. ст. 37-ую, гдѣ упоминается еще «чюжь песь».

**) Въ церковномъ уставѣ Ярослава I поджогъ отнесенъ къ составу церковнаго суда: «аще кто зажъжетъ гумно или дворъ или иное что, митрополиту 40 гривенъ, а опитимію подымуть, а князь ихъ казнить».

81. Ты тяжѣ всѣ судяты послухи свободными; будетъ ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хочеть истецъ или иметь и, а река тако: по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ, и емѣти и на желѣзо; аже обинити и, то емлетъ на немъ свое, не обинить ли его, платити ему гривна за муку, зане по холопья рѣчи ялъ и.

82. А желѣзного платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а полгривны дѣтскому: то ти желѣзными оурокомъ, кто си въ чемъ емлетъ. Аже иметь на желѣзо по свободныхъ людий рѣчи, либо ли запа нань будетъ, либо прохождение ноцное, или кимъ либо образомъ аже не ожъжетъся, то про муки не платити ему; но одно желѣзное кто и будетъ ялъ.

О женѣ.

83. Аже кто оубиеть жену, то тѣмъ же судомъ судити якоже и мужа, аже будетъ виновать*): то полвиры, 20 гривенъ.

84. А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть; но оже будетъ безъ вины оубиень, то за холопъ оурокомъ платити, или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ.

Аже оумреть смердѣ.

85. Аже смердѣ оумреть, то задницю**) князю; аже будутъ дщери оу него дома, то даяти часть на нѣ; аже будутъ за мужемъ, то не даяти части имѣ.

*) По Карамз. сп. ст. 101 читается: «виновата».

**) *Задница* — наслѣдство. Срв. ниже стр. 474.

О задницѣ боярстѣи и о дружнѣи.

86. Аже въ боярехъ любо въ дружинѣ, то за князя задница не идетъ; но оже не будетъ сыновъ, а дчери возмутъ.

87. Аже кто оумирая раздѣлитъ домъ свои дѣтемъ, на томъ же стояти; паки ли безъ ряду *) оумреть, то всѣмъ дѣтемъ, а на самого часть дати души.

88. Аже жена сядетъ по мужи, то на ню часть дати, а что на ню мужъ възложить, тому же есть госпожа, а задница ей мужня не надобѣ; будутъ ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возмутъ дѣти матери своея; любо си на женоу будетъ възложилъ, обаче матери своей возмутъ.

89. Аже будетъ сестра въ домоу, то той задницѣ не имати, но отдадять ю за мужъ братия, како си могутъ.

А се закладаюче юродѣ.

90. А се оуроци городнику: закладаюче городню, куну взяти, а кончавше ногата; а за кормъ и за вологу и за мяса и за рыбы 7 кунъ на недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 оуборковъ пшена, 7 луконъ овса на 4 кони, имати же ему донелѣ городъ срубятъ, а солоду одну дадять 10 луконъ.

О мостницѣхъ.

91. А се мостнику оуроци: помостивше мостъ, взяти отъ 10 локоть по ногатѣ; аже починитъ моста

*) Въ Олеговомъ договорѣ съ греками 912-го г. въ статьѣ «о работающихъ въ грѣцѣхъ Руси у христьяньского царя» читаемъ: «аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ци и своихъ не имать, да възвратитъ имѣнье къ малымъ ближикамъ в Русь; аще ли створитъ обрящение, таковый възметъ уряженое его, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье».

ветхаго, то колико городнѣ починить, то взяти ему по кунѣ отъ городнѣ, а мостнику самому ѣхати со отрокомъ на дву коню, 4 лукна овса на недѣлю, а ѣсть что можеть.

А се о задницѣ.

92. Аже будутъ робѣи дѣти оу мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ съ матерью.

93. Аже будутъ въ дому дѣти мали, а не джи ся будутъ сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужъ, то кто имъ ближии будетъ, тому же дати на руцѣ і съ добыткомъ и съ домоу донелѣже возмогутъ; а товаръ дати передъ людми, а что срѣзять товаромъ тѣмъ ли пригостить, то то ему собѣ, а истын товаръ воротить имъ, а прикупъ ему собѣ, зане кормилъ и печаловался ими; яже отъ челяди плодъ или отъ скота, то то все поимати лицемъ; что ли будетъ ростерялъ, то то все ему платити дѣтемъ тѣмъ.

94. Аче же и отчимъ прииметь дѣти съ задницею, то такоже есть рядъ, а дворъ безъ дѣла отень всякъ меншему сынови.

О женѣ, аже ворчеться сѣдѣти.

95. Аже жена ворчеться сѣдѣти по мужи, а ростеряетъ добытокъ и поидеть за мужъ, то платити ей все дѣтемъ; не хотѣти ли начнутъ дѣти ей ни на дворѣ, а она начнетъ всяко хотѣти и сѣдѣти, то творити всяко волю, а дѣтемъ не дати воли; но что ей даль мужъ, съ тѣмъ же ей сѣдѣти, или свою часть вземше сѣдѣти же.

96. А матерня часть не надобѣ дѣтемъ; но кому мати дасть, тому же взяти; дасть ли всѣмъ, а вси

роздѣлять; безъ языка ли оумреть, то оу кого будетъ на дворѣ была и кто ю кормилъ, то тому взяти.

97. Аже будутъ двою мужю дѣти, а единоѣ матери, то онѣмъ своего отца задница, а онѣмъ своего; будетъ ли потерялъ своего иночима что, а онѣхъ отца, а оумреть, то възворотить брату, на неже и людье вылѣзуть, что будетъ отецъ его истерялъ иночимля; а что ему своего отца, то держать.

98. А матери которыи сынъ добръ, перваго ли, другаго ли, тому же дасть свое; аче и вси сынове еи будутъ лиси, а дчери можеть дати, кто ю кормить.

А се оуроци судебнии.

99. А се оуроци судебнии: отъ виры 9 кунъ, а метелнику 9 вѣкошь, а отъ бортноѣ земли 30 кунъ, а о инѣхъ о всѣхъ тяжь, кому помогутъ по 4 куны, а метельнику 6 вѣкошь.

О задницѣ.

100. Аже братья ростяжются *) передъ княземъ о задницу, которыи дѣтскни идѣтъ ихъ дѣлить, то тому взяти гривна коунъ.

Оуроци ротнии.

101. А се оуроци ротнии; отъ головы 30 кунъ, а отъ бортноѣ земли 30 кунъ бесъ трии кунъ; та-коже и отъ ролеиноѣ земли, а отъ свободы 9 кунъ.

*) Въ церковномъ уставѣ Владимира I случай, когда братья или дѣти тяжются о задницу, отнесенъ къ суду церковному.

О холопствѣ.

102. Холопство обелное трое: оже кто хотя купитъ до полугривны, а послухи поставитъ, а ногату дастъ передъ самѣмъ холопомъ.

103. А второе холопство: поиметь робу безъ ряду; поиметь ли съ рядомъ, то како ся будетъ радиль, на томъ же стоять.

104. А се третѣе холопство: тивунство безъ ряду или привяжетъ ключъ къ собѣ безъ ряду; съ рядомъ ли, то како ся будетъ радиль, на томъ же стоять.

105. А вѣдачь не холопъ, ни по хлѣбѣ роботать, ни по придатьцѣ; но оже не доходятъ года, то вѣрочати ему милость; отходить ли, то не виновать есть.

106. Аже холопъ бѣжить, а заповѣсть господинъ, аже слышавъ кто, или зная и вѣдая, оже есть холопъ, а дастъ ему хлѣба, или оукажетъ ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривень, а за робу 6 гривень.

107. Аже кто переиметь чюжь холопъ і дастъ вѣсть господину его, то имати ему переемъ гривна; не оублюдетъ ли, то платити ему 4 гривны, а пятая переемная ему; а будетъ роба, то 5 гривень, а шестая на переемъ отходить.

108. Аже кто своего холопа самъ досочитъся въ чьемъ любо городѣ, а будетъ посадникъ не вѣдалъ его, то, повѣдавшѣ ему, пояти же ему отрокъ отъ него и шедше оувязати и і дати ему вязебную 10 кунъ, а переима нѣтуть; аче оупуститъ и гоня; а собѣ ему пагуба, а платитъ въ то никтоже, тѣмъ же и переима нѣтуть.

109. Аже кто не вѣдая чюжь холопъ оусрячетъ и, или повѣсть дѣветъ, любо держитъ и оу себе, а идетъ отъ него, то ити ему ротъ, яко не вѣдалъ *) есмь, оже есть холопъ, а платежа въ томъ нѣтуть.

110. Аче же холопъ кдѣ куны вложить, а онъ будетъ не вѣдая вдаль, то господину выкупати али лишитися его; вѣдая ли будетъ даль, а кунъ ему лишитися.

111. Аже пуститъ холопъ въ торгъ, а одолжаетъ, то выкупати его господину и не лишитися его.

112. Аже кто кренеть чюжь холопъ не вѣдая, то первому господину холопъ поняти, а оному куны **) имати ротъ ходивше, яко не вѣдая есмь купилъ.

113 ***). Господину же и товаръ, а не лишатися его.

*) Срв. ст. 26.

**) Что касается денежнаго счета въ «Русской Правдѣ», то читатели должны принять во вниманіе нижеслѣдующее поясненіе. *Гривна*, во первыхъ, единица вѣса, равная фунту въ 72 золотника (греческой литрѣ или римской *libra*, отъ которой произошелъ нюрнбергскій, т. е. нашъ аптекарскій фунтъ); отсюда: гривна серебра — фунтъ серебра. Во вторыхъ, гривна — денежная счетная единица, вѣроятно, равная одному фунту серебра. Но *гривна кунъ* (т. е. гривна денегъ) эпохи «Русской Правды» уже утратила вѣсовое значеніе: содержаніе серебра въ ней мѣнялось въ зависимости отъ курса на серебро, а также, быть-можетъ, и отъ мѣстности (новгородскій, кievскій, смоленскій счетъ), и всегда было меньше фунта. Гривна кунъ дѣлилась на 20 *ногatz*, или на 25 (позже на 50) *кунъ*, или на 50 *рѣзаней*, или 600 *вѣкошь* (въ ногatzъ 30 вѣкошь, въ рѣзанѣ 12 вѣкошь, — въ ногatzъ 2½ рѣзаны). Неоднократныя попытки найти отношеніе между цѣною денегъ въ кievской Руси и въ теперешней Россіи не дали прочныхъ результатовъ по недостатку матеріала для исторіи цѣнъ за этотъ періодъ. См. Д. И. Прозоровскій. *Монеты и вѣсъ въ древней Россіи*. Спб. 1865.

***) *Здѣсь, во всѣхъ спискахъ этой редакціи, недостаетъ слѣдующихъ словъ, необходимыхъ для полноты смысла: Оже холопъ бѣгая добудеть товару, то господину холопъ и долгъ. Ср. въ Карамзинскомъ спискѣ статью 130,*

114. Аже кто бѣжа, а пойметъ сусѣдне что или товаръ, то господину платити зань оуроку, что будетъ взяль.

115. Аже холопъ крадетъ кого любо, то господину выкупати и любо выдати и съ кимъ будетъ краль, а женѣ и дѣтемъ ненадобѣ; но оже будутъ съ нимъ крали и хоронили, то всѣхъ выдати; паки ли а выкупаеть господинъ; аже будутъ свободнии съ нимъ крали или хоронили, то князю въ продажѣ *).

*Троицкій списокъ «Русской Правды» находится въ одномъ сборникѣ, извѣстномъ подь именемъ «Мѣрила Праведнаго» и хранящемся въ монастырской библиотекѣ Троице-Сергіевой лавры. Сборникъ этотъ написанъ на пергаментѣ, въ малую четвертку, въ одинъ столбецъ, весьма красивымъ уставомъ конца XIV-го вѣка. «Русская Правда» помѣщена здѣсь вслѣдъ за статью «о церковныхъ людѣхъ, и судѣхъ, и о десятинахъ, и о мѣрахъ городскихъ»; послѣ Правды слѣдуютъ церковныя правила «о властѣхъ» (о растящихъ власы и о стриженьи брады). *Списокъ Академическій*, на который сдѣланы ссылки въ примѣчаніяхъ къ тексту, находится въ принадлежащей Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ новгородской лѣтописи, писанной на лощеной бумагѣ, въ четвертку, полууставнымъ почеркомъ конца XV вѣка. Правда находится въ ней непосредственно за сло-*

*) Въ Карамзинскомъ сп. далѣе слѣдуютъ три статьи: 133-ая «оже человекъ, полгавъ куны оу людей, а побѣжить въ чужоу землю, вѣры емоу не яти, какъ и татю» съ заголовкомъ «о чело-вѣцѣ», 134-ая подь заголовкомъ «о городскихъ мостехъ осменники (изгой) поплата» и 135-ая «о муцѣ»: «оже оутяжутъ въ моукѣ, а посидитъ оу дворянина, 8 ногать за тоу моукоу, а оу колоколници бьютъ кноутомъ, а за тоу моуку 80 гривень».

вами: «Ярославъ иде къ Кыеву, сѣде на столѣ отца своего Володимира, нача вои свои дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а новгородцемъ по 10 гривенъ всѣмъ, и отпусти ихъ всѣхъ домовъ, и давъ имъ *правду* и *установъ* списавъ, глаголавъ тако: по сей *грамотѣ* ходите, якоже писахъ, вамъ такоже деръжите» (подъ 1016 г.) *Списокъ Карамзинскій* находится въ Новгородской лѣтописи, принадлежавшей Н. М. Карамзину и писанной въ четвертку, полуустановнымъ почеркомъ конца XV вѣка; помѣщена послѣ 1019-го г. вслѣдъ за словами: «нача Ярославъ вои дѣлити: старостамъ своимъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а новгородцемъ по 10 гривенъ, и отпусти а вся домовъ, и давъ имъ *правду* и *установъ*, списавъ *грамоту*, и рече: «по сему ходите и держите, якоже писахъ вамъ». За «Русской Правдой» здѣсь слѣдуетъ такъ называемый «судебникъ царя Константина».

Встрѣчается «Русская Правда» въ различныхъ редакціяхъ, съ большими вариантами текста и съ неодинаковымъ количествомъ и порядкомъ статей. Огульно всѣ списки Правды можно подраздѣлить на *краткіе* и *пространные*: первые встрѣчаются по преимуществу въ лѣтописныхъ сводахъ, вторые — въ кормчихъ. Нѣкоторые предполагаютъ, что Правда въ краткихъ редакціяхъ простое сокращеніе изъ Правды въ пространныхъ редакціяхъ. Правда по Академическому списку — образецъ краткой, а по Троицкому списку — пространной редакціи*).

*) Для подробностей текста важно изданіе Н. В. Калачова: *Текст Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій, равно его же Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды.*

XIV. РУССКАЯ ПРАВДА ВЪ ПЕРЕВОДѢ.

Судъ Ярослава Владимировича.

Русскій законъ.

1. Если свободный человекъ убьетъ свободнаго, то мститъ за убитаго братъ, или отецъ, или сынъ, или племянникъ отъ брата, или отъ сестры. Если же некому будетъ мститъ, то взыскивать за убитаго 80 гривенъ, когда это будетъ княжой мужъ [бояринъ], или княжой тиунъ [приказчикъ]; если же убитый будетъ русинъ, или княжой воинъ [гридь], или купецъ, или боярскій тиунъ [приказчикъ], или мечникъ, или церковный человекъ, или словенинъ, то взыскивать за убитаго 40 гривенъ.

2. Но послѣ Ярослава собрались сыновья его Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ съ боярами своими Коснячкомъ, Перенѣгомъ и Никифоромъ и отмѣнили кровную мечь за убійство, установивъ выкупъ деньгами; во всемъ же прочемъ какъ судилъ Ярославъ, такъ рѣшили судить и сыновья его.

Объ убійствѣ.

3. Если убьютъ княжого мужа въ дракъ, и убійцы не сыщутъ, то виру — 80 гривенъ — платить та община, въ округѣ которой будетъ поднять убитый; если же то будетъ простолюдинъ, то она платить 40 гривенъ.

4. Если какая община начнет платить дикую (повальную) виру, когда нѣтъ налицо убійцы, заплатить ее во сколько лѣтъ можетъ. Если же убійца изъ той же общины и находится налицо, то община или помогаетъ ему, такъ какъ и онъ приплачивалъ за другихъ по общественной раскладкѣ, или же платитъ дикую виру, т. е. платитъ по мірской раскладкѣ 40 гривенъ, а головничество платитъ самъ убійца, внося въ виру только свою долю по раскладкѣ. Но и за убійцу, вкладывавшагося въ вирные платежи общины за другихъ, община платитъ по раскладкѣ только тогда, когда онъ совершилъ убійство въ ссорѣ или на пиру явно.

О нападеніи разбоемъ безъ ссоры.

5. Кто же убилъ во время грабежа безъ всякой ссоры, то за разбойника община не платитъ виры, но выдаетъ его князю всего съ женой и съ дѣтьми: пусть князь самого съ семьей сошлетъ (поточить), а имѣніе его конфискуетъ.

6. Если кто не вкладывался въ платежъ дикой виры за другихъ, тому и община не помогаетъ въ уплатѣ виры за него самого, и онъ самъ ее платитъ.

7. А вотъ пошрины вирныя, какія были при Ярославѣ. Сборщику виры дать 7 ведеръ солоду на недѣлю, сверхъ того барана или полоть мяса, либо деньгами 2 ногаты (5 кунъ), въ среду — куну, да въ сырную недѣлю — сыръ; то же въ пятницу, а въ скоромные дни по 2 курицы на день; сверхъ того — 7 печеныхъ хлѣбовъ на всю недѣлю, 7 мѣръ пшена, столько же гороху, 7 головокъ соли: все это идетъ сборщику виры съ помощникомъ. Лошадей при нихъ — четыре; имъ давать овса сколько

сѣдять; сверхъ того сборщику виры — 8 гривенъ *) и 10 кунъ перекладного; а метельнику [приставу]**) — 12 вѣкошь, да гривну ссадного.

8. Если вира будетъ въ 80 гривенъ, то сборщику виры 16 гривенъ и 10 кунъ [перекладного], да 12 вѣкошь [приставу], а напередъ ссадного — гривна, да за голову [мертвое тѣло] — 3 гривны.

Головничество.

9. За убійство княжого слуги, конюха или повара, — 40 гривенъ.

10. За княжого дворецкаго или конюшаго — 80 гривенъ.

11. За княжого приказчика сельскаго или земледѣльческаго — 12 гривенъ; за княжого наемнаго рабочаго [рядовича] — 5 гривенъ, столько же и за боярскаго приказчика и наемнаго рабочаго.

О ремесленникъ и ремесленницъ.

12. За ремесленника и ремесленницу — 12 гривенъ.

13. За смердяго холопа — 5 гривенъ, за рабу — 6 гривенъ.

14. За дядьку, также какъ и за кормилицу, — 12 гривенъ, будутъ ли они холопы или свободные.

Объ убійствъ безъ уликъ.

15. Если кого будутъ обвинять въ убійствѣ, не имѣя прямыхъ уликъ, тотъ долженъ представить

*) Изъ сопоставленія съ слѣдующей статьей видно, что здѣсь имѣются въ виду пошлины вирнику въ случаѣ сорокагривенной виры.

**) Терминъ *метельникъ* см. еще въ ст. 99, *мечникъ* въ стт. 1 и 82.

семь свидѣтелей *), чтобы отвести отъ себя обвиненіе; если же отвѣтчикъ будетъ варягъ или другой иноземець, то достаточно двухъ свидѣтелей. А община не платитъ виры тогда, когда найдутъ однѣ кости или трупъ человѣка, про котораго никто не знаетъ, кто онъ и какъ его звали.

О платежъ за отводъ обвиненія въ убійствѣ.

16. Если кто отведетъ отъ себя обвиненіе въ убійствѣ, тотъ платитъ сметную гривну княжескому служителю (отроку**), а обвинитель платитъ другую гривну, да 9 кунъ помочного [помечнаго] за обвиненіе въ убійствѣ.

17. Если отвѣтчикъ станетъ искать свидѣтелей и не найдетъ, а истецъ поддерживаетъ обвиненіе въ убійствѣ, тогда рѣшаютъ ихъ дѣло посредствомъ испытанія желѣзомъ; точно такъ же и во всѣхъ дѣлахъ о воровствѣ по подозрѣнію, когда нѣтъ поличнаго принуждать къ испытанію желѣзомъ противъ воли, если искъ не менѣе полугривны золота; если же онъ меньше, то до двухъ гривенъ подвергать испытанію водой, а при еще меньшей суммѣ должно принести присягу за свои деньги***).

18. Если кто ударитъ мечомъ, не обнаживъ его, или рукоятью меча, то платитъ 12 гривенъ продажи за обиду.

19. Если же обнажитъ мечъ, но не поранитъ, то платитъ гривну кунъ.

*) *Послужи* — свидѣтели встрѣчаются далѣе въ статьяхъ 17, 23, 35, 43, 44, 45, 46, 47, 70, 81 и 102, а *видоки* — очевидцы въ стг. 23, 25, 32; срв. терминъ *люди* въ стг. 36, 60, 61, 93, 97 (5, 6 и 70).

**) Тотъ же терминъ *отрокъ* употребленъ въ стг. 7, 67, 91, 108.

***) Въ Карамзин. спискѣ 18-ая статья прибавляетъ: «а соуднымъ кунамъ росту нѣтъ».

20. Если кто кого ударить палкой, или чашей или рогомъ, или тупой стороной меча, то платить 12 гривенъ; если же потерпѣвшій, не стерпѣвъ, въ отместку самъ ударить мечомъ, то того въ вину ему не ставить.

21. Если кто ранить руку, такъ что рука отпадетъ или усохнетъ, или также ногу, глазъ, или носъ, за то платить полувирье — 20 гривенъ, а раненому за увѣчые — 10 гривенъ.

22. Если кто отрубить у кого палець, платить 3 гривны продажи князю, а раненому — гривну кунъ.

Судъ о побояхъ до крови.

23. Если на [княжескій] дворъ придетъ человекъ въ крови или съ синяками, то ему нѣтъ нужды ставить свидѣтелей, и виновный платить ему 3 гривны продажи; если же на истца не будетъ знаковъ, то онъ долженъ представить свидѣтелей, которые бы подтвердили его показаніе слово въ слово; тогда зачинщикъ драки платить 60 кунъ истцу. Если же истецъ придетъ въ крови, а явятся свидѣтели, которые покажутъ, что онъ самъ началъ драку, то сосчитать ему то за платежъ, какъ съ зачинщика, что его побили.

24. Если кто ударить кого мечомъ, но не убьетъ до смерти, платить 3 гривны, а раненому — гривну за рану, да еще, что нужно на лѣченье; если же убьетъ до смерти, платить виру.

25. Если кто толкнетъ другого отъ себя или рванетъ его къ себѣ, или по лицу ударить, или жердью, а двое свидѣтелей то покажутъ, — платить 3 гривны продажи; если же обвиняемый будетъ варягъ

или колбягъ, то должно вывести полное число [*семь?* срв. ст. 15] свидѣтелей, которые и должны принести присягу.

О челяди.

26. Если скроется холопъ, и господинъ заявить о немъ на торгу, и до третьяго дня никто не приведетъ холопа, а господинъ на третій день опознаетъ его, то можетъ прямо взять своего холопа, а кто укрывалъ его, платить три гривны продажи.

О самовольномъ пользованіи чужимъ конемъ.

27. Если кто сядетъ на чужого коня безъ спросу, платить 3 гривны.

28. Если у кого пропадетъ конь, оружіе или одежда, и онъ заявить о томъ на торгу, а послѣ опознаетъ пропавшее у кого-нибудь въ своей же общинѣ [въ своемъ же міру, — срв. примѣчаніе на стр. 426], то прямо беретъ свою вещь, — а тотъ платить ему (т. е. хозяину пропавшей вещи) за укрывательство 3 гривны.

29. Если кто, безъ явки на торгу, отыщеть что либо у него пропавшее или украденное, — коня, одежду или скотину, — тотъ не говори «это мое», а скажи отвѣтчику — «иди-ка на очную ставку, объяви, у кого взялъ, съ тѣмъ и стань съ очей на очи». Кто не оправдается, на того и падаетъ отвѣтственность за воровство; тогда истецъ возьметъ свое, а виноватый ему платить и за то, что тотъ потерпѣлъ вслѣдствіе пропажи.

30. Если это будетъ конокрадь, выдать его князю: пусть князь сошлетъ [поточить; *друіе переводятъ*: продать въ рабство на чужбину]. За воров-

ство же чего-либо изъ клѣти платить ему 3 гривны продажи князю.

Объ очной ставкѣ.

31. Если при послѣдовательныхъ ссылкахъ на очную ставку отвѣтчиками будутъ являться члены одной съ истцомъ городской общины, истецъ ведетъ дѣло самъ до послѣдней ссылки. Если же будутъ ссылаться на членовъ какой либо внѣ-юродской общины, то истецъ ведетъ дѣло только до третьей ссылки, — и третій отвѣтчикъ, заплативъ истцу деньги за его вещь, съ этой вещью ведетъ дѣло до послѣдней ссылки, а истецъ ждетъ конца дѣла, — и когда дойдетъ до послѣдняго отвѣтчика, онъ все платитъ: и убытки истца, и убытки 3-го отвѣтчика, и продажу князю.

О татѣбѣ.

32. Кто купить на рынкѣ что-нибудь краденое: коня, одежду или скотину, тотъ долженъ представить въ качествѣ свидѣтелей двухъ свободныхъ людей или торговыхъ пошлинъ сборщика (мытника); если при этомъ окажется, что онъ не знаетъ, у кого купилъ вещь, тѣмъ свидѣтелямъ итти за него къ присягѣ, а истцу взять свою вещь и съ пропавшимъ при вещи проститься, отвѣтчику же проститься съ заплаченными за нее деньгами, потому что онъ не знаетъ, у кого купилъ вещь; послѣ разузнаетъ ли, у кого купилъ, взыщетъ свои деньги съ этого продавца, который заплатитъ и хозяину вещи за пропавшее при ней, и князю продажу.

О челяди.

33. Кто опознаетъ своего украденнаго холопа и задержитъ его, тому вести этого холопа до третьей

очной ставки покупателя продавцомъ: у третьяго отвѣтчика взять его холопа, а ему дать украденнаго — пусть идетъ съ нимъ до послѣдней очной ставки: вѣдь холопъ не скотъ, про него нельзя сказать «не знаю, у кого купилъ», но по его показаніямъ должно итти до послѣдняго отвѣтчика, — и когда будетъ найденъ настоящій воръ, краденаго холопа возвратить его хозяину, третьему отвѣтчику взять своего холопа, а убытки ему платить уличенный въ кражѣ.

34. А князю платить 12 гривенъ продажи за покражу холопа.

Объ очной же ставкѣ.

35. А изъ округа одной (городской) общины съ обывателемъ другого *) очной ставки быть не можетъ, но отвѣтчикъ долженъ представить свидѣтелей, либо торговыхъ пошлинъ сборщика (мытника), при которыхъ онъ купилъ краденую вещь; тогда истецъ беретъ свою вещь, а со всѣмъ прочимъ, что потерялъ, долженъ проститься, отвѣтчику же приходится терять заплаченные за вещь деньги.

О татѣбѣ.

36. Если вора убьютъ у клѣти или на какомъ другомъ мѣстѣ воровства, за это не судить какъ за убійство пса; если же вора додержать живымъ до разсвѣта, то надо отвести его на княжескій дворъ. Если же вора убьютъ, а сторонніе люди видѣли его связаннымъ, то убійца платить за то 12 гривенъ продажи.

37. Если кто крадетъ скотъ изъ хлѣва или что-либо изъ клѣти, съ того вора взыскать продажи 3

*) Срв. статьи 28 и 31, 3--6.

гривны и 30 кунъ, если же крало вмѣстѣ нѣсколько воровъ, съ каждаго взыскать по 3 гривны и 30 кунъ.

Кто накроетъ украденный съ поля скоть.

38. Если скоть, овцы ли, козы ли или свиньи были украдены на полѣ, воръ платитъ 60 кунъ продажи; ежели воровъ было много, съ каждаго взыскать по 60 кунъ.

39. Если покрадутъ хлѣбъ съ гумна или изъ ямы, сколько бы ни было воровъ, взыскать съ каждаго по 3 гривны и 30 кунъ продажи.

Если покраденное окажется налицо, то потерпѣвшій возьметъ свое, да взыщетъ еще съ каждаго вора по полугривнѣ за лѣто.

А вотъ урочная плата за покражу скота.

40—41. Если же украденнаго на лицо не будетъ, вмѣсто него потерпѣвшій получаетъ урочную плату.

Взыскивать надо: за княжого коня — 3 гривны, за смердыго — 2 гривны *), за кобылу — 60 кунъ, за вола — гривну, за корову — 40 кунъ, за трехлѣтку (кобылу или корову) 30 кунъ, за двухлѣтку — полгривны, за теленка — 5 кунъ, за свинью — 5 кунъ, за поросенка — ногату, за овцу — 5 кунъ, за барана — ногату, за жеребца неѣзженнаго — 1 гривну кунъ, за жеребенка — 6 ногать, за коровье молоко — 6 ногать.

Вотъ урочныя цѣны, которыя взыскиваются въ пользу потерпѣвшихъ за украденный скоть вмѣсто полицнаго, когда воры будутъ простые свободные люди, которые платятъ князю продажу.

*) Для пониманія перевода статью 41-ую Троицкаго списка слѣдуетъ сличить съ 25-ой статьёй Академическаго: «а за нѣхъ по 2 гривны» — а за смердыи 2 гривни». *Ред.*

Княжескій судъ за холопью кражу.

42. Если же воры будутъ холопы княжескіе, боярскіе или монастырскіе, которыхъ князь не наказываетъ продажей, потому что они не свободные люди, то за холопью кражу платитъ двойныя урочныя цѣны въ вознагражденіе за убытки.

О долговомъ искѣ.

43. Если заимодавецъ потребуеъ уплаты долга, а должникъ начнетъ отпираться, заимодавецъ обязанъ представить свидѣтелей, которые пойдутъ къ присягѣ, и тогда онъ взыщетъ свои деньги. Если же должникъ не отдавалъ ему много лѣтъ, то платитъ еще 3 гривны въ вознагражденіе за убытки.

44. Если купецъ купцу дастъ деньги для внутренней или внѣшней торговли (*возможенъ и такой переводъ*: «для покупки товара или для оборота изъ барыша»), то должнику нечего получать деньги при свидѣтеляхъ; присутствіе свидѣтелей здѣсь не требуется, но заимодавецъ пусть идетъ къ присягѣ, если должникъ станетъ запирается.

Объ отдачѣ имущества на храненіе.

45. Если кто передаетъ кому-нибудь свое имущество на храненіе, свидѣтели при этомъ не нужны; а если хозяинъ начнетъ искать больше, чѣмъ сколько отдалъ, то принявшій на сохраненіе долженъ идти къ присягѣ, говоря: «ты мнѣ лишь столько отдавалъ, не болѣе»; вѣдь отвѣтчикъ добро дѣлалъ хозяину, что хоронилъ его имущество.

О ростѣ.

46. Кто отдаетъ деньги въ ростъ, или медъ въ наставъ, или хлѣбъ въ присыпъ, тотъ обязанъ пред-

ставить свидѣтелей; и какъ онъ при нихъ уговорился, такъ ему и брать ростъ.

О мѣсячномъ ростѣ.

47. Мѣсячный ростъ *) при краткосрочномъ займѣ брать заимодавцу по уговору; если же долгъ не будетъ уплаченъ въ теченіе цѣлаго года, то рассчитывать ростъ съ него на два третій (50%), а мѣсячный ростъ отмѣнить. Если не будетъ свидѣтелей, а долгъ не превышаетъ трехъ гривенъ кунъ, то заимодавецъ долженъ итти къ присягѣ въ своихъ деньгахъ; если долгъ больше трехъ гривенъ кунъ, то сказать заимодавцу: «самъ виновать, что такъ былъ добръ — отдалъ деньги безъ свидѣтелей».

Уставъ Владимира Всеволодовича о ростѣ.

48. По смерти Святополка Владимиръ Всеволодовичъ созвалъ въ селѣ Берестовѣ свою дружину — тысяцкихъ Ратибора кіевскаго, Прокопья бѣлгородскаго, Станислава переяславскаго, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича да боярина Олегова (князя черниговскаго Олега Святославича), — и на сѣздѣ постановили: кто занялъ деньги съ условіемъ

*) Статья 47-ая представляетъ большія трудности въ ея пониманіи. Переводъ, помѣщенный въ текстъ, выраженію «давать ему куны въ треть» придаетъ смыслъ взиманія процентовъ на два третій, т. е. 50%, на каждыя, нпр., двѣ гривны взимать третью, стало быть на 4 пятый, будетъ 25%, на 5 шестой 20%. Но возможно и другое толкованіе этого выраженія, согласно которому начало статьи можетъ быть переведено такъ:

«Мѣсячный ростъ можно брать только при займахъ на короткий срокъ, на сроки же болѣе года мѣсячный ростъ не допускается, и проценты уплачиваются каждую треть года» и т. д. Замѣчаніе это относится и къ статьѣ 48-ой. Въ Карамзинскомъ спискѣ передъ послѣдней статьѣй читаются статьи 49—65, которыхъ нѣтъ въ Троицкомъ сп.

платить ростъ на два третій, съ того брать такой ростъ только два года, и послѣ того искать лишь капитала; а кто бралъ такой ростъ три года, тому не искать и самага капитала *).

49. Кто беретъ по 10 кунъ роста съ гривны въ годъ (т. е. 40%), такой ростъ допускать и при долгосрочномъ займѣ (или: того съ суда не прогонять).

О купецъ, потерпѣвшемъ кораблекрушеніе.

50. Если купецъ, взявъ товары или деньги въ кредитъ, потерпитъ кораблекрушеніе, или подвергнется пожару, или будетъ ограбленъ непріятелемъ, то нельзя сдѣлать ему какое-либо насиліе или продать его въ рабство, но необходимо позволить ему разсрочку платежа на нѣсколько лѣтъ, потому что это несчастье отъ Бога, а онъ не виноватъ въ немъ. Если жъ купецъ ввѣренный ему товаръ или прощеть, или проиграетъ, или испортитъ по глупости, то вѣрители поступаютъ съ нимъ, какъ имъ угодно: хотятъ — ждуть, хотятъ — продадутъ въ рабство, на то ихъ воля.

О домахъ.

51. Если кто будетъ многимъ долженъ, а купецъ **), пріѣхавшій изъ другого города или изъ другой земли, не зная про то, повѣрить ему товаръ, — а тотъ будетъ не въ состояніи и съ нимъ расплатиться за

*) Согласно другому толкованію конецъ 48-й статьи переводится такъ:

«Если кто занялъ деньги на срокъ болѣе года, то обязанъ платить проценты до трехъ разъ; если займодавецъ взялъ ростъ уже два раза, то можетъ взыскать только капиталъ, а буде взялъ три раза, то капитала и взыскивать не можетъ».

**) Въ Троицкомъ спискѣ стоитъ «господь», а въ Карамзинскомъ, ст. 69-ая, «гость». При переводѣ принято чтеніе гость.

Ред.

товаръ, да и первые заимодавцы также станутъ требовать уплаты долговъ, не давая взаймы для уплаты гостю, въ такомъ случаѣ вести должника на торгъ и продать, при чемъ напередъ выплатить долгъ гостя, а остатокъ подѣлить между своими заимодавцами. Также, если будутъ за нимъ въ долгу княжія деньги, то взыскать напередъ ихъ, а остальное въ раздѣль. Но если кто взялъ уже много ростовъ, тотъ лишается своихъ денегъ *).

О бѣствѣ наемника.

52. Если наймитъ, взявшій ссуду, убѣжить отъ своего господина, то дѣлается чрезъ то полнымъ холопомъ. Если же онъ отлучился явно, или бѣжалъ къ князю или къ судьямъ для прошенія на своего господина въ обидѣ, то не обращать его въ рабство, но дать ему судъ.

О наймитѣ же.

53. Если земледѣльческій наймитъ испортитъ походнаго (?) коня **) своего хозяина, онъ не обязанъ платить за это. Если же наймитъ, получающій ссуду, возьметъ у хозяина плугъ и борону, то за пропажу ихъ онъ долженъ заплатить; но онъ не платитъ за хозяйскую вещь, имъ взятую, если она пропадетъ безъ него, когда хозяинъ пошлетъ его на свою работу.

54. Наймитъ не платитъ за скотину, уведенную изъ хлѣва; но если онъ потеряетъ ее въ полѣ, или не загонитъ во дворъ, или не затворитъ въ хлѣвѣ, гдѣ ему велитъ хозяинъ, или же утратитъ ее за

*) Или: «но кто три раза взялъ ростъ (срв. ст. 48), тотъ уже ничего не получаетъ».

**) Переводили въ 30-хъ годахъ и такимъ образомъ: «...испортить буйвола или коня».

своимъ дѣломъ, то наймитъ во всѣхъ этихъ случаяхъ утраты долженъ платитъ.

55. Если хозяинъ обидитъ наймита, подвергнетъ несправедливому взысканію и назначитъ слишкомъ высокую цѣну за пропавшую вещь, а въ уплату за нее отниметъ у наймита данную ему ссуду или его собственное имущество, то по суду все это онъ обязанъ возвратить наймиту, а за обиду заплатить 60 кунъ. Если хозяинъ отдастъ своего наймита въ работокъ другому хозяину за взятую у послѣдняго впередъ плату, эту плату онъ также долженъ отдать назадъ, а за обиду заплатить 3 гривны продажи. Если же онъ совсѣмъ продастъ его, какъ своего полного холопа, то наймитъ свободенъ отъ всѣхъ долговъ, а хозяинъ платитъ за обиду 12 гривенъ продажи. Если хозяинъ бьетъ наймита за дѣло, онъ за то не отвѣчаетъ; если же онъ побьетъ его пьяный, самъ не зная за что, безъ вины, то долженъ платить за обиду наймита, какъ платятъ за оскорбленіе свободного *).

56. Если полный холопъ уведетъ чью-нибудь лошадь, то платитъ за то 2 гривны.

*) Или: «Если хозяинъ обидитъ наймита (при взысканіи штрафа за утраченный скотъ), затѣетъ тяжбу (т. е. кляузную, безъ достаточнаго основанія), поставитъ не настоящую (т. е. слишкомъ высокую) цѣну (потерянному скоту) и въ свое вознагражденіе возьметъ (данную имъ наймиту) ссуду или собственность его (т. е. наймита), то онъ (т. е. хозяинъ) долженъ все это возвратить, а за обиду платитъ 60 кунъ.

Если онъ (самовольно) взыщетъ штрафъ деньгами, то опять таки долженъ ихъ вернуть наймиту, а за обиду платитъ три гривны.

Если хозяинъ продастъ своего наймита какъ полного холопа, онъ терять право взыскивать съ наймита ссуду и сверхъ того платитъ 12 гривенъ штрафа.....»

О наймитъ.

57. Если наймитъ украдетъ что-нибудь на сторо-
нѣ, то хозяинъ можетъ поступить съ нимъ, какъ хо-
четъ: можетъ, когда отыщутъ вора, заплатить за ло-
шадь или другое что, имъ украденное, и затѣмъ
взять наймита себѣ въ полное холопство, — а можетъ
и продать его, если не хочетъ за него платить, и
тогда онъ долженъ напередъ заплатить за то, что
взялъ наймитъ чужого, будетъ ли то лошадь, волъ
или какая-нибудь вещь, а что останется за уплатою,
то взять себѣ.

А вотъ о томъ, если холопъ ударить.

58. А вотъ если холопъ ударить свободнаго че-
ловѣка и скроется въ дому, а господинъ не выдастъ
его, то платить за него господину 12 гривенъ. А
если послѣ того ударенный встрѣтитъ гдѣ-нибудь
холопа, который ударилъ его, то Ярославъ опредѣ-
лилъ было убивать его, но сыновья Ярослава, по
смерти его, опредѣлили на выборъ: — высѣчь, раз-
дѣвъ, виновнаго холопа или взять за безчестье грив-
ну кунъ.

О свидѣтельство.

59. На свидѣтельство холопа сослаться нельзя; но
если не случится свободнаго, то по нуждѣ можно
сослаться на боярскаго тиуна, но ни на кого болѣе.
А въ маломъ искѣ и по нуждѣ дозволено сослаться
на наймита.

О борода.

60. Если кто вырветъ у кого клокъ бороды, и
знакъ останется, и свидѣтели то подтвердятъ, то

взыскать съ обидчика 12 гривенъ продажи; но если свидѣтелей нѣтъ, а по одному подозрѣнію, то продажи съ отвѣтчика не взыскивать.

О зубъ.

61. Если кто у кого выбьетъ зубъ, такъ что кровь будетъ видна во рту, а свидѣтели подтвердятъ, то взыскать съ обидчика 12 гривенъ продажи, да обиженному за зубъ гривну.

62. Если украдетъ кто бобра, то взыскать съ того 12 гривенъ.

63. Если земля будетъ разрыта, или останутся признаки ловли или сѣти, то общинѣ или сыскать у себя вора, или платить продажу.

Если кто знаменіе на борти уничтожитъ.

64. Кто уничтожитъ бортные знаки, то платить 12 гривенъ.

65. Кто срубить бортную межу, или распашетъ межу полевою, или перегородить дворовую, съ того взыскать 12 гривенъ продажи.

66. Кто срубить дубъ съ знаменемъ или межевой, платить 12 гривенъ продажи.

Размѣры накладныхъ при «продажѣ» расходовъ.

67. А вотъ накладные расходы, которые полагаются при 12-тигривенной продажѣ: отроку давать 2 гривны и 20 кунъ, судѣ съ отрокомъ ѣхать на двухъ лошадахъ, на нихъ овса, сколько онѣ могутъ сѣсть; а самимъ въ пищу изъ мясного: барана или полоть ветчины, а изъ другихъ кормовъ, сколько двое сѣдятъ; писцу давать 10 кунъ; перекладного 5 кунъ, да за мѣхъ 2 ногаты.

А вотъ о борти.

68. Кто срубить бортъ, платитъ 3 гривны продажи, а за дерево хозяину полгривны.

69. Кто выдеретъ пчель, то три гривны продажи, а хозяину, буде медъ еще не былъ вынуть—10 кунъ, буде же вынуть, — 5 кунъ.

70. Если воръ скроется, должно искать его по слѣду. Если слѣдъ приведетъ къ селу или къ какой-нибудь торговой стоянкѣ, и если жители или хозяева не отведутъ отъ себя слѣда, или не пойдутъ на слѣдъ, или станутъ отбиваться, то платитъ имъ за покраденное вмѣстѣ съ продажею за воровство. А слѣдъ продолжаютъ вести съ чужими людьми и свидѣтелями. Если слѣдъ приведетъ на большую торговую дорогу, или на пустырь, гдѣ нѣтъ ни села, ни людей, то не платитъ ни продажи, ни цѣны украденнаго.

О простолодинѣ.

71. Ежели смердъ чинитъ истязаніе смерду безъ княжескаго повелѣнія, то 3 гривны продажи, а за истязаніе гривну кунъ.

72. За истязаніе же огнищанина [*рабовладѣльца*] 12 гривенъ продажи, и гривна самому битому.

73. Если кто украдетъ ладью, то 60 кунъ продажи, а ладью вернуть лицомъ; за морскую ладью — 3 гривны, за набойную — 2 гривны, за челнъ — 20 кунъ, за стругъ — гривна.

О перевѣсахъ.

74. Если кто перерубитъ веревку въ перевѣсѣ, то 3 гривны продажи, да за веревку птицелову — гривну кунъ.

75—78. Кто украдетъ въ чьемъ-нибудь перевѣсѣ

ястреба или сокола, платить продажи 3 гривны, а хозяину — гривну, — за голубя — 9 кунъ, за куропатку — 9 кунъ, за утку, гуся, лебедя и журавля — по 30 кунъ; за покражу сѣна или дровъ — 9 кунъ продажи, а хозяину за каждый украденный возъ по 2 ногаты.

О гумнѣ.

79. Если кто сожжетъ гумно, то выдается головою князю со всѣмъ имѣніемъ, изъ коего напередъ вознаграждается убытокъ хозяина, а остальнымъ располагаетъ по своей волѣ князь; такъ же поступать и съ тѣмъ, кто дворъ сожжетъ.

80. Если кто по злобѣ зарѣжетъ чужого коня или другую скотину, тотъ платитъ 12 гривенъ продажи, а хозяину за причиненный ущербъ урочную цѣну (срв. статью 41).

81. Всѣ изложенныя доселѣ тяжбы разбираются по свидѣтельствамъ свободныхъ людей. Если же случится быть очевидцемъ холопу, то онъ не можетъ выступить на судѣ. Но истецъ, если хочетъ, можетъ воспользоваться свидѣтельствомъ раба и, сказавъ отвѣтчику: «я требую тебя къ суду со словъ холопа, но отъ своего собственнаго лица, а не единственно по рѣчамъ холопьямъ», можетъ требовать отъ отвѣтчика, чтобъ оправдался испытаніемъ желѣза. Если послѣдній окажется виновнымъ, то истецъ беретъ на немъ свой искъ; если же явится невиновнымъ, то истцу платитъ за муку гривну, такъ какъ вызвалъ его на испытаніе желѣзомъ по холопьямъ рѣчамъ.

82. Пошлины при испытаніи желѣзомъ платится 40 кунъ, мечнику — 5 кунъ, княжескому отроку — полгривны: вотъ какова урочная высота пошлины, взимаемой при вызовахъ на испытаніе желѣзомъ.

Если же истецъ вызоветъ кого на испытаніе желѣзомъ либо по показанію свободныхъ людей, либо по подозрѣнію, либо по тому, что видѣли обвиняемаго проходящимъ ночью, либо на основаніи какого-нибудь другого сомнительнаго дѣйствія, то отвѣтчикъ, если не обожжется, не получаетъ ничего съ истца за муку, который платитъ только желѣзную пошлину.

О женѣ.

83. Кто убьетъ жену, тотъ подлежитъ суду наравнѣ съ мужеубійцею; но если убитая была виновата, то взыскивается съ убійцы полвиры, то есть 20 гривенъ.

84. За убійство холопа и рабы виры не полагается; но кто убьетъ безвинно, долженъ заплатить господину за холопа или рабу урочную цѣну, а князю 12 гривенъ продажи.

Если умретъ смердь.

85. Если смердь умретъ бездѣтенъ, то наследуетъ князь; если остаются дочери незамужнія, то выдѣлать на нихъ нѣкоторую часть; если же будутъ замужемъ, то не давать имъ части.

О наследствѣ послѣ бояръ и дружинниковъ.

86. Если умретъ кто изъ бояръ или дружинниковъ, то князь не наследуетъ, а получаютъ имѣніе дочери, если сыновей не остается.

87. Если кто, умирая, раздѣлитъ имѣніе свое, между дѣтьми, то раздѣлъ имѣетъ законную силу. А умретъ кто, не уговорившись съ дѣтьми, то получаютъ наследство всѣ они, выдѣливъ только часть на поминъ души.

88. Если жена по смерти мужа не идетъ замужъ, то на нее давать часть, а что ей мужъ опредѣлилъ при жизни, тѣмъ она кромѣ того владѣеть. А послѣ мужа права наслѣдованія жена не имѣеть.

Если остаются дѣти отъ первой жены, то они особливо получаютъ часть, которая ей слѣдовала бы по смерти, и то, что послѣдній опредѣлилъ ей при жизни.

89. Если остается незамужняя дочь, то послѣ отца она не имѣеть права наслѣдованія, но братья обязаны ее выдать замужъ сообразно съ ихъ достаткомъ.

А вотъ пошлины при закладкѣ городскихъ стѣнъ.

90. Вотъ урочныя пошлины, опредѣляемыя для строителя города: при закладкѣ стѣны брать куну, а по окончаніи ногату; на пищу и на питье, на мясо и рыбу полагается 7 кунѣ на недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 уборковъ пшена, 7 четвериковъ овса на 4 лошади, — что и получать городнику, пока не будетъ городъ срубленъ. Солоду давать ему на все время 10 четвериковъ.

Пошлины для строителей мостовъ.

91. Вотъ урочныя пошлины, опредѣляемыя для строителя моста: по построеніи новаго моста брать съ 10 локтей по ногатѣ. Если жъ будетъ починенъ только старый мостъ, то сколько рѣжей будетъ починено, брать со всякаго по кунѣ. Сверхъ того давать ему съ помощникомъ двѣ лошади, на коихъ брать имъ по 4 четверика овса на недѣлю, а на пищу имъ сколько съѣсть могутъ.

О наслѣдствѣ.

92. Если, помимо законныхъ, остаются дѣти, прижитыя съ рабой, то они права наслѣдованія не имѣють, а получаютъ свободу вмѣстѣ съ матерью.

93. Если остаются въ дому малолѣтнія дѣти, которыя еще не въ состояніи заботиться о себѣ сами, а мать ихъ пойдетъ замужъ, то ближайшій родственникъ беретъ ихъ вмѣстѣ съ имѣніемъ подъ опеку до ихъ совершеннолѣтія. А товаръ отдавать въ присутствіи постороннихъ людей, и что тѣмъ товаромъ наживетъ, продавая или отдавая въ ростъ, то опекунъ беретъ себѣ, а самый товаръ полностью возвращаетъ опекаемому; прибыль онъ потому беретъ себѣ, что кормить и заботится о нихъ. *Приплодъ отъ челяди и скота* (срв. выше статью о холопахъ на стр. 403 и сл.) сдаетъ весь въ наличности дѣтямъ, также въ случаѣ утраты чего-либо за все имъ платить.

94. Если же возьметъ дѣтей вмѣстѣ съ наслѣдствомъ отчимъ, то условія опеки тѣже. Но дворъ отцовскій, оставшійся безъ хозяина, всегда поступаетъ къ младшему сыну.

О томъ, если жена обречется пребыть вдовою по смерти мужа.

95. Если жена, обрекшись сидѣть во вдовствѣ по смерти мужа, проживетъ имѣніе и пойдетъ замужъ, то обязана возвратить дѣтямъ все прожитое. Если же она, оставаясь вдовою, захочетъ жить въ одномъ домѣ съ своими дѣтьми, а дѣти не захотятъ того, то въ подобномъ случаѣ удовлетворяютъ волѣ матери, а не дѣтей, и что далъ ей мужъ или что слѣдовало

получить ей на свою часть изъ имущества, оставшагося послѣ мужа, то составляетъ ея достояніе.

96. На часть матери дѣти не могутъ имѣть никакого притязанія; но кому его назначить, тому и взять: назначить всѣмъ — то и раздѣлить между всѣми; если же умереть безъ языка, то у кого она жила и кто ее содержалъ, тому и взять ея достояніе.

97. Дѣти разныхъ отцовъ, но одной матери, бывшей за двумя мужьями, наследуютъ то, что каждому оставилъ его отецъ. Если второй мужъ растратилъ что либо изъ имущества перваго, отца своихъ пасынковъ, и умеръ, то его сынъ долженъ вознаградить своихъ единоутробныхъ братьевъ за растрату, сдѣланную его отцомъ, сколько ея покажутъ свидѣтели; а что затѣмъ у него останется изъ отцовскаго наследства, тѣмъ онъ владѣеть.

98. Что касается до матери въ этомъ случаѣ, то она отдаетъ свое имѣніе тому сыну, который былъ добрѣе, не разбирая того, съ которымъ мужемъ прижить ею; а если сыновья всѣ были злы, то она въ правѣ отдать имѣніе и дочери, которая ее содержитъ.

А вотъ урочныя пошлины судебныя.

99. Слѣдующія пошлины опредѣляются съ судебныхъ процессовъ: отъ присужденія къ платежу виру судѣ — 9 кунъ, помощнику (метельнику) — 9 векшъ; съ дѣла о бортной землѣ 30 кунъ, а во всѣхъ прочихъ тяжбахъ съ того, кому присудятъ, судѣ братъ по 4 куны, а помощнику (метельнику) по 6 векшъ *).

*) Срв. «поконы вирнии» въ ст. 7 и 8, «оуроци скоту» въ ст. 40 и 41, «наклады» въ ст. 67, «оуроци городнику» въ ст. 90, «оуроци мостнику» въ ст. 91, «оуроци ротнии» въ ст. 101.

О наслѣдствѣ.

100. Если братья станутъ между собою тягаться о наслѣдствѣ предъ княземъ, то дѣтскій, посланный для ихъ раздѣла, получаетъ гривну кунъ.

А вотъ урочныя пошлыны за принесеніе на судъ присяги.

101. Слѣдующія пошлыны опредѣляются съ дѣль, присягою рѣшаемыхъ: отъ дѣль по обвиненію въ убійствѣ — 30 кунъ; съ тяжбы въ бортной и пахотной землѣ — 27 кунъ; отъ дѣль о свободномъ состояніи — 9 кунъ.

О холопствѣ.

102. Холопство полное — трехъ родовъ: первое, когда кто купить челоуѣка, хотя бы и за полгривны, и поставитъ свидѣтелей, и отдастъ ногату при самомъ холопѣ.

103. А второе холопство, когда кто женится на рабѣ безъ всякаго условія; а если женится съ условіемъ, то онъ остается на тѣхъ правахъ, какъ было условлено.

104. А вотъ третье холопство, когда кто безъ условія же пойдетъ въ тиуны или въ ключники; если же было заключено условіе, то остается на тѣхъ правахъ, какъ было условлено.

105. А срочный работникъ — не холопъ, и не должно обращать въ холопство ни за прокормъ, ни за приданое. Если работникъ не дослужитъ до срока, онъ обязанъ вознаградить хозяина за то, чѣмъ тотъ одолжилъ его; если же онъ дослужитъ до срока, то ничего не платить.

106. Если холопь бѣжитъ, и господинъ о побѣгѣ его заявитъ, и если кто, слышавъ явку или зная, что холопь — бѣглый, дастъ ему хлѣба или укажетъ дорогу, то платитъ господину за холопа 5 гривенъ, а за рабу — 6 гривенъ.

107. Если кто перейметъ чужого холопа и дастъ о томъ знать господину, то взять ему за переемъ гривну кунъ. Если же, поймавъ бѣглеца, не устережетъ его, то платитъ господину за холопа 4 гривны, а за рабу — 5 гривенъ; въ первомъ случаѣ пятая, а во второмъ — шестая уступается ему за то, что онъ поймалъ бѣглаго.

108. Если кто самъ дознается, что холопь его находится въ какомъ либо городѣ, а между тѣмъ посадникъ не знаетъ о томъ, то, донесши посаднику, онъ имѣетъ право вытребовать у него отрока, дабы вмѣстѣ съ нимъ связать бѣглеца, за что и даетъ ему 10 кунъ, но за переемъ не платитъ ничего. Но если преслѣдователь упуститъ раба, то пусть жалуется на себя самого, почему какъ ему никто не платитъ за упущеніе бѣглеца, такъ и онъ никому не даетъ за переемъ его.

109. Если кто по невѣдѣнію встрѣтитъ чужого холопа, подастъ ему вѣсть или станетъ держать его у себя, а бѣглецъ сойдетъ отъ него, то долженъ присягнуть, что по невѣдѣнію поступалъ такимъ образомъ съ бѣглецомъ, а платежа въ томъ нѣтъ.

110. Если холопь обманомъ возьметъ у кого деньги въ кредитъ подъ именемъ вольнаго человѣка, то господинъ его долженъ или заплатитъ, или отказаться отъ права собственности на него; но если вѣритель, зная, что онъ холопь, далъ ему деньги, то лишается своихъ денегъ.

111. Если кто дозволить своему холопу торговать, и холопъ тотъ одолжаетъ, то господинъ обязанъ платить за него долги, но не властенъ отъ него отступиться.

112. Если кто купить чужого холопа, не зная того, — настоящему господину взять своего холопа, а покупщику возвратить деньги подъ присягой, что онъ купилъ холопа по незнанію. Если *) же окажется, что онъ купилъ завѣдомо чужого холопа, то тереять свои деньги.

113. Если холопъ, будучи въ бѣгахъ, пріобрѣтетъ себѣ имѣніе, то какъ долгъ за холопа оплачиваетъ господинъ, такъ и пріобрѣтеніе, сдѣланное имъ, принадлежитъ господину вмѣстѣ съ лицомъ раба.

114. Если холопъ, бѣжавъ, унесетъ съ собою что-либо изъ принадлежащаго сосѣду, то господинъ обязанъ заплатить за унесенное имъ по урочной цѣнѣ.

108. Если холопъ обокралъ кого-нибудь, то господинъ обязанъ или заплатить за него, или выдать его головою вмѣстѣ съ другими участниками воровства, бывшими при самомъ дѣлѣ или хоронившими краденое, кромѣ ихъ женъ и дѣтей. Если же откроется, что принимали участіе въ покражѣ свободные люди, то таковые платятъ князю продажу.

*) Конецъ статьи дополненъ по 129-ой статьѣ Карамзинскаго списка: вѣдая ли боудеть купить, то кунъ емоу лишеноу быти.

ХV. РУССКАЯ ПРАВДА, КАКЪ ЮРИДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

I.

(М. Ф. Владимірскій-Будановъ. «Обзоръ исторіи русскаго права». Изд. второе. Кіевъ 1888).

Понятіе о Правдѣ. Русскою Правдою называется рядъ сборниковъ, составленныхъ частными лицами изъ княжескихъ уставовъ, обычнаго права и частію византійскихъ источниковъ.

Происхожденіе ея. Русская Правда не есть кодексъ, данный Ярославомъ и дополненный его сыновьями и Владиміромъ Мономахомъ. Въ пользу мнѣнія о Русской Правдѣ, какъ кодексѣ Ярослава, служить, во-первыхъ, надписаніе ея: «Оуставъ великого князя Ярослава Владимірича о судѣхъ»; но такое надписаніе существуетъ въ позднихъ спискахъ Правды, заключающихъ въ себѣ не только древнѣйшую Правду, но и уставы позднѣйшіе (Владимира Мономаха); во-вторыхъ, сказаніе лѣтописи: «Отпусти (Ярославъ) я (новгородцевъ послѣ побѣды надъ кіевскимъ княземъ Святополкомъ) домовъ вся, и давь имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сей грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, тако же держите. А се есть *правда рускаа*» (срв. выше на стр. 445); затѣмъ слѣдуетъ текстъ древнѣйшей Правды. Но Русская Правда не заключаетъ въ себѣ никакихъ привилегій для новгородцевъ. Точно такъ же сыновья Ярослава издавали *нѣсколько разъ* отдѣльныя постановленія,

но не кодифицировали законовъ (см. по Кар. 2 и 76 и Акад. сп. 21). Подписаніе: «А се оуставилъ великыи князь Владимиръ Всеволодичъ Манамахъ» (Кар. 66), относится къ однимъ законамъ о процентахъ, а не ко всей послѣдней половинѣ Правды (см. Кар. 76). Въ пользу предположенія о частномъ составленіи сборниковъ говоритъ, во-первыхъ, разнообразіе состава Правды въ разныхъ спискахъ, во-вторыхъ, употребленіе 3-го лица въ отношеніи къ законодателю («яко оуставилъ Изяславъ».... Ак. 21; «по Ярославѣ же паки совѣкоупившеся сынове его... отложиша оубиеніе за головсу», Кар. 2; «великыи князь то Ярославъ Володимеричъ былъ оуставилъ оубити, но то сынове его по немъ оуставиша на коуны» — Кар. 76); въ-третьихъ, внесеніе въ списки Русской Правды не законодательнаго матеріала (Кар. 49—65) и иногда смѣшанное изложеніе ея статей съ статьями византійскихъ источниковъ; въ четвертыхъ, аналогія, по которой кодификація отдѣльныхъ уставовъ первоначально совершается частными собирателями.

Составъ Русской Правды. Русская Правда дошла до насъ во множествѣ рукописей (въ лѣтописяхъ и кормчихъ); древнѣйшая изъ нихъ (синодальная) относится къ XIII в. Въ этихъ спискахъ наименованіе памятника, порядокъ и число статей большею частью различны. Однако, вообще въ нихъ можно различать три редакціи: краткую (списокъ академическій), пространную (списки синодальный, троицкій, карамзинскій и др.) и сокращенную изъ пространной (списокъ князя Оболенскаго). Въ первой изложены уставы Ярослава и его сыновей, во второй — Русская Правда, сложившаяся въ XII и XIII вв. изъ

уставовъ упомянутыхъ князей и послѣдующихъ дополненій. Третья редакція не имѣетъ никакого значенія. Отсюда въ составѣ Русской Правды различаютъ *три сборника*: Правду Ярослава, Правду Ярославичей и Правду пространную.

Правда Ярослава составлена не позже времени Ярослава (въ ней не упоминается объ отмѣнѣ мести, совершенной сыновьями Ярослава; сл. также Ак. 16 съ Кар. 76). Она имѣетъ систематическій, а не хронологическій составъ (объ убійствѣ — ст. 1; о ранахъ, увѣчьяхъ и личныхъ оскорбленіяхъ — ст. 2—9; о нарушеніи правъ имущественныхъ — ст. 10—15 и добавочныя ст. 16 и 17). Но не всѣ уставы Ярослава вошли въ нее (см. Ак. 42).

Правда Ярославичей есть сборникъ разновременныхъ уставовъ, данныхъ этими князьями какъ всѣми тремя въ совокупности (см. надпись надъ ст. 18 Ак. сп.), такъ и нѣкоторыми въ отдѣльности (Ак. 21). Составъ этой Правды хронологическій: законы измѣненные и исправленные сохраняются рядомъ съ позднѣйшими исправляющими ихъ (см. 20 Ак. и 38 Ак.). Высказанное въ литературѣ мнѣніе объ этой Правдѣ, какъ совокупности 4-хъ уставовъ Ярославичей (ст. 18—27; 28—30; 31—40; 41—43), изданныхъ ими въ разные сѣзды, бездоказательно. Сборникъ не обнимаетъ всѣхъ уставовъ Ярославичей (въ немъ нѣтъ отмѣны мести: см. Кар. 2 и 76); но зато заключаетъ въ себѣ уставы, изданные раньше Ярославичей (Ак. 42). Правда Ярославичей есть сборникъ дополнительный къ Правдѣ Ярослава: въ немъ нѣтъ важнѣйшихъ постановленій: объ убійствѣ и пр.

Правда пространная имѣетъ двѣ половины: 1-ю законченную, вѣроятно, при Мономахѣ, 2-ю допол-

нительную. Первая половина есть систематическій сводъ Правды Ярослава и его сыновей и послѣдующихъ узаконеній; вторая—позднѣйшія приписки (XII и можетъ быть XIII в.), вносимыя въ сборникъ цѣлыми уставами; таковы: уставъ о закупничествѣ (*Троиц.* списка стт. 52—57), о наслѣдствѣ (85—100) и о холопствѣ (102—115). По Карамзинскому списку читается и уставъ о мостовыхъ (ст. 134), приписываемый Ярославу. Мнѣніе ученыхъ Тобиана и Ланге о томъ, что вторая половина есть цѣльный уставъ Мономаха, основано на заглавіи 66-й ст. Кар. списка *) и не можетъ быть принято, потому что здѣсь есть постановленія и сыновей Ярослава (ст. 76 Кар.). Характеръ пространной Правды болѣе научный: въ немъ сводятся разновременныя постановленія въ одно (сл. Ак. 1, 18 и 21 съ Кар. 1), однородныя постановленія обобщаются (сл. Ак. 20 и 38 съ Кар. 37), уничтожается казуистическая форма законовъ (сл. Ак. 21 съ Кар. 10). Составъ пространной Правды окончательно сложился не позже половины XIII в., такъ какъ она внесена въ кормчую, написанную около 1284 г. («повелѣніемъ князя новгородскаго Дмитрія и стяжаніемъ архіепископа новгородскаго Климента»).

Источники Русской правды. Русская Правда въ главной основѣ своей имѣетъ: *княжескіе уставы*; въ ней упомянуты отдѣльно: «урокъ Ярославль» о пошлинахъ въ пользу вирника (Ак. 42), уставъ Изяслава о вирѣ за голову конюшаго (Ак. 21), всѣхъ трехъ Ярославичей уставъ объ отмѣнѣ мести (Кар. 2) и объ отмѣнѣ убіенія раба за оскорбленіе свободнаго человѣка (Кар. 76), уставъ Владимира Мо-

*) См. выше на стр. 472.

номаха о процентахъ (Кар. 66). Но тѣмъ же князьямъ принадлежать и другія постановленія, такъ какъ двѣ первыя Правды прямо надписываются именами Ярослава и Ярославичей. Нѣтъ сомнѣннй, что въ Правду вошли постановленія и другихъ князей, неупомянутыхъ въ ней; нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы движеніе законодательства вовсе остановилось на Владимирѣ Мономахѣ. — Княжескіе уставы возникали иногда по частнымъ поводамъ, когда князю приходилось судить кого-либо и дать приговоръ, не имѣющій основаній въ предшествующихъ уставахъ (см. Ак. 21). Такимъ образомъ, *судебныя приговоры* могутъ быть признаны особымъ источникомъ Русской Правды. Но судебные приговоры основывались большею частію на *обычномъ правѣ*; собирая ихъ, составитель собиралъ собственно постановленія обычного права (см. Ак. 1). Собиратели несомнѣнно включали въ сборники и выбранныя отдѣльныя постановленія изъ *византійскихъ кодексовъ*, напр., постановленія объ отвѣтственности господина за преступления его холопа (Кар. 131 — 132) взяты изъ эклоги: «тативаго раба господинъ аще хоцетъ имѣти его раба, безтщетно да сотворить украденому; не хотяй же имѣти раба того, да отдасть совершенно господину, пострадавшему окраденіе» Можетъ быть слѣдуетъ признать, что статьи о холопствѣ и наслѣдствѣ составлены подъ сильнымъ *вліяніемъ* византійскихъ источниковъ (сл. Рус. Пр. Кар. сп. 128 съ догов. съ нѣмцами 1229 г. ст. 12).

Прежде существовавшее мнѣніе (нѣмецкой школы) о томъ, что главное содержаніе Русской Правды взято изъ *древне-скандинавскихъ* и изъ *древне-нѣмец-*

кихъ законовъ, ни на чемъ не основано, кромѣ общаго сходства права всѣхъ младенчествующихъ народовъ.

II.

(Н. Л. Дювернуа. «Источники права и судъ въ древней Россіи. Опыты по исторіи русскаго гражданскаго права». М. 1869).

Для общаго представленія о сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ «Русской Правды», весьма важно установить, по возможности опредѣленно, границы времени, въ которое слагалась «Русская Правда», и именно ея полная редакція. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ тотъ фактъ, что въ концѣ XIII вѣка въ нее уже не входитъ или, чтобы не разойтись съ очень точными изслѣдователями рукописей, почти не входитъ никакихъ новыхъ элементовъ изъ юридической практики. На этомъ основаніи иногда называютъ полную редакцію Правды — Правдой тринадцатаго столѣтія; но, всматриваясь ближе въ ея составъ и сличая ея содержаніе съ тѣми явленіями юридической практики, которыя, несмотря на бѣдность оставшихся отъ XIII и XIV вѣка памятниковъ, все-таки совершенно ясны, мы должны будемъ признать, что полная редакція «Русской Правды» не отражаетъ въ себѣ этихъ явленій развитія права въ XIII вѣкѣ и стало быть составляетъ плодъ практики болѣе ранней. Въ Новгородской 1-й лѣтописи упоминаются подъ 1209 г. доски («дѣщкы»), которыя доказываютъ право требованій одного лица къ другому. Въ договорной грамотѣ Новгорода съ Ярославомъ Тверскимъ выговорено, чтобы князь грамотъ (суженыхъ?) не посужалъ; въ другомъ договорѣ съ

тѣмъ же княземъ находимъ упоминаніе грамотъ на закладчиковъ, покупку сель княжескими боярами въ новгородской волости. Отчасти еще отъ XII в. (купчая Антонія Римлянина до 1147 г.) и отъ XIII мы имѣемъ письменныя купчія, данныя. Начало XIV в. приносить намъ извѣстія о грамотахъ серебряныхъ («а что грамота на городцѣ писана серебряная», это долговой документъ), о грамотахъ дерноватыхъ («или грамоты дерноватыя на кого написалъ, а тѣ грамоты подереть»). Таковы явленія, замѣчаемыя въ XIII в. Они всѣ въ одинаковой мѣрѣ заслуживаютъ вниманія. Доски, письменные акты для гражданскихъ сдѣлокъ, для суда, возникающій оборотъ недвижимыхъ имуществъ, — все это признаки новыхъ условій развитія права. Ни одно изъ этихъ явленій не отражается въ «Русской Правдѣ». Ни въ статьяхъ о займѣ, ни въ способахъ возникновенія холопства, — никакихъ признаковъ письменности. Только въ одномъ мѣстѣ встрѣчается самое названіе писца (Троицк. спис., ст. 67: «писцю 10 кунъ»). Весь оборотъ гражданскій ограничивается однимъ движимымъ имуществомъ *). Всѣ формы сдѣлокъ и процесса исключительно устныя. Если бы пространная редакція не касалась вовсе нѣкоторыхъ сторонъ юридическаго быта, то мы могли бы объяснить себѣ отсутствіе въ ней признаковъ дальнѣйшаго развитія права одной ея неполнотой; но этого мы никакъ не можемъ сказать. Въ Правдѣ именно говорится о займѣ и ничего о доскахъ, ничего о грамотахъ. Она именно

*) Ср., однакоже, мѣста «Русской Правды», указанныя далѣе въ статьѣ «Отраженіе экономическаго быта въ Русской Правдѣ».
Ред.

пересчитываетъ способы возникновенія холопства, и не называетъ холоповъ грамотными, какъ послѣ они назывались. Практика суда и гражданскаго оборота, которой плодомъ была полная редакція Правды, очевидно, предшествовала XIII вѣку.

Составитель систематическаго сборника имѣлъ *цѣлью* собрать въ группы и въ порядокъ юридическія положенія, которыми руководился въ его время судъ. При этомъ *средствами* для него служили прежніе сборники, заключавшіе въ себѣ извлеченіе изъ княжескихъ уставовъ и записанные законы отцовъ и дѣдовъ. Съ матеріаломъ, который былъ у него въ рукахъ, онъ обращался свободно, преслѣдуя главнымъ образомъ практическую цѣль удобнаго примѣненія его сборника на судѣ. Сторона, обращенная къ интересу публичному, вира, продажа опредѣляется вездѣ точными цифрами. Эта точность условливалась, конечно, тѣмъ, что опредѣленность въ количествѣ этихъ сборовъ составляла общій, а не личный чей-либо интересъ. Эти цифры могли ранѣе сложиться и дольше держаться, чѣмъ другая сторона, частное удовлетвореніе. Собиратель не различаетъ въ установленіи твердыхъ цифръ вирь и продажъ, кѣмъ и какъ онѣ установлены. Причина понятна: онѣ не всегда опредѣлялись особымъ уставомъ, онѣ могли возникать непосредственно въ виду практики и, разъ опредѣлившись, держались потомъ какъ норма, какъ пошлина. Но не этой одной точкой зрѣнія условливалась задача сборника; онъ долженъ былъ служить руководствомъ для разбора на судѣ и вопросовъ о частномъ вознагражденіи. Понятно, что эта сторона гораздо труднѣе подчиняется опредѣленію. Поэтому во многихъ случаяхъ мы не на-

ходимъ твердыхъ цифръ. Это служить очень сильнымъ аргументомъ въ пользу того, что сборникъ составлялся не законодателемъ, а частнымъ лицомъ. Законодатель, давая руководство для суда, выдержалъ бы вездѣ одинъ приемъ. Частный собиратель могъ дать отвѣтъ на эти вопросы лишь въ той мѣрѣ, въ какой они разрѣшались на практикѣ. Какъ относился собиратель къ практикѣ, насколько онъ вѣрно схватывалъ истинную мѣру частныхъ штрафовъ, — объ этомъ мы можемъ сдѣлать заключеніе только потому, что сборникъ, имъ составленный, пользовался несомнѣнно очень большимъ авторитетомъ. Мы можемъ сказать, что онъ дѣлалъ все, для того, чтобы найти вѣрную мѣрку вознагражденія, практической способъ разрѣшать сталкивающіеся интересы.

XVI. СУДЪ ВЪ ЭПОХУ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

(Н. .І. Дювернуа. «Источники права и судъ въ древней Россіи». М. 1869).

Слово судъ въ древнемъ языкѣ не могло означать того же опредѣленнаго понятія, которое мы съ нимъ соединяемъ теперь. Судья не прилагаетъ только, а въ одно время и раскрываетъ законъ, узнаетъ правду и примѣняетъ ее, ибо для судьи нѣтъ заранее выраженныхъ, готовыхъ постановленій, которыя могли бы служить руководствомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Судомъ поэтому называются и тѣ правила, которыми руководится судья, и дѣйствіе разбора даннаго дѣла. Такой же двойкій смыслъ имѣетъ и слово правда. Древній языкъ говоритъ «дати правдоу» (ст. 52 Тр. сп.), когда надо выразить понятіе разбора извѣстнаго случая; правдой называются и тѣ правила, которыми руководится судъ. Уставъ Ярослава названъ *Судомъ* Ярослава Владимировича (заглавіе Тр. сп.). Переимѣны его дѣтей названы *Судомъ* Ярославлихъ дѣтей (Карамзин. сп., ст. 2; срв. заглавіе 48-й ст. по Тр. сп.: «Оуставъ Володимѣрь Всеволодича»). Статьи, опредѣляющія какъ судить убійство, называются *Судомъ* объ убійствѣ. (срв. заглавіе 3-й ст. по Кар. сп.: «О оубиствѣ соудъ»). 83-я ст. Тр. сп. говоритъ, что убійство женщины должно тѣмъ же *судомъ* судиться,

какъ и убійство мужа. Оба понятія — *суда* и *правды*, въ смыслѣ объективнаго права, — видны въ извѣстномъ мѣстѣ лѣтописи, гдѣ Владимиръ I пишетъ съ греческаго закона *суды* и *оправданія*. Въ этомъ тѣсномъ соприкосновеніи понятія суда съ понятіемъ объективнаго права, — не только въ языкѣ, но и на дѣлѣ, — возможно найти побужденіе разсматривать источники права и судъ вмѣстѣ.

Такъ какъ въ моментѣ судебного рѣшенія и та и другая дѣятельность, т. е. соображеніе общаго правила и примѣненіе его къ данному случаю, всего ближе сходятся, то словомъ *судъ* въ древнемъ языкѣ обозначается сверхъ того понятіе рѣшенія, заключенія, конца. Лѣтопись говоритъ въ этомъ смыслѣ: «а братцу моему судъ пришло», т. е. конецъ, рѣшеніе, смерть. Также слово *посудитъ* употребляется въ смыслѣ рѣшить или порѣшить, отмѣнить, уничтожить. Такъ, въ уставной грамотѣ смоленскаго князя, Ростислава Мстиславича, смоленской епископіи читаемъ: «да сего не *посуживай* никтоже по моихъ днехъ, ни князь, ни людіе; аще ли кто *посудитъ* сея грамоты, ... да той отвѣчаетъ» и т. д.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на совершенно отличное отъ вышеуказаннаго употребленіе того же слова въ другихъ случаяхъ. Слово судъ употребляется нерѣдко въ значеніи судебного сбора, дохода, *fructus jurisdictionis*. Въ уставѣ Владимира I читаемъ: «а своимъ тиуномъ приказываю *суда* церковнаго не обидѣти, и съ суда давати 9 *частіи* князю, а 10-я святѣй церкви; а кто пообидитъ *судъ* церковный, *платити* ему собою». Также въ указанной выше уставной смоленскаго князя: «а четвертая (впереди были перечислены

другіе три рода тяжбъ изъ области семейнаго права) уволочская, ажъ уволочеть кто дѣвку, што возьметъ князь, — съ епископомъ на полы, или посадникъ что възметъ *свои тяжи*, — то съ епископомъ *на полы*». Съ существомъ судебной дѣятельности нельзя смѣшивать этой доходной стороны суда. Въ древнемъ правѣ денежныя наказанія имѣютъ то же значеніе, какое позже пріобрѣтаютъ другіе способы наказывать. Мы не скажемъ теперь, что судить значить сажать въ тюрьму, ссылатъ на каторгу. Точно такъ же мы не имѣемъ права сказать, что въ древней Россіи судить значило собирать доходы съ суда. Судья не приходитъ необходимымъ образомъ къ тому, что надо наказать или что надо взять деньги. Онъ можетъ притти къ совершенно противоположному заключенію. Итакъ, мы думаемъ, что въ мнѣніи, по которому въ древности на судѣ *главное дѣло* былъ доходъ, а судъ второстепенное, есть весьма значительная неправильность; поэтому оно не должно служить исходною точкой въ изслѣдованіи древняго суда. Для того, чтобъ насъ не смущало дѣйствительно существующее въ древнемъ языкѣ тождество названій суда и доходовъ съ суда, — мы останавливаемъ вниманіе на другомъ такомъ же метафорическомъ словоупотребленіи. Извѣстно, что въсь въ старое время служилъ источникомъ дохода, что въсчая пошлина собиралась князьями, жаловалась церквамъ и проч. Въсчая пошлина называется очень часто въсомъ (см., напр., уставъ Всеволода Мстиславича церкви св. Іоанна Предтечи, что на Опокахъ). По этому поводу никому никогда не приходило на мысль, что въ измѣреніи тяжести самое главное доходъ, а вѣрность мѣры — дѣло второсте-

пенное. Названіе судомъ суднаго сбора, вѣсомъ вѣсового сбора имѣеть свое основаніе въ свойствахъ языка, а не въ тождествѣ понятій.

Если въ условіяхъ первоначальнаго быта не выдѣляются яснымъ образомъ тѣ нормы, которыми надо руководиться въ судѣ, — то естественно, что тогда на судѣ лежитъ гораздо больше, чѣмъ въ наше время. Вся гарантія правосудія заключается въ личномъ достоинствѣ судьи. Въ наше время, когда законъ заранѣе опредѣляетъ мѣру права, заслуги правосудія нельзя цѣнить такъ высоко, какъ онѣ должны были цѣниться тогда, когда судья вполне былъ предоставленъ самому себѣ. Тогда въ своемъ внутреннемъ чувствѣ правды онъ долженъ былъ имѣть и достаточно ясности, чтобъ узнать правду, т. е. найти законъ, норму права, и достаточно силы, чтобы во всѣхъ случаяхъ, какъ бы они ни видоизмѣнялись (сильнаго ли, слабаго ли судить), всегда и вездѣ прилагать одну и ту же мѣру, одну и ту же правду.

Такой органъ суда и правды древняя Русь создала себѣ въ князѣ. Вольный князь, призванный народомъ, поставленный, въ силу призванія, въ опредѣленные отношенія къ *цѣлой* волости, — онъ въ этихъ условіяхъ долженъ былъ служить самымъ вѣрнымъ органомъ господствующей идеи права.

Итакъ, князь самъ былъ органомъ суда. Власть суда никому, кромѣ князя, въ его волости не принадлежитъ. Обратимся къ современнымъ памятникамъ. «Русская Правда» говоритъ, что «безъ княжа слова» нельзя «умучить» смерда (умучить — наказать), закупу «обида дѣла своего господина» бѣжить къ князю или къ судьямъ. Изяславъ самъ судить убій-

ство своего «конюха стараго» дорогобужцами *). Мономахъ, въ наставленіи дѣтямъ, говоритъ, что онъ самъ дѣлалъ «еже было творити отроку моему», «на посадники не зря, ни на биричи», тоже и «худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не даль есмь сильнымъ обидѣти». Дѣтямъ онъ также совѣтуетъ самимъ оправлять людей **). Все наставленіе проникнуто глубокимъ чувствомъ уваженія къ старинѣ, къ обычаямъ отцовъ и дѣдовъ.

Намъ могутъ сказать, что все это добрыя черты, въ которыхъ, однако, вовсе не видно, чтобы князь чѣмъ-либо разнился отъ разсудительнаго вотчинника. Хотѣлъ судить самъ — судиль, не хотѣлъ — не судиль. Судить лично было дѣломъ его воли; это — право князя, а не его обязанность. Посмотримъ, такъ ли смотрѣли, на примѣръ, въ XII вѣкѣ.

Подъ 1146 г. лѣтописецъ описываетъ предсмертныя распоряженія Всеволода Ольговича, его совѣщаніе съ кіянами, принятіе брата Всеволодова, Игоря, и крестное цѣлованіе ему сперва въ Кіевѣ, потомъ въ Вышегородѣ; далѣе, утвержденіе союза Ольговичей съ Изяславомъ Мстиславичемъ и Давидовичами. Все это — пока еще былъ живъ Всеволодъ. Едва послѣдовала смерть Всеволода, и Игорь прибылъ въ Кіевъ, — какъ кіяне шлютъ звать его на вѣче. Игорь ѣдетъ вмѣстѣ съ братомъ, Святославомъ, и, ставъ въ сторонѣ съ дружиною, высылаетъ Святослава на вѣче. «И почаша кіяне складывати вину на тиуна на Всеволожа, на Ратьшу, и на другаго тиуна, вышегородьского, на Тудора, рекуче:

*) Срв. выше на стр. 365.

**) Срв. выше на стр. 350—351.

Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ Вышегородъ». Они требуютъ, чтобъ Святославъ цѣловаль къ нимъ крестъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ: «аще кому насъ будетъ обида, то ты прави». Святославъ слѣзаетъ съ коня, — «и, на томъ цѣлова крестъ к нимъ у вѣчи». Лишь послѣ этого кіяне «съсѣдше съ конь и начаша молвити: братъ твой князь и ты» и дали присягу вѣрности. Игорь утверждаетъ обѣщаніе брата и также цѣлуетъ крестъ. Дворъ Ратши предается разграбленію. Итакъ, князь, когда это было нужно, формально обязывается самъ править, если кому обида будетъ. За этимъ онъ призванъ въ волость. Это былъ лучший, совершеннѣйшій способъ судиться.

Непосредственное упражненіе княземъ своей юрисдикціи видно не въ однихъ центральныхъ мѣстахъ. Старый обычай князей ѣздитъ самимъ въ полюдье, гдѣ собирались не однѣ дани, а также творился судъ, — виденъ во всю эту эпоху. Подъ 1190 г. въ Лаврент. лѣтоп. сводѣ читаемъ, что великій князь находился въ полюдьи въ Ростовской волости. Ив. Забѣлинъ думаетъ, что этотъ обычай прекратился только съ владычествомъ татаръ.

Если личность судьи такъ много значила въ это время, то понятно, что человекъ слабый, дряхлый, занимая княжескій столъ, долженъ былъ тяготить собой и возбуждать ропоть. Такой примѣръ мы видимъ въ Кіевѣ, когда къ Всеволоду Ярославичу приспѣла старость и съ нею недуги, и людямъ не доходила княжая правда; начали тиуны грабить, людей продавать, «сему (т. е. князю) не вѣдущу в болѣзняхъ своихъ» (подъ 1093-мъ г.). Ростиславичи на сѣверѣ возбуждали ропоть тѣмъ, что слишкомъ молоды, слушаютъ бояръ, а бояре «учатъ на многое имѣнье». Въ

Новгородѣ, князь, который по молодости не можетъ выполнять своихъ обязанностей, просто удаляется, и лѣтопись не указываетъ никакого другого основанія, кромѣ того, что онъ еще «маль баше». Достаточно одного этого явленія, чтобъ убѣдиться, какъ мало упроченъ былъ юридическій бытъ, какъ слаба была организація суда. При болѣе твердомъ порядкѣ, личность князя не имѣла бы такого рѣшительнаго значенія въ дѣлахъ правосудія.

Итакъ, князь въ своей территоріи *одинъ* имѣетъ власть суда. Юрисдикція другого князя не можетъ конкурировать съ этой властью. Въ такомъ смыслѣ судъ составляетъ его право. Договоръ смоленскаго князя съ Ригой говоритъ: «роусиноу не звати латинеского (купца) на иного князя соудъ, лише предъ смольнеского князя... Тако латинескому не звати роусина на иный соудъ, лише оу Ригоу и на Гочкый берегъ». Князья могли входить другъ съ другомъ въ соглашеніе относительно способовъ творить судъ, преслѣдовать преступниковъ, но это были свободные ряды, которые именно предполагаютъ полную независимость одного князя отъ другого (см. Академич. сп.: «Правда оуоставлена роуськой земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ кыянинъ, Чюдинъ, Микула»; срв. ст. 48 Троиц. сп).

Если нѣтъ никакихъ, внутри волости поставленныхъ, границъ дѣйствія княжеской юрисдикціи, и къ князю можетъ обращаться всякій, то понятно, что отъ него одного зависитъ дарованіе извѣстнымъ лицамъ или извѣстной мѣстности иммунитета, исключенія изъ общаго начала подсудности княжеской власти. Для этой цѣли нуженъ особый законода-

тельный актъ, — такъ называемая жалованная грамота. Наша письменность сохранила намъ очень значительное число такихъ актовъ, но преимущественно отъ послѣдующаго времени. Достаточно сказать, что и по формѣ и по содержанию это актъ вполне исключительный, это *lex specialis*, изъ котораго возникаетъ *privilegia* и который не составляетъ правила для другихъ случаевъ. Такіе иммунитеты были и на Западѣ. И тамъ преимущественно церкви и епископскія кафедры получали освобожденіе отъ суда и въ даръ различные доходы фиска. Такое явленіе было фактически постояннымъ, но это не было закономъ общимъ. Поэтому мы видимъ на актахъ жалованья непрерывныя подтвержденія привилегій. При Каролингахъ епископы часто получали юрисдикцію, какую имѣли графы. Съ X вѣка иммунитеты становятся всеобщимъ явленіемъ. У насъ отъ 1-й половины XII в. есть жалованная грамота Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю. Хотя менѣе ясно, чѣмъ въ послѣдующихъ актахъ этого рода, но и въ ней есть признаки подтвержденія сыномъ отцовскаго пожалованья. Позже этотъ характеръ личной милости, все возобновляющейся, составляетъ наиболѣе существенную черту жалованныхъ грамотъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что князь самъ судить, но одною личною дѣятельностью онъ не можетъ упражнять своей власти. Отсюда — необходимость органовъ княжескаго суда. Мы видѣли въ примѣрѣ Игоря, что ближайшимъ помощникомъ его былъ его братъ. Близкіе родственники и всего чаще сыновья князей получали высшія должности подъ рукою властвующаго князя. Указанія на такіе

случаи въ лѣтописи весьма многочисленны. Они идутъ, начиная съ самой глубокой древности. Еще о Владимирѣ I лѣтопись говоритъ, что онъ посадилъ Вышеслава въ Новгородѣ, Изяслава въ Полоцкѣ, Святополка въ Туровѣ, а Ярослава въ Ростовѣ и проч. Такія лица, при отдаленности отъ центральной власти, въ отправленіи суда были фактически вполне самостоятельными. Въ отношеніи къ Новгороду можно замѣтить, отчасти для этого времени, что новгородцы указываютъ сами, какого изъ родственниковъ того или другого князя они хотятъ, чтобы къ нимъ прислалъ этотъ князь. Личное положеніе такихъ присланныхъ и вмѣстѣ призванныхъ князей представляетъ нѣчто среднее между самостоятельнымъ и подручнымъ княземъ.

Рядомъ съ членами княжеской семьи мы видимъ указанія лѣтописей на княжескихъ слугъ, которые тоже творили судъ. Это посадники князя. Въ отношеніи къ своей власти они тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ княземъ и, обыкновенно, въ случаяхъ народныхъ возстаній, съ нимъ вмѣстѣ изгоняются. «Русская Правда» только разъ упоминаетъ о посадникѣ, говоря объ отысканіи бѣглаго холопа. Посадникъ разумѣется пребывающимъ въ городѣ. Отыскивающий бѣглаго холопа долженъ повѣдать (повѣсть дать, повѣстить) ему объ этомъ и взять отъ него отрока (см. ст. 108 Троиц. сп.). Также въ городѣ пребывали и тѣ посадники изъ дѣтскихъ, о которыхъ упоминаетъ Лавр. лѣтопис. сводъ подъ 1176 г.: Ростиславичи «роздаяла бяста по юродомъ посадничество русьскимъ дѣтьцкимъ; они же многу тяготу людемъ симъ створиша продажами и вирами». Также въ городѣ и также съ властью суда

мы видимъ и тиуновъ княжескихъ. Правда дѣтей Ярослава за княжого тиуна назначаетъ 80 гривенъ виры (ст. 21 Акад. сп.: «а въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ»; то же въ позднѣйшей редакціи. Совершенно другое — сельскій тивунъ княжъ, ст. 11 Тр. сп., и боярскій, ст. 59 тамъ же). Въ Ипатьевской лѣтописи дѣятельность тиуна обозначается глагольной формой *тивунитъ*, въ смыслѣ держать власть вообще. Князья, занимая городъ, не даютъ въ немъ тивунитъ прежнимъ тиунамъ. Объ ихъ отношеніи къ суду можно судить по приведенному выше мѣсту *) той же лѣтописи, гдѣ рассказано о жалобѣ кіянъ и вышегородцевъ на Ратшу и Тудора. Эти города хотятъ имѣть тиуновъ на своей волѣ, и князь даетъ имъ эту льготу (С. М. Соловьевъ называетъ ихъ прямо выборными). Далѣе, весьма ясно судебная функція тиуна выражается въ договорѣ смоленскаго князя съ Ригюю, гдѣ, въ редакціи 29-го года, читаемъ: «которое орудіе доконъчано боудѣтъ оу Смолнескѣ мжю Роусию и мжю латинескимъ языкомъ предѣ судіями и предѣ добрыми людьми», — редакція 30-го года, вмѣсто судей вообще, называетъ князя или тиуна. Тиунъ живетъ въ городѣ (княгинѣ подарокъ и тивуну рукавицы перстаты), отъ него можно взять дѣтскаго, какъ и отъ князя, какъ и отъ посадника по «Русской Правдѣ» (отрока).

Есть еще должности, которыхъ названіе указываетъ на прямое ихъ отношеніе къ тогдашнему военному строю. Таковы должности: тысяцкаго, сотскаго, десятскаго. То обстоятельство, что эти лица, главнымъ образомъ, были людьми ратными,

*) См. выше стр. 484—485.

никакъ не исключаетъ возможности быть имъ въ то же время и судьями. Напротивъ, мы видимъ, что именно ратные люди въ эту эпоху такъ или иначе участвуютъ въ дѣлѣ суда. Это одна изъ характеристикъ чертъ первоначальнаго судоустройства. Только со временемъ должностныя лица получаютъ свои наименованія или отъ пространства ихъ власти (волостели), или отъ свойства ихъ дѣятельности (пристава). Въ «Русской Правдѣ» мы видимъ дѣтскаго, который идетъ дѣлить наслѣдство. Ему же назначается доля изъ желѣзнаго урока вмѣстѣ съ мечникомъ (стг. 82 и 100 Троиц. сп.). Ростиславичи на сѣверѣ раздавали дѣтскимъ посадничество. Это прямо военные люди, младшіе члены дружины (дѣтскихъ мы часто встрѣчаемъ на полѣ битвы: то двое дѣтскихъ спѣшать на помощь князю, который подвергся опасности, то они же увѣдомляютъ князя, гдѣ находится непріятель, то въ числѣ убитыхъ названъ княжой дѣтскій). То же должно сказать объ отрокахъ, подвойскихъ, биричахъ, дворянахъ. Для того чтобы судить объ участіи тысяцкихъ и сотскихъ въ судѣ, мы имѣемъ отъ древнѣйшаго времени слишкомъ мало извѣстій. Подъ 1071 г. въ лѣтописи мы видѣли, что воевода Янъ судилъ смердовъ *) на Бѣлоозерѣ. Подъ 1089 г. читаемъ, что въ этотъ годъ «священа бысть церкви... св. Богородица монастыря Феодосьева при такомъ-то князѣ, воеводство держащую кыевскыя тысяща Яневи» Гораздо позже, тоже именемъ тысяцкаго, обозначается время вступленія великаго князя Александра Невскаго на Владимирскій столъ. Лѣтописецъ говоритъ: «и усрѣтоша и со кресты митрополить,

*) Срв. выше на стр. 382 383

и вси игумени, и гражане... тысяцю предержашю Роману Михайловичю и *весь рядъ*» (Лавр. лѣт., подъ 1252 г.). Этыхъ указаній довольно, чтобъ убѣдиться въ высокомъ и неограничивающемся одною какою-либо отраслю публичной дѣятельности значеніи должности тысяцкаго. Тысяцкихъ мы встрѣчаемъ въ «Русской Правдѣ» въ качествѣ совѣтниковъ князя по дѣламъ законодательства (ст. 48 Тр. сп., гдѣ князь вмѣстѣ съ нѣсколькими тысяцкими *установили* до третьяго рѣза). Очень вѣроятно, что въ это время тысяцкіе имѣли судъ. Уставная грамота Всеволода Мстиславича церкви Предтечи, что на Опокахъ, упоминаетъ тысяцкаго отъ черныхъ людей и старость отъ купцовъ, которымъ предоставлено всякія дѣла торговыя вѣдать и судъ торговый, независимо отъ посадника. Болѣе полныя свидѣтельства объ этомъ мы имѣемъ лишь изъ послѣдующей эпохи новгородской исторіи. — На участіе сотскихъ въ судѣ есть многочисленныя указанія отъ послѣдующаго времени. Здѣсь мы въ разныхъ случаяхъ встрѣчаемъ лишь имя сотскаго. Одинъ разъ сотскій отъ смольнянъ (умень мужъ Пантелей) правитъ посольство вмѣстѣ съ мужемъ князя смоленскаго, попомъ Іереміей. Въ другой разъ старосты (тоже, что сотскіе), какъ сѣйчасъ указано, вѣдаютъ судъ торговый вмѣстѣ съ тысяцкимъ.

Таковы органы судебной власти. Достаточно ли для насъ знать о существованіи однихъ органовъ княжескаго суда, чтобъ живо представить себѣ весь механизмъ тогдашней юстиціи, всѣ силы, направленные къ укрѣпленію юридическаго быта и къ возстановленію нарушеннаго права? Достаточно ли для этого знать, что въ извѣстномъ городѣ сидѣлъ

князь, а въ другихъ городахъ княжіе посадники, что тѣхъ и другихъ окружали ихъ слуги, и эти лица судили и рядили? Вспомнимъ, что въ первое время князья почти постоянно были въ походахъ, что перемѣны князьями столовъ были явленіемъ очень частымъ. Князь жилъ среди волости, свободно призвавшей его держать нарядъ и давать людямъ правду. Приходя сюда, онъ находилъ извѣстный строй общежитія, извѣстную, до него сложившуюся, организацію общественныхъ элементовъ. Силы, съ которыми являлись призванные князья, не могли изъ себя создать такого организма, который замѣнилъ бы своеобразную организацію волости. Несмотря на то, что «Русская Правда» даетъ очень немного средствъ для восстановленія полной картины суда, мы видимъ въ ней повсюду содѣйствующую княжескому суду дѣятельность общинъ. Община, въ «Русской Правдѣ», является то отвѣтственной за своихъ членовъ (ст. 4—6 Тр. сп.), то отвѣтственной за происшествія, совершившіяся на ея землѣ (ст. 3, 63, 70 Тр. сп.). Еще болѣе важна эта дѣятельность общинъ, когда община выдаетъ князю преступника на потокъ. Выдача князю встрѣчается въ случаяхъ тяжкихъ преступленій (ст. 5, 30, 79). Свободные люди отдають преступника въ руки карательной власти, въ руки князя, который имѣетъ, такъ сказать, *bannus regalis* или, по-нѣмецки — *Blutbann*. Безъ выдачи нѣтъ приговора, безъ князя не можетъ быть казни. Таковъ порядокъ, когда свободный челоуѣкъ за убійство безъ свады, за коневую татьбу, за поджогъ теряетъ права личныя и имущественныя.

Читая «Русскую Правду», нельзя себѣ представить почти ни одного юридическаго акта, который бы

совершался иначе, какъ въ присутствіи многихъ лицъ, *людей*, какъ ихъ чаще всего называетъ памятникъ. Такъ договариваются съ закупомъ, такъ покупаютъ вещь (на торгу, ст. 32 Тр. сп.), такъ сдаютъ наслѣдство опекуну малолѣтнихъ (ст. 93). Вездѣ «люди» или въ опредѣленномъ, или въ неопредѣленномъ числѣ. Весь ходъ процесса мыслимъ только при участіи этихъ людей: они нужны для поручительства, для послушества, для сохраненія въ памяти судебного рѣшенія; исполненіе рѣшенія совершается тоже на торгу, стало быть, при тѣхъ же людяхъ («вести и на торгъ», говоритъ «Русская Правда» про несостоятельнаго должника, ст. 51). Такимъ образомъ, публичность дѣйствій суда, присутствіе людей входитъ какъ органической элементъ въ тогдашнее судоустройство и судопроизводство. Иногда, какъ видно въ договорѣ Смоленскаго князя, стороны прямо обращаются къ добрымъ мужамъ и ихъ рѣшеніе дѣлаютъ для себя обязательнымъ, какъ было бы для нихъ обязательно рѣшеніе публичнаго суда. Такое же значеніе, по всей вѣроятности, имѣли и тѣ 12 мужей, на которыхъ указываетъ старая Правда, въ 14 ст. Ак. списка: «йти ему на изводъ предъ 12 человекъ». Далеко не такъ легко, какъ кажется, особенно при скудныхъ средствахъ нашей древнѣйшей письменности, прослѣдить отношеніе людей, на которыхъ шлются стороны, къ органамъ публичной судебной власти. Мы видимъ только, что число этихъ лицъ можетъ быть очень значительное. Толпа вовсе не пугаетъ судей въ это время. Они не боятся «наводки»; противъ «наводки» законъ не указываетъ никакихъ мѣръ, какъ это будетъ позже, въ Судебникѣ, въ Новгород-

ской или Псковской Судной Грамотѣ. Напротивъ, Судный Законъ какъ будто считаетъ нужнымъ присутствіе массы лицъ на судѣ. Въ Судномъ Законѣ послуховъ требуется тѣмъ больше, чѣмъ выше цѣна иска. Цифра доходитъ до 18! Тамъ же передъ послухами рѣшается оцѣнка рабы, когда требуется, чтобъ она была отпущена на волю. Можно ли думать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ послухи не болѣе какъ свидѣтели, т. е. что вся роль ихъ заключается въ показаніи о совершившемся на ихъ глазахъ фактѣ, о томъ, что они видѣли?

Таковы элементы судоустройства, на сколько возможно уяснить себѣ ихъ сочетаніе изъ бѣдныхъ остатковъ старой письменности.

Въ «Русской Правдѣ» на каждомъ шагу мы видимъ подвижной характеръ всѣхъ органовъ суда. Вирники, отроки требуютъ корма для коней, перекладныхъ, ссадныхъ (ст. 7 и 67 Тр. сп.). Самъ князь *ездитъ* въ полюдьѣ. Только у посадника свой городъ, гдѣ онъ всегда сидитъ. При этомъ вѣчномъ движеніи органовъ власти, понятно происхожденіе названій, обозначающихъ подраздѣленія земли, каковы были: станы, погосты, позже — уѣзды. И. Д. Бѣляевъ въ «Разсказахъ изъ русской исторіи» замѣчаетъ, что на сѣверо-востокѣ чаще встрѣчаются погосты (укажемъ, что въ Ипатьевск. лѣтописи, подъ 1116 г. погостъ употребляется не въ смыслѣ опредѣленнаго пункта волости, а въ смыслѣ сбора), а на юго-западѣ — волости. Въ это время ни территорія подсудности, ни степень власти судей не опредѣлялись точно. Янъ сперва долженъ былъ «испытывать», какого князя смерды проповѣдуютъ язычество, и потомъ сталъ судить (Лавр. лѣт. подъ 1071 г.).

Конечно, не вездѣ такъ мало были ясны эти вопросы.

Что касается предѣловъ власти, въ которыхъ дѣйствуютъ разные органы правосудія, то въ это время мы не видимъ никакихъ постоянныхъ началъ, по которымъ группировались бы тѣ и другіе роды дѣлъ въ рукахъ опредѣленныхъ органовъ. Вся власть суда принадлежитъ князю. Безъ князя нельзя умучить смерда. Закупъ можетъ обратиться къ князю въ тяжбѣ съ своимъ господиномъ. Къ князю обращаются и въ спорахъ о наслѣдствѣ. Князь судитъ иностранца съ русскимъ (договоръ Смоленскаго князя съ Ригой). Въ идеѣ одинъ князь настоящій судья. Всякая другая власть отъ него беретъ свою силу. Личное пребываніе князя въ извѣстномъ мѣстѣ, напр. во время полюдья, исключало необходимость всѣхъ другихъ органовъ. Нѣчто подобное мы видимъ и въ Германіи въ средніе вѣка. Слабость судебной организаціи въ этомъ всего очевиднѣе. Присутствіе императора суспендируетъ дѣятельность всѣхъ низшихъ органовъ правосудія, и это начало признается еще въ Саксонскомъ Зерцалѣ и другихъ законныхъ книгахъ того времени. Противъ возможнаго злоупотребленія этимъ правомъ императора направляется особый родъ привилегій, называемыхъ *privilegia de non evocando*. Конечно, тою же слабостью судебной организаціи объясняется и у насъ впоследствии встрѣчающееся условіе договоровъ князя съ Новгородомъ, чтобъ князь суженаго не посужалъ.

Внѣшняя обстановка суда видна въ нѣкоторыхъ разсказахъ лѣтописи и отчасти въ статьяхъ «Русской Правды». Она отличается величайшей простотой. Лѣтописецъ подь 1169-мъ г. рассказываетъ, какъ разби-

рались два князя, изъ которыхъ одинъ былъ виновать въ замыслахъ противъ другого и хотѣлъ оправдаться. Оба князя съѣхались въ Печерскій монастырь. Одинъ помѣстился въ кельѣ эконома, другой въ кельѣ игумна, и стали они пересылаться рѣчами черезъ посредство дьячка (Имормыжа). Когда уяснилось, отъ кого идетъ улика, то на сцену являются люди князей и начинаютъ «спираться». Одна сторона выводитъ послуха. Князь, разбиравшій дѣло, полагается на клятву обвиняемаго, и этимъ все миролюбиво оканчивается. Постояннымъ мѣстомъ, куда сходятся стороны для суда, «Русская Правда» разумѣетъ княжь дворъ (ст. 38 Акад. сп.). Князь, вѣроятно, сидѣлъ на сѣняхъ съ своей дружиной. Отъ названія двора княжескаго могло происходить и названіе *дворянами* тѣхъ лицъ, которыя выполняютъ до суда относящіяся порученія (ст. 135 Карамз.*) сп.). То же, что дворъ князя, въ мѣстѣ его пребыванія, былъ дворъ посадника, въ его городѣ. Многія изъ дѣйствій, относящихся до суда, совершаются на торгахъ. Близость этихъ торговыхъ мѣстъ къ церквамъ можно предполагать, потому что вѣсь, т. е. вѣсчая пошлина, отдается нерѣдко въ пользу церкви. Притворы церковей были, вѣроятно, первыми закрытыми помѣщеніями, въ которыхъ совершались сдѣлки и разбирались споры.

Мы указали выше, что судъ былъ подвижной. Эта подвижность условливается отчасти потребностью стариннаго суда имѣть на глазахъ предметъ спора, «лицо». Въ «Русской Правдѣ», гдѣ рѣчь идетъ о межахъ, о бортяхъ, тамъ предполагаются и развѣзд-

*) Выше стр. 444.

ные сборы (ст. 67 Гр. сп.). Кроме того, судьи должны были съѣзжаться въ случаяхъ смѣстнаго суда, на рубежахъ, гдѣ сходятся границы двухъ подсудностей. Время, когда слѣдуетъ творить судъ, обряды, которые сопровождаютъ дѣйствія судей и сторонъ на судѣ, почти намъ неизвѣстны. Мы думаемъ, судя по послѣдующему, что обрядовая сторона процесса у насъ гораздо менѣе имѣла значенія, чѣмъ напр. въ Германіи. Мономахъ совѣтуетъ судить съ полудня. Въ полюдьѣ ѣздить зимой. И то и другое имѣть въ своемъ основаніи простыя практическія соображенія. Въ собраніяхъ нѣмецкихъ юридическихъ древностей находимъ очень много любопытныхъ подробностей касательно времени года, дней недѣли и часовъ дня, когда могутъ быть совершаемы судебныя дѣйствія. Также много опредѣленій для мѣста, гдѣ можно судиться (любопытенъ судъ у источника; ср. извѣстіе начального лѣтописнаго свода о судѣ Яна надъ волхвами), для способа судьи держать себя. Онъ долженъ сидѣть съ посохомъ, посохъ бѣлый, ибо съ него снята кора. Сѣдалище имѣетъ опредѣленную форму. Поза судьи должна выражать спокойствіе, для этой цѣли онъ сидитъ, положи ногу на ногу. Многія такого рода внѣшнія предписанія, которыхъ происхожденіе должно искать въ глубокой древности, — оставили свои слѣды надолго въ нѣмецкомъ судѣ. Въ нашихъ юридическихъ памятникахъ обрядовая сторона не оставила почти никакихъ слѣдовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разбору отдѣльныхъ способовъ доказательства на судѣ по «Русской Правдѣ» надо сказать о тѣхъ содѣйствующихъ успѣху доказыванья средствахъ, которыя иногда въ системахъ процесса ставятся на ряду съ доказательства-

ми. О собственномъ признаніи или очевидности, по «Русской Правдѣ», мы не нашли бы сказать ничего, съ юридической точки зрѣнія имѣющаго важность. Любопытны однѣ такъ называемыя презумпціи. Здѣсь, говоря словами одного современнаго *) юриста, «самъ законъ употребляется какъ средство доказать». Въ «Русской Правдѣ» такія презумпціи (Indicienbeweis, улики) встрѣчаются въ процессахъ по преступленіямъ: 1) въ чьей верви голова лежитъ, если при томъ члены общины не отыскиваютъ убійцу, то виноватой предполагается сама вервь (ст. 3-я Тр. сп.); 2) если межа испорчена, или испорчены орудія ловли, а виноватаго не находится, то также предположеніе виновности падаетъ на общину (ст. 63 не совѣмъ ясна); 3) если по слѣду гонять тата, а слѣдъ пойдетъ къ селу или къ товару (товаръ въ смыслѣ стана или обоза?), и жители не отведутъ слѣда, не поѣдутъ на слѣдъ, станутъ отбиваться, — то они сами отвѣчаютъ за татьбу. Можетъ быть, тотъ, другой судья не счелъ бы для себя убѣдительными эти улики, но законъ или обычай требуетъ, чтобъ судъ призналъ силу ихъ и на нихъ основалъ свое рѣшеніе. Въ случаяхъ воровства, нахожденіе въ рукахъ лица краденой вещи служитъ также основаніемъ для презумпціи. Такія презумпціи легко разрушаются или доказательствомъ фактовъ, исключаящихъ справедливость предположенія, или просто очистительной присягой.

Отдѣльные способы доказательства на судѣ по «Русской Правдѣ» суть:

- 1) *Послухи*, — лица, связанныя съ той или дру-

*) Писано въ 1868-мъ г.

гой стороной, или лица, на которыхъ шлются обѣ стороны (договоръ Смоленскаго князя съ Ригой). Названія послуха и видока въ «Русской Правдѣ» смѣшиваются, внѣ всякаго сомнѣнія, такъ что, не допуская предполагаемаго нами различія между тѣми и другими, мы поставимъ себя въ затрудненіе понять, на что нужно два разныхъ названія для однихъ и тѣхъ же лицъ. Такъ, въ 32-й статьѣ Тр. сп. видокомъ названъ мытникъ и свидѣтели у сдѣлки, въ стт. 35, 43, 44, 45, 46, 47, 102 Тр. списка такіе же свидѣтели у сдѣлки называются послухами. Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что употребленіе названія послуха во всѣхъ этихъ случаяхъ есть болѣе точное, чѣмъ словоупотребленіе 32-й ст. Тр. списка. Во всѣхъ перечисленныхъ статьяхъ послухъ не есть случайный очевидецъ событія, а призванное къ совершенію акта лицо. Что послухъ не тотъ, кто говоритъ о томъ, что слышалъ, — это ясно изъ статьи 70 Тр. списка, гдѣ съ послухами гонять слѣдъ; при чемъ ясно, что на этихъ людей шлется лицо, которое гонить слѣдъ, т. е. полагается на то, что они будутъ его поддерживать, какъ теперь такую поддержку оказываетъ власть, которая удостоверяетъ протоколомъ совершившіяся событія.

Послухи являются, чтобы поддерживать притязанія той или другой стороны, ибо на нихъ *послались* состязавшіяся лица. Такая поддержка имѣла все свое значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда для судьи не было ясно право. Можетъ-быть, этимъ объясняется то извѣстное обстоятельство, что въ Законѣ Судномъ Людемъ, который предшествовалъ сложенію «Русской Правды», о послухахъ говорится гораздо болѣе, чѣмъ въ самой Правдѣ. Вообще говоря, тамъ,

гдѣ судья не можетъ «узнать право», — тамъ стороны убѣждаютъ его ссылкой на добрыхъ людей, на послуховъ. Вотъ ближайшій смыслъ, въ которомъ мы разумѣемъ значеніе послуховъ, переходящее предѣлы простого свидѣтельства, значеніе ихъ, какъ поддержки истца или отвѣтчика. Въ этомъ смыслѣ они не составляютъ простого средства доказать факты, а оказываютъ вліяніе на успѣхъ самой претензіи той стороны, за которую стоятъ. Такое объясненіе кажется намъ очень согласнымъ съ состояніемъ права въ это время, когда источникъ его есть преимущественно право обычное. Понятно, что чѣмъ яснѣе вырабатывается догма, чѣмъ болѣе расчленяются разныя стороны права, подлежащаго обсужденію, тѣмъ самостоятельнѣе судья, тѣмъ менѣе его сужденіе о правѣ зависитъ отъ добрыхъ людей и тѣмъ опредѣленнѣе роль послуховъ ограничивается простымъ свидѣтельствомъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послухъ является настоящимъ средствомъ доказывать факты, «Русская Правда» даетъ мало средствъ различить его съ видокомъ, хотя, вѣдъ всякаго сомнѣнія, и здѣсь различіе было. Во 2-й статьѣ Акад. списка свидѣтель событія названъ видокомъ, въ соотвѣтствующей ей, 28-й, тотъ же человекъ названъ послухомъ. Въ 15, 17, 23, 81 стт. Тр. списка свидѣтели событий — послухи; въ 9-й Акад. списка, въ 23-й же и 25 Тр. списка — видоки. Видоки и послухи одинаково идутъ на роту. Именно это смѣшеніе названій и мѣшаетъ опредѣлить ясную границу между послухомъ и видокомъ, держась буквально «Русской Правды». Мы дѣлаемъ догадку, что тамъ, гдѣ свидѣтель событія шелъ на роту, тамъ его значеніе усиливалось, тамъ онъ являлся поддержкой сторо-

ны, какъ потомъ послухъ, идущій на бой съ противникомъ того, за кого онъ стоитъ. Во время «Русской Правды», повидимому, количествомъ, а не состязаніемъ такихъ лицъ, — рѣшался споръ (Судный Законъ). Во всякомъ случаѣ, по одному признаку, ротѣ, присягѣ, можно отличить лицо, котораго показанія переходятъ въ поддержку, въ стремленіе рѣшить споръ; это лицо есть ротитель или послухъ; онъ можетъ быть въ то же время и видокъ; но достоинство и сила его не столько условлены тѣмъ, что онъ очевидецъ, сколько тѣмъ, что на него шлутся, что онъ клянется.

2) Настоящіе свидѣтели, очевидцы только, имѣющие значеніе лицъ, которыя удостовѣряютъ случайно происшедшій на ихъ глазахъ фактъ, усматриваются въ непрерывно упоминаемыхъ «Русской Правдой» людяхъ, которые видѣли, что происходило. Ст. 38 Ак. списка говоритъ: «а люди боудоуть видѣли связанъ», ст. 61 Тр. списка: «а кровь видять оу него во ртѣ, а людьє вылѣзуть». Тутъ нѣтъ никакихъ сомнѣній, что судъ имѣетъ дѣло съ настоящими очевидцами, которымъ онъ вѣритъ, какъ повѣрилъ бы своимъ глазамъ, еслибъ самъ былъ на мѣстѣ совершенія событія. Ихъ значеніе не переходитъ въ роль защитниковъ, они просто средство узнать фактическую истину. Они могутъ не интересоваться исходомъ процесса, они не заручились ни предварительной связью съ сторонами (какъ свидѣтели сдѣлки), ни клятвой.

3) Присяга, какъ самостоятельный способъ доказывать, встрѣчается въ довольно разнообразномъ примѣненіи, и всякій разъ она допускается по своему спеціальному основанію. Такъ, въ ст. 44-й Тр. списка, по свойству торговыхъ сдѣлокъ, вполне безформен-

ныхъ и требующихъ особаго взаимнаго довѣрія, допускается присяга сторонъ тамъ, гдѣ обыкновенно требуются послухи. Въ ст. 45-й, по особому свойству договора (поклажи), отвѣтчикъ можетъ присягой доказать, что у него было депонировано именно столько, сколько онъ выдаетъ. Положеніе этой статьи возникло подъ вліяніемъ греческаго права, гдѣ принимающій на сохраненіе разсматривался особенно деликатно; ибо договоръ поклажи безвозмездный («зане же ему въ болого дѣль», говоритъ «Русская Правда» о сберегающемъ), и отдающій на сохраненіе самъ на себя долженъ пенять, если онъ выбралъ ненадежнаго пріятеля. Въ ст. 47-ой, тоже вмѣсто послуха, допускается доказательство посредствомъ присяги истца, по малоцѣнности иска. Наконецъ, присяга является въ значеніи очистительной, когда противъ лица направлено подозрѣніе, основанное на уликѣ (ст. 109, 112). Мы знаемъ въ лѣтописи случай, гдѣ, и при существованіи доказательствъ, судья полагается на совѣсть обвиняемаго и даетъ ему очистить себя присягой. Князь кіевскій называетъ крестное цѣлованіе «отець нашихъ и дѣдъ нашихъ утвержденіемъ». Въ заключеніе словъ, обращенныхъ къ обвиняемому (увѣщаніе), онъ говоритъ: «а нынѣ, яко на мя еси не думаль и не ищещи ми лиха, — цѣлуй ми крестъ». Владимиръ такъ произноситъ присягу: «радъ, брате, цѣлую, а то все на мя лжа, — и цѣлова крестъ». Во всѣхъ этихъ случаяхъ присяга была необходимою. Она совершалась съ участіемъ официальныхъ лицъ, ибо «Русская Правда» назначаетъ особый ротный урокъ, который шель, конечно, въ пользу должностныхъ лицъ (ст. 101 Тр. сп.).

Едва ли можно сомнѣваться, что въ это время, когда

присяга играла такую важную роль, какъ *juramentum promissorium*, она также часто служила и средствомъ разрѣшенія споровъ по взаимному соглашенію сторонъ; но объ этомъ мы имѣемъ ясныя свѣдѣнія лишь отъ позднѣйшаго времени. Приводимая въ 17-ой ст. «Русской Правды», наряду съ судами Божьими, присяга сторонъ — допускается «во всѣхъ тяжахъ», когда нѣтъ другихъ средствъ доказать; все ограниченіе заключается только въ томъ, что доказательная сила присяги меньше, чѣмъ доказательная сила другихъ видовъ суда Божія; но, по свободному соглашенію, рѣшительная сила присяги могла быть расширяема на всякое дѣло.

4) Вопросъ о судахъ Божіихъ много разъ у насъ подвергался обсужденію въ той мѣрѣ, въ какой онъ разъясненъ нѣмецкой наукой. По отношенію собственно къ русскому праву, всѣ разъясненія суда Божія не могутъ далеко уйти отъ простого показанія 3-хъ статей «Русской Правды», въ когорыхъ говорится объ испытаніи желѣзомъ и водой (17, 81 и 82). Это все, что до насъ дошло достовѣрнаго отъ этой эпохи. Замѣтимъ, что Гриммъ, собирая всѣ указанія средневѣковыхъ источниковъ о судахъ Божіихъ, указываетъ и на Византію, гдѣ имѣло мѣсто испытаніе именно посредствомъ раскаленнаго желѣза, о которомъ упоминаетъ и «Русская Правда» (Гриммъ въ сочиненіи *Deutsche Rechtsalterthümer*, изд. 2-е, стр. 933, приводитъ греческую цитату, которая переводится такъ: «если нѣтъ у тебя доказательства отъ свидѣтелей, то ты долженъ доказать истину горячимъ желѣзомъ»).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ судъ назначаетъ испытаніе желѣзомъ, какъ видно изъ 17-й статьи (тогда

дати імъ правду желѣзо»), -- это, по всей вѣроятности, относится къ дѣламъ по преступленіямъ; въ другихъ — сами стороны зовутся на желѣзо или на воду, тогда этотъ родъ испытаній представляетъ собой нѣчто параллельное разрѣшенію споровъ посредствомъ присяги по соглашенію (Schiedseid).

Что касается жребія, то извѣстно, что «Русская Правда» только въ одномъ спискѣ, повидимому новомъ, упоминаетъ этотъ способъ формальнаго изслѣдованія истины. Здѣсь жребій поставленъ на ряду съ присягой, альтернативно, «а будетъ има бои, а видока не будетъ, — ити има на роту по своей вѣрѣ, а любо на *жребіи*, а виноватыи въ продажѣ, во что и обложать» (такъ въ одномъ изъ списковъ «Правды» заканчивается статья, соответствующая 25-ой статьѣ Троицкаго списка). Очень вѣроятно, что это былъ весьма распространенный способъ рѣшенія спорныхъ вопросовъ и на судѣ, какъ и вообще въ спорахъ, къ жребію обращались нерѣдко. Извѣстенъ случай рѣшенія по жребію выбора человѣческой жертвы, о которомъ лѣтописецъ говоритъ подъ 983 г. Затѣмъ жребій виденъ въ договорѣ Смоленскаго князя съ Ригой, гдѣ условлено жребіемъ опредѣлять чередъ, «кому пойти черезъ волокъ впереди». Можно указать еще нѣсколько мѣстъ лѣтописи отъ времени «Русской Правды», гдѣ упоминается жребій, какъ средство рѣшить выборъ между двумя лицами, или между двумя мнѣніями. Новгородская 1-я лѣтопись, подъ 1192 годомъ, рассказываетъ объ избраніи въ высшую духовную должность, при чемъ жеребья кладутся на трапезу, и съ трапезы ихъ снимаетъ слѣпецъ. Чей жребій останется на трапезѣ, на того видятъ указаніе свыше, и онъ считается избраннымъ. Тамъ

же, подъ 1229 г. для той же цѣли посылають «княжица Ростислава изъ гридьницѣ владыцъне» взять жребій съ трапезы. Тутъ, стало-быть, дитя избрано орудіемъ испытанія воли Божіей. Также любопытенъ еще ранѣе, въ началѣ XII в., упоминаемый лѣтописью случай. Именно, въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1115 г., видимъ, что нѣсколько князей спорять («распри же бывши», по словамъ лѣтописи), на какомъ мѣстѣ въ церкви поставить мощи свв. Бориса и Глѣба. Та и другая сторона приводитъ свои основанія. Тогда митрополитъ съ епископами предлагаетъ узнать волю самихъ мучениковъ посредствомъ жребія: «верзите жребии,— да кдѣ изволита мученика, ту же я поставимъ». Князья подчинились рѣшенію жребія. «И положи Володимеръ свой жребій, а Давыдъ и Олегъ свой жребій на святой трапезѣ, и вынеся жребій Давыдовъ и Олговъ». Мощи были поставлены, согласно съ этой волей самихъ мучениковъ, на правой сторонѣ храма.

Возможно, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ сдѣлкѣ или на судѣ послухомъ и защитникомъ призванъ Богъ или святой, — къ ихъ суду и обращались тогда, когда возникалъ споръ по поводу акта, утвержденнаго этимъ способомъ. Яснѣе такое послушество видно впоследствии.

XVII. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ ПО «РУССКОЙ ПРАВДѢ».

(М. Ф. Владимірскій-Будановъ. «Обзоръ исторіи русскаго права». Кіевъ 1888).

I. ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Терминъ «преступленіе» хотя и извѣстенъ былъ въ эпоху Русской Правды (въ переводной литературѣ съ греческаго языка), но самой Русской Правдѣ неизвѣстенъ, ибо ей чуждо то понятіе о преступленіи, которое выражается этимъ терминомъ, т. е. нарушение закона. Терминъ, употребляемый Русской Правдой, есть *обида*. Въ этомъ иногда видятъ доказательство частно-правнаго взгляда на преступленіе, какъ дѣяніе оцѣниваемое только по количеству вреда, нанесеннаго частному лицу. Мы увидимъ ниже, что разрядъ преступленій, караемыхъ Русской Правдой, дѣйствительно, ограничивается такъ называемыми частными преступленіями, т. е. направленными противъ личныхъ и имущественныхъ правъ частныхъ лицъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что оцѣнка преступныхъ дѣяній совершается только съ точки зрѣнія интересовъ лицъ потерпѣвшихъ; напротивъ, штрафъ за «обиду» платится не въ пользу потерпѣвшаго, а въ пользу общественной власти: такъ за укрывательство бѣглаго раба, виновный, кромѣ возвращенія раба его господину, платитъ

3 гривны уголовной продажи въ пользу князя; древнѣйшая Правда не указываетъ прямо значенія этого штрафа, говоря только: «а три гривнѣ за обиду» (Акад. 10); но пространная Правда (Троиц. сп. ст. 26) уясняетъ это вполнѣ: «а оному платити 3 гривны *продажи*» (продажею называется уголовный штрафъ въ пользу князя). Даже такая личная обида, какъ позорный ударъ необнаженнымъ мечомъ или рукоятью его, влечетъ за собою общественный штрафъ, а не личный выкупъ: «12 гривень продажи за обиду» (Троиц. сп. ст. 18).

II. НАКАЗАНИЕ.

Такъ какъ наказаніе есть возстановленіе нарушенныхъ преступленіемъ правъ общества, то основной интересъ историческаго изложенія права наказанія есть вопросъ объ общественномъ элементѣ его, объ очищеніи его отъ личной примѣси (начиная почти съ животной реакціи и самозащиты).

Термины общіе для выраженія этого понятія въ законодательныхъ памятникахъ не встрѣчаются, кромѣ слова «казнь», встрѣчаемаго въ договорахъ русскихъ съ греками. Но въ памятникахъ бытовыхъ употребляются термины: «наказаніе» и «мечь» (въ общемъ смыслѣ наказанія). «Мечь» въ обширномъ смыслѣ означаетъ наказаніе вообще: волхвы, наказанные Яномъ на Бѣлоозерѣ, приняли «мечь отъ Бога», въ Законѣ Судномъ Людѣмъ сказано: «аще кто бьетъ раба своего жезломъ, ти умереть отъ руку его: судомъ до ся мьстити». «Местникомъ» въ договорѣ Олега («аще ли кто искушенья сего не дасть створити, *местникъ* да погубить правду свою») названа сторона въ процессѣ. Местникомъ иногда на-

зывается также судья: въ Законѣ Судномъ Людемъ говорится, что если низшіе судьи отказываютъ въ правосудіи, то «взидуть къ великому отместнику, его же постави власть наша». Юридическій сборникъ А. И. Мусина-Пушкина начинается такъ: «нища не помиловати яко мѣсть», что составляетъ переводъ Исхода (XXIII, 3): «нищаго да не помилуеши на судѣ»; поэтому издатель сборника Дубенскій говоритъ: «мечь то же, что судъ, *χρῆσις, lis*. Филологическій смыслъ слова «наказаніе» есть «наученіе и исправленіе»: наказаніе — *institutio, poena*; наказати — *instituere* («тыи въспита ме и наказа и наоучи), *punire*) (Рѣчникъ Даничича). Въ смыслѣ слова «наказаніе» (исправленіе) выражень основной взглядъ славянъ на цѣль наказаній, взглядъ, конечно, указывающій на будущее, и мало примѣнимый къ самой эпохѣ Русской Правды.

Виды наказаній въ историческомъ порядкѣ суть: 1) мечь, 2) денежные штрафы, 3) уголовныя кары.

Мечь — въ тѣсномъ смыслѣ есть возмездіе за уголовную неправду, совершенное руками потерпѣвшаго. Въ томъ понятіи, какое даетъ о ней Русская Правда, мечь совмѣщаетъ и частный, и *общественный* элементы наказанія, что видно изъ нижеслѣдующаго: 1) мечь не только *признана*, но и *предписана* закономъ (Рус. Пр. Ак. 1, Кар. 1.; «если отсѣчь руку, то дѣти искалѣченнаго должны смирить» — Ак. 5 «оже ли оутнетъ роукоу, и отпадетъ роука, любо оусохнетъ: то 40 гривенъ; аще боудеть нога цѣла, или начьнетъ хрэмати, тогда чада смирать»). Обязательный характеръ мести ясенъ въ особенности въ договорахъ съ греками, при чемъ договаривающіяся стороны заботятся, чтобы преступникъ не остался безъ наказанія («да умереть»;

«да убіють и»). 2) Местъ *соединяется съ судомъ*, т. е. требуетъ или послѣдующей за местию санкціи суда (какъ обыкновенно и бывало), или предварительнаго рѣшенія суда: древнѣйшая Правда требуетъ, чтобы окровавленный или раненый доказалъ на судѣ справедливость обвиненія и только послѣ этого можетъ или мстить, или взять за обиду 3 гривны (Ак. 2). Лѣтопись подъ 1070 г. рассказываетъ, что когда то раньше (конечно до отмѣны мести) воевода княжой Янъ, схвативъ ярославскихъ волхвовъ на Бѣлоозерѣ, осудилъ ихъ за убійство многихъ женщинъ и наказалъ такъ: выдавъ ихъ родственникамъ убитыхъ, сказалъ имъ: «мстите своихъ»; родственники предали осужденныхъ смерти. 3) Законъ опредѣляетъ, *кто имѣетъ право (и обязанность) мстить?* А именно: за убійство мстятъ *члены рода* (отецъ и сынъ, братъ, дядя и племянникъ; Ак. 1, Кар. 1); въ 1-й статьѣ Русской Правды однако содержится неполное опредѣленіе круга мстителей: не указано право мести за мать, сестру, жену и дочь, несомнѣнно существовавшее, какъ видно изъ приведеннаго сейчасъ лѣтописнаго факта. Но это есть результатъ обыкновеннаго недостатка обобщеній въ древнихъ памятникахъ, которые, вмѣсто того, стараются перечислить частичныя подробности, но всегда неудачно. Право мести за лицъ женскаго пола подразумѣвалось подъ соотвѣтствующими степенями родства мужскаго пола. За увѣче полагалась месь *членовъ семьи*: «тогда чада смирять» (Ак. 5). За личное оскорбленіе и побой — *месь личная*: «оже ли себе не можетъ мстити, то взяти емоу за обиду 3 гривнѣ» (Ак. 2). — 4) Этимъ опредѣляется и то, *за какія преступленія* полагалась месь? Именно: за убійство,

увѣче и нападеніе на здоровье. Что касается убіенія вора, т. е. мнимой мести за татьбу, то здѣсь самоуправство уже перешло въ состояніе необходимой обороны. — 5) *Въ чемъ состояла месть?* Въ каждомъ ли случаѣ преступникъ отдавался на полный произволь мстителя? Думать такъ не позволяетъ соединеніе мести съ судомъ и ясное различеніе въ Русской Правдѣ относительной тяжести преступныхъ дѣяній. За убійство должна была слѣдовать смерть, но не за увѣче («смирять» не значитъ лишать жизни) и не за личныя оскорбленія; это показываетъ аналогія постановленій о мести холопу, ударившему свободнаго мужа; при Ярославѣ было позволено убить его за то; но сыновья Ярослава, отмѣнивъ такой суровый законъ, не вполне уничтожили месть и постановили, что оскорбленный можетъ связавъ его побить, т. е. месть состояла въ лишеніи свободы и тѣлесномъ наказаніи. 6) Съ замѣною родовыхъ союзовъ общинными и земскими *месть вымирала* постепенно, ибо въ мщеніи участвуетъ уже земская (государственная) власть; несомнѣнно, что и христіанство имѣло сильное вліяніе на ослабленіе мести; случаи замѣны мести выкупомъ по закону (при бѣгствѣ преступника) и по условію съ мстителемъ, дѣлались чаще. Послѣднее не служитъ отрицаніемъ уголовного характера мести, ибо прощеніе преступнику (съ условіемъ имущественныхъ взысканій) совершалось при участіи общества, на что указываетъ обрядъ *покоры*, извѣстный не только у западныхъ славянъ, но и у русскихъ (галичанъ). Уже при Владимірѣ I осуществленіе мести было рѣдкимъ явленіемъ; тогда, при рѣшеніи вопроса о наказаніи за разбой, рѣчь шла о выборѣ

между казнью и вирой, безъ упоминанія о мести. Хотя месть не исчезла до второй половины XI в., какъ видно изъ Ярославовой Правды и лѣтописныхъ фактовъ, но практическое ослабленіе ея дало возможность князьямъ — Ярославичамъ отмѣнить ее закономъ: «послѣ Ярослава собрались сыновья его и отложили убіеніе за голову, и предписали выкупаться деньгами» (Кар. 2); примѣненіе мести на Бѣлоозерѣ, записанное въ лѣтописи подъ 1070 г., не можетъ служить подтвержденіемъ той мысли, будто Ярославичи отмѣнили не месть, а смертную казнь, установленную Владимиромъ; послѣдняя отмѣнена самимъ Владимиромъ; случай на Бѣлоозерѣ только *записанъ* подъ 1070 г. Несмотря на указанные ограниченія мести, одно существованіе ея указываетъ на важнѣйшее значеніе *частнаго лица* въ сферѣ уголовного права.

Денежные штрафы. Въ мести сливались нераздѣльно частный и общественный элементы наказанія; какъ скоро месть замѣнена денежными штрафами, то оба элемента тотчасъ выступаютъ въ своей раздѣльности; штрафы дѣлятся на уголовные (въ пользу общественной власти) и частное вознагражденіе потерпѣвшему; именно: за убійство — *вира* (въ пользу князя) и *головничество* (потерпѣвшему); за прочія преступленія *продажа* (князю) и *урокъ* (потерпѣвшему).

Вира и головничество. Слово «вира», не встрѣчающееся въ другихъ славянскихъ языкахъ, считаютъ заимствованнымъ изъ нѣмецкаго языка (Wehrgeld); но корень его находится во множествѣ языковъ (между прочимъ въ финскомъ). Уголовное значеніе виры извѣстно со временъ Владимира: когда онъ,

по совѣту епископовъ, началъ было казнить разбойниковъ, то дума представила ему, что это не выгодно, ибо вира даетъ средства для пріобрѣтенія оружія и коней (Лавр. лѣт. подъ 996 г.). По Правдѣ Ярослава вира взимается въ томъ случаѣ, если нѣтъ мстителя (Ак. 1); Ярославъ установилъ «урокъ» (таксу) въ пользу вирника, собиравшаго виры на князя (Ак. 42). Для XII в. уголовное значеніе виры не подлежитъ сомнѣнію: въ Суздальской землѣ княжескіе чиновники притѣсняють народъ вирами и продажами. Вира взыскивалась не всегда съ одного преступника, но иногда съ общины — *верви*, къ которой онъ принадлежитъ; въ такомъ случаѣ она называлась *дикою вирой* и взыскивалась въ двухъ случаяхъ: а) если совершенно убійство не предумышленное и преступникъ состоитъ съ членами своей общины въ круговой порука; б) если совершено убійство предумышленное, но община не разыскиваетъ убійцы (прикрываетъ его и не выдаетъ). Въ первомъ случаѣ вервь платитъ съ участвіемъ самого преступника (въ соотвѣтственной долѣ); во второмъ случаѣ уплата виры разсрочивается на нѣсколько лѣтъ (Кар. 4). Происхожденіе круговой поруки изъясняютъ иногда изъ полицейски-финансовыхъ цѣлей государства, т. е. изъ стремленія князей получать доходъ отъ преступленій во всякомъ случаѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить общины предупреждать преступленія. Но оба эти соображенія могли явиться лишь впоследствии, при значительномъ развитіи государственной власти; первоначально же круговая порука не есть искусственное государственное учрежденіе, а возникаетъ повсюду, какъ изъ имущественной и личной солидарности

родовыхъ и территориальныхъ общинъ, такъ еще болѣе изъ права общинъ выдавать или не выдавать преступниковъ для наказанія. Съ ослабленіемъ значенія частнаго лица (съ уничтоженіемъ мести) возвышается значеніе общинъ въ сферѣ уголовного права. — Высота виры постоянна: за свободныхъ людей вообще 40 гривенъ, за лицъ привилегированныхъ — 80 гривенъ, за жену — 20 гривенъ; столько же за увѣче по 3-й Правдѣ. Высота головничества не опредѣляется закономъ; только при изувѣченіи назначается опредѣленное вознагражденіе, именно въ половину противъ уголовного штрафа (10 гривенъ; Кар. 22).

Продажа и урокъ. Уголовное значеніе продажи видно изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ фактовъ относительно виры; во 2-й Правдѣ оно вполне ясно, на примѣръ, изъ слѣдующаго: «а оже лодью оукрадетъ, то за лодью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ» (Ак. 34). 3-я Правда не оставляетъ въ томъ никакого сомнѣнія (см. Кар. 23, 25, 33, 43, 132 и др.). Цифры продажи постоянны; именно: 12 гривенъ (за убіеніе вора безъ требованія обороны, оскорбленіе чести, лишеніе свободы, за кражу холопа и бобра, за истребленіе коня и скота, за порчу межь); 3 гривны (и 30 кунъ) за всѣ прочія преступленія, кромѣ самыхъ маловажныхъ, за которыя взыскивалось 60 кунъ или рѣзанъ. — Урокъ таксированъ въ законѣ относительно преступленій личныхъ, наносящихъ физическій вредъ (за зубъ Кар. 79, — за палець Кар. 23, — за рану — Кар. 25 по 1 гривнѣ), за преступленія противъ чести Русская Правда не даетъ такой таксы; между тѣмъ какъ церковный уставъ Ярослава содержитъ подробную оцѣнку чести.

При преступленіяхъ имущественныхъ или возвращается вещь, или цѣна ея, назначенная въ законѣ (Кар. 40, 41, 42). — Денежные штрафы въ опредѣленномъ количествѣ ихъ могли имѣть правильное уголовное значеніе лишь въ періодъ экономическаго равенства. При несостоятельности преступника должна была явиться *замѣна ихъ уголовными наказаніями*, что дѣйствительно и находимъ прямо въ правахъ другихъ народовъ (напр. сербскаго) и въ позднѣйшемъ русскомъ правѣ. Высшій штрафъ, именно вира, уплачиваемая безъ помощи общины, обыкновенно былъ не подъ силу для одного преступника; а потому въ 3-й Правдѣ она и замѣнена уже въ законѣ потокомъ.

Потокъ и разграбленіе. Потокѣмъ называется лишеніе личныхъ правъ, а разграбленіемъ — лишеніе правъ имущественныхъ; и то и другое составляютъ одно наказаніе, а не два вида наказаній; хотя въ одномъ случаѣ (Троиц. 30) упомянуть одинъ потокъ безъ разграбленія (именно за конокрадство); но въ другомъ случаѣ терминъ: «поточити» употребленъ въ смыслѣ разграбленія (Троиц. сп. ст. 79: за поджогъ изъ разграбленнаго имущества преступника прежде всего удовлетворяется потерпѣвшій, а «въ остальномъ князю поточити»). Потокъ и разграбленіе не только замѣнили виру за предумышленное убійство, но и распространены на конокрадство и поджогъ, а практика распространяла это наказаніе и на политическія преступленія; несомнѣнно, что и за татьбу при несостоятельности слѣдовало тоже. — Первоначально потокъ и разграбленіе имѣли неопредѣленное значеніе: съ лишеннымъ правъ и его семьею можно было сдѣлать, что

угодно; напрімѣръ, въ Новгородѣ въ 1209 г. «Ми-рошкинъ дворъ и Дмитровъ зажгоша, а житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь». Въ 1230 г. тамъ же «заутра убиша Смена Борисовица, а домъ его весь розграбиша, и села, а жену его яша». Разграбленное имущество иногда дѣлили «по всему городу по 3 гривны»; въ княжествахъ оно поступало князю. При тѣсной солидарности имуще-ственныхъ и личныхъ правъ семьи, естественно страдали жена и дѣти, при чемъ однако могло слѣ-довать и предположеніе о ихъ соучастіи въ престу-пленіи мужа и отца и, по крайней мѣрѣ, о пользо-ваніи плодами его. — Изъ этой неопредѣленной сущ-ности потока развились, уже въ эпоху Русской Правды, всѣ *виды уголовныхъ каръ*. — А именно:

а) Наказанія, обращенныя на свободу: *изнаніе* и *ссылка*; напрімѣръ, въ 1024 г. Ярославъ «изъймавъ волхвы, расточи, а другыя показни»; князь Мсти-славъ въ 1129 г. «поточи князи полотьскыѣ Цеса-рюгороду с женами и съ дѣтьми (въ грекы)». *За-ключеніе*; напрімѣръ въ 1141 г. «и затоциша Якуна въ Чюдъ съ братомъ, оковавъше и руцѣ къ шыи». *Обращеніе въ рабство*; въ договорѣ съ нѣмцами 1229 г. (ст. 11) говорится: «если князь разгнѣвается на своего человекъ и отниметь все — жену и дѣтей въ холопство, то платитъ напередъ его долги нѣмцамъ».

б) Наказанія, обращенныя на здоровье: *болъзнен-ныя* и *членовредительныя*; вмѣсто словъ: «на потокъ» въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды стоитъ «на бой», что, по мнѣнію Н. В. Калачова, можетъ означать не только побои, но и смертную казнь.

в) *Смертная казнь*. Фактическія указанія на при-мѣненіе смертной казни относятся къ древнѣйшимъ

временамъ; известно свидѣтельство арабскихъ писателей о томъ, что Руссы казнятъ воровъ чрезъ повѣшеніе. При Владимирѣ I временно была введена смертная казнь за разбой. Въ Кіевѣ «разгнѣвався князь (Ростиславъ), повелѣ связати ему (Григорію Чудотворцу) роуци и нози и камень на выи его обѣсити и въвреци в воду, и тако потопленъ бысть». Въ Новгородѣ въ 1141 г. «Якуна мало не до смерти убиша, обнаживъше, яко мати родила, и съвергоша и съ моста; нѣ Богъ избави, прибрѣде къ берегу и болѣ его не биша». Тамъ же въ 1228 г. «възмятеся весь городъ, и поидоша съ вѣща въ оружии... на Душильця — на Липиньского старосту, тамо послаша грабить, а самого хотѣша повѣсити, нѣ ускоци къ Ярославу». Въ 1224 г. тамъ же сожгли 4-хъ волхвовъ за волшебство. Во многихъ изъ этихъ случаевъ можно видѣть расправу разгнѣваннаго народа или князя, — мечь за государственныя и религіозныя преступленія, при чемъ непосредственно оскорбленнымъ и мстителемъ является само государство или его представитель — князь (въ такомъ видѣ и зарождается первоначально кара за государственныя преступленія). — Но есть свидѣтельства о назначеніи смертной казни по рѣшенію обыкновенныхъ судовъ: въ житіи Григорія Чудотворца разсказывается, что пришли къ нему трое, изъ которыхъ двое искушали его, ложно говоря о третьемъ; «это другъ намъ; онъ осужденъ на смерть; просимъ тебя спасти его, дай ему, чѣмъ искупиться отъ смерти». Этотъ случай показываетъ, что смертная казнь назначаема была при несостоятельности преступника. Подобный же случай разсказывается въ житіи Агапита, къ которому привели уже не мнимо, а дѣйствительно осужденнаго на смерть.

Классическое мѣсто поученія Мономаха имѣетъ двойственный смыслъ: «не убивайте, ни повелѣвайте убить его, *аще будетъ повиненъ смерти*»; очевидно, суды могли приговаривать къ смерти. Но это же самое поученіе показываетъ, что смертная казнь противорѣчила національнымъ воззрѣніямъ русскихъ и что послѣдующее чрезмѣрное развитіе ея можетъ быть изъяснено лишь внѣшними вліяніями, прежде и болѣе всего византійскаго права, а потомъ татарскихъ обычаевъ; какъ разъ церковные суды рано начали примѣнять членовредительныя наказанія и, вѣроятно, смертную казнь.

Такъ развивались виды наказаній одинъ изъ другого: въ случаѣ невозможности примѣненія мести, наступали денежные выкупы; въ случаѣ несостоятельности имущественной — наступали уголовныя кары.

XVIII. ОТРАЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКАГО БЫТА ВЪ «РУССКОЙ ПРАВДѢ».

(Изъ статьи *М. Н. Покровскаю*).

А. Землевладѣніе—удобный показатель степени экономического развитія общества. Земля позже всѣхъ другихъ предметовъ становится собственностью человека, и если у какого-нибудь народа мы встречаемъ землевладѣніе, это значитъ, что мы имѣемъ дѣло съ народомъ въ известной мѣрѣ культурнымъ. По поводу земельной собственности у русскихъ славянъ въ наукѣ высказывались различныя мнѣнія. Сторонники гипотезы родового быта утверждаютъ, что русскіе времени «Правды» знали только родовое землевладѣніе: «Частная собственность состоитъ только изъ міра движимыхъ вещей», говоритъ В. Никольскій («О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ», стр. 376). «А потому и Правда ничего не говоритъ о наслѣдованіи земли, которая еще не сдѣлалась предметомъ частнаго освоенія». «Правда не содержитъ въ себѣ никакихъ постановленій о приобрѣтеніи или отчужденіи земли. Она различаетъ только земли по способу обладанія ими, на занятія и пустопорожнія, изъ которыхъ первыя, какъ видно, были отмежеваны и назывались, по способу занятія, ролейными или бортными» (стр. 331). Дальше описывается способъ занятія зе-

мли *родомъ*, превратившимся путемъ естественнаго размноженія въ патриархальную общину.

Совершенно противоположнаго взгляда держался Ив. Бѣляевъ. Существованія родового быта въ древней Руси онъ вовсе не признавалъ. Рядомъ съ общинными землями — т. е. въ сущности находившимся также въ частномъ владѣннн, только не личномъ, а коллективномъ, — онъ признавалъ существованіе земель отдѣльныхъ лицъ, которыя приобрѣли ихъ путемъ расчистки дикихъ полей и лѣсовъ. Такія земли составляли полную наслѣдственную собственность этихъ лицъ, вслѣдствіе чего Бѣляевъ и называетъ ихъ *вотчинными* землями.

Въ Правдѣ есть нѣсколько статей, имѣющихъ отношеніе къ землевладѣнню. Въ статьѣ 99-й (Троицкаго списка), гдѣ идетъ дѣло о судебныхъ пошлинахъ («оуроци судебнии»), говорится о пошлинѣ въ 30 кунъ «отъ бортноѣ земли» (въ Карамзинскомъ списокѣ прибавлено въ ст. 118: «а отъ роелной (ролейной) земли такожь»), — т. е., очевидно, съ тяжбы о бортной землѣ. Ниже, въ ст. 101-й, опредѣляются пошлины присяжныхъ, съ дѣлъ рѣшаемыхъ присягой, и тоже говорится о пошлинѣ съ тяжбы о бортной и пахатной (ролейной) земли. Значитъ, пашня и бортное угодье могли быть предметомъ тяжбы, — а стало-быть, вопреки мнѣнію Никольскаго, и предметомъ приобрѣтенія или отчужденія. Но, можетъ-быть, эти земли составляли не личную, а родовую собственность? Прямого указанія на это въ Правдѣ нѣтъ; но нѣкоторыя статьи, имѣющія косвенное отношеніе къ этому вопросу, гораздо легче согласимы съ индивидуальной, чѣмъ съ родовой собственностью. Въ ст. 39 говорится о кражѣ жита съ

гумна или изъ ямы, и вознагражденіе потерпѣвшему опредѣляется въ такихъ выраженіяхъ: «а оу него же погнбло, то оже будетъ лице, лице поиметь, а за лѣто возметъ по полугривнѣ». Статья 78-я гласить: «А въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунѣ, а господину колико боудеть возъ оукрадено, то имати ему за возъ по 2 ногатѣ». Ясно, что по крайней мѣрѣ продукты земли — жито, сѣно, дрова — составляли личную собственность. Съ родовымъ землевладніемъ это вовсе несовмѣстимо: тамъ на землѣ работаетъ сообща весь родъ, и всѣ продукты принадлежать всѣмъ родичамъ въ совокупности. При существованіи общины, конечно, можно допустить раздѣльное пользованіе продуктами, потому что въ этомъ случаѣ каждый работаетъ на своемъ участкѣ. Но въ Правдѣ есть статьи, которыя даже и это послѣднее предположеніе дѣлаютъ сомнительнымъ: ст. 65-я «Аже межю перетнетъ бортную, или ролеіную разореть..... то 12 гривень продажи»; ст. 66-я «Аже дубъ подотнетъ знаменьный или межъный, то 12 гривень продажи». Здѣсь наивысшимъ, какой только упоминается въ Русской Правдѣ, штрафомъ карается самовольное уничтоженіе границы: слѣдовательно, это считалось очень тяжкимъ проступкомъ, т. е. чувство собственности было развито довольно сильно по отношенію къ землѣ. Врядъ ли въ общинѣ, съ ея частыми передѣлами, могло быть что-либо подобное: тамъ земля, *de iure*, принадлежитъ всѣмъ, хотя и раздѣлена на участки, находящіеся въ пользованіи отдѣльныхъ лицъ; въ западно-европейскихъ общинахъ среднихъ вѣковъ существовалъ даже обычай — снимать загородки, отдѣлявшія участки одинъ отъ другого, послѣ жатвы. (См. *Maurer* „Einleitung

zur Geschichte der Mark etc. Verfassung“, S. 76). Разрушение такой временной, условной межи не могло считаться особенно важнымъ правонарушениемъ. Притомъ, тяжба по такому поводу могла произойти только между сосѣдями односельчанами, т. е. членами одной общины: въ такомъ случаѣ ее разбиралъ бы общинный судъ, а не княжескій судья, какъ это было въ дѣйствительности. Какъ видимъ, есть основаніе предположить, что здѣсь рѣчь идетъ о частной собственности. Возможно даже, что не только бортовые угодья или пашня, но даже лѣсъ и лугъ были предметомъ личнаго владѣнія. Что такое «знаменьныи» или «межныи дубъ» статьи 66-й? М. Ф. Владимірскій - Будановъ считаетъ «знаменьныи» дубъ — бортью (клейменной), а «межныи» деревомъ, обозначающимъ границу луговъ, но не приводитъ никакихъ доводовъ въ пользу своего мнѣнія. Быть-можетъ, такъ называлось то дерево, которое обозначало границу лѣсного участка. Нѣкоторое указаніе даетъ и ст. 78-я: здѣсь украденное сѣно и дрова вычисляются *возами*. Законъ, стало-быть, имѣлъ въ виду такой случай, когда пропадаетъ большое количество дровъ или сѣна. Но увезти нѣсколько возовъ того или другого изъ мѣста, гдѣ они были сложены, — операція хлопотливая и очень замѣтная; если принять въ расчетъ малую цѣнность продукта, то придется признать, что такъ трудиться и рисковать изъ-за такой ничтожной прибыли врядъ ли могли найтись охотники: наоборотъ, выкосить нѣсколько возовъ сѣна, или сдѣлать большую порубку можно постепенно, и, при плохомъ надзорѣ, незамѣтно. А это толкованіе 78-й статьи, конечно, предполагаетъ владѣльца лѣса или луга.

Все это только предположенія: но нужно замѣтить, что о недвижимыхъ имуществахъ Правда говоритъ вскользь, на что, быть-можетъ, были какія-либо особыя основанія. Во всякомъ случаѣ, въ разбираемомъ памятникѣ довольно ясно обнаруживаются слѣдующіе виды частной недвижимой собственности: 1) дворъ (ст. 65 и 79*), 2) по всей вѣроятности, — пашня и угоды и 3), можетъ-быть, лугъ и даже лѣсъ (по крайней мѣрѣ, болѣе цѣнныя породы, напр. дубъ)**).

Б. Движимость. О движимыхъ имуществахъ Правда говоритъ гораздо больше, нежели о недвижимыхъ, и гораздо подробнѣе. Среди движимости первое мѣсто, по цѣнности, занимаетъ *челядь*, рабы. Холопъ цѣнился въ $2\frac{1}{2}$ раза дороже самаго дорогого вида скота, — лошади: за убитаго холопа (ст. 13) хозяину платилось 5 гривенъ вознагражденія, а за лошадь 2 гривны (ст. 40). Этой сравнительной дороговизной рабовъ объясняются и тѣ особыя гарантіи, какими было обставлено ихъ приобрѣтеніе. Покупка холопа совершалась съ нѣкоторыми формальностями, въ присутствіи свидѣтелей, *послуговъ*, которые выслушивали сдѣлку (ст. 102): этимъ замѣнялся письменный актъ. Чтобы съ точностью обозначить моментъ, когда купленный рабъ становится собственностью покупателя, была установлена (вѣроятнѣе всего, обычаемъ, а не правительствомъ) символическая передача на мѣстѣ торга небольшой суммы денегъ, ногаты (монета въ $2\frac{1}{2}$ куны = $\frac{1}{20}$ гривны), въ знакъ того, что плата получена и покупатель можетъ взять холопа: «а ногату дать перель

*) Также 96, 94.

**) Срв. выше мнѣніе П. Л. Дювернуа на стр. 477.

самѣмъ холопомъ». Рабъ былъ привилегированной собственностью, которую законъ особенно строго охранялъ: если кто, даже неумышленно, по олошности, поможетъ холопу бѣжать, то платитъ штрафъ, и, притомъ, очень большой: 4 или 5 гривенъ (за рабу, см. ст. 107). А если кто сознательно, зная, что холопъ бѣглый, дастъ ему хлѣба или укажетъ дорогу, тотъ платитъ господину такое же вознагражденіе, какое заплатилъ бы за убійство этого холопа, — 5 гривенъ (ст. 106. Ср. ст. 11, 13)*). За кражу (равнымъ образомъ и за убійство) холопа полагается очень высокій штрафъ — 12 гривенъ, — выше котораго въ Правдѣ и нѣтъ (ст. 34). При этомъ розыскъ укравшаго ведется гораздо настойчивѣе и тщательнѣе, чѣмъ розыскъ человѣка укравшаго какую-нибудь вещь. Если украденная вещь была продана, покушникъ могъ сказать, что онъ не знаетъ, у кого купилъ, и, отдавъ вещь, отдѣлаться отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности, если фактъ покупки былъ подтвержденъ 2 свидѣтелями или сборщикомъ податей (ст. 32). Если украденъ былъ челядинъ, то купившій его не могъ отдѣлаться такимъ образомъ: «а то есть не скоть, нѣ лзѣ рчи: не вѣдѣ, оу кого есмь купилъ» (ст. 33): это не скоть, нельзя сказать: не знаю, у кого купилъ — очевидно, потому, что при сдѣлкѣ на холопа всегда бываютъ послухи

*) Впрочемъ, въ статьѣ 26-й за укрывательство бѣглаго челядина, т. е. за болѣе тяжкую вину, караемую штрафомъ въ 3 гривны, не назначено никакого вознагражденія хозяину, если убѣжавшій налицо. Это даетъ поводъ думать, что и по ст. 106—107 вознагражденіе платилось только въ такомъ случаѣ, если холопу, *благодаря оказанной ему помощи*, удавалось совсѣмъ скрыться отъ хозяина.

(ст. 102). Въ этомъ случаѣ «сводъ», т. е. отыскиваніе вора, всегда идетъ до конца (исключеніе см. въ ст. 35).

Цѣнность холоповъ опредѣлялась ихъ экономическимъ значеніемъ, или же большею или меньшею трудностью ихъ замѣны: за ремесленника (ст. 12), за раба — дядьку (кормилца, ст. 14), за сельскаго тјуна (приказчика) полагалось 12 гривенъ вознагражденія; за простого холопа — 5 гривенъ. Раба почему то цѣнилась нѣсколько дороже холопа — въ 6 гривенъ: объясненія этому, можетъ-быть, нужно искать въ извѣстіи Ибнъ-Фодлана, — что невольницы составляли главную статью русской отпускной торговли того времени. Особенно высоко оцѣнены княжескіе: конюхъ и поварь, — если только это были рабы, а не свободные служители, какъ можно подумать, судя по высотѣ вознагражденія (или виру?) — 40 гривенъ (ст. 9).

Изъ другихъ видовъ движимости, Правда больше всего говоритъ о скотѣ и домашней птицѣ (ст. 27—30; 37; 38—41; 53; 56—77). Выше всего цѣнились лошади: конь, т. е. жеребецъ, въ 2 гривны (а княжескій даже 3), кобыла въ 60 кунъ (= 1 гривна 10 кунъ; въ Тронцкомъ спискѣ, вслѣдствіе описки, стоитъ 7 кунъ). Волъ стоилъ гривну, корова — 40 кунъ ($\frac{4}{5}$ гривны) и проч. (см. ст. 40 и 41). Охотничій ястребъ или соколъ былъ въ одной цѣнѣ съ воломъ — за него взыскивалась гривна (ст. 75), тогда какъ за голубя или курицу брали 9 кунъ, за утку, гуся, лебедя или журавля — 30 (ст. 76—77). Здѣсь, очевидно, какъ и въ нормировкѣ вознагражденія за рабовъ, имѣла вліяніе большая или меньшая трудность замѣны утраченной собственности: дрессиро-

ванную охотничью птицу труднѣе найти, чѣмъ курицу или гуся.

Любопытный видъ собственности мы встрѣчаемъ въ статьѣ 62-й: «Аже украдетъ кто *бобръ*, то 12 гривенъ (т. е. продажи)». Очевидно, бобръ, животное не домашнее, попалъ въ разрядъ частной собственности, благодаря особеннымъ условіямъ, въ которыхъ находилась Русь этой эпохи. Здѣсь мы находимъ вліяніе важнѣйшаго фактора экономической жизни русскихъ славянъ, — заграничной торговли: русская земля тогда была главнымъ мѣховымъ рынкомъ для Византіи и Востока. Вліяніе этого фактора вообще очень сильно отразилось на «Русской Правдѣ», — результатомъ его явился цѣлый рядъ постановленій, очень характерныхъ для того общества, которое ихъ выработало. Это — статьи, касающіяся капитала, къ которымъ мы теперь и переходимъ.

Прежде всего останавливаются на себѣ вниманіе названія денегъ, встрѣчающіяся въ Русской Правдѣ. Въ древнѣйшихъ статьяхъ (напр. Акад. 14, 17) мы находимъ слово «скоть» съ несомнѣннымъ значеніемъ металлическихъ денегъ: «Аще боудеть обидя не вдаль боудеть достоино емоу свои *скоть*, а за обиду *3 гривны*» (Акад. 14. Ср. тамъ же 17.), или: «А иже изломить копье, любо щить, любо портъ, а начнетъ хотѣти его деръжати оу себе, то пріати *скота* оу него; а иже есть изломилъ, аще ли начнетъ примѣтати, то *скотомъ* емоу заплатити колько даль боудеть на немъ». Это названіе мѣновой единицы (встрѣчающееся и въ другихъ языкахъ — нпр. *rescipia*) славяне принесли съ собою, вѣроятно, изъ прикарпатской области, когда еще скотоводство было ихъ главнымъ занятіемъ. Осѣвши на торговомъ пути изъ Варягъ

въ Греки, славяне быстро втянулись въ кругъ торговыхъ сношеній Византіи и восточныхъ народовъ, и изъ скотоводовъ стали купцами и промышленниками. Лѣсистый характеръ занятыхъ ими областей опредѣлили предметъ ихъ торговли и промысловъ: это были (не считая невольниковъ) мѣха, медь и воскъ, — особенно мѣха. Съ этимъ связано появленіе новой мѣновой единицы, — куницы или «куны», — всего чаще встрѣчающейся въ Правдѣ. Этими двумя названіями выразились два слоя экономическихъ понятій русскихъ славянъ. Само собою разумѣется, что въ Правдѣ они сохранили только значеніе терминовъ: «куны» — это деньги вообще, «скоть» — се ребро.

Но вліяніе заграничной торговли выразилось не въ однихъ терминахъ: она вызвала цѣлый экономическій переворотъ, слѣды котораго мы также находимъ въ Правдѣ. Этотъ переворотъ заключался въ быстромъ переходѣ отъ натурального хозяйства къ денежному, слѣдствіемъ чего являются двѣ особенности «Русской Правды», весьма необычныя для первобытнаго общества: выдающееся и отчасти даже привилегированное (ст. 44) положеніе въ обществѣ купцовъ, какъ владѣльцевъ денежнаго капитала, и рядъ узаконеній о ростѣ, показывающихъ, что этотъ вопросъ былъ въ то время очень разработанъ. Въ самомъ полномъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ Правды число постановленій, относящихся къ росту, доходитъ до 23 (Карамз. сп. ст. 47—67, 69, 111). Ростъ («рѣзъ») былъ очень высокъ, несмотря на старанія правительства (дѣйствовавшего въ этомъ случаѣ, вѣроятно, подъ вліяніемъ церкви, всегда возстававшей противъ ростовщичества) его ограни-

читать (ст. 48, 66, 69): $20\frac{0}{100}$ (а можетъ быть и 40) считались вполне законною прибылью *): «Аже кто емлетъ по 10 кунъ отъ лѣта на гривну, то того не отмѣтати» (ст. 49). Въ статьѣ 49-й и слѣд., до 65, по Карамз. списку вычисляется примѣрно приплодь различнаго скота, — т. е. тоже своего рода ростъ, та прибыль, какую могъ принести скотъ. Съ 22 овецъ за 12 лѣтъ приплодь, по этому счету, равняется: 90112 овецъ и столько же барановъ, что на деньги составляло 45055 гривенъ кунъ. Конечно, это примѣрный расчетъ: «нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы долги взыскивались по такому расчету въ дѣйствительности», говоритъ М. Ф. Владимирскій-Будановъ. Но какъ бы то ни было, самое существованіе такого расчета показываетъ дороговизну капитала, все равно, заключался ли онъ въ деньгахъ, или въ скотѣ

Изъ другихъ постановленій о ростѣ любопытна статья 111. Здѣсь говорится, что «рѣзъ» съ капитала, принадлежащаго сиротамъ, идетъ опекуну: «а что срѣзистъ товаромъ или пригостить, то то ему себѣ» — въ вознагражденіе за содержаніе сиротъ: наоборотъ «оже отъ челяди плодь или отъ скота, то все поимать лицемъ». Повидимому, въ такомъ разграниченіи двухъ родовъ прибыли выразился взглядъ общества на происхожденіе собственности: чтобы получить прибыль на деньги или товаръ, надо торговать, гостить, т. е. хлопотать и трудиться: вотъ почему такую прибыль считали справедливейше отдать опекуну, трудами котораго она приобрѣтена. Наоборотъ, приплодь отъ челяди или скота является самъ

*) Здѣсь можетъ быть споръ о томъ, идетъ ли тутъ рѣчь о болѣе древней кунѣ ($\frac{1}{25}$ гривны) или о новѣйшей ($\frac{1}{50}$ гривны)? Въ первомъ случаѣ законный ростъ = $40\frac{0}{100}$, во второмъ — $20\frac{0}{100}$.

собою, хозяинъ тутъ ни при чемъ: такую прибыль можетъ получить и человекъ не трудящійся. Здѣсь сказалося представленіе о собственности, какъ о результатѣ труда, представленіе, не чуждое самымъ первобытнымъ народамъ: даже дикари, у которыхъ все имущество составляетъ собственность цѣлаго племени, признають за отдѣльнымъ лицомъ права на оружіе и одежду, которыя онъ самъ сдѣлалъ.

ХІХ. ВНУТРЕННЯЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИ- МИРА МОНОМАХА.

(*М. С. Грушевскій. «Очеркъ исторіи Кіевской земли». Кіевъ 1891).*

Мономахъ достигъ небывалаго въ эпоху очередного порядка княжескаго владѣнія (время между половиной XI-го и началомъ XIII-го вѣка) могущества и вліянія. Онъ соединилъ въ своихъ рукахъ, или, вѣрнѣе въ рукахъ своей семьи, по крайней мѣрѣ три четверти тогдашней Руси, при чемъ эти владѣнія составляли сплошную территорію. При этомъ онъ уже не удовлетворялся относительно другихъ князей положеніемъ перваго между равными; формулу великокняжеской власти «въ отца мѣсто», формулу очень неопредѣленную, онъ приложилъ къ нимъ, такъ сказать, въ наибольшемъ ея объемѣ. Онъ требуетъ отъ прочихъ князей настоящаго повиновенія: такъ Ярославъ Святополчичу онъ приказываетъ являться на зовъ: «и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему къ собѣ приходити, когда ты позову»; Глѣбу возвращаетъ удѣлъ подъ условіемъ полнаго повиновенія: «и общася Глѣбъ (Всеславичъ) по всему послушати Володимера», а не просто спокойствія; черниговскіе князья участвуютъ въ походахъ, принимавшихся въ частныхъ интересахъ Мономаха. То же властное отношеніе видимъ мы по отношенію къ новгородской общинѣ: «приведе Володимеръ съ Мъстиславомъ вся бояры новгородскыя

Кыеву, и заводи я къ честиному хресту, и пусти я домовъ, а инья у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрѣчу, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся». Но при этомъ Мономахъ политику свою облакаетъ въ совершенно легальную форму и старается всегда имѣть общественное мнѣніе на своей сторонѣ; любопытнымъ примѣромъ служить столкновение его съ Ярославомъ: правда была едва ли не на сторонѣ послѣдняго, а въ глазахъ общества, по крайней мѣрѣ извѣстной части его, Ярославъ является бунтовщикомъ противъ стрыя и тестя (Мстислава), и по представленіямъ лѣтописнаго свода, Богъ помогаль смиренному Мономаху противъ надменнаго Ярослава.

Правленіе Мономаха, равно какъ и его преемника — Мстислава, было одною изъ самыхъ благополучныхъ страницъ въ исторіи Кіевщины. Благодаря ихъ политикѣ, послѣдняя все время пользовалась внѣшнимъ спокойствіемъ; ни половецкихъ набѣговъ, ни вторженій сосѣднихъ князей не слышно. Внутри, что еще важнѣе, существовала большая солидарность между княземъ и земствомъ: Мономахъ отличался необыкновенною внимательностью къ земству, къ его мнѣніямъ и желаніямъ, осуществляя послѣднія въ своей дѣятельности; онъ является идеаломъ князя-нарядника, который самъ входитъ во все, не полагаясь на отроковъ и тиуновъ, который тщательно заботится, чтобы населеніе не терпѣло обидъ отъ его помощниковъ; при дурной славѣ, которой пользовались послѣдніе, это въ князѣ было большимъ достоинствомъ. Съ населеніемъ Мономахъ обращался радушно и привѣтливо; наконецъ, въ противоположность корыстолюбивому Святополку

Изяславичу, онъ отличался большою щедростью: это была черта тоже очень симпатичная населенію и особенно дружинѣ. Имена Владимира и Мстислава сдѣлались синонимами излюбленныхъ землею князей, и потомство ихъ окружалось этимъ ореоломъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши о внутренней дѣятельности Мономаха и жизни страны за это время весьма скудны и случайны.

Весьма важнымъ и популярнымъ дѣломъ были сдѣланныя при Мономахѣ прибавленія *) къ «Русской Правдѣ». Прямое указаніе на принадлежность Мономаху имѣемъ только относительно закона «о рѣзѣ», которымъ былъ опредѣленъ нормальный процентъ; законъ этотъ былъ составленъ по совѣщанію съ дружиною, съ участіемъ посла отъ Олега Святославича — вѣроятно вскорѣ по вокняженіи Мономаха, въ связи съ народнымъ движеніемъ противъ евреевъ. Довольно вѣроятно предположеніе, что Мономаху принадлежатъ еще законы о должникахъ и закупахъ, которые въ огромномъ большинствѣ списковъ слѣдуютъ непосредственно за статьями «о рѣзѣ»; первые касаются банкротства, а законы о закупахъ регулируютъ отношеніе ихъ къ хозяевамъ и гарантируютъ отъ злоупотребленій со стороны послѣднихъ. Законы Мономаха такимъ образомъ имѣли цѣлью облегчить тяжелыя экономическія условія, въ которыхъ находилось современное населеніе, благодаря предшествовавшимъ набѣгамъ, усобицамъ и т. под.; Мономахъ шелъ навстрѣчу тому экономическому протесту, который населеніе заявило при его вокняженіи своимъ движеніемъ противъ евреевъ и бояръ, равнымъ об-

*) См. статью 48-ю по Троицкому списку (выше на стр. 431 и 456).

разомъ навстрѣчу церковной проповѣди противъ взиманія роста *). Мономаху же приписываютъ еще нѣкоторые законы, изъ которыхъ наиболѣе важные касаются холопства.

Въ связи съ этими экономическими мѣрами стоитъ извѣстіе Татищевскаго свода объ изгнаніи евреевъ изъ Руси. По словамъ его, кіяне просили у Мономаха управы на евреевъ, которые отняли у христіанъ всѣ промыслы и многихъ совращали въ свою вѣру; населеніе хотѣло побить евреевъ, но Момахъ предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе князей. На сѣздѣ у Выдубича князья постановили выслать всѣхъ евреевъ изъ Руси и впредь не впускать, а если тайно войдутъ, вольно ихъ грабить и убивать. Евреи были немедленно высланы отовсюду, но многіе на пути побиты и ограблены своевольными: «съ сего времени жидовъ въ Руси нѣтъ, и когда которой пріѣдетъ, народъ грабить и побиваетъ». Ив. Малышевскій въ своемъ спеціальному изслѣдованіи «Евреи въ Южной Руси и Кіевѣ въ X—XII вв.» считаетъ этотъ рассказъ сочиненнымъ на

*) Вотъ что говорить, напр., кievскій митрополитъ Никифоръ I, родомъ грекъ и сидѣвшій на митрополіи съ конца 1103 г. до начала 1121 г., въ поученіи въ недѣлю сырпусетную:

«Очистилъ ты есть Христось крещеніемъ и омы твоя скверны: паки ли осквернился грѣхи? Паки ли омазася? Паки ли огнишати сгруппы злобы? Прослезися, горько восплачися, воздохни, всяку потерпи сграду на земли — леганіе, бдѣніе, неяденіе, — крѣпки молитвы покажи, пѣніе, милостыню къ нищимъ, отдаждь должникомъ долги. Аще ли то немошно, поне да великій рѣзь остави, еже яко же змія извѣдають окаянніи убогія. Аще ли постишися, емлеши рѣзь на братѣ, никоєя же ти пользы бысть; поста бо ся мниши себѣ, а мясо ядѣй, — не мясо овчая, ни инѣхъ скотѣ, ихъ же ти повелѣно, но плоть братню; рѣжа бо жили и закалая его злымъ ножемъ — лихоиманіемъ неправедныя мзды тяжкаго рѣза .

Ред.

основаніи извѣстія лѣтописнаго свода *) о разграбленіи евреевъ, но самый фактъ изгнанія евреевъ изъ Кіева находитъ весьма вѣроятнымъ. Было ли такое изгнаніе или нѣтъ, пока рѣшить мы не можемъ; вполне вѣроятно, что погромъ 1113 г. повліялъ на уменьшеніе еврейской колоніи въ Кіевѣ, хотя евреи жили здѣсь и позже — это видно изъ существованія еврейскаго квартала «Жидовъ».

То обстоятельство, что Мономахъ владѣлъ множествомъ волостей, такъ что въ его рукахъ, напри- мѣръ, находился весь великій водный путь днѣ-провско-балтійскій, имѣло, конечно, тоже не малое значеніе для Кіева; оно облегчало сношенія и благопріятствовало кіевской торговлѣ. Сообщеніе съ правымъ берегомъ Днѣпра было облегчено, благода- ря мосту черезъ Днѣпръ, который выстроилъ Мо- номахъ вскорѣ по вокняженіи.

О проявленіяхъ народовластія, объ участіи народа въ управленіи лѣтописный сводъ молчитъ. Это и по- нятно. Народъ проявлялъ свою правительственную власть въ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе дѣлъ каза- лось ему не нормальнымъ и требовало вмѣшатель- ства. Если же этого не было, если народъ чувствовалъ довѣріе къ князю, то, полагаясь на него, предоста- влялъ ему полную свободу дѣйствій. Мономахъ, а за нимъ и Мстиславъ, навѣрное, пользовались ши- рокою властью въ землѣ, верша своею волею или только для формы справляясь съ мнѣніемъ народа въ такихъ вопросахъ, которые въ другихъ случаяхъ являются подъ контролемъ вѣча, какъ, напри- мѣръ, созывъ земскаго ополченія; благодаря этому, опол-

*) Ипат. подъ 1113-мъ годомъ: «княни же разграбиша дворъ Путятинъ тысячьского, идоша на жиды и разграбиша я».

ченія вѣроятно участвовали во многихъ походахъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ самой Кіевской землѣ.

19 мая 1125-го г. скончался Мономахъ, «братолюбець, и нищелюбець, и добрый страдалецъ за Рускую землю», послѣ двѣнадцатилѣтняго княженія въ Кіевѣ, на семьдесятъ третьемъ году жизни; по словамъ лѣтописнаго свода, «святителѣ же жалящеси плакахуся по святомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людие по немъ плакахуся, якоже дѣти по отцю или по матери, плакахуся по немъ вси людие». Народъ оплакивалъ князя, «иже просвѣти Рускую землю, акы солнце луча пуцая», «его же имене трепетаху вся страны».

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.
КУЛЬТУРНЫЙ СТРОЙ КІЕВСКОЙ РУСИ.

XX. ПОСЛАНІЕ КІЕВСКАГО МИТРОПОЛИТА
ІОАННА ВТОРОГО.

(По тексту, изданному въ VI-мъ томѣ *Русской Исторической Библиотеки*. Спб. 1880).

Кіевскій митрополитъ Іоаннъ II, грекъ, прибыль въ Русь не позднѣе 1077 г. и умеръ въ 1089 г. Лѣтопись, говоря о его смерти, даетъ очень хвалебный о немъ отзывъ: «Бысть же Іоанъ мужъ хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогымъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому — богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печалныя, — и сякого не бысть преже в Руси, ни по немъ не будетъ сякъ». Онъ написалъ посланіе къ Іакову Черноризцу, принадлежащее къ разряду такъ называемыхъ *каноническихъ отвѣтовъ* (*ἀποκρίσεις χανονικάι*), какіе по временамъ писались на востокъ предстоятелями церквей на предложенные имъ вопросы и которые являлись руководствами по дѣламъ церковнымъ на разные случаи. Слогъ посланія Іоанна II крайне невразумителенъ; содержаніе весьма разнообразно и не отличается порядкомъ. Всѣ правила, изложенныя въ посланіи, можно подраздѣлить на четыре категоріи: въ *однихъ* дѣло идетъ

непосредственно о вопросах вѣры и священнодѣйствій, въ *другихъ* — о іерархіи и вообще духовенствѣ, въ *третьихъ* — о дѣлахъ брачныхъ, семейныхъ и домашнихъ, и наконецъ, въ *четвертыхъ* — объ отношеніяхъ православныхъ къ латинянамъ, евреямъ и язычникамъ. Посланіе Іоанна II — одинъ изъ источниковъ для ознакомленія съ разными сторонами культурнаго строя кіевской Руси. Вотъ наиболѣе любопытные отрывки изъ него.

Іоана, митрополита русьскаго, нареченаго пророкомъ Христовымъ, написавшаго правила церковная отъ святыхъ книгъ въ кратыцѣ Якову черноризьцю.

1) Въпросилъ еси: якоже новородившюся дѣтищю болно будеть, яко не могущу ни ссати матере прияти, достойтъ ли его крестити? Рекохомъ: якоже здравому въ третье лѣто или боле повелѣша святии отци ждати; незапныхъ ради въсхыщение смертное, и миѣ сего времени обрѣтаемъ повелѣвающю. А иже отинудь болно, осмы днии повелѣваемъ и боле сего малы. Дажь не отидуть несвершени, симъ младенцемъ во-иже день или смерть належитъ незапная, или в кьи часъ, крестити же болнаго сего дѣтища.

2) Доилици инои не обрѣтаючися, якоже въпросилъ еси, оже за 40 донъ, и не чисту суццю матеръ, да не бес кормли оумреть младенецъ, достойтъ ли матеръ свою ссати? — Луче бо оживити, нежели многымъ въздержаньемъ погубити.

3) А еже емлемыя животины отъ пса, ли отъ звѣри, или отъ орла, или отъ иноя птицѣ, а оумираеть,

аще не зарѣзано будетъ человѣкомъ, якоже божествини отци повелѣша, не подобаетъ ѣсти. Прилежи паче закону, неже обычаю земли. Тоже бо соблюдеши и звѣриядинымъ.

4—6)

7) Иже волхвованья и чародѣянья творяще, аще мужю и женѣ, словесы и наказаньемъ показати и обратити отъ злыхъ; якоже отъ зла не преложаться, яро казнити на възбраненье злу, но не до смерти убивати, ни обрѣзати сихъ тѣлесе: не бо принимаетъ сего церкѣвное наказанье и оученье.

8—14)

15) И еже жрутъ бѣсомъ и болотомъ и кладязямъ, и иже поймаются, безъ благословенья счѣтаются, и жены отмѣтаются, и своѣ жены пушаютъ и прилѣпляются инѣмъ, иже не принимаютъ святыхъ тайнъ ни единью лѣтомъ, аще не отъ отца духовнаго связаны будутъ ни причащаются, — и ты вѣси явѣ тѣмъ всѣмъ чюжимъ быти нашея вѣры, отвержени сборныя церкви. И всею силою потщися възбранити и направляти на правую вѣру: имѣи к нимъ наказанье и поученье не единою, ни двожьдъ, но различьно, дондеже увѣдають и разумѣють воистину и добру научаться. Не покоряющеже ся и своя злобы не останучеса, чюжа имѣти отъ сборныя церкви, и нашихъ заповѣдii недостойны и непричастны.

16) Иже сходяще к мирьскимъ пиромъ и пьютъ, и іерейску чину повелѣвають святни отци благообразнѣ и съ благословениемъ приимати предлежащая; игранье и плясанье и гуденье входящимъ, встати симъ, да не осквернятъ чювства видѣньемъ и слышаньемъ, по отечьску повелѣнью; или отинудь отмѣтатися тѣхъ пировъ, или в то время отходити,

аще будетъ соблазнъ великъ и вражда несмирона пщеваньнѣ мнѣтся.

17) Иже третю поялъ жену, и іерей благословиль, вѣдая или не вѣдая, да извржеться

18)

19) А иже ядять с погаными не вѣдая, молитву творити на оскверненье токмо, и тако приимати достоинь *).

20—23).

24) Иже в пирѣхъ пити цѣлюущесе съ женами бе-смотрѣннѣ мнихомъ и бѣлцемъ, въ 22-й главѣ иже въ Никыи второго сбора божественнымъ отцемъ, повелѣвшимъ мнихомъ и іерѣемъ со инѣми богобоязными и честными мужи, аще и с женами, обѣдаютъ, да и то совокупленья на совершенье духовное да будетъ. Такоже и съ ближними. И на путь шествующе требованье нудить, невѣзбранно вкупѣ или в гостинници **) или въ домъ нѣкоего внидуть невѣзбранно. И бѣлцемъ жены имѣюще и дѣти вкупѣ обѣдати невѣзбранно, кромѣ начинанья игранья, и бѣсовскаго пѣнья, и блуднаго глумленья: сѣя оубо въ опитемѣи введуть, иже по смотрѣнью твоему и по образу комуждо и по лицу наведи.

25—27)

28) Иже своєю волею ходять к поганымъ коупля ради, и скверное ѣдять, сихъ отвѣщаваемъ въсхыщники, и лихоиманники, и неправедники, и мездники, и сребролюбца; нѣсть правило оулучая, аще и велика суть сгрѣшенья, иже имѣнья ради, или скотолюбья ради с погаными оскверняются иже с ними пребываньемъ и дѣяньемъ, отъ церкви не възбраня-

*) Отвѣтъ 22-ой см. выше на стр. 415. 416.

**) Срв. выше на стр. 436.

ются, но токмо молитвами и моленьемъ да очистят-
ся, и тако причащеня благаго примуть; но подо-
баеть выну наказанье имъ дати и оучити соуангель-
ское слово внушати: о горе вамъ, яко имя мое васъ
ради хулу приимаеть въ языцѣхъ.

29)

30) Якоже еси реклъ, оже не бываетъ на простыхъ
людехъ благословенье и вѣнчанье, но боляромъ ток-
мо и княземъ вѣнчатися; простымъ же людемъ, яко
и меньшицѣ поймають жены своя с плясаньемъ и гу-
деньемъ и плесканьемъ, разумъ даемъ всякъ и ре-
чемъ: иже простии закони простыцемъ и невѣжамъ
си творять совкупление; иже кромѣ божественныя цер-
кви и кромѣ благословеня творять свадьбу, таино-
поимание наречеться: иже тако поймаются, якоже
блудникомъ епитемью дати.

31—34)

XXI. ПАТЕРИКЪ ПЕЧЕРСКИИ.

(По текстамъ, изданнымъ В. Яковлевимъ въ «Памятникахъ русской литературы XII и XIII вѣковъ». Спб. 1872).

I.

ИЗЪ ЖИТІЯ ѲЕОДОСІЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРСКАГО
МОНАСТЫРЯ *).

*Мѣсяца мая въ 3 день житіе
преподобнаго отца нашего Ѳео-
досія игомена печерскаго мона-
стыря. Господи, помилуй отче.*

.....

Градъ есть, отстоя Кіева, града столнаго, 8 поприщъ, именемъ Васильевъ. В томъ бѣста родителя святого, въ вѣрѣ христіанстей жовоуца и всякимъ благочестіемъ украсена. Родиста же блаженнаго дѣтища сего, таче въ 8-й день принесоша и къ іерею божію, якоже обычаи есть христіаномъ, да имя нарекутъ дѣтищу; прозвутерь же, видѣвъ дѣтище и сердечныма очима прозря, еже о немъ, яко хочеть измлада богу датися, Ѳеодосіемъ того нарицаеть.

*) Во введеніи къ житію (на стр. I—LXXII) авторъ пишетъ: Си на оумѣ азъ, грѣшныи *Нестеръ*, принѣмъ и оградився вѣрою и оупованіемъ (и), яко вся възможна отъ тебѣ соуть, и начатокъ слову списанія положихъ, еже о житіи преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, бывша игомена монастыря святыя владычицы нашея богородицѣ, его же день оуспенія нынѣ празднующе и память чтемъ, се же яко же, о братіе, въспоминающю житія преподобнаго, не соуще списано ни отъ кого же, печалію по вся дни съдержимо бѣхъ и молихся Богу, да сподобитъ ми вся поряду

Таче, яко мишоуша 40 дні дѣтищу, крещеніемъ того окрестиша. Отроча же, кормимъ родителема своима, и благодать божія с нимъ (бѣ), духъ божіи измлада вселися в онь. Кто исповѣсть ми милосердіе Божіе. Се бо избра не отъ премудрыхъ философъ, ни отъ властелинъ града пастуха и оучителя инокомъ. Но да и о семъ прославиться имя господне, яко гроубъ сый и невѣжа премудре философъ являе. О оутаенная таино, яко отъ всѣхъ странъ видѣвше свѣтъ-ние ея, тещи к ней, презрѣвше тоя единая свѣта насытитися... О благодати божія, еже бо исперва мѣсто назнаменовавъ и благословивъ, пажити сътвори на немъ же хотяше паствитися стадо словесныхъ овецъ дондеже пастуха избра. Бысть же родителема блаженнаго преселитися въ инъ градъ, Коурскъ нарицаемъ, князю тако повелѣвшу, паче же реку, сице богу изволшу, да и тамо добляго отрока житіе просіаеть; намъ же, яко же есть лѣпо, отъ всѣтока деньница въздетъ, събра окрестъ себе ины

описати о житіи, богоноснаго отца нашего Θεодосіа (стр. I—II); въ заключеніи авторъ опять говоритъ себѣ: «се бо, елика же быша о блаженнѣмъ и велицѣмъ отци нашемъ Θεодосіи, опытоваая, слышахъ отъ древнихъ мене отецъ, бывшихъ в то время, та же и вписахъ азъ, грѣшныи *Нестеръ*, мніи всѣхъ в монастыри преподобнаго отца нашего Θεодосіа, пріятъ же быхъ в онъ преподобнымъ игоуменомъ Стефаномъ (срв. стр. LXII: «се же яко по умертвіи блаженнаго отца нашего Θεодосіа, Стефанъ же игоуменство пріимъ»), яко же отъ того постриженъ бывъ и мнишескіа одежи сподобленъ, паки же и на діаконскіи санъ отъ него възведенъ сый, ему же не бѣхъ достоинъ, грубъ сый и невѣжда (невѣгдася)... Тѣмъ же... покусихся, иже отъ гроубости сердца моего, яже о немъ слышахъ, вписахъ отъ многихъ малая» (стр. LXIII—LXIV). Срв. ниже на стр. 553, 559 и 562. Патерикъ имѣется въ переводѣ: «Кіево-печерскій патерикъ по древнимъ рукописямъ». Въ переложеніи на современный русскій языкъ Маріи Викторовой. Кіевъ. 1870.

многи звѣзды, ожидаючи солнца праведнаго христа бога, и глаголющаго: се азъ владыко, и дѣти, яже възпита духовнымъ брашномъ и се, господи, оученици мои, се бо сіа ти приведохъ и научихъ вся житейская презрѣти и тебе единого бога и господя възлюбить. Се владыко, словесныхъ твоихъ овецъ стадо, имъ же мя пастыря сътворилъ есть, еже оупасохъ на божественей твоей пажити, сіа ти приведохъ, съблю чистыи и непорочныи. Таче к нему господь: рабе благыи и вѣрне, оумноживы преданныи ти талантъ; тѣмже приими оуготованныи ти вѣнецъ и вниди в радость господя своего; и къ оученикомъ его речеть: приидѣте, благое стадо, добляго пастыря словесныхъ овецъ, иже мене ради алкавшя и трудившеса, примѣте оуготованное царство отъ сложенія миру; тѣмже и братіе потщимся ревнителі быти и подражателі житію преподобнаго Феодосія и оученикомъ его, ихъ же тогда пред собою къ богу посла, да тако сподобимся гласъ онъ слышати, еже отъ владыкы и вседръжителя речеть: приидѣте благословенніи отца моего, примѣте оуготованное вамъ царствіе.

Мы же паки поидемъ на перво исповѣданіе святого сего отрока. Ростыи оубо тѣломъ и душею, влекомъ на любовь божію, и хожаше по вся въ церковь божію, послушая божественныхъ книгъ съ всѣмъ вниманіемъ; аще же и дѣтемъ играющимъ неприближающихся, яко обычаи есть оунымъ, но и гнушашесь играными ихъ. Одежа же бѣ худа и сплечена, о семъ же многожды родителема его нудяцима его облещися въ одежду чисту, и на игры с дѣтми изысти; онже о семъ непослушаше ею, но паче изволи быти, яко единъ отъ оубогихъ; к симъ же и

датися веля на оученіе божественныхъ книгъ единому отъ оучитель, якоже и створивъ скорѣ извыче вся грамоты, яко всѣмъ чюдитися о премудрости и разума дѣтица, и о скоромъ его ученіи; покореніе же его и повиновеніе кто исповѣсть, еже стяжа въ оученіи своемъ, не токмо же къ оучителю своему, но и ко всѣмъ оучящимся. В тоже время отецъ его житію конецъ приать. Соущу тогда божественному Феодосію 13 лѣтъ: отъ толеже начать на труды подвижнеи быти, якоже исходити ему с рабы на село и дѣлати съ всякимъ смиреніемъ. Мати же его оставяше и, не веляше ему тако творити, моляше же и паки облачитися въ одежду свѣтлу, и тако исходити съ сверстники своими на игры, глаголаше бо ему, яко тако ходя оукоризну собѣ и роду своему сѣтвориши. Ономоу же о томъ непослушающуся, якоже многажы отъ великія ярости разгнѣватися нань и бити и; бѣ бо и тѣломъ крѣпка *) и силна, якоже и моужь, аще ли кто, не вѣдавъ ея, ти слышаше ю бесѣдующу. то начинаше мнѣти мужа соуща. К сямже паки божественныи оуноша мысляше како и кимъ образомъ спасетя.

Таче слыша паки о святыхъ мѣстахъ, идѣже господь нашъ плотію походи, и жадаше тамо итти и поклонитися имъ, и моляшеся господу глаголя: господи мои іисусе христе, оуслыши молитву мою и сподоби мя сходити въ святая мѣста твоя и поклонитися имъ. И тако многажды молящуся емоу, и се придоша странницы въ градъ ть, их же видѣвъ божественныи юноша и радъ бысть, текъ поклонися имъ и любезно цѣлова я и въспроси откуда соуть, камо идоуть; онем же рекшимъ, яко отъ святыхъ мѣсть есмы, и аще бо-

*) Срв. ниже стр. 553.

гу велящу, вспяти хоче оуже итти, святые же моляше я, да поимуть и вслѣдъ себе и сподуника створять съ собою. Они же обѣщася пояти съ собою и допроводити до святыхъ мѣсть. Таче слыша божественныи Феодосіа, еже обѣщася ему, радъ бывъ, иде в домъ свои. Егда хотяху страннии отъитти, възвестиша юноши отходъ свои. Онже вставъ ноцію и навѣдущю никоумуже, таи изыде из дому своего, не имыи оу себе ни что же, развѣ одежда, в ней же хожаше и таже худа. И тако изыде вслѣдъ странныхъ. Благыи же богъ не попусти ему изыти отъ страны сея, его же отъ чрева матерня и пастыря быти въ страны сеи богоглаголаныхъ овецъ назнамена, да не, пастырю убо отшедшу, опустѣеть пажить, юже богъ благослови, и терніе и волчець възрастетъ на ней, и стадо разидеться.

По трехъ бо днѣхъ, оувѣдавши мати его, яко съ странными отъиде, погна вслѣдъ его, токмо единого сына своего поимши, иже бѣ мніи блаженного Феодосіа, таче же яко погнаста поуть много и постигоша, яста и, и отъ ярости же и гнѣва мати его, имше и за власы, и поверже и на землю своими ногама пѣхашеть и. И странния же много укоривши, възвратися в домъ свои, яко нѣкоего злодѣа ведоущи связана. Тольми же бѣ гнѣвомъ одрѣжима, яко и в домоу приведши и би его, дондеже изнеможе; и по сихъ вшедши въ храмъ, и тоу привяза и, и затворивши и, тако отъиде. Божественныи же оуноша вся си с радостію пріямаше и бога моляще, благодаря о всѣхъ сихъ. Таче пришедъ по двою днію мати его, отрѣши и, и дастъ ему ясти. Еще же гнѣвомъ одрѣжима соущи, и възложи на нозы его желѣза, и тако повелѣ ему ходити, блюдоущи, да не

паки отбѣжитъ отъ нея, тако же створи дни многи ходя. Потомъ паки оумилосердися на нь, нача с молбою увѣщевати, да не отбѣжитъ отъ нея, любляше бо его зило, паче инѣхъ, и того ради не трѣпяще без него. Ономоу же обѣщавшуся ей не отъити отъ нея, сняла желѣза с ногу его, повелѣвши же ему по воли творити, еже хоцетъ.

Божественныи Феодосіи на прѣвныи подвигъ възвратися, и хожаше въ церковь божію по вся дни, ти видяше, яко многажды лишаеми соуци литургіи проскоурнаго ради непеченіа, жалаше си о томъ зило, и оумысли самъ своимъ смиреніемъ отлучити ся на то дѣло, еже и сътвори. Начать бо печи просвиры и продаяти, і еже аще пробоудеть ему къ цѣнѣ, то дадыше нищимъ, цѣною же паки коупляше жито, и своимъ руками измоловъ, паки просвиры творяше. Се тако богоу изволшу, да просвиры чисты приносятся въ церковь божію, отъ непорочнаго и несквернаго отрока. Сице же пребысть дванадесяте лѣта или боле творя. Всеи же сверстнии его отроки, роугающися ему, оукаряхоуть и о таковѣмъ дѣлѣ, и тоже врагу на то наоучающу я, блаженныи же си вся с радостію и с молчаніемъ приимаше. Ненавидяже добра врагъ, видя себе побѣждаема смиреніемъ благословеннаго отрока и непочиваше, хотя отвратити отъ таковаго дѣла, и се начать мать его поущати, да ему възбранитъ отъ таковаго дѣла. Мати бо, не терпящи сына своего въ такои оукоризни соуца, начать глаголати к нему с любовію: молю ти ся, чадо, останися таковаго дѣла, хулоу на родъ свой наносиши, и нетрѣплю бо слышати отъ всеѣхъ, оукоряему ти соуцу о таковѣмъ дѣлѣ, и нѣсть бо ти лѣпо таково дѣло дѣлати. Таче смиреніемъ блаженныи оуно-

ша отвѣщеваше, глаголя: о мати, молю ти ся, послоушай: господь богъ нашъ іисусъ христосъ самъ оубожися и смирися, намъ образъ дая, да и мы его ради смиримся, паки же поруганъ бысть, и оплеванъ, и заоушаемъ, и вся претерпѣвъ спасенія ради нашего, колми паче лѣпо намъ терпѣти, да христа приобрящемъ; а еже о дѣлѣ моемъ послоушай: егда господь нашъ іисусъ христосъ на вечери възлеже съ оученикы своими, тогда вземъ хлѣбъ, благословивъ, преломль, даяше оученикомъ своимъ, глаголя: примѣте и ядите, се есть тѣло мое, за вы ломимо въ оставленіе грѣховъ; да аще господь нашъ плоть свою нарече, та колми паче радоватися лѣпо есть мнѣ, яко сдѣльника мя сподоби господь плоти своею быти. Сіе слышавши мати его и чюдившися о премудрости отрока, и оттоле оставя его. Но врагъ не почиваше, остря ю на възбраненіе отрока о такомъ емъ его смиреніи. По лѣтѣ бо единѣмъ, паки видѣвши и пекоуща просвиры оучернившеся отъ ожженія печнаго, сжали си зило, паки начать о томъ бранити ему, овогда ласкою, овогда грозю дрогон же бьюще и да останеся дѣла таковаго. Божественныи же юноша въ скорбѣ велицѣ бѣ о томъ, и недоумѣя, что створити.

Тогда же, вставъ ноцію отаи изшедъ изъ дому своего, иде въ иныи градъ, недалече соущъ отъ него, и обита оу прозвітера, и дѣлаше по обычаю дѣло свое. Мати же его иска въ градѣ своемъ, и не обрѣте его, съжали си по немъ. Таче по днѣхъ мнозѣхъ слышавши, гдѣ живеть, оустрѣмися по нь съ гнѣвомъ великимъ, и пришедши въ преже нареченни градъ, искавше, обрѣте и в дому прозвітерови, и имши, влечаше бьюци въ свои градъ; и в домъ свой при-

ведши, запрети ему, глаголющи, яко к тому не имаша отъйти отъ мене, елико аще камо идеши, азъ шедши и обрѣтши тя, связана, бьющи, приведу в сїи градъ.

Тогда же блаженный Феодосїи моляшеся богу, по вся дни ходя в церковь божїю. Бѣже смиренъ сердцемъ и покоривъ къ всѣмъ, яко же и властелинъ града того, видѣвъ отрока в такомъ смиренїи и в покоренїи соуща, възлюби и зило, и повелѣ же ему, (яко) да пребываетъ оу него въ церкви. Вдасть же ему одежу свѣтлу, да ходитъ в ней, блаженный же пребысть в ней ходя мало днїи, яко нѣкую тяжесть на себѣ нося, тако пребываше, таче сънемъ ю, отдасть ю нищимъ, сам же в худыя (и простыя) порты облѣкса, и тако ходяше. Властелинъ же, видѣвъ и тако ходяща, и паки иную вдасть одежу, вящшую первыя, моля и, да ходитъ в ней. Онъ же снемъ, и тоу отдасть. Сице же многожды створи, якоже соудїи, то оувѣдѣвшу, больши начать любити и, чюдяся смиренїю его. По сихъ же божественнымъ Феодосїи, шедъ къ единому отъ кузнецъ, повелѣ ему желѣзо (аки чепи) сковати, иже вземъ, и препоясая имъ въ чресла своя, и тако хожаше. Желѣзу же оузку соущу и грызоущуся в тѣло его, онъ же пребываше, яко ничто же скорбна отъ него прїемля тѣлоу своему. Таче яко изшедшимъ днемъ многымъ, и бывшую дни праздничну, мати его начать велѣти ему облещися въ одежу свѣтлу на служенїе всѣмъ бо велможамъ града того, въ тѣ день възлежачимъ на обѣдѣ оу властелина, и повелѣно бысть блаженному Феодосїю предстояти и слуговати, и сего ради поущашети и мати его, да облещися въ одежду чисту, наипаче, якоже слышала бѣ, еже естъ створилъ. Яко же бо

ему облачающуся въ одежду чистоу, прост же сыи оумомъ, не блюдыня, ея, она же прилежно зряще, хотяще истѣе видѣти, и се бо видѣ на срачици его кровь, соущу отъ выгрызенея желѣза, и раждышися гнѣвомъ нань, и съ яростію вѣставши и растерзавши срачицу на немъ, бьющи же, и отгя желѣзо отъ чреслъ его; божіи же отрокъ, яко ничто же зла примъ отъ нея, облекся, и шедъ, слоужаше предъ возлежащими съ всякою тихостію.

Таче по времени нѣкоемъ, слыша въ паки въ святѣмъ евангеліи господа глаголюща: аще кто не оставитъ отца и матеръ, и вслѣдъ менѣ не грядеть, нѣсть мене достоинъ; и паки: приидѣте ко мнѣ вси тружашеи и обремененіи, и азъ вы покою; възмѣте яремъ мой на ся, и наоучитися отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покои душамъ вашимъ.

И сіи слышавше богодуховныи Феодосіи, и разжегся божественною любовію и дыша рвеніемъ божіимъ, мысляше, како или гдѣ постричися и оутитися матери своея. По случаю же божію отгити матери его на село, якоже пребыти ей многіи дни, блаженныи же радъ бывъ, помолися богу, таи изыде из дому, не имыи ни что же оу себя, развѣ одежда и хлѣба мало, немощи ради тѣлесныя, и тако устремися къ Кыеву граду, бѣ бо слышалъ о монастырехъ тоу соущихъ. Не вѣдыи же пути моляшеся богу, дабы обрѣлъ спутники, направлящи его на поуть желаніа, и се, по приключаю божію, бѣша идуще поутемъ тѣмъ коупцы на возѣхъ съ бремяны тяжкы. Оувидѣвъ же блаженныи, яко в тыи же градъ идуть, прослави бога, идяше въ слѣдъ ихъ издавеча не являея имъ. И онѣмъ же ставшимъ на ночномъ

становици, блаженныи же недоидя, яко зрѣимо ихъ, тоу же опочиваше, единому богу съблюдающю и, и тако идьи тремя недѣлями, доиде же преженареченаго (града). Тогда же въ градъ пришедъ обходивъ вся по монастыремъ, хотя быти мнихъ, и моляся имъ да пріять ими боудеть. Они же, видѣвши отрока простость и ризами же худыми облечена, не рачиша того пріати. Сеже богу изволшу тако, да на мѣсто, идѣже отъ юности богомъ позванъ, да то же ведешеся.

Тогда же бо слышавъ о блаженномъ Антоніи, живущимъ в пещери, и окрилатевъ же оумомъ оустремися к пещерѣ и пришедъ к преподобному Антонію, его же видѣвъ, и падъ поклонися, съ слезами моляся ему, дабы оу него былъ. Великіи же Антоніи казаше и, глаголя: чадо, видиши ли пещеру сію, скорбно мѣсто соущи и тѣстно, ты же оунъ сыи и, якоже мню, не имаше трыпѣти скорби на мѣстѣ семъ. Се же не токмо искушая и глаголаши, но прозрачными очима прозря, яко тѣ хотяше възградити самъ мѣстѣ то и монастырь славенъ створити на събраніе множествоу чернецъ. Богодуховныи же Θεодосіи отвѣща ему съ оумиленіемъ: вѣжъ честныи отче, яко проразумникъ всяческихъ, богъ, преведе мя, къ святости твоей, (спастися веля) тѣмъ, елико велише творити, створю. Тогда глагола ему блаженныи Антоніи: благословенъ богъ, чадо, оукрѣпивый тя на се тѣщание и се мѣсто боуди в немъ. Θεодосіи же паки падъ, поклонися ему, таче благословивъ старецъ, и повелѣ великому Никону острици и, прозвитеру тому соущу и черноризцу искоусну, иже поимъ блаженнаго Θεодосіа и, по обычаю святыхъ отецъ остригъ его и облече его въ молаше-

скую одежду. (В лѣто 6540*) при князи благочестивомъ Ярослави Владимеровичи). Стець же нашъ Θεодосіи, весь предався богу и преподобному Антонію, и оттоле подъяшеса на троуды (дѣломъ тѣлеснымъ), бдяше по вся нощи въ словословеніи божіи, сонную тягость отгоня, къ воздержанію плоти тружаяся, рукама своими дѣлая и вспоминая по вся дни псалмское слово: виждь смиреніе мое и троудъ мой, остави вся грѣхи моя. Тѣмъ же всемъ душу смиряше въздражаніемъ, тѣло же паки трудомъ и подвижаніемъ дручаше, яко дивитися преподобному Антонію и великому Никону смиренію его и покоренію, толику его въ юности, благодѣянію, и оукрѣпленію, бодрости велми прослависта бога (о семъ).

Мати же его, много искавши въ градѣ своемъ и въ окрестныхъ градѣхъ, и яко не обрѣте его, плакашеса по немъ, люте бьющи перси своя, яко по мертвомъ. И заповѣдано же бысть по всеи странѣ ть, аще кто видѣвше токоваго отрока, приведши възвеститъ матери его, и мзду приимуть о възвещеніи его. И се пришедши отъ Кіева, повѣдаша ей, яко преже сихъ четырехъ лѣтъ видѣхомъ и в нашемъ градѣ ходяща и хотяща острицися въ единомъ монастыри. И (в ть часѣ) слышавши она, не облѣнившися тамо итти и нимало помедлявши, ни долготы же пути оубоявшися, въ прежереченныи градъ на взысканіе сына своего, иже пришедши въ градъ ть и, обходивъ вся монастыря, ищущи его. Послѣди же сказаша ей, яко в пещерѣ есть у преподобнаго Антоніа. Она же тамо идетъ, да обрящеть его. И се нача старца лестію взыскати, глаголющи, яко да речете преподобному да изыдетъ. Се бо многъ поуть гнав-

* Т. е. въ 1032-мъ году.

ши, придохъ, хотящи бесѣдовати к тебѣ и поклонитися святыни твоей, и да благословеня буду отъ тебе. И възвещено бысть о ней старцу, и се изыде к ней, его же видѣвши и поклонися ему. Таче сѣдшима има, начать жена пространити к нему бесѣду многу, послѣди же обави вину, ея же ради приде. Глаголаше же, молю ти ся, отче, повѣжь ми, аще здѣ есть сынъ мой; много бо жалю ради, невѣдущи, аще живъ есть. Старець же сыи простъ оумомъ, не разумивъ льсти ея, глагола ей, яко здѣ есть сынъ твой и не жали си его ради, се бо живъ есть. Тоже она к нему то что, отче, оже не вижду его; многъ бо поуть шествовавши и придохъ въ градъ сии, токмо же да вижу сына своего, ти тако възвращуся въ градъ свой. Старець же къ ней отвѣща, то аще хоцещи видѣти, да идеши нынѣ в домъ, и азъ шедъ оувѣщаю и, не бо рачить видѣти кого, ты же въ оутрии день пришедши, видиши его. Тоже слышавши она, отъиде, чаючи въ приидущи день видѣти его. Преподобный же Антоніи иде в пещеру възвести вся си блаженному Θεодосію; сии же слышавъ съжали си зило, яко не може оутаятися ея. Въ другии же день прииде паки жена, старецъ же много увѣщаше блаженнаго изыти. Тогда же старецъ ишедъ глагола ей, яко много молихъ, да изыдетъ к тебѣ, и не рачить. Она же к тому оуже не смиреніемъ начать глаголати къ старцу, но съ гнѣвомъ великимъ вопіаше, о ноуже старца сего, яко имыи сына моего и скрывъ и в пещерѣ, не рачить ми его явити. Изведи ми старче, сына моего, да си его вижду, и не терплю бо жива быти, аще не вижду его, яви ми сына моего, да не злѣ оумроу. Се бо сама ся погублю предъ дверми пещеры сея, аще не покажеш ми

его. Тогда Антоніи въ скорби велицѣ сын, вшедъ в пещеру, моляшетъ блаженнаго изыти к ней; онъ же нехотя ослоушати старца, и иде к ней. Она же, видѣвши сына своего, в таковѣ скорби соуща, бѣ бо лице его измѣнило ся отъ многого труда*) и въздержанія, и охавивши же ся емъ, плакася горко, і едва мало утѣпивши же ся, сѣде и начатъ оувѣщати христова слугу, глаголющи: поиди, чадо, в домъ свои, и еже ти на потребу и спасеніе души, да дѣлаеши в дому си по воли своеи, и егда оумру, ты же погребеши тѣло мое, ти тогда възвратишия в пещеру сію, якоже хоцещи, не трѣплю бо жива быти, не видящи тебе. Блаженныи рече к ней: (о мати), то аще хоцещи мя видѣти по вся дни, иди в сіи градъ, и вшедши в монастырь женскъ и тоу остризися, и тако приходящи сѣмо, видѣти мя, к симъ же и спасеніе души пріимеши. Аще ли сего не створиши, истину ти глаголю, к тому лица моего не имаши видѣти, сими же и инѣми многими наказаніи пребываше по вся дни увѣщевая матеръ свою. Онои же о томъ нехотяци ни послушати его, і егда отхожаше отъ него, тогда же блаженныи, вшедъ в пещеру, моляшеся богу прилежно о спасеніи матери своеи и о обращеніи сердца ея на послушаніе. Богъ же оуслыша молитву оугодника своего. О семъ бо пророкъ рече: близъ господь призывающимъ въ истину, и волю боющимъ ся его створить, и молитву оуслышитъ и спасеть я.

Въ единъ бо день, пришедши к нему мати, глагола: се, чадо, вся великая ми тобою сѣтворю, и к тому не възращуся въ градъ свои, но яко богу творящу, иду въ монастырь женскъ и остризиися

*) Срв. стр. 553.

пребуду прочая лѣта своя. Себо отъ твоего оученія разумѣхъ, яко ничто есть свѣтъ съ маловременныи. Си слышавъ блаженный Θεодосіи възрадовася духомъ и вшедъ исповѣда великому Антонію. (Онъ же слышавъ) прослави бога, обратившаго сердце ея на таково покаянiе и шедъ к ней много поучивъ ю, еже на пользу души, и възвестивъ о ней княгини, впусти ю в монастырь женъскъ именуемъ святаго Николы и тоу пострижени ей быти, и въ мнишескую одежду обличенъ, и поживши же ей в добрѣ исповѣданіи лѣта многа, съ миромъ оуспе.

(И се) житіе блаженнаго Θεодосіа отца нашего отъ оуны врьсты доселе, дондеже прииде въ пещеру мати его, сповѣда единому отъ братіи именовъ Θεодору, иже бѣ келарь при отци нашемъ Θεодосіи, азъ же отъ него вся си слышавъ, оному исповѣдаючи ми, вписахъ на память всемъ почитающимъ я *).

Сеи (т. е. Θεодосій) бо бѣше по истинѣ человекъ божіи свѣтило в мирѣ видимое, просіавшее всемъ черноризцемъ, смиреннымъ смысломъ и послушаніемъ и прочими труды подвизаяся, дѣлая по вся дни руками своима, еще же и в пещьницу часто исхожаше, и с пекоущими веселяся духомъ, тѣсто мѣсяще и хлѣбы печа. Бѣше бо, яко преже рѣхъ, крѣпокъ тѣломъ**) и силенъ. Вся стражоущая бѣ оучаше, и оукрѣпляя и оутѣшая, никакоже разслабити въ дѣлѣхъ своихъ***)

Никто же его николиже видѣ на ребрѣхъ своихъ

*) Стр. III—XIII. См. выше примѣчаніе на стр. 541.

**) Срв. стр. 542, 543 и 552.

***) Стр. XXVIII—XXIX.

лежаща, ни воду на тѣло възливающа. А одежда его бѣ власяна свита, остра на тѣлѣ, изъ вьнуже на ней ина свита, и та же вельми худа соуща, и тоже сего ради възволочаше на ся, яко да не явится власяници соущи на нь. О сеи одежи худѣи мнози несмысленіи оукоряющи, и ругахуться ему, блаженному же си с радостію приимающи оукоризпу ихъ, имѣя присно въ памяти слово господне, и тѣмъ оутѣшаяся, веселяшеса: блаженныи, рече, есте егда оукорять вы, егда рекоуть всякъ глаголь золь, на вы лъжоуще, мене ради, възрадитеся въ тѣ день и възграйте, се бо мзда ваша многа есть на небесехъ. Си въспоминая блаженный, о сихъ оутѣшаяся, терпаше оукоризпу и досадоу отъ всѣхъ*!).

И къ семоу же блаженному нѣколи приведоша разбойники связаны, их же бѣша яли въ единомъ селѣ монастырстемъ, хотящимъ красти. Блаженныи же, видѣвъ я связаны и в такой скорби соуща, сжали си зило, и прослезився, повелѣ разрѣшити я и дати же ясти и пити, и тако пакы тѣх оучаше много, еже никако же преобидити, подасть же тѣмъ отъ имѣнія доволно, еже на потребу, и тако тѣхъ с миромъ отпусти славяще бога, якоже оттоле тѣмъ оумилитися и никомоу же зла сътворити, но своими дѣлы доволнымъ быти. Тако ти бѣ милосердіе великаго отца нашего Феодосіа, аще бо видяше нища или оубога, в скорби соуща и въ одежи худѣ, жалаше о семъ, и плачемъ сего миловаше, и сего ради створи дворъ близъ монастыря своего и церковь възгради в немъ святого первомученика Стефана, тоу же повелѣ пребывати нищимъ, слѣпымъ, хромымъ, трудоватымъ, отъ монастыря подаваше имъ,

*) Стр. XXX.

яже на п требу, и отъ всего соущаго монастырскаго десятую часть даяше имъ, и еще по вся соуботы посылаше въ потребу возъ хлѣбовъ соущимъ въ узахъ *)

Снце бо преподобному и преблаженному отцу нашему Феодосію, пасущю стадо свое съ всякимъ благочестіемъ и чистотою, еще же житіе свое съ въздържаніемъ и подвигомъ исправляющю, бысть же смятеніе в то время нѣколи отъ вселукаваго врага въ трехъ князехъ, братіи соущимъ по плоти. Яко же двѣма братома брань створити на единого старнишаго брата, христолюбца, иже по истинѣ боголюбца, Изяслава. Тоже тако тои прогнанъ бысть отъ града столнаго, и онѣма пришедшима въ градъ **) тои, посласта же по блаженнаго отца нашего Феодосіа, веляща того пріити к тѣма на обѣдъ и причаститися неправеднемъ тѣмъ съвѣтѣ. Тоже, иже бѣ исполненъ духа святого, преподобнии Феодосіи, разумѣвъ еже неправедно соуще изгнаніе, еже о христолюбцѣ, глаголатъ посланому, яко не имамъ ити на трапезу вельзавелиноу и причаститися брашна того, исполнь соуще и крови и оубіинства, и ина многа укоризна глаголавъ, отпусти того рекіи, яко да възвестиши вся си пославшимъ тя. Обаче она, но

*) Стр. ХLI.

**) См. начальный лѣтописный сводъ подъ 1073-мъ годомъ: «въздвиге дьяволъ котору въ братѣи сей Ярославичихъ; бывши распри межи ими, быста съ себе Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава; изіде Изяславъ ис Києва, Святославъ же и Всеволодъ видоста въ Києвъ и сѣдоста на столѣ на Берестовомъ, преступивша заповѣдь отню...» и т. д., при чемъ лѣтописецъ съ рѣзкимъ осужденіемъ огноситъ къ Святославу, сѣвшему въ Києвъ: «а Святославъ сѣде Києвъ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, паче же Божью, велий бо естъ грѣхъ преступати заповѣдь отца своего...» См. ниже стр. 559.

аще и слышаста си, но не възмогоста прогнѣватися нань, вѣдѣаста бо праведна соуща человекѣа божіа, ни пакы же послоушаста того, но оустремистася на прогнаніе брата своего, иже отъ всея области отгнаста того, и тако възвратистася вспять, и единому сѣдшу на столѣ томъ брата и отца своего, другому же възвратившуся въ область свою.

Тогда же отецъ нашъ Феодосіи, наполнився святого духа, начать того обличати, яко неправедно створша и не по закону сѣдша на столѣ томъ, яко отца си, брата старѣишаго прогнавша. Тоже тако обличаше того, овогда епистоліа пиша посылаше тому, овогда же велможамъ его, приходящимъ к нему, обличаше того о неправеднемъ прогнаніи брата, веля тѣмъ повѣдати тому, се же и послѣже вписа к нему епистолію велику зило, обличая того, глаголя: гласъ крови брата твоего вѣплетъ на тя богу, яко Авелева на Каина и инѣхъ многихъ древнихъ гонитель, и оубоиникъ и братоненавидникъ, приводя и притчами тому вся, яже о немъ, оуказавъ, и тако вписавъ посла. И яко тотъ прочеть епистолію ту, разгнѣвася зило, яко левъ рыкнувъ на праведника, и оудари пятою о землю, яко же оттолѣ промъчеса вѣсть, еже на поточеніе осужену быти блаженному. Тогда же братія в велицѣ печали быша и моляху блаженнаго остатися и не обличати его. Тоже такоже и отъ бояръ мнози, приходящи, повѣдахуть ему гнѣвъ княжъ на того соущъ, и моляхуть и не супротивитися ему, се бо, глаголаху, на заточеніе хочеть тя послати. Си же слышавъ блаженныи, яко о заточеніи его рѣша, възрадовася (о томъ) и рече к нимъ: се бо о семъ велими радоую ся, братіе, яко ни что же ми ближе в житіи семъ,

егда богатства имѣнію лишеніе ноудит мя, или дѣтїи отлученіе и сель опечалует мя; ничто же отъ такихъ принесохомъ в миръ сеи, но назї родихомся, тако же подабаеть намъ нагымъ преити отъ свѣта сего; тѣмъ же готовъ есмь или на поточеніе или на смерть. И оттолѣ болшими начать того укоряти о брато-ненавидѣніи, жадаше велми, еже поточену быти. Нъ обаче онъ, аще и велми разгнѣвалъ блаженнаго, но недрѣзну ни одинаго же зла и скорбна створити тому, видяше бо моужа преподобна и праведна соуща, яко же и преже многажды его ради завидяше брату своему, еже такова свѣтилника имать въ области своей, яко же исповѣдаше, слышавъ отъ того, мнихъ Павель, игоумень сы отъ одинаго манастырь, соущихъ въ области его.

Блаженныи же отецъ нашъ Феодосїи, много молимъ бывъ отъ братїи и отъ велможъ, наипаче же разумѣвъ, яко ничто же оуспѣшно сими словесы (к) тому, остася его, и оттолѣ не оукоряше его о томъ, помысливъ же в себѣ, яко уне есть молбою того милости, дабы възвратилъ брата своего въ область. Не по мнозѣхъ же днехъ разумѣвъ благи князь то преложеніе блаженнаго отъ гнѣва и оутѣшеніе, еже отъ обличенїа того, възрадова ся зило, издавна бо жадаше бесѣдовати с нимъ, духовныхъ словесъ его насытитися. Таче посылаетъ блаженному, аще повелитъ тому прїти в манастырь свои или ни. Ономоу же повелѣвшу тому прїити, тоже сїи с радостию въставъ, прїиде с боляры в манастырь его. И великому Феодосїю и съ братїею ишедшу ис церкви и по обычаю срѣтшу того и поклонившимъ ся, яко же лѣпо князю, и тому же цѣловавшу блаженнаго, таче глаголаше ему: се, отче, не дерзахъ

пріти к тебѣ, помышляя, егда како, гнѣваяся на мя, и не вступиши насъ в манастирь. Тоже блаженнии отвѣща: что бо, благіи владыко, успѣть гнѣвъ нашъ, еже на дрѣзжаву твою; но се намъ подобаетъ обличити и глаголати вамъ, еже на спасеніе души, вамъ же лѣпо (бы) послушати того. Тако же, вшедшима има в церковь, и бывши молитвѣ, сѣдоста. И блаженному Феодосію начавшу глаголати тому отъ святыхъ книгъ, и много оуказавшу ему о любви брата, и оному паки многу вину износящу на брата своего, и того ради не хотящу томоу с тѣмъ мира сѣтворити, и тако же паки, по мнозѣи тои бесѣдѣ, и отъиде князь в домъ свои, слава бога, яко сподобися с таковымъ моужемъ бесѣдовати. И оттолѣ часто приходяше к нему, и духовнаго того брашна насыщаяся паче меда и сѣта, се же соуть словеса блаженнаго, аже исходяше отъ медоточныхъ оустъ тѣхъ. Многожды же и великіи Феодосіи к тому хожаше, и тако въспоминаше тому страхъ божіи и любовь, еже къ брату.

Въ единъ отъ днѣи шедшу тому святому блаженному и богоносному отцу нашему Феодосію, яко вниде въ храмъ, идѣже бѣ князь сѣдя, и сѣ видѣ многы играющи пред нимъ, овы гоусельныя гласы испоущающи, другія же органныя гласы поющи, инѣмъ замарныя писки гласяшимъ, и тако всѣмъ играющимъ и веселящимся, яко же обычаи есть предъ княземъ. Блаженнии же бѣ въ край его сѣдя и долу нича, яко же мало въсклонився рече к тому: то боудет ли сице на ономъ свѣтѣ; тоу абіе онъ о словѣ блаженнаго оумилився и мало проследився повелѣ тѣмъ престати. И оттоле, аще коли приставляше тѣхъ играти, ти слышавше блажен-

наго пришедша, то повелѣваше тѣмъ престати отъ таковыя игры.

Многажды же паки егда възвѣстяхуть тому приходъ блаженнаго, тои же тако шедъ того срѣташе радуяся, предъ дверми храма, и тако видоста въ храмъ оба. Се же, яко же веселяшася, глаголаше преподобному: се, отче, истину ти глаголю, яко аще быша ми възвестили отца моего въставша отъ мертвыхъ, не быхъ ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоємъ и не быхъ ся тако того боялъ или сумнѣлъ, яко же преподобныя твоя душа. Блаженныи же рече: тоже аще боишися мене, тогда створи волю мою, възврати брата твоего на столъ, иже ему благовѣрныи отецъ предасть. Онже о семъ оумолча, не могши, что отвѣцати к симъ. Толми бо бѣ врагъ разжегль гнѣвомъ на брата своего, яко же ни слоухомъ хотяше того слышати.

Отець же нашъ Феодосіи, по вся дни и ноци бога моля о христілюбци Изяславѣ, еще же и въ ектеніи того веля поминати, яко столному князю тому старѣишу всѣхъ, сего же, яко чрезъ законъ сѣдша на столѣ томъ, не веляше поминати въ своемъ манастири. О семъ же едва оумоленъ бывъ отъ братіи, повелѣ и того с нимъ поминати, обаче же первіе боголюбца, то тогда сего благого *)

Се же житіе преподобнаго блаженнаго Феодосіа, еже отъ оуны версты досдѣ отъ многаго мало вписахъ. И кто доволенъ вся по ряду списати добрая (оупованія оуправленія сего блаженнаго моужа; кто же възможеть по достоянью его похвалити); но не възмогу грубыи сыи и неразумичень**). Мнози

*) Стр. II—IIV.

**) Срв. примѣчаніе на стр. 541-й и стр. 553.

же того отъ несмысленыхъ оукоряхуть, тоже сїи с радостию прїимаше. Се же яко же и отъ оученикъ своихъ многожды оукоризны и досаженїа тому прїимати, нъ обаче онъ, бога моля за вся, пребываше.

Еще же о хоудости ризнѣи мнози отъ невѣглась оусмѣхающися, тому ругахуться. Онъ же о томъ не поскорбѣ, но бѣ радуяся о поруганїи своемъ и оукоризнѣи, велми веселяся, бога о томъ прославляше. Яко же бо аще кто, не зная того, ти видѣвше и в таковѣи одежи соуща, то не мняше того самого соуща блаженаго игоумена, но яко единаго отъ варящихъ. Се бо и в день единъ, идоущу тому къ дѣлателямъ, иже баше церковь зиждущей, и срѣте и оубогая вдовица, (яко же) отъ судїи обидима, глагола тому блаженному: черноризце, повѣж ми, аще есть дома игоумень вашъ; глагола тои блаженныи: что (ради) потребуеши отъ него, яко тои человекъ грѣшенъ есть; глагола тому жена; аще и грѣшенъ есть, не вѣмъ, токмо и се, вѣмъ, яко многы избави отъ печали и напасти, и сего ради и азъ прїидохъ, яко да и мнѣ поможетъ, обидимѣи соущи бес правды отъ судїи. Тоже блаженныи, оувѣдѣвъ, яже о ней, сжали си зило, глагола тои: жено, нынѣ иди в домъ свой и се егда прїидеть игоумень нашъ, то же азъ възвѣщу ему, еже о тебѣ, то избавит тя отъ печали тоя. Тоже слышавше, жена отъиде в домъ свой, и блаженныи же иде къ судїи, еже о ней, глаголавъ тому, избави ту отъ насилїа того, яко же тому пославшу възвратити тои, имже бѣ обидя ю.

Тако же сїи блаженныи отецъ нашъ Феодосїи многимъ заступникъ бысть пред судїями и князи, избавляя тѣхъ; не бо можахуть в чемъ преслоупати ею, вѣдоуще и праведна и свята; не бо его чтаху, чест-

ныхъ его ради порть, и свѣтлыя одежда, или имѣнія ради многоаго, но честнаго его ради житіа и свѣтлыя душа и поученіи того многихъ, яже кыпяхуть святымъ духомъ отъ оустъ его. Козлины бо тому бяхуть, яко многоцѣнная и свѣтлая одежда, власяница же, яко (вся владычня) и царская багряница, и тако тѣмъ величаша ходяше и житіемъ богоугодно поживъ *)... Оумре же отецъ нашъ Феодосіи въ лѣто 6582 **) мѣсяца маія въ 3-ій день в субботу, яко жь прорече самъ, всѣавшу солнцу.

*) Стр. LV—LVI, LX.

**) Т. е. въ 1074-мъ году. См. подъ этимъ годомъ въ началномъ лѣтописномъ сводѣ (стр. 178 по изданію 1872 г.).

II.

ИЗЪ СКАЗАНІЯ «О ПЕРВЫХЪ ЧЕРНОРИЗЦАХЪ ПЕЧЕРСКИХЪ» *).

Нестера, мнѣха обители манастиря печерскаго, сказаніе, что ради прозвася печерскіи манастири. Господи благослови, отче.

.
.

... Бѣ братъ, Іеремѣя именовемъ, иже и помняше крещеніе рускіа земли...

Бѣ же другіи старецъ, именовемъ Матфей, бѣ бо прозорливъ. Единою же стоящу ему въ церкви на мѣстѣ своемъ, и възведъ очи свои, и позрѣ по братіи, иже стоятъ по обѣма странама поуще; и видѣ бѣса, обходяща въ образѣ ляха и в проползѣхъ носяща цвѣтки, иже глаголются лепки. И оходя подлѣ братію, взимаше из лона цвѣтокъ и верзаше на кого любо: и аще к кому прилняше цвѣтокъ поющихъ отъ братіи, тои, мало постоявъ и расслабѣвъ оумомъ,

*) Въ концѣ перваго раздѣла сказанія (стр. LXXII—LXXXV) авторъ пишетъ о себѣ, не называя себя по имени: «*Феодосію же живоущу в манастири, и правящу добродѣтельно житіе и чернеческое правило, и пріямающу всякого приходящаго — к немъ; же и азъ придохъ, худыи и недостойныи рабъ, и пріятъ мя, лѣтъ ми соущую 17 отъ роженія моего, — се же написахъ и положихъ, иже въ кое лѣто почалъ быти манастирь, и что ради зовется печерскіи манастирь. [Тогда бо бѣ лѣтъ 6559] . т. е. 1051 г. (стр. LXXVI). Срв. выше на стр. 541 и 553 и ниже на стр. 567 и въ Лѣтописи по Лаврентьевскому списку, стр. 156 подъ 1051-мъ годомъ.*

вину себѣ притворивъ какову любо, и исхожаше изъ церкви, и шедъ спаше и не возвращашеся (на пѣніе); аще ли верзаше на другаго и не приляше к нему цвѣтокъ то, тѣи крѣпко стояше в пѣніи своемъ, дондеже отпояху утреню, тогда идяку каждо в кѣліа (своя обычаи). Се же бѣ сему старцу по отпѣніи оутреня, братіи отходящимъ по кѣліамъ, сіи же блаженныи старецъ послѣдже всѣхъ изхожаше изъ церкви. Единою же идоущу ему, и сѣдѣ под клепаломъ, (хотя опочинут), бѣ бо кѣліа подале отъ церкви, видѣ се, аки толпа (велика) идяше отъ вратъ, и възведъ очи свои, и видѣ единого бѣса, сѣдяща на свиніи, а другая около его текоуща. И рече имъ старецъ: камо идете; и рече бѣсъ, сѣдяи на свиніи: по Михалю по Тоболковичю. Старецъ же, знаменася крестомъ, идѣ въ кѣлію свою; и яко же бысть свѣтъ, и разумѣ старецъ видѣніе и рече (оученику своему): иди, въпрашаи, есть ли Михаль в кѣліи? и рече ему: (нѣсть, изыдѣ по заутреніи за ограду монастырскую). Старецъ же повѣда игоумену бывшее видѣніе и братіи, (еже видѣ)..

Далѣе слѣдуетъ извѣстная исторія Исакія, помѣшавшагося послѣ одного изъ ночныхъ видѣній. —

Бысть убо — и се дивно чюдо и памяти достойтъ — въ томъ же и святомъ и присно поминаемомъ пещерскомъ монастыри черноризецъ нѣкто, Исакіи именемъ. Сему бо Исакію, еще соущу въ мирстемъ житіи богатъ бѣ купецъ, родомъ торопчанинъ. Сеи помысли мнихъ быти и разда все имѣніе свое требующимъ и монастыремъ. Прииде к великому Антонію в вечеру; пріять его Антоніи; возложи на нь

мишескіи образъ и нарече имя ему Исакіи, бѣ бо ему мирское имя Чернь. Сіи же Исакіи въспріатъ житіе крѣпко: и облечеса въ власяницу, и повелѣ купити себѣ козлище и одрати его мѣхомъ, и възвлече на власеницу, и оспе около кожа сыра; и затворися в печерѣ, въ единой оулицы, в кѣліи малѣ, яко 4 лакоть соущи, и ту моляше бога съ слезами; снѣд же его бѣ просфира една, и тоже чрезъ день, и воды в мѣру піаше. Приносяшетъ же ему великіи Антоіи и подаваше ему оконцемъ, елико рука вмѣстится, и тако приимаше пищу. И въ такомъ житіи створи 7 лѣтъ: на свѣтъ не исхода, ни на ребрехъ възлегъ, но сѣдя мало сна приимаше. Единою же, по обычаю наставшу вечеру, нача поклонятися, поя псалмы, (да иже до) полоунощи, и яко утрудися, сѣде на сѣдалѣ своемъ. Сѣдящу же ему, по обычаю свѣщу погасившу, и се внезапно свѣтъ въсія в печерѣ, яко отъ солнца, яко (и зракъ челоуку отымати); и пойдоста к нему два юноша прекрасни и блистастая лица ею, акы солнце, и рѣша ему: Исакіе, вѣ есѣ ангела, а се идетъ к тебѣ христосъ (съ ангелы)! И въстав Исакіи, и видѣ толпу бѣсовъ и лица ихъ паче солнца, единъ же посреде ихъ сіаше паче всѣхъ и отъ лица его доуча исхожаху; и гласта ему: Исакіе, се естъ христосъ, падь поклонися ему! Исакии же не разумѣ бѣсовскаго дѣйства, ни памяти имѣ прекреститисѣ, ишеде из кѣліа, поклонися, акы христу бѣсовскому дѣйству. Бѣси же кликнуша, и рѣша: нашъ еси, Исакіе! введоша его в кѣліа и посадиша и, начаша садитисѣ около его и бысть полна кѣліа бѣсовъ и оулица печерская. И рече единъ отъ бѣсовъ, глаголемыи христосъ: възмете софли и боубны и гоусли и оударяйте, а Иса-

кін (намъ) спляшетъ! И оударилша в сопѣли и в гоусли и в бoubны, и начаша имъ играти; и, утомивше его, оставиша его, оле жива (соуца) и отъидоша, поругавшесе ему. Заутра же бывшу дни, прииде Антоніи по обычаю к оконцу и глагола: благослови отче Исакіе! и не (бѣ гласа ни слушанія). (И многожды глагола Антоніи и не бысть гласа); и рече в себѣ: еда преставился есть. И посла по Ѳеодосіа и по братію. Пришедше братіа, и окопаша, идѣже бѣ загражепо устье, и взяша его, мняща его мертва быти, и изнесше положиша предъ печерою; и видѣша, яко живъ есть, и рече игоумень Ѳеодосіа, яко отъ бѣсовскаго дѣинства сіе бысть ему; и положиша его на одрѣ и служаше ему святыи Антоніи.

В тыи же дни приключиса Изяславу приити из Ляховъ, и нача гнѣватись Изяславъ на Антоніа за Всеслава: и присла Святославъ ис Чернигова, в ноци поя святого Антоніа. Антоніи же, пришедъ к Чернигову, и възлюбил мѣсто, наричаемое Болдины горы, и ископавъ печеру, и вселися тоу; и есть тоу манастирь святыя богородица на Болдыныхъ горахъ и до нынѣ, близъ Чернигова.

Ѳеодосіи же, оувѣдавъ, яко Антоніи отшелъ есть к Чернигову, и шедъ съ братією, взяли Исакіа и принесе его в кѣлію свою и служаше ему, бѣ бо разслабленъ умомъ и тѣломъ, яко не моци ему обратитися на другую страну, ни встати, ни сѣдѣти, но лежаше на единой странѣ; многожды же и червие вметахуся подъ бедра ему с моченія и с поливанія. Ѳеодосіи же самъ своимъ рукама мыяше и опрятаваше; и лежа за двѣ лѣта, (святыи же служаше ему). Се же есть дивно чюдо, яко за два лѣта не вкуси ни хлѣба, ни воды, ни отъ какого же брашна, ни языкомъ

поглагола, но нѣмъ и глухъ лежа за два лѣта. Θεодосіи же моляше бога за нь и молитву творяше надъ нимъ день и ноць, дондеже на третіе лѣто проглагола, и прося на ногу вѣстати акы младенецъ, и нача ходити; и не брешаше въ церковъ; и (такъ по малу нача ходити на трапезницу, и посажаху его кромѣ братіи, полагаху предъ нимъ хлѣбъ, и не (хотяше взяти) его, (они же влагаху в руку его) Θεодосіи же рече: положите предъ нимъ хлѣбъ и не влагаите в роуку его, да самъ ясть. И не хотяше недѣлю всю ясти, и по малу оглядався вкушаше хлѣба, и тако научися ясти; и симъ образомъ избави его великіи Θεодосіи отъ козни діавола (и отъ прелести его).

Исакіи же пакы въспрїятъ житіе жестоко. Θεодосію же преставльшуся и Стефану въ его мѣсто бывшу, Исакіи же рече: се оуже предстиль мя еси, діаволе, сѣдяща на единомъ мѣстѣ! отсель же не имамъ в печерѣ затворитися, но имамъ тя побѣдити (силою божіею), ходя в манастырѣ. И пакы облечеса въ власяницу, свиту тѣсну, и нача оуродство творити, и нача помогати поваромъ, и работати на братію; и на заутренюю преже всѣхъ входя, и стояше крѣпко и неподвижимо; егда же приспѣваше зима и мразы лютіи, тои стояше в плесницахъ раздранныхъ, яко многажды примерзаху нози его камени и не подвизаше ногама, дондеже отпояху оутренюю; и по заутреніи вхожаше в поварню и приготавливаше огонь и дрова и воду, и тогда прихожаху прочіи отъ братіи поварове. Единъ же поваръ — тако же бѣ именовъ тѣмъ же Исакіи — рече посмѣхаяся: Исакіе, оно, сѣдитъ вранъ чернъ, иди и ими его! Онъ же поклонися до земля и педь,

ять врана и принесе предъ всѣми повары; и ужа-сошася вси о бывшемъ, и повѣдаша игоумену и братіи, и начаша братіа оттоле чтити его. Онъ же, нехотя славы человѣческіа, нача оуродствовати, и пакостити нача, ово игоумену, ово же братіи, ово мирскимъ человѣкомъ, да друзіи раны ему даяти начаша; и нача по миру ходити, и тако оуродъ ся створи.

И пакы вселися в пещеру, в ней же и преже былъ, — Антоніи бо уже преставися — и (нача събирати) к себѣ оуныхъ (отъ мирскіа чади) и покладаше на нихъ порты чернеческіа, да ово отъ игоумена Никона раны приимаше, иногда же отъ родителей дѣтей тѣхъ; блаженныи все то трѣпаше, приимаше раны, и наготу, и студень день и нощь. Въ едину же нощь, вжегъ пещь в кѣліи в пещерѣ, и яко разгорѣся пещь — бѣ бо утла — и нача пламень исходити горѣ оутлизнами, оному же ничѣмъ скважны покрыти (имущу), и вѣступи босыма ногама на пламень, донелѣ изгорѣ пещь и сниде (ничимже вреженѣ). И ина многа повѣдаху о немъ, а иное самъ видѣхъ. И тако побѣду взя на бѣсы, яко и моухи (?) ни во что же вмѣняше оустрашенія ихъ и мечтанія, глаголаше бо к нимъ: аще мя бѣсте прелстили первое, понеже не вѣдахъ козней вашихъ и лукавствія нынѣ же имамъ господа іисуса христа бога моего и на молитвы отца моего Феодосіа надѣюся, имамъ побѣдити васъ! Многожды бо ему пакости дѣяху бѣси и глаголаху: нашъ еси Исакіе, понеже поклонился еси старѣйшинѣ нашему! Онъ же глаголаше: вашъ старіишина антихристъ есть, а вы есте бѣси! и знаменаше лице свое крестнымъ знаменіемъ и тако исчезажу бѣси. Иногда же пакы прихожаху къ нему, страхъ творяще ему в мечтѣ,

яко се много народу с мотыками и лыскарѣ, глаголюще: раскопаемъ пещеру сію, и сего загребемъ здѣ! инии же глаголаху: изыди, Исакіе, хотятъ тя загрести! Онъ же глаголаше к нимъ: аще бысте челоуѣци были, то въ день ходили бы есте, а вы есте тма и во тмѣ ходите! и знаменався крестомъ и исчезаху. Иногда же страшаху его въ образѣ медвѣжїи, овогда же лютымъ звѣремъ, овогда ли воломъ, овогда жабы и мыши и всякъ гадъ. И не възмогаху, что же створити ему, и рекоша: о, Исакіе, побѣдилъ ны еси! Онъ же отвѣщеваше, яко же бѣсте вы мене прелстили въ образѣ іисуса христа и ангельствѣмъ, недостойни соущи (таковаго сана), но се въистину нынѣ являетесь въ образѣ звѣриномъ и скотїимъ, и змѣями, и всякымъ гадомъ, аци же и сами есте! и отголѣ не бысть ему пакости никоея же отъ бѣсовъ. Яко же самъ повѣдаше, яко се бысть ми, рече, за три лѣта брань. И потомъ нача крѣпчяе жити и воздержанїе имѣти, пощенїе и бдѣнїе; и тако живущу ему, (и приспѣ конецъ житїа его). Разболѣся в пещерѣ и несоша его в монастырь болна соуца, и тако поболѣ до осми днїи (и непреминующимъ путемъ къ господу отъиде в добрѣ исповѣданїа). Игоумень же Иванъ и вся братїа, спрятавшѣ тѣло его, погребоша честно съ святыми отци в пещерѣ *). Тацї бо быша мниси Θεодосїева монастыря.

*) Стр. LXXVII—LXXXIII. Далѣе на стр. LXXXV—CXXVI въ Патерикѣ находится посланїе смиреннаго епископа Симона владимерскаго и соуздальскаго к Поликарпу черноризцу пещерскому. См. ниже стр. 576.

III.

ИЗЪ ПОСЛАНІЯ *) КЪ АКИНДИНУ, АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРСКОМУ О СВЯТЫХЪ ЧЕРНОРИЦАХЪ.

Вторго посланіе къ архимандриту печерскому Акиндину о святыхъ и блаженныхъ чернорицнхъ (братіи нашеи; списано бысть Поликарпомъ, черноризцемъ того же Печерскаго монастыря)

О Никитѣ затворницѣ, иже бысть по семь епископомъ Новоуграду. Бысть въ дни преподобнаго игоумена Никона братъ единъ, именемъ Никита. (Сеи) желая славимъ быти отъ человекъ, дѣло веліе не бога ради замысливъ, нача просити оу игоумена, да в затворъ внидетъ. Игоумен же возбраняше ему глаголя: о чадо, нѣсть ти ползы празну сѣдѣти, понеже юнъ еси! оуне ти есть, да пребудеши посредѣ братіа, и работая тѣмъ, не погрѣшиши мзды своея: самовидѣць еси брата нашего, святого Исакіа печерскаго, како прелщенъ бысть отъ бѣсовъ! аще не бы веліа благодать божіа спасла его (и молитвъ ради преподобныхъ отецъ Антоніа и Θεодосіа, иже и доннынѣ чюдеса многа творять. Никита же глаголаше: никакоже прельщусь таковою вещью, прошу же у

*) По В. Яковлевъ, стр. СХХVI—СLXXXVI.

господа бога, да (и мнѣ) подасть чудотвореніа даръ. Отвѣщавъ же Никонъ, рече: выше силы прошеніе твое! блюди брате, да не възнесься низъпадешися! велит ти наше смиреніе служити на святую братію, ихъ же ради вѣнчанъ имаши быти, за послушаніе твое. Никита же никакоже внять глаголахъ отъ игоумена, но, еже възхотѣ, то и сътвори, заздавъ о себѣ двери, и пребысть не исходя. (Не по многихъ же днехъ) прелщенъ бысть отъ діавола. Въ время говѣнія своего слышаше гласъ, молящяся с нимъ, и обоняше благоуханіе неизреченое; симъ прельстися, глаголя в себѣ: аще не бы се ангель былъ, не бы молился съ мною, ни духа святого обоняніе бы было! и нача прилежно молити глаголя: господи яви ми ся самъ разумно, да вижду отъ! Тогда же гласъ бысть к нему: не явлюся тебѣ, (зане же юнъ) еси, да не възнесься низъпадешися. Затворникъ же съ слезами рече: никако же, господи, прелщуся, наученъ бо быхъ отъ игоумена моего, не внимати прельсти діавола, тобою же вся великая ми сътворю. (И тогда душепагоубныи змѣи) пріямъ отбласть надъ нимъ, и рече: не възможно чловѣку, въ плоти соущу, видѣти мене, и се посылаю ангель мой, да пребоудеть с тобою, и ты боуди волю его творя. И абіе ста пред нимъ бѣсъ въ образѣ ангела. Падъ оубо мнихъ, поклонися ему, аки ангелу. И глагола ему бѣсъ: ты оубо не молися, но боуди почитая книги и сими обрящешися съ богомъ бесѣдую, да отъ нихъ подаси слово полезно приходящимъ к тебѣ! Азъ же присно буду моля о спасеніи твоємъ (творца своего). Прелстивъ же ся мнихъ, никакоже помолися, но прилежааше чтенію и ученію, бѣса же видяше, беспрестани моля-

щася о немъ, и радовашеся, яко ангелу, творящу молитву зань. Бесѣдоваше же о пользѣ души приходящимъ к нему, и нача пророчествовати и бысть о немъ слава веліа, яко всѣмъ дивити ся сбытію словесъ его. Посылаеть же Никита к князю Изяславу глаголя, яко днесъ оубіенъ бысть Глѣбъ Святославичъ в заволочьи, скоро послѣ сына своего Святополка на столъ Новоуграду! И, яко же рече, тако и бысть. По малехъ же днехъ оувѣдана бысть смерть Глѣбова, и отъ сего прослу затворникъ, яко пророкъ есть, и велми послоушаху его князи и боляре. Бѣсъ оубо приходящаго быти не вѣсть, но, еже самъ съдѣя и научи злыя (человѣкы), ли оубити, ли оукрасти, сія и възвѣщаеть. Егда бо прихожаху к затворнику словеса оутѣшна слышати отъ него, бѣсъ же, мнимый ангель, повѣдаше ему вся (случившаяся ими); тѣи же пророчествоваше тако. Не можаше никто же стязатися с нимъ книгами ветхаго закона, весь бо изъ оустъ имѣваше: бытіе, исходъ, леви-та, числа, соудіи, царства, и вся пророчества по чину, и вся книги жидовскія свѣдѣаше добре; евангелія же и апостола, яже въ благодати предавѣи намъ святѣи книги на утверженіе наше и на исправленіе сихъ, николи же восхотѣ видѣти и слышати, ни почитати, ни иному дасть собесѣдовати к себѣ, и бысть разумно всѣмъ отъ сего, яко предценъ есть отъ врага, и сего не трѣпѣше преподобныи ти отци.

Никонъ же игоумень, Иванъ, иже по немъ бысть игоумень, Пимень постникъ, (Исаіа, иже бысть епископъ граду Ростову), Матфей прозорливецъ, Исаіи святѣи печерникъ, Агапитъ лѣчець, Григоріи чудотворецъ, Николан, иже бысть епископъ Тмуто-

роканю, Нестерь же, иже написа *) лѣтописецъ, Григоріи творецъ канономъ, Феоктисть, иже бысть епископъ Чернигову, Онисифоръ прозорливецъ, сіи вси богоносци придоша къ прельщенному и по-молишася богови, отгнаша бѣса отъ него и к тому не виде его, и изведоша же его вонъ, и въпрошахуть его о ветсемъ законѣ, хотяще слышати отъ него что. Сіи же кленяшеся, яко николи же читав, иже преже оумѣяше изъ оустъ жидовскія книги, нынѣ же ни едина слова не съвѣ, испроста рещи, (ни единого слова знаеше). (Сіи же преблаженіи) отци едва на-оучиша его грамотѣ; и оттоуду дасть себѣ на въздержаніе и послушаніе, и чистое и смиренное житіе, яко же превзыти ему всѣхъ добродѣтелию. Его же послѣ же поставиша епископомъ Новоуграду за премногую добродѣтель его, иже и многа чюдеса створи, (нѣкогда бездожію бывшу), и помолився дождь с небесе сведе, и пожаръ граду оугаси и нынѣ съ святыми чтоуть его святого и блаженнаго Никиту

О святыхъ отцѣхъ Θεодорѣ и Василіи

Времени же многу приспѣвшу, ему в (тацѣи работѣ злостраданіи тружajúщуся зило), видѣвъ же сего келарь тако тружajúщася, нѣкогда же привезену бывшу жити отъ сель, и посла к нему въ пещеру пять возъ, да не всегда приходя взимати жита стужить си; сеи же, ссыпавъ жито въ сосоуды, нача молоти, поя псалтирь изъ оустъ; абіе оутрудивъ же ся възлеже, мало хотя починути, и се (внезапу) громъ бысть, и начаша жерновы молоти; и

*) Срв. тамъ же стр. СХХХV: «яко же блаженни Нестерь в лѣтописецѣ написа о блаженныхъ отцѣхъ...»

разумѣвъ бѣсовское дѣйство соуще, вѣставъ же блаженнии, нача молитися богови прилежно, и рече велимъ гласомъ: запрещает ти господь, вселукавыи діаволе! Бѣс же не престаше меля в жерновы; Θεодоръ же пакы рече: въ имя отца и сына и святого духа, свергшаго васъ съ небесъ и давшаго въ попраніе своим оугодникомъ, велит ти мною грѣшнымъ, не престати отъ работы, дондеже измелеши все жито, да и ты поработаеши на святую братію! И сія рехъ, ста на молитву; бѣсъ же не смѣ преслоушати, измоловъ жито все до свѣта, пять возъ. Θεодоръ же възвѣсти келареви, да пришлетъ по муку. Оудивив же ся келарь дивному чюдеси, яко пять возъ единою ноцію смолото, и (вывезе ис пещеры) пять возъ муки, (тоже и другая пять возъ прибьсть (муку)).

И се дивно чюдо бысть тогда и нынѣ слышацимъ, събысть бо ся реченное в евангеліи: яко и бѣси повинуются вамъ о имени моемъ; се бо, рече, дасть ся вамъ власть наступати на зміа и на скорпію и на всю силу вражію, и прочее; хотѣвше оубо бѣси пострашити блаженнаго, и съоузу собѣ работную пріискаша, еже вопити имъ: к тому здѣ не обрящем ся!

Θеодоръ же и Василии съвѣтъ богоугоденъ положиша между собою, еже николи же мысли своя оутати отъ себе, но сію разрѣшити и разсудити, (еже до божію съвѣту). Василии бо в пещеру входитъ, Θεодоръ же старости ради (ис пещеры исходитъ), кѣлію себѣ поставити (хотя) на ветхомъ дворѣ: бѣ бо тогда пожженъ монастырь. И плотомъ привезенымъ на брегъ на строеніе церкви и всѣмъ кѣліамъ, и извозникамъ наятымъ на гору возити, Θεодоръ же, не хотя быти пиѣмъ тяжекъ, самъ на себѣ нача носити древа;

аще что възношаше Феодоръ стросніа ради кѣліа своя, бѣси же, пакости ему дѣюще, смѣташа с горы, симъ хотяще прогнати блаженнаго. Феодоръ же рече: во имя господа бога нашего, повелѣвшаго вамъ въ свиніа итти: велит вы мною, рабомъ своимъ, да всяко древо, иже на брези, на гору възнесете! да боудуть бѣси труда работающіи богови и тѣмъ оустроять домъ молитвенный (святіи владычицѣ нашей) богородици, и кѣліи себѣ оуготовать, да престаните пакости имъ творяще и оувѣсте, яко есть господь на мѣстѣ семъ. В тоу же ноцъ не престаша бѣси носяще древеса отъ Днѣпра на гору, дондеже не остана (ни едино древо долѣ), яко симъ възградиша церковь и кѣліа, покров же и помость, и елико довольно всему манастырю на потребу. Заутра же вѣставше извозници, и ѣхаша на брегъ, хотяще возити древо, и ни единого же отбрѣтоша на брези, но все соуще на горѣ; тоже все не въ единомъ мѣстѣ кладено, но все разно, с чимъ коему быти в мѣсто: покровъ особно и помость особно; великое доубіе, еже не оудобъ носимо за дългость, все цѣло на горѣ обрѣте. Се же дивно бысть всѣмъ видѣвшимъ и слышавшимъ, еже створи ся выше челоуѣчески силы, еже (иновѣрнымъ) мноземъ (невѣрно) вмѣнися, величества (ради чюдеси); но свидѣтели симъ прославиша бога, творящаго предивная чюдеса, своихъ ради оугодникъ; (яко же) рече господь: не радуита ся, яко дуси вамъ повинуются, радуите же ся паче, яко имена ваша написана соуть на небесѣхъ! но се оубо съдѣя господь въ славу свою молитвъ ради святыхъ отецъ нашихъ Антоніа и Феодосіа.^а).

*) Стр. CLXVIII CLXX.

XXII. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.

(Проф. Е. Е. Голубинскій. «Исторія русской Церкви». Томъ I. М. 1880).

Патериками — *πατερικόν* подразумевается *βιβλίον*, по-русски — отечникъ, отечная книга, т. е. книга отцовъ или объ отцахъ, — у грековъ назывались въ области аскетической литературы собранія — или краткихъ, исполненныхъ чудесъ, повѣстей о подвижникахъ какой-нибудь знаменитой иночествомъ мѣстности, или краткихъ аскетически-нравоучительныхъ словъ этихъ отцовъ, или же того и другого вмѣстѣ. Такъ извѣстны Патерики Египетскіе (Азбучный и Скитскій), Иерусалимскій, Синайскій. Нашъ Патерикъ Печерскій, представляя собою подражаніе патерикамъ греческимъ, явился собраніемъ перваго рода, именно — собраніемъ краткихъ, исполненныхъ чудесъ, повѣствованій о подвижникахъ Печерскаго монастыря и о самомъ монастырѣ. Первое начало Патерику Печерскому положилъ нашъ первый лѣтописецъ. Будучи монахомъ Печерскаго монастыря, онъ не могъ оставить, чтобы, передавая потомству дѣянія, такъ сказать, чужихъ, не увѣковѣчить славы своего родного мѣста. Разсказавъ подробно, во-первыхъ, подъ 1051 г. объ основаніи монастыря преподобными Антоніемъ и Феодосіемъ, и, во-вторыхъ — подъ 1074 годомъ о смерти Феодосія, начальный лѣ-

тописецъ присоединяетъ къ послѣднему изъ разска-зовъ, на похвалу и на прославленіе монастыря, по-вѣсть о святомъ въ немъ жительствѣ при Θεодосіи и послѣ его смерти. Сказавъ, что собранные Θεодо-сіемъ и оставшіея послѣ него чернецы «яко свѣтила въ Руси сіяли», что одни изъ нихъ упражнялись въ однихъ подвигахъ, другіе — въ другихъ и что всѣ они представляли союзъ связуемаго крѣпкою и высокою любовію братства, лѣтописецъ затѣмъ, какъ онъ го-ворить, «намѣняетъ нѣколько мужъ чудныхъ», т. е. рассказываетъ какъ бы къ примѣру о нѣсколькихъ подвижникахъ Печерскихъ, еще при своей жизни про-славившихся тѣмъ или другимъ даромъ чудотворенія.

Послѣ небольшого начала, положеннаго лѣтопис-цемъ, дальнѣйшихъ повѣствованій о подвижникахъ и чудотворцахъ Печерскихъ не являлось въ про-долженіе около ста съ четвертью лѣтъ. Наконецъ, въ первой половинѣ XIII вѣка почти за разъ написаны были два собранія повѣствованій о нихъ, которыя и составили собственный Патерикъ Печерскій. Ав-торами этихъ собраній были — епископъ Владимир-скій и Суздальскій Симонъ и монахъ Печерскаго монастыря Поликарпъ.

Симонъ, постриженникъ Печерскаго монастыря, взятый изъ него вел. кн. Всеволодомъ Юрьевичемъ въ игумены основаннаго имъ во Владимирѣ Рождествен-скаго монастыря, вѣроятно, при самомъ основаніи это-го послѣдняго въ 1197 г., а во всякомъ случаѣ являю-щійся какъ таковой въ 1206 году, былъ поставленъ первымъ епископомъ новооткрытой епархіи Влади-мирской, отдѣленной отъ Ростовской, по избранію сына и преемника Всеволодова Юрія, въ 1214 г. Послѣ 12-лѣтняго правленія онъ скончался въ 1226 г. Ска-

запія о подвижникахъ и о чудесахъ Печерскихъ, написанныя Симономъ, имѣють форму приложенія къ частному письму, именно — адресованному къ помянутому нами выше монаху печерекому Поликарпу. Этотъ Поликарпъ, бывъ или любимымъ ученикомъ Симона по монашеству или, что гораздо вѣроятнѣе, его близкимъ родственникомъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые никакъ не могутъ устроить себя и которымъ вездѣ не хорошо и не по себѣ. Приѣхавъ изъ Печерскаго монастыря къ Симону во Владимиръ, Поликарпъ пожилъ у него нѣкоторое время и снова возвратился назадъ. Сознавая себя не худшимъ другихъ людей, онъ стремился къ власти, чтобы, будучи начальникомъ, приносить болѣе пользы, но, получая власть, онъ раскаивался и находилъ, что лучше быть подчиненнымъ: дважды ему было доставляемо игуменское мѣсто и дважды онъ возвращался съ него въ Печерскій монастырь. Возвратившись въ послѣдній разъ, онъ все таки не успокоился, — началъ представлять изъ себя критикующую власти и всѣмъ основательно или неосновательно недовольную оппозицію и вмѣстѣ вообразать себя человѣкомъ неощѣнимымъ, преслѣдуемымъ и обижаемымъ. Свои претензіи, свое недовольство и свои обиды Поликарпъ высказалъ въ письмѣ къ Симону. Это письмо Поликарпа въ совокупности со всѣмъ его поведеніемъ заставило Симона написать ему строго обличительное и наставительное посланіе. И къ этому-то посланію, чтобы показать Поликарпу, какое избранно и исключительно святое мѣсто — Печерскій монастырь, и чтобы убѣдить его къ неисходному пребыванію въ немъ, Симонъ и приложилъ рядъ сказаній о чудотворцахъ

Печерскихъ и о чудесахъ, бывшихъ въ самомъ монастырѣ при построеніи его главной или великой церкви. Такова литературная форма, въ которой Симонъ обнародовалъ свое собраніе сказаній. Не можетъ не представляться она нѣсколько странной и не совсѣмъ понятной. Несомнѣнно, что собраніе сказаній назначалось не для Поликарпа только въ видахъ его личнаго назиданія, а вообще для всѣхъ русскихъ людей или имѣло назначеніе публичнаго сочиненія, и однако ему дается видъ приложенія къ частному письму. Что заставило Симона поступить такъ, положительно сказать не беремся. Можно съ вѣроятностью предполагать, что онъ стѣснялся обнародовать свое собраніе сказаній въ видѣ настоящаго или обыкновеннаго публичнаго сочиненія, опасаясь сомнѣній и невѣрія; придавая собранію сказаній форму произведенія, имѣющаго частное назначеніе, Симонъ давалъ невѣрующимъ тотъ отвѣтъ, что это писано не для нихъ. Какъ бы то ни было, но дѣло въ его теперешнемъ видѣ имѣетъ себя далеко неестественно. Рѣчь идетъ о знаменитыхъ подвижникахъ и чудотворцахъ Печерскаго монастыря. И Симонъ и Поликарпъ — оба монахи этого монастыря. Если зналъ о подвижникахъ и чудотворцахъ одинъ, то, очевидно, долженъ былъ знать о нихъ и другой. А между тѣмъ одинъ представляется рассказывающимъ другому какъ невѣдомое то, что должно было быть для него вѣдомымъ и притомъ отсутствующій изъ монастыря рассказываетъ находящемуся въ немъ *).

*) Сказавъ кратко о священномученикѣ Кукишѣ и Пиментѣ постникѣ, Симонъ прибавляетъ: - Оставляю убо много глаголати, еже о святыхъ; аще ли не довлѣетъ ти моя бесѣда, иже слы-

Есть и еще нѣчто не совѣтъ естественное въ трудѣ Симона въ его настоящемъ видѣ, что также бросается въ глаза, хотя и не особенно рѣзко. Между письмомъ къ Поликарпу и приложеніемъ къ нему, состоящимъ изъ повѣстей или составляющимъ Патерику, нѣтъ полнаго соответствія. Въ письмѣ Симонъ обличаетъ Поликарпа за то-то и за то-то; повѣсти приложены, конечно, за тѣмъ, чтобы подтвердить примѣрами все сказанное имъ самимъ. На самомъ же дѣлѣ онѣ служатъ не къ сему, а къ подтвержденію того, что вовсе не составляетъ главнаго предмета письма, такъ что въ приложеніи находимъ не то, чего слѣдовало бы ожидать по письму, и оно является не дѣйствительнымъ приложеніемъ, а вещью особою и самостоятельною, только облеченною въ несоответствующую форму.

Собраніе сказаній, написанныхъ Симономъ, состоитъ изъ девяти отдѣльныхъ рассказовъ о чудотворцахъ Печерскихъ и изъ пяти, составляющихъ одно цѣлое, частныхъ рассказовъ о чудесахъ, сопровождавшихъ построеніе главной Печерской церкви. Что касается до времени жизни лицъ и времени со-

 ша отъ оустъ моихъ, то ни самое писаніе на оувѣреніе ты привести, аще ли же и симъ не вѣруеши, то аще кто и отъ мертвыхъ въскреснетъ, не имеши вѣры. (В. Яковлевъ. «Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ», стр. ХСVIII.) Писано Поликарпу, но назначено, очевидно, не для него, ибо если бы въ немъ подозрѣвалось невѣріе, то оно было бы обличено выше — въ самомъ письмѣ и не мимоходомъ. Говоря объ Аванасіи затворникѣ, Симонъ уже прямо обращается ко всѣмъ невѣрующимъ и въ концѣ концовъ даетъ имъ тотъ отвѣтъ, который мы предположили, именно — что это писано не для нихъ. Приступая къ описанію чудесъ, бывшихъ при построеніи Печерской церкви, Симонъ уже совсѣмъ забываетъ, что пишетъ для Поликарпа, а не для всѣхъ, и оглавляетъ сказаніе: Слово о сзданіи церкви, разумѣютъ вси, яко самого Господа промысломъ и пр. (тамъ же стр. СХ)

бытій, о которыхъ разсказываетъ Симонъ, то въ двухъ случаяхъ онъ говоритъ какъ очевидецъ, въ двухъ передаетъ со словъ очевидцевъ, во всѣхъ же остальныхъ источникомъ его свѣдѣній должны быть считаемы сохранявшіяся въ Печерскомъ монастырѣ преданія.

Собраніе Симона дополнилъ новымъ собраніемъ тотъ самый Поликарпъ, къ которому писалъ онъ, и который адресуетъ свой трудъ какъ бы посланіе тогдашнему архимандриту Печерскому Акиндину. Сначала читается краткое вступленіе или введеніе, въ которомъ Поликарпъ говоритъ Акиндину, во-первыхъ, объ источникѣ своихъ свѣдѣній, во-вторыхъ о томъ, почему пишетъ ему вмѣсто того, чтобы разсказывать устно, затѣмъ слѣдуютъ самыя повѣсти, которыхъ у Поликарпа числомъ 11 - ть.

Какъ Симонъ писалъ собственно не для Поликарпа, а для публики, и только нашель удобнѣйшимъ обнародовать свой трудъ въ формѣ собранія, назначеннаго для частнаго лица, такъ и Поликарпъ, конечно, писалъ собственно не для Акиндина, а для той же публики. Литературная форма, имъ избранная, еще болѣе неловка, чѣмъ это у Симона. Если тамъ представляется дѣло такимъ образомъ, что изъ двухъ монаховъ одного и того же монастыря одинъ знаетъ о чудотворцахъ, въ немъ бывшихъ, а другой нѣтъ, то тамъ по крайней мѣрѣ старшій разсказываетъ младшему. Здѣсь, напротивъ, дѣло представляется такимъ образомъ, что младшій разсказываетъ старшему то, что послѣдній долженъ былъ знать безъ него и лучше его. Какъ на источникъ своихъ свѣдѣній, Поликарпъ ссылается, во введеніи, вѣроятно, для приданія большаго авторитета своимъ сло-

вамъ въ глазахъ читателей, на епископа Симона; но на эту ссылку нельзя иначе смотрѣть, какъ на новую и также большую литературную неловкость. Еслибы это дѣйствительно было такъ, то, во-первыхъ, спрашивалось-бы: почему самъ Симонъ не досказалъ того, что рассказываетъ Поликарпъ; во-вторыхъ, и главное, тогда рождался бы вопросъ: какимъ образомъ о чудотворцахъ и чудесахъ Печерскихъ зналъ только Симонъ и никто болѣе? Наконецъ, Поликарпъ, придавая своему сочиненію странную форму посланія архимандриту собственнаго монастыря, сознавалъ необходимымъ отвѣтить на вопросъ: съ какой стати онъ пишетъ, а не повѣствуетъ устно человѣку, находящемуся съ нимъ въ одномъ мѣстѣ. На этотъ вопросъ онъ находится дать слѣдующій далеко не совсѣмъ естественный отвѣтъ, обращенный къ Акидину: «Ты спрашивалъ меня и велѣлъ рассказывать о дѣяніяхъ тѣхъ черноризцевъ. Но ты знаешь мою грубость и дурной обычай, что о чемъ бы ни была рѣчь, я всегда съ страхомъ бесѣдую съ тобою. Какъ же могъ я ясно рассказывать сотворенныя ими чудеса? Кое что изъ тѣхъ преславныхъ чудесъ я рассказалъ тебѣ, но гораздо больше забылъ отъ страха и рассказывалъ неразумно, стыдясь твоего благочестія» *). Поликарпъ придаетъ своему сочиненію форму частнаго пись-

*) В. Яковлевъ, стр. СХХVII: «Въспросилъ мя еси гдѣкогда, велѣше сказать отъ тѣхъ черноризцевъ содѣланная. Свѣды мою грубость и неизящное нрава, иже всегда съ страхомъ въ всякой повѣсти бесѣдуя предъ тобою, то како могу ясно изрещи створенная ими знаменія и чюдеса преславная и мало нѣчто сказать отъ тѣхъ преславныхъ чюдесъ, а множиша забыхъ отъ страха. Стыдяся твоего благочестія, неразумно исповѣдати, понудихя писаніемъ извѣстити тебѣ . (Срв. выше стр. 541).

ма, конечно, по той же причинѣ, что и Симонъ; но странно, что онъ даетъ ему форму письма, адресованнаго къ собственному архимандриту, а не къ кому-нибудь стороннему. Лица и событія всѣхъ 11-ти разсказовъ Поликарпа относятся къ такому отдаленному отъ него времени, что источникомъ всѣхъ должны быть считаемы устные преданія Печерскаго монастыря.

Содержаніе всѣхъ разсказовъ и Симона и Поликарпа составляютъ чудеса, совершившіяся въ Печерскомъ монастырѣ. Отличительная черта наибольшей части чудесъ есть ихъ исключительность и великость или особенная необычайность. Самъ Симонъ, указывая на эту черту ихъ Поликарпу, спрашиваетъ его: «пойстинѣ, братъ Поликарпъ, гдѣ слышалъ ты о такихъ дивныхъ чудесахъ, какія творились во святомъ Печерскомъ монастырѣ?» Разсказавъ о чудесахъ, бывшихъ при построеніи главной церкви Печерской, Симонъ пишетъ *): «прошли мы книги Ветхаго и Новаго Завѣта и нигдѣ не находили о святыхъ церквахъ такихъ чудесъ, какъ объ этой».

Въ литературномъ отношеніи оба сочиненія и Симоново и Поликарпово сравнительно очень удовлетворительны. Симонъ въ своей вступительной части къ разсказамъ или въ своемъ собственномъ обличительномъ письмѣ къ Поликарпу даетъ видѣть въ себѣ не просто толковаго разсказчика, но вообще писателя и оратора очень замѣчательнаго.

Величайшее сравнительно множество дошедшихъ до насъ списковъ Патерика Печерскаго несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что онъ былъ самою любимую четвѣю книгою нашихъ предковъ. На этомъ, кажется,

*) В. Яковлевъ, стр. СХІХ.

основаніи многіе думаютъ, что онъ представляетъ собою книгу самую назидательную для ищущихъ назиданія людей. Но это послѣднее требуетъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ пояснительныхъ рѣчей. Собственною цѣлью составителей Патерика, какъ они прямо и ясно даютъ знать, было то, чтобы увѣковѣчить въ потомствѣ память о великихъ чудесахъ, совершившихся въ Печерскомъ монастырѣ, и чтобы вмѣстѣ съ симъ показать, что Печерскій монастырь есть богоизбранное и святое мѣсто. Независимое отъ сей цѣли составителей и прямое, по отношенію къ читателямъ, назиданіе Патерика есть то, что руками великихъ подвижниковъ Богъ творитъ великія чудеса. Но если разумѣть назиданіе въ обыкновенномъ смыслѣ наставленія и руководства къ благочестивой христіанской жизни, то въ семъ смыслѣ и не для монаховъ только, которымъ естественно имѣть передъ глазами примѣръ подвижниковъ, а и для мірянъ, которые подвижниками быть не могутъ, Патерикъ не составляетъ книги ни исключительно, ни нарочито назидательной*).

*) Лучшую характеристику религіозности русскаго общества въ первое время по принятіи христіанства по Патерику см. во второй части «Очерковъ по исторіи русскаго культуры» проф. П. Н. Миллюкова. (Спб. 1897, стр. 8 и слѣд.). Патерикъ долго оставался «одною изъ самыхъ любимыхъ книгъ для народнаго чтенія»; по нему можно «лучше всего измѣрить наибольшую высоту того духовнаго подъема, на который способна была Русь, только что покинувшая свое язычество».

XXIII. ПОУЧЕНИЕ ДѢТЯМЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
КІЕВСКАГО ВЛАДИМИРА ВСЕВОЛОДОВИЧА
МОНОМАХА.

(По тексту *Лѣтописи по Лаврентьевскому списку* подь 1096-мъ г.).

П О У Ч Е Н Ы Е .

Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленнымъ, славнымъ, нареченый въ крещеніи Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мъномахы *)

и хрестьяныхъ людей дѣля, колико бо сблюдь по милости своей и по отни молитвѣ отъ всѣхъ бѣдъ. Сѣдя на санехъ, помыслихъ в души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ днєвъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицу, не посмѣйтеся, но ему же люба дѣтий моихъ, а приметь ю в сердце свое, и не лѣнитися начнетъ такоже и тружатися: первое, Бога дѣля и душа своя, страхъ имѣйте Божий в сердци своемъ, и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотица си, а не поохрищаются, но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санехъ сѣдя, безлѣпницу (е)си молвилъ.

Урѣтоша бо мя слы отъ братья моя на Волзѣ, рѣща: «потѣснися к намъ, да выженемъ Ростисла-

*) Послеъ этого слова въ рукописномъ подлинникѣ пробѣлъ въ четыре съ половиною строки; начала поученія не достаетъ.

веча и волость ихъ отъимемъ; еже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ», и рѣхъ: «аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити». И отрядивъ ѱ, возьмъ Псалтырю, и печали разгнухъ ѱ, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя? и прочая. И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду, и написахъ: аще вы послѣдняя не любя, а передняя принимайте. Вскую печална еси, душе моя? вскую смущаеши мя? упова(ѱ) на Бога, яко исповѣмся ему. Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же Господа, ти обладаютъ землею. И еще мало, и не будетъ грѣшника; взищеть мѣста своего, и не обрящеть. Кротции же наслѣдятъ землю, наслаждаться на множествомъ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчетъ на нь зубы своими; Господь же посмѣется ему, и прозритъ, яко придетъ день его. Оружья извлекоша грѣшници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемъ. Оружье ихъ внидетъ въ сердца ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшныхъ многа. Яко мышца грѣшныхъ скрушатся, утверждаетъ же праведныя Господь. Яко се грѣшници погыбнуть; праведныя же милуя и даетъ. Яко благословящии его наслѣдятъ землю, кленущии же его потребятся. Отъ Господа стопы чловѣку исправятся. Егда ся падеть, и не разбѣется, яко Господь подьметъ руку его. Унь бѣхъ, и сстарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милуетъ и в займъ даетъ праведный, и племя его благословлено будетъ. Уклонися отъ

зла, створи добро, визищи мира и пожени, и живи в вѣкы вѣка. Внегда стати человѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила. Помилуй мя, Боже, яко попра мя человѣкъ, весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози бо-рющиеся со мною с выше. Возвеселится праведникъ, и егда видить мечь; руцѣ свои умыеть в крови грѣшника. И рече убо человѣкъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо Богъ судяй земли. Измий мя отъ врагъ моихъ, Боже, и отъ встающихъ на мя отъими мя. Избави мя отъ творящихъ безаконье, и отъ мужа крови спаси мя; яко се уловиша душу мою; и яко гнѣвъ въ ярости его, и животъ в воли его; вечеръ водворится плачь, а заутра радость. Яко лучшии милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похваляти тя. Тако благословлю тя в животѣ моемъ, и о имени твоємъ въздѣю руцѣ мои. Покры мя отъ соньма лукаваго, и отъ множества дѣлающихъ неправду. Возвеселитесь вси праведнии сердцемъ. Благословлю Господа на всяко время, воину хвала его, и прочая.

Якоже бо Василий учаше, собравъ ту уноша, душа чисты, нескверньни, тѣлеси худу, кротку бесѣду и в мѣру слово Господне: яди (и) питью бесъ плища велика быти, при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, с точными и меншими любовь имѣти; без лука бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, не обило смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, к женамъ нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ; пребѣгати, не стрѣкати учить легкихъ, власти ни в кую же имѣти, еже отъ всѣхъ честь;

аще ли кто васъ можетъ инѣмъ услѣти, отъ Бога мзды да чаеъ и вѣчныхъ благъ насладится.

О владычице Богородице! отъими отъ убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего; в пустошнѣмъ семь житъи научися, вѣрный человекѣ, быти благочестию дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, инѣву погубленье, помысль чисть имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради; лишаемъ — не мести, ненавидимъ любо гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ, избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицу; придѣте, да сождемъся, глаголетъ Господь; аще будутъ грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я, и прочее.

Восияеть весна постная и цвѣтъ покаянья; очистимъ себе, братья, отъ всякоя крови плотскыя и душевныя, свѣтодавцю вопьюще рцѣмъ: слава тобѣ, человекѣколюбче! Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человекѣколюбецъ Богъ милостивъ и премилостивъ; мы человекѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хоцемъ ѿ пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь нашъ, владѣя и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и паки и до живота нашего, яко отецъ, чадо свое любя, бя, и паки привлачить е к собѣ. Также и Господь нашъ показалъ ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею; да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь Божья оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствия не лишитися.

А Бога дѣла не лѣнитесь, молю вы ся, не забы-

вайте 3-хъ дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодь, яко инни добрии терпятъ, но малымъ дѣломъ уллучити милость Божью.

Что есть человекъ, яко помниши ѱ? Велий еси, Господи, и чудна дѣла твоя, никакже разумъ человекъ не можетъ исповѣдати чудесъ твоихъ; и паки речемъ: велий еси, Господи, и чудна дѣла твоя и благословено и хвално имя твое в вѣкы по всей земли. Иже кто не похвалитъ, ни прославляетъ силы твоя и твоихъ великихъ чудесъ и добротъ, устроеныхъ на семь свѣтъ; како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, твоимъ промысломъ! звѣрье разнолични, и птица и рыбы украшены твоимъ промысломъ, Господи!

И сему чюду дивуемъся, како отъ персти создавъ человекъ, како образи разнолични въ человекъскихъ лицахъ, аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кыйже своимъ лица образомъ, по Божии мудрости; и сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идутъ, и первѣе (въ) наши руцѣ, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идутъ по всѣмъ землямъ, Божиимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля; все же то даль Богъ на угодьи человекомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, Господи, милость твоя на насъ, яже та угодыя створилъ еси человекъ дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, Господи, егда повелиши, то вспоютъ, и человекы веселятъ тебе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣютъ.

А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло! всяка чюдеса и ты доброты створивъ и здѣлавъ, да

иже не хвалить тебе, Господи, и не вѣруеть всеѣмъ сердцемъ и всею душею въ имя Отца и Сына и свя- таго Духа, да будетъ проклятъ.

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественная, похвалите Бога, давшаго намъ милость свою, и се отъ худаго моего безумья наказанье; послушайте мене, аще не всего примете, то половину.

Аще вы Богъ умякчить сердце, и слезы своя испу- стите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: якоже блудницу и разбойника и мытаря помиловаль еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй, и в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одіну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнетъ не мочи, а трижды; а того не забываете, не лѣвнитесь, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человекъ побѣ- жаетъ дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ че- ловѣкъ избываетъ. Аще и на кони ѣздяче не будетъ ни с кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте бес преста- ни, втайнѣ; та бо есть молитва всеѣхъ лѣпши, не- жели мыслити безлѣпцию ѣздя.

Всего же паче убогихъ не забываете, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человекъ. Ни права, ни крива не убивай- те, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакаго же хрестьяны.

Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь Бо- гомъ, ни хреститесь, нѣту бо ти нужна никоеяже; аще ли вы будете крестъ цѣловати к брати, или къ кому, а ли управивъше сердце свое, на немже можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавшие блю- дѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ. Епис-

копы, и попы, и игумены с любовью взимаите отъ нихъ благословленье, и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да примете отъ нихъ молитву отъ Бога.

Паче всего гордости не имѣйте в сердцахъ и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесъ живи, а завтра в гробѣ; се все, что ны еси вдаль, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало дний, и в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему.

На войну вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и почь, отвсюду нарядивше около вой, тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавшие лѣнощами, внезапно бо человекъ погыбаеть. Лжѣ блюдиися и пьянства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло.

Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ. Куда же поидете, идеже станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда же к вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или соль, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ человекъ по всѣмъ землямъ, либо добрымъ, либо злымъ.

Болнаго присѣтите; надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есмы; и человекъ не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не

дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ все-
му: страхъ Божий имѣйте выше всего; аще забываете
всего, а часто прочитайте: и мнѣ будетъ бе — сорама*),
и вамъ будетъ добро. Егоже умѣючи, того не забывай-
те доброго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите,
якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ,
в томъ бо честь есть отъ инѣхъ земля. Лѣнность бо
всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а егоже не
умѣеть, а тому ся не учить; добръ же творяще, не
можете ся лѣннити ни на что же доброе, первое к
церкви: да не застанеть васъ солнце на постели;
такъ бо отецъ мой дѣяшеть блаженный и вси доб-
рии мужи свершении; заутренюю отдавши Богови
хвалу и потомъ солнцю въходящую, и узрѣвше солнце
и прославити Бога с радостью, и рече: просвѣти
очи мои, Христе Боже, и(же) даль ми еси свѣтъ
гвой красный, и еще: Господи, приложи ми лѣто къ
лѣту, да прокъ, грѣховъ своихъ покаявъся, оправ-
дивъ животъ, тако похвалю Бога; и сѣдше думати
с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ
ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть
отъ Бога присужено полудне, о ть чинъ бо почи-
ваетъ и звѣрь, и птици, и чловѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся
есмь тружалъ, пути дѣя и ловы 13 лѣтъ. Первое к
Ростову идохъ, сквозѣ Вятичѣ, посла мя отецъ, а
самъ иде Курьску; и паки 2-е к Смолиньску со Став-
комъ Скордятичемъ, той паки и отъиде къ Берестию
со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску; то и —
Смолиньска **) идохъ Володимерю. Тое же зимы той
посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху

*) Т. е. безъ срама.

**) Т. е. изъ Смоленска.

пожгли, той ту блюд(ох)ъ городъ тѣхъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творить с Ляхы; оттуда паки на лѣто Володимерю опять. Та посла мя Святославъ в Ляхы: ходивъ за Глоговы до Чешскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци; и в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее Новгородское; та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову.

И Святославъ умре, и язъ паки Смолинську, а и — Смолинська той же зимѣ та к Новугороду; на весну Глѣбови в помочь; а на лѣто со отцемъ подъ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомъ подъ Полтескъ; ожгоша Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я с Половци на Одрьскъ, воюя; та Чернигову. И паки и — Смолинська къ отцю придохъ Чернигову; и Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвахъ ѝ к собѣ на обѣдъ со отцемъ в Черниговѣ, на Краснѣмъ дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривенъ золота. И паки и — Смолинська же пришедъ, и придохъ сквозѣ Половечьскыи вои, бьяся, до Переяславля, и отца налѣзохъ с полку пришедша; той паки ходихомъ, томъ же лѣтѣ, со отцемъ и со Изяславомъ битися Чернигову с Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга. И паки идохомъ Переяславлю, и стахомъ во Обровѣ, и Всеславъ Смолнескъ, ожъже, и азъ всѣдъ с Черниговци о двою коню; и не застахомъ въ Смолинскѣ; тѣмже путемъ по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожска, та на Дрьютъскъ воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша Половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с Черниговци и с Половци, на Деснѣ изымахомъ князи Асадука и Саука, и дружину ихъ

избиша; и на заутреѣ за Новымъ Городомъ разгнахомъ силны вой Белкатгина, а се мечи и полонъ весь от(ъ)яхомъ.

А въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимы на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ 1-ю зиму; и паки по Изяславичихъ за Микулинъ, и не постигохомъ ихъ; и на ту весну къ Ярополку совкупляться на Броды. Томже лѣтѣ гонихомъ по Половцихъ за Хороль, иже Горошинъ взяша. И на ту осень идохомъ с Черниговци и с Половци, с Читѣвичи, к Мѣньску: извѣяхомъ городъ, и не оставихомъ у него ни челядина, ни скотины.

На ту зиму идохомъ къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихомъ. И на весну посади мя отецъ в Переяславлѣ передъ братьею, и ходихомъ за Супой; и вѣдучи к Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапно Половечскыѣ князи, 8 тысячъ, и хотѣхомъ с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохомъ в городъ; толко Семцю яша одного живого, ти смердъ нѣколико, а наши онѣхъ боле избиша и изымаша, и не смѣша ни коня пояти въ рудѣ, и бѣжаша на Сулу тое noci; и завтра, на Госпожинъ день, идохомъ к Бѣлѣ Вежи, и Богъ ны поможетъ и святая Богородица: избиша 900 Половецъ, и два князя яша, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста; и потомъ на Святославлѣ гонихомъ по Половцихъ, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевѣ по Половцихъ; и паки на той же сторонѣ у Красна Половци побѣдихомъ; и потомъ с Ростиславомъ же у Варина вежѣ взяхомъ.

И потомъ ходивъ Володимерю, паки Ярополка

посадихъ, и Ярополкъ умре. И паки по отни смерти и по Святополцѣ на Сулѣ бившеся съ Половци до вечера, быхомъ у Халѣпа, и потомъ миръ створихомъ с Тугорканомъ и со инѣми князи Половечьскими; и у Глѣбови чади пояхомъ дружину свою всю. И потомъ Олегъ на мя приде съ Половечскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимъ 8 дней о малу (греблю), и не владуче имъ въ острогъ; (съжа)ливъси хрестьяныхъ душъ и селъ горящихъ и монастырь, и рѣхъ: «не хвалитися поганымъ», и вдахъ брату отца его мѣсто, а самъ идохъ на отца своего мѣсто Переяславлю; и изидохомъ на святаго Бориса день ис Чернигова, и ѣхавомъ сквозѣ полкы Половчскыя, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами, и облизахутся на насъ акы волци стояще, и отъ перевоза и з горъ, Богъ и святой Борисъ не да имъ мене в користь, неврежени доидохомъ Переяславлю.

И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды прияхомъ отъ рати и отъ голода; и идохомъ на вой ихъ за Римовъ, и Богъ ны поможе, избиша и, а другия поимаша; и паки Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ. И Стародубу идохомъ на Ольга, зане ся баше приложилъ къ Половцемъ; и на Богъ идохомъ, с Святополкомъ на Боняка за Рось; и Смолинску идохомъ, с Давыдомъ смирившеся; паки идохомъ другое с Вороницѣ; тогда же и Торци придоша ко мнѣ, ис Половецъ Читѣвичи, идохомъ противу имъ на Сулу. И потомъ паки идохомъ к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихомъ Смолинску; и се нынѣ иду Ростову. И паки с Святополкомъ гонихомъ по Боняцѣ, но ли оли убиша,

и не постигохомъ ихъ; и потомъ по Боняцѣ же гони-
хомъ за Рось, и не постигохомъ его. И на зиму Смо-
линску идохъ, и — Смоленска по велицѣ дни выи-
дохъ; и Гюргева мати умре. Переяславлю пришедъ на
лѣто, собрахъ братью; и Бонякъ приде со всѣми По-
ловци къ Княятиню, идохомъ за ня ис Переяславля
за Сулу, и Богъ ны поможе, и полькы ихъ побѣ-
дихомъ, и князи изымахомъ лѣпшии, и по Роже-
ствѣ створихомъ миръ съ А(е)пою, и поимъ у него
дчерь, идохомъ Смоленську; и потомъ идохъ Росто-
ву. Пришедъ из Ростова, паки идохъ на Половци
на Урубуну с Святополкомъ, и Богъ ны поможе; и
потомъ паки на Боняка к Лубьну, и Богъ ны по-
може; и потомъ ходихомъ в войну с Святополкомъ;
и потомъ паки на Донъ идохомъ с Святополкомъ и
с Давыдомъ, и Богъ ны поможе; и к Выреви бяху
пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти и, ко Ромну
идохъ со Олгомъ и з дѣтми на ня, и они очитивше
бѣжаша. И потомъ к Мѣньску ходихомъ на Глѣба,
оже ны бяше люди заялъ, и Богъ ны поможе, и ство-
рихомъ свое мышленое. И потомъ ходихомъ къ Во-
лодимерю на Ярославца, не терпяче злобъ его. А
изъ Чернигова до Кыева нестишь вѣздохъ ко отцю,
днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни.

А всѣхъ путей 80 и 3 великихъ, а прока не испом-
ню меншихъ. И мировъ есмъ створилъ с Половечь-
скими князи безъ одного 20, и при отци и кромѣ
отца, а дая скота много и многы порты своѣ; и
пустилъ есмъ Половечскихъ князь лѣпшихъ изъ
оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3,
Овчины братьѣ 4, а всѣхъ лѣпшихъ князий инѣхъ
100; а самы князи Богъ живы в руцѣ дава: Коксусъ
с сыномъ, Аклантъ, Бурчевичъ, Таревскій князь Аз-

гулуй, и инѣхъ кметий молодыхъ 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вмстахъ в ту рѣчку въ Славлий; по чеддамъ избъено не съ 200 в то время лѣпшихъ.

А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдохъ в Черниговѣ, а изъ Чернигова вышедъ, и д.....о лѣта по сту уганива(ль) и имъ даромъ всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемъ ловиль есмъ всякъ звѣрь. А се в Черниговѣ дѣяль есмъ: конь дикихъ своима рукама связаль есмъ въ пуцахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того же по Роси ѣздя ималь есмъ своима рукама тѣже кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣхъ и с конемъ, олень мя одинъ боль, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома боль, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочиль ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже; и Богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмъ створиль, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зноу и на зимѣ, не дая собѣ упокоя: на посадники не зря, ні на биричи, самъ твориль что было надобѣ, весь нарядъ и в дому своемъ то я твориль есмъ; і в ловчихъ ловчий нарядъ самъ есмъ держаль, и в конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ; тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ силнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмъ призираль.

Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто, прочегъ, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославляю милость его, иже мя

грѣшнаго и худаго селико лѣтъ сблюдь отъ тѣхъ
часть смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створиль,
худаго, на вся дѣла человѣчская потребна.

Да сю грамотицю прочитаючи, потьснѣтесе на вся
дѣла добрая, славяще Бога с святыми его. Смерти
бо ся, дѣти, не бояще, ни рати, ни отъ звѣри, но
мужское дѣло творите, како вы Богъ подасть; оже
бъ язъ отъ рати, и отъ звѣри, и отъ воды, отъ коня
спадаяся, то никто же васъ не можетъ вредитися и
убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже
отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни
братья не могутъ отъяти, но оче добро есть блюсти,
Божие блюденье леплѣвъ есть человѣчскаго. О мно-
гострастный и печалны азъ! много борешися серд-
цемъ, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣнные
сущи, помышляю како стати предъ страшнымъ су-
дьею, каянья и смѣренья не примшимъ межю со-
бою. Молвить бо иже: Бога люблю, а брата своего
не люблю, ложъ есть; и паки: аще не отпустите
прегрѣшений брату, ни вамъ отпустить отецъ вашъ
небесный. Пророкъ глаголетъ: не ревнуй лукавную-
щимъ, ни завиди творящимъ безаконье; что есть до-
бро и красно, (но еже жити) братья закупъ! . . .
. *) Но все дьяволе
наученье! то бо были рати при умныхъ дѣдѣхъ на-
шихъ, при добрыхъ и при блаженныхъ отцихъ на-
шихъ; дьяволь бо не хоче(тъ) добра роду человѣч-
скому, сваживаает ны. Да се ти написахъ, зане при-
нуди мя сынъ мой, егоже еси хрстиль, иже то сѣдить
близъ тебе, прислалъ ко мнѣ мужъ свой и грамоту,

*) Далѣ слѣдуетъ посланіе Мономаха къ Олегу Святославичу,
писанное въ 1096-мъ г. послѣ муромскаго сраженія, въ которомъ
былъ убитъ Мономаховъ сынъ Изяславъ.

река: ладимъся, и смѣримся, а братцю моему судъ пришесть; а въ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а стануть си предѣ Богомъ; а Русьскы земли не погубимъ. И азъ видѣхъ смѣренье сына своего, сжалихси, и Бога устрашихся, рекохъ: онъ въ уности своей и в безумьи сице смѣряется, на Бога укладаеть: азъ человекъ грѣшенъ есмь, паче всѣхъ человекъ. Послушахъ сына своего, написахъ ти грамоту: аще ю примеша с добромъ ли, с поруганьемъ, свое же узрю на твоёмъ писаньи. Сими бо словеса варихъ ты переди, егоже почаяхъ отъ тебе, смѣреньемъ и покаянемъ, хотя отъ Бога ветхыхъ своихъ грѣховъ (оставления). Господь бо нашъ не человекъ есть, но Богъ всей вселенѣ, иже хоцеть, в мегновеньи ока вся створити хоцеть, ть самъ претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть влася, животомъ владѣя и смертью; а мы что есмы? человекъ грѣшнии, лиси, днесъ живи, а утро мертви, днесъ в славѣ и въ чти, а завтра в гробѣ и бес памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Зри, братъ, отца наю: что взяста, или чимъ има порты? не токмо оже еста створила души своей. Но да сими словеса, пославше быше переди, братъ, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое предѣ тобою, и быше тебѣ, узрѣвши кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, якоже агньцю заколену, и реци быше, столице над нимъ, вникнущи (въ) помыслы души своей: увы мнѣ! что створихъ, и пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзохъ грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы; и реци быше Давыдскы: (яко беззаконие мое) азъ знаю, грѣхъ мой предо

мною есть воину. Не крове дѣля пролѣтъя пома-
заникъ Божий Давыдъ, (нѣ) прелюбодѣянье створи,
посыпа главу свою и плакася горко во тѣ часть,
отда ему согрѣшенья его Богъ. А к Богу бѣше по-
каятися, а ко мнѣ бѣше грамоту утѣшеную, а сноху
мою послати ко мнѣ, зане нѣсть в ней ни зла, ни
добра, да быхъ обуймъ оплакаль мужа ея и оны
сватбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею
первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя; а
Бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ с первымъ сломъ,
да съ нею кончавъ слезы, посажу на мѣстѣ, и ся-
детъ акы горлица на сусѣ дровѣ желтѣючи, а язъ
утѣшюся о Бозѣ.

Тѣмъ бо путемъ шли дѣди и отци наши: судъ
отъ Бога ему пришелъ, а (не) отъ тебе. Аще бы
тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а
Ростова бы не занималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда
ся быхомъ уладили; но самъ разумѣй, мнѣ ли
бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ?
да же еси велѣлъ дѣтяти: «слися къ отцю» десять
я есмъ послалъ. Дивно ли, оже мужъ умерлъ въ
полку ти? лѣпше суть измерли и роди наши; да не
выискывати было чюжего, ни мене в соромъ, ни в
печаль ввести; научиша бо и паропци, да быша
собѣ налѣзли, по оному налѣзоша зло. Да (е)же
начнеши каютися Богу, и мнѣ добро сердце створи-
ши, пославъ соль свой, или пископа, и грамоту
напиши с правдою, той волость възмешь с доб-
ромъ, и наю сердце обратиши къ собѣ, и лѣпше
будемъ яко и преже; нѣсмъ ти ворожбитъ, ни мечь-
никъ. Не хотѣхъ бо крови твоя видѣти у Старо-
дуба: но не дай ми Богъ крови отъ руку твоею
видѣти, ни отъ повѣленья своего, никотораго же

брата. Аще ли лжю, а Богъ мя вѣдаетъ и крестъ честный. Оли то буду грѣхъ створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову, поганыхъ дѣля, ли того ся каю; да то языкомъ братъи пожаловахъ, и пакы е повѣдахъ, зане челоувѣкъ есмь; аще ти добро, да с тѣмъ; али ти лихое, да то ти сѣдять сынъ твой хрестный с малымъ братомъ своимъ, хлѣбъ вѣдучи дѣдень, а ты сѣдиши в своемъ.

А о се ся ради; али хочеши тою убити, ато ти еста, понеже не хочу я лиха, но добра хочу братъа и Русьскѣй земли; а егоже ты хочеши насильемъ, тако вѣ даяла и у Стародуба и мила ся дѣюща по тебѣ, очину твою, али Богъ послухъ тому, с братомъ твоимъ радилися есвѣ, а не поможетъ радитися бес тебе, и не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли к брату дондеже уладимся; оже ли кто васъ не хочеть добра, ни мира хрестьяномъ, а не буди ему отъ Бога мира узрѣти на ономъ свѣтѣ души его. Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая, по Бозѣ, самъ услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего; на страшнѣй при бе-суперникъ обличаюся и прочее.....

Премудрости *) наставниче и смыслу давче, не-смысленымъ казателю и ницимъ заступниче! утверди в разумѣ мое сердце, Владыко! ты дажь ми слово отче, се бо устнама моима не възбрани в(ъ) пити ти: милостиве, помилуй падшаго! упованье мое Богъ, прибѣжище мое Христось, покровъ мой Святыи Духъ; надеже и покрове мой, не презри мене, благая!

Тебе бо имуще помощницу в печали и в болѣзни и отъ злыхъ всѣхъ, и тебе славлю, препѣтая! И

*) Огеюда начинается отрывокъ молитвеннаго содержания.

разумѣйте и видите, яко азъ есмь Богъ, испытавъ (й) сердца и свѣдѣй мысли, обличая дѣла, опаляя грѣхы, судая сиротѣ, и убогу и нищю. Всклонися, душе моя, и дѣла своя помысли, яже здѣя, предъ очи свои принеси, и капля испусти слезъ своихъ, и повѣжъ явѣ дѣянья и вся мысли Христу, и очистишься.

Андрѣа честный, отче треблаженный, пастуше Критъскый! не преставай моляся за ны чтущая тя, да избудемъ вси гнѣва, и печали, и тля, и грѣха и бѣдъ же, чтуща память твою вѣрно. Градъ свой схрани, дѣвице, Мати чистая, иже о тебѣ вѣрно царствуетъ, да тобою крѣпимся и тобѣ ся надѣвемъ, побѣждаемъ вся брани, испромѣтаемъ противныя и творимъ послушенъе. О прегѣтая Мати, рожьшия всѣхъ святыхъ пресвятаго слова: примими нынешнее приношенъе, отъ всякия напасти заступи и грядущия муки к тебѣ вопыющихъ; молимъ ти ся, раби твои, и прекланяемъ си колѣни сердца нашего; приклони ухо твое, чистая, и спаси ны в скорбехъ погружающа(я)ся присно, и соблюди отъ всяко плѣненья вражья твой градъ, Богородице!

Пощади, Боже, наслѣдья твоего, прегрѣшенья наша вся презри, нынѣ насъ имѣя молящихъ тя, на землѣ рожьшюю тя бе-сѣмене, земную милость, изволивъ облещися, Христе, в человѣчество; пощади мя, спасе, рожьдся и схрани рожьшюю тя нетлѣнну по рожествѣ, и егда сядеши судити дѣла моя, яко безгрѣшенъ и милостивъ, яко Богъ и человѣколюбець. Дѣво пречистая, неискусна браку, богообрадованная, вѣрнымъ направленье! спаси мя погыбшаго, к сыну ти вопыюща.

Помилуй мя, Господи, помилуй. Егда хочеши судити, не осуди мя въ огонь, ни обличи мене яростью

си; молитъ тя дѣва чистая, рожшая тя, Христе, и множество ангель и мученикъ зборъ. О Христъ Иисусъ Господъ нашемъ, ему же подобаетъ честь и слава, Отцю и Сыну и святому Духу, всегда і нынѣ, присно, вѣкъ*).

*) Приведенный на стр. 584—602 полностью отрывок изъ лѣтописнаго свода по Лаврентьевскому списку состоитъ изъ трехъ частей: собственно поученія дѣтямъ, посланія къ князю Олегу Святославичу и какого-то молитвеннаго обращенія; въ слитомъ видѣ онъ вставленъ въ Лаврентьевскій списокъ подъ 1096-мъ г. въ средину разказа о людяхъ, заключенныхъ въ горѣ Александромъ Македонскимъ. Разказавъ о нападеніи половцевъ на Печерскій монастырь — «и придоша на монастырь Печерскій, намъ сущимъ по кѣльямъ почивающимъ по заутрени, и кликнуша около монастыря, и поставиша стяга два предъ враты монастырьскими, намъ же бѣжащимъ задомъ монастыря, а другимъ възбѣгшимъ на полати» — лѣтописецъ говоритъ со словъ Меодія Патарскаго о людяхъ, которые «к кончинѣ вѣка изидуть заклепenni въ горѣ Александромъ Македонскимъ нечистыя человѣкы», вставляеть послѣ этого перепечатанный въ сборникѣ отрывокъ, а затѣмъ продолжаетъ свой разказъ о томъ же, начиная словами: «се же хощу сказати, яже слышахъ преже сихъ четырехъ лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичъ новгородецъ...» Излагая поученіе Мономаха, С. М. Соловьевъ («Исторія Россіи» по изданію Спб. 1894, книга I, стр. 316) дѣлаетъ такое замѣчаніе объ его авторѣ: «Мономахъ вовсе не принадлежить къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, удовлетворяютъ новымъ потребностямъ общества: это было лицо съ характеромъ чисто охранительнымъ. Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ наперекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнить существующій порядокъ вещей; но личными доблестями, строгимъ исполненіемъ обязанностей прикрывалъ недостатки существующаго порядка, дѣлалъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ... Съ отвагою, удалюю, ненасытною жаждою дѣятельности въ Мономахѣ соединялся здравый смыслъ, смѣтливость, умѣнье смотрѣть на слѣдствіе дѣла, извлекать пользу». Срв. у А. Н. Пыпина. *Исторія русской литературы*. Томъ I. Спб. 1898, стр. 101 и др.

Ред.

XXIV. ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ЦЕРКОВНЫМИ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНІЯМИ КЪ ВИЗАНТІИ.

(*М. А. Дьяконовъ. «Власть московскихъ государей». СПб. 1889.*)

Принятіе христіанства по обрядамъ греко-православной церкви поставило древнюю Русь въ тѣсныя культурныя отношенія къ Византіи и надолго подчинило первую вліянію византійской *) цивилизаціи.

Носителемъ и провозвѣстникомъ истинъ евангельскаго ученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыхъ взглядовъ на общественныя отношенія, явилось духовенство. Пользуясь привилегированнымъ положеніемъ и благодаря широтѣ предоставленной ему компетенціи, духовенство не только содѣйствовало преобразованію частно-правового быта молодой націи согласно началамъ византійскаго права, но высшіе представители его — митрополиты и епископы — стали въ очень близкія отношенія къ княжеской власти, и ихъ руководительная роль нерѣдко переходила за предѣлы вѣреннаго ихъ попеченію сферъ жизни. Голосъ ихъ сталъ раздаваться на княжескихъ совѣтахъ или думахъ во всѣхъ важ-

*) Срв. у проф. П. Н. Милюкова. *Очерки по исторіи русской культуры.* Сиб. 1897. II, стр. 267—268

ныхъ случаяхъ государственной жизни, ихъ инициатива проникла и въ эту область.

Чтобы оцѣнить значеніе политическаго вліянія духовенства съ этой стороны, необходимо имѣть въ виду, что вновь учрежденная русская митрополія поставлена была въ подчиненіе константинопольскому патріарху. По воззрѣніямъ грековъ, основаніемъ для такого подчиненія, съ одной стороны, служила практика, сложившаяся еще въ первые вѣка христіанства, въ силу которой церковь, получающая свое бытіе отъ другой, становилась подъ ея власть; русская же іерархія вела свое начало изъ Константинополя. Съ другой стороны, византійскіе канонисты Зонара и Вальсамонъ толковали 28-е правило Халкидонскаго собора*) въ томъ смыслѣ, что подчиненные константинопольскому патріарху діоцезы Понтійскій, Азійскій и Фракійскій включаютъ въ себѣ всѣ страны принявшихъ христіанство варварскихъ народовъ: иноплеменные россы отнесены были ими къ Фракійскому діоцезу. Наконецъ, на укорененіе такихъ взглядовъ оказывало свое вліяніе и особенное почетное положеніе константинопольскаго патріарха, носившаго титулъ «вселенскаго» и занимавшаго каеедру міровой столицы вблизи престола главы «христіанской міродержавной римской имперіи».

Византійскіе императоры, считая себя единственными представителями міровой имперіи и не признавая ни за кѣмъ, даже за римскими императорами, права на одинаковое съ ними положеніе, смотрѣли на всѣхъ христіанскихъ государей, какъ

*) Въ 451-мъ г., 4-й соборъ.

на стоящихъ ниже ихъ. Соответственно этимъ воззрѣнiямъ представители христіанскихъ народовъ, принявшихъ христіанство изъ Византіи, оказались не только стоящими въ болѣе низкомъ, но даже въ зависимомъ положеніи отъ имперіи.

Интересы государства и церкви въ Византіи по отношенію къ этимъ народамъ заключались въ томъ, чтобы поддержать въ ихъ глазахъ авторитетъ міровой монархіи и вселенской церкви. Этотъ взглядъ отчасти находилъ свое оправданіе въ существовавшихъ у этихъ народовъ воззрѣнiяхъ на положеніе и значеніе византійской имперіи, какъ представительницы истиннаго правовѣрія. Въ VII вѣкѣ епископы и князья Арменіи слѣдующимъ образомъ выражаютъ свою почтительность византійскому императору: „Всѣмъ хорошо извѣстно, что на васъ почиваетъ благодать божественныхъ даровъ, что доказывается обширностью и могуществомъ, которыми ваше государство, увѣнчанное божественною десницей, превосходитъ всѣ прочія государства. Его можетъ замѣнить развѣ только царство Христово. Первосвященство ваше свято, правдиво и исполнено божіей благодати“ и проч. Подобныя воззрѣнiя могли легко возникнуть влѣдствіе того почтительнаго удивленія, какое возбуждала у полуварварскихъ народовъ пышная и сильная своимъ культурнымъ превосходствомъ византійская имперія. Ея правительство сумѣло воспользоваться этими данными и открыто считало всѣ земли, куда проникло христіанство изъ Греціи, находящимися отъ него въ зависимости не только церковной, но и политической.

Такъ какъ русская церковь съ момента своего возникновенія стала въ подчиненное положеніе къ

церкви константинопольской, то только на почвѣ этого подчиненія и могла возникнуть идея о политической зависимости древней Руси отъ византийской имперіи. Значеніе этой идеи прежде всего должно выясниться при разсмотрѣніи церковнаго подчиненія древней Руси. Для этой же цѣли не столько важна каноническая сторона вопроса, сколько существовавшая въ этомъ отношеніи практика и воззрѣнія константинопольскихъ церковныхъ властей.

Соотвѣтственно этимъ воззрѣніямъ идея о подчиненности русской церкви константинопольскому патріарху основывалась на представленіи, что константинопольскій патріархъ есть «общій отецъ, свыше отъ Бога поставленный для всѣхъ повсюду находящихся христіанъ» и «имѣющій на землѣ права Бога». Въ половинѣ XIV вѣка патріархъ Филофей писалъ русскимъ князьямъ, что они, какъ истинные сыны церкви, должны внимать митрополиту всея Руси и его внушеніямъ такъ, какъ обязаны внимать самому Богу. «Ибо, — пишетъ патріархъ, — такъ какъ Богъ поставилъ нашу мѣрность *предстоятелемъ всѣхъ, по всей вселенной находящихся христіанъ*, попечителемъ и блюстителемъ ихъ душъ, то *всѣ зависятъ отъ меня, какъ общаю отца и учителя*. И если бы мнѣ можно было самому лично обходить всѣ находящіяся на землѣ города и веси и проповѣдывать въ нихъ слово Божіе, то я неупустительно дѣлалъ бы это, какъ свое дѣло. Но поелику одному немощному и слабому человѣку невозможно обходить всю вселенную, *то мѣрность наша избираетъ лучшихъ и отличающихся добродѣтелью лицъ, поставляетъ и рукополагаетъ ихъ пастырями, учителями и архіереями и посылаетъ въ разныя части вселен-*

ной: одного туда, въ вашу великую и многолюдную страну, другого въ другую часть земли; повсюду особаго, такъ что каждый въ той странѣ и мѣстности, которая дана ему въ жребій, *представляетъ лицо, кафедру и всѣ права нашей мѣрности*. Итакъ, — заключаетъ патріархъ, — поелику и вы имѣете тамъ вмѣсто меня преосвященнаго митрополита кіевскаго и всея Руси,....: то вы обязаны оказывать ему великую честь и благопокорность, *каковую должны были бы воздавать мнѣ самому...*, ибо онъ находится тамъ вмѣсто меня, имѣя наши права, такъ что *оказываемое ему почтеніе, послушаніе и благопокореніе относится къ нашей мѣрности, а черезъ насъ переходитъ къ самому Богу*». Эта теорія находила свое практическое выраженіе главнымъ образомъ въ избраніи и поставленіи константинопольскимъ патріархатомъ вышшихъ представителей русской іерархіи, которые должны были или сами приходить въ резиденцію вселенскаго патріарха или присылать отъ себя грамоты и людей, «донося и спрашивая, о чемъ нужно». Примѣнительно къ русской церкви эти порядки соблюдались до половины XV вѣка.

Для упроченія упоманутой зависимости константинопольскому патріарху было выгодно имѣть своими представителями на кафедрѣ митрополіи всея Руси лицъ греческой національности, такъ какъ таковыя должны были гораздо больше тяготѣть къ Византіи и сильнѣе ощущать свою исключительную зависимость отъ Константинополя, а потому были болѣе склонны поддерживать интересы константинопольской церкви и имперіи, хотя бы въ ущербъ интересамъ той страны, попеченіе о духовномъ просвѣщеніи которой имъ было ввѣрено.

Поставленіе грековъ на русскую митрополию было явленіемъ совершенно естественнымъ въ первое время послѣ крещенія Руси. Весьма вѣроятно, что въ то время и большинство епископовъ были также греки, такъ какъ среди русскихъ едва ли могло найтись необходимое число лицъ, достойныхъ занять епископскія катедры. И только послѣ учрежденія монастырей могли явиться достаточно образованные монахи для замѣщенія епископскихъ должностей. Но и долго спустя, въ числѣ русскихъ епископовъ встрѣчаются греки изъ состава выѣхавшихъ при митрополитѣ чиновниковъ. Митрополиты же греки были преобладающимъ явленіемъ въ теченіе всего времени, пока поставленіе на митрополию всея Руси происходило въ Константинополѣ. До монгольскаго ига изъ 21 митрополита только двое были, несомнѣнно, русскіе, и тѣ были поставлены соборомъ русскихъ епископовъ. Послѣ монгольскаго ига митрополитами всея Руси были четверо русскихъ, поставленные въ Константинополѣ. Но съ какой неохотой соглашались тамъ на подобныя отклоненія отъ установившагося обычая, можно видѣть изъ настольной грамоты митрополита Алексѣя, гдѣ прямо сказано, что онъ ставляется въ митрополиты только потому, что былъ рекомендованъ бывшимъ митрополитомъ грекомъ Θεογνωστοмъ, какъ мужъ достойный и способный; что на годичномъ испытаніи въ Константинополѣ удостоиврились въ доброй и похвальной славѣ его имени; что, наконецъ, о немъ великій князь московскій писалъ высочайшему и святому самодержцу. Въ виду всего этого «мы, — говорится въ грамотѣ, — хотя это совершенно необычно и не вполнѣ

*безопасно для церкви, согласились на это —.....только относительно одного киръ Алексѣя, но отнюдь не допускаемъ и не дозволяемъ на будущее время никому изъ русскихъ уроженцевъ сдѣлаться тамошнимъ архіереемъ: это предоставляется кому либо изъ клириковъ сего богопрославленнаго, Богомъ возвеличеннаго и благоденствующаго Константинополя, отличному по добродѣтели и добрымъ качествамъ». Въ грамотѣ предлагается исполнять это и будущимъ патріархамъ, какъ дѣло весьма прекрасное и весьма благопріятное для домостроительства церкви Божіей. Почему добродѣтельный константинопольскій клирикъ былъ пригоднѣе для этой цѣли, чѣмъ добродѣтельный русскій, на это въ грамотѣ находится только косвенное указаніе. Первый можетъ, сказано тамъ, «разрѣшать представляющіеся каноническіе вопросы и водить тамошній христоименный народъ на спасительныя пажити, довольствуясь самъ собой и не нуждаясь ни въ чьей посторонней помощи». Самы константинопольскіе патріархи по политическимъ соображеніямъ иногда отступали отъ только что указанной программы. Патріархъ Нифонтъ, отвѣчая великому князю Михаилу Ярославичу тверскому по поводу жалобъ на митрополита Петра, пишетъ: «Егда придетъ митрополитъ, или исправится *то тѣ* или другого поставимъ, *кого въсхочетъ болюбство* твое, мужа послушествована добрыми дѣлы отъ всѣхъ людей». Патріархъ Ниль, посвящая въ митрополиты Пимена, далъ обѣщаніе, что «послѣ него, на всѣ времена, архіереи всея Руси будутъ поставляемы не иначе, какъ только по просьбѣ изъ Великой Руси». Но это были лишь исключительные случаи уклоненія отъ намѣченной политики.*

Поставленіе же русскихъ и литовскихъ кандидатовъ въ митрополиты имѣло мѣсто или въ виду опасенія утратить власть надъ какой-либо частью русской митрополіи, или въ виду богатыхъ денежныхъ подарковъ. Византійскій писатель XIV в., Никифоръ Григора, въ 37-й книгѣ своей римской исторіи рассказываетъ, что когда Русь присоединилась къ христіанству и была крещена по христіанскому обряду, то разъ навсегда было установлено, что она будетъ подчиняться власти одного духовнаго главы, который по соотвѣтственно распредѣленнымъ округамъ раздѣлитъ на отдѣльныя епископства, большія и малыя, свою церковную область, обнимающую весь народъ; что этотъ верховный глава будетъ подчиненъ константинопольскому архіепископскому престолу и будетъ получать оттуда правила, которымъ обязанъ подчинять свою духовную власть, что по очереди будутъ избирать этого представителя духовной власти изъ среды русской національности и соотечественниковъ автора — ромеевъ по рожденію и воспитанію, которые будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы изъ двухъ случаевъ въ одномъ къ нимъ переходила власть послѣ смерти представителя духовной власти, такъ что утвержденный и санкціонированный этимъ распоряженіемъ союзъ двухъ народовъ, будучи основанъ на почвѣ чистосердечія, ненарушимаго доброжелательства и единства вѣры, упрочивался и проч. Если такое распоряженіе не является только однимъ изъ позднѣйшихъ проектовъ установить *modus vivendi* между двумя церквами, а было издано въ дѣйствительности, то значить оно на первыхъ же порахъ было нарушено со стороны ромеевъ. Съ митрополита Кирилла II дѣйствительно

наблюдается поочередная смена национальностей на кафедру русской митрополии. Но со смертью митрополита Алексѣя эта очередь исчезаетъ. Послѣдніе поставленные въ Константинополь митрополиты всея Руси — Киприанъ, Фотій и Исидоръ — не принадлежали къ русской национальности и не были кандидатами московскаго правительства; послѣдній же былъ поставленъ даже вопреки желанію великаго князя, который отправилъ тогда для поставленія въ митрополиты архіепископа Іону.

Проведеніе идеи зависимости русской церкви отъ константинопольской черезъ посредство избранныхъ въ Константинополь ставленниковъ было удобнѣе при сохраненіи единства русской митрополии. Поэтому, надо думать, отклонено было ходатайство Андрея Боголюбскаго объ учрежденіи особой митрополии во Владимирѣ. Поэтому же въ XIV в., когда явилась опасность раздѣленія митрополии, въ Константинополь вспомнили выгоды единства. Въ соборномъ опредѣленіи 1389 г. выражена мысль, что изначальный порядокъ управленія русской церкви однимъ митрополитомъ возникъ «не просто и не случайно»... Идея зависимости русской церкви отъ константинопольской не стояла одиноко. Если князья обязываются быть послушными митрополитамъ, то митрополиты подчиняются только патріарху и собору: отсюда возможность настаивать на идеѣ о зависимости русскихъ княженій отъ византійскихъ императоровъ....

Въ Византіи считали всѣ земли, куда проникло христіанство изъ Греціи, находящимися отъ нея въ зависимости не только церковной, но и политической. Древняя Русь не избѣгла общей участи. Едва только

таврические руссы успѣли въ началѣ IX вѣка принять крещеніе, какъ патріархъ Фотій въ окружномъ посланіи оповѣщаетъ, что «такъ называемые Руссы, которые, поработивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ римской державы, — въ настоящее время промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію *поставивъ себя въ чинъ подданныхъ* и друзей (нашихъ), вмѣсто грабленія насъ и великой противъ насъ дерзости, которую имѣли незадолго. И до такой степени разгорѣлись въ нихъ желаніе и ревность вѣры, что приняли епископа и пастыря». Отъ половины XII вѣка существуетъ свидѣтельство византійскаго историка Киннама, что императоръ Мануиль смотрѣлъ на галицкаго князя Владимирка *), какъ на своего подчиненнаго союзника или вассала.

Неизвѣстно, когда получилъ русскій князь соотвѣтственный титулъ при дворѣ византійскаго императора. Писатель XIV вѣка Никифоръ Григора, рассказывая о величіи римской имперіи, передаетъ слѣдующее старинное преданіе: «Когда *всѣ царства въ мѣръ соединились подѣ властью римлянъ*,..... тогда стекались въ державный Римъ отовсюду многое множество людей; сюда являлись предводители войскъ, сатрапы, властители народовъ, правители областей и городовъ, одни чтобъ сдѣлаться извѣстными кесарямъ и августамъ, другіе, чтобъ получить себѣ отъ кесарскаго сената какой-нибудь чинъ или мѣсто... Такъ, *при Великомъ Константинѣ п. авитель російскій*

*) Умеръ въ 1162-мъ г.

получилъ титулъ и санъ стольника» и проч. Это сообщеніе подтверждается указаніемъ другого писателя того же вѣка, Максима Планудиса, который говоритъ, что «изъ поработанныхъ римлянами народовъ и ихъ правителей Августъ отличалъ различными почестями нѣкоторыхъ изъ нихъ, показывая этимъ самымъ, что они *вполнѣ подчинены ему*, а онъ оказываетъ имъ приличествующія почести; такъ, правителя руссовъ онъ почтилъ *должностью стольника*. Такъ что когда къ царю Андронику Палеологу пришелъ какой-то посолъ отъ руссовъ, то онъ принесъ привѣтствіе въ такихъ выраженіяхъ, что, *моль, повелитель мой, царь руссовъ, а твоею священнаю величества стольникъ*, униженно преклоняется передъ твоимъ священнымъ величествомъ». Судя по этому указанію, великій князь всея Руси носилъ еще въ XIV вѣкѣ званіе стольника византійскаго императора.

Изъ другого источника узнаемъ, что императоры продолжали включать въ свой титулъ, въ половинѣ XIV вѣка, званіе царей русскихъ. По крайней мѣрѣ, египетскій султанъ въ своемъ письмѣ около этого времени такъ титулуетъ императора: «*rex Graecorum, rex Bulgarorum, Asaniorum, Blachorum, Rhossorum et Alanorum*». Вѣроятно онъ употребилъ титулъ, какимъ именовалъ себя самъ императоръ. Всѣ эти данныя согласно подтверждаютъ, что идея о политической подчиненности древней Руси византійскому императору получила среди грековъ широкое распространеніе и удерживалась еще въ XIV вѣкѣ.

Такое возрѣніе нашло себѣ отраженіе и на католическомъ западѣ. Въ половинѣ XII вѣка германскій король Конрадъ III, первый императоръ «священ-

ной римской имперіи» изъ династіи Гогенштауфеновъ, жаловался своему союзнику императору Іоанну Комнину на русскихъ за серьезную обиду, нанесенную германскимъ подданнымъ. Конрадъ III требовалъ, «чтобы его византійскій союзникъ, какъ подобаеть другу и свойственнику и какъ уже обѣщаль сдѣлать въ своей грамотѣ, наказаль русскихъ, которые оказали неуваженіе къ власти германскаго государя и убили его людей, отнявши у нихъ деньги». Императоръ отвѣчалъ на это, что «относительно дѣла, совершившагося въ Россіи, онъ поступилъ такъ, какъ отъ него ожидали и какъ это соответствовало ея достоинству». Что сдѣлалъ и сдѣлалъ ли что-нибудь по этому дѣлу Іоаннъ Комнинъ — неизвѣстно. Его преемнику Конрадъ III еще разъ писалъ о русскихъ, о которыхъ онъ писалъ и блаженной памяти отцу Мануила, извѣщая, что онъ поручилъ своимъ посламъ передать императору свою волю объ этомъ дѣлѣ. Если нѣмецкій государь жалуется византійскому императору на русскихъ, надѣясь получить удовлетвореніе, то отсюда явствуетъ, что онъ признавалъ за императоромъ верховныя права надъ Русью.

Но условія, при которыхъ могла бы найти отраженіе эта идея на русской почвѣ, были не вполнѣ благоприятны для грековъ. Съ начала возникновенія международныхъ общеній Руси съ Византіей грекамъ не одинъ разъ пришлось убѣдиться въ томъ, какой серьезной опасности они могутъ ждать отъ этихъ предприимчивыхъ варваровъ. Византійское правительство не разъ пыталось привлечь на свою сторону военныя силы Руси и включало въ мирные договоры условіе объ оказаніи русскими помощи

противъ враговъ имперіи. Необходимость повторять эти условія указываетъ, въ какой мѣрѣ они исполнялись. При Владимирѣ Святославичѣ Русь опять воюетъ съ имперіей. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству арабскихъ писателей, незадолго до принятія русскими христіанства, бѣдственное положеніе государства при императорѣ Василии II *) вынудило его просить помощи «у царя русовъ -- а они ея врани». Кіевскій князь согласился исполнить просьбу императора, но подъ условіемъ, чтобы императоръ выдалъ за него свою сестру. *«И заключили они между собою доюворъ о свойствѣ и женился царь русовъ на сестрѣ царя Василия постъ тою, какъ онъ поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его странъ, а они народъ великій... И послалъ къ нему царь Василій впоследствии митрополитовъ и епископовъ, и они крестили царя и всѣхъ, кого обнимали его земли, и отправилъ къ нему сестру свою, и она построила многія церкви въ странѣ русовъ. И когда было рѣшено между ними дѣло о бракѣ, прибыли войска русовъ также и соединились съ войсками грековъ и т. д.»* Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что посланный въ 988 г. кіевскимъ княземъ союзный корпусъ достигалъ до 6000 человекъ и оказалъ большія услуги имперіи. Съ этого времени по конецъ XI вѣка союзный русскій корпусъ въ Византіи является постоянно дѣйствующимъ въ войнахъ имперіи на востокъ и западѣ. Онъ безразлично именуется союзной или наемной силой, союзниками или наемниками; на содержаніе его установлены въ имперіи особые денежные сборы,

*) 976.—1025 г. г., преемникъ Іоанна I Цимисхія.

и отбывалась населеніемъ натуральная повинность, какъ и для прочихъ регулярныхъ войскъ имперіи.

Существованіе въ византійской имперіи значительнаго союзнаго русскаго войска въ теченіе почти столѣтія со времени принятія христіанства могло бы навести на предположеніе, что подобная постоянная служба была результатомъ особаго обязательства, принятаго на себя русскими князьями. Характеръ этого обязательства предстоитъ еще уяснить. Извѣстно, напримѣръ, что вассальныя отношенія Сербіи къ Византіи выражались въ томъ, что первая должна была выставять при походахъ императоровъ на западъ или востокъ опредѣленную военную силу. Однако, если какое-либо обязательство и можно предполагать со стороны русскихъ князей, то необходимо имѣть въ виду, что оно сопровождалось особымъ договоромъ кровнаго родства съ византійскимъ императорскимъ домомъ. Выдать свою сестру за князя варварскаго народа было неслыханною вещью для византійскаго императора и, конечно, великой честью для русскаго князя.

Какъ смотрѣло византійское правительство на отношенія брачущихся сторонъ при столь неравныхъ бракахъ, показываютъ письма византійскаго императора Михаила VII Дуки *) къ кіевскому князю Всеволоду Ярославичу. Императоръ титудуетъ русскаго князя игемономъ, указываетъ на его знатность рода и въ одномъ письмѣ выдѣляетъ его изъ ряда другихъ владѣтелей въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Что касается другихъ властителей народовъ, то, я полагаю, будетъ достаточно, если я засвидѣтельствую имъ

*) 1067—1078 г. г.

любовь письменно; они должны почитать за великое счастье, что я захотѣлъ быть съ ними въ согласіи... Но относительно твоего благородства и разумности я разсудилъ нѣчто большее: устроить *согласіе дружбы*; и не удивляйся, что я *возвышаю тебя изъ среды другихъ властителей* и удостоиваю большей чести, ибо тождество исповѣданія и вѣры божественной уже содѣлало *наиточнѣйшую гармонію въ нашемъ взаимномъ настроеніи*».

Въ другомъ письмѣ императоръ даже указываетъ, что «священныя книги и достовѣрныя исторіи научаютъ, что *наши юсударства оба имѣютъ одинъ нѣкій источникъ и корень*, и что одно и то же спасительное слово было распространено въ обоихъ, что одни и тѣ же самовидцы божественнаго таинства и вѣщатели провозгласили въ нихъ слово евангелія». Императоръ предлагаетъ русскому князю вступить съ нимъ въ общеніе, «*черезъ посредство родственной крови*, чтобы черезъ посредство членовъ отъ обѣихъ (фамилій) скрѣпилось между нами самое прочное согласіе и связался *союзъ любви*». Михайлъ VII Дука находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ при вступленіи своемъ на престолъ и, чтобы пріобрѣсть сильнаго союзника, прибѣгъ къ обычному средству византійской политики — брачному союзу, предлагая русскому князю выдать его дочь за своего брата. Для достиженія этой цѣли русскій князь и возводился въ санъ кровнаго союзника, что должно было льстить его самолюбію. Но, несмотря на такое почетное отличіе, авторъ письма говоритъ, какъ вышій съ низшимъ: «я тебя *возвышаю*; я тебя *удостоиваю*; тебѣ, конечно, не безызвѣстно, что такое *есть императорскя власть у нашихъ римлянъ*, что

даже тѣ, которые вступаютъ въ дальнее родство съ нами, почитаютъ такой союзъ величайшимъ благополучіемъ; вотъ мое благопожеланіе, а твое благополучіе..., ибо твоя власть сдѣлается отсюда болѣе почтенною, и всѣ будутъ удивляться и завидовать тебѣ, получившему такое отличіе». Изъ этихъ словъ очевидно, что и сопричисленные въ духовное родство христіанскіе государи по своему авторитету стояли значительно ниже императоровъ. И значительно позже русскіе князья считались родственными союзниками византійскихъ императоровъ.

Итакъ, при зависимости русской церкви отъ константинопольской, при взглядахъ на Византію, какъ на нѣчто недосыгаемое, и на древнюю Русь, какъ на нѣчто занимающее подчиненное или низменное положеніе, высшіе представители русской іерархіи — греки по преимуществу — должны были поддерживать эти взгляды. Если русскіе по византійскимъ понятіямъ «не имѣли полной собственной независимости, истиннаго національнаго самодержавія и самоопредѣленія, своей самобытной высшей политики», то при сложившихся отношеніяхъ, развитіе идеи объ истинномъ національномъ самодержавіи среди русскихъ не могло входить въ планы греческаго духовенства; не могла въ нихъ входить и идея о политическомъ объединеніи древней Руси, по крайней мѣрѣ въ Константинополѣ отъ этого заранѣе отказались «за невозможностью привести къ единству власть мірскую».

На чемъ же сосредоточивалась политическая роль духовенства со времени принятія христіанства и до начала выработки понятій о самостоятельныхъ національныхъ задачахъ Руси?

Христіанство, признавая сферу государственной жизни совершенно независимую, вносило, однако, въ нее цѣлый рядъ общихъ принциповъ, которые считались обязательными для каждаго христіанскаго государства и пропагандировались на ряду съ религіозными истинами. Къ числу такихъ принциповъ, оказавшихъ немаловажное вліяніе на направленіе и характеръ государственной дѣятельности въ средніе вѣка, слѣдуетъ отнести христіанскую идею о богоустановленности власти. Эта идея представляла немалыя трудности для усвоенія ея слишкомъ простымъ умомъ, непривыкшимъ къ отвлеченнымъ построениямъ. А отвлеченіе было необходимо, чтобы примирить эту идею съ фактами обыденной жизни.

Пропаганда ея на Руси началась вслѣдъ за введеніемъ христіанства и велась то съ меньшимъ, то съ большимъ рвеніемъ. Первое упоминаніе о ней находится въ лѣтописномъ разсказѣ объ искорененіи разбоя при Владимірѣ I. Когда епископы обратились къ князю съ вопросомъ, почему онъ не казнить разбойниковъ, а онъ отвѣтилъ, что боится грѣха, то епископы поучали *) его: «Ты поставленъ

*) «Живяше же Володимиръ в страсть Божья, и умножишася зело разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: «се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?» Онъ же рече имъ: «боюся грѣха». Они же рѣша ему: «ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ». Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники, и рѣша епископи и старци: «ратъ многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди». И рече Володимеръ «такъ буди». И живяше Володимеръ по устроенью отню и дѣлню» — такъ подъ 996-мъ г. въ Лаврентьевскомъ спискѣ, а съ нѣкоторыми перемѣнами въ языкѣ по спискамъ Ипатьекому и Синодальному. Въ позднѣйшихъ спискахъ, напр. Никоновскомъ, присоединяется уже поученіе: «подобаетъ ти со испытаніемъ и

еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милость; достоинъ ти казнити разбойника, но со испытумъ». Владимиръ, исполнявшій съ охотой всѣ совѣты своихъ новыхъ учителей могъ понимать въ буквальномъ смыслѣ идею о своемъ божественномъ поставленіи: спокойное единовластительство подкрѣпляло его въ этомъ убѣжденіи. Но когда въ его потомствѣ открылась почти непрерывная борьба за обладаніе стольными городами, примиреніе этой идеи съ порядками дѣйствительной жизни стало затруднительнымъ. Въ дѣйствительной жизни господствовала большая путаница началъ относительно преемства столовъ: начало очереди старшинства постоянно нарушалось правомъ добыванія волостей; начало семейно-вотчинное сталкивалось съ правомъ населенія призывать князя. Всѣ же эти колеблющіяся отношенія князя старались закрѣпить лишь посредствомъ соглашенія, ряда. Вводить въ эту сферу измѣнчивыхъ отношеній руководство верховнаго промысла значило подвергать его всѣмъ случайностямъ непостоянства человѣческой воли.

Но проповѣдь духовенства о богоустановленности власти не прекращалась. Митрополитъ Иларіонъ въ извѣстномъ словѣ о законѣ и благодати, обращаясь къ кагану Владимиру, говоритъ: «Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгій, *его жь сотвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству*». Въ посланіяхъ своихъ къ Владимиру Мономаху митрополитъ Никифоръ указываетъ, что «князья

разсмотрѣнемъ злыхъ казнити по закону божественному, а добрыхъ милovati; понеже власть во обонхъ сихъ послушныхъ окормляетъ еже есть страхомъ и милостію; безъ сихъ бо власть никакоже пребываетъ.

*избрани бысте отъ Бога и возлюблени бысте имъ»; о самомъ же Владимирѣ онъ говоритъ, что «его Богъ издалеча проразумѣ и предповелѣ, его изъ утробы освяти и помазавъ», и т. д. Въ началѣ XIV в. самъ константинопольскій патріархъ Нифонтъ I пишетъ великому князю Михаилу Ярославичу тверскому: *истинно видимъ, яко Богомъ дана ти естъ власть и княженіе, понеже тщишися и деръзаеши, да ходять людіе по правдѣ, въ славу Богу».* Теорія божественнаго поставленія, однако, очень туго проникала въ сознаніе князей и понималась весьма конкретно, до такой степени конкретно, что въ умѣ современника божественное руководство заняло одинаковое положеніе въ ряду прочихъ конкретныхъ силъ. Быто-описатель оправдываетъ на основаніи этой теоріи тѣ отношенія, которыя считаетъ правильными, и отмѣчаетъ, какъ противорѣчація ей, тѣ, которыя, по его мнѣнію, достойны большаго или меньшаго порицанія. Половецкіе князья говорятъ Глѣбу Юрьевичу: «Богъ посадилъ ты и князь Андрѣй на отчинѣ своей и на дѣдини в Киевѣ», — и лѣтописецъ не *) находитъ ничего страннаго въ этой рѣчи: она вполне отмѣчаетъ его міровоззрѣнію. Рассказывая объ извѣстномъ столкновеніи ростовцевъ и суздальцевъ съ владимирцами, лѣтописецъ, между прочимъ, говоритъ: «сего же Михаила и брата его Всеволода *избра Богъ и святая Богородица»;* а нѣсколько далѣе продолжаетъ: «новии же людье мѣзинии володимерстии, уразумѣвше, яшася по правду крѣпко и рекоша вси собѣ: *любо Мигалки князя собѣ нальземъ и брата ею Всеволода, а любо головы своѣ поло-**

*) Лаврент. сводъ подъ 1169-мъ г.

жимъ за святую Богородицю и за тые князи»; онъ же влагаеть въ уста князя Всеволода Юрьевича слѣдующія слова, обращенныя къ Мстиславу Ростиславичу: «брате!.. тебе ростовци привели и бояре, а мене былъ съ братомъ Богъ привелъ и володимерци». Въ этомъ сопоставленіи лѣтописцу не кажется страннымъ, что Богомъ избраннаго князя приходится называть и приводить.

Но идея о божественномъ поставленіи властей, понимаемая даже въ конкретномъ лишь ея проявленіи, должна была содѣйствовать возвышенію княжескаго авторитета тѣмъ болѣе, что проповѣдь ея сопровождалась почти всегда другой, тѣсно связанной съ ней, темой, отправной точкой для которой послужило апостольское ученіе о почитаніи властей. Такъ, новгородскій епископъ Лука Жидята въ своемъ поученіи къ братіи наказуетъ: «Бога ся бойтеса, а князя чтите. Раби будете первое Божіи, таже Господу чтите отъ всего сердца». Въ сборникѣ поученій XII в. русскаго письма, въ статьѣ: «Поученіе любовно», преподается такое же правило: «буди боязливъ предъ цесаремъ, готовъ въ повелѣніи его». Въ Кормчей XIII в. находится любопытная статья русскаго происхожденія — поученіе духовника исповѣдующимся, — гдѣ сказано: «такъ же и къ властельмъ страхъ имѣй и любовь: боябося ихъ съблюдешия отъ зла, имъ же ненависть приходитъ, и любя я, тѣчное отъ нихъ въсприимеши... Всяка власть отъ Бога; по санъмъ же всѣмъ честь отдавай». Въ одномъ поученіи XIII в. неизвѣстнаго автора, озаглавленномъ «Слово св. отецъ, како жити крестьяномъ», преподается слѣдующее наставленіе: «Напаче же своему князю пріязнь имѣй, а не мысли

зла нань. Глаголетъ бо Павелъ апостоль: отъ Бога власти всяки устроены суть; рече бо: Бога ся бойте, а князя чтите. Аще бо властелемъ кто противится, то Божію суду повиненъ есть, повелѣнію бо противится Божію». Этой же темы касаются въ своихъ поученіяхъ и митрополиты, напр., Кирилль, Алексѣй, Фотій. Болѣе подробнаго развитія этой темы мы не встрѣчаемъ до XVI в. Понятія представителей духовенства и книжниковъ вполне удовлетворялись положеніемъ, что такъ какъ власть учинена Богомъ, то князья и имѣють право казнить злыхъ и милловать добрыхъ; изъ страха же передъ карающимъ мечомъ слѣдуетъ дѣлать добро и отвращаться отъ зла.

Къ указанной темѣ съ довольно ранняго времени присоединяется другая, заимствованная отъ отцовъ церкви и изъ ветхозавѣтныхъ ученій: идея о богоустановленности власти усиливается еще идеей объ ея обоготвореніи. Уже въ XII в. мы встрѣчаемся съ зачатками этого ученія. Такъ въ назидательномъ поученіи лѣтописца по поводу убійства въ 1175-мъ году князя Андрея Боголюбскаго, рядомъ съ словами ап. Павла о томъ, что власти отъ Бога учинены суть, стоитъ указаніе, что князь — «властью же сана яко Богъ»: «не вѣдуче (убійцы) глаголемаго: идѣже законъ, ту и обидь много; и пакы Павелъ апостоль глаголетъ: всяка душа властелемъ повинуется, власти бо отъ Бога учинени суть; естествомъ бо земнымъ подобенъ есть всякому челоувку цесарь, властью же сана яко Богъ, вѣща бо великій Златоустецъ; тѣмже противяся волости, противиться закону Божью, князь бо не туне мечъ носить, божий бо слуга есть» Это мнѣніе о приравненіи царскаго

сана божескому авторитету для современника Всеволода Юрьевича является слишком рѣзкимъ анахронизмомъ: русская жизнь не знала еще такихъ князей, и попытка Андрея Боголюбскаго сдѣлаться самовластцемъ Суздальской земли не находитъ одобренія со стороны даже нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ, которые упрекаютъ князя Андрея за его невоздержаніе, гордость и властолюбіе, и весь замыселъ его приписали навожденію завистника рода человѣческаго, — дьявола и слугъ его, лукавыхъ, злыхъ и завистливыхъ человѣкъ. Но, несмотря на безпочвенность этого ученія, наши книжники продолжали его пропаганду. Въ одномъ поученіи, обращенномъ къ князьямъ и озаглавленномъ: «Наказаніе княземъ, иже даютъ волость и судъ небогобойнымъ и лукавымъ мужемъ», приводятся слѣдующія слова: 1) *царя Соломона* — что «князь, любя судъ и правду, небо есть земное, и душа его — престоль Христови», *его же*: «бози будете и сынове вышняго»; 2) *ап. Павла*: «князи и вся судья земскія слуги божія суть»; 3) *Ефрема (Сирина)*: «Бози бывше, измрете, яко человѣцы, и во пса мѣсто во адъ сведени будете», и 4) *Иова (Иева)*: «Богъ въ себе мѣсто избра васъ на земли и на своемъ престолѣ, взнесъ, посади; милость и животъ положи у тебе» (sic). Любопытно, какъ приспособлялись эти отвлеченныя теократическія идеи къ простому уму неразвитого русскаго человѣка, не успѣвшаго еще воспитать въ себѣ идею о величій мірской власти. Въ упомянутомъ «Поученіи духовника исповѣдающимся» о властеляхъ, между прочимъ, преподано такое назиданіе: «Не мози же обыкнуувъ ихъ рещи: и си чоловѣци таци же соуть, ти родять о нихъ. Всяка власть отъ Бога; по сангъмъ

же всё́мъ честь отдаваи, с точьными же любися, а меньшины милоуи».

Изъ идеи о божественномъ происхожденіи власти сдѣланы были два ближайшихъ важныхъ вывода. Первый выводъ состоялъ въ томъ, что если власть дается отъ Бога, то нельзя добиваться ея насильно. Второй выводъ, — что руководство божественнаго промысла предопредѣляетъ и качество власти. Древняя русская жизнь представляла не мало поводовъ для пропаганды перваго вывода. Насильственные поступки князей, поразительные по своей безчеловѣчности, вызываютъ рѣзкій ропотъ лѣтописцевъ. Вѣроломство Святополка, бывшее причиной смерти Бориса и Глѣба, прежде всего обратило на себя вниманіе назидательнаго автора, который, по поводу намѣренія Святополка избить всёхъ своихъ братьевъ, и захватить въ свои руки всю «власть русьскую», въ порывѣ негодованія восклицаетъ: «Помысливъ високоумьемъ своимъ, не вѣдый, яко Богъ даетъ власть ему же хочеть; поставляетъ бо цесаря и князя вышний, ему же хочеть, дать». Подобное же нравоученіе вызываетъ у лѣтописца и поведеніе ростовцевъ, которые, «вознесеша гордостію своею... не вѣдаще, яко безъ смиренія ничтоже успѣваетъ», не позволили Мстиславу Ростиславичу заключить миръ съ Всеволодомъ Юрьевичемъ и настояли на войнѣ, въ которой и были побѣждены. Злодѣйскій умыселъ рязанскихъ князей Глѣба и Константина, замыслившихъ «избити всю братію, хотяще едины всю власть держати» также побуждаетъ лѣтописца напомнить «писаніе, глаголющее: Богъ даетъ власть ему же хочеть, и поставляетъ царя или князя вышний и воздвигаетъ отъ земли

ница и посажаетъ на высокихъ; кто убо противится воли его или кто речеть противу его; Богъ бо есть, яко же хочеть, творить».

Второй выводъ могъ относиться главнымъ образомъ къ населенію, участіе котораго въ политической жизни, въ періодъ вѣчевого быта, проявлялось, между прочимъ, въ формѣ призванія и изгнанія князей. Населенію въ большинствѣ случаевъ было выгоднѣе имѣть сильнаго и вліятельнаго князя, за которымъ жилось безопаснѣе и спокойнѣе, а потому, если была возможность или необходимость выбора между нѣсколькими претендентами, предпочтеніе отдавалось сильнѣйшему.

«Ты нашъ князь, коли силенъ будеши, а мы с тобою, а нынѣ не твое веремя, поѣди прочь», говорятъ черные клобуки» Изяславу во время борьбы его съ Юріемъ и съ ними соглашаются кievляне. Этотъ отвѣтъ можетъ служить типичной иллюстраціей отношеній населенія къ выбору князей. Но такія отношенія являлись какъ бы вмѣшательствомъ грѣховнаго народа въ руководство божественнаго промысла, усмотрѣнію котораго, по ученію книжниковъ, слѣдовало всецѣло предоставить выборъ властеля. Позднѣе, когда обычай призванія князей для большинства княженій пересталъ существовать, то же ученіе должно было примирить населеніе съ качествами даннаго Богомъ властеля.

Указанная точка зрѣнія довольно рано была усвоена нашимъ духовенствомъ, а велѣдъ за нимъ и нашими книжниками, которые въ подтвержденіе своихъ взглядовъ приводили слѣдующія слова писанія: «Аще бо кая земля управится предъ Богомъ, поставляеть ей цесаря или князя праведна, любяща судъ

и правду, и властеля устраяеть и судью, правящаго судъ»; наоборотъ, неправедныхъ князей, олицетворяемыхъ современникомъ въ образѣ князей юныхъ, любящихъ вино пити съ гуслими и съ младыми совѣтниками, «Богъ даетъ за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь, яко же Исаия глаголетъ: отъиметь Господь отъ Иерусалима крѣпкаго исполина, и челоуѣка храбра, и судью, и пророка, и смѣрена старца, и дивна свѣтника, и мудра хитреца, и разумна, послушлива; поставлю уношу князя имъ, и ругателя обладающа ими». Такимъ образомъ, достоинства поставляемаго князя обуславливались нравственными достоинствами данной земли, поскольку она успѣла угодить Богу. Существуютъ указанія, что при примѣненіи подобной идеи, заимствованной изъ ветхозавѣтныхъ ученій, къ русской дѣйствительности отправной точкой для нашихъ книжниковъ послужила разработка этой темы въ Византіи, занесенная и къ намъ.

Значительную часть Святославова Изборника 1073 г. занимають вопросы и отвѣты Анастасія Синаита, въ числѣ которыхъ находится слѣдующій: *О поставленіи властелемъ, яко не вся власти поставляетъ Богъ, всми же дѣйствуетъ.* Судя по заглавію вопроса, можно бы заключить, что ученіе о богоустановленности власти было ограничиваемо; однако, содержаніе отвѣта не оправдываетъ этого предположенія. Анастасій поставилъ вопросъ очень рѣзко. Исходя изъ словъ апостола, что всѣ мірскія власти отъ Бога учинены суть, онъ спрашиваетъ: «да еда убо всякъ царь и князь или епископъ отъ Бога поставляется?» На основаніи словъ божественнаго закона («Богу въ номосѣ глаголющу: дамъ вы князя

по сердцемъ вашимъ»), авторъ даетъ такой отвѣтъ: «да добръ съ вѣдомо, яко ови князи и царіе, достойни таковыя чти, отъ Бога поставляются; ови же паки недостойни суще противу достоинствомъ людемъ, тѣхъ недостойнства по Божію попущенію или хотѣнію поставляются». Анастасій Синаитъ проводить, такимъ образомъ, весьма несущественную разницу касательно участія божественнаго промысла въ поставленіи достойныхъ и недостойныхъ царей или князей. Недостойные цари и князья поставляются вслѣдствіе недостойнства людей не только по Божію попущенію, но и хотѣнію. Отсюда совершенно естествененъ былъ выводъ, сдѣланный Анастасіемъ. «Егда узришь, говоритъ онъ, недостойна кого и зла царя, или князя, или епископа, не чудися, ни Божія промысла потыжай, но разумѣй и вѣруй, яко противу беззаконіемъ нашимъ тацѣмъ томителемъ предаемъ, тоже и тако зла не останемъ».

Въ подтвержденіе этой теоріи приведены двѣ назидательныя повѣсти: о царѣ Фокѣ Мучителѣ и о беззаконномъ градѣ Вифаидѣ. Одинъ черноризецъ въ Константиноградѣ, святой мужъ, имѣющій къ Богу многое дерзновение и «пряшеса съ Богомъ въ протѣ», спрашивалъ про мучителя царя: «Господи, зачѣмъ поставилъ такого царя?» Гласъ Господень ему отвѣчалъ: «яко не нашель горша (злѣйша)». Въ законопреступномъ городѣ, въ Вифаидѣ, жилъ нѣкій пагубникъ, который подъ видомъ смиренія принялъ постриженіе, но не прекратилъ злыхъ дѣлъ. По смерти епископа въ этомъ городѣ, ангелъ Господень повелѣлъ поставить епископомъ вышеупомянутаго пагубника, который послѣ этого началъ еще болѣе кичиться и выситься. Тогда ангелъ Господень,

явившись къ нему, сказали: «Зачѣмъ величаешься, окаянный?» Повѣсть заканчивается слѣдующимъ назначеніемъ: «по истиннѣ, яко недостойнъ святительства бысть епископъ, но иже градъ сей такого епископа достоинъ бысть».

Эта тема получила въ древней Руси весьма широкое распространеніе. Подтверженіемъ ей послужили и слова, заимствованныя изъ притчей Соломона: «мною цесарева царствуютъ, а силнии пишють правду; мною вельможа величаются и *мучители держать землю*». Дѣйствительная жизнь, вѣроятно, нерѣдко побуждала, благочестивыхъ людей отыскивать успокоеніе въ этой теоріи. Въ лицѣ хановъ Золотой Орды, на которыхъ перенесены были отвлеченныя представленія о божественномъ происхожденіи власти, впервые появились такіе цари, которыхъ можно было причислить къ числу царей-мучителей. Въ повѣсти объ убійствѣ тверского князя Михаила про богомерзкаго царя Озбьяка, который принялъ вѣру «срачиньскую и оттолѣ наипаче не пощадѣти нача роду христіанского», сказано: «Яко же бо о таковыхъ рекоша царьскыя дѣти, иже плѣнени въ Вавилонъ, спце глаголааху: предасть ны въ руцѣ царю нечестивому, и законопреступному, и лукавнѣйшую паче всея земля: егда бо Господь градъ Ерусалимъ казня, предасть въ руцѣ царю Титу римскому; и паки *сиди Фоць Царьградъ предасть въ руцѣ*, тако же не Фоку любя, по Царьградъ казня за людская согрѣшенія; еже и се бысть за наша согрѣшенія». Политическая практика московскихъ объединителей точно такъ же не разъ подавала поводъ къ пропагандѣ этой идеи. Съ этого времени указанный вопросъ отвѣтъ Анастасія Синаита получаетъ все болѣе и

болѣ широкое распространеніе. Имъ, повидимому, очень интересовался и горячій поборникъ московскихъ князей, митрополитъ Алексѣй. Извѣстны и другіе списки этого вопроса-отвѣта отъ XIV вѣка. Въ рукописныхъ сборникахъ XVI вѣка онъ уже очень распространенъ.

Третьимъ выводомъ изъ идеи о богоустановленности власти было ученіе объ особой отвѣтственности царей и князей передъ Богомъ, сопряженной съ ихъ высокимъ саномъ, за исполненіе возложенныхъ на нихъ задачъ — «безъ блазна Богомъ данные люди управити». Эти задачи прекрасно выражены въ отвѣтѣ печерскаго игумена Поликарпа князю Ростиславу Мстиславичу: «вамъ Богъ тако велѣлъ быти: правду дѣяти на семь свѣтѣ, въ правду судъ судити и въ хрестномъ цѣлованьи вы стояти (и земли русскіе блюсти)». Но при всей видимой несложности задачъ управленія и онѣ оказались очень трудными для выполненія. Отправленіе правосудія, вызывавшее такъ много жалобъ и неудовольствій населенія, справедливо обратило на себя особенное вниманіе духовенства, которое такъ много содѣйствовало урегулированію этой сферы внутренняго управленія и стремилось пересоздать начала національнаго русскаго права при помощи церковнаго законодательства, заимствованнаго изъ Византіи.

Съ точки зрѣнія божественнаго поставленія власти духовенство обратилось съ особымъ назиданіемъ князьямъ объ отвѣтственности ихъ за правый судъ. Въ предисловіи къ Русской Правдѣ, по нѣкоторымъ ея спискамъ, и въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ «Слово Василія Великаго о судіяхъ и о клеветахъ», эта отвѣтственность изложена, по Соло-

мону, такимъ образомъ: «Послушайте и внушите *вси судящии земли, яко отъ Бога дастся вамъ власть и сила отъ вышняяю*; и паки: горе оправдающему нечестиваго мзды ради и отъ праваго правду отъемлющему; *давый бо вамъ власть Богъ истяжетъ скоро ваши дѣла и помысли испытаетъ*, яко служители есте царствія, ти не судите право, ни сохранисте закона Божія... *страшно убо и скоро придетъ на вы испытаніе*», и проч. Близкое отношеніе къ приведенному отрывку имѣютъ также: «Слово Сирахово на немилостивые цари и князи, иже неправдою судятъ», и «Слово о властеляхъ и судіяхъ, емлющихъ мзду и неправду судящихъ», признаваемая за русскоезочиненіе. Таковъ же характеръ и особой статьи находящейся въ нѣкоторыхъ спискахъ Кормчей и въ отдѣльныхъ спискахъ «Мѣрила праведнаго». Въ ней отвѣтственность царей и князей изложена согласно «вангельской притчѣ о талантахъ слѣдующимъ образомъ: «Нынѣ же цари и князи разумѣйте: *вамѣ бо юрочилъ Богъ санъ и судъ свой на земли, яко се талантъ божій пріяли есте, да не лѣнностнымъ платомъ обвинѣ небреженіемъ погребете въ мысленей земли сердца своего, и во своемъ утѣшеніи помните, яко должни есте, и вѣсте, что подыять скрывый талантъ, но тому было се невѣдомо*». Въ томъ же духъ, но гораздо болѣе близкими къ практической жизни являются два поученія, одно — озаглавленное *Семена епископа тверскаго наказаніе*, и другое — *Наказаніе княземъ, иже даютъ волость и судъ небсобойнымъ и лукавымъ мужемъ*. Первое изложено въ идѣ повѣсти, гдѣ рассказывается, какъ князь полцкій Константинъ у себя на пиру спросилъ *попа* гдѣ будетъ тіунъ на томъ свѣтѣ? Семень *попъ*

отвѣчалъ: гдѣ и князь. Удивленный князь возразилъ, что «тіунъ неправду судить, а я что дѣлаю?» Тогда-то Семень попъ и преподаль князю назиданіе, что если будетъ князь добръ, богобойна, жалуетъ людей, правду любить, и избираетъ тіуна или волостеля мужа добра и богобойна, исполнена страха Божія, — то князь и тіунъ будутъ въ раю. Если же князь будетъ безъ страха Божія, христіанъ не жалуетъ и сиротъ не милуетъ, поставляетъ тіуна или волостеля злого, Бога не боящагося, не знающаго закона Божія — «толико того дѣла абы князю товара добываль», — то князь и съ нимъ тіунъ будутъ въ аду.

Второе назидательное поученіе обличаетъ тѣ же общественныя язвы, что и предыдущее, и также, обращаясь къ какому то князю, указываетъ, что князь не мститъ за погубленныхъ отъ его тѣна, «держа истину въ неправдѣ, любя беззаконныя прибитки и тѣхъ дѣла напустивъ злаго сѣдію на люди». Въ номъ только рѣзче отмѣчена отвѣтственность князей, которыхъ авторъ, согласно ветхозавѣтнымъ ученіямъ, приравниваетъ богамъ: пользуясь словами Ефрема сирина, авторъ угрожаетъ князьямъ: «бози бывше, измрете яко челоуцы и во пса мѣсто въ адъ сведени будете», и заключаетъ «наказаніе» слѣдующей сентенціей: «*пшано есть: не добръ позоръ лисица въ курѣхъ и не ѣпо льву въ овцѣхъ паствити; единъ волкъ всю чеду смутитъ; одинъ тать на всю сторону мерзитъ; *пшо неправду — встъ слуш подь нимъ беззаконны сирь**». Но такъ такъ беззаконныя слуги составляли обычное явленіе русской исторической дѣйствительности, то не прекращалась и настоящая нужда въ про-

повѣди духовенства князьямъ и властелямъ о правомъ судѣ. Съ такою проповѣдью выступаютъ и высшіе представители духовенства. Такъ митрополитъ Алексѣй, въ поученіи отъ апостольскихъ дѣяній, преподаетъ властямъ слѣдующее: «А князи и бояре и вельможи судите судъ милостиво: *судъ бо безъ милости есть не створшему милости*, хвалится милость на судѣ; мзды на неповинныхъ не пріимайте и не на лица судите, *судъ бо Божій есть*; судите людемъ вправду, и вдовицъ, и сиротъ, и пришлецъ не обидите, да не взопіють на васъ къ Богу». На ту же тему поучалъ и митрополитъ Фотій.

Соотвѣтственно ученію, что немилостивыхъ и злыхъ царей и князей поставляетъ Богъ за грѣхи людей, и во всѣхъ приведенныхъ поученіяхъ объ отвѣтственности князей идетъ рѣчь исключительно объ отвѣтственности ихъ передъ Богомъ, въ загробной жизни. Но такая отдаленная отвѣтственность являлась плохой сдержкой для грубо эгоистическихъ стремленій людей того времени. Отвѣтственность въ этой жизни, на землѣ, конечно, болѣе бы импонировала имъ. Наши книжники не преминули отмѣтить возможность и такой отвѣтственности: разгнѣванный Богъ могъ покарать немилостивыхъ и злыхъ властителей за грѣхи еще при ихъ жизни. Книжники учили: «Аще бо князи правдивы бываютъ в земли, то многа отдаются согрѣшенья земли; аще ли зли и лукавы бываютъ, то болше зло наводитъ Богъ на землю, понеже то глава есть земли; тако бо Исая рече: согрѣшиша отъ главы и до ногу, еже есть отъ цесаря и до простыхъ людий. Лютъ бо граду тому, въ немъ же князь унъ, любяй вино пити съ гуслими и съ младыми свѣтныи». Въ дѣй-

ствительной жизни древне-русскіе публицисты нашли подтвержденіе своей теоріи. Они предпочитали останавливаться на примѣрѣ «праведныхъ» князей. Вотъ что, напр., читаемъ мы въ сказаніи XIII в. о подвигахъ и жизни великаго князя Александра Ярославича Невскаго: «О такихъ рече Исаия пророкъ: аще въ коей странѣ князь благъ и увѣтливъ, кротокъ и смиренъ по образу Божію есть.. на такихъ Богъ призираетъ, и милость свою показываетъ на нихъ, якоже и сего великаго князя Александра ураспространи Богъ землю его, и богатствомъ и славою изобилова». Бѣдствія же родной земли тѣ же публицисты охотнѣе объясняли гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи людей, а не за грѣхи князей. Но какъ бы ни объяснялись причины бѣдствій, несчастная страна несла двойную отвѣтственность: за грѣхи народа и за грѣхи князей. Оба эти положенія въ теоріяхъ публицистовъ не исключались одно другимъ.

Митрополитъ Кипріанъ, въ укорительномъ посланіи за свое поруганіе отъ великаго князя и его людей, писалъ: «не вѣсте ли, яко грѣхъ людскій на князи и княжескій грѣхъ на люди нападаетъ?». Въ виду такого нерадостнаго вывода радѣтели о благѣ земли возлагали тѣмъ большую надежду на «праведныхъ» князей и царей, которые должны были исправить нестроенія людскія, страхомъ или милостію приводя людей къ Богу. Но нашлись скептики, которые считали предъявленное требованіе невыполнимымъ. Ссылаясь на авторитетъ Василія Великаго, они приводили слѣдующую мысль: «Мнози жалуются на царя и на судіа: не исправляютъ людскихъ вещей. Азь же гла-

голю: не владущихъ безуміе, но нашъ грѣхъ искрываетъ все и печали множество взлія на насъ. Аще бы Авраамъ и Моисей, или Давыдъ, или Соломонъ премудрый владѣлъ надъ нами, но мы, сгрѣшая, не утечемъ вины. Глаголетъ писаніе: дахъ вамъ князя по сердцу вашему, такого предстателя уллучивше. Аще и зѣло праведникъ есть князь и до Моисѣйскаго добродѣянія пристигъ, како можетъ того правда покрыти грѣхи всѣхъ подручникъ».

Помимо указанныхъ выше задачъ управленія въ томъ видѣ, какъ онѣ истолковывались духовенствомъ, послѣднимъ была указана и еще одна, заимствованная изъ византійскихъ политическихъ теорій, въ силу которыхъ императоръ являлся высшимъ блюстителемъ чистоты правовѣрія. Любопытно, что эта мысль впервые, если не ошибаемся, проводится грекомъ, митрополитомъ Никифоромъ, въ двухъ посланіяхъ къ Владимиру Мономаху. Въ одномъ изъ нихъ, гдѣ митрополитъ разсматриваетъ начала добра и зла въ человѣкѣ и затѣмъ примѣняетъ свои выводы къ идеальной личности князя, онъ говоритъ, что нашель князя «благовѣрна по Божіи благодати и не уклоншеся отъ первыя вѣры.... храня же еже по Бозѣ ревность и до сего днѣ, и молю Бога до конца ти съблюдену быти цѣлу; съблюдено же ти се будетъ, *аще въ стадо Христово не даси вѣзку впити и аще въ виноградѣ, иже насади Богъ, не даси насадити трънїя*, но съхранити преданїа старое отецъ твоихъ». Въ послѣднихъ словахъ авторъ, очевидно, предостерегаетъ князя отъ католическаго вліянїя, что было вполне умѣстно въ виду возбужденной въ то время полемики противъ латинъ. Объ отступленїи латинъ отъ православїя митр. Ни-

кифоръ написалъ тому же князю особое посланіе, гдѣ исчисляеть причины отпаденія западной церкви. Въ заключеніи посланія онъ, между прочимъ, высказываетъ мысль, что князьямъ подобаеть «яко отъ Бога избраномъ и призваномъ на правовѣрную вѣру его, Христова словеса разумѣти извѣстно, и основаніе церковное твердое, да ни ти будутъ основаніе, якоже есть святая церкве, *на свѣтъ и наставленіе порученымъ имъ людемъ отъ Бога*». Безспорно, среди князей можно указать не мало ревностныхъ поборниковъ религіи; но ихъ ревность проявлялась не на поприщѣ, указанномъ митр. Никифоромъ, такъ какъ спокойствіе русской церкви не нарушалось ни опасностями извнѣ, ни внутренними смутами. Татарское завоеваніе, правда, вызвало опасеніе современника за безопасность христіанской вѣры; по крайней мѣрѣ, онъ замѣтилъ по поводу избіенія многихъ русскихъ князей: «а инымъ же княземъ Богъ повелѣ жити челоувѣколюбіемъ своимъ въ русьской землѣ, хрестьянскаго ради языка, абы *до конца не оскудѣла вѣра хрестьянскаа*». Но татары оказались вѣротерпимы и даже покровительствовали русской церкви.

Въ началѣ XIV в., когда противъ митр. Петра возстала довольно сильная партія духовенства, обвиняя его въ еретичествѣ, инокъ Акиндинъ писалъ великому князю Михаилу Ярославичу тверскому, что ему слѣдуетъ исправить зло; онъ упрекалъ его за молчаніе, «видя ересь растуцу и множающуюся», и напоминалъ: «*повсвѣдно и тебѣ, господине княже, не молчати о семъ святителемъ своимъ... Царь еси въ своей земли; ты истязанъ имаши быти на страшнемъ и нелицемѣрномъ судици Христове, аще смол-*

чиши митрополиту». Тверской князь, однако, не могъ воспретить митрополиту его беззаконій, хотя вмѣшался въ это дѣло: митр. Петръ стоялъ подъ защитой московскаго князя и на переяславскомъ соборѣ былъ оправданъ отъ взводимыхъ на него обвиненій.

Такимъ образомъ, проповѣдь этой идеи не нашла себѣ практическаго примѣненія въ разсматриваемую эпоху. Завершающее развитіе и широкое практическое примѣненіе идея эта получила послѣ Флорентійской унии и паденія Константинополя.

Итакъ, древне-русская проповѣдь и письменность успѣла затронуть до половины XV вѣка очень широкій кругъ политическихъ темъ, и представители духовенства вовсе не ограничились своей политической миссіи задачей умиротворенія. Помимо стремленія воздержать князей отъ междоусобій конкретнымъ вмѣшательствомъ въ ихъ распри и попытокъ указать такіа начала политическаго быта, при личности которыхъ должно было прекратиться это безсмѣнное кровопролитіе, духовенство вмѣстѣ съ заботами о распространеніи основныхъ началъ христіанской религіи беретъ на себя задачу провести въ жизнь ученіе о богоустановленности властей и проповѣдуетъ населенію обязанность ихъ почитанія, а властямъ указываетъ лежація на нихъ обязанности и отвѣтственность, упадающую на нихъ за уклоненія отъ указанныхъ имъ цѣлей.

Въ этой политической пропагандѣ духовенство раскрываетъ преимущественно положенія евангельскаго и апостольскаго ученія, заимствуя изъ византійской литературы и нѣкоторыя политическія догмы. Таковы позаимствованія изъ Анастасія Синаита и ученіе объ

обязанности князей заботиться объ охранѣ право-
вѣрія. Многія изъ этихъ политическихъ темъ сна-
чала находили еще очень неподготовленную почву
для ихъ воспріятія, но, постоянно повторяемая, онѣ
безспорно подготовляли умы читателей къ воспрія-
тію новыхъ политическихъ теорій о московскомъ
государствѣ и государѣ.

XXV. О ПРОСТРАНСТВѢ И ЗНАЧЕНІИ ЦЕРКОВ- НАГО СУДА ВЪ КІЕВСКОЙ РУСИ.

(Проф. Е. Е. Голубинскій. «Исторія русской церкви». Томъ I.
М. 1880).

Епископъ есть духовный начальникъ надъ своею паствою и духовный ея судья; его власть не расширяемая и не сократимая сама въ себѣ, можетъ болѣе или менѣе расширяться на счетъ власти гражданской, которая въ былое время поступалась епископамъ большею или меньшею частью своихъ правъ.

Въ древней Руси такъ же, какъ и въ Греціи, судебная власть епископовъ была расширена посредствомъ того, что имъ предоставлены были въ подсудность священники не только какъ духовные чиновники, но и какъ граждане, т. е. въ подсудность не только по преступленіямъ противъ своей должности, но и по всѣмъ вообще, за исключеніемъ преступленій уголовныхъ, самыхъ тяжкихъ.

Другимъ и важнѣйшимъ расширеніемъ судебной власти епископовъ было то, которое случилось прямо на счетъ мірянъ, чрезъ предоставленіе епископамъ гражданского суда надъ послѣдними.

Такъ какъ въру, церковь и епископовъ древняя Русь заимствовала отъ грековъ, то естественно было бы ожидать, что и въ сейчасъ указанномъ отношеніи епископы будутъ поставлены у насъ совершенно въ то же положеніе, какъ это было въ Греціи. Но у

насъ обстоятельства и условія были иныя, а потому и дѣло вышло значительно иначе.

Въ Греціи, гдѣ юридическія понятія стояли на иной степени развитія, чѣмъ у насъ, государственнѣй судъ былъ дѣломъ чисто государственнымъ. Нанятой или какимъ бы то ни было способомъ поставленный правительствомъ судья производилъ судебное разбирательство, постановлялъ приговоръ и гѣмъ кончалось его отношеніе къ подсудимымъ — съ нихъ самихъ онъ не получалъ себѣ никакого вознагражденія за свой трудъ. Напротивъ, въ древней Руси дѣло было еще въ такомъ положеніи, что судей содержали сами судащіеся, именно — съ каждаго судебного дѣла шла въ пользу первыхъ известная опредѣленная пошлина. Въ Греціи вмѣшательство кого-либо посторонняго въ дѣло государственнаго суда не причиняло ни малѣйшаго личнаго ущерба судьямъ и развѣ могло доставлять имъ одно облегченіе, уменьшая количество дѣлъ, подлежащихъ разбирательству; напротивъ у насъ всякое подобное вмѣшательство было посягательствомъ на доходы судей, на ихъ содержаніе. Вслѣдствіе этого, совершенно различнаго, отношенія судей къ суду въ Греціи и въ Руси, очевидно, и пространство юрисдикціи епископовъ не могло явиться у насъ совершеннымъ снимкомъ съ таковаго же въ Греціи. Такъ какъ въ Греціи было совершенно безразлично для судей, судили ли судъ они сами, или онъ былъ предоставленъ кому-нибудь другому; такъ какъ тамъ правительство, допуская участіе въ судѣ стороннихъ людей, не наносило ни малѣйшаго ущерба личному интересу дѣйствительныхъ судей: то тамъ вслѣдствіе высокаго понятія о нравственной доброкачественно-

сти епископовъ и въ освященіе обычая, сложившагося еще въ то время, когда церковь находилась подъ государствомъ языческимъ, епископамъ предоставлено было весьма обширное право вмѣшательства въ дѣло государственнаго суда. Пока государство было языческимъ, у христіанъ установился обычай, въ случаѣ тяжбъ и ссоръ обращаться не къ суду государственныхъ языческихъ судей, но къ суду судей собственныхъ, добровольно избранныхъ, и въ особенности къ суду предстоятелей общинъ — епископовъ. Такъ какъ въ самомъ существѣ суда не было никакихъ препятствій, чтобы этотъ дохристіанскій обычай допустили и христіанскіе императоры; такъ какъ, съ другой стороны, высокое понятіе о нравственныхъ качествахъ епископовъ обязывало сдѣлать это, сохранивъ и подтвердивъ имъ преимущество, которымъ они до той поры пользовались съ достоинствомъ, то христіанскіе императоры и поспѣшили сдѣлать это, предоставивъ епископамъ сначала неограниченное, а потомъ нѣсколько ограниченное право третейскихъ судей, т. е. право, чтобы епископы, если бы тяжущіеся по взаимному соглашенію не захотѣли идти къ обыкновеннымъ судьямъ, а захотѣли обратиться къ нимъ, принимали таковыхъ на судъ и чтобы ихъ судъ имѣлъ совершенно ту же самую силу, какъ если бы онъ былъ произведенъ обыкновенными судьями. Это право предоставилъ епископамъ первый же христіанскій императоръ Константинъ Великій, о чемъ Созоменъ пишетъ: «позволилъ тяжущимся, чтобы они обращались къ суду епископовъ, если бы они не хотѣли идти въ гражданскіе суды; приговоры епископовъ не только имѣли всю силу, но даже и большую, чѣмъ другихъ

судей, какъ бы были постановлены самимъ императоромъ, и ректоры провинцій съ ихъ чиновниками обязаны были приводить въ исполненіе судебныя рѣшенія епископовъ». Это узаконеніе Константина было повторяемо нѣсколько разъ и послѣдующими императорами и оставалось въ силѣ до позднѣйшаго времени; только вскорѣ послѣ Константина сдѣлано было то ограниченіе, чтобы епископы принимали къ своему третейскому суду дѣла гражданскія, но не уголовныя.

Въ древней же Руси было такъ, что съ каждаго судебного дѣла въ пользу судей шла извѣстная пошлина. Предоставить кому бы то ни было право третейскаго суда или право судящимся уклоняться отъ суда обыкновенныхъ судей у насъ значило лишать этихъ послѣднихъ принадлежавшихъ имъ доходовъ. Такимъ образомъ, по этой причинѣ у насъ и епископамъ вовсе не могло быть предоставлено право, усвоенное имъ въ Греціи. Напротивъ, изъ того обстоятельства, что нашъ судъ представлялъ собой доходъ, само собой вытекало то непремѣнное положеніе, что судъ, предоставленный одному, долженъ быть неприкосновененъ для всякаго другого, какъ собственность перваго, а слѣдовательно — и по отношенію къ епископамъ вытекало то положеніе, что для нихъ долженъ быть неприкосновененъ судъ, предоставленный гражданскимъ судьямъ.

Однако и у насъ было такъ, что государство почтило епископовъ значительной уступкой имъ своихъ правъ; только у насъ это было совѣмъ иначе, чѣмъ въ Греціи, и уступка имѣла другой смыслъ и значеніе, чѣмъ тамъ. Не допуская вмѣшательства епископовъ въ область суда гражданскаго, предпо-

лагая это вмѣшательство столько же невозможнымъ, сколько вообще невозможно чье бы то ни было посягательство на чужую собственность, государство или князья сдѣлали у насъ то, что расширили собственную постоянную область суда епископовъ на счетъ суда гражданского, — они предоставили ихъ постоянному вѣдѣнію нѣкоторыя такія дѣла, которыя, собственно, подлежали этому послѣднему суду. Въ Греціи чрезъ предоставленіе епископамъ права третейскихъ судей свидѣтельствовалось уваженіе къ ихъ нравственному характеру; у насъ уступкой епископамъ нѣкоторыхъ предметовъ суда гражданского дѣлался имъ денежный даръ, предоставлялось имъ нѣсколько лишнихъ статей дохода.

Грамота смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, которая сообщаетъ намъ свѣдѣнія о пространствѣ у насъ суда епископскаго въ половинѣ XII в., къ сожалѣнію, пока извѣстна въ спискѣ*) не совсѣмъ исправномъ, такъ что пока мы узнаемъ изъ нея не совершенно все то, что намъ надлежало бы въ данномъ случаѣ знать. Слѣдующія преступленія представляетъ она суду епископовъ смоленскихъ не только какъ преступленія церковныя, подлежащія духовнымъ наказаніямъ, что само собою подразумевается, но и преступленія гражданскія, подле-

*) Такъ называемые церковные уставы Владимира I и Ярослава I суть, по мнѣнію Е. Е. Голубинскаго (стр. 343), не подлинные уставы или грамоты, а позднѣйшія поддѣльныя произведенія, а потому на основаніи ихъ и нельзя судить о первомъ началѣ расширенія у насъ суда церковнаго на счетъ суда гражданского, такъ что изъ періода до-монгольскаго у насъ имѣется всего лишь одинъ достоверный актъ, который говоритъ о странствѣ церковнаго суда или юрисдикціи епископовъ: это — грамота Ростислава, напечатанная въ I-мъ томѣ *Дополненій къ актамъ историческимъ*.

жація гражданскимъ наказаніямъ — большимъ или меньшимъ денежнымъ штрафамъ.

1) «А тяжъ епископнихъ не судити никомуже, судитъ ихъ самъ епископъ. Первая тяжа роспускъ или роспускъ (разводъ), т. е. какъ судъ по дѣламъ о роспускѣ, законно вчиняемымъ, такъ и преслѣдованіе роспусковъ, совершенныхъ своевольно и неправильно.

2) «Другая тяжа ажъ водитѣ кто двѣ жонѣ», т. е. если кто, не довольствуясь одною женой, какъ требуетъ христіанство, позволить себѣ по-язычески многоженство.

3) «Третьяя тяжа аще кто поимется чрезъ законъ», т. е. браки въ недозволенныхъ степеняхъ родства.

4) «А четвертая (т. е. тяжа) уволочская, ажъ уволочеть кто дѣвку»; объ этомъ преступленіи сказано, что его судитъ князь или посадникъ и только выдаетъ епископу половину штрафа: «што возьметъ князь, съ епископомъ на полы, или посадникъ что възьметъ свои тяжи, то съ епископомъ на полы».

5) «А пятое ажъ ту женку, то епископу».

6) «Шестая вопросъ, а то епископу, зелья и душегубства тяжа епископля, т. е. всѣ виды волшебства и колдовства и происходящій отъ нихъ великій вредъ.

7) «Семая ажъ бѣгася двѣ женѣ, то епископлетяжа» т. е. если подерутся и будутъ некатъ суда двѣ женщины *). За симъ остаются, какъ видно, двѣ тяжи, или

*) Далѣе въ грамотѣ 1150-го г. говорится: «Ажъ церковный человекъ дойдетъ чего, то своему епископу; *девятая* ажъ кого Богъ огнедетъ церковныхъ людей, а не будетъ зла ничего церкви... Да сего (говоритъ князь Ростиславъ, умершій въ 1167-мъ г.) не

два преступленія, но въ чемъ онѣ состоятъ, помять нельзя; о первой сказано: «а пятое ажъ ту женку, то епископу»; а относительно второй: «шестая (тяжа) во-просъ, а то епископу».

Такимъ образомъ, въ половинѣ XII вѣка суду епископовъ не только духовному, но и гражданскому подлежали: во-первыхъ, три вида дѣлъ брачныхъ: многоженство, браки въ недозволенныхъ степеняхъ родства и роспускъ; во-вторыхъ, зельничество и волшебство; въ-третьихъ, бой между женщинами и, наконецъ, два вида преступленій, остающіеся неизвѣстными. Почему предоставлены были суду епископовъ преступленія брачныя и волшебство, это ясно изъ того, что сказано выше: въ языческой Руси эти преступленія не считались преступленіями, т. е. они предоставлены были полному вѣдѣнію епископовъ за тѣмъ, чтобы могли быть преслѣдуемы съ тою надлежащею неукоснительностью и строгостію, которыхъ правительство вовсе не могло ожидать отъ гражданскихъ судей. Что касается въ частности до дѣлъ брачныхъ, то они имѣютъ нѣкоторыя спеціальныя свойства, которыя заставляли, чтобы они предоставлены были вѣдѣнію епископовъ. Для сужденія объ однихъ изъ этихъ дѣлъ судья долженъ имѣть спеціальныя каноническія свѣдѣнія, при разбира-тельствѣ другихъ судья долженъ быть не только судьей, но и нравственнымъ увѣщателемъ; то и другое, будучи невозможно для гражданскихъ судей, такъ сказать необходимо отдавало эти дѣла въ руки епископовъ. И въ самой Греціи судъ по

посуживай никто же по мнѣхъ днехъ, ни князь, ни людіе; аще ли кто посудитъ сея грамогы, ... да той отвѣчаетъ..., и сія клятва будетъ на немъ, а язъ буду бѣтъ грѣха .

дѣламъ брачнымъ до такой степени почитался наиболѣе приличествующимъ епископамъ, и они до такой степени считались по этимъ дѣламъ судьями наиболѣе компетентными и наиболѣе соответствующими, что если необязательно предписывалось, то настоятельно рекомендовалось, чтобы эти дѣла производились разбирательствомъ не иначе, какъ у епископовъ. Почему предоставляются суду епископовъ бои между женщинами, на этотъ вопросъ нельзя ничего сказать удовлетворительнаго. Можетъ-быть, предоставлявшіе ихъ суду епископовъ имѣли въ виду то, что судъ по этимъ боямъ, имѣвшимъ причинять большій соблазнъ, чѣмъ бои мужчинъ, не ограничивался наложеніемъ однихъ наказаній, но и сопровождался нравственными увѣщаніями, или, можетъ-быть, съ другой стороны, имѣли въ виду то, чтобы избавить виновныхъ женщинъ отъ позора стоять и давать свои показанія на судѣ у обыкновенныхъ судей. Преступленіе уволока или умыканія, т. е. увоза или похищенія дѣвицъ для брака не предоставляется суду епископовъ, но имъ уступается только половина штрафа, который возьмутъ съ виновныхъ имѣющіе судить князь или его посадникъ. Преступленіе это, какъ можно думать, не было предоставлено суду епископовъ потому, что оно было преступленіемъ уже въ языческой Руси, и что, какъ таковое, оно уже до христіанства принадлежало гражданскимъ судьямъ. Предполагать это даетъ намъ право лѣтописецъ. Онъ сообщаетъ, что обычай умыканія дѣвицъ, бывший у многихъ славянъ, — у древлянъ*), вятичей, радимичей и сѣверянъ, не существовалъ у полянъ или славянъ кіевскіихъ,

*) Брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица.

у которыхъ, по его свидѣтельству, были настоящіе браки. Такъ какъ гражданское правительство, водворившись среди этихъ послѣднихъ славянъ, естественно, должно было усвоить и ихъ взгляды на вещи, то отсюда весьма вѣроятно предполагать, что оно начало смотрѣть на умыканіе, какъ на преступленіе, и начало преслѣдовать его какъ таковое еще во времена языческія ¹⁾).

Почему, не предоставляя умыканія суду епископовъ, предоставили имъ половину штрафа, за это преступленіе,—положительно, ничего нельзя сказать. Можетъ-быть потому, чтобы епископовъ, имѣвшихъ въ этомъ случаѣ большую возможность надзора, чѣмъ гражданская власть, побудить бдительно надзирать и неупустительно указывать случаи преступленія.

¹⁾ Техническое названіе законной жены въ древней Руси было «водимая» (Лѣтоп. о женахъ Владимира подъ 980 г.), т. е. ставшая сожительницею по брачному обряду кievскому или полянскому, о которомъ лѣтописецъ говоритъ: «Не хожаше зять (женихъ) по невѣсту, но *привожашу* вечеръ, а завтра приношаху по ней что владуче». «Бѣ же, говоритъ начальный лѣтописный сводъ, Володимиръ побѣженъ похотью женскою, и быша ему водимыя: Рогыгѣдъ, юже посади на Лыбеди, идеже ныне стоитъ сельце Предъславино, отъ нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а двѣ дщери; отъ Грекинѣ — Святополка; отъ Чехинѣ — Вышеслава; а отъ другоѣ Святослава и Мьстислава; а отъ Болгарыни — Бориса и Глѣба; а *пложницъ* бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в Бѣлгородѣ, а 200 на Берестовѣ в селци, еще зуютъ ныне Берестовое».

XXVI. ПРОСВѢЩЕНИЕ И ГРАМОТНОСТЬ ВЪ КИЕВСКОЙ РУСИ.

(Проф. Е. Е. Голубинскій. «Исторія русской церкви». Томъ I.
М. 1880.).

Владимиръ I, принимая отъ грековъ христіанство, вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ заимствовать отъ нихъ и всю ихъ культуру, имѣя намѣреніе сдѣлать свой народъ относительно сей послѣдней тѣмъ же, чѣмъ были они сами, и что просвѣщеніе при этомъ было у него на первомъ планѣ. Но X вѣкъ былъ еще не у пришедшимъ для насъ временемъ, и нашъ первый Петръ Великій потерпѣлъ съ своими благими замысленіями совершенную неудачу. Ставъ народомъ христіанскимъ, мы вовсе не стали народомъ просвѣщеннымъ. Просвѣщеніе было введено и введено къ намъ, но оно у насъ не принялось и не привилось и почти тотчасъ же послѣ введенія совершенно безслѣднымъ образомъ исчезло. Послѣ сего просвѣщеніемъ нашимъ въ періодъ домонгольскій было то же самое, что и во все послѣдующее время старой Руси до Петра Великаго, именно -- при совершенномъ отсутствіи всякаго дѣйствительнаго просвѣщенія или научнаго образованія одна простая грамотность, одно простое умѣнье читать.

Несомнѣнно, что просвѣщеніе было введено къ намъ Владимиромъ. Но оно у насъ не принялось и

не привилось и весьма скоро отъ насъ исчезло. Какая же могла быть тому причина?

Причиной этой необходимо полагать то, что къ намъ введенъ былъ отъ грековъ тотъ идеальный способъ поддержанія просвѣщенія, который намъ оказался не по силамъ.

Читатель, привыкшій видѣть, что просвѣщеніе поддерживается посредствомъ казенныхъ, содержимыхъ правительствами училищъ, конечно, полагаетъ, что это есть единственный способъ его поддержанія и не представляетъ себѣ иного. На самомъ же дѣлѣ, это есть способъ не единственный и вовсе не первоначальный, а явившійся только, говоря сравнительно, очень недавно. Прежде чѣмъ правительства дошли до мысли сдѣлать просвѣщеніе дѣломъ государственнымъ и взять заботы о немъ на себя, что случилось на Западѣ только въ началѣ нашихъ новыхъ временъ, оно весьма долгое время существовало между людьми какъ дѣло частное, предоставленное совершенно самому себѣ и исключительно ихъ собственнымъ заботамъ. Таковымъ частнымъ дѣломъ было просвѣщеніе во всей классической древности, которая совсѣмъ не знала казенныхъ училищъ; таковымъ оно оставалось у грековъ отъ временъ классическихъ и до той самой поры, какъ древняя Русь приняла отъ нихъ христіанство. Частные люди, имѣвшіе охоту научать другихъ или преподавать другимъ то, что сами знали, по собственной инициативѣ *) открывали или у себя на домахъ, или въ

*) Въ движеніи охватившемъ за послѣднее время европейскія страны и извѣстномъ подъ именемъ «распространенія университетскаго образованія» (University Extension) нельзя не приветствовать новѣйшаго возрожденія частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія.

известныхъ общественныхъ мѣстахъ, такъ сказать, публичныя чтенія; другіе частныя люди, имѣвшіе собственную охоту учиться, собирались къ тѣмъ или другимъ изъ первыхъ, къ кому хотѣли, слушать ихъ курсы — въ такомъ видѣ существовало дѣло ученія во всей классической древности, въ такомъ видѣ оно сохранялось у грековъ и до позднѣйшаго времени. Къ намъ перенесена была отъ грековъ, естественно, та форма поддержанія просвѣщенія, какая существовала у нихъ, т. е. сейчасъ нами указанная, и эта-то форма и оказалась намъ не по силамъ.

Послѣ похода «на Корсунь, градъ греческій», Владимиръ привелъ съ собою изъ Греціи ученыхъ людей и учителей, но онъ не соединилъ ихъ въ одно училище и не образовалъ изъ нихъ такового, а оставилъ каждаго изъ нихъ отдѣльнымъ и свободнымъ или, такъ сказать, вольно-практикующимъ профессоромъ и роздалъ имъ на ученье, какъ именно это прямо и буквально говорить и начальный лѣтописный сводъ, набранныхъ имъ дѣтей боярскихъ. Эта-то *) форма не казенныхъ училищъ, а частнаго обученія и была, какъ необходимо думать, причиной того, что просвѣщеніе, такъ сказать, только прошло черезъ насъ, какъ вода чрезъ рѣшето.

Если бы заведены были казенныя училища или — такъ какъ на первое время училищъ могло быть заведено только одно въ Кіевѣ, — если бы заведено

*) «Пославъ нача поимати у нарочитые чадѣ дѣти и даяти нача на ученье книжное; матере же чадѣ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣроу, но акы по мертвыхъ плакахуся. Симъ же (т. е. дѣтямъ) *раздаюмъ* на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли... «Си бо не бѣша преди слышали словесе книжного», — Лаврент. сводъ подъ 988-мъ г.

было казенное училище, то въ немъ былъ бы введенъ извѣстный опредѣленный курсъ или кругъ ученія, какой былъ бы признанъ наивозможно за лучший. Въ казенномъ училищѣ этотъ курсъ ученія не подвергался бы опасности произвольныхъ сокращеній и постоянно оставался бы однимъ и тѣмъ же. Ученики, не будучи выпускаемы изъ такого училища до окончанія полного курса ученія, волей-неволей изучали бы все положенныя науки, и такимъ образомъ подобное училище невольно и, такъ сказать, насильственно насаждало бы въ сословіи бояръ образованіе до тѣхъ поръ, пока бы оно не стало его добровольною потребностью. Совѣтъ другое должно было случиться при заимствованномъ нами отъ грековъ способѣ частнаго обученія. Приведены были изъ Греціи ученые люди и открыли у себя на домахъ частныя пансіоны, въ которые были розданы и имѣли быть отдаваемы дѣти бояръ для ученія. Намѣреніе и желаніе правительства было то, чтобы въ этихъ пансіонахъ дѣти бояръ получали возможно лучшее научное образованіе, какое могли дать приведенные учителя, чтобы они изучали все то, что было въ Греціи. Но при системѣ частныхъ пансіоновъ не могло быть контроля правительства, чтобы учащіеся проходили возможно полно желаемые курсы ученія, и здѣсь все дѣло относительно сего имѣло быть предоставлено исключительно доброй волѣ ихъ родителей. Эти же послѣдніе не были склонны къ образованію, не сознавали его нужды и по предоставленной имъ волѣ весьма скоро и сократили курсы ученія своихъ дѣтей такъ, что послѣднее сошло на одну простую грамотность.

Нѣтъ сомнѣнія, у многихъ невольно рождается вопросъ: да отчего же Владимиръ, если дѣйстви-тельно хотѣлъ водворить въ Россіи образованіе, не сдѣлалъ такой простой вещи, какъ завести казенное училище въ родѣ нынѣшнихъ гимназій, университетовъ? Отвѣтъ именно тотъ, что примѣра и образца подобныхъ училищъ Владимиръ не видѣлъ у грековъ, а выдумать ихъ самому — это была далеко не такая простая вещь, какъ бы инымъ казалось. Выдумать подобныя училища — значило изобрѣсти совершенно новый способъ поддержанія образова-нія, значило совершить въ этомъ отношеніи чрез-вычайно важную реформу; нѣтъ ничего удивитель-наго, что Владимира, только помышлявшаго для своей страны объ образованіи, не могло хватить на то, чтобы быть и реформаторомъ въ способѣ его под-держанія. Казенныя нынѣшнія училища изобрѣлъ практическій Западъ, и изобрѣлъ, какъ должно ду-мать, тоже не сразу, хотя и весьма рано.

Какъ долго продолжался въ боярствѣ южной Руси періодъ истиннаго просвѣщенія, положи-тельно сказать мы, разумѣется, не можемъ. Но не-обходимо думать, что онъ продолжался чрезвычай-но недолго и что собственно онъ началъ кончатся одновременно съ тѣмъ, какъ начался. Весьма вѣ-роятно или, лучше сказать, необходимо думать, что изъ перваго же набора дѣтей, сдѣланнаго Влади-миромъ тотчасъ послѣ возвращенія изъ Корсуни, очень многіе, если не большая часть, не кончили полныхъ курсовъ ученія и что, такимъ образомъ, собственно не было не одной генерации, которая бы была просвѣщенною въ цѣломъ своемъ составѣ или, по крайней мѣрѣ, въ своемъ большинствѣ. Съ какою

быстротой происходило дальнѣйшее убавленіе охотниковъ просвѣщаться настоящимъ просвѣщеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ быстро исчезало сіе послѣднее, видно изъ того, что около конца XI вѣка, при внукахъ Ярослава I, не было никакого и помину и никакой памяти о существованіи у насъ просвѣщенія: Несторъ, говоря о просвѣщеніи Бориса, можетъ сказать только: «баше бо и грамотъ научень» *).

Грамотность, а не просвѣщеніе — въ этихъ словахъ вся наша исторія огромнаго періода, обнимающаго время отъ Владимира I до Петра I... . . .

Грамотность пошла у насъ двумя путями. Съ одной стороны, неувѣнчавшаяся успѣхомъ попытка Владимира водворить въ классѣ бояръ истинное просвѣщеніе имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что онъ ввелъ въ немъ, по крайней мѣрѣ, грамотность. Съ другой стороны, она пошла отъ духовенства, для котораго она составляла необходимость.

Приведенные изъ Греціи учителя наукъ не достигли предполагаемой цѣли водворить эти послѣднія, но они все-таки стали учителями грамотности, и частныя училища, которыя они открыли, скоро, переставъ быть училищами наукъ, остались училищами

*) Иначе выражается Несторъ объ ученіи Θεодосія печерскаго; онъ говоритъ, что послѣдній, будучи отданъ единому отъ учитель «скорѣ извыче вся граматикія». Эта «граматикія» какъ будто даетъ знать, что еще сохранялась нѣкоторая память объ ученіи, состоявшемъ не изъ одной грамоты.

Срв. выше на стр. 543 настоящаго сборника, откуда видно, что основное чтеніе, принятое новѣйшимъ издателемъ Патерика, будеть не «граматикія», а «грамоты». О древне-русскомъ просвѣщеніи, помимо упомянутыхъ не разъ *Очерковъ по исторіи русской культуры* П. Н. Милюкова, см. также въ книгѣ А. Н. Пыпина *Исторія русской литературы*. Томъ I. Спб. 1898 главы II-ую и VII-ую (срв. стр. 75—76).

той единственной науки, которая имѣла составлять все наше просвѣщеніе. Отъ этихъ первыхъ учителей грамотности въ боярствѣ должны были пойти дальнѣйшіе учителя въ томъ же классѣ. Нѣтъ сомнѣнія, у дѣтей боярскихъ не было охоты посвящать себя званію учителей, такъ чтобы послѣдующіе учителя явились изъ нихъ самихъ. Но у учителей были свои собственные дѣти, которыхъ имъ естественно было готовить въ преемники себѣ и которымъ естественно было наслѣдовать ихъ ремесло или профессію. Такимъ образомъ, классъ учителей грамотности для боярства долженъ былъ возникнуть наслѣдственнымъ образомъ отъ учителей наукъ, приведенныхъ изъ Греціи. Съ теченіемъ времени, не ограничиваясь дѣтьми бояръ, они, конечно, начали принимать въ свои частныя, содержащія на домахъ, училища или въ свои какъ бы пансіоны и всѣхъ желающихъ, и такимъ образомъ ихъ училища грамотности стали училищами для всѣхъ.

Эти учителя грамотности, пошедшіе отъ приведенныхъ грековъ, были ея водворителями собственно въ Кіевѣ. Ея водворителями вездѣ и во всей Руси должны быть считаемы священники. Необходимо думать, что священники, тѣми или другими способами созданные правительствомъ по подобію того, какъ было въ Греціи, и вслѣдствіе ли прямыхъ предписаній правительства, или по своей доброй волѣ, учительство грамоты взяли на себя какъ одну изъ своихъ обязанностей и начали открывать школы грамотности у себя на домахъ по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ пробуждалась охота къ ученію грамотѣ. Затѣмъ на помощь священникамъ, положившимъ

первое начало грамотности, скоро или не скоро явились міряне. Отчасти, вѣроятно, потому, что для людей небогатыхъ учительство грамоты представляло ремесло выгодное, главнымъ же образомъ, вѣроятно, по побужденіямъ благочестія, изъ желанія посвятить себя такому богоугодному дѣлу, какъ ученіе грамотѣ, единственною цѣлю котораго въ древнее время было почитаніе божественныхъ книгъ; вслѣдъ за священниками явились міряне, которые также начали открывать у себя въ домахъ частныя училища грамотности. Эти частныя училища въ домахъ, содержимыя отчасти священниками и вообще членами церковныхъ причтовъ, отчасти мірянами, которые получили впослѣдствіи техническое названіе мастеровъ, и составляли наши училища грамотности въ періодъ домонгольскій, равно какъ и во все послѣдующее время старой Руси до Петра.

Одинъ памятникъ домонгольскаго періода представляетъ дѣло такимъ образомъ, что грамотность распространилась у насъ чрезвычайно быстро, что уже въ первую половину правленія Ярослава было по нѣскольку учителей для нея, даже въ самыхъ незначительныхъ городахъ Руси. Этотъ памятникъ есть житіе преподобнаго Феодосія печерскаго, написанное Несторомъ, который, говоритъ, что Феодосій учился грамотѣ у единого отъ учитель; годы ученія послѣдняго приблизительно должны падать на средину княженія Ярослава, а мѣстомъ его ученія былъ одинъ изъ незначительныхъ тогдашнихъ городовъ — Курскъ. Но это свидѣтельство Нестора, сохраняя всю свою силу въ отношеніи къ отсутствію въ это время казенныхъ училищъ, весьма со-

мнительно въ своемъ показаніи относительно слишкомъ большой распространенности частныхъ училищъ, уже въ указанное ранѣе время, ибо предполагать такой быстрой ходъ дѣла, чтобы уже къ концу первой половины правленія Ярослава грамотность успѣла распространиться вездѣ и стать вездѣ потребностью всѣхъ общественныхъ классовъ, такъ чтобы вездѣ явилось достаточное количество учителей, совсѣмъ невѣроятно. Стремленіе къ грамотности предполагаетъ возможность ея приложенія, именно — возможность читать церковныя учительныя книги. Но серьезныя заботы о распространеніи этихъ книгъ въ обществѣ, какъ мы знаемъ, были приложены именно только Ярославомъ. Вообще необходимо думать, что грамотность начала болѣе или менѣе распространяться вездѣ и между всѣми не ранѣе какъ къ концу правленія Ярослава, а что касается до свидѣтельства Нестора, то онъ, нѣтъ сомнѣнія, представляетъ время дѣтства Феодосія по своему собственному времени.

Если признать справедливымъ то положеніе, что стремленіе къ грамотности могло распространяться только параллельно съ распространеніемъ и умноженіемъ въ обществѣ четіихъ книгъ, — ибо безъ книгъ, конечно, трудно предполагать стремленіе къ грамотности, — то нужно будетъ думать, что дѣло шло не весьма быстро, потому что книги въ то время, могли распространяться только чрезвычайно медленно. Книги въ то время были такъ дороги, что ихъ могли приобрѣтать въ собственность только люди богатые; чужими четіими книгами могли пользоваться до нѣкоторой степени только жители городовъ, въ которыхъ сосредоточены были люди богатые; слѣдо-

вательно, по этой зависимости грамотности от книгъ, нужно думать, что въ періодъ домонгольскій она была болѣе или менѣе распространена, во-первыхъ, между людьми богатыми, во-вторыхъ, между горожанами. Что касается до жителей сель, то о нихъ нужно думать за періодъ домонгольскій такъ, что они оставались еще совершенно безграмотными, или что грамотность была между ними не болѣе какъ чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что и въ училищахъ грамотности въ періодъ домонгольскій могли нуждаться только города, но не села. Что касается до этихъ послѣднихъ, то въ нихъ могли быть по мѣстамъ училища грамотности отчасти на домахъ у священниковъ, отчасти у мірянъ, спеціальнымъ образомъ для тѣхъ, которые желали поступить въ священники.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

0

Digitized by Google

КОМИССИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНИЯ,

СОСТОЯЩАЯ ПРИ УЧЕБНОМЪ ОТДѢЛѢ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ТЕХНИЧЕСКИХЪ ЗНАНИЙ.

Москва, Большая Никитская, д. Рихтеръ, кв. № 3.

Правила для сношеній читателей съ Комиссіей.

1) Читатели могутъ пользоваться руководствомъ Комиссіи: а) обращаясь къ Комиссіи за разъясненіемъ встрѣтившихся при чтеніи недоразумѣній и вопросовъ; б) представляя Комиссіи краткіе отчеты о прочитанномъ въ формѣ конспектовъ или отвѣтовъ на провѣрочные вопросы, поставленные Комиссіей; в) представляя на просмотръ и оцѣнку Комиссіи болѣе или менѣе обширныя и самостоятельныя письменныя работы.

2) Желающіе пользоваться указаніями Комиссіи въ означенныхъ предѣлахъ уплачиваютъ: при занятіяхъ по программамъ систематическаго чтенія (науки математическія, физико-химическія, биологическія, философскія, общественно-юридическія, исторія и исторія литературы) — по 8 рубля за годичный курсъ по каждому изъ этихъ семи отдѣловъ; при занятіяхъ по этнографіи и по каждой изъ отдѣльныхъ темъ — по 1 руб. Читатели, выбирающіе какую-либо часть одного изъ перечисленныхъ семи отдѣловъ (например, химию, астрономію, педагогику, общую физиологію, русскую исторію, гражданское право и т. п.), платятъ какъ за руководство по отдѣльной темѣ (т. е. 1 р.).

Нормой времени для прохождения отдѣла принято 4 годичныхъ курса, при чемъ течение каждого годичнаго срока считается съ мѣсяца записи въ число читателей. Читателю, не успѣвшему къ сроку закончить прохожденіе назначенной на какой-либо годъ части курса и сообщившему въ концѣ годового срока Комиссіи о ходѣ своихъ занятій, срокъ можетъ быть продолженъ безъ новаго взноса.

Примечаніе. Лица, не могущія уплачивать означенныхъ взносовъ по недостатку средствъ, могутъ быть освобождаемы отъ платы за пользование руководствомъ Комиссіи, по представленіи объясненій о своемъ имущественномъ положеніи.

3) Комиссія обязуется давать отвѣты на запросы справочнаго характера въ теченіе двухъ недель со дня получения этихъ запросовъ. Для разбора письменныхъ работъ и сочиненій, присылаемыхъ читателями, и отвѣтовъ на вопросы научнаго характера полагается срокъ не болѣе 6 недель, смотря по степени ихъ сложности и по объему сочиненія. На каждый отвѣтъ должна быть прилагается почтовая марка; въ противномъ случаѣ Комиссія не беретъ на себя обязательства отвѣчать.

4) Для большей успѣшности руководства, занимающіеся приглашаются сообщать, кромѣ своего имени и адреса *), съ обозначеніемъ отдѣла или отдѣловъ, по которымъ они хотятъ заниматься: а) возрастъ, б) какое и гдѣ получили образованіе, в) знаніе или общественное положеніе, д) главное занятіе, е) знаніе ли иностранные языки и какіе.

5) Комиссія предлагаетъ лицамъ, занимающимся подъ ея руководствомъ, слѣдующія льготныя условія по приобрѣтенію книгъ черезъ ея посредство:

а) Комиссія принимаетъ на себя порученія по покупкѣ всѣхъ книгъ, указанныхъ въ Программахъ (какъ необходимыхъ, такъ и рекомендуемыхъ и справочныхъ) и находящихся въ продажѣ, съ уплатой *въ рассрочку*. При покупкѣ книгъ, отмѣченныхъ въ Программахъ звѣздочкой, нужно высылать при заказѣ не менѣе 30% ихъ стоимости, а при покупкѣ прочіихъ — не менѣе 80%. При этомъ читатели пользуются уступкой съ номинальной стоимости книгъ въ такомъ размѣрѣ, какой условленъ Комиссіей съ различными книгопродавцами (московскіе читатели пользуются уступкой не болѣе 10%).

б) Книги, отмѣченныя въ Программахъ звѣздочкой, читатели могутъ возвращать по минованіи надобности, получая обратно стоимость книгъ, за вычетомъ по 5% съ ихъ номинальной цѣны за каждый мѣсяцъ, въ теченіе котораго книга находилась у читателя; такимъ образомъ, книга, стоящая 1 рубль, по истеченіи мѣ-

*) Въ случаѣ перемены жительства жительства Комиссія проситъ немедленно сообщать новый адресъ.

сяца со дня получения ее читателем, принимается обратно за 95 коп., по истечении 2 мѣс.—за 90 коп. и т. д. По истечении 20 мѣсяцевъ книга обратно не принимается.

с) По желанію, книги могутъ быть высылаемы въ переплетѣхъ; стоимость переплетовъ 20 - 25 коп. При выпискѣ книгъ необходимо отмѣчать, какія должны быть въ переплетѣхъ. Обратно принимаются только переплетенныя книги.

Примечаніе 1: Течение сроковъ начинается съ 1-го и 15-го числа, слѣдующихъ за высылкой книгъ читателямъ. *Вся почтовая расходи по пересылкѣ книгъ должны быть оплачиваемы читателями.* Книги должны быть возвращаемы назадъ въ полной исправности и безъ помярокъ, съ указаніемъ фамиліи и адреса лица, которое возвращаетъ книги.

Примечаніе 2. Приобрѣтеніе книгъ черезъ посредство Комиссіи можетъ быть выгоднымъ лишь для тѣхъ лицъ, которыя желаютъ пользоваться руководствомъ Комиссіи и именно на этотъ предметъ назначаютъ свой трехрублевый взносъ. Лицамъ же, не имѣющимъ въ виду присылать въ Комиссію запросы и работы, Комиссія можетъ указать на рядъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ, изъявившихъ согласіе продавать и выдавать въ абонементъ указанныя въ Программѣ книги на льготныхъ условіяхъ.

6) Лица, записавшіяся на руководство Комиссіи, но въ продолженіе 20 мѣсяцевъ не давшія никакихъ свѣдѣній о ходѣ своихъ занятій, считаются выбывшими изъ числа читателей.

7) Въ промежутки отъ 15 мая до 15 сентября прекращаются письменныя сношенія Комиссіи съ читателями, касающіяся руководства занятиями, всякаго рода разъясненій, проверки письменныхъ отвѣтовъ и т. п. Прочія же сношенія (записи въ число читателей, высылка книгъ, полученіе ихъ отъ читателей обратно и т. п.) продолжаютъ *крутемый годъ.*

8) Въ настоящее время можно записываться на чтеніе по Программамъ какъ перваго, такъ и втораго и третьяго курсовъ; при подпискѣ необходимо указывать, на *какомъ курсѣ* по данному отдѣлу записывается читатель. На занятія по Программамъ втораго и третьяго курсовъ могутъ записываться какъ лица, прошедшія предшествующіе курсы, такъ и тѣ, кто до сихъ поръ подѣ руководствомъ Комиссіи не занимался.

Независимо отъ наложеннаго порядка содѣйствія со стороны Комиссіи по приобрѣтенію книгъ читателями, Комиссія въ настоящее время находитъ возможнымъ, для удобства и въ интересахъ занимающихся подѣ ея руководствомъ лицъ, составлять и высылать имъ тотъ или другой подборъ указанныхъ въ ея Программахъ книгъ на слѣдующихъ, временно установленныхъ, условіяхъ:

1) Книги выбираются или по усмотрѣнію Комиссіи, или по желанію занимающихся подѣ ея руководствомъ читателей. Въ послѣднемъ случаѣ Комиссія оставляетъ за собой право ограниченія такого выбора.

2) Книги отпускаются и обратно принимаются Комиссіей не иначе, какъ безъ помярокъ и переплетенными.

3) Книги высылаются по требованію не отдѣльнаго лица, а лишь группы лицъ, занимающихся (хотя бы и по различнымъ отдѣламъ) подѣ руководствомъ Комиссіи, которая всѣ сношенія съ означенной группой ведетъ черезъ одно лицо, входящее въ составъ группы и несущее всю отвѣтственность за группу въ ея обязанностихъ передъ Комиссіей.

4) Всѣ расходы по пересылкѣ книгъ означенная группа принимаетъ на себя.

5) Высылаемая Комиссіей книги считаются купленными поименно завыстными ей читателями, составляющими группу; при покупкѣ читатели уплачиваютъ 20% номинальной стоимости книгъ въ видѣ задатка.

6) Книги могутъ быть возвращены Комиссіи, которая обязывается въ этомъ случаѣ вернуть задатокъ, удержавъ изъ него лишь то, что причтется за книги испорченныя или невозвращенныя и, сверхъ того, за каждый мѣсяцъ пользования 2% отъ общей номинальной стоимости забранныхъ книгъ въ погашеніе расходовъ Комиссіи. Сумму, превышающую размѣръ задатка, лица, пользовавшіяся книгами, обязаны уплатить Комиссіи.

7) Удерживать книги разрѣшается не долѣе 6 мѣсяцевъ со дня ихъ полученія, при чемъ, однако, лица, желающія воспользоваться ими болѣе продолжительное время, могутъ ходатайствовать объ этомъ передъ Комиссіей. Въ противномъ случаѣ книги считаются окончательно купленными, и лица, удержавшія ихъ для себя, должны немедленно же, по истеченіи означенныхъ 6 мѣсяцевъ пользования ими, произвести окончательный расчетъ съ Комиссіей, при чемъ Комиссія дѣлаетъ съ номинальной стоимости книгъ ту скидку, каковая условлена съ книжными магазинами, доставляющими книги.

